ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ V.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Военной Типографіи Главнаго Штаба
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
1817 года.

Печатано

по *ВЫСОЧАЙШЕМУ* повелѣнію.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ V.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ V.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ ІОАННОВИЧЪ, прозваніемъ ДОНСКІЙ.

Г. 1363-1389.

Гнѣвъ Ханскій. Стѣсненіе Князей Удѣльныхъ. Договоръ. Усмиреніе Князя Нижегородскаго. Язва. Великій пожаръ. Каменный Кремль. Частныя побѣды надъ Моголами. Разбои Новогородской вольницы. Междоусобія Тверскихъ Князей. Запустѣніе Херсона. Нашествіе Литвы. Война съ Орденомъ. Сила Мамая. Вторичное нашествіе Ольгерда. Благоразуміе Михаила Тверскаго. Любовь народная къ Димитрію. Знаменія. Возвращеніе Вел. Князя изъ Орды. Война съ Олегомъ. Новое впаденіе Литвы. Междоусобіе. Третіе нашествіе Ольгерда. Избіеніе Татаръ въ Нижнемъ. Послѣдній Тысячскій въ Москвѣ. Война съ Тверскимъ Княземъ. Первая смертная казнь въ Москвѣ. Походъ въ Болгарію. Начало Казани. Нашествіе Моголовъ. Пословица. Побѣда надъ Моголами. Успѣхи въ войнѣ съ Литвою. Дѣла церковныя. Нашествіе Мамаево. Измѣна Олегова. Славная битва Куликовская. Тамерланъ. Нашествіе Тохтамыша. Мужественный Князь Остей. Приступъ къ столицѣ. Вѣроломство Тохтамыша. Взятіе и разрушеніе Москвы. Скорбь Димитрія. Изгнаніе Олега. Возстановленіе Москвы. Изгнаніе Митрополита. Ненависть Князя Тверскаго къ Димитрію. Сынъ Димитріевъ въ Ордѣ. Тяжкая дань. Миръ съ Олегомъ. Ссора и миръ

съ Новымгородомъ. Крещеніе Литвы. Жестокость Князя Смоленскаго. Бѣгство сына Димитріева изъ Орды. Смерть Князя Нижегородскаго. Вражда между Вел. Княземъ и Владиміромъ. Ихъ примиреніе. Новый порядокъ наслѣдства. Кончина Вел. Князя. Свойства Димитріевы. Строеніе городовъ и монастырей. Дѣла церковныя. Ересь Стригольниковъ. Крещеніе Перми. Сношенія съ Греціею. Путешествіе Пимена. Италіанцы въ нашей службѣ. Деньги вмѣсто кунъ. Огнестрѣльное искусство въ Россіи. Кометы. Зима до 20 Апрѣля.

Г. 1363. Калита и Симеонъ готовили свободу нашу болѣе умомъ, нежели силою: настало время обнажить мечь. Увидимъ битвы кровопролитныя, горестныя для человѣчества, но благословенныя Геніемъ Россіи: ибо громъ ихъ пробудилъ ея спящую славу, и народу уничиженному возвратилъ благородство духа. Сіе важное дѣло не могло совершиться вдругъ и съ непрерывными успѣхами: Судьба испытываетъ людей и Государства многими неудачами на пути къ великой цѣли, и мы заслуживаемъ счастіе мужественною твердостію въ противностяхъ онаго.

Димитрій Іоанновичь, удостоенный Великокняжескаго сана Мурутомъ, желая господствовать безопаснѣе, искалъ благосклонности и въ другомъ Царѣ, Авдулѣ, сильномъ Мамаевою Ордою: Посолъ сего Хана явился съ милостивою грамотою, и Димитрій долженствовалъ вторично ѣхать въ Владиміръ, чтобы принять оную согласно съ древними

обрядами. Хитрость безполезная: угождая обоимъ Ханамъ, Великій Князь оскорблялъ того и другаго; по крайней мѣрѣ утратилъ милость Сарайскаго, и возвратясь въ Москву, свѣдалъ, что Димитрій Константиновичь опять занялъ Владиміръ: ибо Муругъ прислалъ ему съ сыномъ бывшаго Владѣтеля Бѣлозерскаго, Іоанномъ Ѳеодоровичемъ, и съ тридцатью слугами Ханскими ярлыкъ на Великое Княженіе (1). Но гнѣвъ Царскій уже не казался гнѣвомъ Небеснымъ: юный внукъ Калитинъ осмѣлился презрѣть оный, выступилъ съ полками, чрезъ недѣлю изгналъ Димитрія Константиновича изъ Владиміра, осадилъ его въ Суздалѣ, и въ доказательство великодушія позволилъ ему тамъ властвовать какъ своему присяжнику.

Гнѣвъ Ханскій.

Мысль Великаго Князя или умныхъ Бояръ его, мало по малу искоренить систему Удѣловъ, оказалась ясно: онъ выслалъ Князей Стародубскаго и Галицкаго изъ ихъ наслѣдственныхъ городовъ, обязавъ Константина Ростовскаго быть въ точной и совершенной зависимости отъ Главы Россіи (2). Изумленные рѣшительною волею отрока господствовать единодержавно, вопреки обыкновенію древнему и закону отцевъ ихъ, они жаловались, но повиновались: первые отъѣхали къ Князю Андрею Нижегородскому, а Константинъ въ Устюгъ.

Стѣсненіе Князей Удѣльныхъ.

Г. 1364.

Въ сіе время Димитрій Іоанновичь лишился брата и матери. Тогда онъ съ двоюрод-

г. 1364. ным братомъ своимъ, Владиміромъ Андреевичемъ, заключилъ договоръ, выгодный для обоихъ (3). Митрополитъ Алексій былъ свидѣтелемъ и держалъ въ рукахъ святый крестъ: юные Князья, окруженные Боярами, приложились къ оному, давъ клятву вѣрно исполнять условія, которыя состояли въ слѣдующемъ: ,,Мы клянемся жить подобно нашимъ ,,родителямъ: мнѣ, Князю Владиміру, уважать ,,тебя, Великаго Князя, какъ отца, и повиноваться твоей верховной власти; а мнѣ, ,,Димитрію, не обижать тебя и любить, ,,какъ меньшаго брата. Каждый изъ насъ да ,,владѣетъ своею отчиною безспорно: я, ,,Димитрій, частію моего родителя и Симеоновою; ты Удѣломъ своего отца. Пріятели и враги да будутъ у насъ общіе. ,,Узна́емъ ли какое злоумышленіе? объявимъ ,,его немедленно другъ другу. Бояре наши ,,могутъ свободно переходить, мои къ тебѣ, ,,твои ко мнѣ, возвративъ жалованье, имъ ,,данное. Ни мнѣ въ твоемъ, ни тебѣ въ ,,моихъ Удѣлахъ не покупать селъ, не брать ,,людей въ кабалу, не судить и не требовать ,,дани. Но я, Владиміръ, обязанъ доставлять ,,тебѣ, Великому Князю, съ Удѣла моего ,,извѣстную дань Ханскую. Сборы въ волостяхъ Княгини Іуліаніи принадлежатъ намъ ,,обоимъ. Людей черныхъ, записанныхъ въ ,,Сотни, мы не должны принимать къ себѣ ,,въ службу, ни свободныхъ земледѣльцевъ, ,,мнѣ и тебѣ вообще подвѣдомыхъ. Выход-

Договоръ.

,,цамъ Ординскимъ отправлять свою служ-
,,бу, какъ въ старину бывало" (симъ именемъ означались Тапары, коимъ наши Князья дозволяли селиться въ Россійскихъ городахъ). ,,Если буду чего искать на твоемъ Бояринѣ ,,или ты на моемъ, то судить его моему и ,,твоему чиновнику вмѣстѣ; а въ случаѣ не- ,,согласія между ими рѣшить тяжбу судомъ ,,Третейскимъ. Ты, меньшій брать, участ- ,,вуй въ моихъ походахъ воинскихъ, имѣя ,,подъ Княжескими знаменами всѣхъ Бояръ и ,,слугъ своихъ: за что во время службы твоей ,,будешь получать отъ меня жалованье." — Отнимая Удѣлы свойственниковъ дальнихъ, Великій Князь не хотѣлъ поступить такъ съ ближнимъ, и Княженіе Московское оставалось еще раздробленнымъ.

Между тѣмъ въ Сараѣ одинъ Ханъ смѣнялъ другаго: преемникъ Мурутовъ, Азисъ, думалъ также низвергнуть Калитина внука, и Димитрій Константиновичь снова получилъ Ханскую грамоту на Великое Княженіе, привезенную къ нему изъ Орды весною сыномъ его, Василіемъ, и Татарскимъ Вельможею Урусмандомъ; но сей Князь, видя слабость свою, далъ знать Димитрію Московскому, что онъ предпочитаетъ его дружбу милости Азиса, и навѣки отказывается отъ достоинства Великокняжескаго. Умѣренность, вынужденная обстоятельствами, не есть добродѣтель; однакожъ Димитрій Іоан- г. 1365.
новичь изъявилъ ему за то благодарность.

Андрей Константиновичъ преставился въ Нижнемъ (4). Князь Суздальскій желалъ наслѣдовать сію область: меньшій ихъ братъ, Борисъ, предупредилъ его и занялъ оную. Тогда Димитрій Константиновичъ прибѣгнулъ къ Великому Князю. Древнее обыкновеніе употреблять людей духовныхъ въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ еще не перемѣнилось: Св. Сергій, Игуменъ пустынной Троицкой Обители, былъ вызванъ изъ глубины лѣсовъ и посланъ объявить Князю Нижегородскому, чтобы онъ ѣхалъ судиться съ братомъ къ Димитрію Іоанновичу. Борисъ, утвержденный между тѣмъ на престолѣ Ханскою грамотою, отвѣтствовалъ, что Князей судитъ Богъ. Исполняя данное ему отъ Митрополита повелѣніе, Сергій затворилъ всѣ церкви въ Нижнемъ; но и сія духовная казнь не имѣла дѣйствія. Надлежало привести въ движеніе сильную рать Московскую: Димитрій Суздальскій предводительствовалъ ею. Тогда Борисъ увидѣлъ необходимость повиноваться: выѣхалъ на встрѣчу къ брату, уступилъ ему Нижній и согласился взять одинъ Городецъ; а Великій Князь, благодѣяніемъ привязавъ къ себѣ Димитрія Константиновича, женился послѣ на его дочери, Евдокіи: свадьбу праздновали въ Коломнѣ со всѣми пышными обрядами тогдашняго времени.

Усмиреніе Князя Нижегородскаго.

Г. 1365-1367.

Сіе происшествіе случилось въ годъ ужасный для Москвы. Язва, описанная нами въ

Язва.

княженіе Симеоново, вторично посѣтила Россію. Во Псковѣ она возобновилась чрезъ 8 лѣтъ (и Князь Изборскій, Евстафій, съ двумя сыновьями былъ ея жертвою); а въ 1364 году купцы и путешественники завезли оную изъ Бездежа въ Нижній Новгородъ, въ Коломну, въ Переславль, гдѣ умирало въ день отъ 20 до 100 человѣкъ [5]. Лѣтописцы говорятъ о свойствѣ и признакахъ болѣзни такимъ образомъ: „Вдругъ ударитъ какъ ножемъ въ сердце, въ лопатку, или между плечами; огонь пылаетъ внутри; кровь течетъ горломъ; выступаетъ сильный потъ и начинается дрожь. У другихъ дѣлаются железы, на шеѣ, бедрѣ, подъ скулою, пазухою, или за лопаткою. Слѣдствіе одно: смерть неизбѣжная, скорая, но мучительная. Не успѣвали хоронить тѣлъ; едва десять здоровыхъ приходилось на сто больныхъ; несчастные издыхали безъ всякой помощи. Въ одну могилу зарывали семь, восемь и болѣе труповъ. Многіе домы совсѣмъ опустѣли; въ иныхъ осталось по одному младенцу.“ Въ 1365 году зараза открылась въ Ростовѣ, Твери, Торжкѣ: въ первомъ городѣ скончались въ одно время Князь Константинъ Васильевичь, его супруга, Епископъ Петръ; а во второмъ вдовствующая Княгиня Александра Михайловича съ тремя сыновьями, Всеволодомъ Холмскимъ, Андреемъ, Владиміромъ, — ихъ жены, также супруга и сынъ Константина Михайловича,

г. 1365 — 1367.

Г. 1365 — 1367. Симеонъ, множество Вельможъ и купцевъ. Въ 1366 году и Москва испытала то же бѣдствіе. Сія жестокая язва нѣсколько разъ проходила и возвращалась. Въ Смоленскѣ она свирѣпствовала три раза: наконецъ (въ 1387 году) осталось въ немъ только пять человѣкъ, которые, по словамъ лѣтописи, вышли и затворили городъ, наполненный трупами.

Москва не за-долго до язвы претерпѣла и другое несчастіе: пожаръ, какого еще не бывало, и который слыветъ въ лѣтописяхъ *великимъ пожаромъ Всесвятскимъ*, ибо начался церковію Всѣхъ Святыхъ (6). Сей городъ раздѣлялся тогда на *Кремль*, *Посадъ*, *Загородье* и *Зарѣчье*: въ два часа или менѣе огонь, развѣваемый ужасною бурею, истребилъ ихъ совершенно. Многіе Бояре и купцы не спасли ничего изъ своего имѣнія. — Видя, сколь деревянныя укрѣпленія ненадежны, Великій Князь въ общемъ совѣтѣ съ братомъ, Владиміромъ Андреевичемъ, и съ Боярами рѣшился построить *каменный Кремль*, и заложилъ его весною въ 1367 году. Надлежало, не упуская времени, брать мѣры для безопасности отечества и столицы, когда Россія уже явно дѣйствовала противъ своихъ тирановъ: могли ли они добровольно отказаться отъ господства надъ нею и простить ей великодушную смѣлость? Мурза Ординскій, Тагай, властвуя въ землѣ Мордовской или въ окрестностяхъ Наровчата, выжегъ нынѣшнюю Рязань: Олегъ соединился

Великій пожаръ.

Каменный Кремль.

съ Владиміромъ Димитріевичемъ Пронскимъ и съ Княземъ Титомъ Козельскимъ (однимъ изъ потомковъ Св. Михаила Черниговскаго), настигъ и разбилъ Тагая въ сраженіи кровопролитномъ. Столь же счастливо Димитрій Нижегородскій съ братомъ своимъ, Борисомъ, наказалъ другаго сильнаго Могольскаго хищника, Булатъ-Темира. Сей Мурза, овладѣвъ теченіемъ Волги, разорилъ Борисовы села въ ея окрестностяхъ, но бѣжалъ отъ нашихъ Князей за рѣку Пьяну; многіе Татары утонули въ ней или были истреблены Россіянами; а самъ Булатъ-Темиръ ушелъ въ Орду, гдѣ Ханъ Азисъ велѣлъ его умертвить (7). — Сіи ратныя дѣйствія предвѣщали важнѣйшія.

Частныя побѣды надъ Моголами.

г. 1367.

Великій Князь, готовясь къ рѣшительной борьбѣ съ Ордою многоглавою, старался утвердить порядокъ внутри отечества. Своевольство Новогородцевъ возбудило его негодованіе: многіе изъ нихъ, подъ названіемъ охотниковъ, составляли тогда цѣлые полки, и, безъ всякаго сношенія съ Правительствомъ, ѣздили на добычу въ мѣста отдаленныя. Такъ они (въ 1364 году) ходили по рѣкѣ Оби до самаго моря съ молодымъ Вождемъ Александромъ Обакуновичемъ и сражались не только съ иноплеменными Сибирскими народами, но и съ своими Двинянами. Сей же Александръ и другіе смѣльчаки отправились внизъ по Волгѣ на 150 лодкахъ (8); умертвили въ Нижнемъ великое число Татаръ, Армянъ, Хивинцевъ, Бухарцевъ; взяли

Разбои Новогородской вольницы.

Г. 1367. ихъ имѣніе, женъ, дѣтей; вошли въ Каму, ограбили многія селенія въ Болгаріи и возвратились въ отчизну, хвалясь успѣхомъ и добычею. Узнавъ о томъ, Великій Князь объявилъ гнѣвъ Новогородцамъ; велѣлъ захватить ихъ чиновника въ Вологдѣ, ѣхавшаго изъ Двинской области, и сказать имъ, что они поступаютъ какъ разбойники, и что купцы иноземные находятся въ Россіи подъ защитою Государя. Правительство, извиняясь невѣдѣніемъ, нашло способъ умилостивить Димитрія.

Междоусобія Тверскихъ Князей.

Самая язва не прекратила междоусобія Тверскихъ Князей. Василій Михайловичь Кашинскій, долговременный непріятель Всеволода Холмскаго, ссорился и съ братомъ его, Михаиломъ Александровичемъ (княжившимъ прежде въ Микулинѣ) за область умершаго Симеона Константиновича. Дядя хотѣлъ быть Главою Княженія; а племянникъ доказывалъ, что онъ, будучи сыномъ брата старшаго, есть наслѣдникъ его правъ и властелинъ всѣхъ частныхъ Удѣловъ (9). Они хотѣли рѣшить тяжбу судомъ духовнымъ: уполномоченный для того Митрополитомъ, Тверскій Епископъ обвинилъ дядю, но долженствовалъ самъ ѣхать въ Москву для отвѣта: ибо Василій и братъ Симеоновъ, Іеремій Константиновичь, жаловались на его несправедливость Святому Алексію. Сіе дѣло казалось неважнымъ: открылись слѣдствія несчастныя для Твери и Москвы. Юноша

Михаилъ имѣлъ достоинства, властолюбіе г. 1367.
и сильнаго покровителя въ знаменитомъ Ольгердѣ Литовскомъ, женатомъ на его сестрѣ. Зная, что Великій Князь и Митрополитъ держатъ сторону Василіеву — зная также намѣреніе перваго господствовать самодержавно надъ всею Россіею — Михаилъ уѣхалъ въ Литву. Пользуясь его отсутствіемъ, Василій и Іеремій гнали усердныхъ къ нему Бояръ, и предводительствуя данною имъ отъ Димитрія Московскою ратію, опустошили Михаилову область, въ надеждѣ, что онъ не дерзнетъ возвратиться. Но Михаилъ спѣшилъ отмстить дядѣ и брату, ведя съ собою войско Литовское; взялъ Тверь, плѣнилъ свою тетку, и думалъ осадить Кашинъ, гдѣ заключился Василій; однакожъ Епископъ примирилъ ихъ, съ условіемъ, что дядя уступитъ старѣйшинство племяннику, и будетъ довольствоваться областію Кашинскою.

Князь Московскій участвовалъ въ семъ мирѣ и подтвердилъ его. Но прозорливые совѣтники Димитріевы, боясь замысловъ Михаила—который назвался *Великимъ Княземъ Тверскимъ* (10), и хотѣлъ возстановить независимость своей области—употребили хитрость: ими, какъ вѣроятно, наученный, Іеремій Константиновичъ пріѣхалъ къ Димитрію съ новыми жалобами, требуя, чтобы онъ взялъ на себя распорядить Удѣлы въ Твери. Михаила позвали въ Москву друже-

любно и ласково: самъ Св. Алексій обнадеживалъ его въ безопасности, увѣряя, что судъ Великаго Князя навсегда утвердитъ тишину въ Тверскихъ владѣніяхъ. Слово Митрополита и святость гостепріимства не дозволяли страшиться обмана. Михаилъ желалъ видѣть столицу Димитрія (уже славную тогда въ Россіи), узнать его лично, бесѣдовать съ благоразумными Вельможами Московскими: онъ въѣхалъ гостемъ, но сдѣлался невольникомъ.
г. 1368. Нарядили Третейскій судъ; хотѣли предписывать законы Михаилу; удалили отъ него Бояръ Тверскихъ, и содержали ихъ какъ плѣнниковъ въ разныхъ домахъ съ Княземъ. Обманъ недостойный Правителей мудрыхъ! и виновники не воспользовались онымъ. Лѣтописцы говорятъ, что прибытіе Ханскаго Вельможи, Карача, заставило совѣтниковъ Димитріевыхъ освободить утѣсненнаго Князя: сей Мурза, какъ вѣроятно, вступился за него; вѣроятно и то, что Св. Алексій, невольно вовлеченный въ дѣло противное совѣсти, удержалъ ихъ отъ дальнѣйшаго насилія. Михаилъ спѣшилъ удалиться, громогласно обвиняя Димитрія и Митрополита, хотя они клятвою обязали его быть довольнымъ и не жаловаться! Онъ уступилъ, безъ сомнѣнія также невольно, Городокъ или область Симеона Константиновича, Князю Іеремію, съ коимъ отправился туда чиновникъ Московскій.

Надлежало довершить оружіемъ, что начали коварствомъ. Василій Кашенскій умеръ (11). Великій Князь, какъ бы желая только защитить сына его, Михаила, отъ притѣсненій, послалъ войско въ Тверь; а Михаилъ Александровичь ушелъ къ Ольгерду. Сей Литовскій Государь, болѣе двадцати лѣтъ воюя непрестанно съ Нѣмецкимъ Орденомъ, съ Поляками, Россіянами, купилъ славу Героя кровію безчисленнаго множества людей и пепломъ городовъ; равнодушно смотрѣлъ на изнуреніе своихъ подданныхъ, и бодрый въ лѣтахъ старости, все еще искалъ новыхъ пріобрѣтеній. Въ 1363 году онъ ходилъ съ войскомъ къ Синимъ Водамъ, или въ Подолію, и къ устью Днѣпра, гдѣ кочевали три Орды Могольскія (12); разбивъ ихъ, гнался за ними до самой Тавриды; опустошилъ Херсонъ, умертвилъ большую часть его жителей, и похитилъ церковныя сокровища: съ того времени, какъ вѣроятно, опустѣлъ сей древній городъ, и Татары Заднѣпровскіе находились въ нѣкоторой зависимости отъ Литвы. Походъ къ берегамъ Чернаго моря не препятствовалъ Ольгерду безпокоить Россію: Военачальники его взяли Ржевъ, а сынъ, Андрей Полоцкій, (въ 1368 году) старался овладѣть другими пограничными мѣстами нашими. Россіяне также дѣйствовали наступательно, и юный Князь Владиміръ Андреевичь ознаменовалъ свое мужество счастливымъ успѣхомъ, изгнавъ Литву изъ

Г. 1368.

Запустѣніе Херсона.

г. 1368. города Ржева. Въ сихъ обстоятельствахъ Ольгердъ долженъ былъ ревностно вступиться за шурина, который предлагалъ ему итти прямо къ Москвѣ и смирить дерзкаго юношу, уже столь рѣшительнаго въ замыслахъ самовластія. Собравъ многочисленные полки, онъ выступилъ къ предѣламъ Россіи съ братомъ Кестутіемъ, также посѣдѣвшимъ въ битвахъ, и съ сыномъ его, отрокомъ Витовтомъ, будущимъ Героемъ, грознымъ для всѣхъ народовъ сосѣдственныхъ. Лѣтописцы расказываютъ, что Кестутій, возвращаясь однажды съ войскомъ изъ Пруссіи, увидѣлъ въ Полонгѣ красавицу, именемъ Бирутту, и влюбился въ нее: давъ идоламъ своимъ обѣтъ вѣчно сохранить дѣвство и за то слывя богинею въ народѣ, она не хотѣла быть женою храбраго Князя; но Кестутій насильно сочетался съ нею бракомъ. Отъ сей Бирутты родился знаменитый Витовтъ.

Нашествіе Литвы.

Князь Смоленскій, добровольно или принужденно, соединилъ дружину свою съ полками Литовскими, которые шли, не зная, куда: ибо Ольгердъ умѣлъ хранить тайну въ важныхъ предпріятіяхъ, чтобы нападать внезапно, и любилъ побѣждать хитростію еще болѣе, нежели силою [13]. Онъ былъ окруженъ Россіянами и купцами иноземными; но цѣль его похода оставалась неизвѣстною въ Москвѣ до самаго того времени, какъ сей завоеватель приближился къ нашимъ границамъ. Изумленный Великій Князь отправилъ

тонцевъ во всѣ области для собранія войска, и желая остановить стремленіе непріятеля, велѣлъ Боярину, Димитрію Минину, итти впередъ съ одними полками Московскими, Коломенскими и Дмитровскими. Вторымъ начальникомъ былъ Воевода Князя Владиміра Андреевича, именемъ Іакинѳъ Шуба. Уже Ольгердъ какъ левъ свирѣпствовалъ въ Россійскихъ владѣніяхъ: не уступая Моголамъ въ жестокости, хваталъ безоружныхъ въ плѣнъ, жегъ города; убилъ Князя Стародубскаго, Симеона Димитріевича Крапиву, а въ Оболенскѣ Князя Константина Юрьевича, происшедшаго отъ Св. Михаила Черниговскаго (14), и близъ Тростенскаго озера ударилъ всѣми силами на Воеводу Минина. Многіе наши Князья, Бояре легли на мѣстѣ, и полки Московскіе были истреблены совершенно. Ольгердъ, истязая плѣнниковъ, спрашивалъ: гдѣ Великій Князь? и есть ли у него войско? Всѣ отвѣтствовали единогласно, что Димитрій въ столицѣ и еще не успѣлъ соединить силъ своихъ. Побѣдитель спѣшилъ къ Москвѣ, гдѣ Великій Князь съ братомъ, Владиміромъ Андреевичемъ, съ Митрополитомъ Алексіемъ, со всѣми знаменитѣйшими людьми затворился въ Кремлѣ, велѣвъ обратить въ пепелъ окрестныя зданія (15). Три дни Ольгердъ стоялъ подъ стѣнами, грабилъ церкви, монастыри, не приступая къ городу: каменныя стѣны и башни устрашали его; а зимніе морозы не позволяли ему заняться трудною оса-

Г. 1368.

Ноября 21.

Г. 1368. дою. Довольный корыстію и множествомъ плѣнниковъ, онъ удалился, гоня передъ собою стада и табуны, отнятые у земледѣльцевъ и городскихъ жителей; вышелъ изъ Россіи, и хвалился тѣмъ, что она долго не забудетъ сдѣланныхъ имъ въ ней опустошеній. Въ самомъ дѣлѣ Великое Княжество не видало подобныхъ ужасовъ въ теченіе сорока лѣтъ, или со времянъ Калиты, и свѣдало, что не одни Татары могутъ разрушать Государства.

Какъ скоро сія буря миновалась, Великій Князь отправилъ брата, Владиміра Андреевича, защитить Псковитянъ отъ Нѣмцевъ.

Война съ Орденомъ.

Оскорбленные убіеніемъ нѣкоторыхъ Россіянъ на границахъ Ливоніи въ мирное время, Псковитяне (въ 1362 году) остановили у себя гостей Нѣмецкихъ, а жители Дерпта Новогородскихъ [16]. Были съѣзды и переговоры. Новгородъ посылалъ Бояръ своихъ въ Дерптъ: наконецъ съ обѣихъ сторонъ задержаннымъ купцамъ дали свободу; однакожь Псковитяне взяли съ Нѣмцевъ не мало серебра за ихъ вѣроломство, и не могли долго ужиться съ ними въ мірѣ. Открылась новая ссора за границы: Посолъ отъ Великаго Князя ѣздилъ въ Дерптъ, и не успѣлъ ни въ чемъ. Въ слѣдъ за нимъ явилось войско Нѣмецкое, предводимое Магистромъ Вильгельмомъ Фреймерзеномъ, Архіепископомъ Фромгольдомъ и многими Коммандорами; выжгло окрестности Пскова, стояло сутки подъ его стѣнами и

ночью ушло. „Къ несчастію" (говоритъ тамошній Лѣтописецъ) „Князь Александръ „и главные чиновники наши были въ разъѣз„дѣ по селамъ, а мы ссорились съ Новымго„родомъ." Прибытіе Князя Владиміра Андреевича возстановило согласіе между ими; съ того времени Новогородцы дѣйствовали за-одно съ своими братьями, Псковитянами: принудили Нѣмцевъ бѣжать отъ Изборска и вторично отъ Пскова; но сами тщетно осаждали Нейгаузенъ, и (въ 1371 году) заключили съ Орденомъ миръ. Г. 1369.

Потрясенная нашествіемъ Литвы Москва имѣла нужду въ отдохновеніи: Великій Князь возвратилъ Михаилу спорную область Симеона Константиновича; но не замедлилъ снова объявить ему войну, и принудилъ его вторично бѣжать въ Литву; взявъ Зубцевъ, Микулинъ, плѣнилъ множество людей, чтобы ослабить Державу опаснаго противника. Раздраженный бѣдствіемъ своего невиннаго народа, Михаилъ вздумалъ свергнуть Димитрія посредствомъ Татаръ (17). Уже Мамай силою или хитростію соединилъ такъ называемую *Золотую* или Сарайскую Орду, гдѣ царствовалъ Азисъ, и свою Волжскую; объявилъ Ханомъ Мамантъ-Салтана и господствовалъ подъ его именемъ. Вѣроятно, что онъ былъ недоволенъ Димитріемъ, или, находясь въ дружелюбномъ сношеніи съ Ольгердомъ, хотѣлъ угодить ему; по крайней мѣрѣ, выслушавъ благосклонно Михаила, далъ ему грамоту на

Г. 1370 — 1371.

Сила Мамая.

Г. 1370 — 1371. санъ Великаго Князя: Посолъ Ханскій долженствовалъ ѣхать съ нимъ въ Владиміръ. Но времена безмолвнаго повиновенія миновались: конные отряды Московскіе спѣшили занять всѣ пути, чтобы схватить Тверскаго Князя, и Михаилъ, ими гонимый изъ мѣста въ мѣсто, едва могъ пробраться въ Вильну.

Одержавъ побѣду надъ Крестоносцами Нѣмецкими, сѣдый Ольгердъ наслаждался или скучалъ тогда миромъ. Жена его, сестра Михаилова, усердно ходатайствовала за брата; а Димитрій сдѣлалъ Литвѣ новую, чувствительную досаду, посылавъ Воеводъ Московскихъ осаждать Брянскъ и тревожить владѣнія союзника ея, Князя Смоленскаго [18]. Ольгердъ рѣшился вторично итти къ Москвѣ, какъ скоро болота и рѣки замерзли отъ перваго холода зимняго. Нѣсколько тысячь земледѣльцевъ шли впереди, прокладывая прямыя дороги. Войско не останавливалось почти ни днемъ, ни ночью; не смѣло ни грабить, ни жечь селеній, чтобы не тратить времени, и въ исходѣ Ноября приступило къ Волоку Ламскому, гдѣ начальствовалъ храбрый, опытный мужъ, Василій Ивановичь Березуйскій, одинъ изъ Князей Смоленскихъ, вѣрный слуга Димитріевъ. Три дни бились подъ стѣнами, и рать многочисленная не могла одолѣть упорства осажденныхъ, такъ, что Ольгердъ, потерявъ терпѣніе, съ досадою удалился отъ ничтожной деревянной крѣпо-

Вторичное нашествіе Ольгерда.

сти: ибо время казалось ему дорого. Но Россіяне оплакивали своего знаменитаго начальника: непріятельскій воинъ скрылся во рву, и видя Князя Березуйскаго стоящаго передъ городскими воротами, ударилъ его сквозь мостъ копіемъ. Сей вѣрный сынъ отечества, довольный спасеніемъ города, посвятилъ Небу послѣднія минуты жизни: онъ скончался Монахомъ. г. 1370-1371.

6 Декабря Ольгердъ и правая рука его, мужественный Кестутій, расположились станомъ близъ Москвы; съ ними былъ и Князь Смоленскій Святославъ. Они 8 дней разоряли окрестности, сожгли Загородье, часть Посада, и вторично не дерзнули приступить къ Кремлю, гдѣ самъ Димитрій начальствовалъ: Митрополитъ Алексій находился тогда въ Нижнемъ Новѣгородѣ, къ сожалѣнію народа, всегда ободряемаго въ опасностяхъ присутствіемъ Святителя. Но Великій Князь и Бояре, предвидя слѣдствіе взятыхъ имъ мѣръ, спокойно ожидали онаго. Братъ Димитріевъ, Владиміръ Андреевичь, стоялъ въ Перемышлѣ съ сильными полками, готовый ударить на Литовцевъ съ тылу; а Князь Владиміръ Димитріевичь Пронскій велъ къ Москвѣ Рязанское войско. Ольгердъ устрашился, и требовалъ мира; увѣрялъ, что не любя кровопролитія, желаетъ быть *вѣчно* нашимъ другомъ, и въ залогъ искренности вызвался отдать дочь свою, Елену, за Князя Владиміра Андреевича. Великій Князь охотно за-

ключилъ съ нимъ *перемиріе* до Іюля мѣсяца (19). Не смотря на то, сей коварный старецъ шелъ назадъ съ величайшею осторожностію, боясь тайныхъ засадъ и погони: столь мало вѣрилъ онъ святости государственныхъ договоровъ и чести народа, имѣвшаго причину ненавидѣть его, какъ жестокаго злодѣя Россіи!

Не только страхъ быть окруженнымъ полками Россійскими, но и другія обстоятельства вселяли въ Ольгерда сіе нетерпѣливое желаніе мира: а именно, новые непріятельскіе замыслы Нѣмецкаго Ордена, о коихъ слегка упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ, и самая необыкновенная зима тогдашняя, которая наступила весьма рано и не дала земледѣльцамъ убрать хлѣба; въ Декабрѣ и Генварѣ было удивительное тепло: въ началѣ же Февраля поля открылись совершенно и крестьяне сжали хлѣбъ, осенью засыпанный снѣгомъ. Сія оттепель, испорченныя дороги, разлитіе рѣкъ и трудность доставать съѣстные припасы могли имѣть гибельныя слѣдствія для войска въ землѣ непріятельской. — Однимъ словомъ, Ольгердъ, думая только о себѣ, забылъ пользу своего шурина и не включилъ его въ договоръ мирный.

Оставленный зятемъ, Михаилъ вторично
Г. 1371. обратился къ Мамаю и выѣхалъ изъ Орды съ новымъ ярлыкомъ на Великое Княженіе Владимірское. Ханъ предлагалъ ему даже вой-

ско; но сей Князь не хотѣлъ онаго, боясь подвергнуть Россію бѣдствіямъ опустошенія и заслужить справедливую ненависть народа: онъ взялъ только Ханскаго Посла, именемъ Сарыхожу, съ собою [20]. Узнавъ о томъ, Димитрій во всѣхъ городахъ Великаго Княжества обязалъ Бояръ и чернь клятвою быть ему вѣрными, и вступилъ съ войскомъ въ Переславль Залѣскій. Тщетно врагъ его надѣялся преклонить къ себѣ гражданъ Владимірскихъ; они единодушно сказали ему: „у насъ есть Государь законный; инаго не „вѣдаемъ." Тщетно Сарыхожа звалъ Димитрія въ Владиміръ слушать грамоту Хана: Великій Князь отвѣтствовалъ: „къ ярлыку не „ѣду, Михаила въ столицу не впускаю, а тебѣ, Послу, даю путь свободный." Наконецъ сей Вельможа Татарскій, вручивъ ярлыкъ Михаилу, уѣхалъ въ Москву, гдѣ, осыпанный дарами и честію, пируя съ Князьями, съ Боярами, славилъ Димитріево благоправіе. Михаилъ же, видя свое безсиліе, возвратился съ Мологи въ Тверь и разорилъ часть сосѣдственныхъ областей Великокняжескихъ.

Г. 1371. Благоразуміе Михаила Тверскаго.

Между тѣмъ грамота Ханская оставалась еще въ его рукахъ: сильный Мамай не могъ простить Димитрію двукратное ослушаніе, имѣя тогда войско готовое ко впаденію въ Россію, къ убійствамъ и грабежу. Великій Князь долго совѣтовался съ Боярами и съ Митрополитомъ; надлежало или немедленно возстать на

Г. 1371. Татаръ, или прибѣгнуть къ старинному униженію, къ дарамъ и лести. Успѣхъ великодушной смѣлости казался еще сомнительнымъ: избрали второе средство, и Димитрій — безъ сомнѣнія зная расположеніе Мамаево — рѣшился ѣхать въ Орду, утвержденный въ семъ намѣреніи Моголомъ Сарыхожею, который взялся предупредить Хана въ его пользу.

Любовь народная къ Димитрію. Народъ ужаснулся, воображая, что сей юный, любимый Государь будетъ имѣть въ Ордѣ участь Михаила Ярославича Тверскаго, и что коварный Сарыхожа, подобно злодѣю Кавгадыю, готовитъ ему вѣрную гибель. По крайней мѣрѣ никто не могъ безъ умиленія видѣть, сколь Димитрій предпочитаетъ безопасность народную своей собственной, и любовь общая къ нему удвоилась въ сердцахъ

Іюня 15. благодарныхъ. Митрополитъ Алексій провожалъ его до береговъ Оки: тамъ усердно молился Всевышнему, благословилъ Димитрія, Бояръ, воиновъ, всѣхъ Княжескихъ спутниковъ, и торжественно поручилъ имъ блюсти драгоцѣнную жизнь Государя добраго (21); онъ самъ желалъ раздѣлить съ нимъ опасности: но присутствіе его было нужно въ Москвѣ, гдѣ оставался Совѣтъ Боярскій, который уже по отбытіи Димитрія заключилъ миръ съ Литовскими Послами, въ слѣдствіе торжественнаго обрученія Елены, Ольгердовой дочери, за Князя Владиміра Андреевича; свадьба совершилась чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидали вѣстей изъ Орды; суевѣріе, устрашенное необыкновенными явленіями естественными, предвѣщало народу государственное бѣдствіе. Въ солнцѣ видны были черныя мѣста, подобныя гвоздямъ, и долговременная засуха произвела туманы, столь густые, что днемъ въ двухъ саженяхъ не льзя было разглядѣть лица человѣческаго; птицы, не смѣя летать, станицами ходили по землѣ (22). Сія тьма продолжалась около двухъ мѣсяцевъ. Луга и поля совершенно изсохли; скотъ умиралъ; бѣдные люди не могли за дороговизною купить хлѣба. Печальное уныніе царствовало въ областяхъ Великокняжескихъ: думая воспользоваться онымъ, Михаилъ Тверскій хотѣлъ завоевать Кострому; однакожь взялъ одну Мологу, обративъ въ пепелъ Угличь и Бѣжецкъ. Г. 1371. Знаменія.

Въ исходѣ осени усердные Москвитяне были обрадованы счастливымъ возвращеніемъ своего Князя: Ханъ, Царицы, Вельможи Ординскіе и въ особенности Темникъ Мамай, не предвидя въ немъ будущаго грознаго соперника, приняли Димитрія съ ласкою; утвердили его на Великомъ Княженіи, согласились брать съ онаго дань гораздо умѣреннѣйшую прежней и велѣли сказать Михаилу: „мы хотѣли силою оружія возвести „тебя на престолъ Владимірскій; но ты отвергнулъ наше предложеніе, въ надеждѣ на „собственное могущество: ищи же покровителей, гдѣ хочешь“ (23)! Милость удивитель- Возвращеніе Великаго Князя изъ Орды.

Г. 1371. ная; но варвары уже чувствовали силу Князей Московскихъ и тѣмъ дороже цѣнили покорность Димитрія. Въ Ордѣ находился сынъ Михаиловъ, Іоаннъ, удержанный тамъ за 10,000 рублей, коими Михаилъ былъ долженъ Царю. Димитрій, желая имѣть столь важный залогъ въ рукахъ своихъ, выкупилъ Іоанна и привезъ съ собою въ Москву, гдѣ сей юный Князь жилъ нѣсколько времени въ домѣ у Митрополита; но, согласно съ правилами чести, былъ освобожденъ, какъ скоро отецъ заплатилъ Димитрію означенное количество серебра; Михаилъ же оставался непріятелемъ Великаго Князя: Воеводы Московскіе, убивъ въ Бѣжецкѣ Намѣстника Михаилова, опустошили границы Тверскія.

Тогда явился новый непріятель, который хотя и не думалъ свергнуть Димитрія съ престола Владимірскаго, однакожъ всѣми силами противоборствовалъ его системѣ Единовластія, ненавистной для Удѣльныхъ Князей: то былъ смѣлый Олегъ Рязанскій, который еще въ государствованіе Іоанна Іоанновича показалъ себя врагомъ Москвы. Озабоченный иными дѣлами, Димитрій таилъ свое намѣреніе унизить гордость сего Князя, и жилъ съ нимъ мирно: мы видѣли, что Рязанцы ходили даже помогать Москвѣ, тѣснимой Ольгердомъ. Не опасаясь уже ни Литвы, ни Татаръ, Великій Князь скоро нашелъ причину объявить войну Олегу, неуступчивому сосѣду, всегда готовому спорить о

Война съ Олегомъ.

неясныхъ границахъ между ихъ владѣніями. Воевода, Димитрій Михайловичь Волынскій, съ сильною ратію Московскою вступилъ въ Олегову землю, и встрѣтился съ полками сего Князя, не менѣе многочисленными, и столь увѣренными въ побѣдѣ, что они съ презрѣніемъ смотрѣли на своихъ противниковъ. „Друзья!" говорили Рязанцы между собою: „намъ нужны не щиты и не копья, „а только однѣ веревки, чтобы вязать плѣн-„никовъ, слабыхъ, боязливыхъ Москвитянъ." *Рязанцы*, прибавляетъ Лѣтописецъ, *бывали искони горды и суровы*: суровость не есть мужество, и *смиренные*, *набожные* Москвитяне, устроенные Вождемъ искуснымъ, побили ихъ на голову (24). Олегъ едва ушелъ. Великій Князь отдалъ Рязань Владиміру Димитріевичу Пронскому, согласному зависѣть отъ его верховной власти. Но симъ не кончилась исторія Олегова: любимый народомъ, онъ скоро изгналъ Владиміра и снова завоевалъ Г. 1372. всѣ свои области; а Димитрій, встревоженный иными, опаснѣйшими врагами, примирился съ нимъ до времени.

Михаилъ, все еще имѣя тѣсную связь съ Литвою, всячески убѣждалъ Ольгерда дѣйствовать съ нимъ за-одно противъ Великаго Князя, безъ сомнѣнія представляя ему, что время укрѣпитъ Димитрія въ мужествѣ и властолюбіи; что сей Государь, столь еще юный, рано или поздно отмститъ ему за двукратную осаду Москвы, и захочетъ воз-

Г. 1372. вратить отечеству прекрасныя земли, отторженныя Литвою отъ Россіи; что надобно низвергнуть опаснаго непріятеля или по крайней мѣрѣ частыми нападеніями ослаблять его силу. *Вѣчный миръ*, клятвенно утвержденный въ Москвѣ Литовскими Послами, и новый брачный союзъ съ Домомъ ея Князей произвели единственно то, что Ольгердъ
Новоевпаденіе Литвы. не захотѣлъ самъ предводительствовать войскомъ; а послалъ Кестутія, Витовта, Андрея, сына своего, и Князя Димитрія Друцкаго разорять наше отечество. Не уступая брату ни въ скорости, ни въ тайнѣ
Апрѣля 6. воинскихъ замысловъ, Кестутій весною осадилъ Переславль, столь внезапно, что схватилъ многихъ земледѣльцевъ на поляхъ и Бояръ, выѣхавшихъ въ села для хозяйственныхъ распоряженій. Въ такое время, когда едва сошелъ снѣгъ и глубокія рѣки находились въ полномъ разливѣ, никто не ожидалъ непріятеля внутри Россіи. Впрочемъ сіе Литовское впаденіе было однимъ быстрымъ набѣгомъ: Кестутій выжегъ предмѣстіе, но снялъ осаду и соединился съ войскомъ Михаила, который опустошилъ села вокругъ Дмитрова, взявъ окупъ съ города (25). Обѣ рати двинулись къ Кашину; истребили селенія вокругъ его и также взяли дань съ граждань, а Князя Михаила Василіевича, преданнаго Димитрію, обязали клятвою быть подвластнымъ Тверскому. На возвратномъ пути Литовцы злодѣйствовали и въ самыхъ вла-

дѣніяхъ ихъ союзника; Михаилъ же, оставивъ Намѣстниковъ въ Торжкѣ, величалъ себя побѣдителемъ. Г. 1372.

Но побѣда еще ожидала его. Не зная, кто останется Главою Россіи, Михаилъ или Димитрій, Новогородцы (въ 1370 году) дали на себя грамоту первому, обѣщая ему повиноваться какъ своему законному Властителю, *если* Ханъ утвердитъ его въ Великокняжескомъ достоинствѣ. Когда же Димитрій возвратился изъ Орды съ Царскою милостію, тогда они заключили съ нимъ договоръ противиться общими силами Михаилу, Литвѣ и Рижскимъ Нѣмцамъ: Великій Князь обязывался самолично предводительствовать войскомъ или прислать къ нимъ брата, Владиміра Андреевича (26). Свѣдавъ, что Михаилъ занялъ Торжекъ, Новогородцы спѣшили выгнать оттуда его Намѣстниковъ, ограбили всѣхъ купцевъ Тверскихъ и взяли съ жителей клятву быть вѣрными ихъ древнему Правительству. Немедленно обступивъ Торжекъ, Михаилъ требовалъ, чтобы виновники сего насилія и грабежа были ему выданы, и чтобы жители снова приняли къ себѣ Тверскаго Намѣстника. Бояре Новогородскіе отвѣтствовали надменно; сѣли на коней и выѣхали въ поле съ гражданами (27). Мужество и число Тверитянъ рѣшили битву: смѣлый Воевода Новогородскій Александръ Абакумовичь, побѣдитель Сибирскихъ народовъ, и знаменитые товарищи Междоусобіе. Маія 31.

Г. 1372. его пали мертвые въ первой схваткѣ; другіе бѣжали, и не спаслися: конница Михайлова топтала ихъ трупы, и Князь, озлобленный жителями, велѣлъ зажечь городъ съ конца по вѣтру. Въ нѣсколько часовъ всѣ зданія обратились въ пепелъ, монастыри и церкви, кромѣ трехъ каменныхъ; множество людей сгорѣло или утонуло въ Тверцѣ, и побѣдители не знали мѣры въ свирѣпости: обдирали до-нага женъ, дѣвицъ, монахинь; не оставили на образахъ ни одного золотаго, ни серебрянаго оклада, и съ толпами плѣнныхъ удалились отъ горестнаго пепелища, наполнивъ 5 скудельницъ мертвыми тѣлами. Лѣтописцы говорятъ, что злодѣйства Батыевы въ Торжкѣ не были такъ памятны, какъ Михайловы.

Совершивъ сей подвигъ, Тверской Князь готовился къ важнѣйшему. Набѣгъ Кестутіевъ, прервавъ мирную связь между Литвою и Россіею, долженствовалъ имѣть слѣдствіе, и старецъ Ольгердъ хотѣлъ предупредить Димитрія: зная твердо путь къ его столицѣ, со многочисленнымъ войскомъ устремился къ оной; шелъ, по своему обыкновенію, безъ отдыха, и соединясь съ Михаиломъ близъ Калуги (28), думалъ, что Москвитяне увидятъ его только на Поклонной горѣ. Но знамена Великаго Князя уже развѣвались въ полѣ: передовый отрядъ Московскій, быстро ударивъ на Ольгердовъ, гналъ бѣгущихъ до самаго ихъ главнаго войска. Россійское стало

Третіе нашествіе Ольгерда.

Іюля 12.

противъ Литовскаго, готовое къ бою; числомъ одно не уступало другому: надлежало одолѣть искусствомъ или храбростію. Между двумя станами находился крутый оврагъ и глубокая дебрь: ни тѣ, ни другіе не хотѣли сойти внизъ, чтобы начать битву, и нѣсколько дней миновало въ бездѣйствіи, коимъ воспользовался Ольгердъ для предложенія мира. Съ обѣихъ сторонъ желали онаго: если бы Россіяне одержали верхъ, то Литовцы, удаленные отъ своихъ границъ, могли быть истреблены совершенно; если бы Ольгердъ побѣдилъ, то Димитрій предалъ бы ему Россію въ жертву. Первый имѣлъ выгоду опытности; но самая сія опытность не позволяла ему вѣрить слѣпому случаю, отъ коего не рѣдко зависитъ успѣхъ или бѣдствіе на войнѣ. Зная же, что такъ называемый *вѣчный* миръ есть пустое слово, они заключили единственно перемиріе отъ 1 Августа до 26 Октября, и Вельможи Литовскіе именемъ Ольгерда, Кестутія и союзника ихъ, Святослава Смоленскаго, а Бояре Россійскіе именемъ Великаго Князя и брата его, Владиміра Андреевича, написали договоръ, включивъ въ него съ одной стороны Князей Тверскаго и Брянскаго, съ другой же Рязанскихъ, названныхъ *Великими* (29). Главныя условія были таковы: „Нѣтъ войны между „нами. Путь нашимъ Посламъ и купцамъ вездѣ свободенъ. Князь Михаилъ долженъ возвратить все похищенное имъ въ областяхъ Г. 1372.

Г. 1372. „Великаго Княженія во время трехъ бывшихъ
„перемирій и вывести оттуда своихъ Намѣ-
„стниковъ; а буде они не выѣдутъ, то Ди-
„митрій можетъ ихъ взять подъ стра-
„жу, и самъ управиться съ Михаиломъ въ
„случаѣ новыхъ его насилій: Ольгерду же въ
„такомъ случаѣ не вступаться за шурина.
„Когда люди Московскіе, посланные въ Орду
„жаловаться на Князя Тверскаго, успѣютъ
„въ своемъ дѣлѣ, то Димитрій поступитъ,
„какъ угодно Богу и Царю: чего Ольгердъ
„не долженъ ставить ему въ вину. Михаилу
„нѣтъ дѣла до Великаго Княженія, а Дими-
„трію до Твери; они вздаются только чрезъ
„Пословъ. — Князь Литовскій обязанъ воз-
„вратить Димитрію сію договорную гра-
„моту, буде вздумаетъ по истеченіи сро-
„ка возобновить непріятельскія дѣйствія."

Такимъ образомъ старецъ Ольгердъ заклю-
чилъ свои впаденія въ Россію, которыя могли
бы имѣть гораздо вреднѣйшее слѣдствіе для
ея цѣлости, если бы онъ нашелъ въ Дими-
тріи менѣе бодрости и неустрашимости.
Историкъ Литовскій, вмѣсто трехъ похо-
довъ, описываетъ только одинъ, разсказывая
слѣдующія обстоятельства, несогласныя
съ извѣстіями нашихъ современныхъ Лѣто-
писцевъ: „Димитрій, надменный успѣхами
„своего оружія, хотѣлъ отнять у Литвы
„Витебскъ, Полоцкъ и Кіевъ; прислалъ Оль-
„герду *кремень, огниву, саблю*, и велѣлъ объ-
„явить, что Россіяне намѣрены въ Свѣтлую

,,Недѣлю похристосоваться съ нимъ въ Виль- Г. 1372.
,,нѣ огнемъ и желѣзомъ. Ольгердъ немедлен-
,,но выступилъ съ войскомъ въ срединѣ Ве-
,,ликаго поста и велъ съ собою Пословъ
,,Димитріевыхъ до Можайска; тамъ отпу-
,,стилъ ихъ, и давъ имъ зажженный фитиль,
,,сказалъ: *отвезите его къ вашему Князю.*
,,*Ему ненужно искать меня въ Вильнѣ: я буду*
,,*въ Москвѣ съ краснымъ яйцомъ прежде, нежели*
,,*этотъ фитиль угаснетъ. Истинный воинъ*
,,*не любитъ откладывать: вздумалъ и сдѣ-*
,,*лалъ.* — Послы спѣшили увѣдомить Дими-
,,трія о предстоящей опасности, и нашли
,,его въ день Пасхи идущаго къ Заутренѣ;
,,а восходящее солнце озарило на Поклон-
,,ной горѣ станъ Литовскій. Изумленный
,,Великій Князь требовалъ мира: Ольгердъ
,,благоразумно согласился на оный, взявъ
,,съ Россіянъ много серебра и всѣ ихъ вла-
,,дѣнія до рѣки Угры. Онъ вошелъ съ Боя-
,,рами Литовскими въ Кремль, ударилъ ко-
,,пьемъ въ стѣну на память Москвѣ, и вру-
,,чилъ *красное яицо* Димитрію" (30). — Не го-
воря о хронологическихъ ошибкахъ сего Ис-
торика, замѣтимъ только, что Угра не мог-
ла быть границею между Ольгердовымъ Го-
сударствомъ и Россіею, пока Смоленскъ оста-
вался еще Княжествомъ особеннымъ или
неприсоединеннымъ къ Литвѣ.

Ольгердъ не разсудилъ заблаго нарушить перемирія, и года два не безпокоилъ Россіи. Иныя опасности явились; медленно, но гро-

зно восходила туча надъ Великимъ Княженіемъ отъ береговъ Волги. Еще Димитрій соглашался быть данникомъ Моголовъ, однакожь не хотѣлъ терпѣть насилія съ ихъ стороны. Вопреки, можетъ быть, слову данному Ханомъ, Послы Мамаевы, пріѣхавъ въ Нижній съ воинскою дружиною, нагло оскорбили тамошняго Князя, Димитрія Константиновича, и гражданъ: сей Князь, исполняя, какъ *вѣроятно*, предписаніе Московскаго, велѣлъ или дозволилъ народу
Г. 1374. Избіеніе Татаръ въ Нижнемъ. умертвить Пословъ, съ коими находилось болѣе тысячи Мамаевыхъ воиновъ: главнаго изъ нихъ, Мурзу Сарайку, заключили въ крѣпости съ его особенною дружиною. Прошло около года: объявили Сарайкѣ, что онъ долженъ проститься съ товарищами,
Г. 1375. и что ихъ будутъ содержать въ разныхъ домахъ. Испуганный сею вѣстію Мурза ушелъ отъ приставовъ, вбѣжалъ въ домъ Епископскій, зажегъ оный и съ помощію слугъ своихъ оборонялся: они пустили нѣсколько стрѣлъ и едва не ранили самого Суздальскаго Епископа, Діонисія; но скоро были всѣ жертвою народной злобы (31).

Неизвѣстно, старался ли Димитрій Константиновичь или Великій Князь оправдать сіе дѣло предъ судилищемъ Ханскимъ: по крайней мѣрѣ гордый Мамай не стерпѣлъ такой явной дерзости, и послалъ войско опустошить предѣлы Нижегородскіе, берега Кишы и Пьяны, гдѣ начальствовалъ Боя-

ритъ Паросцій, и гдѣ чрезъ нѣсколько дней Г. 1375.
не осталось ничего, кромѣ пепла и трупов.

Сія месть не могла удовлетворить гнѣву Мамаеву: онъ клялся погубить Димитрія, и Россійскіе мятежники взялись ему въ томъ способствовать. Мы упоминали о знаменитости Московскихъ чиновниковъ, называемыхъ Тысячскими, которые, подобно Князьямъ, имѣли особенную благородную дружину и были, кажется, избираемы гражданами, согласно съ древнимъ обычаемъ, чтобы предводительствовать ихъ людьми военными (32). Димитрій уничтожилъ сей важный санъ, непріятный для самовластія Государей и для Бояръ, обязанныхъ уступать первенство чиновнику народному. Послѣдній Московскій Тысячскій, Василій Васильевичь Вельяминовъ, умершій Схимникомъ, оставилъ сына, именемъ Ивана, хотѣвшаго, можетъ быть, заступить мѣсто отца: недовольный Великимъ Княземъ, онъ вмѣстѣ съ богатымъ купцемъ Некоматомъ ушелъ къ Михаилу Тверскому, и представилъ ему случай воспользоваться злобою Мамая на Димитрія, чтобы отнять Владиміръ у Московскаго Князя. Отправивъ коварнаго Вельяминова и Некомата къ Хану, Михаилъ самъ ѣздилъ въ Литву, и возвратясь въ Тверь, получилъ изъ Орды грамоту на Великое Княженіе. Мамай обѣщалъ ему войско: Ольгердъ также. Не давъ имъ времени исполнить столь нужное обѣщаніе, легкомысленный Князь Тверскій

Послѣдній Тысячскій въ Москвѣ.

г. 1375. объявилъ войну Димитрію, послалъ своихъ Намѣстниковъ въ Торжекъ и сильный отрядъ къ Угличу.

Война съ Тверскимъ Княземъ. Великій Князь оказалъ дѣятельность необыкновенную, предвидя, что онъ въ одно время можетъ имѣть дѣло и съ Тверитянами, и съ Литвою, и съ Моголами: гонцы его скакали изъ области въ область; полки въ слѣдъ за ними выступали. Собралось войско, многочисленное, прекрасное, на равнинахъ Волока. — Всѣ Князья Удѣльные, или служащіе Московскому, находились подъ его знаменами: Владиміръ Андреевичъ, внукъ Калитинъ; Димитрій Константиновичь Суздальскій (33) съ двумя братьями и сыномъ; Князья Ростовскіе, Василій и Александръ Константиновичи, съ двоюроднымъ ихъ братомъ, Андреемъ Θеодоровичемъ; Іоаннъ Смоленскій, Василій Ярославскій, Θеодоръ Михайловичь Моложскій, Θеодоръ Романовичь Бѣлозерскій, Василій Михайловичь Кашинскій (сынъ умершаго Михаила Васильевича), Андрей Стародубскій, Романъ Михайловичь Брянскій, Романъ Симеоновичь Новосильскій, Симеонъ Константиновичь Оболенскій, и братъ его, Іоаннъ Торусскій. Нѣкоторые изъ сихъ Князей — на примѣръ, Смоленскій и Брянскій — не были Владѣтельными: ибо въ Смоленскѣ господствовалъ Святославъ, дядя сего Іоанна, а въ Брянскѣ сынъ Ольгердовъ. Въ Стародубѣ и Бѣлозерскѣ уже властвовали Намѣстники

Московскіе (34). Оболенскъ, Торусса и Новосиль, древніе Удѣлы Черниговскіе въ землѣ Вятичей, подобно Ярославлю, Мологѣ и Ростову, зависѣли тогда отъ Великаго Княженія; однакожь имѣли своихъ особенныхъ Владѣтелей, потомковъ Св. Михаила Черниговскаго. г. 1375.

Димитрій, взявъ Микулинъ, 5 Августа осадилъ Тверь. Онъ велѣлъ сдѣлать два моста чрезъ Волгу, и весь городъ окружить тыномъ. Начались приступы кровопролитные. Вѣрные Твертяне никогда не измѣняли Князьямъ своимъ: говѣли, пѣли молебны, и бились съ утра до вечера; гасили огонь, коимъ непріятель хотѣлъ обратить ихъ стѣны въ пепелъ, и разрушили множество туръ, защиту осаждающихъ. Всѣ Михаиловы области были разорены Московскими Воеводами, города взяты, люди отведены въ плѣнъ, скотъ истребленъ, хлѣбъ потоптанъ; ни церкви, ни монастыри не уцѣлѣли: но Твертяне мужественно умирали на стѣнахъ, повинуясь Князю и надѣясь на Бога. Осада продолжалась три недѣли: Димитрій съ нетерпѣніемъ ждалъ Новогородцевъ, которые явились наконецъ въ его станѣ, пылая ревностію отплатить Михаилу за бѣдствіе Торжка. Еще сей Князь, видя изнеможеніе своихъ воиновъ отъ ранъ и голода, ободрялъ себя мыслію, что Ольгердъ и Кестутій избавятъ его въ крайности: Литовцы дѣйствительно шли къ нему въ помощь; но

1375. узнавъ о силѣ Димитріевой, возвратились съ пути. Тогда оставалось Михаилу умереть или смириться: онъ избралъ послѣднее средство, и Владыка Евфимій со всѣми знатнѣйшими Тверскими Боярами пришелъ въ станъ къ Димитрію, требуя милости и спасенія.

Великій Князь показалъ достохвальную умѣренность, предписавъ Михаилу условія не тягостныя, согласныя съ благоразумною Политикою. Главныя изъ оныхъ были слѣдующія (35): ,,По благословенію отца на-,,шего, Алексія Митрополита всея Руси, ,,ты, Князь Тверскій, дай клятву за себя ,,и за наслѣдниковъ своихъ признавать меня ,,*старѣйшимъ* братомъ, никогда не искать ,,Великаго Княженія Владимірскаго, нашея ,,отчины, и не принимать онаго отъ Ха-,,новъ, также и Новагорода Великаго; а мы ,,обѣщаемся не отнимать у тебя наслѣд-,,ственной Тверской области. Не вступайся ,,въ Кашинъ, отчину Князя Василія Михай-,,ловича; отпусти захваченныхъ Бояръ его ,,и слугъ, также и всѣхъ нашихъ, съ ихъ ,,достояніемъ. Возврати колокола, книги, ,,церковные оклады и сосуды, взятые въ ,,Торжкѣ, вмѣстѣ съ имѣніемъ гражданъ, нынѣ ,,свободныхъ отъ данной ими тебѣ присяги: ,,да будутъ свободны и тѣ, кого ты зака-,,балилъ изъ нихъ грамотами. Но предаемъ ,,забвенію всѣ дѣйствія нынѣшней Тверской ,,осады: ни тебѣ, ни мнѣ не требовать

,,возмездія за убытки, понесенные нами въ Г. 1375.
,,сей мѣсяцъ. — Князья Ростовскіе и Ярославскіе *со мною одинъ человѣкъ*: не обижай ихъ, или мы за нихъ вступимся. — ,,Откажись отъ союза съ Ольгердомъ: когда Литва объявитъ войну Смоленскому“— тогда уже союзнику Димитріеву—,,или другимъ Князьямъ, нашимъ братьямъ: мы обязаны защитить ихъ, равно какъ и тебя. — ,,Въ разсужденіи Татаръ поступай согласно ,,съ нами: рѣшимся ли воевать, и ты врагъ ,,ихъ; рѣшимся ли платить имъ дань, и ты ,,плати оную.—Когда я и братъ мой, Князь ,,Владиміръ Андреевичъ, сядемъ на коней, ,,будь намъ товарищъ въ полѣ; когда пошлемъ Воеводъ, да соединятся съ ними и ,,твои.“

Въ другихъ статьяхъ сей договорной грамоты сказано, что Михаилъ, въ исполненіе прежнихъ условій, освободитъ всѣхъ людей Великокняжескихъ, задержанныхъ въ Твери имъ или его Боярами по долгамъ, искамъ и ручательству; что Бояре вольны отъѣхать для службы отъ Московскаго Князя къ Тверскому, или отъ Тверскаго къ Московскому, но лишаются въ такомъ случаѣ своихъ жалованныхъ помѣстьевъ; что села измѣнниковъ Ивана Вельяминова и Некомата принадлежатъ Димитрію; что земли и воды Новогородцевъ, изъ чести служащихъ Михаилу, остаются подъ вѣдѣніемъ Новагорода; что тамошніе купцы могутъ безопасно ѣздить

г. 1375. чрезъ области Тверскія; что гражданинъ свободный обязанъ платить дань Князю той области, гдѣ живетъ: хотя бы и находился въ службѣ другаго, но подсуденъ единственно своему Государю; что въ дѣлахъ спорныхъ Бояре Московскіе и Тверскіе съѣзжаются для суда на границѣ, а въ случаѣ несогласія избираютъ Князя Олега Рязанскаго въ посредники; что бѣглые рабы, воры и душегубцы должны быть выдаваемы руками; что торговые Московскіе люди не платятъ въ Твери ничего, кромѣ законныхъ, издавна уставленныхъ пошлинъ; что всякой насильственный переводъ жителей изъ одной земли въ другую воспрещается, и проч. Довольный смиреніемъ гордаго соперника, Димитрій оставилъ ему всѣ права Князя независимаго и названіе *Великаго*, подобно Смоленскимъ и Рязанскимъ Князьямъ. Новогородцы же заключили особенный договоръ съ Михаиломъ, который обязался дать свободу ихъ плѣнникамъ, *Житымъ* (или нарочитымъ) и простымъ людямъ; возвратить товары, отнятые у купцевъ Новогородскихъ, возстановить древнія границы между обѣими землями, наблюдать правила добраго сосѣдства, не стоять за бѣглыхъ рабовъ, должниковъ (36), и проч. — Сія междоусобная война, счастливая для Великаго Князя, была долгое время оплакиваема въ Тверскихъ областяхъ, разоренныхъ безъ милосердія: ибо воевать значило тогда свирѣпствовать, жечь и грабить.

Димитрій, руководствуясь обычаемъ какъ уставомъ народнымъ, не заслужилъ упрековъ отъ современниковъ, которые напротивъ того славили его великодушіе: ибо онъ не захотѣлъ совершенно истребить Твери [37] и свергнуть Михаила съ наслѣдственнаго престола. Лѣтописцы тѣмъ болѣе клянутъ истинныхъ виновниковъ сего бѣдствія, Ивана Вельяминова и Некомата, которые, дерзнувъ чрезъ нѣсколько лѣтъ возвратиться въ Великое Княженіе, были казнены всенародно, къ устрашенію подобныхъ имъ злодѣевъ. Народъ Московскій, долго уважавъ и любивъ отца Иванова, чиновника столь знаменитаго, съ горестію смотрѣлъ на казнь сего несчастнаго сына, прекраснаго лицемъ, благороднаго видомъ; она совершилась на древнемъ *Кучковѣ полѣ*, гдѣ нынѣ монастырь Срѣтенскій. Г. 1375. Первая смертная казнь въ Москвѣ.

Великій Князь, распустивъ часть войска, послалъ другую на Болгаровъ съ Воеводою, Княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Волынскимъ, женатымъ на его сестрѣ, Аннѣ [38]. Сей Князь — одинъ изъ потомковъ Святополка II, какъ вѣроятно, или Романа Галицкаго — выѣхавъ изъ Волыніи служить Государю Московскому, усердствовалъ отличаться подвигами мужества. Казанская Болгарія, еще прежде Россіи покоренная Батыемъ, съ того времени зависѣла отъ Хановъ, и жители смѣшались съ Моголами. Мурза Булактемиръ, какъ мы упоминали, овладѣлъ ею Г. 1376.

г. 1376. въ 1361 году: послѣ властвовалъ тамъ Осанъ, непріятель Димитрія Константиновича Суздальскаго, сверженный имъ въ 1370 году. Взявъ съ собою Посла Ханскаго — слѣдственно дѣйствуя съ согласія Мамаева — сынъ Димитріевъ,

Походъ въ Болгарію

Василій, и братъ, Князь Городецкій, ходили съ войскомъ въ Болгарію: приняли дары отъ Осана, но возвели на его мѣсто другаго Князя (39). Новый походъ Россіянъ въ сію землю имѣлъ важнѣйшую цѣль: Великій Князь, уже явный врагъ Моголовъ, хотѣлъ подчинить себѣ Болгарію. Сыновья Димитрія Суздальскаго соединились съ полками Москов-

Марта 16.

скими и приближились къ *Казани*, городу славному въ нашей Исторіи: сообщимъ любопытное преданіе о началѣ его. „Сынъ

Начало Казани.

Батыевъ" — такъ говоритъ одинъ Лѣтописецъ XVI вѣка, бывшій любимымъ слугою Царя Казанскаго (40) — „сынъ Батыевъ, „именемъ Саинъ, шелъ воевать Россію, но „обезоруженный смиреніемъ и дарами ея Кня-„зей, остановился: тутъ онъ вздумалъ за-„вести селеніе, гдѣ бы чиновники Татар-„скіе, посылаемые для собранія дани въ на-„ше отечество, могли имѣть отдохновеніе. „Мѣсто было изобильно, *пчелисто* и *пажит-„но*; но страшные зміи обитали въономъ: „сыскался волхвъ, который обратилъ ихъ въ „пепелъ. Ханъ основалъ городъ *Казань* (что „значитъ *котелъ* или *золотое дно*) и насе-„лилъ его Болгарами, Черемисами, Вотяками, „Мордвою, ушедшими изъ областей Ростов-

„скихъ во время крещенія земли Русской; Г. 1376.
„любилъ сіе мѣсто, гдѣ сближаются ея предѣлы съ Болгаріею, Вяткою, Пермію, и
„часто самъ пріѣзжалъ туда изъ Сарая: оно
„долгое время называлось еще *Саиновымъ Юртомъ.*" Сей Ханъ *Саинъ* былъ или Сартакъ, единственный Батыевъ сынъ, извѣстный по лѣтописямъ, или самъ Батый, коего Историкъ Татарскій, Абульгази, обыкновенно именуетъ *Сагиномъ* (41).

Казанцы встрѣтили Россіянъ въ полѣ: многіе изъ нихъ выѣхали на вельблюдахъ, думая видомъ и голосомъ сихъ животныхъ испугать нашихъ коней; другіе надѣялись произвести тоже дѣйствіе стукомъ и громомъ: но видя неустрашимость Россіянъ, побѣжали назадъ. Войско Россійское, истребивъ огнемъ села ихъ, зимовища, суда, заставило двухъ Болгарскихъ Владѣтелей, Осана и Махматъ-Салтана, покориться Великому Князю. Они дали ему и Димитрію Суздальскому 2000, а на воиновъ 3000 рублей, и приняли въ свой городъ Московскаго чиновника или таможенника (42): слѣдственно обязались быть данниками Россіи. Ободренная симъ успѣхомъ, она готовилась къ дальнѣйшимъ подвигамъ.

Еще Мамай отлагалъ до удобнѣйшаго времени дѣйствовать всѣми силами противъ Великаго Князя (ибо въ Ордѣ снова свирѣпствовала тогда язва), однакожь не упускалъ случая вредить Россіянамъ. Сосѣды Нижегородской области, Мордва, взялись указать

г. 1377. Нашествіе Моголовъ.

Моголамъ безопасный путь въ ея предѣлы, и Царевичь, именемъ Арапша, съ береговъ Синяго или Аральскаго моря пришедши служить Мамаю, выступилъ съ Ханскими полками. Димитрій Суздальскій извѣстилъ о томъ Великаго Князя, который немедленно собралъ войско защитить тестя, но долго ждавъ Моголовъ, и надѣясь, что они раздумали итти къ Нижнему, послалъ Воеводъ своихъ гнаться за ними, а самъ возвратился въ столицу. Сіе ополченіе состояло изъ ратниковъ Переславскихъ, Юрьевскихъ, Муромскихъ и Ярославскихъ: Князь Димитрій Константиновичь присоединилъ къ нимъ Суздальцевъ подъ начальствомъ сына, Іоанна, и другаго Князя, Симеона Михайловича (43). Къ несчастію, умъ предводителей не отвѣтствовалъ числу воиновъ. Повѣривъ слухамъ, что Арапша далеко, они вздумали за рѣкою Пьяною, на степи Перевозской, тѣшиться ловлею звѣрей какъ дома въ мирное время. Воины слѣдовали сему примѣру безпечности: утомленные зноемъ, сняли съ себя латы и нагрузили ими телеги; спустивъ одежду съ плечь, искали прохлады; другіе разсѣялись по окрестнымъ селеніямъ, чтобы пить крѣпкій медъ или пиво. Знамена стояли уединенно; копья, щиты лежали грудами на травѣ. Однимъ словомъ, вездѣ представлялась глазамъ веселая картина охоты, пиршества, гульбища: скоро представилась иная. Князья Мордовскіе тайно подвели Арапшу, о коемъ

говорятъ Лѣтописцы, что онъ былъ карла станомъ, но великанъ мужествомъ, хитръ на войнѣ и свирѣпъ до крайности [44]. Арапша съ пяти сторонъ ударилъ на Россіянъ, столь внезапно и быстро, что они не могли ни изготовиться, ни соединиться, и въ общемъ смятеніи бѣжали къ рѣкѣ Пьянѣ, устилая путь своими трупами, и неся непріятеля на плечахъ. Погибло множество воиновъ и Бояръ: Князь Симеонъ Михайловичь былъ изрубленъ, Князь Іоаннъ Димитріевичь утонулъ въ рѣкѣ, которая прославилась симъ несчастіемъ (осуждая безразсудность Воеводъ Димитріевыхъ, древніе Россіяне говорили въ пословицу: за *Пьяною люди пьяны*). —Татары, одержавъ совершенную побѣду, оставили за собою плѣнниковъ съ добычею, и на третій день явились подъ стѣнами Нижняго Новагорода, гдѣ царствовалъ ужасъ: никто не думалъ обороняться. Князь Димитрій Константиновичь ушелъ въ Суздаль; а жители спасались въ лодкахъ вверхъ по Волгѣ. Непріятель умертвилъ всѣхъ, кого могъ захватить; сжегъ городъ, и такимъ образомъ наказавъ его за убіеніе Пословъ Мамаевыхъ, удалился, обремененный корыстію. Сынъ Димитрія Константиновича, чрезъ нѣсколько дней пріѣхавъ на сіе горестное пепелище, старался прежде всего возобновить обгорѣлую каменную церковь Св. Спаса, чтобы схоронить въ ней тѣло своего несчастнаго брата, Іоанна, утонувшаго въ рѣкѣ.

г. 1377. Августа 2.

Пословица.

г. 1377. Въ то же время Моголы взяли нынѣшнюю Рязань: Князь Олегъ, изстрѣленный, обагренный кровію, едва могъ спастися. Впрочемъ они желали единственно грабить и жечь: мгновенно приходили, мгновенно и скрывались. Области Рязанская, Нижегородская были усыпаны пепломъ, въ особенности берега Суры, гдѣ Арапша не оставилъ въ цѣлости ни одного селенія (45). Многіе Бояре и купцы лишились всего имѣнія; въ томъ числѣ Лѣтописцы именуютъ одного знаменитаго гостя, Тараса Петрова: Моголы разорили шесть его цвѣтущихъ, многолюдныхъ селъ, купленныхъ имъ у Князя за рѣкою Кудимою; видя, что собственность въ сихъ мѣстахъ ненадежна, онъ навсегда переѣхалъ въ Москву. — Чтобы довершить бѣдствіе Нижняго Новагорода, Мордовскіе хищники по слѣдамъ Татаръ разсѣялись злодѣйствовать въ его Уѣздѣ; но Князь Борисъ Константиновичь настигъ ихъ, когда они уже возвращались съ добычею, и потопилъ въ рѣкѣ Пьянѣ, гдѣ еще плавали трупы Россіянъ. Сей Князь Городецкій вмѣстѣ съ племянникомъ, Симеономъ Димитріевичемъ, и съ Воеводою Великаго Князя, Ѳеодоромъ Свибломъ, въ слѣдующую зиму опустошилъ безъ битвы всю землю Мордовскую, истребляя жилища и жителей. Онъ взялъ въ плѣнъ женъ и дѣтей, также нѣкоторыхъ людей чиновныхъ, казненныхъ послѣ въ Нижнемъ. Народъ

въ злобномъ остервененіи влачилъ ихъ по льду рѣки Волги и травилъ псами.

Сія безчеловѣчная месть снова возбудила гнѣвъ Мамаевъ на Россіянъ: ибо земля Мордовская находилась подъ властію Хана. Нижній Новгородъ, едва возникнувъ изъ пепла, вторично былъ взятъ Татарами: жители спа- г. 1378. сались бѣгствомъ за Волгу. — Князь Димитрій Константиновичь, будучи тогда въ Городцѣ, прислалъ обьявить Мамаевымъ Воеводамъ, чтобы они удовольствовались окупомъ и не дѣлали зла его Княженію. Но исполняя въ точности данное имъ повелѣніе, они хотѣли крови и развалинъ: сожгли городъ (46), опустошили Іюля 24. Уѣздъ, и выходя изъ нашихъ предѣловъ, соединились еще съ сильнѣйшимъ войскомъ, посланнымъ отъ Мамая на самого Великаго Князя.

Димитрій Іоанновичь, свѣдавъ заблаговременно о замыслахъ непріятеля, имѣлъ время собрать полки, и встрѣтилъ Татаръ въ области Рязанской, на берегахъ Вожи. Мурза Бегичь предводительствовалъ ими. Они сами начали битву: перешли за рѣку и съ воплемъ поскакали на Россіянъ; видя же ихъ твердость, удержали своихъ коней: пускали стрѣлы; ѣхали впередъ легкою рысью. Великій Князь стоялъ въ срединѣ, поручивъ одно крыло Князю Даніилу Пронскому, а другое *Окольничему*, или ближнему Княжескому чиновнику, *Тимоѳею* (47). По данному знаку все наше войско устремилось противъ не-

Августа 11. Побѣда надъ Моголами.

г. 1378. пріятеля, и дружнымъ, быстрымъ нападеніемъ рѣшило дѣло: Моголы обратили тылъ; бросая копья, бѣжали за рѣку. Россіяне кололи, рубили и топили ихъ въ Вожѣ цѣлыми тысячами. Нѣсколько именитыхъ Мурзъ находилось въ числѣ убитыхъ. Ночь и густая мгла слѣдующаго утра спасла остатокъ Мамаевыхъ полковъ. На другой день Великій Князь уже тщетно искалъ бѣгущаго непріятеля: нашелъ только разбросанные въ степяхъ шатры, юрты, кибитки и телеги, наполненныя всякими товарами. Довольный столь блестящимъ успѣхомъ, онъ возвратился въ Москву. Сія побѣда достопамятна тѣмъ, что была первою, одержанною Россіянами надъ Татарами съ 1224 года, и не стоила имъ ничего, кромѣ труда убивать людей: столь измѣнился воинственный характеръ Чингисханова потомства! Юный Герой Димитрій, торжествуя оную вмѣстѣ со всѣми добрыми подданными, могъ сказать имъ словами Библіи: *Отступило время отъ нихъ: Господь же съ нами* (48)!

Мамай—истинный Властелинъ Орды, во всемъ повелѣвая Ханомъ—затрепеталъ отъ гнѣва, услышавъ о гибели своего войска; собралъ новое, и столь быстро двинулся къ Рязани, что тамошній Князь, Олегъ, не имѣлъ времени ни ждать вспоможенія отъ Великаго Князя, ни приготовиться къ отпору: бѣжалъ изъ столицы за Оку, и предалъ отечество въ жертву варварамъ. Но Мамай,

кровопролитіемъ и разрушеніями удовлетворивъ первому порыву мести, не хотѣлъ итти далѣе Рязани и возвратился къ берегамъ Волги, отложивъ рѣшительный ударъ до инаго времени (49). Г. 1378

Димитрій успѣлъ между тѣмъ смирить Литву. Славный Ольгердъ умеръ въ 1377 году, не только Христіаниномъ, но и Схимникомъ по убѣжденію его супруги, Іуліаніи, и Печерскаго Архимандрита Давида, принявъ въ крещеніи имя Александра, а въ Монашествѣ Алексія, чтобы загладить свое прежнее отступленіе отъ Вѣры Іисусовой. Нѣкоторые Лѣтописцы повѣствуютъ, что онъ гналъ Христіанъ и замучилъ въ Вильнѣ трехъ усердныхъ исповѣдниковъ Спасителя, включенныхъ нашею Церковію въ ликъ Святыхъ (50); но Литовскій Историкъ славитъ его терпимость, сказывая, что Ольгердъ казнилъ 500 Виленскихъ гражданъ за насильственное убіеніе семи Францисканскихъ Монаховъ и торжественно объявилъ свободу Вѣры. Смерть сего опаснаго властолюбца обѣщала спокойствіе нашимъ юго-западнымъ границамъ, тѣмъ болѣе, что она произвела въ Литвѣ междоусобіе. Любимый сынъ и преемникъ Ольгердовъ, Ягайло, злодѣйски умертвивъ старца Кестутія, принудилъ сына его, младаго Витовта, искать убѣжища въ Пруссіи. Андрей Ольгердовичь Полоцкій, державъ сторону дяди, ушелъ во Псковъ, далъ клятву быть вѣр-

Успѣхи въ войнѣ съ Литвою.

нымъ другомъ Россіянъ и пріѣхалъ въ Москву служить Великому Князю. Перемиріе, заключенное съ Литвою въ 1373 году, было давно нарушено: ибо Москвитяне еще при жизни Ольгерда ходили осаждать Ржевъ (51). Пользуясь раздоромъ его сыновей, Димитрій
г. 1379, Декабря 9. въ началѣ зимы отрядилъ своего брата, Владиміра Андреевича, Князей Волынскаго и Полоцкаго, Андрея Ольгердовича, съ сильнымъ войскомъ къ Стародубу и Трубчевску, чтобы сію древнюю собственность нашего отечества снова присоединить къ Россіи. Оба города сдалися; но Полководцы Димитріевы, какъ бы уже не признавая тамошнихъ обитателей единокровными братьями, дозволяли воинамъ плѣнять и грабить. Въ Трубчевскѣ княжилъ братъ Андреевъ, Димитрій Ольгердовичь: ненавидя Ягайла, онъ не хотѣлъ обнажить меча на Россіянъ, дружелюбно встрѣтилъ ихъ съ женою, съ дѣтьми, со всѣми Боярами, и предложилъ свои услуги Великому Князю, который, въ благодарность за то, отдалъ ему Переславль Залѣсскій *съ судомъ и съ пошлиною* (52). — Такимъ образомъ Димитрій могъ надѣяться въ одно время и свергнуть иго Татаръ, и возвратить отечеству прекрасныя земли, отнятыя у насъ Литвою. Сія великая мысль занимала его благородную душу, когда онъ свѣдалъ о новыхъ грозныхъ движеніяхъ Орды, и долженствовалъ остановить успѣхи своего оружія въ Литвѣ, чтобы противоборствовать Мамаю.

Но прежде описанія знаменитѣйшаго изъ воинскихъ подвиговъ древней Россіи предложимъ Читателю церковныя дѣла сего времени, коими Димитрій, не смотря на величайшую государственную опасность, занимался съ особенною ревностію. Г. 1379.

Еще въ 1376 году Патріархъ Филоѳей самъ собою поставилъ Кипріана, ученаго Сербина, въ Митрополиты для Россіи; но Великій Князь, негодуя на то, объявилъ, что Церковь наша, пока живъ Св. Алексій, не можетъ имѣть инаго Пастыря (53). Кипріанъ хотѣлъ преклонить къ себѣ Новогородцевъ, и сообщилъ имъ избирательную грамоту Филоѳееву: Архіепископъ и народъ отвѣтствовали, что воля Государя Московскаго въ семъ случаѣ должна быть для нихъ закономъ. Отверженный Россіянами, Кипріанъ жилъ въ Кіевѣ и повелѣвалъ Литовскимъ Духовенствомъ, въ надеждѣ скоро заступить мѣсто Св. Алексія: ибо сей добродѣтельный старецъ уже стоялъ на прагѣ смерти. Но Великій Князь въ мысляхъ своихъ назначилъ ему инаго преемника. Дѣла церковныя.

Между всѣми Московскими Іереями отличался тогда Священникъ села Коломенскаго, Митяй, умомъ, знаніями, краснорѣчіемъ, острою памятію, пріятнымъ голосомъ, красотою лица, величественною наружностію, и благородными поступками, такъ, что Димитрій избралъ его себѣ въ отцы Духовные и въ *Печатники*, то есть, ввѣрилъ ему хра-

Г. 1379. неніе Великокняжеской печати (54): санъ важный по тогдашнему обычаю! Со дня на день возрастала милость Гусударева къ сему человѣку, наставнику, Духовнику всѣхъ Бояръ, равно свѣдущему въ дѣлахъ мірскихъ и церковныхъ. Онъ величался какъ Царь, по словамъ Лѣтописцевъ: жилъ пышно, носилъ одежды драгоцѣнныя, имѣлъ множество слугъ и Отроковъ. Прошло нѣсколько лѣтъ: Димитрій, желая возвести его на степень еще знаменитѣйшую, предложилъ ему заступить мѣсто Спасскаго Архимандрита, Іоанна, который въ глубокой старости посвятилъ себя тишинѣ безмолвія. Хитрый Митяй не соглашался, и былъ силою введенъ въ монастырь, гдѣ надѣли на него клобукъ Инока вмѣстѣ съ мантіею Архимандрита, къ удивленію народа, особенно къ неудовольствію Духовныхъ. „Быть до обѣда бѣльцемъ" (говорили они) „а послѣ обѣда Старѣйшиною „Монаховъ есть дѣло безпримѣрное."

Сей новый санъ открывалъ путь къ важнѣйшему. Великій Князь, предвидя близкую кончину Св. Алексія, хотѣлъ, чтобы онъ благословилъ Митяя на Митрополію. Алексій, искренній другъ смиренія, давно мыслилъ вручить Пастырскій жезлъ свой кроткому Игумену Сергію, основателю Троицкой Лавры (55): хотя Сергій, думая единственно о постѣ и молитвѣ, рѣшительно отвѣтствовалъ, что никогда не оставитъ своего мирнаго уединенія, но святый старецъ, или въ на-

дежде склонить его къ тому, или не любя Г. 1379.
гордаго Митяя (названнаго въ Иночествѣ Михаиломъ) отрекся исполнить волю Димитріеву, доказывая, что сей Архимандритъ еще *новоукъ* въ Монашествѣ. Великій Князь просилъ, убѣждалъ Митрополита: посылалъ къ нему Бояръ и Князя *Владиміра Андреевича*; наконецъ успѣлъ только, что Алексій благословилъ Митяя, какъ своего Намѣстника, прибавивъ: „*если* Богъ, Патріархъ „и Вселенскій Соборъ удостоятъ его пра„вить Россійскою Церковію."

Св. Алексій (въ 1378 году) скончался, и Митяй, къ изумленію Духовенства, самовольно возложилъ на себя *бѣлый* клобукъ; надѣлъ мантію съ источниками и скрижалями; взялъ посохъ, печать, казну, ризницу Митрополита; въѣхалъ въ его домъ и началъ судить дѣла церковныя самовластно. Бояре, Отроки служили ему (ибо Митрополиты имѣли тогда своихъ особенныхъ свѣтскихъ чиновниковъ), а Священники присылали въ его казну извѣстные оброки и дани (56). Онъ медленно готовился къ путешествію въ Царьградъ, *желая*, чтобы Димитрій велѣлъ прежде Святителямъ Россійскимъ поставить его въ Епископы, согласно съ уставомъ Апостольскимъ или Номоканономъ: Великій Князь призвалъ для того всѣхъ Архіереевъ въ Москву: никто изъ нихъ не смѣлъ ослушаться, кромѣ Діонисія Суздальскаго, съ твердостію обьявившаго,

Г. 1579. что въ Россіи одинъ Митрополитъ законно ставитъ Епископовъ. Великій Князь спорилъ, и наконецъ уступилъ, къ досадѣ Митяя.

Скоро обнаружилась явная ссора между симъ нареченнымъ Митрополитомъ и Діонисіемъ, ибо они имѣли наушниковъ, которые старались усилить ихъ вражду. „Для „чего" — сказалъ первый Архіерею Суздальскому — „ты до сего времени не былъ у „меня и не принялъ моего благословенія?" Діонисій отвѣтствовалъ: „Я Епископъ, а „ты Попъ: и такъ можешь ли благословлять „меня?" Митяй затрепеталъ отъ гнѣва; грозилъ, что не оставитъ Діонисія и *Попомъ*, когда возвратится изъ Царяграда, и что собственными руками сорветъ скрижали съ его мантіи. Епископъ Суздальскій хотѣлъ предупредить врага своего и ѣхать къ Патріарху; но Великій Князь приставилъ къ нему стражу. Тогда Діонисій рѣшился на безчестный обманъ: далъ клятву не думать о путешествіи въ Константинополь, и представилъ за себя порукою мужа славнаго добродѣтелію, Троицкаго Игумена Сергія; получивъ же свободу, тайно уѣхалъ въ Грецію, и ввелъ невиннаго Сергія въ стыдъ (57). Сей случай ускорилъ отъѣздъ Митяя, который уже 18 мѣсяцевъ управлялъ Церковію, именуясь Намѣстникомъ. Въ знакъ особенной довѣренности Великій Князь далъ ему нѣсколько бѣлыхъ хартій, запечатанныхъ его печатію, дабы онъ воспользовался

ими въ Константинополѣ сообразно съ Г. 1379.
обстоятельствами, или для написанія грамотъ отъ имени Димитріева, или для нужнаго займа денегъ. Самъ Государь, всѣ Бояре старѣйшіе, Епископы, проводили Митяя до Оки; въ Грецію же отправились съ нимъ 3 Архимандрита, Московскій Протопопъ Александръ, нѣсколько Игуменовъ, 6 Бояръ Митрополитскихъ, 2 переводчика и *цѣлый полкъ*, какъ говорятъ Лѣтописцы, всякаго рода людей, подъ главнымъ начальствомъ *Большаго* Великокняжескаго Боярина, Юрья Васильевича Кочевина-Олешинскаго, собственнаго Посла Димитріева. Казну и ризницу везли на телегахъ.

За предѣлами Рязанскими, въ степяхъ Половецкихъ, Митяй былъ остановленъ Татарами, и не испугался, зная уваженіе ихъ къ сану духовному. Приведенный къ Мамаю, онъ умѣлъ хитрою лестію снискать его благоволеніе, получилъ отъ новаго тогдашняго Хана Тюлюбека, Мамаева племянника, милостивый ярлыкъ (58), — достигъ Тавриды, и въ Генуэзской Кафѣ сѣлъ на корабль. Уже Царьградъ открылся глазамъ Россійскихъ плавателей; но Митяй, какъ вторый Моисей (по выраженію Лѣтописца), долженствовалъ только издали видѣть цѣль своего путешествія и честолюбія: занемогъ и внезапно умеръ, можетъ быть весьма естественно; но въ такихъ случаяхъ обыкновенно раждается подозрѣніе: онъ былъ окруженъ

г. 1379. тайными неприятелями; ибо, увѣренный въ особенной любви Великаго Князя, излишнею своею гордостію оскорблялъ и духовныхъ и свѣтскихъ чиновниковъ. Тѣло его свезли на берегъ и погребли въ Галатѣ.

Вмѣсто того, чтобы увѣдомить Великаго Князя о происшедшемъ и ждать отъ него новой грамоты, спутники Митяевы вздумали самовольно посвятить въ Митрополиты кого нибудь изъ бывшихъ съ ними Духовныхъ: одни хотѣли Іоанна, Архимандрита Петровскаго, который первый учредилъ въ Москвѣ общее житіе братское (59); а другіе Пимена, Архимандрита Переславскаго. Долго спорили: наконецъ Бояре избрали Пимена, и будучи озлоблены укоризнами Іоанна, грозившаго обличить ихъ несправедливость предъ Великимъ Княземъ, дерзнули оковать сего старца. Честолюбивый Пименъ торжествовалъ, и нашедши въ ризницѣ Митяевой бѣлую хартію Димитрія, написалъ на оной письмо отъ Государя Московскаго къ Императору и Патріарху такого содержанія: „Посылая къ „вамъ Архимандрита Пимена, молю, да удо„стоите его быть Митрополитомъ Рос„сійскимъ: ибо не знаю лучшаго.“ Царь и Патріархъ Нилъ изъявили сомнѣніе. „Для „чего (говорили они) Князь вашъ требуетъ „новаго Митрополита, имѣя Кипріана, по„ставленнаго Филоѳеемъ?“ Но Пименъ и Бояре достигли своей цѣли щедрыми дарами,

посредствомъ другихъ бѣлыхъ хартій Димитріевыхъ занявъ у купцевъ Италіянскихъ и Восточныхъ столь великое количество серебра, что сей Государь долго не могъ выплатить онаго. Смягченный корыстію, Патріархъ сказалъ: „не знаю, вѣрить ли „Посламъ Россійскимъ; но совѣсть наша „чиста" — и посвятилъ Пимена въ Софійскомъ храмѣ. Г. 1379.

Оскорбленный вѣстію о кончинѣ Митяевой, Великій Князь едва вѣрилъ самовольству Пословъ своихъ; объявилъ Пимена наглымъ хищникомъ Святительства, и призвавъ въ Москву Кипріана заступить мѣсто Св. Алексія, встрѣтилъ его съ великими почестями, съ колокольнымъ звономъ, со всѣми знаками искренняго удовольствія (80); а Пимена велѣлъ остановить на возвратномъ пути, въ Коломнѣ, и за крѣпкою стражею отвезти въ Чухлому. Съ него торжественно сняли бѣлый клобукъ: столь власть Княжеская первенствовала у насъ въ дѣлахъ церковныхъ! Главный Бояринъ, Юрій Олешинскій, и всѣ совиновники Пименовы были наказаны заточеніемъ. Сіе случилось уже въ 1381 году, то есть, послѣ славной Донской битвы, которую мы теперь должны описывать.

Нашествіе Мамаево.

Мамай пылалъ яростію и нетерпѣніемъ отмстить Димитрію за разбитіе Ханскихъ полковъ на берегахъ Вожи; но видя, что Россіяне уже не трепещутъ имени Моголь-

скаго и великодушно рѣшились противоборствовать силѣ силою, онъ долго медлилъ, набирая войско изъ Татаръ, Половцевъ, Харазскихъ Турковъ, Черкесовъ, Ясовъ, Буртановъ или Жидовъ Кавказскихъ, Армянъ и самыхъ Крымскихъ Генуэзцевъ (61): одни служили ему какъ подданные, другіе какъ наемники. Наконецъ, ободренный многочи-
г. 1380. сленностію своей рати, Мамай призвалъ на совѣтъ всѣхъ Князей Ординскихъ и торжественно объявилъ имъ, что идетъ, по древнимъ слѣдамъ Батыя, истребить Государство Россійское. „Казнимъ рабовъ строптивыхъ!" сказалъ онъ въ гнѣвѣ: „да будутъ пепломъ грады ихъ, веси и церкви Христіанскія! Обогатимся Русскимъ золотомъ" (62)! Желая еще болѣе обнадежить себя въ успѣхѣ, Мамай вступилъ въ тѣсный союзъ съ Ягайломъ Литовскимъ, который условился дѣйствовать съ нимъ за-одно. Къ симъ двумъ главнымъ утѣснителямъ и врагамъ нашего отечества присоединился внутренній измѣнникъ, менѣе опасный могуществомъ, но злорѣднѣйшій коварствомъ: Олегъ Рязанскій, воспитанный въ ненависти къ Московскимъ Князьямъ, жестокосердый въ юности, и зрѣлымъ умомъ мужескихъ лѣтъ наученный лукавству. Испытавъ въ полѣ превосходную силу Димитрія, онъ началъ искать его благоволенія; будучи хитръ, уменъ, *велерѣчивъ*, сдѣлался ему другомъ, совѣтникомъ въ общихъ дѣлахъ государственныхъ и посредни-

комъ — какъ мы видѣли — въ гражданскихъ Г. 1380.
дѣлахъ Великаго Княженія съ Тверскимъ [63].
Думая, что грозное ополченіе Мамаево, усиленное Ягайловымъ, должно необходимо сокрушить Россію — страшась быть первою жертвою онаго и надѣясь хитрымъ предательствомъ не только спасти свое Княжество, но и распространить его владѣнія паденіемъ Московскаго, Олегъ вошелъ въ переговоры съ Моголами и съ Литвою чрезъ Боярина Рязанскаго, Епифана Кореева; заключилъ съ ними союзъ и тайно условился ждать ихъ въ началѣ Сентября мѣсяца на берегахъ Оки [64]. Мамай обѣщалъ ему и Ягайлу всѣ будущія завоеванія въ Великомъ Княженіи, съ тѣмъ, чтобы они, получивъ сію награду, были вѣрными данниками Ханскими.

Измѣна Олегова.

Димитрій въ исходѣ лѣта свѣдалъ о походѣ Мамаевомъ, и самъ Олегъ, желая скрыть свою измѣну, далъ ему знать, что надобно готовиться къ войнѣ [65]. „Мамай *со всѣмъ* „*царствомъ* идетъ въ землю Рязянскую противъ меня и тебя,“ писалъ онъ къ Великому Князю: „Ягайло также; *но еще рука* „*наша высока*: бодрствуй и мужайся!“ Въ обстоятельствахъ столь важныхъ, рѣшительныхъ, первою мыслію Димитрія было спѣшить въ храмъ Богоматери и молить Всевышняго о заступленіи. Облегчивъ сердце изліяніемъ набожныхъ чувствъ, онъ разослалъ гонцевъ по всѣмъ областямъ Великаго Княженія, чтобы собирать войско и немеддлен-

г. 1380. по вести оное въ Москву. Повелѣніе его было исполнено съ рѣдкимъ усердіемъ: цѣлые города вооружились въ нѣсколько дней; ратники тысячами стремились отвсюду къ столицѣ. Князья Ростовскіе, Бѣлозерскіе, Ярославскіе, съ своими слугами, — Бояре Владимірскіе, Суздальскіе, Переславскіе, Костромскіе, Муромскіе, Дмитровскіе, Можайскіе, Звенигородскіе, Углицкіе, Серпуховскіе съ *Дѣтьми Боярскими* (66) или съ воинскими дружинами составили полки многочисленные, которые одни за другими вступали въ ворота Кремлевскія. Стукъ оружія не умолкалъ въ городѣ, и народъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на бодрыхъ воиновъ, готовыхъ умереть за отечество и Вѣру. Казалось, что Россіяне пробудились отъ глубокаго сна: долговременный ужасъ имени Татарскаго, какъ бы отъ дѣйствія сверхъестественной силы, исчезъ въ ихъ сердцѣ. Они напоминали другъ другу славную побѣду Вожскую; исчисляли всѣ бѣдствія претерпѣнныя ими отъ варваровъ въ теченіе сто-пятидесяти лѣтъ, и дивились постыдному терпѣнію своихъ отцевъ. Князья, Бояре, граждане, земледѣльцы были воспламенены равнымъ усердіемъ, ибо тиранство Хановъ равно всѣхъ угнетало, отъ престола до хижины. Какая война была праведнѣе сей? Счастливъ Государь, обнажая мечь по движенію столь добродѣтельному и столь единодушному! Народъ, до временъ Калиты и Симеона оглу-

шаемый непрестанными ударами Моголовъ, Г. 1380.
въ бѣдности, въ отчаяніи, не смѣлъ и думать о свободѣ: отдохнувъ подъ умнымъ правленіемъ Князей Московскихъ, онъ вспомнилъ древнюю независимость Россіянъ, и менѣе страдая отъ ига иноплеменниковъ, тѣмъ болѣе хотѣлъ свергнуть оное совершенно. Облегченіе цѣпей не миритъ насъ съ рабствомъ, но усиливаетъ желаніе прервать оныя.

Каждый ревновалъ служить отечеству: одни мечемъ, другіе молитвою и дѣлами Христіанскими. Между тѣмъ, какъ юноши и мужи блистали оружіемъ на стогнахъ Москвы, жены и старцы преклоняли колѣна въ святыхъ храмахъ; богатые раздавали милостыню, особенно Великая Княгиня, супруга нѣжная и чувствительная (67); а Димитрій, устроивъ полки къ выступленію, желалъ съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, со всѣми Князьями и Воеводами, принять благословеніе Сергія, Игумена уединенной Троицкой Обители, уже знаменитой добродѣтелями своего основателя. Сей святый старецъ, отвергнувъ міръ, еще любилъ Россію, ея славу и благоденствіе: Лѣтописцы говорятъ, что онъ предсказалъ Димитрію кровопролитіе ужасное, но побѣду — смерть многихъ Героевъ православныхъ, но спасеніе Великаго Князя (68); упросилъ его обѣдать въ монастырѣ, окропилъ святою водою всѣхъ бывшихъ съ нимъ Военачальниковъ и далъ ему двухъ Иноковъ въ сподвижники, именемъ

г. 1380. Александра Пересвѣта и Ослябю, изъ коихъ первый былъ нѣкогда Бояриномъ Брянскимъ и витяземъ мужественнымъ (69). Сергій вручилъ имъ знаменіе креста на Схимахъ и сказалъ: „вотъ оружіе нетлѣнное! да служитъ „оно вамъ вмѣсто шлемовъ!" Димитрій выѣхалъ изъ Обители съ новою и еще сильнѣйшею надеждою на помощь Небесную.

Въ тотъ часъ, когда полки съ распущенными знаменами уже шли изъ Кремля въ ворота Флоровскія, Никольскія и Константино-Еленскія (70), будучи провождаемы Духовенствомъ съ крестами и чудотворными иконами, Великій Князь молился надъ прахомъ своихъ предмѣстниковъ, Государей Московскихъ, въ церкви Михаила Архангела, воспоминая ихъ подвиги и добродѣтели. Онъ нѣжно обнялъ горестную супругу, но удержалъ слезы, окруженный свидѣтелями, и сказавъ ей: „Богъ нашъ заступникъ!" сѣлъ на коня. Однѣ жены плакали. Народъ стремился въ слѣдъ за воинствомъ, громогласно желая ему побѣды. Утро было ясное и тихое: оно казалось счастливымъ предзнаменованіемъ. — Въ Москвѣ остался Воеводою Ѳеодоръ Андреевичь, блюсти столицу и семейство Княжеское.

Въ Коломнѣ соединились съ Димитріемъ вѣрные ему сыновья Ольгердовы, Андрей и Димитрій, предводительствуя сильною дружиною Полоцкою и Брянскою (71). Великій Князь хотѣлъ осмотрѣть все войско: нико-

гда еще Россія не имѣла подобнаго, даже въ г. 1380.
самыя счастливыя времена ея независимости
и цѣлости: *болѣе ста-пятидесяти тысячъ*
всадниковъ и пѣшихъ стало въ ряды, и Димитрій, выѣхавъ на обширное поле Дѣвичье, съ
душевною радостію видѣлъ ополченіе столь
многочисленное, собранное его Монаршимъ
словомъ въ городахъ одного древняго Суздальскаго Княженія, нѣкогда презираемаго Князьями и народомъ южной Россіи. Скоро пришла
вѣсть, что Мамай, совокупивъ всю Орду, уже
три недѣли стоитъ за Дономъ и ждетъ Ягайла Литовскаго. Въ тоже время явился въ Коломнѣ Посолъ Ханскій, требуя, чтобы Димитрій заплатилъ Моголамъ ту самую дань,
какую бралъ съ его предковъ Царь Чанибекъ.
Еще не довѣряя силамъ своимъ и боясь излишнею надменностію погубить отечество,
Димитрій отвѣтствовалъ, что онъ желаетъ
мира, и не отказывается отъ дани *умѣренной*, согласно съ прежними условіями, заключенными между имъ и Мамаемъ; но не хочетъ
разорить земли своей налогами тягостными
въ удовлетвореніе корыстолюбивому тиранству. Сей отвѣтъ казался Мамаю дерзкимъ
и коварнымъ. Съ обѣихъ сторонъ видѣли необходимость рѣшить дѣло мечемъ.

Димитрій свѣдалъ тогда измѣну Олега Рязанскаго и тайныя сношенія его съ Моголами и съ Литвою; не ужаснулся, но съ видомъ горести сказалъ: „Олегъ хочетъ быть
„новымъ Святополкомъ (78)!“ и принявъ бла-

г. 1380. гословеніе отъ Коломенскаго Епископа, Герасима, 20 Августа выступилъ къ устью рѣки Лопасни. Тамъ настигъ его Князь Владиміръ Андреевичь, внукъ Калитинъ, и Великій Воевода Тимоѳей Васильевичь, со всѣми остальными полками Московскими. 26 Августа войско переправилось за Оку, въ землю Рязанскую, а на другой день самъ Димитрій и *Дворъ* Княжескій, къ изумленію Олега, увѣрившаго своихъ союзниковъ, что Великій Князь не дерзнетъ имъ противоборствовать, и захочетъ спастися бѣгствомъ въ Новгородъ или въ пустыни Двинскія (73). Слыша о силахъ Димитрія, равно боясь его и Мамая, Князь Рязанскій не зналъ, что ему дѣлать; скакалъ изъ мѣста въ мѣсто; отправлялъ гонцевъ къ Татарамъ, къ Ягайлу, уже стоявшему близъ Одоева; трепеталъ будущаго и раскаивался въ своей измѣнѣ; чувствуя, сколь ужасенъ страхъ въ злодѣйствѣ, онъ завидовалъ опасностямъ Димитрія, ободряемаго чистою совѣстію, Вѣрою и любовію всѣхъ добрыхъ Россіянъ.

6 Сентября войско наше приближилось къ Дону, и Князья разсуждали съ Боярами, тамъ ли ожидать Моголовъ, или итти далѣе? Мысли были несогласны. Ольгердовичи, Князья Литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій Шведовъ (74). Еще и другое, важнѣй-

шее обстоятельство было опорою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ. Великій Князь рѣшился — и, къ ободренію своему, получилъ отъ Св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно *ожидая* Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ Татарскими, и гнали ихъ. Димитрій собралъ Воеводъ, и сказавъ имъ: „часъ суда Божія наступаетъ,“ 7 Сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго броду для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густый туманъ, но скоро разсѣялся: войско перешло за Донъ, и стало на берегахъ Непрядвы, гдѣ Димитрій устроилъ всѣ полки къ битвѣ. Въ срединѣ находились Князья Литовскіе, Андрей и Димитрій Ольгердовичи, Ѳеодоръ Романовичь Бѣлозерскій и Бояринъ Николай Васильевичь. Въ собственномъ же полку Великокняжескомъ Бояре Іоаннъ Родіоновичь Квашня, Михаилъ Бренокъ, Князь Іоаннъ Васильевичь Смоленскій; на правомъ крылѣ Князь Андрей Ѳеодоровичь Ростовскій, Князь Стародубскій того же имени и Бояринъ Ѳеодоръ Грунка; на лѣвомъ Князь Василій Васильевичь Ярославскій, Ѳеодоръ Михайловичь Моложскій и Бояринъ Левъ Морозовъ; въ Сторожевомъ полку Бояринъ Михаилъ Іоанновичь, внукъ Акинѳіевъ, Князь Симеонъ Константиновичь Оболенскій, братъ его Князь Іоаннъ Торусскій

Г. 1380.

8 Сентября.

Славная битва Куликовская.

*

Г. 1380. и Андрей Серкизъ; а въ засадѣ Князь Владиміръ Андреевичь, внукъ Калитинъ, Димитрій Михайловичь Волынскій (75), побѣдитель Олега и Болгаровъ, мужъ славный доблестію и разумомъ, — Романъ Михайловичь Брянскій, Василій Михайловичь Кашинскій и сынъ Романа Новосильскаго. Димитрій, стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, — слыша всеобщія громогласныя восклицанія: „Боже! даруй побѣду Государю нашему!“ и вообразивъ, что многія тысячи сихъ бодрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна, и простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на *черномъ знамени* Великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за Христіанъ и Россію; сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами *и милыми братьями*, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцемъ мученическимъ за гробомъ (76).

Войско тронулось, и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ Вожди наблюдали другъ друга, и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила

Татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, г. 1380.
пылая ревностію служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку: усердные Бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. „Долгъ Князя" — говорили они—„смотрѣть на битву, видѣть подвиги „Воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ „готовы на смерть; а ты, Государь любимый, живи и предай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды" (77). Но Димитрій отвѣтствовалъ: „Гдѣ вы, тамъ „и я. Скрываясь назади, могу ли сказать „вамъ: *братья! умремъ за отечество*? Слово „мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою „голову въ примѣръ другимъ." Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію; громогласно читая Псаломъ: *Богъ намъ прибѣжище и сила*, первый ударилъ на враговъ, и бился мужественно какъ рядовый воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ лилася кровь Христіанъ и невѣрныхъ (78). Ряды смѣшались: индѣ Россіяне тѣснили Моголовъ, индѣ Моголы Россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣкоторые Московскіе неопытные юноши — думая, что все погибло — обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ Большимъ, или Княжескимъ знаме-

г. 1380. намъ, и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще Князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы, и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. Насталъ девятый часъ дня: сей Димитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечь, и сказалъ Владиміру: „теперь наше время.“ Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля и быстро устремился на Моголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги изумленные, разсѣянные, не могли противиться новому строю войска свѣжаго, бодраго, и Мамай, съ высокаго кургана, смотря на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: „Великъ Богъ Христіанскій!“ и бѣжалъ въ слѣдъ за другими. Полки Россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топтали, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телегъ, коней, вельблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями (79).

Мужественный Князь Владиміръ, Герой сего незабвеннаго для Россіи дня, довершивъ побѣду, сталъ *на костяхъ* или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ Княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему Князья и Пол-

ководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: „гдѣ братъ мой и „первоначальникъ нашей славы?“ Никто не могъ дать объ немъ вѣсти (80. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ Воеводы разсѣялись искать его, живаго или мертваго; долго не находили: наконецъ два воина увидѣли Великаго Князя лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ; но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, Князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: „Государь! ты „побѣдилъ враговъ!“ Димитрій всталъ: видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамена Христіанскія надъ трупами Моголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность Небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ, и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа, и не чувствуя изнуренія силъ. — Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровію невѣрныхъ: Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего Князя среди безчисленныхъ опасностей, которымъ онъ съ излишнею пылкостію подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрій, провождаемый Князьями и Боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество Россіянъ, но въ четверо болѣе непріятелей (81), такъ, что, по сказанію нѣкоторыхъ Историковъ, число всѣхъ убитыхъ г. 1380.

Г. 1380. простиралось до двухъ сотъ тысячъ. Князья Бѣлозерскіе, Ѳеодоръ и сынъ его Іоаннъ, Торусскіе Ѳеодоръ и Мстиславъ, Дорогобужскій Димитрій Монастыревъ, первостепенные Бояре Симеонъ Михайловичь, сынъ Тысяцкаго Николай Васильевичь, внукъ Акинѳовъ Михаилъ, Андрей Серкизъ, Волуй, Бренко, Левъ Морозовъ и многіе другіе положили головы за отечество: а въ числѣ ихъ и Сергіевъ Инокъ Александръ Пересвѣтъ, о коемъ пишутъ, что онъ еще до начала битвы палъ въ единоборствѣ съ Печенѣгомъ, богатыремъ Мамаевымъ, сразивъ его съ коня и вмѣстѣ съ нимъ испустивъ духъ; кости сего и другаго Сергіева Священновитязя, Осляби, покоятся донынѣ близъ монастыря Симонова (82). Останавливаясь надъ трупами мужей знаменитѣйшихъ, Великій Князь платилъ имъ дань слезами умиленія и хвалою; наконецъ, окруженный Воеводами, торжественно благодарилъ ихъ за оказанное мужество, обѣщая наградить каждаго по достоинству, и велѣлъ хоронить тѣла Россіянъ. Послѣ, въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, тамъ убіеннымъ, онъ уставилъ праздновать вѣчно ихъ память въ Субботу Димитровскую (83), доколѣ существуетъ Россія.

Ягайло въ день битвы находился не болѣе какъ въ 30 или въ 40 верстахъ отъ Мамая: узнавъ ея слѣдствіе, онъ пришелъ въ ужасъ и думалъ только о скоромъ бѣгствѣ, такъ,

что легкіе наши отряды нигдѣ не могли г. 1380.
его настигнуть. Со всѣхъ сторонъ счастливый Димитрій, однимъ ударомъ освободивъ Россію отъ двухъ грозныхъ непріятелей, послалъ гонцевъ въ Москву, въ Переславль, Кострому, Владиміръ, Ростовъ и другіе города, гдѣ народъ, свѣдавъ о переходѣ войска за Оку, денно и нощно молился въ храмахъ. Извѣстіе о побѣдѣ столь рѣшительной произвело восхищеніе неописанное. Казалось, что независимость, слава и благоденствіе нашего отечества утверждены ею навѣки; что Орда пала и не возстанетъ; что кровь Христіанъ, обагрившая берега Дона, была послѣднею жертвою для Россіи, и совершенно умилостивила Небо. Всѣ поздравляли другъ друга, радуясь, что дожили до временъ столь счастливыхъ, и славили Димитрія, какъ втораго Ярослава Великаго и новаго Александра, единогласно назвавъ его *Донскимъ*, а Владиміра Андреевича *Храбрымъ* [84], и ставя Мамаево побоище выше Алтскаго и Невскаго. Увидимъ, что оно, къ сожалѣнію, не имѣло тѣхъ важныхъ, прямыхъ слѣдствій, какихъ Димитрій и народъ его ожидали; но считалось знаменитѣйшимъ въ преданіяхъ нашей Исторіи до самыхъ временъ Петра Великаго, или до битвы Полтавской: еще не прекратило бѣдствій Россіи, но доказало возрожденіе силъ ея, и въ несомнительной связи дѣйствій съ причинами отдаленными служило основаніемъ успѣховъ Іоанна III,

г. 1380. коему судьба назначила совершить дѣло предковъ, менѣе счастливыхъ, но равно великихъ.

Для чего Димитрій не хотѣлъ воспользоваться побѣдою, гнать Мамая до береговъ Ахтубы и разрушить гнѣздо тиранства? Не будемъ обвинять Великаго Князя въ оплошности. Татары бѣжали, однакожь все еще сильные числомъ, и могли въ Волжскихъ Улусахъ собрать полки новые; надлежало итти въ слѣдъ за ними съ войскомъ многолюднымъ: какимъ образомъ продовольствовать оное въ степяхъ и пустыняхъ? Народу кочующему нужна только паства для скота его, а Россіяне долженствовали бы везти хлѣбъ съ собою, видя впереди глубокую осень и зиму, имѣя лошадей не пріученныхъ питаться одною изсохшею травою. Множество раненыхъ требовало призрѣнія, и побѣдители чувствовали нужду въ отдохновеніи. Думая, что Мамай никогда уже не дерзнетъ возстать на Россію, Димитрій не хотѣлъ безъ крайней необходимости подвергать судьбу Государства дальнѣйшимъ опасностямъ войны, и въ надеждѣ заслужить счастіе умѣренностію, возвратился въ столицу. Шествіе его отъ поля Куликова до вратъ Кремлевскихъ было торжествомъ непрерывнымъ (85). Вездѣ народъ встрѣчалъ побѣдителя съ веселіемъ, любовію и благодарностію; вездѣ гремѣла хвала Богу и Государю. Народъ смотрѣлъ на Димитрія, какъ на Ангела-хранителя,

ознаменованнаго печатію Небеснаго благоволенія. Сіе блаженное время казалось истиннымъ очарованіемъ для добрыхъ Россіянъ: оно не продолжилось! г. 1380.

Уже зная всю черноту души Олеговой, и свѣдавъ еще, что сей измѣнникъ старался вредить Московскимъ полкамъ на возвратномъ ихъ пути чрезъ области Рязанскія; истреблялъ мосты, даже захватывалъ и грабилъ слугъ Великокняжескихъ, Димитрій готовился наказать его. Тогда именитѣйшіе Бояре Рязанскіе пріѣхали въ Москву объявить, что Князь ихъ ушелъ съ своимъ семействомъ и Дворомъ въ Литву; что Рязань поддается Герою Донскому и молитъ его о милосердіи. Димитрій отправилъ туда Московскихъ Намѣстниковъ; но хитрый Олегъ, бывъ нѣсколько мѣсяцевъ изгнанникомъ, умѣлъ тронуть его чувствительность знаками раскаянія и возвратился на престолъ, съ обѣщаніемъ отказаться отъ Ягайловой дружбы, считать Великаго Князя старшимъ братомъ и быть съ нимъ за-одно въ случаѣ войны или мира съ Литвою и Татарами. Въ семъ письменномъ договорѣ сказано, что Ока и Цна служатъ границею между Княженіями Московскимъ и Рязанскимъ; что мѣста, отнятыя у Татаръ, безспорно принадлежатъ тому, кто ихъ отнялъ; что городъ *Тула*, названный именемъ Царицы *Тайдулы*, жены Чанибековой, и нѣкогда управляемый ея Баскаками, остаетъ-

г. 1380. ся собственностію Димитрія, равно какъ и бывшая Мордовская область, Мещера, купленная имъ у тамошняго крещенаго Князя, именемъ Александра Уковича (86). Великодушіе дѣйствуетъ только на великодушныхъ: суровый Олегъ могъ помнить обиды, а не благотворенія; скоро забылъ милость Димитрія, и воспользовался первымъ случаемъ нанести ему вредъ.

Уничиженный, поруганный Мамай, достигнувъ своихъ Улусовъ въ видѣ робкаго бѣглеца, скрежеталъ зубами и хотѣлъ еще отвѣдать силъ противъ Димитрія; но судьба послала ему иного непріятеля. Тохтамышъ, одинъ изъ потомковъ Чингисхановыхъ, изгнанный изъ Орды Капчакской Ханомъ Урусомъ (87), сыскалъ дружбу славнаго Тамерлана, который, смиренно называясь Эмиромъ или Княземъ Моголовъ Чагатайскихъ, уже властвовалъ надъ обѣими Бухаріями. Съ помощію сего втораго Чингиса Тохтамышъ, объявивъ себя наслѣдникомъ Батыева престола, шелъ къ морю Азовскому. Мамай встрѣтилъ его близъ нынѣшняго Маріуполя, и на томъ мѣстѣ, гдѣ Моголы въ 1224 году истребили войско нашихъ соединенныхъ Князей, былъ разбитъ на голову; оставленный невѣрными Мурзами, бѣжалъ въ Кафу, и тамъ кончилъ жизнь свою: Генуэзцы обѣщали ему безопасность, но коварно умертвили его, чтобы угодить побѣдителю или завладѣть Мамаевою казною (88). Тохта-

Тамерланъ.

мышъ воцарился въ Ордѣ и дружелюбно далъ знать всѣмъ Князьямъ Россійскимъ, что онъ побѣдилъ *ихъ врага общаго.* Димитрій принялъ Ханскихъ Пословъ съ ласкою, отпустилъ съ честію, и въ слѣдъ за ними отправилъ собственныхъ съ богатыми дарами для Хана; то же сдѣлали и другіе Князья. Но дары не дань, и ласки не рабство: надменный, честолюбивый Тохтамышъ не могъ удовольствоваться привѣтствіями: онъ хотѣлъ властвовать какъ Батый или Узбекъ надъ Россіею.

Въ слѣдующее лѣто Ханъ послалъ къ Димитрію Царевича Акхозю и съ нимъ 700 воиновъ, требовать, чтобы всѣ Князья наши, какъ древніе подданные Моголовъ, немедленно явились въ Ордѣ. Россіяне содрогнулись. „Давно ли“ — говорили они —„мы „одержали побѣду на берегахъ Дона? не уже „ли кровь Христіанская лилась тщетно?“ Государь думалъ согласно съ народомъ, и Царевичу въ Нижнемъ Новѣгородѣ сказали, что Великій Князь не отвѣтствуетъ за его безопасность, если онъ пріѣдетъ въ столицу съ воинскою дружиною (89). Акхозя возвратился къ Хану, отправивъ въ Москву нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей. Даже и сіи люди, устрашенные знаками народной ненависти Россіянъ къ Моголамъ, не посмѣли туда ѣхать; а Димитрій, излишно надѣясь на слабость Орды, спокойно занимался дѣлами внутренняго правленія. Г. 1381.

Прошло около года: Ханъ молчалъ, но въ тишинѣ готовился дѣйствовать. Вдругъ
г. 1382. услышали въ Москвѣ, что Татары захватили всѣхъ нашихъ купцевъ въ землѣ Болгарской и взяли у нихъ суда для перевоза войска Хан-
Нашествіе Тохтамыша. скаго чрезъ Волгу; что Тохтамышъ идетъ на Россію; что вѣроломный Олегъ встрѣтилъ его близъ границы, и служитъ ему путеводителемъ, указывая на Окѣ безопасные броды (90). Сія вѣсть, привезенная изъ Улусовъ нѣкоторыми искренними доброхотами Россіянъ, изумила народъ: еще великодушная рѣшимость Правителей могла бы воспламенить его ревность, и Герой Донскій съ мужественнымъ братомъ своимъ, Владиміромъ Андреевичемъ, спѣшили выступить въ поле; но другіе Князья измѣнили чести и славѣ. Самъ тесть Великаго Князя, Димитрій Нижегородскій, свѣдавъ о быстромъ стремленіи непріятеля, послалъ къ Хану двухъ сыновей съ дарами. Одни увеличивали силу Тохтамышеву; иные говорили, что онъ важнаго урона, претерпѣннаго Россіянами въ битвѣ Донской, столь кровопролитной, хотя и счастливой, города оскудѣли людьми военными; наконецъ совѣтники Димитріевы только спорили о лучшихъ мѣрахъ для спасенія отечества, и Великій Князь, потерявъ бодрость духа, вздумалъ, что лучше обороняться въ крѣпостяхъ, нежели искать гибели въ полѣ. Онъ удалился въ Кострому съ супругою и

съ дѣтьми, желая собрать тамъ болѣе войска, и надѣясь, что Бояре, оставленные имъ въ столицѣ, могутъ долго противиться непріятелю. Г. 1382.

Тохтамышъ взялъ Серпуховъ и шелъ прямо къ Москвѣ, гдѣ господствовало мятежное безначаліе. Народъ не слушался ни Бояръ, ни Митрополита, и при звукѣ колоколовъ стекался на Вѣче (91), вспомнивъ древнее право гражданъ Россійскихъ, въ важныхъ случаяхъ рѣшить судьбу свою большинствомъ голосовъ. Смѣлые хотѣли умереть въ осадѣ, робкіе спасаться бѣгствомъ; первые стали на стѣнахъ, на башняхъ, и бросали камнями въ тѣхъ, которые думали уйти изъ города; другіе, вооруженные мечами и копьями, никого не пускали къ городскимъ воротамъ; наконецъ, убѣжденные представленіями людей благоразумныхъ, что въ Москвѣ останется еще не мало воиновъ отважныхъ, и что въ долговременной осадѣ всего страшнѣе голодъ, позволили многимъ удалиться, но въ наказаніе отняли у нихъ все имущество. Самъ Митрополитъ Кипріанъ выѣхалъ изъ столицы въ Тверь, предпочитая собственную безопасность долгу церковнаго Пастыря: онъ былъ иноплеменникъ. Волненіе продолжалось: народъ, оставленный Государемъ и Митрополитомъ, тратилъ время въ шумныхъ спорахъ, и не имѣлъ довѣренности къ Боярамъ.

г. 1382. Въ сїе время явился достойный Воевода, юный Князь Литовскій, именемъ Остей, внукъ Ольгердовъ, посланный, какъ вѣроятно, Димитріемъ. Умомъ своимъ и великодушіемъ, столь сильно дѣйствующимъ въ опасностяхъ, онъ возстановилъ порядокъ, успокоилъ сердца, ободрилъ слабыхъ. Купцы, земледѣльцы окрестныхъ селеній, пришедшіе въ Москву съ дѣтьми и съ драгоцѣннѣйшею собственностію, — Иноки, Священники требовали оружія (92). Немедленно образовались полки; каждый занялъ свое мѣсто, въ тишинѣ и благоустройствѣ. Дымъ и пламя вдали означили приближеніе Моголовъ, которые, слѣдуя обыкновенію, жгли на пути всѣ деревни, и 23 Августа обступили городъ. Нѣкоторые ихъ чиновники подъѣхали къ стѣнѣ, и зная Русской языкъ, спрашивали, гдѣ Великій Князь Димитрій? Имъ отвѣтствовали, что его нѣтъ въ Москвѣ. Татары, не пустивъ ни одной стрѣлы, ѣздили вокругъ Кремля, осматривали глубину рвовъ, башни, всѣ укрѣпленія, и выбирали мѣста для приступовъ; а Москвитяне, въ ожиданіи битвы, молились въ церквахъ; другіе же, менѣе набожные, веселились на улицахъ; выносили изъ домовъ чаши крѣпкаго меду и пили съ друзьями, разсуждая: „Можемъ ли бояться „нашествія поганыхъ, имѣя городъ твердый „и стѣны каменныя съ желѣзными ворота„ми? Непріятели скроются, когда испыта„ютъ нашу бодрость, и свѣдаютъ, что Ве-

Мужественный Князь Остей.

,,ликій Князь съ сильными полками заходитъ ,,имъ въ тылъ." Сіи храбрецы, всходя на стѣну и видя малое число Татаръ, смѣялись надъ ними (93); а Татары издали грозили имъ обнаженными саблями, и ввечеру, къ преждевременной радости Москвитянъ, удалились отъ города. Г. 1382.

Сіе войско было только легкимъ отрядомъ: въ слѣдующій день явилась главная рать, столь многочисленная, что осажденные ужаснулись. Самъ Тохтамышъ предводительствовалъ ею. Онъ велѣлъ немедленно начать приступъ. Москвитяне, пустивъ нѣсколько стрѣлъ, были осыпаны непріятельскими, и падали на стѣнахъ цѣлыми рядами. Татары стрѣляли съ удивительною мѣткостію, пѣшіе и конные, стоя неподвижно или на всемъ скаку, въ обѣ стороны, взадъ и впередъ (94). Они приставили къ стѣнамъ лѣстницы; но Россіяне обливали ихъ кипящею водою, били камнями, толстыми бревнами, и къ вечеру отразили. Три дни продолжалась битва; осажденные теряли многихъ людей, а непріятель еще болѣе: ибо не имѣя стѣнобитныхъ орудій, онъ упорствовалъ взять городъ силою. И воины и граждане Московскіе, одушевляемые примѣромъ Князя Остея, старались отличить себя мужествомъ. Въ числѣ Героевъ Лѣтописцы называютъ одного суконника, именемъ Адама, который съ воротъ Флоровскихъ застрѣлилъ любимаго Мур-

Приступъ къ столицѣ.

г. 1382. зу Ханскаго. Видя неудачу, Тохтамышъ употребилъ коварство, достойное варвара.

26 Августа. Вѣроломство Тохтамыша. Въ четвертый день осады непріятель изъявилъ желаніе вступить въ мирные переговоры. Знаменитые чиновники Тохтамышевы, подъѣхавъ къ стѣнамъ, сказали Москвитянамъ, что Ханъ любитъ ихъ какъ *своихъ* добрыхъ *подданныхъ*, и не хочетъ воевать съ ними, будучи только личнымъ врагомъ Великаго Князя; что онъ немедленно удалится отъ Москвы, буде жители выдутъ къ нему съ дарами, и впустятъ его въ сію столицу, осмотрѣть ея достопамятности. Такое предложеніе не могло обольстить людей благоразумныхъ; но съ Послами находились два сына Димитрія Нижегородскаго, Василій и Симеонъ: обманутые увѣреніями Тохтамыша, или единственно исполняя волю его, они какъ Россіяне и Христіане дали клятву, что Ханъ сдержитъ слово и не сдѣлаетъ ни малѣйшаго зла Москвитянамъ (95). Храбрый Остей совѣтовался съ Боярами, съ Духовенствомъ и народомъ: всѣ думали, что ручательство Нижегородскихъ Князей надежно; что излишняя недовѣрчивость можетъ быть пагубна въ семъ случаѣ, и что безразсудно подвергать столицу дальнѣйшимъ бѣдствіямъ осады, когда есть способъ прекратить ихъ. Отворили ворота: Князь Литовскій вышелъ первый изъ города и несъ дары; за нимъ Духовенство съ крестами, Бояре и граждане. Остея по-

вели въ станъ Ханскій — и тамъ умертвили. Сіе злодѣйство было началомъ ужаса: по данному знаку обнаживъ мечи, тысячи Моголовъ въ одно мгновеніе обагрились кровію Россіянъ безоружныхъ, напрасно хотѣвшихъ спастися бѣгствомъ въ Кремль: варвары захватили путь, и вломились въ ворота; другіе, приставивъ лѣстницы, взошли на стѣну. Еще довольно ратниковъ оставалось въ городѣ, но безъ вождей и безъ всякаго устройства: люди бѣгали толпами по улицамъ, вопили какъ слабыя жены и терзали на себѣ волосы, не думая обороняться. Непріятель въ остервененіи своемъ убивалъ всѣхъ безъ разбора, гражданъ и Монаховъ, женъ и Священниковъ, юныхъ дѣвицъ и дряхлыхъ старцевъ; опускалъ мечь единственно для отдохновенія и снова начиналъ кровопролитіе. Многіе укрывались въ церквахъ каменныхъ: Татары отбивали двери, и вездѣ находили сокровища, свезенныя въ Москву изъ другихъ, менѣе укрѣпленныхъ городовъ. Кромѣ богатыхъ иконъ и сосудовъ, они взяли, по сказанію Лѣтописцевъ, несмѣтное количество золота и серебра въ Казнѣ Великокняжеской, у Бояръ старѣйшихъ, у купцевъ знаменитыхъ, наслѣдіе ихъ отцевъ и дѣдовъ, плодъ бережливости и трудовъ долговременныхъ. Къ вѣчному сожалѣнію потомства, сіи грабители, обнаживъ церкви и домы, предали огню множество древнихъ книгъ и рукописей, тамъ хранимыхъ, и лишили нашу Исторію, по-

Г. 1382.

Взятіе и разрушеніе Москвы.

*

Г. 1382. жечь было, весьма любопытных памятниковъ (96).

Не будемъ подробно описывать всѣхъ ужасовъ сего несчастнаго для Россіи дня: легко представить себѣ оные. И въ наше время, когда непріятель, раздраженный упорствомъ осажденныхъ, силою входитъ въ городъ, что можетъ превзойти бѣдствіе жителей? ни язва, ни землетрясеніе. А Татары со временъ Батыевыхъ не смягчились сердцемъ, и въ своей Азовской роскоши утративъ отчасти прежнюю неустрашимость, сохранили всю дикую свирѣпость народа степнаго. Обремененные добычею, утружденные злодѣйствами, наполнивъ трупами городъ, они зажгли его и вышли отдыхать въ поле, гоня передъ собою толпы юныхъ Россіянъ, избранныхъ ими въ невольники.—,,Какими словами" —говорятъ Лѣтописцы—,,изобразимъ тогдашній видъ Москвы? Сія многолюдная столица *кипѣла* прежде *богатствомъ и славою* ,,(97): въ одинъ день погибла ея красота; ,,остались только дымъ, пепелъ, земля окровавленная, трупы и пустыя, обгорѣлыя церкви. Ужасное безмолвіе смерти прерывалось ,,однимъ глухимъ стономъ нѣкоторыхъ страдальцевъ, изсѣченныхъ саблями Татаръ, но ,,еще не лишенныхъ жизни и чувства."

Войско Тохтамышево разсыпалось по всему Великому Княженію. Владиміръ, Звенигородъ, Юрьевъ, Можайскъ, Дмитровъ, имѣли участь Москвы. Жители Переславля броси-

лись въ лодки, отплыли на средину озера, Г. 1382.
и тѣмъ спаслися отъ погибели; а городъ былъ сожженъ непріятелемъ (98). Близъ Волока стоялъ съ дружиною смѣлый братъ Димитріевъ, Князь Владиміръ Андреевичъ: отпустивъ мать и супругу въ Торжекъ, онъ внезапно ударилъ на сильный отрядъ Моголовъ и разбилъ его совершенно. Извѣщенный о томъ бѣглецами, Ханъ началъ отступать отъ Москвы; взялъ еще Коломну и перешелъ за Оку. Тутъ вѣроломный Князь Рязанскій увидѣлъ, сколь милость Татаръ, купленная гнусною измѣною, ненадежна: они поступали въ его землѣ какъ въ непріятельской; жгли, убивали, плѣняли жителей, и заставили самого Олега скрыться. Тохтамышъ оставилъ наконецъ Россію, отправивъ шурина своего, именемъ Шихомата, Посломъ къ Князю Суздальскому.

Скорбь Димитріа.

Съ какою скорбію Димитрій и Князь Владиміръ Андреевичъ, пріѣхавъ съ своими Боярами въ Москву, увидѣли ея хладное пепелище и свѣдали всѣ бѣдствія, претерпѣнныя отечествомъ, и столь неожидаемыя послѣ счастливой Донской битвы! „Отцы наши“ —говорили они, проливая слезы (99) — „не „побѣждали Татаръ, но были менѣе насъ зло-„получны!“ Дѣйствительно менѣе со времень Калиты, памятныхъ началомъ устройства, безопасности, и малодушные могли винить Димитрія въ томъ; что онъ не слѣдовалъ правиламъ Іоанна I и Симеона, ко-

г. 1382. торые искали милости въ Ханахъ для пользы государственной; но Великій Князь, чистый въ совѣсти предъ Богомъ и народомъ, не боялся ни жалобы современниковъ, ни суда потомковъ; хотя скорбѣлъ, однакожь не терялъ бодрости, и надѣялся умилостивить Небо своимъ великодушіемъ въ несчастіи.

Онъ велѣлъ немедленно погребать мертвыхъ и давалъ гробокопателямъ по рублю за 80 тѣлъ: что составило 300 рублей (100); слѣдственно въ Москвѣ погибло тогда 24,000 человѣкъ, кромѣ сгорѣвшихъ и потонувшихъ; ибо многіе, чтобы спастись отъ убійцъ, бросались въ рѣку. Еще не успѣли совершить сего печальнаго обряда, когда Димитрій послалъ Воеводъ Московскихъ наказать Олега, приписывая ему успѣхъ Тохтамышевъ и бѣдствіе Великаго Княженія. Подданные должны были отвѣтствовать за своего Князя: онъ умелъ, предавъ ихъ въ жертву мстителямъ, и войско Димитріево, остервененное злобою, въ конецъ опустошило Рязань, считая оную гнѣздомъ измѣны и ставя жителямъ въ вину усердіе ихъ къ Олегу.—Вторымъ попеченіемъ Димитрія было возобновленіе Москвы; стѣны и башни Кремлевскія стояли въ цѣлости: Ханъ не имѣлъ времени разрушить оныя. Скоро кучи пепла исчезли, и новыя зданія явились на ихъ мѣстѣ; но прежнее многолюдство въ столицѣ и въ другихъ взятыхъ Татарами городахъ уменшилось надолго.

Изгнаніе Олега.

Возстановленіе Москвы.

Въ то время, когда надлежало дать Церкви новыхъ Іереевъ вмѣсто убіенныхъ Моголами, святить оскверненные злодѣйствами храмы, утѣшать, ободрять народъ Пастырскими наставленіями, Митрополитъ Кипріанъ спокойно жилъ въ Твери. Великій Князь послалъ за нимъ Бояръ своихъ (101), но объявилъ его, какъ малодушнаго бѣглеца, недостойнымъ управлять Церковію, и возвративъ изъ ссылки Пимена, поручилъ ему Россійскую Митрополію, а Кипріанъ съ горестію и стыдомъ уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ господствовалъ сынъ Ольгердовъ, Владиміръ, Христіанинъ Греческой Вѣры. Столь рѣшительно поступалъ Димитрій въ дѣлахъ церковныхъ, живо чувствуя достоинство Государя, любя отечество, и желая, чтобы Духовенство служило примѣромъ сей любви для гражданъ! Онъ могъ досадовать на Кипріана и за дружескую связь его съ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ, который, вопреки торжественному обѣту и письменному договору 1375 года, не хотѣлъ участвовать ни въ славѣ, ни въ бѣдствіяхъ Московскаго Княженія, и тѣмъ изъявилъ холодность къ общей пользѣ Россіянъ. Скоро обнаружилась и личная давнишняя ненависть его къ Димитрію: какъ бы обрадованный несчастіемъ Москвы и въ надеждѣ воспользоваться злобою Тохтамыша на Великаго Князя, онъ съ сыномъ своимъ, Александромъ уѣхалъ въ Орду, чтобы

Г. 1382.

Изгнаніе Митрополита.

Ненависть Князя Тверскаго къ Димитрію.

снискать милость Хана и съ помощію Моголовъ свергнуть Донскаго съ престола (102).

Не время было презирать Тохтамыша и думать о битвахъ: раззоренное Великое Княженіе требовало мирнаго спокойствія, и народъ унылъ. Великодушный Димитрій, скрѣпивъ сердце, съ честію принялъ въ Москвѣ Ханскаго Мурзу, Карача, посланнаго объявить ему, что Тохтамышъ, страшный во гнѣвѣ, умѣетъ и миловать преступниковъ въ раскаяніи. Сынъ Великаго Князя,
г. 1383, Апрѣля 23. Василій, со многими Боярами отправился Волгою на судахъ въ Орду, и знаками смиренія
Сынъ Димитріевъ въ Ордѣ. столь угодилъ Хану, что Михаилъ Тверскій не могъ успѣть въ своихъ проискахъ, и съ досадою возвратился въ Россію. Но милость Тохтамышева дорого стоила Великому Княженію: кровопійцы Ординскіе, называемые Послами, начали снова являться въ его предѣлахъ, и возложили на оное весьма тягостную дань, въ особенности для
г. 1384. земледѣльцевъ: всякая деревня, состоящая изъ двухъ и трехъ дворовъ, обязывалась платить
Тяжкая дань. полтину серебромъ (103); города давали и *золото*. Сверхъ того, къ огорченію Государя и народа, Ханъ въ залогъ вѣрности и осьми тысячь рублей долгу удержалъ при себѣ юнаго Князя Василія Димитріевича, вмѣстѣ съ сыновьями Князей Нижегородскаго и Тверскаго. Однимъ словомъ, казалось, что Россіяне долженствовали проститься съ мыслію о государственной независимости какъ съ

мечтою; но Димитрій надѣялся вмѣстѣ съ народомъ, что сіе рабство будетъ не долговременно; что паденіе мятежной Орды неминуемо, и что онъ воспользуется первымъ случаемъ освободить себя отъ ея тиранства (104).

Для того Великій Князь хотѣлъ мира и благоустройства внутри отечества; не мстилъ Князю Тверскому за его вражду, и предлагалъ свою дружбу самому вѣроломному Олегу. Сей послѣдній неожидаемо разграбилъ Коломну, плѣнивъ тамошняго Намѣстника, Александра Остея, со многими Боярами (105): Димитрій послалъ туда войско подъ начальствомъ Князя Владиміра Андреевича, но желалъ усовѣстить Олега, зная, что сей Князь любимъ Рязанцами и могъ быть своимъ умомъ полезенъ отечеству. Мужъ, знаменитый святостію, Игуменъ Сергій, взялъ на себя дѣло миротворца: ѣздилъ къ Олегу, говорилъ ему именемъ Вѣры, земли Русской, и смягчилъ его сердце, такъ, что онъ заключилъ съ Димитріемъ искренній, вѣчный союзъ, утвержденный послѣ семейственнымъ: Ѳеодоръ, сынъ Олеговъ, (въ 1387 году) женился на Княжнѣ Московской, Софіи Димитріевнѣ.

Г. 1385.

Миръ съ Олегомъ.

Великій Князь долженствовалъ еще усмирить Новогородцевъ. Они (въ 1384 году) дали Князю Литовскому, Патрикію Наримантовичу, бывшій Удѣлъ отца его: Орѣховъ, Кексгольмъ и половину Копорья; но тамошніе жители изъявили негодованіе. Сдѣ-

Ссора и миръ съ Новымгородомъ.

г. 1385. лался мятежъ въ Новѣгородѣ: Славянскій Конецъ, обольщенный дарами Патрикія, стоялъ за сего Князя на Вѣчѣ Двора Ярославова; другіе Концы взяли противную сторону на Вѣчѣ Софійскомъ. Вооружались; шумѣли, писали разныя грамоты или опредѣленія и наконецъ согласились, вмѣсто упомянутыхъ городовъ, отдать Патрикію Ладогу, Русу и берегъ Наровскій, не считая нужнымъ требовать на то Великокняжескаго соизволенія (106). Сіе дѣло могло оскорбить Димитрія: онъ имѣлъ еще важнѣйшія причины быть недовольнымъ. Въ теченіе десяти лѣтъ оставляемые въ покоѣ сосѣдами, Новогородцы, какъ бы скучая тишиною и мирною торговлею, полюбили разбои, украшая оныя именемъ *молодечества*, и многочисленными толпами ѣздили грабить купцевъ, селенія и города по Волгѣ, Камѣ, Вяткѣ. Въ 1371 году они завоевали Кострому и Ярославль, а въ 1375 вторично явились подъ стѣнами первой, гдѣ начальствовалъ Воевода Плещей: ихъ было 2000, а вооруженныхъ Костромскихъ гражданъ 5000; но малодушный Плещей, съ двухъ сторонъ обойденный непріятелемъ, бѣжалъ: разбойники взяли городъ, и цѣлую недѣлю въ немъ злодѣйствовали; плѣняли людей, опустошали домы, купеческія лавки, и бросивъ въ Волгу, чего не могли увезти съ собою, отправились къ Нижнему; захватили и тамъ многихъ Россіянъ, и продали ихъ какъ не-

вольниковъ Восточнымъ купцамъ въ Болгарахъ. Еще недовольные богатою добычею, сіи храбрецы, предводительствуемые какимъ-то Прокопіемъ и другимъ Смоленскимъ Атаманомъ, пустились далѣе внизъ по Волгѣ, къ Сараю, и грабили безъ сопротивленія до самаго *Хазитороканя* или Астрахани, древняго города Козаровъ; наконецъ, обманутые лестію тамошняго Князя Могольскаго, именемъ Сальчея, были всѣ побиты; а Вятчане (въ 1379 году) истребили другую шайку такихъ разбойниковъ близъ Казани. Занятый опасностями и войнами, Димитрій терпѣлъ сію дерзость Новогородцевъ и видѣлъ, что она возрастала: Правительство ихъ захватывало даже его собственность, или доходы Великокняжескіе, и (въ 1385 году) отложилось отъ церковнаго суда Московской Митрополіи: Посадникъ, Бояре, *Житые* (имениты́е) и черные люди всѣхъ пяти Концевъ торжественно присягнули на Вѣчѣ, чтобы ни въ какихъ тяжбахъ, подсудныхъ Церкви, не относиться къ Митрополиту, но рѣшить оныя самому Архіепископу Новогородскому по Греческому Номоканону или Кормчей Книгѣ, вмѣстѣ съ Посадникомъ, Тысячскимъ и четырмя посредниками, избираемыми съ обѣихъ сторонъ изъ Бояръ и людей Житыхъ. Испытавъ безполезность дружелюбныхъ представленій и самыхъ угрозъ, огорчаемый строптивостію Новогородцевъ и явнымъ г. 1385.

ихъ намѣреніемъ бышь независимыми отъ Великаго Княженія, Димитрій прибѣгнулъ къ оружію, чтобы утвердить власть свою надъ сею знаменитою областію и со временемъ воспользоваться ея силами для общаго блага или освобожденія Россіи.

Г. 1386. Двадцать-шесть областей соединили своихъ ратниковъ подъ знаменами Великокняжескими: Москва, Коломна, Звенигородъ, Можайскъ, Волокъ Ламскій, Ржевъ, Серпуховъ, Боровскъ, Дмитровъ, Переславль, Владиміръ, Юрьевъ, Муромъ, Мещера, Стародубъ, Суздаль, Городецъ, Нижній, Кострома, Угличь, Ростовъ, Ярославль, Молога, Галичь, Бѣлозерскъ, Устюгъ. Самые подданные Новагорода, жители Вологды, Бѣжецка, Торжка (кромѣ знатнѣйшихъ Бояръ сего послѣдняго) взяли сторону Димитрія. Зимою, предъ самымъ Рождествомъ Христовымъ, онъ съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ и другими Князьями выступилъ изъ Москвы; не хотѣлъ слушать Пословъ Новогородскихъ, и въ день Богоявленія расположился станомъ въ тридцати верстахъ отъ береговъ Волхова, обративъ въ пепелъ множество селеній. Тамъ встрѣтилъ его Архіепископъ, старецъ Алексій, съ убѣдительнымъ моленіемъ простить вину Новогородцевъ, готовыхъ заплатить ему 8000 рублей. Великій Князь не согласился, и Новогородцы, извѣщенные о томъ, готовились къ сильному отпору, подъ начальствомъ Патрикія и

другихъ Князей, намъ неизвѣстныхъ (107); оградили валъ тыномъ, сожгли предмѣстія, двадцать четыре монастыря въ окрестностяхъ и всѣ домы за рвомъ въ трехъ Концахъ города, въ Плотинскомъ, въ Людинѣ и въ Перевскомъ; два раза выходили въ поле для битвы, ожидая непріятеля, и возвращались, не находя его. Имѣя войско довольно многочисленное, готовое сразиться усердно, и не пожалѣвъ ни домовъ, ни церквей для лучшей защиты города, они еще хотѣли отвратить кровопролитіе, и послали двухъ Архимандритовъ, 7 Іереевъ и 5 гражданъ, отъ имени пяти Концевъ, чтобы склонить Димитрія къ миру. Съ одной стороны знаки раскаянія и смиренія, съ другой твердость, но соединенная съ умѣренностію, произвели наконецъ желаемое дѣйствіе. Великій Князь подписалъ мирную грамоту, съ условіемъ, чтобы Новгородъ всегда повиновался ему какъ Государю верховному, платилъ ежегодно такъ называемый *черный боръ*, или дань, собираемую съ чернаго народа, и внесъ въ казну Княжескую 8000 рублей за долговременныя наглости своихъ разбойниковъ. Новогородцы тогда же вынули изъ Софійскаго сокровища и прислали къ Димитрію 3000 рублей, отправивъ чиновниковъ въ Двинскую землю для собранія остальныхъ пяти тысячь: ибо Двиняне, имѣвъ также участіе въ разбояхъ Волжскихъ, долженствовали участвовать и въ наказаніи за г. 1386.

г. 1386. оные. Димитрій возвратился въ Москву съ честію и безъ всякаго урона, оставивъ въ областяхъ Новогородскихъ глубокіе слѣды ратныхъ бѣдствій. Многіе купцы, земледѣльцы, самые Иноки лишились своего достоянія, а нѣкоторые люди и вольности (ибо Москвитяне по заключеніи мира освободили не всѣхъ плѣнниковъ); другіе, обнаженные хищными воинами, умерли отъ холода на снѣгу и въ лѣсахъ. — Къ несчастію, Новогородцы не пріобрѣли и внутренняго спокойствія: ибо Великій Князь, довольный ихъ покорностію, не отнялъ у нихъ древняго права избирать главныхъ чиновниковъ и рѣшить дѣла государственныя приговоромъ Вѣча. Такъ (въ 1388 году) три Конца Софійской Стороны возстали на Посадника Іосифа, и злобствуя на Торговую, гдѣ сей чиновникъ нашелъ друзей и защитниковъ, болѣе двухъ недѣль не имѣли съ нею никакого сообщенія (1 8). Исполняя, кажется, волю Димитріеву, Новогородцы отняли Русу и Ладогу у Патрикія Наримантовича; а чрезъ два года отдали ихъ другому Князю Литовскому, Лугвенію-Симеону Ольгердовичу, желая на случай войны съ Шведами или Нѣмцами имѣть въ немъ полководца и жить съ его братьями въ союзѣ.

Крещеніе Литвы. Въ сіе время Литва была уже въ числѣ Державъ Христіанскихъ. Ягайло (въ 1386 году) съ согласія Вельможъ Польскихъ женился на Ядвигѣ, дочери и единственной наслѣдницѣ

ихъ умершаго Короля Людовика, принялъ Г. 1386.
Вѣру Латинскую въ Краковѣ вмѣстѣ съ достоинствомъ Государя Польскаго и крестилъ свой народъ волею и неволею (109). Чтобы сократить обрядъ, Литовцевъ ставили въ ряды цѣлыми полками: Священники кропили ихъ святою водою и давали имена Христіанскія: въ одномъ полку называли всѣхъ людей Петрами, въ другомъ Павлами, въ третьемъ Іоаннами, и такъ далѣе; а Ягайло ѣздилъ изъ мѣста въ мѣсто толковать на своемъ отечественномъ языкѣ Символъ Вѣры. Древній огнь Перкуновъ угасъ навѣки въ городѣ Вильнѣ; святыя рощи были срублены или обращены въ пепелъ, и новые Христіане славили милость Государя, дарившаго имъ бѣлые, суконные кафтаны: „ибо сей народъ (говоритъ Стриковскій) одѣвался до того времени „одними кожами звѣрей и полотномъ.“ Происшествіе, столь благословенное для Рима, имѣло весьма огорчительныя слѣдствія для Россіянъ: Ягайло, дотолѣ покровитель Греческой Вѣры, сдѣлался ея гонителемъ; стѣснялъ ихъ права гражданскія, запретилъ брачные союзы между ими и Католиками, и даже мучительски казнилъ двухъ Вельможъ своихъ, не хотѣвшихъ измѣнить Православію въ угодность Королю (110). Къ счастію, многіе Князья Литовскіе—Владиміръ Ольгердовичь Кіевскій, братья его Скиригайло и Дмитрій, Ѳеодоръ Волынскій, сынъ умершаго Любарта, и другіе—остались еще Христіа-

Г. 1386. нами нашей Церкви и заступниками единовѣрныхъ.

Впрочемъ, не смотря на разномысліе въ духовномъ законѣ, Ягайловы родственники служили Королю усердно, кромѣ одного Андрея Ольгердовича Полоцкаго, друга Димитріева и Москвитянъ. Между тѣмъ, какъ сей Князь дѣлилъ съ Димитріемъ опасности и славу на полѣ Куликовѣ, Скиригайло господствовалъ въ Полоцкой области; но скоро изгнанный жителями (которые, посадивъ его на кобылу (111), съ безчестіемъ и насмѣшками вывезли изъ города) онъ прибѣгнулъ къ Магистру Ливонскому, Конраду Роденштейну, и вмѣстѣ съ нимъ 3 мѣсяца держалъ (въ 1382 году) Полоцкъ въ осадѣ. Напрасно жители молили Новогородцевъ какъ братьевъ о защитѣ; напрасно предлагали Магистру быть данниками Ордена, если онъ избавитъ ихъ отъ Скиригайла: Новогородцы отправили только мирное посольство къ Ягайлу, а Конрадъ Роденштейнъ отвѣтствовалъ: „для кого осѣдлалъ я коня своего и вынулъ „мечь изъ ноженъ, тому не измѣню вовѣки.“ Мужество осажденныхъ заставило непріятеля отступить, и любимый ими Андрей съ радостію къ нимъ возвратился; но Скиригайло въ 1386 году, предводительствуя войскомъ Литовскимъ, взялъ сей городъ, казнилъ въ немъ многихъ людей знатныхъ, и плѣнивъ самого Андрея, отослалъ его въ Польшу, гдѣ онъ три года сидѣлъ въ тяжкомъ заключеніи.

Сей несчастный сынъ Ольгердовъ имѣлъ вѣрнаго союзника въ Святославѣ Іоанновичѣ, Смоленскомъ Князѣ: желая отмстить за него, Святославъ вступилъ въ нынѣшнюю Могилевскую Губернію, и началъ свирѣпствовать какъ Батый въ землѣ населенной Россіянами. не только убивая людей, но и вымышляя адскія для нихъ муки: жегъ, давилъ, сажалъ на колъ младенцевъ и женъ, веселяся отчаяніемъ сихъ жертвъ невинныхъ (112). Сколь вообще ни ужасны были тогда законы войны, но Лѣтописцы говорятъ о сихъ злодѣйствахъ Святослава съ живѣйшимъ омерзѣніемъ: онъ получилъ возмездіе. Войско его, осаждая Мстиславль, бывшій городъ Смоленскій, отнятый Литвою, увидѣло въ полѣ знамена непріятельскія: Скиргайло Ольгердовичь и юный Герой Витовтъ, сынъ Кестутіевъ, примирившійся съ Ягайломъ, шли спасти осажденныхъ. Святославъ мужественно сразился на берегахъ Вехри, и жители Мстиславскіе смотрѣли съ городскихъ стѣнъ на битву, упорную и кровопролитную. Она рѣшилась въ пользу Литовцевъ: Святославъ палъ, уязвленный копіемъ на вылетъ, и чрезъ нѣсколько минутъ испустилъ духъ. Племянникъ его, Князь Іоаннъ Васильевичъ, также положилъ свою голову; а сыновья, Глѣбъ и Юрій, были взяты въ плѣнъ со многими Боярами. Побѣдители гнались за Россіянами до Смоленска: взяли окупъ съ жителей сего города, вы-

Г. 1386. Мщеніе жестокости Князя Смоленскаго.

Апрѣля 29.

дали имъ тѣла убитыхъ Князей, и посадивъ Юрія, какъ данника Литвы, на престолъ отца его, вышли изъ владѣнія Смоленскаго; а Глѣбъ Святославичь остался въ ихъ рукахъ аманатомъ.

Сіи происшествія долженствовали быть крайне оскорбительны для Великаго Князя: ибо Святославъ, отставъ отъ союза съ Литвою, усердно искалъ Димитріевой дружбы, и вмѣстѣ съ Андреемъ Ольгердовичемъ служилъ щитомъ для Московскихъ границъ на Западѣ. Но Димитрій, опасаясь Литвы, еще болѣе опасался Моголовъ, и готовясь тогда къ новому разрыву съ Ордою, имѣлъ нужду

Бѣгство сына Димитріева изъ Орды.

въ пріязни Ягайловой. Сынъ Великаго Князя Василій, три года живъ невольникомъ при Дворѣ Ханскомъ, тайно ушелъ въ Молдавію, къ тамошнему Воеводѣ Петру (115), нашему единовѣрцу, и могъ возвратиться въ Россію только чрезъ владѣнія Польскія и Литву. Димитрій отправилъ на встрѣчу къ нему Бояръ, поручивъ имъ для личной безопасности Василіевой склонить Ягайла къ дружелюбію.

г. 1388, Генваря 19.

Они успѣли въ дѣлѣ своемъ: Василій Димитріевичь прибылъ благополучно въ Москву, провождаемый многими Панами Польскими.

Вѣроятно, что бѣгство его изъ Орды было слѣдствіемъ намѣренія Димитріева свергнуть иго Тохтамышево: другіе случаи также доказываютъ сіе намѣреніе. Тесть Донскаго,

Смерть Князя Нижегородскаго.

Димитрій Константиновичь, преставился Схимникомъ въ 1383 году, памятный соору-

женіемъ каменныхъ спѣнъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ и любовію къ отечеспвенной Испторіи (ибо мы ему обязаны древнѣйшимъ харатейнымъ спискомъ Неспора). Сыновья его и дядя ихъ, Борисъ Городецкій, находились тогда въ Ордѣ и спорили о наслѣдствѣ (114): Ханъ отдалъ Нижегородскую область дядѣ, а племянникамъ, Симеону и Василію, Суздаль, удержавъ послѣдняго аманатомъ въ Сараѣ. Скучавъ долго неволею и праздностію — тщетно хотѣвъ, подобно сыну Донскаго, бѣжать въ Россію — Василій умилостивилъ наконецъ Тохтамыша и пріѣхалъ съ его жалованною грамотою княжить въ Городцѣ. Но сія милость Ханская казалась ему неудовлетворительною: съ помощію Великаго Князя онъ и братъ его, Симеонъ Суздальскій, (въ 1388 году) отняли Нижній у дяди, и презрѣвъ грамоты Ханскія, обязались во всякомъ случаѣ вѣрно служить Димитрію: Борисъ же остался Княземъ Городецкимъ, въ зависимости отъ Московскаго, который, дѣйствуя такимъ образомъ противъ воли Тохтамыша, явно показывалъ худое къ нему уваженіе. Г. 1388.

Въ то время, какъ Россіяне Великаго Княженія съ надеждою или страхомъ могли готовиться ко второй Донской битвѣ, они были изумлены враждою своихъ двухъ главныхъ защитниковъ. Димитрій и Князь Владиміръ Андреевичь, братья и друзья, казались дотолѣ однимъ человѣкомъ, имѣя

Вражда между Вел. Княземъ и Владиміромъ

равную любовь къ отечеству и ко славѣ, испытанную общими опасностями, успѣхами и противностями рока. Вдругъ Димитрій, огорченный, какъ надобно думать, старѣйшими Боярами Владиміра и его къ
г. 1389. нимъ пристрастіемъ, велѣлъ ихъ взять подъ стражу, заточить, развезти по разнымъ городамъ. Сей поступокъ, доказывая власть Великокняжескую, могъ быть согласенъ съ законами справедливости, но крайне огорчилъ народъ, тѣмъ болѣе, что Татары начинали уже дѣйствовать противъ Россіи, взявъ нечаянно Переславль Рязанскій: единодушіе первыхъ ея Героевъ было всего нужнѣе для безопасности Государства [115]. Явивъ примѣръ строгости, Димитрій спѣшилъ удовлетворить желанію народа и собственнаго сердца: чрезъ мѣсяцъ, въ день Благовѣщенія, обнялъ брата какъ друга и новою договорною грамотою утвердилъ
Ихъ примиреніе. искренній съ нимъ союзъ. Въ ней сказано, что Владиміръ признаетъ Димитрія отцемъ, сына его Василія братомъ *старщимъ*, Георгія Димитріевича *равнымъ*, а меньшихъ сыновей Великаго Князя *младшими* братьями; что они будутъ жить въ любви неразрывной, подобно какъ ихъ отцы жили съ Симеономъ Гордымъ, и должны взаимно объявлять другъ другу навѣты злыхъ людей, желающихъ поселить въ нихъ вражду; что ни Димитрію, ни Владиміру безъ общаго согласія не заключать договоровъ съ иными Владѣтелями;

что первому не мѣшаться въ дѣла братнихъ городовъ, второму въ дѣла Великаго Княженія, но судить тяжбы Москвитянъ обоимъ вмѣстѣ чрезъ Намѣстниковъ, а въ случаѣ ихъ несогласія прибѣгать къ суду Митрополита или Третейскому, коего рѣшеніе остается закономъ и для Князей; что Великому Князю, ни Боярамъ его, не покупать селъ въ Удѣлѣ Владиміровомъ, ни Владиміру въ областяхъ, ему не принадлежащихъ; что если Димитрій, удовлетворяя нуждамъ государственнымъ, обложитъ данію своихъ Бояръ помѣстныхъ, то и Владиміровы обязаны внести такую же въ казну Великокняжескую; что гости, *суконники* и *городскіе люди* свободны отъ службы, и проч. Далѣе сказано, что Владиміръ, *если Богу* не угодно будетъ *избавить Россіи отъ Моголовъ*, участвуетъ во всѣхъ ея тягостяхъ и даетъ Ханамъ *триста-двадцать* рублей въ число *пяти тысячъ* Димитріевыхъ, по сей же соразмѣрности платя и долги государственные. Г. 1389.

Сія грамота наиболѣе достопамятна тѣмъ, что она утверждаетъ новый порядокъ наслѣдства въ Великокняжескомъ достоинствѣ, отмѣняя древній, по коему племянники долженствовали уступать оное дядѣ. Владиміръ именно признаетъ Василія и братьевъ его, въ случаѣ Димитріевой смерти, законными наслѣдниками Великаго Княженія. Новый порядокъ наслѣдства.

Г. 1389. Кончина Великаго Князя.

Примиреніе державныхъ братьевъ казалось истиннымъ торжествомъ государственнымъ. Народъ веселился, не предвидя несчастія, коему надлежало случиться толь скоро и толь внезапно. Димитрію едва исполнилось сорокъ лѣтъ: необыкновенная его взрачность, дородство, густые черные волосы и борода, глаза свѣтлые, огненные, изображая внутреннюю крѣпость сложенія, ручались за долголѣтіе (116). Вдругъ, къ общему ужасу, разнеслася вѣсть о тяжкой болѣзни Великаго Князя: къ успокоенію народа сказали, что опасность ея миновалась; но Димитрій, не обольщая себя надеждою, призвалъ Игуменовъ Сергія и Севастіана, вмѣстѣ съ девятью главными Боярами, и велѣлъ писать духовное завѣщаніе. Объявивъ Василія Димитріевича наслѣдникомъ Великокняжескаго достоинства, онъ каждому изъ пяти сыновей далъ особенные Удѣлы: Василію Коломну съ волостями, Юрію Звенигородъ и Рузу, Андрею Можайскъ, Верею и Калугу, Петру Дмитровъ, Іоанну нѣсколько селъ, а Великой Княгинѣ Евдокіи разныя помѣстья и знатную часть Московскихъ доходовъ. Сверхъ областей наслѣдственныхъ, Димитрій отказалъ второму сыну Галичь, третьему Бѣлозерскъ, четвертому Угличь, купленные Калитою у тамошнихъ Князей Удѣльныхъ: сіи города дотолѣ не были еще совершенно присоединены къ Московскому Княженію.

Нѣсколько дней Бояре и граждане утѣшались мнимымъ выздоровленіемъ любимаго ихъ Государя. Въ сіе время супруга его родила шестаго сына, именемъ Константина, окрещеннаго старшимъ братомъ, Василіемъ Димитріевичемъ, и Маріею, вдовою послѣдняго Тысячскаго (117). Но скоро болѣзнь вновь усилилась, и Великій Князь, чувствуя свой конецъ, желалъ видѣть супругу, еще слабую отъ слѣдствія родовъ; изъявляя удивительную твердость, долго говорилъ съ нею и съ дѣтьми; приказывалъ имъ быть во всемъ ей послушными и дѣйствовать единодушно, любить отечество и вѣрныхъ слугъ его. Бояре въ безмолвной горести стояли вдали: онъ велѣлъ имъ приближиться и сказалъ: „Вамъ, свидѣтелямъ моего рожденія и младенчества, извѣстна внутренность души „моей. Съ вами я царствовалъ и побѣждалъ „враговъ для счастія Россіи; съ вами веселился въ благоденствіи и скорбѣлъ въ злополучіяхъ; любилъ васъ искренно и награждалъ по достоинству; не касался ни чести, ни собственности вашей, боясь досадить вамъ однимъ грубымъ словомъ; вы „были не Боярами, но Князьями земли Руской. Теперь вспомните, что мнѣ всегда „говорили: *умремъ за тебя и дѣтей твоихъ.* „Служите вѣрно моей супругѣ и юнымъ сыновьямъ: дѣлите съ ними радость и бѣдствія.“ Представивъ имъ семнадцати-лѣтняго Василія Димитріевича какъ будущаго г. 1389.

Г. 1389. ихъ Государя, онъ благословилъ его; избралъ ему девять совѣтниковъ изъ Вельможъ опытныхъ (118); обнялъ Евдокію, каждаго изъ сыновей и Бояръ; сказалъ: *Богъ мира да будетъ съ вами*! сложилъ руки на груди и скончался.
Маія 19. На другой день погребли Димитрія въ церкви Архангела Михаила. Трапезундскій Митрополитъ Ѳеогностъ, пріѣхавшій на то время гостемъ въ Москву, совершилъ сей печальный обрядъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми Епископами и Святымъ Игуменомъ Сергіемъ.

Не льзя, по сказанію Лѣтописцевъ, изобразить глубокой душевной скорби Россіянъ въ семъ случаѣ: долго стенаніе и вопль не умолкали при Дворѣ и на стогнахъ: ибо никто изъ потомковъ Ярослава Великаго, кромѣ Мономаха и Александра Невскаго, не былъ столь любимъ народомъ и Боярами, какъ Димитрій, за его великодушіе, любовь ко славѣ отечества, справедливость, добросердечіе. Воспитанный среди опасностей и шума воинскаго, онъ не имѣлъ знаній почерпаемыхъ въ книгахъ, но зналъ Россію и науку правленія (119); силою одного разума и характера заслужилъ отъ современниковъ имя *орла высокопарнаго* въ дѣлахъ государственныхъ; словами и примѣромъ вливалъ мужество въ сердца воиновъ, и будучи младенецъ незлобіемъ, умѣлъ съ твердостію казнить злодѣевъ. Современники особенно удивлялись его смиренію въ счастіи. Какая побѣда въ древнія и новыя времена была славнѣе Донской, гдѣ каж-

Свойства Димитріевы.

дый Россіянинъ сражался за отечество и ближнихъ? но Димитрій, осыпаемый хвалами признательнаго народа, опускалъ глаза внизъ и возносился сердцемъ единственно къ Богу вседъ творящему. — Цѣломудренный въ удовольствіяхъ законной любви супружеской, онъ до конца жизни хранилъ дѣвическую стыдливость, и ревностный во благочестіи подобно Мономаху, ежедневно ходилъ въ церковь, всякую недѣлю въ Великій постъ пріобщался Святыхъ Таинъ и носилъ власяницу на голомъ тѣлѣ; однакожъ не хотѣлъ слѣдовать обыкновенію предковъ, умиравшихъ всегда Иноками: ибо думалъ, что нѣсколько дней или часовъ Монашества передъ кончиною не спасутъ души, и что Государю пристойнѣе умереть на тронѣ, нежели въ кельѣ. Г. 1389.

Такимъ образомъ Лѣтописцы изображаютъ намъ добрыя свойства сего Князя; и славя его какъ *перваго побѣдителя Татаръ*, не ставятъ ему въ вину, что онъ далъ Тохтамышу разорить Великое Княженіе, не успѣвъ собрать войска сильнаго, и тѣмъ продлилъ рабство отечества до временъ своего правнука.

Димитрій сдѣлалъ, кажется, и другую ошибку: имѣвъ случай присоединить Рязань и Тверь къ Москвѣ, не воспользовался онымъ: желая ли изъявить великодушное безкорыстіе? но добродѣтели Государя, противныя силѣ, безопасности, спокойствію Государства, не суть добродѣтели. Можетъ быть,

Г. 1389. онъ не хотѣлъ изгнаніемъ Михаила Тверскаго, шурина Ольгердова, раздражить Литвы, и думалъ, что Олегъ, хитрый, дѣятельный, любимый подданными, лучше Московскихъ Намѣстниковъ сохранитъ безопасность юго-восточныхъ предѣловъ Россіи, если искренно съ нимъ примирится для блага отечества. — Димитрій прибавилъ къ Московскимъ владѣніямъ одну купленную имъ Мещеру, и подчинивъ себѣ Князей Ярославскихъ, не хотѣлъ отнять у нихъ наслѣдственнаго Удѣла, довольный правомъ предписывать имъ законы (120).

Строеніе городовъ и монастырей. Въ княженіе Донскаго были основаны города Курмышь и Серпуховъ: первый (въ 1372 году) Борисомъ Константиновичемъ Городецкимъ, а второй (въ 1374) Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, который, чтобы привлечь туда людей, далъ жителямъ многія выгоды и льготу, оградилъ его дубовыми стѣнами и сдѣлалъ въ немъ Намѣстникомъ своего Окольничаго, Якова Юрьевича Новосильца. Новогородцы, въ 1384 году начавъ строить каменную крѣпость Яму на берегу Луги (нынѣ Ямбургъ), совершили оную въ 33 дни; а въ 1387 обвели Порховъ также кирпичными стѣнами, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ (121). — Знаменитые монастыри Чудовъ, Андроньевъ, Симоновскій въ Москвѣ, Высоцкій близъ Серпухова, и другіе остались также памятниками временъ Донскаго. Первые два основаны Митрополитомъ Але-

ксіемъ (который, обогатиivъ Чудовскую Г. 1389.
Обитель драгоцѣнными, золотыми сосудами, селами, рыбными ловлями, завѣщалъ погребсти себя въ оной, послѣдніе Святымъ Сергіемъ Радонежскимъ. Игуменъ Симонова Монастыря, Ѳеодоръ, племянникъ Сергіевъ и Духовникъ Великаго Князя, отличаясь умомъ и знаніями, нѣсколько разъ ѣздилъ въ Константинополь: поставленный тамъ въ Архимандриты, онъ исходатайствовалъ у Патріарха Нила, чтобы его Обитель называлась Патріаршею и ни въ чемъ не зависѣла отъ Митрополита Россійскаго (122). Исполняя волю Князя Владиміра Андреевича, своего друга, Св. Сергій избралъ прекрасное мѣсто въ двухъ верстахъ отъ новаго города Серпухова, и собственными руками заложивъ монастырь Высоцкій, оставилъ въ немъ игуменствовать любимаго ученика, именемъ Аѳанасія, который послѣ выѣхалъ навсегда изъ отечества, недовольный изгнаніемъ Митрополита Кипріана, и преставился въ Царѣградѣ.

Дѣла церковныя.

Церковныя дѣла, важныя по тогдашнему времени, заботили Великаго Князя не менѣе государственныхъ. Онъ простилъ Митрополита Пимена единственно въ досаду Кипріану, но не могъ имѣть къ нему ни любви, ни уваженія, и желалъ дать Церкви инаго, достойнѣйшаго Пастыря. Мы говорили о Епископѣ Діонисіи, врагѣ Митяя: обманомъ уѣхавъ въ Константинополь, онъ нашелъ

Г. 1389. милость въ Патріархѣ и возвратился оттуда съ саномъ *Архіепископа* Суздальскаго, Нижегородскаго и Городецкаго (123). Будучи хитръ, ласковъ, благотворителенъ, Діонисій умѣлъ оправдать себя въ глазахъ Димитрія и заслужилъ его доброе мнѣніе достохвальнымъ подвигомъ Христіанскаго учителя. Еще во время Алексія Митрополита

Ересь Стригольниковъ. открылась въ Новѣгородѣ ересь *Стригольниковъ*, названныхъ такъ отъ имени Карпа Стригольника, человѣка простаго, но ревностнаго суевѣра, утверждавшаго, что Іереи Россійскіе, будучи поставляемы за деньги, суть хищники сего важнаго сана и что истинные Христіане должны отъ нихъ удалиться. Многіе люди, думая согласно съ нимъ, перестали ходить въ церковь, и народъ, озлобленный ихъ нескромными, дерзкими рѣчами, утопилъ въ Волховѣ трехъ главныхъ виновниковъ раскола, Карпа и Діакона Никиту съ товарищемъ (124). Сія излишняя строгость, какъ обыкновенно бываетъ, не уменшила, но втайнѣ умножила число еретиковъ: Архіепископъ Новогородскій Алексій писалъ о томъ къ Патріарху Нилу, который уполномочилъ Діонисія искоренить зло средствами благоразумнаго убѣжденія. Діонисій отправился въ Новгородъ, во Псковъ, гдѣ Стригольники имѣли также своихъ учениковъ; доказывалъ имъ, что плата, опредѣленная закономъ, не есть лихоимство, и наконецъ примирилъ ихъ съ Церковію, къ

удовольствію всѣхъ правовѣрныхъ. Отдавая справедливость сей заслугѣ, Великій Князь желалъ видѣть Діонисія на мѣстѣ Пимена, и велѣлъ ему ѣхать въ Константинополь для поставленія, будучи увѣренъ въ согласіи Патріарха. Воля Димитріева дѣйствительно исполнилась; но Владиміръ Ольгердовичь Кіевскій остановилъ новаго Митрополита на возвратномъ пути изъ Греціи въ Москву, объявивъ, что Кипріанъ есть Глава всей Россійской Церкви — и честолюбивый Діонисій умеръ въ Кіевѣ подъ стражею. Такимъ образомъ Великій Князь два раза не имѣлъ успѣха въ избраніи Митрополитовъ, и какъ бы обезоруженный неблагопріятностію судьбы, хотѣлъ по крайней мѣрѣ, чтобы древняя столица Св. Владиміра и Москва имѣли одного Пастыря духовнаго. Начался судъ между Пименомъ и Кипріаномъ въ Царѣградѣ, куда Великій Князь, въ слѣдъ за первымъ, отправилъ Симоновскаго Архимандрита, Өеодора, съ грамотами и дарами. Прошло около трехъ лѣтъ, и дѣло рѣшилось ничѣмъ: Кипріанъ остался Митрополитомъ Кіевскимъ, а Пименъ, возвратясь въ Москву, черезъ годъ уѣхалъ опять въ Грецію, тайно отъ Великаго Князя, расположеннаго къ нему весьма немилостиво: что случилось за мѣсяцъ до кончины Димитріевой. Г. 1389.

Важнѣйшимъ происшествіемъ для Церковной Исторіи сего времени было обращеніе Крещеніе Перми.

г. 1389. Пермянъ въ Христіанскую Вѣру. Вся обширная страна отъ рѣки Двины до хребта горъ Уральскихъ издревле платила дань; Россіянамъ; по довольные серебромъ и мѣхами, тамъ собираемыми, они не принуждали жителей къ перемѣнѣ Закона. Юный Монахъ, сынъ одного Устюжскаго церковника, именемъ Стефанъ, воспламенился ревностію быть Апостоломъ сихъ идолопоклонниковъ; выучился языку Пермскому, изобрѣлъ для него новыя особенныя буквы, числомъ 24, и перевелъ на оный главныя церковныя книги съ Славянскаго (126); хотѣлъ также узнать языкъ Греческій и долго жилъ въ Ростовскомъ монастырѣ Св. Григорія Богослова, чтобы пользоваться тамошнею славною библіотекою. Изготовивъ себя ко званію народнаго учителя, онъ взялъ благословеніе отъ Коломенскаго Епископа, Герасима, Намѣстника Митрополіи, и Великокняжескія грамоты для своей безопасности; отправился въ Пермь, и началъ проповѣдывать Бога истиннаго людямъ грубымъ, невѣждамъ, но добродушнымъ. Они слушали его съ изумленіемъ; нѣкоторые крестились охотно; другіе, въ особенности жрецы или кудесники Пермскіе, встревоженные сею новостію, говорили: „Какъ „вѣрить человѣку, изъ Москвы пришедшему? „Не Россіяне ли издревле угнетаютъ Пермь „тяжкими данями и насиліемъ? Отъ нихъ ли „ждать намъ истины и добра? Служа мно- „гимъ богамъ отечественнымъ, извѣданнымъ

,,благодѣяніями долговременными, безумно Г. 1383.
,,промѣняпь ихъ на одного, чуждаго и неиз-
,,вѣстнаго. Они посылають намъ соболей,
,,куницъ и рысей, коими Вельможи Русскіе
,,украшаются, торгуютъ и дарятъ Хановъ,
,,Грековъ и Нѣмцевъ. Народъ! твои учители
,,суть опытные старцы; а сей иноплемен-
,,никъ юнъ лѣтами, слѣдственно и разумомъ."
Но Стефанъ подъ защитою Княжескихъ грамотъ, Неба и своей кротости болѣе и болѣе успѣвалъ въ душеспасительномъ дѣлѣ; умноживъ число новыхъ Христіанъ до тысячи, онъ построилъ церковь близъ устья рѣки Вымя и славилъ Творца вселенныя на языкѣ Пермскомъ; а жители, самые упорные въ язычествѣ, съ любопытствомъ смотрѣли на обряды Христіанскаго богослуженія, дивяся красотѣ храма. Наконецъ, желая доказать имъ безсиліе идоловъ, Стефанъ обратилъ въ пепелъ одну изъ ихъ знаменитѣйшихъ кумирницъ. Народъ видѣлъ и безмолвствовалъ въ ужасѣ, кудесники вопили, святый мужъ проповѣдывалъ. Тщетно главный волхвъ, именемъ Пама, хотѣлъ защитить свою Вѣру: кумиры, разрушенные пламенемъ, свидѣтельствовали ихъ ничтожность. Онъ вызвался пройти невредимъ сквозь огонь и воду, требуя, чтобы Стефанъ сдѣлалъ тоже. ,,Я не повелѣваю стихіями," отвѣтствовалъ смиренный Инокъ: ,,но Богъ ,,Христіанскій великъ: иду съ тобою." Пама думалъ только устрашить его: видя же смѣ-

Г. 1389. доспь прошивника, опказался опъ испыпанія, и пѣмъ довершилъ поржеспво испинной Вѣры. Убѣжденные мудрымъ ученіемъ Спефана, жипели цѣлыми полпами креспились и вмѣспѣ съ нимъ сокрушали идоловъ, въ домахъ, на улицахъ, дорогахъ и въ рощахъ, бросая въ огонь драгоцѣнныя кожи звѣрей, приносимыя въ даръ симъ деревяннымъ богамъ, и полопняныя пюнкія пелены, коими ихъ обвивали. Пишупъ, чпо главными идолами народа Пермскаго и Обдорскаго были *Войпель* и пакъ называемая *Золотая баба*, или каменное изображеніе спарухи съ двумя младенцами; чпо суевѣрные, убивая лучшихъ своихъ оленей въ чеспь ея, кровію оныхъ мазали ропъ и глаза истукану, опвѣчавшему на вопросы любопыпныхъ о пайнахъ судьбы; чпо близъ пого мѣспа, въ горахъ, часпо раздавался звукъ, подобный прубному, и проч. Создавъ еще двѣ церкви, Спефанъ завелъ при оныхъ училища, чпобы образовапь молодыхъ людей для сана Іерейскаго, и поѣхалъ въ Москву пребовапь учрежденія особенной Епископіи Пермской. Великій Князь лично зналъ и любилъ его: Мипрополипъ Пимень пакже. Они нашли Спефана доспойнымъ Епископскаго сана, и сей новый Свяпипель, возврапясь въ землю, имъ просвѣщенную, заслужилъ имя опца Пермянъ: училъ, благодѣпельспвовалъ; во время голода доспавлялъ имъ хлѣбъ изъ Вологды; и ѣздилъ въ Новгородъ ходайспвовапь за нихъ у Правипельспва (128). Од-

нимъ словомъ, введеніе Христіанства въ сихъ мѣстахъ, утвержденнаго одною Апостольскою проповѣдію и силою добродѣтели, было счастливою эпохою для обитателей и въ самомъ ихъ гражданскомъ состояніи: народъ благодарный донынѣ съ любовію говоритъ тамъ о дѣлахъ своего перваго наставника, описанныхъ Инокомъ Епифаніемъ, ученикомъ Св. Сергія. Употребивъ всю жизнь на благотвореніе, Стефанъ хотѣлъ закрыть глаза въ Москвѣ, гдѣ и преставился въ княженіе Василія Димитріевича (въ 1396 году) съ названіемъ Святаго; тѣло его погребено въ Кремлѣ, въ церкви Преображенія. Г. 1389.

Сношенія съ Греціею.

Между достопамятностями Димитріева времени должно замѣтить частыя путешествія Греческихъ духовныхъ сановниковъ, особенно изъ Палестины, въ Москву для собранія милостыни. Знаменитѣйшій изъ нихъ былъ Іерусалимскій Архимандритъ Нифонтъ, который посредствомъ золота, вывезеннаго имъ изъ Россіи, достигъ Патріаршества (127). Утѣсняемые невѣрными, Греки пользовались усердіемъ нашихъ предковъ къ Святымъ Мѣстамъ, и требуя денегъ для возстановленія храмовъ разоренныхъ, употребляли оныя болѣе на мірскія, нежели на церковныя нужды.—Вообще Греція, приближаясь къ своему конечному паденію, и недоброжелательствомъ Рима какъ бы исключенная изъ системы Державъ Христіанскихъ, была въ самой тѣсной связи съ единовѣрною Россіею, которая начинала

г. 1389. воскресать въ Москвѣ, и хотя не могла защитить Константинополя, но удѣляла ему часть своего избытка, посылая дары Императору и Патріарху. Житель Цареградскій во глубинѣ нашего Сѣвера, какъ прежде въ Кіевѣ, находилъ для себя второе отечество, гдѣ люди ученые столько любили языкъ его, что Алексій Митрополитъ даже въ Русскихъ грамотахъ подписывалъ имя свое по-Гречески. Въ Константинополѣ обитало всегда множество Россіянъ, привлекаемыхъ купечествомъ или набожностію, и жившихъ тамъ обыкновенно въ монастырѣ Св. Іоанна Предтечи. Чтобы дать Читателю ясное понятіе о тогдашнемъ пути отъ Москвы до Царяграда, Путешествіе Пимена. приведемъ здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ записокъ одного Россійскаго духовнаго сановника, бывшаго въ Греціи вмѣстѣ съ Митрополитомъ Пименомъ (128).

,,Мы выѣхали изъ Москвы"—пишетъ онъ— ,,13 Апрѣля въ 1389 году, во Вторникъ ,,Страстныя недѣли, и Митрополитъ велѣлъ ,,Епископу Смоленскому, Михаилу, вмѣстѣ ,,съ Архимандритомъ Спасскимъ Сергіемъ записывать всѣ достопамятности сего путешествія. Пробывъ Великую Субботу въ ,,Коломнѣ, отправились мы Окою въ день ,,Пасхи къ Рязани, гдѣ, за нѣсколько верстъ ,,отъ Переславля, встрѣтили насъ сыновья ,,Олеговы: наконецъ и самъ Князь со всѣми ,,Боярами и со крестами. Дружелюбно угостивъ Пимена, онъ проводилъ его изъ го-

,,рода въ Ѳомино Воскресеніе; а Воевода г. 1389.
,,Княжескій, Станиславъ, долженствовалъ
,,охранять насъ въ пути до рѣки Дона: ибо
,,въ сихъ мѣстахъ бываютъ частые разбои.
,,За нами везли на колесахъ три струга съ
,,большою лодкою, и въ Четвертокъ спу-
,,стили ихъ на рѣку Донъ. Въ Пятницу мы
,,пріѣхали къ урочищу Киръ-Михаилову, гдѣ
,,прежде находился городъ. Тутъ откланя-
,,лись Митрополиту Бояре Олеговы и Епи-
,,скопы, Ермій Рязанскій, Ѳеодоръ Ростов-
,,скій, Евфросинъ Суздальскій, Даніилъ *Звени-*
,,*городскій* (129). Исаакій же Черниговскій и
,,Михаилъ Смоленскій въ Воскресенье сѣли
,,съ Пименомъ на суда и поплыли внизъ рѣ-
,,кою Дономъ.

,,Не льзя вообразить ничего унылѣе сего
,,путешествія. Вездѣ голыя, необозримыя
,,пустыни; нѣтъ ни селенія, ни людей; одни
,,дикіе звѣри, козы, лоси, волки, медвѣди,
,,выдры, бобры, смотрятъ съ берега на
,,странниковъ какъ на рѣдкое явленіе въ сей
,,странѣ; лебеди, орлы, гуси и журавли не-
,,престанно парили надъ нами. Тамъ суще-
,,ствовали нѣкогда города знаменитые (130):
,,нынѣ едва примѣтны слѣды ихъ.

,,Въ Понедѣльникъ миновали мы рѣку Мечу
,,и Сосну, во Вторникъ Острую Луку, въ
,,Среду Кривый Боръ (131), а въ шестый день
,,плаванія устье Воронежа. 9 Маія встрѣ-
,,тилъ насъ Князь Юрій Елецкій" (потомокъ
Михаила Черниговскаго),, съ своими Боярами

Г. 1389. ,,и со множеством людей. Исполняя данное
,,ему Олегомъ повелѣніе, онъ изъявилъ Мит-
,,рополиту искреннее дружелюбіе и снабдилъ
,,его всѣмъ нужнымъ.

,,Оттуда приплыли мы къ Тихой Соснѣ, ,,и на ея берегахъ увидѣли рядъ бѣлыхъ каменныхъ столповъ, подобныхъ малымъ стогамъ (132): работа и видъ прекрасны!

,,Оставивъ за собою рѣки Червленный Яръ, ,,Битюгъ и Хоперъ, въ пятое Воскресеніе ,,послѣ Свѣтлаго миновали мы устье Медвѣдицы и другихъ рѣкъ, а во Вторникъ ,,*Серклію* (Саркель), городъ древній, а нынѣ ,,только развалины (133). Тутъ въ первый ,,разъ на обѣихъ сторонахъ Дона показались ,,Татары Сарыхозина Улуса и безчисленное ,,множество ихъ скота, овецъ, козъ, воловъ, ,,вельблюдовъ, коней. Мысль, что мы уже ,,вступили въ землю сихъ варваровъ, приводила насъ въ трепетъ; но они не сдѣлали ,,никому обиды, а только спрашивали вездѣ, ,,куда ѣдемъ, и давали намъ молока. Такимъ ,,образомъ проплывъ еще мимо Улуса Вулатова и Акбугина, мы на канунѣ Вознесенія достигли Азова, города Фряжскаго и ,,Нѣмецкаго; а въ Недѣлю Святыхъ Отцевъ ,,перегрузились въ корабль на устьѣ Дона.“ Тутъ путешественникъ расказываетъ, что Генуэзцы, у коихъ Пименъ (въ 1380 году) занималъ деньги въ Греціи на имя Великаго Князя, схватили его какъ неисправнаго должника и хотѣли заключить въ темницу;

однакожъ Митрополитъ откупился серебромъ, и благополучно отправился въ свой путь Азовскимъ и Чернымъ моремъ. г. 1389.

Осыпая въ Москвѣ единовѣрныхъ Грековъ благодѣяніями, Димитрій привлекалъ въ Россію и другихъ Европейцевъ. Между его грамотами находимъ одну, данную Андрею *Фрязину* (вѣроятно Генуэзцу) на область Печерскую, бывшую прежде за дядею сего Андрея, Матѳеемъ Фрязиномъ (134). Въ грамотѣ сказано, чтобы жители ему повиновались, и что онъ, слѣдуя древнимъ уставамъ, долженъ блюсти тамъ общее спокойствіе. Димитрій, Глава Новогородцевъ, имѣлъ, какъ видно, право давать Намѣстника Печерянамъ, ихъ подданнымъ. Такимъ образомъ Москва и въ XIV вѣкѣ не чуждалась иностранцевъ, которые могли быть нужны для ея гражданскаго образованія, и мнѣніе, что до временъ Іоанна III она не имѣла никакого сношенія съ Западомъ Европы, есть ложное. Азовскіе и Таврическіе Генуэзцы служили посредниками между Италіею и нашимъ Сѣверомъ.

Италіянцы въ нашей службѣ.

Въ государствованіе Донскаго Россіяне Великаго Княженія оставили куны, замѣнивъ оныя мелкою, серебряною монетою, для коей служила образцемъ Татарская. Моголы въ древнемъ своемъ отечествѣ и въ Китаѣ вмѣсто денегъ употребляли древесную кору и лоскутки кожаные съ клеймомъ Ханскимъ; но въ Бухаріи и въ Капчакѣ имѣли соб-

Деньги вмѣсто кунъ.

Г. 1389. ственную серебряную и мѣдную монету: первая называлась *тангою*, вторая *пулою* (135). Россіяне симъ именемъ назвали и свою, то есть серебряную *деньгами*, а мѣдную *пулами*. Послѣднія уже ходили и при отцѣ Донскаго; а древнѣйшія изъ серебряныхъ, донынѣ намъ извѣстныхъ, биты въ княженіе Димитрія, вѣсомъ ½ золотника, съ изображеніемъ всадника. Въ мирномъ условіи Тверскаго Князя съ Димитріемъ, заключенномъ въ 1375 году, еще упоминается о *рѣзаняхъ* или мелкихъ кунахъ; но въ позднѣйшихъ договорахъ цѣны вещей опредѣляются только *алтынами* и *деньгами* (коихъ считалось 6 въ алтынѣ).

Огнестрѣльное искусство въ Россіи. Послѣдній годъ Димитріева княженія особенно достопамятенъ началомъ огнестрѣльнаго искусства въ Россіи. Пишутъ, что Монахъ Францисканскій, Константинъ Ангклиценъ или Бартольдъ Шварцъ, изобрѣлъ порохъ около половины XIV вѣка, и сообщилъ сіе важное открытіе Венеціянамъ, воевавшимъ тогда съ Генуэзцами. Французы въ 1338 году уже знали оное, и Король Англійскій, Эдуардъ III, въ славной битвѣ при Креси (въ 1346), разилъ непріятелей пушками. Вѣроятно, что Аравитяне еще гораздо ранѣе употребляли порохъ. Восточные Историки XIII столѣтія описываютъ его дѣйствіе, и Гренадскій Владѣтель, Абалвалидъ Исмаилъ Бенъ Ассеръ, въ 1312 году имѣлъ снарядъ огнестрѣльный. Нѣтъ сомнѣ-

нія, что и Монахъ Рогеръ Баконъ за 100 лѣтъ до Бартольда Шварца умѣлъ составлять порохъ: ибо ясно говоритъ, въ своемъ твореніи de nullitate Magiae, о свойствѣ и силѣ онаго. Сказаніе нашего собственнаго Лѣтописца, что въ 1185 году Князь Половецкій, Кончакъ, возилъ съ собою Харазскаго Турка, *стрѣлявшаго живымъ огнемъ*, также заставляетъ думать, что оружіе сего человѣка могло быть огнестрѣльное. Но въ Россіи оно не употреблялось до 1389 года, когда, по извѣстію одной лѣтописи, вывезли къ намъ изъ земли Нѣмецкой *арматы и стрѣльбу огненную*, съ того времени свѣданную Россіянами. Хотя еще въ описаніи Московской осады 1382 года упоминается о *пушкахъ*; но такъ назывались у насъ прежде не нынѣшнія воинскія орудія сего имени, а большіе самострѣлы или махины, коими осажденные бросали камни въ осаждающихъ. — При сынѣ Донскаго, Василіи, уже дѣлали въ Москвѣ и порохъ (136). г. 1389.

Наконецъ, описавъ исторію временъ Димитрія, прибавимъ, что Лѣтописцы наши, согласно съ другими, говорятъ о явленіи Кометъ зимою въ 1368 и весною въ 1382 годахъ (137): вторая, по ихъ мнѣнію, предвѣстила грозное Тохтамышево нашествіе. Достойно замѣчанія, что въ слѣдующій годъ около Москвы снѣгъ лежалъ цѣлый мѣсяцъ послѣ Святой Пасхи и люди ѣздили на санихъ до 20 Апрѣля. Разныя небесныя знаме- Кометы. Зима до 20 Апрѣля.

Г. 1389. нія, чудесныя для невѣжества, также засухи и великіе пожары были весьма обыкновенны въ государствованіе Димитрія.

ГЛАВА II.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ДИМИТРІЕВИЧЪ.

Г. 1389-1425.

Великое Княженіе сдѣлалось наслѣдіемъ Владѣтелей Московскихъ. Характеръ Аристократіи. Договоръ. Политика Василіева. Бракъ. Вел. Князь въ Ордѣ. Разореніе Вятки. Нижній Новгородъ и Суздаль присоединены къ Москвѣ. Дѣла съ Новымгородомъ. Нашествіе Тамерлана. Славная икона Владимірская. Вѣдствіе Азова. Дѣла Литовскія. Взятіе Смоленска. Свиданіе Вел. Князя съ Витовтомъ. Россія Литовская. Дѣла Новогородскія. Происшествія въ Ордѣ. Замыслы Витовта. Наши завоеванія въ Болгаріи. Война Витовтова съ Моголами. Эдигей. Кончина Князя Тверскаго. Временная независимость Велик. Княженія. Удача и неблагоразуміе Князя Смоленскаго. Политика Витовта. Неудовольствія Новогородцевъ. Злодѣйство Князя Смоленскаго. Разрывъ съ Литвою. Свидригайло. Войны съ Ливоніею. Нашествіе Эдигея. Письмо Эдигеево. Кончина Владиміра Храбраго. Происшествія въ Ордѣ. Дѣла Новогородскія. Язва. Голодъ. Мысль о преставленіи свѣта. Кончина и характеръ Василія. Завѣщаніе. Договоръ съ Рязанскимъ Княземъ. Дары посланные въ Грецію. Дочь Василіева за Императоромъ. Дѣла церковныя. Судная грамота. Разныя извѣстія. Добродѣтель супруги Донскаго.

Димитрій оставилъ Россію готовую снова противоборствовать насилію Хановъ: юный сынъ его, Василій, отложилъ до времени мысль о независимости, и былъ возведенъ на престолъ въ Владимірѣ Посломъ Царскимъ, Шахматомъ. Такимъ образомъ достоинство Великокняжеское сдѣлалось наслѣдіемъ Владѣтелей Московскихъ. Уже никто не спорилъ съ ними о сей чести. Хотя Борисъ Городецкій, старѣйшій изъ потомковъ Ярослава II, немедленно по кончинѣ Донскаго отправился въ Сарай; но цѣлію его исканій былъ единственно Нижній Новгородъ, отнятый у него племянниками. Тохтамышъ, неблагодарно предпріявъ воевать сильную Имперію Тамерланову, велѣлъ ему ѣхать за собою къ границамъ Персіи; наконецъ дозволилъ остаться въ Сараѣ, и разоривъ многіе города бывшаго своего заступника, по возвращеніи въ Улусы отпустилъ Бориса въ Россію съ новою жалованною грамотою на область Нижегородскую (135).

Г. 1389.

Августа 15

Великое Княженіе сдѣлалось наслѣдіемъ Владѣтелей Московскихъ.

Великій Князь, едва вступивъ въ лѣта юношества, могъ править Государствомъ только съ помощію Совѣта: окруженный усердными Боярами и сподвижниками Донскаго, онъ заимствовалъ отъ нихъ сію осторожность въ дѣлахъ государственныхъ, которая ознаменовала его тридцати-шести-лѣтнее княженіе, и которая бываетъ свойствомъ Аристократіи, движимой болѣе заботливыми предвидѣніями ума, нежели смѣ-

Характеръ Аристократіи.

Г. 1389. лыми внушеніями великодушія, равно удаленной отъ слабости и пылкихъ страстей. Опасаясь правъ дяди Василіева, Князя Владиміра Андреевича, основанныхъ на старѣйшинствѣ и на славѣ воинскихъ подвиговъ, господствующіе Бояре стѣснили, кажется, его власть и не хотѣли дать ему надлежащаго участія въ правленіи: Владиміръ, ни въ чемъ не нарушивъ договора, заключеннаго съ Донскимъ—бывъ всегда ревностнымъ стражемъ отечества, и довольный жребіемъ Князя второстепеннаго — оскорбился неблагодарностію племянника, и со всѣми ближними уѣхалъ въ Серпуховъ, свой удѣльный городъ, а изъ Серпухова въ Торжекъ. Сія несчастная ссора, какъ и бывшая съ отцемъ Василія, скоро прекратилась возобновленіемъ

Договоръ. дружественной грамоты 1388 года. Владиміръ, сверхъ его прежняго Удѣла и трети Московскихъ доходовъ, получилъ Волокъ и Ржевъ: за то обѣщалъ повиноваться юному Василію какъ старѣйшему, ходить на войну съ нимъ или съ полками Великокняжескими, *сидѣть въ осадѣ*, гдѣ онъ велитъ, и проч.; а съ Волока платить Ханамъ 170 рублей въ число пяти тысячь Василіевыхъ (139).

Обстоятельство, что Владиміръ Андреевичь во время раздора съ племянникомъ жилъ въ области Новогородской, достойно замѣчанія. Владѣтели Московскіе, присвоивъ себѣ исключительное право на санъ Великокняжескій, считали и Новгородъ наслѣдствен-

нымъ ихъ достояніемъ; вопреки его древней, основанной на грамотахъ Ярославовыхъ свободѣ избирать Князей. Отъ того сыновья Калитины, Симеонъ, Іоаннъ, при восшествіи на престолъ были въ раздорѣ съ симъ гордымъ народомъ: Василій также; и Новогородцы охотно дали убѣжище недовольному Владиміру, чтобы имѣть въ немъ опору на всякой случай; но видя искреннее примиреніе дяди съ племянникомъ, желали и сами участвовать въ ономъ. Дѣло шло единственно о чести или обрядѣ. „Мы рады повиноваться Князю Мо„сковскому,“ говорили они: „только прежде „напишемъ условія какъ люди вольные.“ Сіи условія по обыкновенію состояли въ опредѣленіи извѣстныхъ правъ Княжескихъ и народныхъ. Василій не захотѣлъ спорить, и въ присутствіи Бояръ Новогородскихъ, въ Москвѣ, утвердивъ печатію договорную грамоту, отправилъ къ нимъ въ Намѣстники Вельможу Московскаго, Евстафія Сыту (140).—Замѣтимъ, что со временъ Калиты Новогородцы уже не имѣли собственныхъ, особенныхъ Князей, повинуясь Великимъ или Московскимъ, которые управляли ими чрезъ Намѣстниковъ: ибо Наримантъ, Патрикій, Лугвеній и другіе Князья, Литовскіе и Россійскіе, съ того времени находились у нихъ единственно въ качествѣ Воеводъ, или частныхъ властителей. Г. 1390.

Три предмета долженствовали быть главными для Политики Государя Московскаго: надлежало прервать или облегчить цѣпи, Политика Василіева.

г. 1390. возложенныя Ханами на Россію — удержать стремленіе Литвы на ея владѣнія, усилить Великое Княженіе присоединеніемъ къ оному Удѣловъ независимыхъ. Въ сихъ трехъ отношеніяхъ Василій Димитріевичъ дѣйствовалъ съ неусыпнымъ попеченіемъ, но держась правилъ умѣренности, боясь излишней торопливости и добровольно оставляя своимъ преемникамъ дальнѣйшіе успѣхи въ славномъ дѣлѣ государственнаго могущества.

Бракъ. На семнадцатомъ году жизни онъ сочетался бракомъ съ юною Софіею, дочерью Витовта, сына Кестутіева (141). Изгнанный Ягайломъ изъ отечества, сей витязь жилъ въ Пруссіи у Нѣмцевъ. Въ одной изъ лѣтописей сказано, что Василій, въ 1386 году бѣжавъ изъ Орды въ Молдавію, на пути въ Россію былъ задержанъ Витовтомъ въ какомъ-то Нѣмецкомъ городѣ, и наконецъ, освобожденный съ условіемъ жениться на его дочери, чрезъ пять лѣтъ исполнилъ сіе обѣщаніе, согласно съ честію и пользою государственною. Уже Витовтъ славился разумомъ и мужествомъ; имѣлъ также многихъ друзей въ Литвѣ, и по всѣмъ вѣроятностямъ не могъ долго быть изгнанникомъ. Василій надѣялся пріобрѣсти въ немъ или сильнаго сподвижника противъ Ягайла или посредника для мира съ Литвою. Бояре Московскіе, Александръ Поле, Белеутъ, Селиванъ, ѣздили за невѣстою въ Пруссію и возвратилися чрезъ Новгородъ. Князь Литовскій, Иванъ Олгимонтовичъ, проводилъ

ее до Москвы, гдѣ совершилось брачное торжество къ общему удовольствію народа. Г. 1391, Января 9.

Скоро Великій Князь отправился къ Хану. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ Царевичь Беткутъ, посланный Тохтамышемъ отъ береговъ Волги и Казанки сквозь дремучіе лѣса къ Сѣверу, разорилъ Вятку, гдѣ со временъ Андрея Боголюбскаго обитали Новогородскіе выходцы въ свободѣ и независимости, торгуя или сражаясь съ Чудскими сосѣдственными народами (142). Слухъ о благосостояніи сей маленькой Республики вселилъ въ Моголовъ желаніе искать тамъ добычи и жертвъ корыстолюбія. Изумленные внезапнымъ ихъ нашествіемъ, жители не могли отстоять городовъ, основанныхъ среди пустынь и болотъ въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ: одни погибли отъ меча, другіе навѣки лишились вольности, уведенные въ плѣнъ Беткутомъ; многіе спаслися въ густотѣ лѣсовъ, и предпріяли отмстить Татарамъ. Новогородцы, Устюжане соединились съ ними, и на большихъ лодкахъ рѣкою Вяткою доплывъ до Волги, разорили Жукотинъ, Казань, Болгарскіе, принадлежащіе Ханамъ города, и пограбили всѣхъ купцевъ, ими встрѣченныхъ. Однакожъ не сіи случаи заставили Великаго Князя ѣхать въ Орду: намѣреніе его обнаружилось въ слѣдствіяхъ, составившихъ достопамятную эпоху въ постепенномъ возвышеніи Московскаго Княженія. Онъ былъ принятъ въ Ордѣ съ удивительною лас-

Г. 1392, Іюля 16. Вел Князь въ Ордѣ.

Разореніе Вятки.

Г. 1392. кою. Еще никто изъ Владѣтелей Россійскихъ не видалъ тамъ подобной чести. Казалось, что не данникъ, а другъ и союзникъ посѣтилъ Хана. Утвердивъ Нижегородскую область за Княземъ Борисомъ Городецкимъ, Тохтамышъ, согласно съ мыслями Вельможъ своихъ, не усомнился признать Василія наслѣдственнымъ ея Государемъ. Великій Князь хотѣлъ еще болѣе, и получилъ все по желанію: Городецъ, Мещеру, Торусу, Муромъ. Послѣднія двѣ области были древнимъ Удѣломъ Черниговскихъ Князей и никогда не принадлежали роду Мономахову. Столь особенная благосклонность изъясняется обстоятельствами времени. Тохтамышъ, начавъ гибельную для себя войну съ грознымъ Тамерланомъ, боялся, чтобы Россіяне не пристали къ сему завоевателю, который, желая наказать неблагодарнаго повелителя Золотой Орды, шелъ отъ моря Аральскаго и Каспійскаго къ пустынямъ сѣверной Азіи. Хотя Лѣтописцы не говорятъ того, однакожъ вѣроятно, что Василій, требуя милостей Хана, обѣщалъ ему не только вѣрность, но и сильное вспоможеніе: какъ Глава Князей Россійскихъ, онъ могъ ручаться за другихъ, и тѣмъ обольстить или успокоить преемника Мамаева; корыстолюбіе Вельможъ Ординскихъ и богатые дары Василіевы рѣшили всякое сомнѣніе. Уже Тохтамышъ двинулся съ полками на встрѣчу къ непріятелю за Волгу и Яикъ

(143). Великій Князь спѣшилъ удалиться отъ кровопролитія; а Посолъ Ханскій, Царевичь Уланъ, долженствовалъ возвести его на престолъ Нижегородскій. Г. 1392.

Три мѣсяца Василій былъ въ отсутствіи: народъ Московскій праздновалъ возвращеніе юнаго Государя какъ особенную милость Небесную. Еще не доѣхавъ до столицы, Великій Князь изъ Коломны отправилъ Бояръ своихъ съ Ханскою грамотою и съ Посломъ Царевымъ въ Нижній, гдѣ Князь Борисъ, недоумѣвая, что ему дѣлать, собралъ Вельможъ на совѣтъ. Но знатнѣйшій изъ нихъ, именемъ Румянецъ, оказался предателемъ. Князь хотѣлъ затворить ворота городскія. „Посолъ Царевъ" (сказалъ Румянецъ) „и Бояре Московскіе ѣдутъ сюда „единственно для утвержденія любви и „мира съ тобою: впусти ихъ и не оскорбляй ложнымъ подозрѣніемъ. Окруженный „нами, вѣрными защитниками, чего можешь страшиться?" Князь согласился, и поздно увидѣлъ измѣну. Бояре Московскіе, въѣхавъ въ городъ, ударили въ колокола, собрали жителей, объявили Василія ихъ Государемъ. Тщетно Борисъ звалъ къ себѣ дружину свою. Коварный Румянецъ отвѣтствовалъ: „мы уже не твои" — и съ другими единомышленниками предалъ Бориса слугамъ Великокняжескимъ (144). Самъ Василій съ Боярами старѣйшими прибылъ въ Нижній, гдѣ учредивъ новое правленіе, поручилъ сію об-

Октября 26.

Нижній Новгородъ и Суздаль присоединены къ Москвѣ.

г. 1392. ласть Намѣстнику, Димитрію Александровичу Всеволожу. Такъ рушилось, съ своими Удѣлами, особенное Княжество Суздальское, коего именемъ долго называлась сильная Держава, основанная Андреемъ Боголюбскимъ, или всѣ области сѣверо-восточной Россіи между предѣлами Новогородскими, Смоленскими, Черниговскими и Рязанскими.—Борисъ чрезъ два года умеръ. Его племянники, Василій, прозваніемъ Кирдяпа, и Симеонъ, бѣжавъ въ Орду, напрасно искали въ ней помощи. Хотя Царевичь Эйтякъ вмѣстѣ съ Симеономъ (въ 1399 году) приступалъ къ Нижнему и взялъ городъ обманомъ; но имѣя у себя едва тысячу воиновъ, не могъ удержать онаго, довольный единственно грабежемъ и злодѣйствами насилія (145). Супруга Симеонова, бывъ долго подъ стражею въ Россіи, нашла способъ уйти въ землю Мордовскую, подвластную Татарамъ, и жила въ какомъ-то селеніи у Христіанской церкви, сооруженной Хивинскимъ Туркомъ Хазибабою: Бояре Великаго Князя, посланные съ отрядомъ войска, взяли сію несчастную Княгиню и привезли въ Москву. Между тѣмъ ея горестный супругъ, лишенный отечества, друзей, казны, восемь лѣтъ скитался съ Моголами по дикимъ степямъ, служилъ въ разныя времена четыремъ Ханамъ, и наконецъ прибѣгнулъ къ милости Великаго Князя, который возвратилъ ему семейство и позволилъ избрать убѣжище въ Россіи. Симеонъ, изну-

ренный печалями, добровольно удалился въ независимую область Вятскую, гдѣ и скончался чрезъ пять мѣсяцевъ (въ 1402 году), бывъ жертвою общей пользы государственной. Старшій братъ Симеоновъ, Василій Кирдяпа, умеръ также въ изгнаніи. Сыновья Василіевы и Борисовы то служили при Дворѣ Московскомъ, то уходили въ Орду; а внукъ Кирдяпинъ, Александръ Ивановичъ Брюхатый, женился послѣ на дочери Великаго Князя, именемъ Василисѣ (146). Г. 1392.

Руководствуясь правилами государственнаго блага, Василій и въ другихъ случаяхъ не боялся казаться ни излишно властолюбивымъ, ни жестокимъ. Такъ въ слѣдствіе вторичнаго несогласія съ Новогородцами, не хотѣвшими платить ему *черной* или народной дани, изъявилъ онъ строгость необыкновенную, хитро соединивъ выгоды казны своей съ честію Главы Духовенства. Митрополитъ Кипріанъ, безспорно заступивъ мѣсто умершаго въ Царѣградѣ Пимена, ѣздилъ (въ 1392 году) изъ Москвы въ Новгородъ; съ пышными обрядами служилъ Литургію въ Софійскомъ храмѣ; велегласно училъ народъ съ амвона, и двѣ недѣли пировалъ у тамошняго Архіепископа, Іоанна, вмѣстѣ съ знаменитѣйшими чиновниками, которые, въ знакъ особеннаго уваженія, отъ имени всего города подарили ему нѣсколько дворовъ. Но сіе дружелюбіе измѣнилось, когда Митрополитъ въ собраніи гражданъ объявилъ, чтобы они, Дѣла съ Новымъ-городомъ.

слѣдуя древнему обыкновенію, относились къ нему въ дѣлахъ судныхъ. Посадникъ, Тысячскій и всѣ отвѣтствовали единодушно: „мы клялися, что не будемъ зависѣть отъ „суда Митрополитовъ, и написали грамоту.“ *Дайте мнѣ оную*, сказалъ Кипріанъ: *я сорву печать, и сниму съ васъ клятву*. Народъ не хотѣлъ, и Кипріанъ уѣхалъ съ великою досадою (147). Зная, сколь Митрополиты пребываніемъ своимъ въ Москвѣ способствовали знаменитости ея Князей и нужны для ихъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ Единовластіи, Василій съ жаромъ вступился за Пастыря Церкви. Посолъ Великокняжескій представилъ Новогородцамъ, что они, съ 1386 года платив Донскому народную дань, обязаны платить ее и сыну его; обязаны также признать Митрополита судіею въ дѣлахъ гражданскихъ, или испытаютъ гнѣвъ Государевъ. Новогородцы отвѣчали, что народная дань издревле шла обыкновенно въ общественную казну, а Князь довольствовался одними пошлинами и дарами; что второе требованіе Василія, касательно Митрополита, противно ихъ совѣсти (148). Сей отвѣтъ былъ принятъ за объявленіе войны. Полки Московскіе, Коломенскіе, Звенигородскіе, Дмитровскіе, предводимые дядею Великаго Князя, Владиміромъ Андреевичемъ Храбрымъ, и сыномъ Донскаго, Юріемъ, взяли
г. 1393. Торжекъ и множество плѣнниковъ въ областяхъ Новагорода, куда сельскіе жители

съ имѣніемъ и съ дѣтьми бѣжали отъ меча г. 1393.
и неволи. Уже рать Московская, совершивъ месть, возвратилась, когда Василій узналъ, что Торжекъ, оставленный безъ войска, бунтуетъ, и что ревностный доброхотъ Великокняжескій, именемъ Максимъ, убитъ друзьями Новогородскаго Правительства. Тутъ онъ рѣшился неслыханною у насъ дотолѣ казнію устрашить мятежниковъ: велѣлъ Боярамъ снова итти съ полками въ Торжекъ, изыскать виновниковъ убійства и представить въ Москву. Привели семдесятъ человѣкъ. Народъ собрался на площади и былъ свидѣтелемъ зрѣлища ужаснаго. Осужденные на смерть, сіи преступники исходили кровію въ мукахъ: имъ медленно отсѣкали руки, ноги, и твердили, что такъ гибнутъ враги Государя Московскаго! . . . Василій еще не имѣлъ и двадцати лѣтъ отъ рожденія: дѣйствуя въ семъ случаѣ, равно какъ и въ другихъ, по совѣту Бояръ, онъ хотѣлъ страхомъ возвысить достоинство Великокняжеское, которое упало вмѣстѣ съ Государствомъ отъ разновластія. — Новогородцы съ своей стороны искали себѣ удовлетворенія въ разбояхъ: взяли Кличенъ, Устюжну; сожгли Устюгъ, Бѣлозерскъ, не щадя и святыхъ храмовъ, обдирая иконы и книги церковныя; пытали богатыхъ людей, чтобы узнать, гдѣ скрыты ихъ сокровища; плѣняли гражданъ, земледѣльцевъ, и наполнивъ добычею множество лодокъ, отправили

г. 1393. все внизъ по Двинѣ. Два Князя предводительствовали сими хищниками. Романъ Литовскій и Константинъ Іоанновичъ Бѣлозерскій, коего отецъ и дѣдъ пали въ славной Донской битвѣ (149). Сей юный Князь, не захотѣвъ быть подручникомъ Государя Московскаго, вступилъ въ службу Новагорода, его непріятеля. Но война не продолжилась: ибо Новогородцы, извѣдавъ твердый характеръ Василія, разочли, что лучше уступить ему требуемую имъ дань, нежели отказаться отъ купеческихъ связей съ Московскими владѣніями и подвергать опасностямъ свою торговлю Двинскую, которую онъ, господствуя надъ Устюгомъ и Бѣлымозеромъ, легко могъ тревожить: обстоятельство всегда рѣшительное въ ихъ ссорахъ съ Великими Князьями. Надлежало удовольствовать и Митрополита, тѣмъ необходимѣе, что Патріархъ Константинопольскій, Антоній, взялъ его сторону и велѣлъ имъ сказать: „повинуйтеся во всемъ „Главѣ Церкви Россійской.“ И такъ они прислали знатнѣйшихъ людей въ Москву умилостивить Государя смиренными извиненіями и вручить Кипріану судную грамоту. Митрополитъ благословилъ ихъ, а Великій Князь отправилъ Бояръ въ Новгородъ для утвержденія мира. Съ ними ѣздилъ и Посолъ Митрополитовъ, коему чиновники и народъ дали тамъ 350 рублей въ знакъ дружелюбія.

Въ то время, когда юный Василій, пріобрѣтеніями и строгостію утверждая свое могущество, съ радостію взиралъ издали на внѣшнія и внутреннія опасности Капчакской ненавистной Орды, — въ то самое время онъ увидѣлъ новую тучу варваровъ, готовую истребить счастливое твореніе Іоанна Калиты, Героя Донскаго и его собственное, то есть, вторично обратить Россію въ кровавое пепелище. Мы упоминали о Тамерланѣ, Тимурѣ или Темиръ-Аксакѣ (150): будучи сыномъ одного ничтожнаго Князька въ Имперіи Чагатайскихъ Моголовъ, и рожденный во дни ея паденія, когда безначаліе, раздоры, властолюбіе Эмировъ предали оную въ жертву завоевателю, Хану Кашгарскому, и Гетамъ или Калмыкамъ, онъ въ первомъ цвѣтѣ юности взялъ на себя избавить отечество отъ неволи, возстановить величіе онаго, наконецъ завоевать вселенную и громомъ славы жить въ памяти вѣковъ. Вздумалъ и совершилъ. Явленіе сихъ исполиновъ въ мірѣ, безжалостно убивающихъ милліоны, ненасытимыхъ истребленіемъ, и разрушающихъ древнія зданія гражданскихъ обществъ для основанія новыхъ, ничѣмъ не лучшихъ, есть тайна Провидѣнія. Движимые внутреннимъ безпокойствомъ духа, они стремятся отъ труднаго къ труднѣйшему, губятъ людей и въ награду отъ нихъ требуютъ себѣ названія Великихъ. Первые подвиги Тамерлановы были достохвальны: подъ защитою горъ

Г. 1393.

Нашествіе Тамерлана.

Г. 1393. и пустынь собирая върныхъ товарищей, пріучая ихъ и себя къ воинской доблести, неутомимо тревожа Гетовъ, онъ безчисленными успѣхами купилъ славу Героя. Враги побѣжденные удалились: Держава Чагатайская возвратила свою независимость. Но ему надлежало еще смирить враговъ внутреннихъ, Эмировъ властолюбивыхъ, и самаго бывшаго друга и главнаго сподвижника, Гуссеина: они погибли, и народный сеймъ единодушно возгласилъ Тимура, на тридцать-пятомъ году его жизни, Монархомъ Чагатайской Державы и Сагебъ-Керемомъ или *владыкою міра*. Сидя въ златомъ вѣнцѣ на престолѣ сына Чингисханова, опоясанный Царскимъ поясомъ, осыпанный, по Восточному обыкновенію, золотомъ и каменьями драгоцѣнными, Тимуръ клялся Эмирамъ, стоящимъ предъ нимъ на колѣнахъ, оправдать дѣлами свое новое достоинство и побѣдить всѣхъ Царей земли. Боясь казаться народу хищникомъ, сей лукавый властолюбецъ жаловалъ потомковъ Чингисовыхъ въ Великіе Ханы, держалъ ихъ при себѣ и повелѣвалъ будто бы только именемъ сихъ законныхъ Государей Могольскихъ. Война слѣдовала за войною, и каждая была завоеваніемъ. Въ 1352 году, за семь лѣтъ до его восшествія на престолъ Чагатайскій, укрываясь въ пустынахъ отъ непріятелей, онъ не имѣлъ въ мірѣ ничего, кромѣ одного тощаго коня и дряхлаго вельблюда; а чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался Монархомъ двадца-

пи-шести Державъ въ трехъ часпяхъ міра. Г. 1393.
Овладѣвъ восточными берегами моря Каспійскаго, устремился на Персію, или древній Иранъ, гдѣ, между рѣками Оксомъ и Тигромъ, долго царствовалъ родъ Чингисовъ, но тогда, вмѣсто Монарха, господствовали многіе Князья слабые: одни смиренно облобызали коверъ Тимурова престола; другіе сражались и гибли. Богатый Ормусъ заплатилъ ему дань золотомъ: Багдадъ, нѣкогда столица великихъ Калифовъ, покорился. Уже вся Азія отъ моря Аральскаго до Персидскаго залива, отъ Тифлиса до Евфрата и пустынной Аравіи, признавала Тимура своимъ повелителемъ, когда онъ, собравъ Эмировъ, сказалъ имъ: „Друзья и сподвижники! счастіе, благопріятствуя мнѣ, зоветъ насъ къ новымъ побѣдамъ. „Имя мое привело въ ужасъ вселенную; движеніемъ перста потрясаю землю. Царства „Индіи намъ отверзты: сокрушу, что дерзнетъ противиться, и буду владыкою оныхъ“. (151). Эмиры изумились: цѣпи горъ высокихъ, глубокія рѣки, пустыни, огромные слоны и милліоны воинственныхъ жителей устрашали ихъ воображеніе. Но Тимуръ, увѣренный въ своемъ счастіи, шелъ смѣло по слѣдамъ Героя Македонскаго въ сію цвѣтущую страну міра, гдѣ Исторія полагаетъ колыбель человѣческаго рода, и куда искони стремились завоеватели, отъ Вакха до Семирамиды, отъ Сезостриса до Александра Великаго; въ страну славнѣйшую древностію пре-

Г. 1393. даній, но менѣе другихъ извѣстную по лѣтописямъ. Тимуръ перешелъ Индъ, взялъ Дели (гдѣ уже болѣе трехъ вѣковъ властвовали Султаны Магометанской Вѣры) и на берегахъ Гангеса истребивъ множество Гебровъ огнепоклонниковъ, остановился у той славной скалы, которая, имѣя видъ щелицы извергаетъ изъ нѣдръ своихъ сію знаменитую въ баснословіи Востока рѣку. Тамъ свѣдалъ онъ о бунтѣ Христіанъ Грузинскихъ, о блестящихъ успѣхахъ Баязетова оружія, и возвратился; смирилъ первыхъ, не взирая на ихъ неприступныя горы, и не терпя равнаго себѣ въ воинской славѣ, хотѣлъ, чтобы Султанъ Турецкій удержалъ быстрое стремленіе своихъ завоеваній, которыя въ окрестностяхъ Евфрата сближались съ Могольскими. ,,Знай"—писалъ онъ къ Баязету (152)—,,что ,,мои воинства покрываютъ землю отъ одно-,,го моря до другаго; что Цари служатъ ,,мнѣ тѣлохранителями и стоятъ рядами ,,предъ шатромъ моимъ; что судьба у меня ,,въ рукахъ и счастіе всегда со мною. Кто ,,ты? муравей Туркоманскій: дерзнешь ли возстать на слона? Если ты въ лѣсахъ Ана-,,толіи одержалъ нѣсколько побѣдъ ничтожныхъ; если робкіе Европейцы обратили ,,тылъ предъ тобою: славь Магомета, а не ,,храбрость свою . . . . Внемли совѣту благо-,,разумія: останься въ предѣлахъ отеческихъ, ,,какъ они ни тѣсны; не выступай изъ оныхъ, ,,или погибнешь." Гордый Баязетъ отвѣт-

ствовалъ равнодушно: „Давно желаю воевать Г. 1393.
„съ тобою. Хвала Всевышнему: ты идешь
„на мечь мой!“ Баязетъ имѣлъ время изготовиться къ сей войнѣ: ибо врагъ его, раздраженный тогда Султаномъ Египетскимъ, устремился къ Средиземному морю. Сирія, Египетъ, украшаемые древнею славою и развалинами, казались Тимуру завоеваніемъ лестнымъ. Разбивъ Мамелюковъ подъ стѣнами Алепа, въ тотъ самый часъ, когда свирѣпые Моголы лили кровь единовѣрцевъ въ семъ городѣ, Тимуръ спокойно бесѣдовалъ съ учеными мужами Алепскими и краснорѣчиво доказывалъ имъ, что онъ другъ Божій; что одни упрямые враги его будутъ отвѣтствовать Небу за претерпѣваемыя ими бѣдствія. Сей хитрый лицемѣръ дѣйствительно при всякомъ случаѣ изъявлялъ набожность, предъ битвами обыкновенно совершалъ молитву на колѣнахъ, за побѣды торжественно благодарилъ Всевышняго, и на пути къ Дамаску, гдѣ надлежало ему сразиться съ войскомъ Египетскимъ, остановилъ многочисленные полки свои, чтобы въ глазахъ ихъ смиренно поклониться мнимому гробу Ноеву, священному для Мусульмановъ. Султанъ Египетскій, Фаручь, заключилъ въ темницу Пословъ Могольскихъ: Тимуръ писалъ къ нему: „Вели-
„кіе завоеватели собираютъ воинства,
„ищутъ опасностей и битвъ единственно
„для чести и памяти безсмертной. Сей гроз-
„ный шумъ ополченій, гдѣ милліоны людей

г. 1393. ,,бывають въ движеніи, производить любовію ,,ко славѣ, а не къ стяжанію: ибо человѣкъ ,,можетъ насытиться въ день одною поло-,,виною хлѣба. Ты дерзнулъ оскорбить меня: ,,если бы камни говорить могли, они научили ,,бы тебя осторожности." Побѣдивъ Фаруча, онъ съ ласкою угостилъ въ шатрѣ своемъ ученаго Кади Веледдина, присланнаго жителями Дамаска умилостивить его; говорилъ съ нимъ объ исторіи народовъ (ибо всѣ происшествія міра, Востока и Запада, по словамъ современнаго Арабскаго Писателя, были ему извѣстны); хвалилъ Государей милосердыхъ, и такъ мало заботился о снисканіи сей добродѣтели, что оставилъ въ Дамаскѣ однѣ кучи пепла. Нигдѣ Татары не находили столько богатства, золота и всякихъ драгоцѣнностей, какъ въ семъ городѣ, гдѣ шесть вѣковъ цвѣла торговля.—Скоро рѣшилась и судьба Баязетова. Страшные Янычары уступили превосходному числу, мужеству или счастію Моголовъ. Плѣнивъ Баязета, Тимуръ обнялъ его, посадилъ на коврѣ Царскомъ рядомъ съ собою и старался утѣшить разсужденіями о тлѣнности мірскаго величія: отнявъ у него корону, подарилъ ему одежду драгоцѣнную, и хвастовствомъ великодушія еще болѣе, нежели своею побѣдою, унизилъ сего бывшаго знаменитаго Монарха.—Обложивъ данію Султана Мамелюковъ, Османовъ, Императора Греческаго; властвуя отъ моря Каспійскаго и Средиземнаго до Нила и Ган-

геса, Тимуръ жилъ въ Самаркандѣ и называлъ себя Главою лучшей половины міра. Въ сію столицу возвращался онъ послѣ всякаго завоеванія, наслаждаться кратковременнымъ отдохновеніемъ; украшалъ великолѣпно мечети, разводилъ сады, и желая слыть благотворителемъ людей, соединялъ каналами рѣки, строилъ новые города, въ надеждѣ, что слабые умы, ослѣпляемые призраками лицемѣрныхъ государственныхъ добродѣтелей, простятъ ему множество разрушенныхъ имъ городовъ древнихъ, убіеніе милліоновъ и высокія пирамиды головъ человѣческихъ, коими его Моголы знаменовали свои побѣды на мѣстѣ кровопролитія, на пепелищахъ Дели, Багдада, Дамаска, Смирны. г. 1393.

Еще Тимуръ не совершилъ всѣхъ описанныхъ нами завоеваній, когда, оскорбленный неблагодарностію Тохтамыша, онъ въ первый разъ приближился къ границамъ Россіи. Войско его шло отъ Самарканда и рѣки Сигона черезъ Ташкентъ, Яссп или Туркестанъ, за коимъ уже начиналось владѣніе Капчакской Орды, въ нынѣшнихъ степяхъ Киргизскихъ. Стоя на высокомъ холмѣ, Тимуръ долго съ удивленіемъ смотрѣлъ на ихъ необозримыя, гладкія равнины, подобныя морю, и велѣлъ тутъ, въ память вѣкамъ, соорудить высокую каменную пирамиду съ означеніемъ Эгиры и дня, когда онъ вступилъ въ сіи ужасныя пустыни. Четыре мѣсяца шли Татары къ Сѣверу, питаясь наиболѣе мясомъ дикихъ козъ;

г. 1393. сайгаковъ, птичьими яйцами и травою. Звѣриная ловля представляла въ сихъ пустыняхъ зрѣлище шумной войны. Разсыпаясь на великомъ пространствѣ, Моголы составляли кругъ и гнали звѣрей прямо къ ставкѣ Императорской при звукѣ оружія и трубъ. Тимуръ выѣзжалъ на конѣ, и встрѣчая цѣлыя стада всякаго рода животныхъ, стрѣлялъ любыхъ; наконецъ, утомленный охотою, входилъ въ шатеръ свой обѣдать. Тогда воины бросались на звѣрей, убивали всѣхъ безъ остатка, разводили безчисленные огни и садились пировать до вечера. Скудный ручей или мутное озеро бывали для нихъ въ сихъ безводныхъ мѣстахъ самымъ счастливѣйшимъ открытіемъ. — Достигнувъ пятидесятаго Градуса Широты, между рѣками Эмбою и Тоболомъ, войско остановилось. Тимуръ въ богатой одеждѣ и въ Царскомъ вѣнцѣ сѣлъ на коня; имѣя въ рукѣ златую державу, объѣхалъ всѣ полки, и довольный ихъ исправностію, вооруженіемъ, бодрымъ духомъ, велѣлъ итти далѣе, къ берегамъ Урала. Тамъ показалась многочисленная рать Тохтамышева. Сей Ханъ презрѣлъ совѣтъ умныхъ Вельможъ, которые говорили ему, что страшно быть врагомъ счастливаго; ненавидя въ Тимурѣ хищника власти, принадлежащей потомкамъ Чингисхановымъ, онъ грозился свергнуть его съ трона. Ежедневныя сшибки передовыхъ отрядовъ заключились кровопролитнымъ сраженіемъ въ степяхъ Астраханской

Губерніи: разбитый Тохтамышъ бѣжалъ за Волгу; а Тимуръ на ея берегахъ великолѣпно праздновалъ свою побѣду, среди обширнаго луга, гдѣ прекрасныя невольницы разносили яства въ золотыхъ и серебряныхъ чашахъ; окруженный своими женами, онъ сидѣлъ на престолѣ Капчакскомъ и съ удовольствіемъ внималъ пѣснямъ, коими стихотворцы Могольскіе славили сей блестящій успѣхъ его оружія, и которыя были названы *Фатенамей Капчакъ*, или *торжествомъ Капчакскимъ*; двадцать-шесть дней Эмиры и воины пировали, наслаждаясь всѣми утѣхами роскоши. Но Тимуръ не хотѣлъ быть долѣе въ сей завоеванной имъ странѣ, и тѣмъ же путемъ, чрезъ 11 мѣсяцевъ, возвратился въ Самаркандъ. Г. 1393.

Прошло около трехъ лѣтъ. Тохтамышъ, оставленный въ покоѣ непріятелемъ, снова господствовалъ надъ Ордою Капчакскою, и снова послалъ войско разорять сѣверную Персію. „Во имя всемогущаго Бога" — писалъ къ нему Тамерланъ —„спрашиваю, съ „какимъ намѣреніемъ ты, Ханъ Капчакскій, „управляемый Демономъ гордости, выступаешь изъ своихъ предѣловъ? Развѣ забылъ „ты послѣднюю войну, когда рука моя „обратила въ прахъ твои силы, богатства „и владѣнія? Неблагодарный! вспомни, сколь „нѣкогда оказалъ я тебѣ милостей! Еще можешь раскаяться. Хочешь ли мира? хочешь „ли войны? избирай; мнѣ все едино. Но са-

„мая глубина морская не скроетъ врага отъ „нашей мести.“ Тохтамышъ хотѣлъ войны, и расположился станомъ на берегу Терека:
г. 1395. ибо Монархъ Чагатайскій былъ уже въ Дербентѣ. Между Терекомъ и Курою, близъ нынѣшняго Екатеринограда, произошло славное въ Восточныхъ лѣтописяхъ кровопролитіе. Потомки Чингисхановы сражались между собою въ ужасномъ остервененіи злобы, и гибли тмами. Правое крыло и средина войска Тамерланова замѣшались; но сей свирѣпый Герой, рожденный быть счастливымъ, умѣлъ твердостію исторгнуть побѣду изъ рукъ Тохтамышевыхъ; окруженный врагами, изломавъ копіе свое, уже не имѣя ни одной стрѣлы въ колчанѣ, хладнокровно давалъ Вождямъ повелѣніе сломить густыя толпы непріятельскія. Стрѣлки его, чтобы остаться неподвижными, цѣлыми рядами бросались на колѣна, и лѣвое крыло шло впередъ. Еще Ханъ Золотой Орды могъ бы новымъ усиліемъ рѣшить битву въ свою пользу; но прежде времени ослабѣвъ духомъ, бѣжалъ. Тамерланъ гнался за нимъ до Волги, гдѣ, объявивъ Койричака Аглена, сына Урусова, Властителемъ Орды Капчакской, надѣлъ на него вѣнецъ Царскій (153).

Сіи удары, нанесенные Моголами Моголамъ, изнурили силы Волжскихъ и долженствовали веселить Россіянъ мыслію о близкой счастливой свободѣ отечества. Надѣялись, что Тамерланъ, сокрушивъ непріяте-

ли, вторично отступить къ границамъ своей Имперіи, и что внутреннія междоусобія Орды Капчакской довершатъ ея гибель. Но грозный завоеватель Востока въ слѣдъ за бѣгущимъ Тохтамышемъ устремился къ Сѣверу; перешелъ Волгу, степи Саратовскія, и вступивъ въ наши юго-восточные предѣлы, взялъ Елецъ, гдѣ господствовалъ Князь Ѳеодоръ, отрасль Карачевскихъ Владѣтелей и данникъ Олега Рязанскаго (154). Вѣсть о нашествіи сего новаго Батыя привела въ ужасъ всю Россію. Ожидали такого же общаго разрушенія, какое за 160 лѣтъ передъ тѣмъ было жребіемъ Государства нашего; разсказывали другъ другу о чудесныхъ завоеваніяхъ, о свирѣпости и несмѣтныхъ полкахъ Тамерлановыхъ; молились въ церквахъ и готовились къ Христіанской смерти, безъ надежды отразить силу силою. Но Великій Князь бодрствовалъ въ Совѣтѣ Бояръ мудрыхъ, и въ сіе рѣшительное время явилъ себя достойнымъ сыномъ Димитрія. Не устрашился ни славы Тамерлана, ни четырехъ сотъ тысячь Моголовъ, которые, по слуху, шли подъ его знаменами; велѣлъ немедленно собираться войску и самъ принялъ начальство, въ первый разъ украсивъ юношеское чело свое шлемомъ браннымъ и напомнивъ Москвитянамъ тѣ незабвенные дни, когда Герой Донскій ополчался на Мамая. Уже многіе изъ Воеводъ Димитріевыхъ скончали жизнь; другіе, служивъ отцу, хотѣли служить и сыну; старцы сѣли

Г. 1395.

Г. 1395. на коней и явились предъ полками въ доспѣхахъ, обагренныхъ кровію Татарскою на Куликовѣ полѣ. Народъ ободрился: войско шло охотно, тѣмъ же путемъ, которымъ велъ оное Донскій противъ Мамая, и Великій Князь, поручивъ Москву дядѣ своему, Владиміру Андреевичу, сталъ за Коломною на берегу Оки, ежедневно готовый встрѣтить непріятеля.

Между тѣмъ всѣ церкви Московскія были отверзты съ утра до глубокой ночи. Народъ лилъ слезы предъ олтарями и постился. Митрополитъ училъ его и Вельможъ Христіанскимъ добродѣтелямъ, торжествующимъ въ бѣдствіяхъ. Но слабые трепетали. Желая успокоить гражданъ любезной ему столицы, Великій Князь писалъ къ Митрополиту изъ Коломны, чтобы онъ послалъ въ Владиміръ за иконою Дѣвы Маріи, съ коею Андрей Боголюбскій переѣхалъ туда изъ Вышегорода и побѣдилъ Болгаровъ. Сіе достопамятное пренесеніе славнаго въ Россіи образа изъ древней въ ея новую столицу было зрѣлищемъ умилительнымъ: безчисленное множество людей на обѣихъ сторонахъ дороги преклоняло колѣна, съ усердіемъ и слезами взывая: *Матерь Божія! спаси землю Русскую!* Жители Владимірскіе провождали его съ горестію: Московскіе приняли съ восхищеніемъ, какъ залогъ мира и благоденствія. Митрополитъ Кипріанъ, Епископы и все Духовенство въ ризахъ служебныхъ, съ кре-

Славная икона Владимірская.

стами и кадилами; за ними Владимiръ Андреевичь Храбрый, семейство Великокняжеское, Бояре и народъ встрѣтили святыню внѣ града на *Кучковѣ полѣ*, гдѣ нынѣ монастырь Срѣтенскій; увидѣвъ оную вдали, пали ницъ, и въ радостномъ предчувствiи уже *благодарили* Небо (155). Поставили икону въ Соборномъ храмѣ Успенiя и спокойнѣе ждали вѣстей отъ Великаго Князя. г. 1395.

Тамерланъ, плѣнивъ Владѣтеля Елецкаго со всѣми его Боярами, двинулся къ верьховью Дона и шелъ берегами сей рѣки, опустошая селенiя. Знаменитый Персидскій Историкъ сего времени, Шерефеддинъ, любя хвалить добродѣтели своего Героя, признается, что Тамерланъ, подобно Батыю, усыпалъ трупами поля въ Россiи, убивая не воиновъ, а только людей безоружныхъ. Казалось, что онъ хотѣлъ итти къ Москвѣ; но вдругъ остановился, и цѣлыя двѣ недѣли бывъ неподвиженъ, обратилъ свои знамена къ Югу и вышелъ изъ Россійскихъ владѣній. Августа 26. Безъ сомнѣнiя не одно смѣлое, великодушное ополченiе Князя Московскаго произвело сiе удивительное для современниковъ дѣйствiе: надлежитъ искать и другихъ причинъ вѣроятныхъ. Хотя Историки Восточные повѣствуютъ, что Моголы Чагатайскiе обогатились у насъ несмѣтною добычею, и навьючили вельблюдовъ слитками золота, серебра, мѣхами драгоцѣнными, кусками *тонкаго полотна Антiохiйскаго* и *Рускаго*

Г. 1395. (156); однакожь вѣроятнѣе, что сокровища, найденныя ими въ Ельцѣ и въ нѣкоторыхъ городкахъ Рязанскихъ, не удовлетворяли ихъ корыстолюбію и не могли наградить за труды похода въ землѣ сѣверной, большею частію лѣсистой, скудной паствами и въ особенности тѣми изящными произведеніями человѣческаго ремесла, коихъ употребленіе и цѣну свѣдали Татары въ образованныхъ странахъ Азіи. Наступала дождливая осень: съ людьми обыкшими кочевать въ мѣстахъ плодоносныхъ и теплыхъ благоразумно ли было итти далѣе къ Сѣверу, чтобы встрѣтить зиму со всѣми ея жестокостями? И путь къ Москвѣ надлежало еще открыть битвою съ войскомъ довольно многочисленнымъ, которое умѣло побѣдить Мамая. Завоеваніе Индіи, Сиріи, Египта, богатыхъ природою и торговлею, славныхъ въ Исторіи міра, плѣняло воображеніе Тамерлана: Россія, къ счастію, не имѣла для него сей прелести. Онъ спѣшилъ удалиться отъ непогодъ осеннихъ, и по теченію Дона спустился къ его устью.

Сія вѣсть радостно изумила наше войско. Никто не думалъ гнаться за врагомъ, который, еще не видавъ знаменъ Великаго Князя, не слыхавъ звука воинскихъ трубъ его, какъ бы въ смятеніи бѣжалъ къ Азову. Юный Государь могъ бы приписать спасеніе отечества великодушной своей твердости, но вмѣстѣ съ народомъ приписалъ оное

силѣ сверхъестественной, и возвратясь въ Москву, соорудилъ каменный храмъ Богоматери съ монастыремъ на древнемъ *Кучковѣ полѣ* (157): ибо, какъ пишутъ современники, Тамерланъ отступилъ въ самый тотъ день и часъ, когда жители Московскіе на семъ мѣстѣ встрѣтили Владимірскую икону. Оттолѣ Церковь наша торжествуетъ праздникъ Срѣтенія Богоматери 26 Августа, въ память вѣкамъ, что единственно особенная милость Небесная спасла тогда Россію отъ ужаснѣйшаго изъ всѣхъ завоевателей. Г. 1395.

Бѣдствіе Азова.

Что Тамерланъ готовилъ Москвѣ, то испыталъ несчастный Азовъ, богатый товарами Востока и Запада. Многочисленное посольство, составленное изъ купцевъ Египетскихъ, Венеціянскихъ, Генуэзскихъ, Каталонскихъ и Бискайскихъ, встрѣтило Монарха Чагатайскаго на берегу Дона съ дарами и ласками. Онъ успокоилъ ихъ на словахъ, и въ тоже время велѣвъ одному изъ Эмировъ осмотрѣть городскія укрѣпленія, внезапно приступилъ къ онымъ. Азовъ и богатства его исчезли. Ограбивъ лавки и домы, умертвивъ или оковавъ цѣпями всѣхъ тамошнихъ Христіанъ, которые не успѣли спастися бѣгствомъ на суда, Моголы обратили городъ въ пепелъ (158). — Завоевавъ землю Черкесскую и Ясскую, взявъ самыя неприступныя крѣпости въ Грузіи, Тамерланъ у подошвы Кавказа далъ праздникъ войску. Въ огромномъ шатрѣ, окруженномъ блестя-

г. 1395. щими столпами, среди Вельможъ и Полководцевъ, онъ сидѣлъ на золотомъ тронѣ, украшенномъ драгоцѣнными каменьями, и при звукѣ шумныхъ мусикійскихъ орудій пилъ Грузинское вино, желая здравія и дальнѣйшихъ побѣдъ своимъ неутомимымъ сподвижникамъ. Увѣдомленный о непокорствѣ жителей Астраханскихъ, Тамерланъ, презирая холодъ зимній и глубокій снѣгъ, пошелъ къ сему городу, укрѣпленному, сверхъ каменныхъ, *ледяными стѣнами*; срылъ его до основанія; разрушилъ огнемъ и столицу Ханскую, Сарай; наконецъ удалился къ границамъ своей Имперіи, предавъ, какъ онъ сказалъ, Державу Батыеву *губительному вѣтру истребленія*. Орда Капчакская находилась тогда въ жалостномъ состояніи: утративъ безчисленное множество людей въ битвахъ съ Моголами Чагатайскими, она была еще ѳеатромъ кровопролитныхъ междоусобій. Три Хана спорили о господствѣ надъ нею: Тохтамышъ, Койрпчакъ и Тимуръ Кутлукъ (159). Сей послѣдній, будучи также рода Батыева, и служивъ Тамерлану, въ противность его волѣ остался въ степяхъ Капчакскихъ, набиралъ войско и величалъ себя истиннымъ Царемъ Ординскимъ.

Дѣла Литовскія. Сіи происшествія, благопріятныя для Россіи, успокоивъ Великаго Князя въ разсужденіи Моголовъ, позволили ему обратить вниманіе на Литву, которою нѣсколько лѣтъ управлялъ Скиригайло, Намѣстникъ сво-

его брата, Короля Польскаго. Но съ 1392 года тамъ уже властвовалъ независимо тесть Василіевъ, Витовтъ Александръ, въ слѣдствіе мира и договора съ Королемъ Ягайломъ, уступившимъ ему и Волынію съ Брестомъ. Одаренный отъ природы умомъ хитрымъ, Витовтъ пылалъ властолюбіемъ, и принявъ отъ Нѣмцевъ Вѣру Христіанскую, сохранилъ въ душѣ всю жестокость язычника (160); не только, подобно другимъ завоевателямъ, равнодушно жертвовалъ въ битвахъ безчисленнымъ множествомъ людей для пріобрѣтенія новыхъ земель, но смѣло нарушалъ и всѣ святѣйшіе уставы нравственности: игралъ клятвами, измѣнялъ; безжалостно лилъ кровь своихъ ближнихъ; умертвилъ трехъ сыновей Ольгердовыхъ: Вигунта Кревскаго отравилъ ядомъ; Наримантa повѣсилъ на деревѣ и разстрѣлялъ; Коригайлу отсѣкъ голову. Въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ господствовалъ ихъ братъ, Корибутъ: Витовтъ плѣнилъ его, и выгнавъ Владиміра Олгердовича изъ Кіева, отдалъ нашу древнюю столицу Скоригайлу, который, подобно Владиміру, исповѣдывалъ Вѣру Греческую, былъ щедръ къ народу, но свирѣпъ нравомъ, любилъ вино до крайности и жилъ не долго. Единственно ли по личной ненависти, или чтобы угодить коварному Витовту, желавшему взять себѣ Кіевъ, Архимандритъ монастыря Печерскаго зазвалъ Скоригайла въ гости, напоилъ, и далъ ему отраву, столь явно, что г. 1395.

г. 1395. весь городъ зналъ причину его смерти (161). Народъ жалѣлъ объ немъ: слѣдственно не имѣлъ участія въ злодѣйствѣ; а Витовтъ, приславъ туда Князя Іоанна Ольшанскаго въ качествѣ своего Намѣстника, не думалъ о наказаніи сего злодѣйства, и тѣмъ какъ бы объявилъ себя тайнымъ соучастникомъ онаго. Скоро присоединилъ онъ къ Литовской Державѣ и всю Подолію, гдѣ княжилъ внукъ Ѳеодора Корьятовича, именемъ также Ѳеодоръ, присяжникъ Ягайловъ (162). Слабый Король Польскій не дерзалъ ни въ чемъ противиться мужественному, рѣшительному сыну Кестутіеву, и даже предавалъ ему единокровныхъ братьевъ. Вдовствующая супруга Ольгердова, Іуліанія, скончала дни свои въ Витебскѣ, и меньшій сынъ ея, Свидригайло, занявъ сей городъ силою, велѣлъ тамошняго Намѣстника Королевскаго сбросить съ высокой стѣны: оскорбленный тѣмъ Ягайло молилъ Витовта о мести. Она совершилась, но только въ пользу Государя Литовскаго, который, покоривъ Князей Друцкихъ, завоевавъ Оршу и Витебскъ *съ помощію огнестрѣльнаго снаряда*, отправилъ къ Королю плѣненнаго имъ Свидригайла, а владѣніе его оставилъ за собою. Кромѣ Литвы, господствуя въ лучшихъ областяхъ древней Россіи, Витовтъ хотѣлъ похитить и самый остатокъ ея достоянія.

Князь Смоленскій, Юрій Святославичь, шуринъ сего Князя, служилъ ему при осадѣ

Витебска, какъ данникъ Литвы (165), по Витовтъ, желая совершенно покорить сіе Княженіе, собралъ войско многочисленное, и распустивъ слухъ, что идетъ на Тамерлана, вдругъ явился подъ стѣнами Смоленска, гдѣ Юріевы братья ссорились другъ съ другомъ объ Удѣлахъ; самъ Юрій находился тогда въ Рязани у тестя своего, Олега. Глѣбъ Святославичь, старшій изъ братьевъ, пріѣхалъ съ Боярами въ станъ Литовскій: Витовтъ, обласкавъ его какъ друга, сказалъ, что слыша о раздорѣ Князей Смоленскихъ, желаетъ быть посредникомъ между ими и за каждымъ утвердить наслѣдственную собственность. Легковѣрные Святославичи спѣшили къ нему съ дарами, провождаемые всѣми знатнѣйшими Боярами, такъ, что въ крѣпости не оставалось ни одного Воеводы, ни стражи. Ворота городскія были отворены; народъ, въ слѣдъ за Князьями, стремился толпами видѣть Героя Литовскаго, готоваго бороться съ великимъ Тамерланомъ. Но какъ скоро несчастные Князья вступили въ шатеръ Витовтовъ, сей коварный объявилъ ихъ своими плѣнниками; велѣлъ зажечь предмѣстіе, и въ ту же минуту устремился на городъ. Никто не противился: Литовцы грабили, плѣняли жителей, и вступивъ въ крѣпость, провозгласили Витовта Государемъ сей области Россійской. Народъ былъ въ изумленіи (166). Отправивъ Князей Смоленскихъ въ Литву, а Глѣбу Святославичу давъ въ Удѣлъ мѣстечко

Г. 1395.

Взятіе Смоленска

Полонное, Витовтъ старался утвердить за собою столь важное пріобрѣтеніе: жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Смоленскѣ; поручилъ его Намѣстнику, Князю Литовскому Ямонту, и чиновнику Василью Борейкову; тревожилъ легкими отрядами землю Рязанскую и дружески пересылался съ Великимъ Княземъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Василій Димитріевичь съ прискорбіемъ видѣлъ сіе новое похищеніе Россійскаго достоянія, и не могъ быть ослѣпленъ ласками тестя; но ему казалось благоразумнѣе соблюсти до времени пріязнь его и цѣлость хотя Московскаго Княжества, нежели подвергнуть гибели сію единственную надежду отечества, войною съ Государемъ сильнымъ, мужественнымъ, алчнымъ ко славѣ и къ пріобрѣтеніямъ. Василій осторожный, разсмотрительный, имѣлъ отважность, но только въ случаѣ необходимости, когда слабость и нерѣшительность ведутъ къ явному бѣдствію: онъ сразился бы съ Тамерланомъ, сокрушителемъ Имперій; но

Г. 1396. Свиданіе Вел. Князя съ Витовтомъ.

съ Витовтомъ еще можно было хитрить, и Великій Князь самъ поѣхалъ къ нему въ Смоленскъ, гдѣ, среди веселыхъ пировъ наружнаго дружелюбія, они утвердили границы своихъ владѣній. Въ сіе время уже почти вся древняя земля Вятичей (нынѣшняя Орловская Губернія съ частію Калужской и Тульской) принадлежала Литвѣ: Корачевъ, Мценскъ, Болховъ, Бѣлевъ, съ другими удѣльными городами Князей Черниговскихъ, по-

шомковъ Святаго Михаила, которые волею и неволею поддались Витовту [165]. Захвативъ Ржевъ и Великія Луки, властвуя отъ границъ Псковскихъ съ одной стороны до Галиціи и Молдавіи, а съ другой до береговъ Оки, до Курска, Сулы и Днѣпра, сынъ Кестутіевъ былъ Монархомъ всей южной Россіи, оставляя Василію бѣдный Сѣверъ, такъ, что Можайскъ, Боровскъ, Калуга, Алексинъ, уже граничили съ Литовскимъ владѣніемъ. — Дѣла Ординскія были также предметомъ совѣщанія сихъ двухъ Государей, изъ коихъ одинъ мыслилъ только избавиться отъ ига, а другой возложить оное на самихъ Хановъ, или столь обезсилить ихъ, чтобы они ни въ какомъ случаѣ не могли быть опасны для его областей полуденныхъ. — Вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ находился въ Смоленскѣ Митрополитъ Кипріанъ, ходатайствуя за пользу нашей Церкви или собственную. Давъ слово не притѣснять Вѣры Греческой, Витовтъ оставилъ Кипріана Главою Духовенства въ подвластной ему Россіи, и Митрополитъ, поѣхавъ въ Кіевъ, жилъ тамъ 18 мѣсяцевъ [166].

Г. 1396.

Россія Литовская.

Вѣроятно, что Великій Князь взялъ обѣщаніе съ тестя своего не безпокоить и предѣловъ Рязанскихъ; по крайней мѣрѣ, свѣдавъ, что Олегъ самъ вошелъ въ Литовскія границы и началъ осаду Любутска (близъ Калуги), Василій послалъ туда Боярина, представить ему, сколь безразсудно оскорблять

г. 1396. сильнаго. Олегъ возвратился; но Витовтъ уже хотѣлъ мести: вступилъ въ его землю (167); истребилъ множество людей; заставивъ Олега укрыться въ лѣсахъ, вышелъ съ добычею и плѣномъ. Сіе дѣйствіе не нарушило добраго согласія между имъ и Василіемъ Димитріевичемъ. Обагренный кровію бѣдныхъ Рязанцевъ, онъ заѣхалъ въ Коломну видѣться съ Великимъ Княземъ и весело праздновалъ тамъ нѣсколько дней, осыпаемый ласками и дарами.

Дѣла Новогородскія. Непосредственнымъ, явнымъ слѣдствіемъ сего вторичнаго свиданія было общее ихъ посольство къ Новогородцамъ съ требованіемъ, чтобы они прервали дружескую связь свою съ Нѣмцами, врагами Литвы. Витовтъ съ неудовольствіемъ видѣлъ также, что сынъ убитаго имъ Нариманта Олгердовича, Патрикій, и Князь Смоленскій, Василій Іоанновичь, нашли въ Новѣгородѣ убѣжище отъ его насилія; а Великій Князь могъ досадовать на чиновниковъ Новогородскихъ за то, что они, въ противность договору, опять не хотѣли зависѣть въ судныхъ дѣлахъ отъ Митрополита. Кипріанъ, вторично бывъ у нихъ въ 1395 году вмѣстѣ съ Посломъ Константинопольскаго Патріарха, безполезно доказывалъ имъ, сколь такое нарушеніе обѣта несогласно съ доброю совѣстію и съ честію. Впрочемъ, смягченный ласками и дарами жителей, выѣхалъ оттуда мирно, благословивъ Архіепископа и народъ (168).

Имѣлъ ли Василій Димитріевичь какую нибудь досаду на Ливонскихъ Нѣмцевъ, требуя отъ Новагорода разрыва съ ними, или желалъ сего единственно въ угодность тестю, не извѣстно: вѣроятнѣе, что онъ только искалъ предлога для исполненія своихъ замысловъ, которые обнаружились въ послѣдствіи. Новогородцы съ удивленіемъ выслушали посольство Московское и Витовтово. Бывъ семь лѣтъ въ враждѣ съ Нѣмцами по дѣламъ купеческимъ, они въ 1391 году примирились торжественно на общемъ съѣздѣ въ Изборскѣ, гдѣ находились Депутаты Любека, Готландіи, Риги, Дерпта, Ревеля; обоюдно чувствуя нужду въ свободной торговлѣ, условились предать вѣчному забвенію взаимныя обиды, и Нѣмцы пріѣхавъ въ Новгородъ, возстановили тамъ свою Контору, церковь и дворы (169). Сія торговля процвѣтала тогда болѣе, нежели когда нибудь; изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Германіи купцы ежегодно являлись на берегахъ Волхова со всѣми ремесленными произведеніями Европы; и Новогородцы, ни мало не расположенные исполнить волю Государя Московскаго, еще менѣе Витовтову, отвѣтствовали: „Господинъ Князь Великій! „у насъ съ тобою миръ, съ Витовтомъ миръ „и съ Нѣмцами миръ;“ не хотѣли слушать угрозъ, но съ честію отпустили Пословъ назадъ. Г. 1396.

Великій Князь — чаятельно, предвидѣвъ сей отказъ — немедленно *объявилъ гнѣвъ*, то есть войну Новугороду, и спѣшилъ воспользоваться ея правомъ. Земля Двинская издавна имѣла богатую торговлю, получая такъ называемое серебро *Закамское* и лучшіе мѣха съ границъ Сибири; славилась и другими выгодными промыслами, въ особенности птицеловствомъ, для коего Великіе Князья, въ силу договоровъ съ Новымгородомъ, ежегодно отправляли туда *сокольниковъ*, предписывая въ грамотахъ земскому начальству давать имъ подводы и кормъ (170). Еще Іоаннъ Калита замышлялъ овладѣть совершенно Двинскою землею: правнукъ его желалъ исполнить сіе намѣреніе, и сдѣлалъ то безъ всякаго кровопролитія. Не рѣдко утѣсняемые Новогородскимъ корыстолюбивымъ Правительствомъ, Двиняне дружелюбно встрѣти-
г. 1397. ли рать Московскую, охотно поддалися Василію Димитріевичу, и приняли отъ него Намѣстника, Князя Θеодора Ростовскаго. Самые Воеводы Новогородскіе, тамъ бывшіе, въ слѣдствіе тайныхъ сношеній съ Москвою, объявили себя вѣрными слугами Великаго Князя, который въ сіе время занялъ Торжекъ, Волокъ Ламскій, Бѣжецкій Верхъ и Вологду. Новогородцы ужаснулись: вмѣстѣ съ Заволочьемъ они лишались способа не только имѣть изъ первыхъ рукъ важныя произведенія климатовъ Сибирскихъ, но и выгодно торговать съ Нѣмцами, которые всего бо-

лѣе искали у нихъ мѣховъ драгоцѣнныхъ. Архіепископъ Новогородскій Іоаннъ, Посадникъ Богданъ и знаменитѣйшіе чиновники спѣшили въ Москву; но Великій Князь, лично оказавъ имъ ласку, не хотѣлъ слышать о возвращеніи Двинской земли.

Тогда отчаяніе пробудило воинственный духъ въ Новогородцахъ. Они собралися на Вѣче и требовали благословенія отъ Архіепископа, сказавъ ему: „Когда Великій Князь „измѣною и насиліемъ беретъ достояніе „Святыя Софіи и Великаго Новагорода, мы „готовы умереть за правду и за нашего „*Господина, за Великій Новгородъ.*“ Архіепископъ благословилъ ихъ, и всѣ граждане дали клятву быть единодушными. Посадникъ Тимоѳей Юрьевичь, предводительствуя осмью тысячами воиновъ, обратилъ въ пепелъ *старый* Бѣлозерскъ, а жители *новаго* откупились шестидесятью рублями. Князья Бѣлозерскіе и Воеводы Московскіе, тамъ бывшіе, пріѣхали въ станъ Новогородскій съ изъявленіемъ покорности. Разоривъ богатыя волости Кубенскія близъ Вологды, Новогородцы три недѣли безъ успѣха осаждали Глѣдень, сожгли посады Устюга, даже Соборную въ немъ церковь, и взявъ тамъ славную чудотворную икону Богоматери, въ насмѣшку именовали ее своею плѣнницею (171). Войско ихъ раздѣлилось: 5000 пошли къ Галичу грабить и плѣнять людей; 5000, вступивъ въ Двинскую землю, осадили крѣпость Орлецъ, г. 1398.

г. 1398. гдѣ заключился Намѣстникъ Великокняжескій съ Двинскими Новогородскими Воеводами, которые передались къ Государю Московкому. Нападали и оборонялись съ равнымъ усиліемъ близъ мѣсяца; наконецъ осажденные принуждены были сдаться: чѣмъ рѣшилась судьба всѣхъ Двинскихъ областей. Посадникъ Тимоѳей Юрьевичь въ одной рукѣ держалъ мечь казни для измѣнниковъ, въ другой милостивую грамоту для жителей, готовыхъ раскаяться въ винѣ своей: толпами стекаясь къ его знаменамъ, они смиренно *били челомъ*, въ надеждѣ на милосердіе Великаго Новагорода. Посадникъ оковалъ цѣпями главнаго Двинскаго Воеводу, Новогородскаго Боярина Іоанна съ братьями, Айѳаломъ, Герасимомъ и Родіономъ; Великокняжескаго Намѣстника, Ѳеодора Ростовскаго, отнявъ у него казну, отпустилъ къ Государю со всѣми людьми воинскими; обложилъ Московскихъ купцевъ тремя стами рублей, а Двинскихъ жителей двумя тысячами; взялъ у нихъ еще 3000 коней, и возвратился съ торжествомъ въ Новгородъ. Окованные измѣнники были представлены народу: Іоанна скинули съ моста въ Волховъ; братья его, Герасимъ и Родіонъ, постриглись въ Монахи, съ дозволенія Архіепископа и гражданъ; Айѳалъ ушелъ съ дороги. — Зная мѣру силъ своихъ, и ни мало не ослѣпленные удачею мести, Новогородцы предложили миръ Великому Князю. Посадникъ Іосифъ и Тысячкій явились во дворцѣ

его съ дарами и съ видомъ хитраго смиренія; не могли обольстить Государя проницательнаго, но успѣли во всемъ: ибо Василій зналъ, что Новогородцы въ то же время имѣли сношенія съ Витовтомъ, предлагая ему на нѣкоторыхъ условіяхъ быть ихъ Главою и покровителемъ (172). Великій Князь не сомнѣвался, что они могли дѣйствительно, въ случаѣ крайности, приступить къ Литвѣ, и скрывъ внутреннюю досаду, отказался отъ Двинской земли, Вологды и другихъ владѣній Новогородскихъ; далъ имъ миръ и послалъ брата своего, Андрея, для исполненія всѣхъ условій онаго. Тогда Витовтъ, считая себя осмѣяннымъ, немедленно отослалъ къ Новогородцамъ мирный договоръ, заключенный съ ними въ самый первый годъ восшествія его на престолъ Литовскій. Они также возвратили ему дружественную грамоту: что было объявленіемъ войны и называлось посылкою *разметныхъ грамотъ*. Но Витовтъ отсрочилъ сію войну, занимаясь приготовленіями къ другой, важнѣйшей. Г. 1399.

Тохтамышъ, по отшествіи Тамерлана, собралъ новыя силы: еще большая часть Орды признавала его своимъ Ханомъ. Онъ вступилъ въ Сарай, отправилъ посольства къ Державамъ сосѣдственнымъ и называлъ себя единственнымъ повелителемъ Батыевыхъ Улусовъ (173). Но Тимуръ Кутлукъ — или, по нашимъ лѣтописямъ, Темиръ Кутлуй — на- Происшествія въ Ордѣ.

Г. 1399. палъ на него внезапно, побѣдилъ, и взялъ Сарай. Тохтамышъ съ своими Царицами, съ двумя сыновьями, съ казною и съ Дворомъ многочисленнымъ бѣжалъ въ Кіевъ, искать защиты сильнаго Витовта, который съ удовольствіемъ объявилъ себя покровителемъ столь знаменитаго изгнанника, гордо обѣщая возвратить ему Царство. Уже Витовтъ отвѣдалъ счастія противъ Моголовъ, и въ окрестностяхъ Азова плѣнивъ цѣлый Улусъ, населилъ ими разныя деревни близъ Вильны, гдѣ потомство ихъ живетъ и донынѣ (174).

Замыслы Витовта. Онъ упѣшался мыслію слыть побѣдителемъ народа, коего ужасалась Азія и Европа, — располагать трономъ Батыевымъ, открыть себѣ путь на Востокъ и сокрушить самого Тамерлана. Готовя ударъ рѣшительный, Герой Литовскій желалъ, какъ вѣроятно, склонить и Великаго Князя къ содѣйствію: по крайней мѣрѣ въ сіе время пріѣзжалъ отъ него Посолъ въ Москву, Князь Ямонтъ, Намѣстникъ Смоленскій. Ничто не могло быть для Россіи благопріятнѣе войны между двумя народами, ей равно ненавистными: надлежало ли способствовать перевѣсу того или другаго? Ханы Ординскіе требовали отъ насъ дани: Литовцы совершеннаго подданства. Великое Княжество Московское, отсылая серебро въ Улусы, еще гордилось независимостію въ сравненіи съ бывшими Княжествами Днѣпровскими, и благоразумный Василій Димитріевичь, не смотря на

мнимую дружбу тестя, зная, что онъ, захвативъ Смоленскую область, готовъ взять и Москву. И такъ, вмѣсто полковъ, Великій Князь отправилъ въ Смоленскъ, гдѣ находился Витовтъ, супругу свою съ Боярами и привѣтливыми словами. Лукавый отецъ ея не уступалъ въ ласкахъ зятю; великолѣпно угостилъ дочь, нашихъ Бояръ, и въ знакъ родительской нѣжности далъ ей множество иконъ съ какими-то памятниками Страстей Господнихъ, выписанными изъ Греціи однимъ Княземъ Смоленскимъ (176). Г. 1399.

Не хотѣвъ участвовать въ замышляемой борьбѣ Литвы съ Моголами, Василій въ то же время не устрашился самъ поднять на нихъ мечь, чтобы отмстить имъ за разореніе Нижняго Новагорода, о коемъ мы выше упоминали. Онъ послалъ брата своего, Князя Юрія Димитріевича, въ Казанскую Болгарію съ сильнымъ войскомъ, которое взяло ея столицу (и нынѣ извѣстную подъ именемъ *Болгаровъ*), Жукотинъ, Казань, Кременчугъ (176); три мѣсяца опустошало сію торговую землю и возвратилось съ богатою добычею. Лѣтописцы говорятъ, что никогда еще полки Россійскіе не ходили столь далеко въ Ханскія владѣнія, и Василій Димитріевичъ слылъ съ того времени *Завоевателемъ Болгаріи*; но время истинныхъ, прочныхъ завоеваній для Россіи еще не наступило.

Наши завоеванія въ Болгаріи.

г. 1399. Можетъ быть, хитрый Великій Князь въ дружелюбныхъ сношеніяхъ съ Витовтомъ представлялъ ему сей счастливый походъ какъ дѣйствіе союза, заключеннаго ими противъ Моголовъ; но Государь Литовскій, не менѣе хитрый, видѣлъ въ зятѣ тайнаго, опаснаго врага, который только до случая оставлялъ его спокойно владѣть наслѣдіемъ Ярославова потомства. Безопасность Литовскихъ пріобрѣтеній въ Россіи требовала гибели Княженія Московскаго, уже сильнаго; и Витовтъ, обѣщаясь возстановить власть Тохтамыша надъ Золотою Ордою, Заяицкою, Болгаріею, Тавридою и Азовомъ, именно поставилъ въ условіе, какъ увѣряютъ наши Лѣтописцы, чтобы сей Ханъ отдалъ Москву Литвѣ (177).

Война Витовта съ Моголами.

Долго Витовтъ готовился къ важному походу, собирая войско въ Кіевѣ. Тщетно Польская Королева Ядвига, хваляся проницаніемъ будущаго, предсказывала ему бѣдствіе (178): слабый Ягайло далъ брату знатнѣйшихъ Воеводъ своихъ: Спытка Краковскаго, Сандивогія Остророгскаго, Доброгостія Самотульскаго, Іоанна Мазовскаго и другихъ съ отборными ратниками. Знамена Литовскія развѣвались предъ самыми стѣнами Кіева, украшенныя трофеями побѣдъ Гедимина, Ольгерда и Кестутія. Дружины нашихъ Князей, данниковъ Витовта, стояли въ рядахъ съ Литовцами, Жмудью, Волохами, а Моголы Тохтамышевы полкомъ особеннымъ, равно какъ и 500 бо-

гатно-вооруженныхъ Нѣмцевъ, присланныхъ Великимъ Магистромъ Прусскаго Ордена. Пятдесять Князей, Россійскихъ и Литовскихъ, подъ верховнымъ начальствомъ Витовта предводительствовали ратію, многочисленною и бодрою. г. 1399

Въ сіе время явился Посолъ Тимура Кутлука. Именемъ своего Хана онъ говорилъ Князю Литовскому: „Выдай мнѣ Тохтамыша, „врага моего, нѣкогда Царя великаго, нынѣ „бѣглеца презрѣннаго: такъ непостоянна „судьба жизни!" Витовтъ сказалъ (179): „иду „видѣться съ Тимуромъ"—и пошелъ къ Югу тѣмъ самымъ путемъ, коимъ нѣкогда ходилъ Мономахъ разить дикихъ Половцевъ. За рѣками Сулою и Хоролемъ, на берегахъ Ворсклы стоялъ Тимуръ Кутлукъ съ Моголами, болѣе желая мира, нежели битвы. „Почто идешь на меня?" велѣлъ онъ сказать Витовту: „я не „вступалъ никогда въ землю твою съ оружі„емъ." Князь Литовскій отвѣтствовалъ: „Богъ готовитъ мнѣ владычество надъ всѣми „землями. Будь моимъ сыномъ и данникомъ, „или будешь рабомъ." Тимуръ неотступно предлагалъ миръ; признавалъ Витовта *старѣйшимъ*; соглашался даже, по словамъ нашихъ Лѣтописцевъ, платить ему ежегодно нѣкоторое количество серебра. Гордый Князь Литовскій, подражая хвастовству Восточному (180), хотѣлъ еще, чтобы Моголы изображали на своихъ деньгахъ знаменіе или печать его, соглашаясь въ такомъ случаѣ не

Г. 1399. помогать Тохтамышу. Ханъ требовалъ срока на три дни, и между тѣмъ дарилъ, чествовалъ, ласкалъ Витовта посольствами. Сіе удивительное смиреніе было, кажется, одною хитростію, чтобы продлить время и соединиться съ остальными полками Татарскими.

Эдигей. Все перемѣнилось, когда пришелъ въ станъ къ Моголамъ сѣдый Князь Эдигей, славный умомъ и мужествомъ. Онъ былъ вторымъ Мамаемъ въ Ордѣ и повелѣвалъ Ханомъ; нѣкогда служилъ Тамерлану и носилъ на себѣ знаки его милостей. Свѣдавъ отъ Тимура о мирныхъ условіяхъ, предложенныхъ Витовтомъ, Эдигей сказалъ: „лучше умереть,“ и требовалъ свиданія съ Княземъ Литовскимъ. Они съѣхались на берегу Ворсклы. „Князь „храбрый!“ говорилъ Вождь Татарскій: „Царь нашъ справедливо могъ признать тебя „отцемъ: ты его старѣе лѣтами, но мо„ложе меня: и такъ изъяви мнѣ покорность, „плати дань и на деньгахъ Литовскихъ изо„брази печать мою.“ Сія насмѣшка привела Витовта въ ярость: онъ громогласно возвѣстилъ битву и привелъ полки въ движеніе. Благоразумнѣйшій изъ Воеводъ его, Спитко Краковскій, видя множество Татаръ, еще совѣтовалъ искать мира на условіяхъ честныхъ для обѣихъ сторонъ; но юные витязи Литовскіе кричали: „сокрушимъ невѣрныхъ!“ и знаменитый Панъ Щуковскій, гордый сердцемъ, дерзкій языкомъ, сказалъ ему: „Если „по любви къ женѣ прекрасной и къ насла-

„жденіямъ роскоши ты боишься смерти, г. 1399.
„то не охлаждай другихъ, готовыхъ отдать
„жизнь за славу." Великодушный Спитко
отвѣтствовалъ: „Несчастный! я паду въ
„битвѣ, а ты обратишь тылъ" (181). Войско Августа
Литовское перешло за Ворсклу и сразилось. 12.

Рать Ханская была многочисленнѣе. Витовтъ надѣялся на свои пушки и пищали; но сіи орудія, какъ говорятъ Лѣтописцы, дѣйствовали слабо въ открытомъ полѣ, гдѣ Татары, разсыпаясь, могли нападать на ряды Литовскіе съ боку: скажемъ лучше, что искусство огнестрѣльное находилось тогда во младенчествѣ; не умѣли заряжать скоро, ни съ легкостію обращать пушку во всѣ стороны. Однакожъ Литовцы привели въ смятеніе толпы Эдигеевы, и считали себя уже побѣдителями, когда Тимуръ Кутлукъ, ученикъ Тамерлановъ, зашелъ имъ въ тылъ и стремительнымъ ударомъ сломилъ полки ихъ. Тохтамышъ прежде всѣхъ оставилъ мѣсто сраженія; за нимъ Витовтъ и надменный Панъ Щуковскій; а великодушный Спитко умеръ Героемъ. Ужасное кровопролитіе продолжалось до самой глубокой ночи: Моголы рѣзали, топтали непріятелей, или брали въ плѣнъ, кого хотѣли. Ни Чингисханъ, ни Батый не одерживали побѣды совершеннѣйшей. Едва ли третія часть войска Литовскаго спаслася. Множество Князей легло на мѣстѣ, и въ томъ числѣ Глѣбъ Святославичь Смоленскій, Михаилъ и Дими-

г. 1399. трій Даниловичи Волынскіе, потомки славнаго Даніила, Короля Галицкаго — сподвижникъ Димитрія Донскаго, Андрей Ольгердовичь, который, бѣжавъ отъ Ягайла, нѣсколько времени жилъ во Псковѣ, и возвратился служить Витовту — Димитрій Брянскій, также сынъ Ольгердовъ и также вѣрный союзникъ Донскаго — Князь Михайло Евнутіевичь, внукъ Гедиминовъ — Іоаннъ Борисовичь Кіевскій — Ямонтъ, Намѣстникъ Смоленскій, и другіе (182). Ханъ Тимуръ Кутлукъ гналъ остатки непріятельскаго войска къ Днѣпру, взялъ съ Кіева 3000 рублей серебра Литовскаго въ окупъ, а съ монастыря Печерскаго особенно 30 рублей; оставилъ тамъ своихъ Баскаковъ, и погромивъ Витовтовы области до самаго Луцка, возвратился въ Улусы. — Такъ Литовскій Герой, хотѣвъ удивить міръ великимъ подвигомъ, снискалъ одинъ стыдъ, лишился войска, открылъ Моголамъ путь въ свои владѣнія, и долженъ былъ опасаться еще дальнѣйшихъ худыхъ слѣдствій.

Вѣсть о несчастіи его произвела въ Москвѣ, въ Новѣгородѣ, въ Рязани, дѣйствіе двоякое: жалѣли о многихъ Россіянахъ, падшихъ подъ знаменами Литовскими; съ изумленіемъ видѣли, сколь могущество Орды еще велико; боялись новой гордости, новаго тиранства Хановъ, и вмѣстѣ утѣшались мыслію, что силы опасной Литвы ослабѣли. Но Витовтъ имѣлъ въ Россіи истиннаго друга, который огорчился бы его бѣдстві-

емъ, если бы успѣлъ свѣдать оное. Сей другъ, Князь Михаилъ Тверскій, преставился почти въ самое то время, когда Ханъ разбилъ Литовцевъ (183). Безполезно истощивъ всѣ способы вредить Донскому, Михаилъ Александровичь жилъ наконецъ мирно, ибо видѣлъ, что правленіе юнаго Василія не уступаетъ Димитріеву ни въ силѣ, ни въ мудрости; оставивъ намѣреніе лишить Владѣтелей Московскихъ Великокняжескаго сана и вообще противиться успѣхамъ ихъ могущества, онъ заключилъ даже оборонительный союзъ съ Василіемъ на случай впаденія въ Россію Моголовъ, Нѣмцевъ, Ляховъ, Литвы; но тайно держался Витовта, какъ естественнаго недоброжелателя или завистника Москвы, и (въ 1397 году) посылалъ къ нему сына, Іоанна, женатаго на Маріи, сестрѣ Витовтовой, безъ сомнѣнія не столько для родственнаго свиданія, сколько для важныхъ государственныхъ переговоровъ. Г. 1399.

Хотя Василій не изъявлялъ никакихъ враждебныхъ намѣреній въ разсужденіи Твери, однакожь Князь ея съ безпокойствомъ видѣлъ, что онъ весьма ласково принялъ его племянника, Іоанна Всеволодовича Холмскаго, который, не хотѣвъ зависѣть отъ дяди, уѣхалъ въ Москву, сочетался бракомъ съ Анастасіею, сестрою Великаго Князя, и былъ Намѣстникомъ въ Торжкѣ (184). Имѣя 66 лѣтъ отъ рожденія, Михаилъ еще бодр-

Г. 1399. Кончина Князя Тверскаго.

ствовалъ духомъ и тѣломъ; но вдругъ занемогъ столь жестоко, что въ нѣсколько дней всѣ его силы исчезли. Онъ написалъ духовную грамоту: отдалъ старшему сыну, Іоанну, Тверь, Новый Городокъ, Ржевъ, Зубцевъ, Радиловъ, Вобрынь, Опоки, Вертязинъ; другому сыну, Василію, и внуку Іоанну Борисовичу Кашинъ съ Коснятинымъ; а меньшему, Өеодору, два городка Микулина, повелѣвая имъ жить въ любви и слушаться брата старшаго. Обстоятельства кончины его достопамятны. Къ нему возвратились тогда Послы изъ Константинополя, Тверской Протопопъ Даніилъ и церковники, которые ѣздили съ милостынею въ Грецію и привезли отъ Патріарха въ даръ Князю икону Страшнаго Суда. Забывъ болѣзнь и слабость, онъ всталъ съ ложа, встрѣтилъ сію икону на дворѣ, цѣловалъ оную съ великимъ усердіемъ, и пригласилъ къ себѣ на пиръ знатнѣйшее Духовенство вмѣстѣ съ нищими, слѣпыми и хромыми; братски обѣдалъ съ ними, и водимый слугами, каждому изъ гостей поднесъ такъ называемую *прощальную чашу* вина, моля ихъ, чтобы они благословили его. Никто не могъ удержаться отъ слезъ. Облобызавъ дѣтей, Бояръ, слугъ, Михаилъ пошелъ въ Соборную церковь, поклонился гробу отца и дѣда, указалъ мѣсто для своей могилы, и сталъ на паперти, гдѣ собралося множество людей, которые смотрѣли на него съ горестнымъ умилені-

емъ. Сей нѣкогда величественный Князь, бывъ Г. 1399.
необыкновенно высокъ и дороденъ, казался уже тѣнію; блѣдный, слабый, едва передвигалъ ноги. Народъ плакалъ и безмолвствовалъ; но когда Михаилъ, смиренно преклонивъ голову, сказалъ: „иду отъ людей къ „Богу: братья! отпустите меня съ искрен„нимъ благословеніемъ!“ тогда всѣ зарыдали, единодушно восклицая: „Господь благосло„витъ тебя, Князь добрый!“ Онъ сошелъ съ ступеней. Сыновья и Бояре хотѣли вести его во дворецъ: но Михаилъ, къ изумленію ихъ, указалъ рукою на Лавру Св. Аѳанасія; приведенный въ сей монастырь, былъ тамъ постриженъ Епископомъ Арсеніемъ, названъ Матѳеемъ, и въ седьмый день скончался съ именемъ Князя умнаго, милостиваго и *грознаго* въ похвальномъ смыслѣ: ибо онъ, какъ сказано въ лѣтописи, *не потакалъ Боярамъ*, любя правосудіе; истребилъ въ своемъ Княженіи разбои, воровство, ябеду; уничтожилъ *злые налоги торговые*; утвердилъ города, успокоилъ села, такъ, что жители другихъ областей тысячами переселялись въ Тверскую. — Съ жизнію Михаила исчезло и благоденствіе сего Княженія: начались Боярскія смуты и раздоры между его сыновьями. Іоаннъ, узнавъ о торжествѣ Хана и несчастіи своего шурина, отправилъ посольство къ первому, смиренно моля, чтобы онъ далъ ему жалованную грамоту на всю землю Тверскую (185). Послы уже не застали Тимура

г. 1400. Кутлука: онъ умеръ; но сынъ его, Шадибекъ, исполнилъ желаніе Іоанна, который, пользуясь милостивыми ярлыками Ханскими, вопреки совѣтамъ матери сталъ утѣснять братьевъ и племянника. Они искали защиты въ Москвѣ. Великій Князь безкорыстно старался мирить ихъ, хотя и не на-долго. Два раза Іоаннъ приступалъ къ Кашину, и держалъ брата, Василія Михайловича, какъ плѣнника въ Твери; освободилъ его, но послалъ въ Кашинъ своихъ Намѣстниковъ. Въ семъ междоусобіи Лѣтописцы обвиняютъ наиболѣе невѣстку Іоаннову, вдовствующую супругу Бориса Михайловича, родомъ Смолянку; впрочемъ онъ гналъ и сына ея, желая быть единовластнымъ. Въ угодность, можетъ быть, Государю Московскому Іоаннъ примирился съ зятемъ его, Княземъ Холмскимъ, и не мѣшалъ ему спокойно жить въ Удѣлѣ отцевскомъ; но сей Князь, скоро умершій Схимникомъ и бездѣтнымъ, долженъ былъ отказать свою наслѣдственную область сыну Іоаннову, Александру (186). Однимъ словомъ, Удѣльная Система вообще клонилась тогда въ Россіи къ паденію.

Не смотря на ослабленіе Литовскихъ силъ, Князь Тверскій желалъ остаться другомъ Витовта, и возобновилъ съ нимъ прежній союзъ, одобренный и, согласно съ ихъ волею, утвержденный Государемъ Василіемъ Димитріевичемъ, который не думалъ объявить себя врагомъ тестя (уважая льва, хотя и

раненнаго), особенно по тому, что имѣлъ причину опасаться Орды [187]: ибо со времени нашествія Тамерланова прервалъ всѣ сношенія съ нею, какъ бы не зная, кого признавать ея Главою: Тохтамыша, или Шадибека, или Койричака. Одни внутренніе раздоры Моголовъ, не утишенные и славною ихъ побѣдою надъ Литвою, не дозволяли имъ обратить вниманія на Москву. — Витовтъ съ своей стороны болѣе нежели когда нибудь искалъ дружбы Великаго Князя, чтобы удалить его отъ союза съ Олегомъ и съ изгнанникомъ Смоленскимъ, Юріемъ Святославичемъ, который выдалъ дочь свою, Анастасію, за Василіева брата, Юрія; тогда же сынъ Владиміра Храбраго, Іоаннъ, женился на внукѣ Олеговой. Легко было предвидѣть, что Князь Смоленскій захочетъ воспользоваться несчастіемъ Литвы; въ самомъ дѣлѣ онъ неотступно убѣждалъ тестя возвратить ему престолъ: чего желалъ тайно и Василій Димитріевичь, однакожъ не согласился помогать имъ. Увѣренные по крайней мѣрѣ въ его искреннемъ доброхотствѣ, Олегъ и Юрій, собравъ войско, незапно осадили Смоленскъ, гдѣ жители, ненавидя Литовское правленіе, отворили ворота и съ восхищеніемъ приняли своего законнаго Князя. Къ сожалѣнію, день народнаго торжества и веселія обратился въ день лютаго кровопролитія: Юрій Святославичь, ослѣпленный местію, умертвилъ Витовтова Намѣстника,

Временная независимость Великого Княженія

Г. 1401. Удача и неблагоразуміе Князя Смоленскаго.

Князя Романа Михайловича Брянскаго, происшедшаго отъ Св. Михаила Черниговскаго, и множество Бояръ Смоленскихъ, которые держали сторону Литвы (188). Онъ не зналъ, что милость въ такихъ случаяхъ благопріятствуетъ не только человѣколюбію, но и собственнымъ выгодамъ Государя. Головы отцевъ и мужей пали: жены, дѣти и друзья убіенныхъ остались, возбуждали въ народѣ ненависть къ свирѣпому Князю и могли говорить: ,,иноплеменный Витовтъ здѣсь вла- ,,ствовалъ мирно; Князь Россійскій возвра- ,,тился лишь нашу кровь." Одна жестокость раждаетъ часто необходимость другой. Когда Витовтъ, узнавъ о взятіи Смоленска, явился предъ стѣнами онаго съ войскомъ, съ пушками, многіе изъ гражданъ хотѣли сдаться Литвѣ. Умыселъ ихъ открылся: Юрій казнилъ всѣхъ безъ пощады, и на сей разъ отразивъ непріятеля, заключилъ съ нимъ перемиріе.

Ободренный своимъ успѣхомъ и неудачами Литвы, Князь Рязанскій послалъ сына, име-
г. 1402. немъ Родслава, воевать Брянскъ, имѣя намѣреніе, если можно, освободить и сей древній Черниговскій Удѣлъ отъ власти иноплеменниковъ. Но Витовтъ успѣлъ взять мѣры. Однимъ изъ лучшихъ его Полководцевъ былъ Лугвеній-Симеонъ Олгердовичъ: еще въ 1392 году онъ возвратился въ Литву изъ Новагорода, и женился на сестрѣ Василія Димитріевича (189), Маріи (которая, живъ съ

нимъ пять лѣтъ, преставилась въ Мстиславлѣ, откуда тѣло ея привезли въ Москву). г. 1402.
Лугвеній, отряженный Витовтомъ, соединился съ Александромъ Патрикіевичемъ Стародубскимъ, встрѣтилъ Рязанцевъ у Любутска, и побивъ ихъ на голову, плѣнилъ самого Родслава. Сей успѣхъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ былъ весьма важенъ для Витовта: ободрилъ Литву, устрашилъ Россіянъ. Ненавидя Олега, Витовтъ мстилъ ему жестокимъ заключеніемъ сына его въ оковы и въ темницу, въ которой онъ томился три года, и наконецъ, за 2000 рублей, получилъ свободу. Старецъ Олегъ не могъ пережить сего несчастія и скончался Инокомъ: Князь ума рѣдкаго и славнѣйшій изъ всѣхъ Рязанскихъ Владѣтелей; долговременный, лукавый врагъ Донскаго и Москвы, но любимый своимъ народомъ и достохвальный въ его послѣднихъ усиліяхъ возвратить отечеству Литовскія завоеванія. Имѣвъ Христіанское имя Іакова, онъ названъ въ Монашествѣ Іоакимомъ и погребенъ въ Обители Солотчинской, имъ основанной близъ Рязани [190]. Сынъ его, Ѳеодоръ, сѣлъ на престолѣ отца, утвержденный въ семъ наслѣдствѣ грамотою Хана Шадибека. (Чрезъ нѣкоторое время онъ былъ изгнанъ Княземъ Пронскимъ, Іоанномъ Владиміровичемъ; а послѣ, заключивъ съ нимъ миръ, княжилъ спокойно, будучи въ тѣсной связи съ шуриномъ своимъ, Государемъ Московскимъ.)

г. 1403. Витовтъ еще нѣсколько времени оставлялъ Юрія Смоленскаго въ покоѣ. Собравъ силы, онъ послалъ Лугвенія на Вязму, зная мужество сего Ольгердова сына и довѣренность къ нему Россіянъ, которые любили его какъ единовѣрнаго. Лугвеній овладѣлъ Вязмою безъ кровопролитія, плѣнивъ ея Князя, Іоанна Святославича (91). Тогда Витовтъ со всѣми полками двинулся къ Смоленску; цѣлыя семь недѣль осаждалъ его съ величай-
г. 1404. шимъ усиліемъ, ежедневно стрѣляя изъ пушекъ, но отступилъ безъ малѣйшаго успѣха: столь крѣпокъ былъ городъ, и столь упорно защищаемъ Юріемъ. Потерпѣли однѣ волости Смоленскія, разоренныя Литвою. Юрій, опасаясь новаго нападенія, желалъ видѣться съ Великимъ Княземъ; оставилъ въ Смоленскѣ супругу, Бояръ, и давъ имъ слово возвратиться немедленно, спѣшилъ въ Москву. Василій Димитріевичь принялъ его дружелюбно. ,,Будь моимъ великодушнымъ покровителемъ,“ говорилъ Юрій: ,,Витовтъ тебя ,,уважаетъ: примири насъ, или защити меня, ,,если онъ презритъ твое ходатайство. ,,Когда же не хочешь того, будь Государемъ моимъ и Смоленскимъ. Желаю лучше ,,служить тебѣ, нежели видѣть иноплеменника на престолѣ Мономахова потомства.“ Предложеніе казалось лестнымъ. Но зная твердое намѣреніе Витовта снова покорить Смоленскъ, чего бы то ни стоило; зная, что присоединить сіе Княженіе

къ Москвѣ есть объявить ему войну, Великій Князь не соглашался быть ни ходатаемъ, ни защитникомъ, ни Государемъ Смоленска, слѣдуя правилу жить въ мирѣ съ Литвою, пока Витовтъ не касался собственныхъ Московскихъ владѣній. Такъ говорятъ Лѣтописцы; однакожъ долговременное пребываніе Юрія въ Москвѣ свидѣтельствуетъ по крайней мѣрѣ, что онъ не терялъ надежды успѣть въ своемъ исканіи: измѣнники предупредили его. Г. 1404.

Будучи врагомъ опасной Литвы, сей Князь, къ несчастію, имѣлъ враговъ еще опаснѣйшихъ между Смоленскими Боярами, озлобленными казнію ихъ ближнихъ: пользуясь его отсутствіемъ, они тайно призвали Витовта и сдали ему городъ. Полки Литовскіе безъ малѣйшаго сопротивленія вступили въ крѣпость, обезоружили воиновъ, взяли нѣкоторыхъ вѣрныхъ Бояръ подъ стражу, впрочемъ не дѣлая жителямъ никакого вреда, соблюдая тишину, благоустройство. Супруга Юріева была отправлена въ Литву, и Витовтъ, занявъ всю Смоленскую область, вездѣ опредѣлилъ своихъ чиновниковъ, къ неудовольствію измѣнниковъ Россійскихъ, которые надѣялись управлять ею; но гражданамъ и сельскимъ жителямъ даровалъ особенную льготу, желая отвратить народъ отъ Юрія и привязать къ себѣ (192): въ чемъ успѣлъ совершенно, и чрезъ нѣсколько лѣтъ въ кровопролитной съ Нѣмцами битвѣ, гдѣ болѣе

Политика Витовта.

г. 1404. 60,000 человѣкъ легло на мѣстѣ, одержалъ побѣду единственно храбростію вѣрныхъ ему Смоленскихъ воиновъ. — Такимъ образомъ взявъ древній городъ Россійскій въ первый разъ обманомъ, вторично измѣною, Витовтъ благоразумною политикою утвердилъ его за Литвою на 110 лѣтъ, и тѣмъ заключилъ ея важныя присвоенія въ Россіи. Время счастливыхъ возвратовъ было для насъ уже не далеко.

Нечаянная вѣсть о взятіи Смоленска поразила Юрія Святославича; изумила и Великаго Князя, такъ, что онъ вообразилъ себя обманутымъ, и призвавъ Юрія, осыпалъ его укоризнами, говоря: „Ты хотѣлъ единственно обольстить меня лукавыми предложеніями: Смоленскъ не могъ сдаться Литвѣ „безъ твоего повелѣнія" (193). Напрасно сей несчастный Князь увѣрялъ, что виною тому измѣна Бояръ: Василій остался въ подозрѣніи, и Юрій, не находя въ Москвѣ ни защиты, ни самой личной для себя безопасности, рѣшился искать той и другой въ вольномъ Новѣгородѣ.

Государствованіе Василія Димитріевича было для Новогородцевъ временемъ безпокойнымъ: они никакъ не могли долго жить съ нимъ въ мирѣ, видя его непрестанныя покушенія на ихъ свободу и достояніе. Такъ онъ (въ 1401 году) велѣлъ Митрополиту задержать въ Москвѣ Новогородскаго Архіепископа Іоанна, который ревностно ходатай-

Неудовольствія Новогородцевъ.

ствовалъ за гражданскія права своей духовной Г. 1404.
паствы (194). Такъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, воины Великокняжескіе схватили въ Торжкѣ двухъ знаменитыхъ Бояръ, непріятныхъ Государю, и взяли все ихъ имѣніе. Такъ рать Московская безъ объявленія войны вступила въ Двинскую землю, будучи предводима Новогородскими измѣнниками, Айфаломъ и братомъ его, Герасимомъ разстригою, ушедшимъ изъ монастыря: они плѣнили Двинскаго Посадника, многихъ Бояръ, и вездѣ грабили безъ милосердія; но разбитые въ Колмогорахъ, оставили плѣнниковъ и бѣжали. (Сей мятежникъ Айфалъ, не успѣвъ въ замыслахъ противъ отечества, разбойничалъ послѣ на Камѣ и Волгѣ, имѣя у себя до 250 судовъ; былъ въ плѣну у Татаръ и наконецъ убитъ на Вяткѣ Михайломъ Разсохинымъ, подобнымъ ему бѣглецомъ Новогородскимъ.) — Хотя Великій Князь освободилъ взятыхъ въ Торжкѣ Бояръ и Архіепископа Іоанна, болѣе трехъ лѣтъ сидѣвшаго въ кельѣ Николаевскаго монастыря; однакожь Новгородъ ждалъ и впредь съ его стороны такихъ же утѣсненій, будучи готовъ противиться онымъ.

Юрій Святославичъ, съ сыномъ Ѳеодоромъ, братомъ Владиміромъ и Княземъ Симеономъ Мстиславичемъ Вяземскимъ, явился тамъ среди народа и смиренно просилъ убѣжища. Новогородцы любили казаться великодушными въ такихъ случаяхъ. Мысль быть

покровителями одного изъ знаменитѣйшихъ Князей Россійскихъ, гонимаго Витовтомъ, отверженнаго Великимъ Княземъ, льстила ихъ гордости. Они приняли изгнанника съ ласкою, и сдѣлали еще болѣе: дали ему 13 городовъ въ управленіе [195]: Русу, Ладогу и другіе, съ условіемъ, чтобы онъ, какъ воинъ мужественный, ревностно блюлъ цѣлость ихъ владѣній, не щадя ни трудовъ, ни жизни. Взаимныя клятвы утвердили сей договоръ, равно непріятный Витовту и Василію Димитріевичу. Первый, будучи тогда уже въ мирѣ съ Новымгородомъ, жаловался, что его злодѣй снискалъ тамъ дружбу и довѣренность; а Великій Князь съ неудовольствіемъ видѣлъ, что сей народъ въ случаѣ столь важномъ дѣйствуетъ самовластно, безъ всякаго сношенія съ Москвою. Впрочемъ Юрій не долго жилъ въ области Новогородской: привыкнувъ господствовать неограниченно, онъ скучалъ своею зависимостію отъ народнаго Вѣча, и возвратился въ Москву съ новою надеждою на покровительство
Г. 1406. Василія Димитріевича, который, начиная тогда ссориться съ Витовтомъ за впаденіе Литвы въ границы Пскова, принялъ Юрія весьма дружелюбно и сдѣлалъ Намѣстникомъ въ Торжкѣ. Но сей несчастный изгнанникъ скоро лишился и милости Великаго Князя и сожалѣнія людей, въ глазахъ цѣлой Россіи возложивъ на себя знаменіе гнуснаго преступника.

Князь Симеонъ Мстиславичь Вяземскій раздѣлялъ съ нимъ бѣдствіе изгнанія какъ другъ и знаменитый слуга его. Онъ имѣлъ прекрасную, добродѣтельную супругу, именемъ Іуліанію. Равно жестокій и сластолюбивый, Юрій пылалъ вожделѣніемъ осквернить ложе Симеоново; не успѣлъ въ томъ ни соблазномъ, ни коварными хитростями, и дерзнулъ на явное злодѣяніе: въ своемъ домѣ, среди веселаго пира, убилъ Князя Вяземскаго, и думалъ воспользоваться ужасомъ несчастной супруги. Но любя непорочность болѣе всего въ мірѣ, она схватила ножъ, и хотѣвъ ударить имъ насильника въ горло, уязвила въ руку. Одно чувство уступило мѣсто другому: любострастіе гнѣву. Юрій, обнаживъ мечь, догналъ Іуліанію на дворѣ, изрубилъ ее въ куски, и велѣлъ бросить въ рѣку (196). Такая гнусность могла постыдить вѣкъ: впечатлѣніе, произведенное оною въ сердцахъ современниковъ, оправдало его. Юрій, подобно Каину ознаменованный печатію злодѣйства, гонимый всеобщимъ презрѣніемъ, не смѣя показаться ни Князьямъ, ни народу, уѣхалъ въ Орду; скитался въ степяхъ нѣсколько мѣсяцевъ и кончилъ жизнь въ одномъ пустынномъ монастырѣ области Рязанской. Онъ былъ послѣднимъ изъ Владѣтельныхъ Князей Смоленскихъ, происшедшихъ отъ внука Мономахова, Ростислава Мстиславича.

Г. 1406. Злодѣйство Князя Смоленскаго.

г. 1406. Наконецъ пришло время явной вражды между Государемъ Московскимъ и Литвою.

Разрывъ съ Литвою.

Псковъ, освобожденный Новогородцами отъ всѣхъ обязанностей подданства, былъ управляемъ собственными законами; принималъ Намѣстниковъ отъ Василія Димитріевича, но избиралъ себѣ чиновниковъ и Князей или Воеводъ, иногда чужеземныхъ: такъ Андрей Олгердовичь и сынъ его, Іоаннъ, нѣсколько времени начальствовали въ ономъ (197). Сія вольность не даровала благоденствія Псковитянамъ: угрожаемые съ одной стороны Ливонскимъ Орденомъ, съ другой Витовтомъ, напрасно требовали они защиты отъ своихъ братьевъ, Новогородцевъ, которые завидовали успѣхамъ ихъ счастливой торговли, и не только отказывались помогать имъ, не только въ мирныхъ договорахъ съ Нѣмцами, съ Литвою, умалчивали о Псковѣ, но даже сами тѣснили и приходили осаждать его; не имѣя успѣха въ сихъ нападеніяхъ, мирились, и всегда неискренно. Сверхъ того онъ вторично былъ жертвою язвы, которая нѣсколько разъ возобновлялась. Чтобы воспользоваться его несчастіемъ, коварный Витовтъ, будто бы честно объявляя войну, послалъ *разметную* Псковскую *грамоту* къ Новогородцамъ, напалъ неожидаемо на владѣнія Псковитянъ, взялъ городъ Коложе и плѣнилъ 11,000 Россіянъ. Въ то же время Магистръ Ливонскій опустошалъ селенія вокругъ Изборска, Острова, Котельна. Еще

не теряя бодрости, Псковитяне немедленно отмстили Витовту разореніемъ Великихъ Лукъ и Новоржева, ему подвластныхъ; отняли у Литвы Коложское знамя, и разбили Нѣмцевъ близъ Киремпе: но вѣдая мѣру силъ своихъ, прибѣгнули къ Государю Московскому. Хотя они, подобно Новугороду, имѣли свою особенную систему политическую, и въ самомъ дѣлѣ мало зависѣли отъ Великаго Князя: однакожъ Василій, называясь ихъ Государемъ, рѣшился доказать истину сего названія; отправилъ къ нимъ брата, Константина Димитріевича, и требуя удовлетворенія отъ Витовта, началъ собирать полки. Его *система осторожности* не перемѣнилась: онъ хотѣлъ мира, но хотѣлъ доказать и готовность къ войнѣ, если нѣтъ инаго способа удержать хищность Литвы и спасти остатокъ независимой Россіи. г. 1406.

Витовтъ отвѣтствовалъ гордо. Призвавъ въ союзъ къ себѣ Іоанна Михайловича Тверскаго, Великій Князь послалъ Воеводъ на Литовскіе города: Серпейскъ, Козельскъ и Вязьму (198). Воеводы возвратились безъ успѣха: огорченный симъ худымъ началомъ, и думая, что Витовтъ со всѣми силами устремится на Москву, Василій Димитріевичъ рѣшился возобновить дружелюбную связь съ Ордою, вопреки мнѣнію старыхъ Бояръ; требовалъ вспоможенія отъ Шадибека и представлялъ, что Литва есть общій ихъ врагъ. Не было слова о дани и зависимости: Василій искалъ

только союза Татаръ, и юный Шадибекъ, управляемый доброхотами Государя Московскаго, дѣйствительно прислалъ ему нѣсколько полковъ. Выступивъ въ поле, Великій Князь сошелся съ Витовтомъ близъ Крапивны (въ Тульской Губерніи). Вмѣсто битвы, начались переговоры: ибо ни съ которой стороны не хотѣли отважиться на случай рѣшительный, и Герой Литовскій, помня претерпѣнное имъ бѣдствіе на берегахъ Ворсклы, уже научился не вѣрить счастію. Заключили перемиріе и разошлися.

г. 1407. Мира не было. Литовцы чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ сожгли и присоединили къ своимъ владѣніямъ Одоевъ, гдѣ княжили потомки Св. Михаила Черниговскаго, бывъ въ нѣкоторой зависимости отъ сильнѣйшихъ Владѣтелей Рязанскихъ (199); а Великій Князь взялъ Дмитровецъ, но снова заключилъ перемиріе съ тестемъ подъ Вязмою, и также не на-долго. Еще за годъ до сего времени выѣхалъ въ Москву изъ Литвы сынъ Князя Іоанна Ольгимонтовича, Александръ Нелюбъ, со многими единоземцами: вступивъ въ нашу службу, онъ получилъ себѣ во владѣніе городъ Переславль Залѣсскій. Въ слѣдъ

г. 1408. Свидригайло. за нимъ прибылъ въ Москву Свидригайло Олгердовичь, который, будучи недоволенъ даннымъ ему отъ Витовта Удѣломъ Сѣверскимъ, Брянскимъ, Стародубскимъ, и замышляя господствовать надъ всею Литвою, вздумалъ предложить услуги свои Великому Князю.

Ему сопутствовали Епископъ Черниговскій Г. 1408.
Исакій, Князья Звенигородскіе, Александръ и Патрикій, Θеодоръ Александровичъ Путивльскій, Симеонъ Перемышльскій, Михайло Хотетовскій, Урустай Минскій, и цѣлый полкъ Бояръ Черниговскихъ, Сѣверскихъ, Брянскихъ, Стародубскихъ, Любутскихъ, Рославскихъ, такъ, что дворецъ Московскій весь наполнился ими, когда они пришли къ Государю. Москвитяне съ любопытствомъ смотрѣли на своихъ единоплеменниковъ, уже принявшихъ обычаи иноземные; а Бояре южной Россіи дивились величію Москвы (за сто лѣтъ едва извѣстной по имени), красотѣ ея церквей, святыхъ Обителей, и пышности Двора Василіева, напомнившей имъ древнія преданія о блестящемъ Дворѣ Ярослава Великаго. Всего же болѣе дивились они въ ней благоустройству гражданскому, необыкновенному въ ихъ странахъ, гдѣ троны Владиміровы потомства стояли пусты, и гдѣ Паны Литовскіе, искажая языкъ Славянскій, давали чуждые законы народу. Великій Князь осыпалъ пришельцевъ милостями, и къ общему удивленію отдалъ Свидригайлу въ Удѣлъ не только Переславль, Юрьевъ, Волокъ, Ржевъ и половину Коломны, но даже столицу Владимірскую съ селами, доходами и людьми, какъ сказано въ лѣтописи (200): столь выгодною казалась ему дружба сего Ольгердова сына. Легкомысленный, надменный Свидригайло увѣрительно говорилъ о тайныхъ связяхъ

Г. 1408. своихъ съ Вельможами Литовскими; хвалился завоевать съ помощію Москвитянъ въ нѣсколько мѣсяцевъ всю землю Витовтову; обѣщалъ Василію Новгородъ Сѣверскій и склонилъ его къ возобновленію непріятельскихъ дѣйствій противъ тестя. Великій Князь не былъ легковѣренъ; но могъ надѣяться, что имѣя съ собою Ягайлова брата, или подлинно найдетъ друзей въ Литвѣ, или пріобрѣтетъ миръ выгодный. Въ послѣднемъ отчасти и не обманулся. Витовтъ встрѣтилъ зятя на берегахъ Угры. Многочисленное войско его состояло, кромѣ Литвы, изъ полковъ Кіевскихъ (предводимыхъ Олелькомъ Владиміровичемъ, внукомъ Ольгердовымъ), Смоленскихъ, и даже изъ Нѣмцевъ, присланныхъ къ нему Великимъ Магистромъ Прусскимъ (201). Тщетно Свидригайло искалъ измѣнниковъ въ станѣ Литовскомъ: самые Россіяне, служа Витовту, готовы были мужественно ударить на полки Великокняжескіе. Но зять и тесть наблюдали равную осторожность; съ обѣихъ сторонъ дѣйствовали только легкими отрядами, избѣгая главнаго сраженія; наконецъ, въ слѣдствіе многихъ переговоровъ, согласились въ мирныхъ условіяхъ, назначивъ Угру предѣломъ между Литвою и Московскими владѣніями въ нынѣшней Калужской Губерніи. Города Козельскъ, Перемышль, Любутскъ, возвратились къ Россіи и были съ того времени Удѣломъ Владиміра Андреевича *Храбраго.* Сохраняя честь свою, Великій

Князь не хотѣлъ выдать Свидригайла Витовту и, кажется, обязалъ тестя не безпокоить впредь области Псковитянъ, которые послѣ заключили съ Литвою миръ особенный. Г. 1408.

Впрочемъ покровительство Василія Димитріевича не доставило Пскову безопасности. Братъ его, Константинъ, взявъ за Наровою Нѣмецкій городокъ Порхъ, уѣхалъ назадъ въ Москву; а Магистеръ Ливонскій, Конрадъ Фитингофъ, соединясь съ Курляндцами, разбилъ Псковитянъ: при Посадника и 700 лучшихъ гражданъ легло на мѣстѣ. Еще два раза входилъ онъ въ ихъ владѣнія, жегъ села, плѣнялъ людей, не щадя и Новогородцевъ, которые, злобствуя на Псковитянъ, отказались и тогда дѣйствовать съ ними за-одно противъ общихъ непріятелей. Сіи частыя войны съ Ливоніею обыкновенно не имѣли никакихъ важныхъ слѣдствій. Хотя Нѣмцы и мыслили присоединить Псковъ къ своимъ владѣніямъ съ согласія Витовта и Свидригайла (какъ то видно изъ договора, заключеннаго между ими въ 1402 году): но имѣя болѣе властолюбія, нежели силы, они только грабили, убивали нѣсколько сотъ человѣкъ и чувствовали нужду въ мирѣ для выгодъ торговли (202). Народное Право съ обѣихъ сторонъ такъ мало уважалось, что иногда умерщвляли Пословъ: въ Нейгаузенѣ (въ 1414 году) изрубили Псковскаго, во Псковѣ Дерптскаго. Сія вражда прекратилась въ 1417 году мирнымъ до- Войны съ Ливоніею.

г. 1408. говоромъ на 10 лѣтъ, и Великій Князь участвовалъ въ ономъ какъ посредникъ. Но Псковитяне, честно соблюдая миръ съ Нѣмцами, снова возбудили на себя гнѣвъ Витовта, который принуждалъ ихъ объявить войну Ливоніи. Напрасно старались они вторично снискать его дружбу посольствами въ Литву и въ Москву. Витовтъ грозилъ имъ непрестанно; однакожь не сдѣлалъ ничего болѣе, вѣроятно изъ уваженія къ зятю, коего Псковитяне всегда признавали своимъ верховнымъ Государемъ, и который давалъ имъ Князей или Намѣстниковъ. Три раза начальствовалъ тамъ Константинъ, братъ Василіевъ; послѣ Князья Ростовскіе, Андрей и Ѳеодоръ Александровичи, сынъ послѣдняго Александръ и Ѳеодоръ Патрикіевичь Литовскій.

Доселѣ государствованіе Василія было славно и счастливо; онъ усилилъ Великое Княженіе знаменитыми пріобрѣтеніями безъ всякаго кровопролитія; видѣлъ спокойствіе, благоустройство, избытокъ гражданъ въ областяхъ своихъ; обогатилъ казну доходами; уже не дѣлился ими съ Ордою и могъ считать себя независимымъ. Хотя Послы Ханскіе отъ времени до времени являлись въ Москвѣ (Царевичь Эйтякъ въ 1403 году, и Мирза, Казначей Шадибековъ, въ 1405): но, вмѣсто дани, получали единственно маловажные дары, и возвращались съ отвѣтомъ, что Великое Княженіе Московское будто

бы оскудѣло и не въ силахъ платить серебра Ханамъ (203). Напрасно Тимуръ Кутлукъ и Шадибекъ звали къ себѣ Василія: онъ не хотѣлъ послать къ нимъ никого изъ своихъ братьевъ или Бояръ старѣйшихъ, ожидая, чѣмъ кончатся междоусобія Ординскія. Еще Тохтамышъ, отверженный Витовтомъ, скитался по отдаленнымъ Улусамъ, искалъ друзей и надѣялся возвратить себѣ Царство; когда же, настигнутый въ пустыняхъ, близъ Тюменя, отрядомъ войска Шадибекова, онъ палъ въ сраженіи: Великій Князь, съ намѣреніемъ питать мятежъ въ Ордѣ, далъ въ Россіи убѣжище сыновьямъ его. Слабый Ханъ молчалъ, а знаменитый Эдигей, сподвижникъ Тамерлановъ, побѣдитель Витовта, Князь всемогущій въ Улусахъ, находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ Василіемъ; давалъ ему ласковое имя сына и коварный совѣтъ воевать Литву, въ то же время совѣтуя Витовту искоренить Московское Княженіе. Такъ Моголы, нѣкогда страшные одною силою, уже начали хитрить въ слабости, стараясь производить вражду между Государями, для нихъ опасными. Въ 1407 году, когда Князь Тверскій, Іоаннъ Михайловичь, пріѣхалъ Волгою на судахъ въ Ханскую столицу (чтобы судиться тамъ съ Юріемъ Всеволодовичемъ, братомъ умершаго Іоанна Холмскаго, желавшимъ присвоить себѣ Тверское Княженіе), сдѣлалась въ Ордѣ перемѣна: Буланъ-Салтанъ г. 1408.

Г. 1408. изгналъ Шадибека, зятя Эдигеева, и сѣлъ на Царство; но еще болѣе своихъ предшественниковъ зависѣлъ отъ Эдигея. Сей хитрый старецъ — видя, что Государь Московскій и Витовтъ никакъ не хотятъ отважиться на рѣшительную войну между собою — предпріялъ наконецъ оружіемъ смирить перваго; готовя рать многочисленную, все еще увѣрялъ его въ своей ревностной дружбѣ, и писалъ къ нему, выступивъ въ походъ: „Се „идетъ Царь Булатъ съ Великою Ордою „наказать Литовскаго врага твоего за со„дѣянное имъ зло Россіи. Спѣши изъявить „Царю благодарность: если не лично, то „пришли хотя сына, или брата, или Вель„можу.“ Съ сею грамотою пріѣхалъ въ Москву одинъ изъ чиновниковъ Татарскихъ. Василій имѣлъ друзей въ Ордѣ и зналъ о ратныхъ ея движеніяхъ; но по всѣмъ извѣстіямъ думалъ, что Моголы дѣйствительно хотятъ воевать Литву: ибо Эдигей умѣлъ скрыть свою истинную цѣль отъ самыхъ Вельможъ Ханскихъ. Никто не безпокоился въ Москвѣ, гдѣ, по сказанію одного Лѣтописца, уже мало оставалось Бояръ старыхъ, и гдѣ юные совѣтники Великокняжескіе мечтали въ гордости, что они могутъ легко обманывать старца Эдигея и располагать въ нашу пользу силами Моголовъ. Однакожь Василій Димитріевичь былъ изумленъ скорымъ походомъ Ханскаго войска и немедленно отправилъ Боярина Юрія въ

Нашествіе Эдигея.

станъ онаго, чтобы имѣть вѣрнѣйшее свѣ- Г. 1408.
дѣніе о намѣреніи Татарскаго Полководца; велѣлъ даже собирать войско въ городахъ, на всякой случай. Но Эдигей, задержавъ Юрія, шелъ впередъ съ великою поспѣшностію — и чрезъ нѣсколько дней услышали въ Москвѣ, что полки Ханскіе стремятся прямо къ ней.

Сія вѣсть поколебала твердость Великокняжескаго Совѣта: Василій не дерзнулъ на битву въ полѣ и сдѣлалъ то же, что его родитель въ подобныхъ обстоятельствахъ: уѣхалъ съ супругою и съ дѣтьми въ Кострому, оставивъ защитниками столицы дядю, Владиміра Андреевича Храбраго, братьевъ Андрея и Петра со множествомъ Бояръ и Духовныхъ сановниковъ (Митрополитъ Кипріанъ уже скончался). Великій Князь надѣялся на крѣпость стѣнъ Московскихъ, на дѣйствіе своихъ пушекъ и на жестокую тогдашнюю зиму, неблагопріятную для осады долговременной. Не одна робость, какъ вѣроятно, заставила его удалиться. Онъ могъ скорѣе Боярина или Намѣстника подвигнуть сѣверные города Россійскіе къ единодушному возстанію противъ непріятеля для избавленія столицы, и Татары не могли спокойно осаждать ее, зная, что Великій Князь собираетъ тамъ войско. Но граждане Московскіе судили иначе, и роптали, что Государь предаетъ ихъ врагу, спасая только себя и дѣтей. Напрасно Князь

Г. 1408. Владиміръ, украшенный сѣдиною честной старости и славною памятію Донской битвы, ободрялъ народъ своимъ величественнымъ спокойствіемъ въ опасности: слабые унывали. Чтобы Татары не могли сдѣлать примета къ стѣнамъ Кремлевскимъ, сей Князь велѣлъ зажечь вокругъ посады (204). Нѣсколько тысячь домовъ, гдѣ обитали мирныя семейства трудолюбивыхъ гражданъ, запылали въ одно время. Жители не думали спасать имѣнія, и толпами бѣжали къ городскимъ воротамъ. Отцы, матери, лишенные крова, ведя за руку или неся дѣтей, молили единственно о томъ, чтобы ихъ впустили въ оныя: необходимость предписывала жестокій отказъ, ибо отъ излишняго многолюдства опасались голода въ крѣпости. Зрѣлище было страшно: вездѣ огненныя рѣки и дымъ облаками, смятеніе, вопль, отчаяніе. Къ довершенію ужаса, многіе злодѣи грабили въ домахъ, еще не объятыхъ пламенемъ, и радовались общему бѣдствію.

Ноября 30, ввечеру, Татары показались, но вдали, опасаясь дѣйствія огнестрѣльныхъ городскихъ орудій. Декабря 1 пришелъ самъ Эдигей съ четырмя Царевичами и многими Князьями, сталъ въ Коломенскомъ, отрядилъ 30,000 въ слѣдъ за Василіемъ къ Костромѣ, и послалъ одного изъ Царевичей, именемъ Булата, сказать Іоанну Михайловичу Тверскому, чтобы онъ немедленно шелъ къ нему со всею его ратію, самострѣлами

и пушками (205). Между тѣмъ полки Татар- Г. 1408.
скіе разсыпались по областямъ Великаго Княженія: взяли Переславль Залѣсскій, Ростовъ, Дмитровъ, Серпуховъ, Нижній-Новгородъ, Городецъ: то есть, сожгли ихъ, плѣнивъ жителей, ограбивъ церкви и монастыри. Счастливъ, кто могъ спастися бѣгствомъ! Не было ни малѣйшаго сопротивленія. Россіяне казались стадомъ кроткихъ овецъ, терзаемыхъ хищными волками. Граждане, земледѣльцы, падали ницъ предъ варварами; ждали рѣшенія судьбы своей, и Моголы отсѣкали имъ головы, или разстрѣливали ихъ въ забаву; избирали любыхъ въ невольники, другихъ только обнажали: но сіи несчастные, оставляемые безъ крова, безъ одежды среди глубокихъ снѣговъ въ жертву страшному холоду и мятелямъ, большею частію умирали. Плѣнниковъ связывали и вели какъ псовъ на смычкахъ: иногда одинъ Татаринъ гналъ передъ собою человѣкъ сорокъ (206). Тогда открылось, сколь защитники иноплеменные ненадежны: гордый Свидригайло, начальствуя въ Владимірѣ и въ пяти другихъ городахъ, имѣя воинскую многочисленную дружину, обязанный милостію Великаго Князя, которая не измѣнилась и со времени неудачнаго похода Литовскаго, бѣжалъ и скрылся въ лѣсахъ отъ Моголовъ. (Сей мнимый Герой, обличивъ свое малодушіе, скоро выѣхалъ изъ Россіи съ великимъ богат-

Г. 1408. стыдомъ и стыдомъ, ограбивъ на пути наши села и пригороды.)

Эдигей, обложивъ Москву, нетерпѣливо ждалъ къ себѣ Князя Тверскаго съ орудіями стѣнобитными и не предпринималъ ничего противъ города; но Іоаннъ Михайловичь поступилъ въ семъ случаѣ какъ истинный Россіянинъ и другъ отечества: онъ гнушался мыслію способствовать гибели Московскаго Княженія, хотя и весьма опаснаго для независимости Тверскаго; поѣхалъ къ Эдигею одинъ съ немногими Боярами, и возвратился изъ Клина, будто бы отъ нездоровья (207). Сіе великодушіе могло стоить ему дорого: къ счастію, судьба спасла и Тверь и Москву.

Полки Ханскіе, которые гнались за Великимъ Княземъ, не могли настигнуть его и, къ досадѣ Эдигея, пришли назадъ. Не смотря на ослушаніе Іоанна Тверскаго и недостатокъ въ нужныхъ для осады снарядахъ, сей Вождь Ординскій упорствовалъ взять Москву, если не приступомъ, то голодомъ, и хотѣлъ зимовать въ Коломенскомъ. Но вѣсти, полученныя имъ отъ Хана, разстроили его намѣреніе. Уже прошелъ тотъ вѣкъ, когда наслѣдники Батыевы исчисляли рать свою не тысячами, а тмами, и могли въ одно время громить Востокъ и Западъ: внутреннія несогласія, кровопролитія, язва, Герой Донскій и Тамерланъ столь уменьшили многолюдство въ Улусахъ, что Булатъ, отправивъ войско

въ Россію, остался беззащитнымъ, и едва г. 1408
не былъ плѣненъ какимъ-то мятежнымъ Ордынскимъ Царевичемъ, хотѣвшимъ овладѣть его столицею. Ханъ заклиналъ Полководца своего возвратиться немедленно. Обстоятельства дѣйствительно были таковы, что Эдигей не могъ терять времени, съ одной стороны опасаясь Великаго Князя, собиравшаго въ Костромѣ войско, а съ другой еще страшнѣйшихъ враговъ въ Ордѣ; призвалъ Вельможъ на совѣтъ, и положилъ чрезъ нѣсколько часовъ отступить отъ нашей столицы; но желая казаться побѣдителемъ, а не бѣгущимъ, сколько для чести, столько и для самой безопасности, послалъ объявить Московскимъ начальникамъ, что соглашается не брать ихъ города, если они дадутъ ему окупъ.

Москва представляла зрѣлище и ратной дѣятельности и ревностныхъ подвиговъ благочестія: съ утра до ночи воины стояли на стѣнахъ, Священники въ отверзтыхъ храмахъ пѣли молебны, народъ постился. „Богатые" — говоритъ Лѣтописецъ — „обѣщали „Небу наградить бѣдныхъ, сильные не тѣснить слабыхъ, судіи быть правосудными, „— и солгали предъ Богомъ" (208)! Владиміръ Андреевичъ, Князья, Бояре, цѣлыя три недѣли тщетно ждали приступа, и не имѣя запасовъ хлѣбныхъ, устрашились голода. Удивленные предложеніемъ Эдигея, и не зная, что сдѣлало его миролюбивымъ, они съ радостію дали ему 3000 рублей, и прославили милость Божію,

г. 1408. когда сей Князь, отправивъ впередъ добычу съ обозомъ, 21 Декабря выступилъ изъ Коломенскаго; взялъ еще на возвратномъ пути Рязань, и скоро удалился отъ предѣловъ Россійскихъ. Но слѣды сего ужаснаго нашествія остались на долго неизгладимы въ оныхъ. ,,Вся Россія"—пишутъ современники—,,отъ ,,рѣки Дона до Бѣлаозера и Галича, была ,,потрясена сею грозою. Цѣлыя волости опу- ,,стѣли. Кто избавился отъ смерти и не- ,,воли, тотъ оплакивалъ ближнихъ или утра- ,,ту имѣнія. Вездѣ *туга* и скорбь, предска- ,,занныя нѣкоторыми книжниками года за ,,три или за четыре. Многія удивительныя ,,знаменія также возвѣстили гнѣвъ Божій: со ,,многихъ святыхъ иконъ текло муро, или ,,капала кровь," и проч. Суевѣріе всегдашнее въ такихъ случаяхъ: люди слабые, пораженные внезапнымъ ударомъ, обыкновенно ищутъ сверхъестественныхъ предзнаменованій его въ минувшемъ времени, какъ бы надѣясь впредь лучшимъ вниманіемъ къ таинственнымъ указаніямъ Судьбы отвращать подобныя бѣдствія.

Впрочемъ Эдигей, кромѣ добычи и плѣнниковъ, не пріобрѣлъ ничего важнаго симъ подвигомъ, къ коему онъ нѣсколько лѣтъ готовился, и грозное письмо, отправленное имъ съ пути къ Великому Князю, не имѣло никакихъ слѣдствій. Оно достопамятно; предлагаемъ его содержаніе (209).

Письмо Эдигеево. ,,Отъ Эдигея поклонъ къ Василію, по ,,думѣ съ Царевичами и Князьями.—Великій

,,Ханъ послалъ меня на тебя съ войскомъ, Г. 1408.
,,узнавъ, что дѣти Тохтамышевы нашли
,,убѣжище въ землѣ твоей. Вѣдаемъ также
,,происходящее въ областяхъ Московскаго
,,Княженія: вы ругаетесь не только надъ
,,купцами нашими, *не только всячески тѣ-*
,,*сните* ихъ, но и самыхъ Пословъ Царскихъ
,,осмѣиваете. Такъ ли водилось прежде?
,,Спроси у старцевъ: земля Русская была
,,нашимъ вѣрнымъ Улусомъ; *держала страхъ,*
,,платила дань, чтила Пословъ и гостей
,,Ординскихъ. Ты не хочешь знать того — и
,,что же дѣлаешь? Когда Тимуръ сѣлъ на Цар-
,,ство, ты не видалъ его въ глаза, не при-
,,сылалъ къ нему *ни Князя, ни Боярина*. Ми-
,,нуло Царство Тимурово: Шадибекъ 8 лѣтъ
,,властвовалъ: ты не былъ у него! Нынѣ
,,царствуетъ Булатъ уже третій годъ: ты,
,,старѣйшій Князь въ Улусѣ Русскомъ, не
,,являешься въ Ордѣ! Всѣ дѣла твои не добры.
,,Были у васъ нравы и дѣла добрыя, когда
,,жилъ Бояринъ Ѳеодоръ Кошка и напоми-
,,налъ тебѣ о Ханскихъ благотвореніяхъ.
,,Нынѣ сынъ его недостойный, Іоаннъ, Каз-
,,начей и другъ твой: что скажетъ, тому
,,вѣришь, а думы старцевъ земскихъ не слу-
,,шаешь. Что вышло? разореніе твоему
,,Улусу. Хочешь ли княжить мирно? призо-
,,ви въ совѣтъ Бояръ старѣйшихъ: Илію
,,Іоанновича, Петра Константиновича, Іо-
,,анна Никитича и другихъ, съ ними соглас-
,,ныхъ въ доброй думѣ; пришли къ намъ од-

г. 1408. „ного изъ нихъ съ древними оброками, ка-
„кіе вы платили Царю Чанибеку, да не по-
„гибнетъ въ конецъ Держава твоя. Все, пи-
„санное тобою къ Ханамъ о бѣдности на-
„рода Русскаго, есть ложь: мы нынѣ сами
„видѣли Улусъ твой, и свѣдали, что ты со-
„бираешь въ немъ по рублю съ двухъ сохъ:
„куда жь идетъ серебро? Земля Христіан-
„ская осталась бы цѣла и невредима, когда
„бы ты исправно платилъ Ханскую дань; а
„нынѣ бѣгаешь какъ рабъ! . . . Размысли и
„научися!“ — Но Великій Князь не хотѣлъ
слушаться ни приказаній, ни совѣтовъ его,
свѣдавъ о новомъ мятежѣ въ Ордѣ; возвра-
тился въ столицу, и съ любовію обнялъ дядю
своего, Владиміра Андреевича, довольный по
крайней мѣрѣ тѣмъ, что онъ, не имѣвъ спо-
соба защитить другихъ городовъ, сдалъ ему
Москву въ цѣлости.

г. 1410. Кончина Владиміра Храбраго.

Сей знаменитый внукъ Калитинъ жилъ не
долго и преставился съ доброю славою Кня-
зя мужественнаго, любившаго пользу оте-
чества болѣе власти. Онъ первый отказался
отъ древнихъ правъ семейственнаго старѣй-
шинства, и былъ изъ Князей Россійскихъ *пер-
вымъ дядею служившимъ племяннику.* Крат-
ковременныя ссоры его съ Донскимъ и Васи-
ліемъ происходили не отъ желанія присво-
ить себѣ Великокняжескій санъ, а только
отъ смутъ Боярскихъ. Сія великодушная
жертва возвысила въ Владимірѣ предъ суди-
лищемъ потомства достоинство Героя, ко-

торый счастливымъ ударомъ рѣшилъ судьбу битвы Куликовской, а можетъ быть и Россіи. Въ Архивѣ нашихъ древностей хранятся договоры сего Князя съ Василіемъ и завѣщаніе. Онъ возвратилъ племяннику города Волокъ и Ржевъ, взявъ отъ него въ замѣну Угличь, Городецъ на Волгѣ, Козельскъ, Алексинъ, не въ Удѣлъ временный, а въ наслѣдственное владѣніе или въ отчину, съ обязательствомъ, въ случаѣ смерти Василіевой, повиноваться его сыну какъ Государю верховному, ходить съ нимъ самимъ на войну и посылать дѣтей своихъ съ полками Московскими (210). Въ духовной записи Владиміръ Андреевичь поручаетъ супругу и дѣтей Великому Князю, а дѣтей супругѣ; отказываетъ свою треть Москвы всѣмъ пяти сыновьямъ вмѣстѣ, такъ, чтобы они вѣдали ее по-годно; старшему сыну, Іоанну, даетъ Серпуховъ, Алексинъ, Козельскъ, (а буде сей городъ снова отойдетъ къ Литвѣ, то Любутскъ) — Симеону Боровскъ и половину Городца: другую половину Ярославу, вмѣстѣ съ Малоярославцемъ (названнымъ такъ отъ имени сего Владимірова сына) — Андрею Радонежъ — Василію Перемышль и Угличь — супругѣ Еленѣ Ольгердовнѣ множество селъ (въ томъ числѣ Коломенское, Тайнинское, и славную мельницу на устьѣ Яузы); ей же съ меньшими дѣтьми большой дворъ Московскій (другимъ сыновьямъ особенные домы и сады). Свидѣтелями духовной были г. 1410.

Г. 1410. Игумены Никонъ Радонежскій, Савва Спасскій и 5 Бояръ Владиміровыхъ. Какъ сія, такъ и договорныя, выше упомянутыя грамоты свидѣтельствуютъ, что Великій Князь и Владиміръ, надѣясь избавиться отъ ига Моголовъ, еще не были въ томъ увѣрены: ибо послѣдній обязывается дѣлить съ первымъ Ординскія тягости и платить ему за Угличь 105 рублей на семь тысячь рублей Ханской дани, а за Городецъ 160 р. на 1500 р.

Происшествія въ Ордѣ. Въ самомъ дѣлѣ Великій Князь, при новой перемѣнѣ въ Ордѣ, еще на время отказался отъ государственной независимости. Темиръ, неизвѣстный по лѣтописямъ Восточнымъ, свергнулъ Булата, и прогнавъ Эдигея къ берегамъ Чернаго моря, долженъ былъ уступить престолъ Капчака Зелени-Салтану, сыну Тохтамышеву, другу Витовтову, нашему недоброжелателю, который прислалъ въ Россію грозныхъ Пословъ, и въ досаду Василію Димитріевичу хотѣлъ возстановить Княженіе Нижегородское, объявивъ сыновей Бориса Константиновича и Кирдяпы законными его наслѣдниками (211): чего они искали въ Ордѣ, и смѣлѣйшій изъ нихъ, Даніилъ Борисовичь, за годъ до того времени съ дружиною Князей Болгарскихъ разбилъ въ Лысковѣ брата Василіева, Петра Димитріевича; а Воевода Даніиловъ съ Казанскимъ Царевичемъ, Талычемъ, ограбилъ Владиміръ, имѣя у себя не болѣе пяти сотъ

Г. 1411.

Г. 1412.

Моголовъ и Россіянъ: столь унизилась знаменитая столица Боголюбскаго! Лѣтописцы, въ объясненіе сего случая, сказываютъ, что она тогда не имѣла стѣнъ; что ея Намѣстникъ, Юрій Васильевичь Щека, былъ въ отсутствіи, и что непріятели тайно пришли лѣсомъ изъ-за рѣки Клязмы въ самый полдень, когда всѣ граждане спали! Самъ Митрополитъ, преемникъ Кипріановъ, Фотій, будучи въ сіе время близъ Владиміра, на Святомъ озерѣ, едва могъ спастися отъ Татаръ бѣгствомъ въ непроходимыя пустыни Сенежскія. Впрочемъ ни Лысковская побѣда, ни опустошеніе домовъ и церквей Владимірскихъ, не могли возвратить Даніилу родительскаго престола: союзники его, Казанскіе Моголы, немедленно ушли назадъ съ добычею. Но ярлыкъ Хана въ рукахъ Князей Нижегородскихъ, дружба Зелени-Салтана съ Витовтомъ, новый тѣсный союзъ Іоанна Михайловича Тверскаго съ Государемъ Литовскимъ, у коего сынъ его, Александръ, гостилъ въ Кіевѣ (212), и намѣреніе Іоанново ѣхать въ Орду, казались Василію Димитріевичу столь опасными, что онъ рѣшился самъ искать благосклонности Хана, и провождаемый всѣми знатнѣйшими Вельможами, съ богатыми дарами отправился въ столицу Капчакскую. Г. 1412.

Но Зелени-Салтана уже не стало: другой сынъ Тохтамышевъ, Керимбердей, застрѣлилъ сего недруга Россіянъ, и воцарился. Сей

Г. 1412. новый Ханъ, какъ вѣроятно, по смерти отца имѣлъ съ другими братьями убѣжище въ областяхъ Московскихъ, и слѣдственно основанное на признательности благорасположеніе къ Василію: по крайней мѣрѣ Великій Князь, имъ обласканный, достигъ своей цѣли; то есть, возвратился съ увѣреніемъ, что бывшіе Владѣтели Суздальскіе не найдутъ въ немъ покровителя, а Витовтъ друга, особенно ко вреду Россіи. Іоаннъ Михайловичь Тверскій, также милостиво принятый Керимбердеемъ, съ его согласія удержалъ за собою Кашинъ, не смотря на всѣ исканія брата, Василія Михайловича (213). Сей бѣдный Князь, взятый подъ стражу Намѣстниками Тверскими, ушелъ изъ заключенія, скитался по лѣсамъ, былъ въ Москвѣ, у Хана, и не могъ нигдѣ найти защиты. Василій Димитріевичь хотя привезъ его съ собою изъ Орды, однакожъ не хотѣлъ въ угодность изгнаннику ссориться съ Іоанномъ, который изъявилъ столько великодушія въ бѣдственное для Москвы время, и въ личномъ съ нимъ знакомствѣ, при Дворѣ Хана, доказалъ ему искренними объясненіями, что не имѣетъ никакихъ вредныхъ для Великаго Княженія замысловъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Василій, будучи въ Ханской столицѣ, снова обязался платить дань Моголамъ: онъ платилъ ее, кажется, до самаго конца жизни своей, не смотря на внутренніе безпорядки, на частыя перемѣны

въ Ордѣ. Керимбердей, другъ Россіянъ, былъ непріятелемъ Витовта, который, желая свергнуть его съ престола, объявилъ Царемъ Капчакскимъ Князя Могольскаго, именемъ Бетсабулу, и въ Вильнѣ торжественно возложилъ на него знаки Царскаго достоинства: богатую шапку и шубу, покрытую сукномъ багрянымъ (214). Керимбердей, побѣдивъ сего Витовтова Хана, отсѣкъ ему голову; но скоро погибъ отъ руки своего брата, Геремферденa, бывшаго усерднымъ союзникомъ Государя Литовскаго. Кромѣ сего главнаго Хана, непрестанно являлись въ Улусахъ иные Цари, воевали между собою или грабили наши предѣлы: такъ (въ 1415 году) одинъ изъ нихъ, взявъ Елецъ, убилъ тамошняго Князя; такъ Царь Баракъ, сынъ Койричака, побѣдивъ другаго, именемъ Куйдадата, приступалъ (въ 1422 году) къ Одоеву, и плѣнилъ множество людей, но долженъ былъ оставить ихъ, настиженный въ степяхъ Княземъ Юріемъ Романовичемъ Одоевскимъ и Мценскимъ Воеводою, Григоріемъ Протасьевичемъ, которые послѣ, соединясь съ Друцкими Князьями, разбили и Куйдадата. Сей Царь тревожилъ набѣгами и Литовскія и Россійскія области: по чему Витовтъ, свѣдавъ о приближеніи его къ Одоеву, требовалъ содѣйствія отъ Великаго Князя; и хотя Москвитяне не успѣли взять участія въ битвѣ: однакожь Витовтовы Полководцы, плѣнивъ двухъ женъ Куйдадатовыхъ, одну

Г. 1415 — 1423.

г. 1415—1423. отправили къ своему Государю, а другую въ Москву. — Между тѣмъ и старецъ Эдигей, уступивъ Орду Капчакскую или Волжскую сыновьямъ Тохтамышевымъ, властвовалъ какъ Государь независимый въ Улусахъ Черноморскихъ. Будучи врагомъ Витовта, онъ (въ 1416 году) разорилъ многія Литовскія области; не могъ взять укрѣпленнаго Кіевскаго замка, но ограбилъ и сжегъ всѣ тамошнія церкви вмѣстѣ съ Печерскою Лаврою, плѣнивъ нѣсколько тысячь гражданъ, такъ, что съ сего времени, по словамъ Историка Длугоша, Кіевъ опустѣлъ совершенно. Наконецъ Эдигей, желая спокойствія, прислалъ въ даръ Витовту трехъ вельблюдовъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ, и 27 коней, съ слѣдующею грамотою: „Князь знаменитый! „въ трудахъ и подвигахъ честолюбія застигла насъ обоихъ унылая старость: посвятимъ миру остатокъ жизни. Кровь, пролiянная нами въ битвахъ взаимной ненависти, уже поглощена землею; слова бранныя, коими мы другъ друга огорчали, развѣяны вѣтромъ; пламя войны очистило сердца наши отъ злобы; вода угасила пламя“ (215). Они заключили миръ.

Имѣя долговременную рать съ Прусскимъ Орденомъ, Витовтъ жилъ мирно съ Василіемъ Димитріевичемъ, который даже не отказался помогать ему войскомъ. Въ 1422 году, при осадѣ *Голубы* или Кульма, были у Витовта союзныя дружины Московская и

Тверская, или *Великіе Россіяне*, какъ сказано въ тогдашней перепискѣ Ордена [216]. Увѣряя зятя въ своей пріязни, Витовтъ въ тоже время грозилъ Новогородцамъ, какъ Державѣ особенной. Желая быть въ дружбѣ и съ Литовскимъ Государемъ и съ Московскимъ, они вторично приняли къ себѣ Олгердова сына, Лугвенія, начальствовать въ ихъ областныхъ городахъ, а брата Василіева, Константина Димитріевича, Намѣстникомъ Великокняжескимъ въ столицу [217]; но сія Политика не имѣла совершеннаго успѣха. Примирясь съ Нѣмцами, Витовтъ и Король Ягайло велѣли Лугвенію ѣхать въ Литву, и всѣ трое вмѣстѣ возвратили мирныя грамоты Новогородцамъ. Лугвеній писалъ, что онъ, бывъ у нихъ только на жалованьѣ, разрываетъ сію связь, непріятную его братьямъ, которые составляютъ съ нимъ одного человѣка. „Да будетъ „война между нами“! сказали Вѣчу Послы Королевскіе и Витовтовы именемъ двухъ Государей: „вы обѣщали и не хотѣли дѣй„ствовать съ нами противъ Нѣмцевъ; вы „торжественно злословите насъ и назы„ваете *погаными*; вы благотворите сыну „врага нашего, Юрія Святославича.“ Θеодоръ Юрьевичь Смоленскій дѣйствительно жилъ тамъ и пользовался великодушною защитою Правительства: сей юный Князь спѣшилъ объявить своимъ покровителямъ, что не хочетъ быть для нихъ виною опасной вражды: онъ немедленно удалился въ Нѣмецкую

Г. 1415—1423.

Дѣла Новогородскія.

Г. 1415— землю. Новогородцы могли бы обратиться
1423. къ Великому Князю; но не имѣя къ нему довѣренности, старались сами обезоружить Витовта, и ссора кончилась миромъ (въ 1414 году), *на старыхъ условіяхъ*, какъ сказано въ лѣтописи: ибо Государь Литовскій не думалъ прямо воевать съ ними, а только искушалъ ихъ твердость угрозами, въ надеждѣ, что сія народная Держава согласится имѣть одну политическую систему съ Литвою, однихъ друзей и непріятелей: то есть, давать ему или войско или серебро въ случаѣ войны съ Нѣмцами. Властолюбіе его тогда не простиралось далѣе: ибо Василій Димитріевичь, уступивъ тестю Смоленскъ, безъ кровопролитія не уступилъ бы Новагорода, который издревле считался областію Великокняжескою. Однакожь Новогородцы поставили на своемъ, удержавъ право мириться и воевать по собственной волѣ, а не въ угодность Государю Литовскому.

Во все княженіе Василія Димитріевича они не имѣли никакой *важной* рати съ непріятелями внѣшними. Толпы Шведовъ грабили иногда въ окрестностяхъ городка Ямы (нынѣ Ямбурга), въ Кореліи и на берегахъ Невы, но уходили немедленно: Россіяне, въ наказаніе за то, сожгли предмѣстіе Выборга и нѣсколько селъ въ окрестностяхъ. Двинскій Посадникъ, Яковъ Стефановичь, ходилъ съ малочисленною дружиною воевать предѣлы Норвегіи; а *Мурмане* или Норвеж-

цы, числомъ до пяти сотъ, приплывъ въ лодкахъ къ тому мѣсту, гдѣ нынѣ Архангельскъ, обратили въ пепелъ 3 церкви и злодѣйски умертвили Иноковъ Монастырей Николаевскаго и Михайловскаго. — Съ Ливонскими Нѣмцами (въ 1420 году) былъ у Новогородцевъ дружелюбный съѣздъ на берегу Наровы: именемъ первыхъ самъ Магистеръ, Сиферштъ, Ландмаршалъ Вильрабе, Ревельскій Коммандоръ Дидрихъ и Фогтъ Венденскій Іоаннъ, отъ Россіянъ же Намѣстникъ Московскій, Князь Ѳеодоръ Патрикіевичь, два Посадника и три Боярина утвердили вѣчный миръ на древнихъ условіяхъ временъ Александра Невскаго, касательно границъ и торговли (218). Госвинъ, Феллинскій Коммандоръ, и Ругодивскій или Нарвскій Фогтъ, Германъ, пріѣзжали для того въ Новгородъ. г. 1415—1423.

Сія вольная Держава долѣе обыкновеннаго наслаждалась тогда и внутреннимъ гражданскимъ спокойствіемъ. Только одинъ случай возмутилъ оное. Разскажемъ его въ доказательство, какія маловажныя причины могутъ иногда волновать общество народное. Нѣкто людинъ или простой гражданинъ, именемъ Стефанъ, злобствуя на Боярина Данила Божина, схватилъ его на улицѣ, крича: „добрые люди! помогите мнѣ управиться съ „злодѣемъ.“ Народъ взялъ сторону людина, и безъ всякаго изслѣдованія сбросилъ Данила съ мосту. Одинъ добродушный рыболовъ не далъ утонуть невинному Боярину, а народъ

г. 1415-1420. въ неистовствѣ разграбилъ домъ сего человѣка. Дѣло могло бы тѣмъ кончиться; но Данило, желая мести, посадилъ своего обидчика въ темницу: о чемъ узнавъ, всѣ граждане Торговой Стороны взволновались, ударили въ Вѣчевый колоколъ, надѣли доспѣхи, взяли знамя и пришли въ Кузмодемьянскую улицу, гдѣ жилъ Бояринъ Данило: въ нѣсколько минутъ домъ его былъ сравненъ съ землею и Стефанъ освобожденъ. Завидуя избытку Бояръ, и приписывая имъ дороговизну хлѣба, они разграбили множество дворовъ и монастырь Св. Николая, утверждая, что въ немъ Боярскія житницы. Сторона Софійская, гдѣ обитали граждане знаннѣйшіе, противилась ихъ злодѣяніямъ, и также вооружилась. Звонили въ колокола, бѣгали, вопили, и стараясь занять Большой мостъ, стрѣляли другъ въ друга. Однимъ словомъ, казалось, что свирѣпый непріятель вошелъ въ городъ, и что жители, по ихъ древнему любимому выраженію, умираютъ *За Святую Софію*. Въ сіе самое время сдѣлалась ужасная гроза: отъ непрестанной молніи небо казалось пылающимъ; но мятежъ народа былъ еще ужаснѣе грозы. Тогда Архіепископъ Новогородскій Симеонъ, возведенный на сію степень по жребію изъ простыхъ Иноковъ (не будучи даже ни Священникомъ, ни Діакономъ), мужъ рѣдкихъ добродѣтелей, собралъ все Духовенство въ храмѣ Софійскомъ, облачился въ ризы Святительскія, и провож-

даемый Клиросомъ вышелъ къ народу, сталъ посреди мосту, и взявъ въ руки животворящій крестъ, началъ благословлять обѣ Стороны. Въ одно мгновеніе шумъ и волненіе утихли; толпы сдѣлались неподвижны; оружіе и шлемы упали на землю, и вмѣсто ярости изобразилось на лицахъ умиленіе. „*Идите въ домы свои съ Богомъ „и съ миромъ!*“ вѣщалъ добродѣтельный Пастырь — и граждане въ безмолвіи, въ тишинѣ, въ духѣ смиренія и братства, разошлися (219). Сей достопамятный случай прославилъ Архіепископа Симеона. Г. 1415—1425.

Съ Великимъ Княземъ жили Новогородцы въ мирѣ, болѣе притворномъ, нежели искреннемъ: они не переставали ни опасаться Василія, ни досаждать ему. Въ 1417 году измѣнники, бѣглецы Новогородскіе, Симеонъ Жадовскій и Михайло Разсохинъ, собравъ толпы бродягъ на Вяткѣ, въ Устюгѣ, вмѣстѣ съ Бояриномъ брата Василіева, Юрія Димитріевича, изъ областей Великокняжескихъ нападали на Двинскую землю и сожгли Колмогоры; за то Бояре Новогородскіе, выгнавъ сихъ разбойниковъ, сами ограбили Устюгъ, будто бы безъ вѣдома Правительства, такъ же, какъ Разсохинъ и Жадовскій дѣйствовали будто бы безъ всякаго сношенія съ Москвою (220). Ссора Василія Димитріевича съ братомъ Константиномъ, въ 1420 году, подала Новогородцамъ случай сдѣлать не малую досаду первому. Слѣдуя

г. 1415 — 1423. новому уставу въ правахъ наслѣдственныхъ, Великій Князь требовалъ отъ братьевъ, чтобы они клятвенно уступили старѣйшинство наимладшему сыну его, именемъ Василію. Константинъ не хотѣлъ сдѣлать того и лишился Удѣла; Бояръ его взяли подъ стражу; имѣніе ихъ описали. Злобствуя на Великаго Князя, онъ уѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ Правительство, ни мало не боясь Василіева гнѣва, съ отмѣнными ласками приняло Константина Димитріевича, дало ему въ Удѣлъ всѣ города, бывшіе за Лугвеніемъ, и какой то особенный денежный сборъ, именуемый *Коробейщиною* (221). Великій Князь долженъ былъ оскорбиться; но скрылъ гнѣвъ, и примирился съ братомъ, огорчаемый тогда ужасными естественными бѣдами отечества.

Язва. Язва, которая со временъ Симеона Гордаго нѣсколько разъ посѣщала Россію, ужаснѣе прежняго открылась въ княженіе Василія Димитріевича: во Псковѣ и въ Новѣгородѣ четыре раза, и дважды въ областяхъ Московскихъ, Тверскихъ, Смоленскихъ, Рязанскихъ. Признаки были тѣ же: а именно, железа, кровохарканіе, знобъ, жаръ, и смерть неминуемая. Иногда приходила сія гибельная чума во Псковъ изъ Ливонскаго Дерпта, иногда изъ другихъ мѣстъ, или возобновлялась отъ употребленія вещей зараженныхъ. Опустошивъ Азію, Африку, Европу, она нигдѣ не свирѣпствовала такъ

долго, какъ въ нашемъ отечествѣ, гдѣ отъ 1352 года до 1427 въ разныя времена безчисленное множество людей было ея жертвою: въ одномъ Новѣгородѣ, по извѣстію Нѣмецкаго Историка Кранца, умерло 80,000 человѣкъ въ 6 мѣсяцевъ: „люди (говоритъ онъ) „ходя падали на улицахъ и въ одну минуту „испускали духъ; здоровые шли погребать „усопшихъ, и внезапно лишаясь жизни, въ той „же могилѣ были сами погребаемы“ (222). Ни посты, ни чинъ Ангельскій не спасали: алчная смерть, въ городахъ и селахъ наполняя скудельницы трупами, искала добычи и въ святыхъ Обителяхъ душевнаго мира. Строили Церкви; отказывали имѣніе монастырямъ: иныхъ средствъ не употребляли. Суевѣрные Псковитяне, желая смягчить Небо, сожгли 12 мнимыхъ вѣдьмъ, и зная по преданію, что древнѣйшая Церковь Христіанская, въ ихъ городѣ созданная, была посвящена Св. Власію, возобновили оную на старомъ мѣстѣ, въ надеждѣ, что Господь скорѣе услышитъ тамъ ихъ моленіе о концѣ сего бѣдствія. Еще не довольно: въ 1419 году выпалъ глубокій снѣгъ 15 Сентября, когда еще хлѣбъ не былъ убранъ; сдѣлался общій голодъ и продолжался около трехъ лѣтъ во всей Россіи; люди питались кониною, мясомъ собакъ, кротовъ, даже трупами человѣческими; умирали тысячами въ домахъ и гибли на дорогахъ отъ зимняго необыкновеннаго холода въ 1422 году. Сперва прода-

Г. 1415-1425.

Голодъ.

Г. 1415. 1423. вался оковъ ржи (или 8 осминъ) по рублю, въ Костромѣ по два, въ Нижнемъ по шести рублей (что составляло фунтъ съ ¼ серебра); наконецъ не-гдѣ было купить осьмины. Зная, что во Псковѣ находилось много ржи запасной, жители Новогородскіе, Тверскіе, Московскіе, Чудь, Корела, толпами устремились въ сію область, богатые покупать и вывозить хлѣбъ, а скудные кормиться милостынею. Скоро цѣна тамъ возвысилась, и четверть ржи стоила уже около двухъ рублей. Псковитяне, запретивъ вывозъ хлѣба, изгнали всѣхъ пришельцевъ, и сіи бѣдные съ женами, съ дѣтьми умирали на большой дорогѣ. Кромѣ того, Москва и Новгородъ были приводимы въ ужасъ частыми пожарами. Въ 1421 году необыкновенное наводненіе затопило большую часть Новагорода и 19 монастырей; люди жили на кровляхъ; множество домовъ и церквей обрушилось. Къ симъ страшнымъ явленіямъ надлежитъ еще прибавить зимы безъ снѣга, бури неслыханныя, дожди *каменные* и славную Комету 1402 года, для суевѣровъ Италіи предвѣстницу смерти Миланскаго Герцога, Іоанна Галеаса. Однимъ словомъ, Россіяне ждали конца міру, и сію мысль имѣли самые просвѣщеннѣйшіе люди тогдашняго времени. „Іисусъ Христосъ“ — говорили они — „сказалъ, что въ послѣдніе дни будутъ великія „знаменія небесныя, гладъ, язвы, брани и не„устройства; возстанетъ языкъ на языкъ,

Мысль о преставленіи свѣта.

,,Царство на Царство: все видимъ нынѣ. ,,Татары, Турки, Фряги, Нѣмцы, Ляхи, Литва, воюютъ вселенную. Что дѣлается въ ,,нашемъ православномъ отечествѣ? Князь ,,возстаетъ на Князя, братъ остритъ мечь ,,на брата; племянникъ *куетъ* копіе на дя- ,,дю" (223). Въ самыхъ дѣлахъ государственныхъ о томъ упоминалось. Когда Псковитяне (въ 1397 году) заключали миръ съ Новогородцами, Архіепископъ Іоаннъ, будучи между ими посредникомъ, склонилъ ихъ къ дружелюбію словами: ,,дѣти! видите уже ,,послѣднее время!"

Среди общаго унынія и слезъ, какъ говорятъ Лѣтописцы, Василій Димитріевичь преставился на 53 году отъ рожденія, княживъ 36 лѣтъ, съ именемъ Властителя благоразумнаго, не имѣвъ любезныхъ свойствъ отца его, добросердечія, мягкости во нравѣ, ни пылкаго воинскаго мужества, ни великодушія геройскаго, но украшенный многими государственными достоинствами, чтимый Князьями, народомъ, уважаемый друзьями и непріятелями. Присвоивъ себѣ Нижній Новгородъ, Суздаль, Муромъ,—вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ бывшихъ Удѣловъ Черниговскихъ въ древней землѣ Вятичей: Торусу, Новосиль, Козельскъ, Перемышль, равно какъ и цѣлыя области Великаго Новагорода: Бѣжецкій Верхъ, Вологду и проч., сей Государь утвердилъ въ своемъ подданствѣ Ростовъ, коего Владѣтели, со времень Іоанна Даніиловича

Г. 1425, Февраля 27. Кончина и характеръ Василія.

г. 1425. зависѣвъ отъ Москвы, сдѣлались уже дѣйствительными слугами Василія, посылаемые имъ въ качествѣ Намѣстниковъ управлять другими городами. Въ Хлыновской лѣтописи сказано, что сей Государь посылалъ войско на Вятку съ Княземъ Симеономъ Ряполовскимъ, но не могъ овладѣть ею: современныя же грамоты доказываютъ, что Василій дѣйствительно присоединилъ ее къ Московскимъ областямъ, и что братъ его, Юрій, Князь Галицкій, господствовалъ надъ оною. Впрочемъ сія народная Держава еще сохраняла свои древніе уставы гражданской вольности. Не хотѣвъ мечемъ покорять ни Рязани, ни Твери, Василій имѣлъ рѣшительное большинство надъ Князьями ихъ и слѣдственно приближался къ Единовластію въ Россіи; усиливъ Державу Московскую пріобрѣтеніями важными, сохранилъ ея цѣлость отъ хищности Литовской, и менѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ платилъ дань Моголамъ (224). Можетъ быть, онъ сдѣлалъ ошибку въ Политикѣ, давъ отдохнуть Витовту, разбитому Ханомъ; можетъ быть, ему надлежало бы возобновить тогда дружелюбную связь съ Ордою, и вмѣстѣ съ Олегомъ Рязанскимъ ударить на Литву, чтобы соединить южную Россію съ сѣверною, а послѣ тѣмъ удобнѣе свергнуть иго Ханское. Но всѣ ли обстоятельства намъ извѣстны? Успѣхъ предпріятія столь великаго и смѣлаго былъ ли дѣйствительно вѣроятенъ? Князь Московскій,

Государь шести или семи нынѣшнихъ Губерній въ сѣверной Россіи, имѣлъ ли способъ сокрушить Витовта, который, властвуя надъ ея лучшею, многолюднѣйшею половиною и надъ всею Литвою, располагая также силами Польши, легко могъ, утративъ одно войско на берегахъ Ворсклы собрать другое? Великій Князь безъ сомнѣнія не думалъ щадить тестя и не жертвовалъ отечествомъ какой нибудь семейственной слабости (бывъ нѣсколько разъ готовъ сразиться съ Витовтомъ въ полѣ); но дѣйствовалъ такъ по лучшему своему государственному разумѣнію. Смѣлость оправдывается только успѣхомъ; безвременная, неудачная губитъ Державы — и часто благодарность отечества принадлежитъ тому, кто безъ крайности не дерзалъ на опасность, и не искалъ имени *Великаго*. Г. 1425.

Довольно, что Василій умѣлъ обуздывать тестя, и не далъ ему поглотить остальныхъ владѣній независимой Россіи. Съ 1408 года они жили въ непрерывномъ согласіи, и года за два до кончины Великаго Князя супруга его ѣздила къ отцу въ Смоленскъ, можетъ быть не только для свиданія, но и для важныхъ государственныхъ переговоровъ (225). Василій, кажется, чувствовалъ себя близкимъ къ смерти; хотѣлъ заблаговременно взять мѣры къ утвержденію сына на престолѣ Великокняжескомъ, и въ завѣщаніи своемъ Завѣщаніе. говоритъ, что онъ поручаетъ его, вмѣстѣ съ матерію, дружескому заступленію тестя

г. 1425. и брата, Государя Литовскаго, который именемъ Божіимъ ему въ томъ обязался (226). Вѣроятно, что Княгиня Софія въ семъ важномъ дѣлѣ была посредницею между отцемъ и супругомъ. Василій оставлялъ сына младенцемъ; зналъ честолюбіе братьевъ, въ особенности Юрія и Константина; предвидѣлъ, что они могутъ воспротивиться новому уставу наслѣдства, подчинявшему дядей племяннику, и надѣялся, что сильный и не менѣе гордый Витовтъ, признательный къ лестной его довѣренности, захочетъ оправдать ее ревностію къ пользѣ юнаго внука, согласной съ нашею государственною: ибо древній, многосложный, неясный законъ родоваго старѣйшинства болѣе всего питалъ междоусобіе въ Россіи. Могъ ли Великій Князь дѣйствительно ожидать безкорыстныхъ услугъ отъ тестя, посѣдѣвшаго въ козняхъ властолюбія? Но сія довѣренность кажется болѣе хитростію, нежели малодушнымъ легковѣріемъ: она состояла только въ словахъ, и возлагая на Витовта обязанность защитить сына Василіева въ случаѣ насилія со стороны дядей, не давала Литвѣ никакихъ способовъ поработить Москву: ибо Совѣтъ Великокняжескихъ Бояръ, пѣстуновъ Государя-отрока, зналъ, чего требовать отъ иноплеменнаго покровителя, и до чего не допускать его.

Въ семъ завѣщаніи Василій, *благословляя* сына *Великимъ Княженіемъ* и поручая матери,

отказываетъ ему все родительское наслѣдіе г. 1425.
и собственный *примыслъ* (Нижній Новгородъ, Муромъ), *треть Москвы* (ибо другія двѣ части принадлежали сыновьямъ Донскаго и Владиміра Андреевича), Коломну и села въ разныхъ областяхъ; сверхъ того *большой лугъ* за Москвою рѣкою, Ходынскую мельницу, дворъ Ѳоминскій у Боровицкихъ воротъ и загородный у Св. Владиміра; а изъ вещей драгоцѣнныхъ золотую шапку, бармы, крестъ Патріарха Филоѳея, каменный сосудъ Витовтовъ, хрустальный кубокъ, даръ Короля Ягайла, и проч.; всѣ иныя вещи отдаетъ супругѣ, также и многія волости, прибавляя: „тамъ Княгиня моя господ„ствуетъ и судитъ до кончины своей; но „должна оставить ихъ въ наслѣдство сыну: „села же, ею купленныя, вольна отдать, „кому хочетъ. Дочерямъ отказываю каждой „по пяти семей изъ рабовъ моихъ; Княги„нины холопи остаются служить ей; про„чихъ освобождаю“ (227). Грамота скрѣплена восковыми печатями, четырмя Боярскими и пятою Великокняжескою съ изображеніемъ всадника; а внизу подписана Митрополитомъ Фотіемъ (Греческими словами). Замѣтимъ, что Василій Димитріевичь уже именно объявляетъ здѣсь сына преемникомъ своимъ въ достоинствѣ Великокняжескомъ; но при жизни старшаго сына, Іоанна, умершаго отрокомъ, написавъ подобное же завѣщаніе, говоритъ въономъ (228): „а дастъ Богъ Князю

Г. 1425. „Ивану Великое Княженіе держати:“ слѣдственно еще предполагаетъ необходимость Ханскаго на то согласія. Сія первая духовная сочинена около 1407 года, и скрѣплена одною серебряною, вызолоченною печатію съ изображеніемъ Св. Василія Великаго и съ надписью: *Князя Великого Василія Димитріевича всея Руси.*

Договоръ съ Рязан. Княземъ. Въ числѣ грамотъ сего времени сохранился также договоръ Великаго Князя съ Θеодоромъ Ольговичемъ Рязанскимъ, писанный въ 1403 году. Θеодоръ, обязываясь чтить Василія старѣйшимъ братомъ, называетъ Владиміра Андреевича и Юрія Димитріевича равными себѣ, а другихъ сыновей Донскаго меньшими братьями; даетъ слово не имѣть ни какихъ сношеній съ Ханами и съ Литвою безъ вѣдома Василіева; увѣдомлять его о всѣхъ движеніяхъ или намѣреніяхъ Орды; жить въ любви съ Князьями Торусскими и Новосильскими, присяжниками Великаго Князя; признаетъ Оку границею своихъ и Московскихъ владѣній, и проч. Василій же, уступивъ ему Тулу, обѣщаетъ не подчинять себѣ ни земли Рязанской, ни ея Князей; именуетъ Θеодора *Великимъ* Княземъ, но вообще говоритъ языкомъ верховнаго, хотя и снисходительнаго, или умѣреннаго въ властолюбіи повелителя [229].

Къ блестящимъ для Россіи дѣяніямъ Василіева государствованія принадлежитъ услуга, оказанная симъ Великимъ Княземъ Импера-

тору Греческому, Мануилу. Уже славное Царство Константина Великаго находилось при последнемъ издыханіи. Уступивъ всю Малую Азію, Өракію и другія владѣнія Османскимъ Туркамъ, которые осаждали и Царьградъ, спасенный единственно Тамерланомъ, счастливымъ врагомъ Баязетовымъ; утративъ почти все, кромѣ столицы, Мануилъ находился въ крайности, и не имѣя казны, не могъ имѣть и войска, нужнаго для своей защиты. Свѣдавъ о семъ жалостномъ оскудѣніи Монарха единовѣрнаго, Василій Димитріевичь не только самъ отправилъ къ нему (въ 1398 году) знатное количество серебра съ Монахомъ Ослѣбею, бывшимъ Любутскимъ Болярumичемъ, но уговорилъ и другихъ Князей Россійскихъ сдѣлать то же (230). Сіи дары были приняты въ Константинополѣ съ живѣйшею благодарностію: Царь, Патріархъ, народъ прославили великодушіе Россіянъ; и Мануилъ, чтобы еще болѣе утвердить дружелюбную связь съ Москвою, женилъ (въ 1414 году) сына своего, Іоанна, на дочери Василія Димитріевича, Аннѣ. И такъ брачные союзы между Государями Восточной Имперіи и Россійскими начались и заключились невѣстами одного имени. Бракъ первой Анны, супруги Владиміра Святаго, имѣлъ счастливыя дѣйствія для Греціи; но внука Донскаго видѣла тамъ одни бѣдствія, и чрезъ три года скончалась отъ мороваго повѣтрія (231). Супругъ ея

Г. 1425.

Дары посланные въ Грецію.

Дочь Василіева за Императоромъ.

Г. 1425. царствовалъ подъ именемъ Іоанна Палеолога и не оставилъ дѣтей.

Дѣла церковныя.

Церковныя дѣла сего времени особенно достопамятны въ нашей Исторіи. Мы видѣли, что при Димитріи Россія имѣла двухъ Митрополитовъ: сѣверная Пимена, южная Кипріана. Кончина перваго соединила обѣ Митрополіи, и Кипріанъ, бывъ для того въ Царѣградѣ, выѣхалъ оттуда съ великою пышностію, провождаемый двумя Греческими Митрополитами, Адріанопольскимъ и Гаанскимъ, тремя Архіепископами (Ѳеодоромъ Ростовскимъ, Евфросиномъ Суздальскимъ, Исаакіемъ Черниговскимъ), Епископомъ Михаиломъ Смоленскимъ, Грекомъ Іеремією Рязанскимъ и Ѳеодосіемъ Туровскимъ (252). Великій Князь, Бояре и народъ съ великою честію встрѣтили Кипріана въ Котлахъ, радуясь, что Глава всего Духовенства Россійскаго снова будетъ обитать въ Московской столицѣ, и зная уже личныя его достоинства. Въ самомъ дѣлѣ сей Митрополитъ имѣлъ жаркое усердіе къ Вѣрѣ и нравственность непорочную, строго судилъ неправды Епископовъ, и не дозволялъ имъ противиться власти Княжеской. Такъ онъ справедливо наказалъ Епископа Тверскаго, Евфимія Вислена, обвиняемаго Княземъ, Духовенствомъ и народомъ въ разныхъ беззаконіяхъ; свелъ его съ Епископіи и велѣлъ ему жить въ кельѣ Чудова монастыря; а Епископа Туровскаго, Антонія, въ угодность

Витовту лишивъ и сана Святительскаго, Г. 1405.
отнявъ у него *бѣлый* клобукъ, ризницу, источники и скрижали, заключилъ въ Симоновской Обители. Другой Епископъ Литовской Россіи, Савва Луцкій, (въ 1401 году) призванный на Соборъ девяти Архіереевъ въ Москвѣ, долженствовалъ отказаться отъ своей Епархіи: вѣроятно, также имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ Витовтовъ. Мы говорили о судьбѣ Архіепископа Новогородскаго Іоанна, около трехъ лѣтъ сидѣвшаго въ монастырѣ Николаевскомъ единственно по негодованію Великаго Князя на сего ревностнаго ходатая правъ Новогородскихъ. Дѣйствуя всегда согласно съ пользою или волею государственныхъ Властителей, Кипріанъ сохранилъ подъ своимъ начальствомъ Епархіи южной Россіи и былъ отмѣнно любимъ Василіемъ Димитріевичемъ. Мы должны упомянуть здѣсь о грамотѣ, будто бы данной Кипріану симъ Государемъ на суды церковные, и внесенной въ нѣкоторыя новѣйшія лѣтописи, съ прибавленіемъ, что она выписана изъ стараго Московскаго Номоканона (233). Въ ней сказано: ,,Се азъ ,,Князь Великій Василій Димитріевичь, размысливъ съ отцемъ своимъ, Митрополитомъ ,,Кипріаномъ, возобновляю древніе уставы ,,церковные прадѣда моего, Св. Владиміра, и ,,сына его, Ярослава, согласно съ Греческимъ ,,Номоканономъ .... Въ лѣто 6911" (1403). Сіи два устава, мнимый Владиміровъ и Яро-

Г. 1425. славовъ, супь явно подложные: могъ ли благоразумный Василій Димитріевичь вѣрить ихъ истинѣ? могъ ли самъ Митрополитъ предложить Государю законы столь нелѣпые, по которымъ надлежало платить за бранное слово, сказанное женщинѣ, во сто разъ болѣе, нежели за гнуснѣйшія преступленія и злодѣйства [234]? Кипріанъ славился не только благочестіемъ, но и дарованіями разума. Уважаемый Константинопольскимъ Духовенствомъ, онъ былъ призванъ имъ на Соборъ, чтобы торжественно низвергнуть беззаконнаго Патріарха Макарія, и вмѣстѣ съ знаменитѣйшими Греческими Святителями подписалъ имя свое на *свиткѣ* Макаріева *осужденія*. Любя уединеніе, онъ жилъ большею частію внѣ Москвы, въ селѣ Голенищевѣ, между Воробьевыми горами и Поклонною, гдѣ наслаждаясь пріятными видами и тишиною, переводилъ книги съ Греческаго и сочинилъ житіе Св. Петра Митрополита [235], въ коемъ, говоря о себѣ весьма скромно, описываетъ видѣнныя имъ мятежи и бѣдствія въ Греціи. Какъ ревностный учитель Вѣры, онъ имѣлъ удовольствіе обратить трехъ знаменитыхъ Вельможъ Ханскихъ: Бахтыя, Хидыря и Мамата, которые выѣхали изъ Орды въ Москву, и просвѣщенные его бесѣдами, захотѣли креститься. Сей торжественный обрядъ совершился на берегу Москвы рѣки, въ присутствіи Великаго Князя и всего Двора, при колокольномъ звонѣ и ра-

доспшыхъ восклицаніяхъ безчисленнаго народа. Москвипяне плакали отъ умиленія, видя древнихъ гордыхъ враговъ своихъ смиренно внимающихъ гласу Митрополита, и веселились мыслію, что торжество нашей Вѣры предзнаменуетъ и близкое торжество нашего отечества. Названные именами трехъ Святыхъ Отроковъ, Ананіи, Азаріи и Мисаила, сіи новокрещенные ходили вмѣстѣ по городу, дружелюбно кланялись народу и были имъ привѣтствуемы какъ братья [236]. — Уважаемый и любимый, Кипріанъ скончался въ маститой старости, за нѣсколько дней до смерти (въ 1406 году) написавъ грамоту къ Василію Димитріевичу, ко всѣмъ Князьямъ Россійскимъ, Боярамъ, Духовенству, мірянамъ, благословляя ихъ и требуя Христіанскаго прощенія. Архіепископъ Ростовскій, Григорій, читая оную въ слухъ надъ гробомъ его въ Успенскомъ Соборѣ, произвелъ общее рыданіе. Съ того времени всѣ новѣйшіе Митрополиты Московскіе списывали сію грамоту и приказывали читать ее на своемъ погребеніи. Г. 1425.

Преемникомъ Кипріановымъ былъ (въ 1409 году) Фотій, Морейскій Грекъ, который зналъ хорошо языкъ Славянскій, хотя обыкновенно писалъ имя свое по-Гречески [237]: мужъ разумный и добродѣтельный, какъ говорятъ Лѣтописцы, но весьма несчастливый въ своемъ церковномъ правленіи. Пріѣхавъ въ сѣверную Россію, опустошенную тогда Эдигеемъ, онъ съ великою ревностію старался

г. 1415. о возстановленіи Митрополитскаго достоянія, расхищеннаго и непріятелемъ и корыстолюбцами. Стяжанія церковныя были захвачены мірянами; села, земли, воды, пошлины отняты: надлежало отыскивать ихъ и тягаться съ людьми сильными, съ Князьями, съ Боярами: чѣмъ Фотій возбудилъ на себя досаду многихъ; говорили, что онъ печется болѣе о мірскомъ, нежели о духовномъ: винили его въ излишнемъ корыстолюбіи, можетъ быть отчасти и справедливо; по крайней мѣрѣ самъ Великій Князь ему недоброхотствовалъ, и не любя Митрополита, смотрѣлъ по видимому равнодушно и на вредъ, скоро претерпѣнный Митрополіею.

Хитрый Витовтъ безъ сомнѣнія издавна видѣлъ съ неудовольствіемъ свои Россійскія земли подъ духовною властію Святителя инодержавнаго. Митрополиты наши именовались Кіевскими, но жили въ Москвѣ, усердствовали ея Государямъ, и повелѣвая совѣстію людей, питали духъ братства между южною и сѣверною Россіею, опасный для Правленія Литовскаго; сверхъ того, собирая знатные доходы въ первой, истощали ея богатство и переводили оное въ Московское Великое Княженіе. Благоразумная Политика Кипріанова удаляла исполненіе Витовтова замысла: сей Пастырь, выѣхавъ изъ Литовскихъ владѣній въ Москву, какъ въ столицу Государя правовѣрнаго, слѣдственно и Митрополіи, не оставлялъ Кіева; по-

сѣтивъ его въ 1396 году, жилъ тамъ около Г. 1423.
осьмнадцати мѣсяцевъ; ѣздилъ и въ другія южныя Епархіи; вообще угождалъ Витовту. Фотій, Монахъ отъ юности, мало свѣдущій въ дѣлахъ государственныхъ, и воспитанный въ ненависти къ Латинской Церкви, не искалъ милости въ Витовтѣ, усердномъ Католикѣ; не хотѣлъ даже быть въ областяхъ его, и требовалъ единственно доходовъ оттуда. Тогда Витовтъ, созвавъ Епископовъ южной Россіи, предложилъ имъ избрать особеннаго Митрополита, и велѣлъ подать себѣ жалобу на Фотія какъ на Пастыря нерадиваго. Тщетно Фотій хотѣлъ отвратить ударъ: онъ спѣшилъ въ Кіевъ, чтобы примириться съ Витовтомъ или ѣхать въ Константинополь къ Патріарху; но ограбленный въ Литвѣ, долженствовалъ возвратиться въ Москву. Намѣстники его были высланы изъ южной Россіи, волости и села Митрополитскія описаны на Государя и розданы Вельможамъ Литовскимъ (238). Согласно съ желаніемъ Духовенства, Витовтъ послалъ въ Константинополь ученаго Болгарина, именемъ Григорія Цамблака, ласковыми письмами убѣждая Императора и Патріарха поставить сего достойнаго мужа въ Митрополиты Кіевскіе. Когда же, доброхотствуя Фотію, Патріархъ не исполнилъ его воли: всѣ Епископы южной Россіи съѣхались въ Новогродокъ, и сами собою, въ угодность Государю, посвятили Цамблака въ Митрополиты, написавъ

г. 1425. во всенародное извѣстіе слѣдующую достопамятную грамоту (239):

,,Всякое даяніе благо и всякъ даръ совер-
,,шенъ, свыше исходяй отъ Отца свѣтомъ.
,,И мы пріяли сей даръ Небесный; и мы утѣ-
,,шились онымъ, Епископы странъ Россій-
,,скихъ, друзья и братья по Духу Святому,
,,смиренный *Архіепископъ* Полоцкій и Ли-
,,товскій, Θеодосій, Епископъ Исаакій Чер-
,,ниговскій, Діонисій Луцкій, Герасимъ Влади-
,,мірскій, Севастіанъ Смоленскій, Харитоній
,,Хельмскій, Евфимій Туровскій. Видя запу-
,,стѣніе Церкви Кіевской, главной въ Руси,
,,имѣя Пастыря только именемъ, а не дѣломъ,
,,мы скорбѣли душею: ибо Митрополитъ
,,Фотій презиралъ наше духовное стадо; не
,,хотѣлъ ни править онымъ, ни видѣть его;
,,корыстовался единственно нашими церков-
,,ными доходами, и переносилъ въ Москву
,,древнюю утварь Кіевскихъ храмовъ. Богъ
,,милосердый подвигнулъ сердце Великаго Кня-
,,зя Александра Витовта, Литовскаго и мно-
,,гихъ Русскихъ земель Господаря: онъ из-
,,гналъ Фотія и просилъ инаго Митрополита
,,отъ Царя и Патріарха; но ослѣпленные
,,неправедною мздою, они не вняли моленію
,,праведному. Тогда Великій Князь собралъ
,,насъ Епископовъ, всѣхъ Князей Литовскихъ,
,,Русскихъ и другихъ подвластныхъ ему, Бо-
,,яръ, Вельможъ, Архимандритовъ, Игуменовъ,
,,Священниковъ—и мы въ Новомъ Градѣ Ли-
,,товскомъ, въ храмѣ Богоматери, по благо-

,,дати Святаго Духа и преданію Апостоль- г. 1425.
,,скому посвятили Кіевской Церкви Митро-
,,полита, именемъ Григорія, и свергнули Фо-
,,тія, представивъ его вины Патріарху, да
,,не рекутъ люди сторонніе: *Государь Ви-*
,,*товтъ иной Вѣры; онъ не печется о Кіевской*
,,*Церкви*, которая есть мать Русскимъ, ибо
,,Кіевъ есть мать всѣмъ градамъ нашимъ.
,,Епископы издревле имѣли власть ставить
,,Митрополитовъ, и при Великомъ Князѣ
,,Изяславѣ посвятили Климента. Такъ и Бол-
,,гары, древнѣйшіе насъ въ Христіанствѣ,
,,имѣютъ собственнаго Первосвятителя;
,,такъ и Сербы, коихъ земля не можетъ ра-
,,вняться ни величествомъ, ни множествомъ
,,народа съ областями Александра Витовта.
,,Но что говорить о Болгарахъ и Сербахъ!
,,Мы послѣдовали уставу Апостоловъ, ко-
,,торые предали намъ, ученикамъ своимъ, бла-
,,годать Св. Духа, равно дѣйствующую на
,,всѣхъ Епископовъ. Собираяся во имя Го-
,,сподне, Святители вездѣ могутъ избирать
,,достойнаго учителя и Пастыря, Самимъ
,,Богомъ избираемаго. Да не скажутъ легко-
,,мысленные: *отлучимся отъ нихъ, когда они*
,,*удалились отъ Церкви Греческой*! Нѣтъ: мы
,,хранимъ преданія Святыхъ Отцевъ, клянемъ
,,ереси, чтимъ Патріарха Константиноград-
,,скаго и другихъ; имѣемъ одну Вѣру съ ними,
,,но отвергаемъ только беззаконную въ цер-
,,ковныхъ дѣлахъ власть, присвоенную Ца-
,,рями Греческими: ибо не Патріархъ, но Царь

г. 1425. „даетъ нынѣ Митрополитовъ, торгуя важ-
„нымъ Первосвятительскимъ саномъ. Такъ
„Мануилъ, любя не славу Церкви, а корысть
„свою, въ одно время прислалъ намъ трехъ
„Митрополитовъ: Кипріана, Пимена и Ді-
„онисія. Сіе было виною многихъ долговъ,
„убытковъ, мятежа, убійства (240), и — что
„всего хуже—безчестія для нашей Митро-
„поліи. Разсудивъ же, что не подобаетъ Ца-
„рю-міранину ставить Митрополитовъ за
„деньги, мы избрали достойнаго Первосвя-
„тителя . . . . Въ лѣто 6924 Индикта,
„Ноября 15" (въ 1415 году).

Тщетно Фотій писалъ грамоты къ Вельможамъ и народу южной Россіи, опровергая незаконное посвященіе Григорія, какъ дѣло одной мірской власти или *иновѣрнаго мучителя*, врага истинной Церкви (241): древняя единственная Митрополія наша раздѣлилась отселѣ на двѣ, и Московскіе Первосвятители оставались только по имени Кіевскими. Григорій Цамблакъ, мужъ ученый и книжный, замышляя для славы своей соединить Церковь Греческую съ Латинскою, ѣздилъ для того съ Литовскими Панами въ Римъ и въ Константинополь, но возвратился безъ успѣха и скончался въ 1419 году, хвалимый въ южной Россіи за свое усердіе къ Вѣрѣ и проклинаемый въ Московской Соборной церкви какъ отступникъ (242). Онъ уставилъ торжествовать память Св. Параскевы Тарновской и написалъ ея житіе вмѣстѣ со мно-

тими Христіанскими поученіями. Преемникомъ его въ Кіевской Митрополіи былъ Герасимъ, Смоленскій Епископъ, поставленный Константинопольскимъ Патріархомъ въ 1433 году (243). Г. 1425.

Отвергая мнимую Василіеву грамоту о судѣ церковномъ, между памятниками его княженія нашли мы другую, гораздо несомнительнѣйшую, о судѣ гражданскомъ. Она тѣмъ любопытнѣе, что со временъ Ярослава Великаго до XV вѣка не встрѣчалось намъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ архивахъ, ничего относительнаго къ древнему Россійскому законодательству. Сія судная грамота писана къ Двинскимъ жителямъ, когда они въ 1397 году признали себя подданными Государя Московскаго, и содержитъ слѣдующее (244): Судная грамота.

,,Буде я, Великій Князь, опредѣлю къ ,,вамъ въ Намѣстники своего Боярина, или ,,Двинскаго, то они должны поступать со- ,,гласно съ симъ предписаніемъ.

,,Ежели сдѣлается убійство, то сыскать ,,убійцу; ежели не найдутъ его, то волость ,,платитъ Намѣстнику 10 рублей; за рану ,,кровавую 30 бѣлокъ, за синюю 15 бѣлокъ; ,,а преступникъ наказывается особенно.

,,Кто обезчеститъ Боярина словами или ,,ударитъ, съ того взыскиваютъ Намѣстники пеню по чину или роду обиженнаго.

,,Буде драка случится въ пиршествѣ, и ,,тамъ же прекратится миромъ: то Намѣстникамъ и Дворянамъ нѣтъ дѣла; а буде

г. 1425. „миръ сдѣлается уже послѣ, то Намѣстникъ „беретъ куницу *шерстью.*

„Перепахавъ или перекосивъ межу на одномъ полѣ или на одномъ лугу, виновный „даетъ барана, за перепаханную межу сельскую 30 бѣлокъ, за Княжескую 120 бѣлокъ; „но его не вязать. — Вообще всѣ судимые, „дающіе порукъ, остаются свободны. Съ „человѣка скованнаго Дворянамъ судейскимъ „не просить ничего; всякое обѣщаніе въ „такомъ случаѣ недѣйствительно.

„У кого найдется краденое, но кто сведетъ съ себя татьбу, и доищется вора: „тому нѣтъ наказанія. Воръ же платитъ „въ первый разъ цѣну украденнаго; за преступленіе вторичное наказывается тяжкою денежною пенею, а въ третій разъ „висѣлицею. Тать во всякомъ случаѣ долженъ быть заклейменъ.

„Уличенный въ *самосудѣ* платитъ 4 рубля; а самосудъ есть то, когда гражданинъ „или земледѣлецъ, схвативъ татя, отпуститъ его за деньги, а Намѣстники о семъ „узнаютъ.

„Кто будучи вызываемъ къ суду, не явится, на того Намѣстники даютъ грамоту „*правую безсудную* или обвинительную.

„Господинъ, ударивъ холопа своего и нечаянно убивъ до смерти, не отвѣтствуетъ за то Намѣстникамъ.

„Въ тяжбахъ со всякаго рубля Намѣстнику полтина.

,,Обиженные Намѣстникомъ приносятъ жа- Г. 1425.
,,лобу мнѣ, Великому Князю. Я потребую ,,его къ отвѣту; и буде въ срокъ не явится, ,,то велю Приставу Княжескому поступить ,,съ нимъ какъ съ виновнымъ.

,,Двинскіе купцы не должны быть судимы ,,ни въ Устюгѣ, ни въ Вологдѣ, ни въ Ко- ,,стромѣ. Если будутъ обличены въ татьбѣ, ,,то представить ихъ ко мнѣ, Великому ,,Князю, и ждать моего суда, или жало- ,,ваться на нихъ Двинскимъ моимъ Намѣст- ,,никамъ.

,,Двиняне торгуютъ безъ пошлины во ,,всѣхъ областяхъ Великаго Княженія, платя ,,единственно Устюжскимъ и Вологодскимъ ,,Намѣстникамъ два пуда соли съ ладіи, а съ ,,воза двѣ бѣлки,“ и проч. Далѣе опредѣ- ляется платежъ Дворянамъ или судейскимъ Отрокамъ (какъ они въ древней Русской Правдѣ именуются) за трудъ и переѣзды.

Сіи законы уже не сходствуютъ съ Уставомъ Ярослава Великаго, опредѣляя смертную казнь за воровство, наказываемое у насъ въ старину одною денежною пенею. — Подъ именемъ *бѣлокъ*, упоминаемыхъ здѣсь въ означеніи цѣнъ, должно разумѣть не древнія векши, или кожаную монету, а дѣйствительныя бѣльи шкуры, такъ же, какъ въ другомъ мѣстѣ сей грамоты сказано, что Намѣстникъ за драку беретъ куницу *шерстью*: слѣдственно кунью шкуру. Нѣтъ вѣроятности, чтобы виновный за кровавую рану

Г. 1425. и за перепаханіе межи заплатилъ только 30 *векшей*: сумму ничтожную по цѣнѣ древнихъ кожаныхъ денегъ. Впрочемъ сіи деньги, или *куны*, тогда еще ходили въ Двинской землѣ: ибо Новогородское Правительство отмѣнило ихъ уже въ 1410 году, замѣнивъ оныя мѣдными грошами Литовскими и Шведскими Ортугами, а въ 1420 году серебряною монетою, подобною Московской и другимъ Россійскимъ, продавъ мѣдную Нѣмцамъ. То же сдѣлали и Псковитяне; и съ сего времени во всей Россіи начала ходить собственная монета серебряная. Куны наконецъ столь унизились въ цѣнѣ, что въ 1407 году Псковитяне давали ими 15 гривенъ за полтину серебра (245).

Въ прибавленіе къ Исторіи Василія Димитріевича сообщимъ слѣдующія извѣстія:

Разныя извѣстія. Въ его Княженіе Россіяне начали считать годы міроздания съ Сентября мѣсяца, оставивъ древнее лѣтосчисленіе съ Марта. Вѣроятно, что Митрополитъ Кипріанъ первый ввелъ сію новость, подражая тогдашнимъ Грекамъ (246).

Уже при Димитріи Донскомъ нѣкоторые знаменитые граждане именовались по родамъ или фамиліямъ, вмѣсто прозвищъ, коими различались прежде люди одного имени и отчества (247): при Василіи сіе обыкновеніе утвердилось, и древнія Славянскія имена вышли изъ употребленія.

Въ сіе время Москва славилась иконописцами, Симеономъ Чернымъ, старцемъ Прохоромъ, Городецкимъ жителемъ, Даніиломъ и Монахомъ Андреемъ Рублевымъ, столь знаменитымъ, что иконы его въ теченіе сто-пятидесяти лѣтъ служили образцемъ для всѣхъ иныхъ живописцевъ. Въ 1405 году онъ расписалъ церковь Св. Благовѣщенія на Дворѣ Великокняжескомъ, а въ 1408 Соборную Св. Богоматери въ Владимірѣ, первую вмѣстѣ съ Грекомъ Ѳеофаномъ и съ Прохоромъ, а вторую съ Даніиломъ. — И въ литейномъ художествѣ Москва имѣла искусныхъ мастеровъ: одинъ изъ нихъ (въ 1420 году) научилъ Псковскаго гражданина Ѳеодора лить свинцовыя доски для кровли церковной: за что Псковитяне дали ему 46 рублей. Дерптскіе Нѣмцы, скрывая отъ Россіянъ всѣ успѣхи полезныхъ художествъ, никакъ не хотѣли присылать къ нимъ своихъ мастеровъ (248). Г. 1425.

Въ 1404 году Монахъ Аѳонской горы, именемъ Лазарь, родомъ Сербинъ, сдѣлалъ въ Москвѣ первые боевые часы, которые были поставлены на Великокняжескомъ дворѣ, за церковію Благовѣщенія, и стоили болѣе полуторасота рублей, то есть, около тридцати фунтовъ серебра. Народъ удивлялся сему произведенію искусства какъ чуду (249).

Въ 1394 году Великій Князь, желая болѣе укрѣпить столицу, велѣлъ копать ровъ отъ Кучкова поля, или нынѣшнихъ Срѣ-

Г. 1425. тенскихъ воротъ, до Москвы-рѣки, глубиною въ человѣка, а шириною въ сажень. Для сего, къ неудовольствію гражданъ, надлежало размѣтать многіе домы: ибо ровъ шелъ сквозь улицы и дворы (250). Слѣдственно Москва была тогда уже обширнѣе нынѣшняго Бѣлаго города.

Въ 1390 году знатный юноша, именемъ Осей, сынъ Великокняжескаго пѣстуна, былъ смертельно уязвленъ оружіемъ въ Коломнѣ *на игрушкѣ*, какъ сказано въ лѣтописи (251): сіе извѣстіе служитъ доказательствомъ, что предки наши, подобно другимъ Европейцамъ, имѣли рыцарскія игры, столь благопріятныя для мужества и славолюбія юныхъ витязей.

Въ посланіи Митрополита Фотія, писанномъ въ 1410 году къ Новогородскому Архіепископу Іоанну, находимъ нѣкоторыя достопамятныя черты относительно къ тогдашнимъ понятіямъ, обыкновеніямъ и нравамъ. Фотій велитъ наказывать эпитиміею мужа и жену, которые совокупились бракомъ безъ церковнаго, Іерейскаго благословенія, и вѣнчать свадьбы послѣ обѣдни, а не ввечеру; позволяетъ третій бракъ единственно молодымъ людямъ, не имѣющимъ дѣтей, и съ условіемъ не входить въ церковь пять лѣтъ, или заслужить прощеніе искреннимъ, ревностнымъ покаяніемъ, слезами и сокрушеніемъ сердца; возбраняетъ дѣвицамъ замужство прежде двѣнадцати лѣтъ; всѣхъ, дерзающихъ пить вино

до обѣда, лишаетъ причащенія; строго осуждаетъ непристойную брань именемъ отца или матери; запрещаетъ Духовенству торговать и лихоимствовать, Инокамъ и Черницамъ жить въ одномъ монастырѣ, вдовымъ Iереямъ быть въ женскихъ Обителяхъ, людямъ легковѣрнымъ слушать басни и принимать *лихихъ бабъ съ узлами*, съ ворожбою и съ зеліемъ. Сей Митрополитъ изъявлялъ отмѣнное усердіе къ истинному Христіанскому просвѣщенію и писалъ многія учительныя посланія къ Духовенству, Князьямъ и народу (252). г. 1425.

Василій Димитріевичь за 18 лѣтъ до кончины своей оплакалъ смерть матери, супруги Донскаго, Евдокіи, славной умомъ, а еще болѣе Христіанскими добродѣтелями, и сравниваемой Лѣтописцами съ Маріею, супругою внука Мономахова, Всеволода Великаго, въ ревности къ украшенію церквей. Она построила Вознесенскій Дѣвическій монастырь въ Кремлѣ, церковь Рождества Богоматери и другія, расписанныя Грекомъ Ѳеофаномъ и Симеономъ Чернымъ (253). Сія Княгиня набожная сколь любила добродѣтель, столь ненавидѣла ея личину: изнуряя тѣло свое постами, хотѣла казаться тучною; носила на себѣ нѣсколько одеждъ; украшалась бисеромъ, являлась вездѣ съ лицемъ веселымъ, и радовалась, слыша, что злословіе представляетъ ея цѣломудріе сомнительнымъ. Говорили, что Евдокія желаетъ нравиться,

Добродѣтель супруги Донскаго.

Г. 1425. и даже имѣетъ любовниковъ. Сія молва оскорбила сыновей Донскаго, особенно Юрія Димитріевича, который не могъ скрыть своего безпокойства отъ матери. Евдокія призвала ихъ, и свергнула съ себя часть одежды: сыновья ужаснулись, видя худобу ея тѣла и кожу совершенно изсохшую отъ неумѣреннаго воздержанія. „Вѣрьте — сказала она — „что ваша мать цѣломудренна; но видѣнное „вами да будетъ тайною для міра. Кто любитъ Христа, долженъ сносить клевету „и благодарить Бога за оную" (254). Но злословіе скоро умолкло: Евдокія, не за-долго до кончины оставивъ міръ, и названная въ монашествѣ Евфросиніею, преставилась съ именемъ Святой Угодницы Божіей.

ГЛАВА III.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВАСИЛІЕВИЧЪ ТЕМНЫЙ.

Г. 1425-1462.

Чудо. Междоусобіе. Язва. Нашествіе *Литвы.* Съѣздъ въ Литвѣ. Характеръ Витовта. Происшествія Литовскія. Набѣги Татаръ. Судъ въ Ордѣ. Междоусобія Злодѣйство. Распря съ Новымгородомъ. Рожденіе Іоанна Великаго. Дань Ординская. Изгнанный Ханъ въ Бѣлевѣ. Царство Казанское. Смерть Димитрія Краснаго. Соборъ Флорентійскій. Новая вражда. Дѣла Новогородскія. Войны. Храбрость Мустафы. Нашествіе Царя Казанскаго. Плѣнъ Великаго Князя. Ужасъ и бѣдствіе Москвы. Разбой Князя Тверскаго.

Освобожденіе Василія. Землетрясеніе. Злодѣйство Шемякино. Ослѣпленіе Вел. Князя. Безразсудность Шемяки. Пословица. Вѣроломство. Смиреніе Василія. Обрученіе юнаго Іоанна. Изгнаніе Шемяки. Клятва. Благоразумное правленіе Василіево. Булла Папы. Іоаннъ Соправитель. Договоры. Достопамятное посланіе. Послѣдняя изъ знаменитыхъ битвъ Княжескаго междоусобія. Нашествіе Татаръ. Смерть Шемяки. Успѣхи Единовластія. Усмиреніе Новагорода. Рязанскій Князь воспитывается въ Москвѣ. Неблагодарность Василіева. Покореніе Вятки. Дѣла Псковскія. Набѣги Татаръ. Кончина и свойства Василіевы. Жестокость тогдашнихъ нравовъ. Суевѣріе. Перемѣна монеты въ Новѣгородѣ. Дѣла церковныя. Взятіе Константинополя Турками. Начало Крымской Орды. Г. 1425.

Новый Великій Князь имѣлъ не болѣе десяти лѣтъ отъ рожденія. Подобно отцу и дѣду въ началѣ ихъ государствованія, онъ зависѣлъ отъ Совѣта Боярскаго, но не могъ равняться съ ними ни въ счастіи, ни въ душевныхъ способностяхъ. Не бывъ еще никогда жертвою внутренняго междоусобія; Великое Княженіе Московское при Василіи Темномъ долженствовало испытать сіе зло и видѣть униженіе своего Вѣнценосца, имъ заслуженное. Только Провидѣніе, обстоятельства и вѣрность народная, какъ бы вопреки худымъ совѣтникамъ Престола спасли знаменитость Москвы и Россію.

Сей Князь еще въ колыбели именовался *Великимъ* по слѣдующему происшествію, коего истину утверждаютъ Лѣтописцы. Чудо.

г. 1425. Мать его не скоро разрѣшилась отъ бремени и терпѣла ужасныя муки. Безпокойный отецъ просилъ одного святаго Инока Іоанновской Обители молиться о Княгинѣ Софіи. „Не тревожься!“ отвѣтствовалъ старецъ: „Богъ даруетъ тебѣ сына и наслѣд„ника всей Россіи.“ Между тѣмъ Духовникъ Великокняжескій, Священникъ Спасскаго Кремлевскаго монастыря, сидѣлъ въ своей кельѣ и вдругъ услышалъ голосъ: „иди и дай „имя *Великому Князю Василію.*“ Священникъ отворилъ дверь, и не видя никого, удивился; спѣшилъ во дворецъ, и свѣдалъ, что Софія дѣйствительно въ самую ту минуту родила сына. Невидимаго вѣстника, приходившаго къ Духовнику, сочли Ангеломъ; младенца назвали Василіемъ, и народъ съ сего времени видѣлъ въ немъ своего будущаго Государя, ожидая отъ него, какъ вѣроятно, чего нибудь необыкновеннаго (255). Надежда осталась безъ исполненія, но могла быть причиною особеннаго усердія Москвитянъ къ сему внуку Донскаго.

Междоусобіе. Василій Димитріевичь преставился ночью: Митрополитъ Фотій въ тотъ же часъ послалъ своего Боярина, Іакинѳа Слебятева, въ Звенигородъ къ Князю Юрію Димитріевичу, съ требованіемъ, чтобы онъ, вмѣстѣ съ меньшими братьями, призналъ племянника Великимъ Княземъ (256). Но Юрій, всегда имѣвъ надежду, въ противность новому уставу, быть преемникомъ старшаго брата, не за-

хотѣлъ ѣхать въ Москву; удалился въ Галичь, и свѣдавъ о торжественномъ восшествіи юнаго Василія на Великокняжескій престолъ, отправилъ къ нему Посла съ угрозами. Ни дядя, ни племянникъ не думалъ уступить старѣйшинства; и хотя заключили перемиріе до Петрова дни, однакожь Юрій, не теряя времени, собиралъ войско въ городахъ своего Удѣла. Великій Князь предупредилъ его, и вмѣстѣ съ другими дядями выступилъ къ Костромѣ. Юрій ушелъ въ Новгородъ Нижній; наконецъ за рѣку Суру, откуда Константинъ Димитріевичь, отправленный въ слѣдъ за нимъ съ полками Великокняжескими, возвратился въ Москву безъ всякой битвы (267). Юрій требовалъ новаго перемирія на годъ; а Василій по совѣту матери, дядей и самого Витовта Литовскаго, послалъ къ нему въ Галичь Митрополита Фотія, который, бывъ встрѣченъ за городомъ всѣмъ Княжескимъ семействомъ, съ изумленіемъ увидѣлъ тамъ множество собраннаго изъ разныхъ областей народа. Юрій думалъ похвалиться безчисленностію своихъ людей, и густыми толпами ихъ усыпалъ всю гору при въѣздѣ въ Галичь съ Московской стороны; но Митрополитъ, отгадавъ его мысль, съ насмѣшкою далъ ему чувствовать, что крестьяне не воины, и сермяги не латы. Начали говорить о мирѣ: Юрій не хотѣлъ онаго, требуя единственно перемирія, и столь разгнѣвалъ Фотія, что сей Перво- Г. 1425.

святитель, не благословивъ ни Князя, ни города, немедленно уѣхалъ. Въ лѣтописи сказано, что въ самый день Митрополитова отбытія сдѣлался моръ въ Галичѣ; что Юрій, приведенный тѣмъ въ ужасъ, верхомъ поскакалъ въ слѣдъ за Фотіемъ, и догнавъ его за озеромъ, въ селѣ Пасынковѣ, слезами и раскаяніемъ убѣдилъ возвратиться; что благословеніе Пастыря, данное народу, прекратило болѣзнь, и Князь послалъ въ Москву двухъ Вельможъ заключить миръ, обѣщавъ не искать Великаго Княженія, пока Царь Ординскій рѣшитъ, кому принадлежитъ оное.

Смутное начало Василіева княженія предвѣщало бѣдствія государственныя Россіи, еще опустошаемой тою язвою, которую мы описали въ исторіи отца его, и которая съ Троицына дни возобновилась въ Москвѣ, завезенная туда изъ Ливоніи черезъ Псковъ, Новгородъ и Тверь, гдѣ въ одинъ годъ скончались Князь Іоаннъ Михайловичь, сынъ Іоанновъ Александръ и внукъ Юрій Александровичь, княживъ мѣсяцъ. Братъ Юріевъ, Борисъ, сѣлъ на Тверскомъ престолѣ, отдавъ племяннику, Іоанну Юрьевичу, городъ Зубцевъ и взявъ подъ стражу дядю своего, Василія Михайловича Кашинскаго. Въ Москвѣ преставились дядя Великаго Князя Петръ Димитріевичь и три сына Владиміра Храбраго, Андрей, Ярославъ и Василій. Въ Торжкѣ, Волокѣ, Дмитровѣ и въ другихъ городахъ умерло множество людей. Отличнымъ знакомъ сей новой

Язва. Г. 1426-1431.

язвы былъ синій или багровый пузырь на тѣлѣ: синій предзнаменовалъ неизбѣжную смерть въ третій день, а багровый вытнивалъ, и недужные оставались живы. Лѣтописецъ говоритъ, что съ сего времени, какъ нѣкогда съ Ноева потопа, вѣкъ человѣческій сократился въ Россіи, и предки наши сдѣлались щедушнѣе, слабѣе; что въ разныхъ мѣстахъ были страшныя явленія; что отъ великой засухи (въ 1430 году) воды истощились; земля, боры горѣли; люди среди густыхъ облаковъ дыма не могли видѣть другъ друга; звѣри, птицы и рыбы въ рѣкахъ умирали; вездѣ голодъ и болѣзни свирѣпствовали (258). Однимъ словомъ, послѣдніе годы Василія Димитріевича и первые сына его составляютъ печальнѣйшую эпоху нашей Исторіи въ XV вѣкѣ. Язва возобновлялась еще во Псковѣ и въ Москвѣ около 1442 и 1448 года. Г. 1426 — 1431.

Непріятели внѣшніе также безпокоили Россію. Корыстолюбивый Витовтъ, не боясь малолѣтнаго Василія, (въ 1426 году) приступилъ къ Опочкѣ, городу Псковскому, съ войскомъ многочисленнымъ, въ коемъ были даже Богемцы, Волохи и дружина Хана Татарскаго, Махмета. Жители употребили хитрость: сдѣлали тонкій мостъ передъ городскими воротами, укрѣпивъ его одними веревками, и набивъ подъ нимъ, въ глубокомъ рвѣ, множество острыхъ кольевъ; а сами укрылись за стѣнами. Непріятели, Нашествіе Литвы.

г. 1426-1431. не видя никого, вообразили, что крѣпость пуста, и толпами бросились на мостъ: тогда граждане подрѣзали веревки. Литовцы, падая на колья, умирали въ мукахъ; другіе же, взятые въ плѣнъ, терпѣли еще лютѣйшія: граждане сдирали съ нихъ кожу, въ глазахъ Витовта и всего осаждающаго войска (259). Сіе варварство имѣло счастливый успѣхъ: ибо Князь Литовскій — увѣренный, что Россіяне будутъ обороняться до послѣдняго издыханія — отступилъ къ Воропачу. Тутъ сдѣлалась страшная буря съ грозою, столь необыкновенная, что Литовцы ожидали преставленія свѣта, и самъ Витовтъ, обхвативъ руками шатерный столпъ, въ ужасѣ вопилъ: *Господи помилуй*! Сіе худое начало расположило его къ миру. Псковитяне, тревожимые Нѣмцами, оставленные Новогородцами, обманутые надеждою и на посредничество Великаго Князя, коего Посолъ не могъ ничего для нихъ сдѣлать, обязались заплатить Витовту 1450 рублей серебра. Чрезъ два года онъ посѣтилъ и богатыхъ Новогородцевъ, которые спорили съ нимъ о границахъ и дерзнули назвать его измѣнникомъ. Современный Историкъ Польскій описываетъ ихъ людьми мирными, преданными сластолюбію и роскоши: въ надеждѣ на свои непроходимыя болота они смѣялись надъ угрозами Витовта и велѣли ему сказать, что варятъ медъ для его прибытія; но сей ветхій старецъ, еще бодрый

и дѣятельный, со многочисленнымъ войскомъ открылъ себѣ путь сквозь опасныя зыби такъ называемаго *Чернаго лѣса*. Десять тысячь работниковъ шли впереди съ сѣкирами, устилая дорогу срубленными деревьями, которыя служили мостомъ для пѣхоты, конницы и снаряда огнестрѣльнаго, пищалей, *тюфяковъ* и пушекъ. Витовтъ осадилъ Порховъ. Лѣтописцы разсказываютъ, что самая огромная изъ его пушекъ, сдѣланная Нѣмецкимъ мастеромъ Николаемъ, называемая *Галкою* и привезенная на 40 лошадяхъ, однимъ выстрѣломъ сразила каменную городскую башню и стѣну въ церкви Св. Николая; но разлетѣлась на части и своими обломками умертвила множество Литовцевъ, въ томъ числѣ и самого мастера вмѣстѣ съ Воеводою Полоцкимъ. Въ городѣ начальствовалъ Посадникъ Григорій и знаменитый мужъ Исаакъ Борецкій: не имѣя ни малой надежды отстоять крѣпость, они выѣхали къ непріятелю и предложили ему 5000 рублей; а Новогородцы, приславъ Архіепископа Евфимія съ чиновниками въ станъ Литовскій, также старались купить миръ серебромъ. Витовтъ могъ бы безъ сомнѣнія осадить и Новгородъ; однакожь — разсуждая, что вѣрное лучше невѣрнаго—взялъ 10,000 рублей, за плѣнниковъ же еще особенную тысячу, и сказавъ: „впредь не смѣйте на„зывать меня ни измѣнникомъ, ни бражни„комъ", возвратился въ Литву. Сія дань,

Г. 1423 — 1431.

Г. 1416 — 1431. составляя не менѣе пятидесяти-пяти пудъ серебра, была тягостна для Новогородцевъ, которые собирали ее по всѣмъ ихъ областямъ и въ Заволочьѣ; каждые десять человѣкъ вносили въ казну рубль: слѣдственно въ Новогородской землѣ находилось не болѣе ста-десяти тысячь людей или владѣльцевъ, платившихъ государственныя подати (260).

Не смотря на сіи непріятельскія дѣйствія Витовта въ сѣверо-западной Россіи, онъ жилъ мирно съ юнымъ внукомъ своимъ, Великимъ Княземъ; обязалъ его даже клятвою не вступаться ни въ Новогородскія, ни въ Псковскія дѣла, и въ 1429 году дружески пригласилъ къ себѣ въ гости (261). Съ Василіемъ отправился въ Литву и Митрополитъ Фотій. Въ Трокахъ нашли они сѣдаго, осьмидесятилѣтняго Витовта, окруженнаго сонмомъ Вельможъ Литовскихъ и Польскихъ. Скоро съѣхались къ нему гости знаменитѣйшіе: Король Ягайло и Римскій Цесарь Сигизмундъ съ ихъ супругами, Король Данскій Эрикъ, Легатъ Папскій, Князья Борисъ Тверскій, Рязанскій, Одоевскіе, Мазовскіе, Ханъ Перекопскій, изгнанный Господарь Воложскій Илія, Послы Императора Греческаго, Великіе Магистры Прусскій и Ливонскій съ своими Коммандорами. Лѣтописцы говорятъ, что сей торжественный съѣздъ Вѣнценосцевъ и Князей представлялъ зрѣлище рѣдкое; что гости старались удивить хозяина великолѣпіемъ своихъ одеждъ и многочисленностію

Съѣздъ въ Литвѣ.

слугъ, а хозяинъ изумлялъ гостей пирами роскошными, какихъ не бывало въ Европѣ, и для коихъ ежедневно изъ погребовъ Княжескихъ отпускалось 700 бочекъ меду, кромѣ вина, Романеи и пива, а на кухню привозили 700 быковъ и яловицъ, 1400 барановъ, 100 зубровъ, столько же лосей и кабановъ. Праздновали около семи недѣль, въ Трокахъ и въ Вильнѣ; но занимались и важнымъ дѣломъ: оно состояло въ томъ, что Витовтъ, по совѣту Цесаря, хотѣлъ назваться *Королемъ* Литовскимъ и принять вѣнецъ отъ руки Посла Римскаго. Къ досадѣ сего величаваго старца, Вельможи Польскіе воспротивились его намѣренію, боясь, чтобы Литва, сдѣлавшись особеннымъ Королевствомъ, не отдѣлилась отъ Польши, къ ихъ вреду обоюдному: чего дѣйствительно тайно желалъ хитрый Цесарь. Тщетно грозилъ Витовтъ: самъ Папа, взявъ сторону Ягайловыхъ Вельможъ, запретилъ ему думать о вѣнцѣ Королевскомъ, и веселые пиры заключились болѣзнію огорченнаго хозяина. Всѣ разъѣхались: одинъ Фотій жилъ еще нѣсколько дней въ Вильнѣ, стараясь, какъ вѣроятно, о присоединеніи Кіевской Митрополіи къ Московской; наконецъ, отпущенный съ ласкою, свѣдалъ въ Новогродкѣ о смерти Витовта (262). Сей Князь, тогда славнѣйшій изъ Государей сѣверной Европы, былъ для нашего отечества ужаснѣе Гедимина и Ольгерда, своими завоеваніями стѣснивъ предѣлы Россіи на Югѣ и

Г. 1426 — 1431.

Г. 1428 — 1431.

Характеръ Витовта.

Западѣ; въ тѣлѣ маломъ вмѣщалъ душу великую; умѣлъ пользоваться случаемъ и временемъ, повелѣвать народомъ и Князьями, награждать и наказывать; за столомъ, въ дорогѣ, на охотѣ занимался дѣлами; обогащая казну войною и торговлею, собирая несмѣтное множество серебра, золота, расточалъ оныя щедро, но всегда съ пользою для себя; человѣколюбія не вѣдалъ; смѣялся надъ правилами государственнаго нравоученія; нынѣ давалъ, завтра отнималъ безъ вины; не искалъ любви, довольствуясь страхомъ; въ пирахъ отличался трезвостію и подобно Ольгерду не пилъ ни вина, ни крѣпкаго меда, но любилъ женъ, и не рѣдко оставляя рать въ полѣ, обращалъ коня къ дому, чтобы летѣть въ объятія юной супруги. Съ нимъ, по словамъ Историка Польскаго [263], возсіяла и затмилась слава народа Литовскаго, къ счастію Россіи, которая безъ сомнѣнія погибла бы навѣки, если бы Витовтовы преемники имѣли его умъ и славолюбіе; но Свидригайло, братъ Ягайловъ, и Сигизмундъ, сынъ Кестутіевъ, одинъ послѣ другаго властвовавъ надъ Литвою, изнуряли только ея силы междоусобіемъ, войнами съ Польшею, тиранствомъ и грабительствомъ: Свидригайло, зять Князя Тверскаго, Бориса, всегда омраченный парами вина, служилъ примѣромъ вѣтренности и неистовства, однакожъ былъ любимъ Россіянами за его благоволеніе къ Вѣрѣ Греческой. Братъ

Происшествія Литовскія.

Витовтовъ, Сигизмундъ, изгнавъ Свидригайла

—бывшаго потомъ нѣсколько лѣтъ пастухомъ въ Молдавіи—господствовалъ какъ ужаснѣйшій изъ тирановъ, и палимый страстію златолюбія, губилъ Вельможъ, купцевъ, богатыхъ граждань, чтобы овладѣть ихъ достояніемъ; не вѣря людямъ, вмѣсто стражи держалъ при себѣ дикихъ звѣрей, и не могъ спастися отъ ножа убійцъ: Князья Іоаннъ и Александръ Черторижскіе, внуки Ольгердовы, умертвили сего изверга, коего преемникомъ былъ (въ 1440 году) сынъ Ягайловъ, Казимиръ; а добродушный сынъ Сигизмундовъ, Михаилъ, умеръ изгнанникомъ въ Россіи, отравленный какимъ-то злодѣемъ по наущенію Вельможъ Литовскихъ, какъ думали.—Новогородцы въ 1431 году заключили мирный договоръ съ Свидригайломъ, а въ 1436 съ Сигизмундомъ (264). г. 1425 — 1431.

Что въ сіе время происходило въ Ордѣ, о томъ не имѣемъ никакого свѣдѣнія. Въ 1426 году Татары плѣнили нѣсколько человѣкъ въ Украйнѣ Рязанской; другая многочисленная толпа ихъ, предводительствуемая Царевичемъ и Княземъ, чрезъ три года опустошила Галичь, Кострому, Плесо и Лугъ. Единственною цѣлію сихъ впаденій былъ грабежъ. Настигнувъ хищниковъ, Рязанцы отняли у нихъ и добычу и плѣнныхъ; а дяди Князя Великаго, Андрей и Константинъ Димитріевичи, ходили въ слѣдъ за Царевичемъ до Нижняго. Они не могли догнать непріятеля; но Князь Стародубскій-Пестрый и Набѣги Татаръ.

Г. 1426 — 1431. Θеодоръ Константиновичъ Добрынскій, недовольные ихъ медленностію, тайно отдѣлились отъ Московскаго войска съ своими дружинами, и на голову побили задній отрядъ Татарскій. Осенью въ 1430 году Князь Ординскій Айдаръ воевалъ Литовскую Россію и приступалъ ко Мценску; отраженный тамошнимъ храбрымъ начальникомъ, Григорьемъ Протасьевымъ, употребилъ обманъ: давъ ему клятву въ дружествѣ, вызвалъ его изъ города и взялъ въ плѣнъ. Золотая Орда повиновалась тогда Хану Махмету, который, уважая Народное Право, осыпалъ Айдара укоризнами, а мужественнаго Воеводу, Григорія, ласками, и возвратилъ ему свободу: примѣръ чести, весьма рѣдкій между варварами! Въ томъ же году, весною, Великій Князь посылалъ Воеводу своего, Князя Θеодора Давидовича Пестраго, на Волжскую и Камскую Болгарію, гдѣ Россіяне взяли немало плѣнниковъ (265).

Миновало около шести лѣтъ послѣ заключеннаго юнымъ Василіемъ мира съ дядею его, Юріемъ: условіе, рѣшить споръ о Великомъ Княженіи судомъ Ханскимъ, оставалось безъ исполненія: для того ли, что Цари непрестанно мѣнялись въ мятежной Ордѣ, или Василій хотѣлъ уклониться отъ сего постыднаго для нашихъ Князей суда, въ надеждѣ смирить дядю? Они дѣйствительно въ 1428 году клятвою утвердили договоръ, чтобы каждому остаться при своемъ (266); но Юрій, года три живъ спокойно, объявилъ

войну племяннику. Тогда Великій Князь предложилъ дядѣ ѣхать къ Царю Махмету: согласились, и Василій, раздавъ по церквамъ богатую милостыню, съ горестнымъ сердцемъ оставилъ Москву; въ прекрасный лѣтній день, Августа 15, обѣдалъ на лугу близъ Симонова монастыря, и не могъ безъ слезъ смотрѣть на блестящія главы ея храмовъ. Никто изъ Князей Московскихъ не погибалъ въ Ордѣ: Бояре утѣшали юнаго Василія разсказами о чести и ласкахъ, оказанныхъ тамъ его родителю; но мысль, отдать себя въ руки невѣрнымъ и съ престола знаменитаго упасть къ ногамъ варвара, омрачала скорбію душу сего слабаго юноши. За нимъ отправился и Юрій. Они вмѣстѣ прибыли въ Улусъ Баскака Московскаго, Булата, друга Василіева и непріятеля Юріева. Но сей послѣдній имѣлъ заступника въ сильномъ Мурзѣ, Тегинѣ, который увезъ его съ собою зимовать въ Тавриду и далъ слово исходатайствовать ему Великокняжеское достоинство. Къ счастію Василія, былъ у него Бояринъ хитрый, искательный, велерѣчивый, именемъ Іоаннъ Димитріевичь: онъ умѣлъ склонить всѣхъ Ханскихъ Вельможъ въ пользу своего юнаго Князя, представляя, что имъ будетъ стыдно, если Тегиня одинъ доставитъ Юрію санъ Великокняжескій; что сей Мурза необходимо присвоитъ себѣ власть и надъ Россіею и надъ Литвою, гдѣ господствуетъ другъ Юріевъ, Свидригайло; что самъ Царь Ордин-

Г. 1426 — 1431.

Судъ въ Ордѣ.

скій уже не посмѣетъ ни въ чемъ ослушаться Вельможи толь сильнаго, и что всѣ другіе сдѣлаются рабами Тегини. Такія слова уязвили *какъ стрѣлы*, по выраженію Лѣтописца, сердце Вельможъ Ханскихъ, въ особенности Булата и Айдара: они усердно начали ходатайствовать у Царя за Василія и чернить Тегиню, такъ, что легковѣрный Махметъ наконецъ обѣщалъ имъ казнить смертію сего Мурзу, буде онъ дерзнетъ вступиться за
г. 1432. Юрія. Весною дядя Василіевъ пріѣхалъ изъ Тавриды въ Орду; а съ нимъ и Тегиня, который, свѣдавъ о расположеніи Царя, уже не смѣлъ ему противорѣчить. Махметъ нарядилъ судъ, чтобы рѣшить споръ дяди съ племянникомъ, и самъ предсѣдательствовалъ въономъ. Василій доказывалъ свое право на престолъ новымъ уставомъ Государей Московскихъ, по коему сынъ послѣ отца, а не братъ послѣ брата, долженствовалъ наслѣдовать Великое Княженіе. Дядя, опровергая сей уставъ, ссылался на лѣтописи и на завѣщаніе Димитрія Донскаго, гдѣ онъ (Юрій), въ случаѣ кончины Василія Димитріевича, названъ его преемникомъ (267). Тутъ Бояринъ Московскій, Іоаннъ, сталъ предъ Махметомъ и сказалъ: ,,Царь верховный! молю, да позволить мнѣ, смиренному холопу, говорить ,,за моего юнаго Князя. Юрій ищетъ Великаго Княженія по древнимъ правамъ Россійскимъ, а Государь нашъ по твоей милости, вѣдая, что оно есть твой Улусъ:

,,отдать его, кому хочешь. Одинъ требуетъ, ,,другой молитъ. Что значатъ лѣтописи и ,,мертвыя грамоты, гдѣ все зависитъ отъ ,,воли Царской? Не она ли утвердила завѣ-,,щаніе Василія Димитріевича, отдавшаго ,,Московское Княженіе сыну? Шесть лѣтъ ,,Василій Василіевичь на престолѣ: ты не ,,свергнулъ его, слѣдственно самъ признавалъ ,,Государемъ законнымъ.'' Сія, дѣйствительно хитрая рѣчь имѣла успѣхъ совершенный: Махметъ объявилъ Василія Великимъ Княземъ и велѣлъ Юрію *вести подъ нимъ коня*: древній обрядъ Азіатскій, которымъ означалась власть Государя верховнаго надъ его подручниками или зависимыми Князьями. Но Василій, уважая дядю, не хотѣлъ его уничиженія; а какъ въ сіе время возсталъ на Махмета другой Царь Могольскій, Кичимъ-Ахметъ, то Мурза Тегиня, пользуясь смятеніемъ Хана, выпросилъ у него для Юрія городъ Дмитровъ, область умершаго Князя Петра Димитріевича. Племянникъ и дядя благополучно возвратились въ Россію, и Вельможа Татарскій, Уланъ Царевичь, торжественно посадилъ Василія на тронъ Великокняжескій въ Москвѣ, въ храмѣ Богоматери у златыхъ дверей (258). Съ сего времени Владиміръ утратилъ право города столичнаго, хотя въ титулѣ Великихъ Князей все еще именовался прежде Москвы. Г. 1432.

Судъ Ханскій не погасилъ вражды между дядею и племянникомъ. Опасаясь Василія, Междо-усобіе.

Юрій выѣхалъ изъ Димитрова, куда Великій Князь немедленно прислалъ своихъ Намѣстниковъ, изгнавъ Юріевыхъ (269). Скоро началась и явная война отъ слѣдующихъ двухъ причинъ. Московскій Вельможа Іоаннъ, оказавъ столь важную услугу Государю, въ награду за то хотѣлъ чести выдать за него дочь свою. Или невѣста не нравилась жениху, или Великій Князь вмѣстѣ съ матерію находилъ сей бракъ неприличнымъ: только Іоаннъ получилъ отказъ, и Василій женился на Маріи, дочери Ярослава, внукѣ Владиміра Андреевича Храбраго. Надменный Бояринъ оскорбился. ,,Неблагодарный юноша обязанъ ,,мнѣ Великимъ Княженіемъ и не устыдился ,,меня обезчестить," говорилъ онъ въ злобѣ, и выѣхалъ изъ Москвы, сперва въ Угличь къ дядѣ Василіеву, Константину Димитріевичу, потомъ въ Тверь и наконецъ въ Галичь къ Юрію. Обоюдная ненависть къ Государю Московскому служила для нихъ союзомъ: забыли прошедшее и вымышляли способъ мести. Бояринъ Іоаннъ не сомнѣвался въ успѣ-
Г. 1433. хѣ войны: положили начать оную, какъ можно скорѣе. Между тѣмъ сыновья Юрі-
Февраля 8. евы, Василій Косой и Димитрій Шемяка, дружески пируя въ Москвѣ на свадьбѣ Великаго Князя, сдѣлались ему непріятелями отъ страннаго случая, который на долгое время остался памятнымъ для Москвитянъ. Князь Димитрій Константиновичь Суздальскій нѣкогда подарилъ нареченному зятю своему,

Донскому, золотой поясъ съ цѣпями, осыпанный драгоцѣнными каменьями; Тысячскій Василій, въ 1367 году, во время свадьбы Донскаго, тайно обмѣнялъ его на другой, гораздо меньшей цѣны, и далъ сыну Николаю, женатому на Маріи, старшей дочери Князя Суздальскаго (270). Переходя изъ рукъ въ руки, сей поясъ достался Василію Юріевичу Косому и былъ на немъ въ часъ свадебнаго Великокняжескаго пиршества. Намѣстникъ Ростовскій, Петръ Константиновичь, узналъ оный, и сказалъ о томъ матери Василія, Софіи, которая обрадовалась драгоцѣнной находкѣ, и, забывъ пристойность, торжественно сняла поясъ съ Юріевича. Произошла ссора: Косой и Шемяка, пылая гнѣвомъ, бѣжали изъ Дворца, клялись отмстить за свою обиду, и немедленно, исполняя повелѣніе отца, уѣхали изъ Москвы въ Галичъ. г. 1433.

Прежде они хотѣли, кажется, быть миротворцами между Юріемъ и Великимъ Княземъ: тогда же, вмѣстѣ съ Бояриномъ Іоанномъ, старались утвердить родителя въ злобѣ на Государя Московскаго. Не теряя времени, они выступили съ полкомъ многочисленнымъ; а юный Василій Василіевичь ничего не вѣдалъ, до самаго того времени, какъ Намѣстникъ Ростовскій прискакалъ къ нему съ извѣстіемъ, что Юрій въ Переславлѣ. Уже Совѣтъ Великокняжескій не походилъ на Совѣтъ Донскаго или сына его.

г. 1433. безпечность и малодушіе господствовали въономъ. Вмѣсто войска, отправили посольство на встрѣчу къ Галицкому Князю съ ласковыми словами (271). Юрій стоялъ подъ стѣнами Троицкаго монастыря; онъ не хотѣлъ слышать о мирѣ: Вельможа Іоаннъ и другіе Бояре его ругали Московскихъ и съ безчестіемъ указали имъ возвратный путь. Тогда Великій Князь собралъ нѣсколько пьяныхъ
Апрѣля 25. воиновъ и купцевъ; въ двадцати верстахъ отъ столицы, на Клязьмѣ, сошелся съ непріятелемъ, и видя силу онаго, бѣжалъ назадъ; взялъ мать, жену; уѣхалъ въ Тверь, а изъ Твери въ Кострому, чтобы отдаться въ руки побѣдителю: ибо Юрій, вступивъ въ Москву и всенародно объявивъ себя Великимъ Княземъ, пошелъ туда и плѣнилъ Василія, который искалъ защиты въ слезахъ. Бояринъ Іоаннъ, думая согласно съ сыновьями Галицкаго Князя, считалъ всякое снисхожденіе неблагоразуміемъ. Юрій также не славился мягкимъ сердцемъ; но имѣлъ слабость къ одному изъ Вельможъ своихъ, Симеону Морозову, и принявъ его совѣтъ, далъ въ Удѣлъ племяннику Коломну. Они дружески обнялися. Дядя праздновалъ сей миръ веселымъ пиршествомъ, и съ дарами отпустилъ Василія въ его удѣльный городъ.

Открылось, что Морозовъ или обманулъ своего Князя, или самъ обманулся. Пріѣхавъ въ Коломну, Василій началъ отовсюду сзывать къ себѣ народъ, Бояръ, Князей: всѣ

шли къ нему охотно, ибо признавали его законнымъ Государемъ, а Юрія хищникомъ, согласно съ новою системою наслѣдства, благопріятнѣйшею для общаго спокойствія. Сынъ, восходя на тронъ послѣ отца, оставлялъ все, какъ было, окруженный тѣми же Боярами, которые служили прежнему Государю: напротивъ чего братъ, княжившій дотолѣ въ какомъ нибудь особенномъ Удѣлѣ, имѣлъ своихъ Вельможъ, которые, переѣзжая съ нимъ въ наслѣдованную по кончинѣ брата землю, обыкновенно удаляли тамошнихъ Бояръ отъ правленія и вводили новости, часто вредныя. Столь явныя выгоды и невыгоды вооружили всѣхъ противъ старой мятежной системы наслѣдственной и противъ Юрія. Въ нѣсколько дней Москва опустѣла: граждане не пожалѣли ни жилищъ, ни садовъ своихъ, и съ драгоцѣннѣйшимъ имуществомъ выѣхали въ Коломну, гдѣ недоставало мѣста въ домахъ для людей, а на улицахъ для обозовъ. Однимъ словомъ, сей городъ сдѣлался истинною столицею Великаго Княженія, многолюдною и шумною. Въ Москвѣ же царствовали уныніе и безмолвіе: человѣкъ рѣдко встрѣчался съ человѣкомъ, и самые послѣдніе жители готовились къ переселенію. Случай единственный въ нашей Исторіи, и произведенный не столько любовію къ особѣ Василія, сколько усердіемъ къ правилу, что сынъ Г. 1433.

Г. 1433. долженъ быть преемникомъ отца въ Великокняжескомъ санѣ!

Юрій укорялъ своего любимца, Морозова, неблагоразумнымъ совѣтомъ; а сыновья его, Косой и Шемяка, будучи нрава жестокаго, не удовольствовались словами: пришли къ сему Боярину въ набережныя сѣни, и сказавъ: „ты погубилъ нашего отца!“ собственною рукою умертвили его (272). Боясь гнѣва родительскаго, они выѣхали въ Кострому. Князь же Юрій, видя невозможность остаться въ Москвѣ, самъ отправился въ Галичь, велѣвъ объявить племяннику, что уступаетъ ему столицу, гдѣ Василій скоро явился съ торжествомъ и славою, имъ не заслуженною, провождаемый Боярами, толпами народа и радостнымъ ихъ кликомъ. Зрѣлище было необыкновенное: вся дорога отъ Коломны до Москвы представлялась улицею многолюднаго города, гдѣ пѣшіе и конные обгоняли другъ друга, спремясь въ слѣдъ за Государемъ, какъ *пчелы за маткою*, по старому, любимому выраженію нашихъ Лѣтописцевъ.

Но бѣдствія Василіева княженія только что начинались. Хотя Юрій заключилъ миръ, возвратилъ племяннику Дмитровъ, взявъ за то Бѣжецкій Верхъ съ разными волостями, и далъ слово навсегда отступиться отъ большихъ сыновей, признавъ ихъ въ договорной грамотѣ врагами общаго спокойствія (273): однакожь скоро нарушилъ обѣ-

щаніе, пославъ къ дѣтямъ свою Галицкую дружину, съ которою они разбили Московское войско на рѣкѣ Куси. Великій Князь разорилъ Галичъ. Юрій ушелъ къ Бѣлуозеру: собравъ же силы, и призвавъ Вятчанъ, вмѣстѣ съ тремя сыновьями, Косымъ, Шемякою, Димитріемъ Краснымъ, одержалъ въ Ростовскихъ предѣлахъ столь рѣшительную побѣду надъ Василіемъ, что сей слабодушный Князь, не смѣвъ возвратиться въ столицу, бѣжалъ въ Новгородъ, оттуда на Мологу, въ Кострому, въ Нижній; а Юрій, осадивъ Москву, черезъ недѣлю вступилъ въ Кремль, плѣнилъ мать и супругу Василіеву. Народъ былъ въ горести. „Не измѣняй мнѣ „въ злосчастіи," писалъ Великій Князь къ двоюродному брату, Іоанну, сыну умершаго Андрея Можайскаго (274). Іоаннъ отвѣтствовалъ ему: „Государь! я не измѣню тебѣ въ „душѣ; но у меня есть городъ и мать: я „долженъ мыслить объ ихъ безопасности; и „такъ ѣду къ Юрію." Уже Шемяка и Димитрій Красный стояли съ войскомъ въ Владимірѣ, готовясь итти къ Нижнему: Василій трепеталъ и думалъ бѣжать въ Орду: на сей разъ счастіе услужило ему лучше Москвитянъ. Г. 1434.

Юрій, снова объявивъ себя Великимъ Княземъ, договорными грамотами утвердилъ союзъ съ племянниками своими, Іоанномъ и Михаиломъ Андреевичами, Владѣтелями Можайска, Бѣлаозера, Калуги, и съ Княземъ Іоан-

г. 1434. номъ Ѳеодоровичемъ Рязанскимъ, требуя, чтобы они не имѣли никакого сношенія съ изгнанникомъ Василіемъ (275). Достойно замѣчанія, что сіи грамоты начинаются словами: *Божіею милостію*, которыя прежде не употреблялись въ государственныхъ постановленіяхъ. . . . . Въ грамотѣ Рязанской сказано, что Тула принадлежитъ Іоанну, и что онъ не долженъ принимать къ себѣ Мещерскихъ Князей въ случаѣ ихъ невѣрности или бѣгства: сіи Князья, подданные Государя Московскаго, происходили, какъ вѣроятно, отъ Александра Уковича, у коего Димитрій Донскій купилъ Мещеру.—Юрію было около шестидесяти лѣтъ отъ рожденія: не имѣя ни ума проницательнаго, ни души твердой, онъ любилъ власть единственно по тщеславію, и безъ сомнѣнія не возвысилъ бы Великокняжескаго сана въ народномъ уваженіи, если бы и могъ удержаться на престолѣ Московскомъ. Но

Іюня 6. Юрій внезапно скончался, оставивъ духовную, писанную, кажется, еще за-долго до его смерти (276): дѣля между сыновьями только свои наслѣдственные города, онъ велитъ имъ платить *Великому Князю* съ Галича и Звенигорода 1026 рублей въ счетъ Ординской *семитысячной* дани: слѣдственно или Василій тогда еще не былъ изгнанъ, или Юрій мыслилъ возвратить ему Великое Княженіе (что менѣе вѣроятно). Сынъ Юріевъ, Косой, немедленно принялъ на себя имя Государя Московскаго и далъ знать о томъ своимъ брать-

ямъ; они же, не любя и презирая его, отвѣтствовали: „когда Богъ не захотѣлъ видѣть отца нашего на престолѣ Великокняжескомъ, то мы не хотимъ видѣть на „оиомъ и тебя;“ примирились съ Василіемъ, и выгнали Косаго изъ столицы. Въ знакъ благодарности Великій Князь, возвратясь на Московскій престолъ, отдалъ Шемякѣ Угличь со Ржевомъ, наслѣдственную область умершаго дяди ихъ, Константина Димитріевича, а Красному Бѣжецкій Верхъ, удержавъ за собою Звенигородъ, Удѣлъ Косаго, и Вятку. Мы имѣемъ ихъ договорную грамоту, наполненную дружескими съ обѣихъ сторонъ увѣреніями (277). Шемяка, слѣдуя обыкновенію, именуетъ въ оной Василія старѣйшимъ братомъ, отдаетъ себя въ его покровительство, обязывается служить ему на войнѣ, и платить часть Ханской дани, съ условіемъ, чтобы Великій Князь одинъ сносился съ Ордою, не допуская Удѣльныхъ Владѣтелей ни до какихъ хлопотъ. Г. 1434.

Сіе дружество между Князьями равно малодушными и жестокосердыми не могло быть истиннымъ. Мы уже видѣли характеръ Шемяки, который не устыдился обагрить собственныхъ рукъ кровію Вельможи Морозова: увидимъ и Василіевъ въ дѣлѣ гнусномъ, достойномъ Азіатскаго варвара.

По братъ Шемякинъ, Косой, еще превосходилъ ихъ въ свирѣпости: имѣя товарища въ бѣгствѣ своемъ, какого-то Князя Романа,

г. 1434. онъ велѣлъ отрубить ему руку и ногу, за то, что сей несчастный хотѣлъ тайно оставить его (278)! Напрасно искавъ заступниковъ въ Новѣгородѣ, ограбивъ берега Мсты, Бѣжецкую и Двинскую область, Косой съ толпами бродягъ вступилъ въ сѣверные предѣлы Великаго Княженія; разбитый близъ Ярославля, ушелъ въ Вологду, плѣнилъ тамъ чиновниковъ Московскихъ, и съ новымъ войскомъ явился на берегахъ Костромы, гдѣ Великій Князь заключилъ съ нимъ миръ, отдавъ ему городъ Дмитровъ. Они не долго жили въ согласіи: чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Косой выѣхалъ изъ Дмитрова въ Галичь, призвалъ Вятчанъ, и взявъ Устюгъ на договоръ, вѣроломно убилъ Василіева Намѣстника, Князя Оболенскаго, вмѣстѣ съ многими жителями. Въ сіе время Шемяка пріѣхалъ въ Москву звать Великаго Князя на свадьбу, помолвивъ жениться на дочери Димитрія Заозерскаго: злобясь на его брата, Василій оковалъ Шемяку цѣпями и сослалъ въ Коломну (279). Дѣйствіе столь противное чести не могло быть оправдано подозрѣніемъ въ тайныхъ враждебныхъ умыслахъ сего Юріева сына, еще не доказанныхъ и весьма сомнительныхъ. Наконецъ въ Ростовской области встрѣтились неpріятели: Косой предводительствовалъ Вятчанами и дружиною Шемяки; съ Василіемъ находились меньшій братъ Юрьевичей, Димитрій Красной, Іоаннъ Можайскій и Князь Іоаннъ Баба, одинъ изъ Друцкихъ

Владѣтелей, пришедшій къ нему съ полкомъ Г. 1434.
Литовскихъ конейщиковъ (280). Готовились къ битвѣ; но Косой, считая обманъ дозволенною хитростію, требовалъ перемирія. Неосторожный Василій заключилъ оное и распустилъ воиновъ для собранія съѣстныхъ припасовъ. Вдругъ сдѣлалась тревога: полки Вятскіе во всю прыть устремились къ Московскому стану, въ надеждѣ плѣнить Великаго Князя, оставленнаго ратниками. Тутъ Василій *оказалъ смѣлую рѣшительность*: увѣдомленный о быстромъ движеніи непріятеля, схватилъ трубу воинскую, и подавъ голосъ своимъ, не тронулся съ мѣста. Въ нѣсколько минутъ станъ наполнился людьми: непріятель вмѣсто оплошности, вмѣсто изумленія, увидѣлъ предъ собою блескъ оружія и стройные ряды воиновъ, которые однимъ ударомъ смяли его, погнали, разсѣяли. Несчастный Юрьевичь, готовивъ плѣнъ Василію, самъ попался къ нему въ руки: Воевода Борисъ Тоболинъ и Князь Іоаннъ Баба настигли Косаго въ постыдномъ бѣгствѣ (281). Совершилось злодѣйство, о коемъ не слыхали въ Россіи со втораго-надесять вѣка: Василій далъ повелѣніе ослѣпить сего брата двоюроднаго. Чтобы успокоить совѣсть, онъ возвратилъ Шемякѣ свободу и города Удѣльные. Въ договорной грамотѣ, тогда написанной, Шемяка именуетъ старшаго брата недругомъ Великаго Князя, обязываясь выдать все его имѣніе, въ особенности святыя иконы и кресты, Злодѣйство.

еще отцемъ ихъ изъ Москвы увезенные; отказывается отъ Звенигорода, предоставляя себѣ полюбовно раздѣлить съ меньшимъ братомъ, Димитріемъ Краснымъ, другія области наслѣдственныя и данныя ему Великимъ Княземъ въ Угличѣ и Ржевѣ (282).—Несчастный слѣпецъ жилъ послѣ того 12 лѣтъ въ уединеніи, какъ бы забвенный всѣми и самыми единокровными братьями. Великій Князь будетъ наказанъ за свою жестокость, лишенный права жаловаться на подобнаго ему варвара.

Распря съ Новымъ-городомъ.

Спокойный внутри Московскаго владѣнія, сей юный Государь имѣлъ тогда распрю съ Новогородцами, которые въ самомъ началѣ его княженія посылали войско наказать Устюжанъ за ихъ грабительство въ Двинской землѣ, и взяли съ сего города въ окупъ 50,000 бѣлокъ и шесть сороковъ соболей, къ досадѣ Василія. Но онъ не хотѣлъ явной войны съ ними и согласился отдать имъ всѣ родителемъ его захваченныя Новогородскія земли въ уѣздахъ Бѣжецкаго Верха, Волока Ламскаго, Вологды, съ условіемъ, чтобы и Бояре ихъ возвратили ему собственность Княжескую; однакожь не исполнялъ обѣщанія и не присылалъ Дворянъ своихъ для развода земель, пока Новогородцы не уступили ему *черной дани*, собираемой въ Торжкѣ.

Г. 1437 — 1440.

Въ договорной грамотѣ, написанной по сему случаю, именно сказано, что Великій Князь беретъ по новой гривнѣ съ четырехъ земледѣльцевъ, или съ сохи, въ которую впрягаются

двѣ лошади, а третья на подмогу; что плугъ и ладья считаются за двѣ сохи: неводъ, лавка, кузница и чанъ кожевный за одну; что земледѣльцы, работающіе изъ половины, платятъ только за полсохи; что наемники мѣсячные, лавочники и старосты Новогородскіе свободны отъ всякой дани; что если кто, оставивъ свой дворъ, уйдетъ въ господскій или утаитъ соху, то платитъ за вину вдвое, и проч. (283). — Сей договоръ заключенъ былъ единственно на годъ: послѣ чего Новогородцы опять ссорились съ Василіемъ, смѣясь надъ мнѣніемъ тѣхъ людей, которые совѣтовали имъ не раздражать Государей Московскихъ. Лѣтописцы повѣствуютъ, что внезапное паденіе тамошней великолѣпной церкви Св. Іоанна наполнило сердца ужасомъ, предвѣстивъ близкое паденіе Новагорода (284): гораздо благоразумнѣе можно было искать сего предвѣстія въ его нетвердой системѣ политической, особенно же въ возрастающей силѣ Великихъ Князей, которые болѣе и болѣе увѣрялись, что онъ подъ личиною гордости, основанной на древнихъ воспоминаніяхъ, скрываетъ свою настоящую слабость. Одни непрестанныя опасности Государства Московскаго, со стороны Моголовъ и Литвы, не дозволяли преемникамъ Іоанна Калиты заняться мыслію *совершеннаго* покоренія сей народной Державы, которую они старались только обирать, зная богатство ея купцевъ. Такъ

г. 1437 — 1440.

Г. 1437 — 1440. поступилъ и Василій: зимою въ концѣ 1440 года двинулся съ войскомъ къ Новугороду, и на пути заключилъ съ нимъ миръ, взявъ 8000 рублей. Между тѣмъ Псковитяне, служа Великому Князю, успѣли разорить нѣсколько селеній въ областяхъ Новогородскихъ, а Заволочане въ Московской (285) — Въ сей самый годъ (1440), Генваря 22, ро-

Рожденіе Іоанна Великаго. дился у Василія сынъ, Тимоѳей-Іоаннъ, кому Провидѣніе, сверхъ многихъ великихъ дѣлъ, назначило сокрушить Новгородъ. Могла ли, по тогдашнему образу мыслей, будущая судьба Государя столь чрезвычайнаго утаиться отъ мудрыхъ гадателей? Пишутъ, что Новогородскій добродѣтельный старецъ, именемъ Михаилъ, въ часъ Іоаннова рожденія пришелъ къ Архіепископу Евфимію, и сказалъ: ,,Днесь Великій Князь торжествуетъ: ,,Господь даровалъ ему наслѣдника. Зрю мла- ,,денца, ознаменованнаго величіемъ; се Игу- ,,менъ Троицкія обители, Зиновій, креститъ ,,его, именуя Іоанномъ! Слава Москвѣ: Іоаннъ ,,побѣдитъ Князей и народы. Но горе нашей ,,отчизнѣ: Новгородъ падетъ къ ногамъ ,,Іоанновымъ, и не возстанетъ" (286)! Лѣтописцы не сомнѣвались въ истинѣ сего чудеснаго сказанія, изобрѣтеннаго безъ сомнѣнія уже въ то время, когда сынъ Василіевъ совершилъ безсмертные свои подвиги.

Дань Ордынская. Василій старался жить дружно съ Ханомъ, и по вѣрному свидѣтельству грамотъ платилъ ему обыкновенную дань, вопреки нѣ-

которымъ Лѣтописцамъ, сказывающимъ, что Царь Махметъ, любя его, освободилъ Россію отъ всѣхъ налоговъ (287). Владенія Татаръ въ Рязанскія области не тревожили Москвитянъ; но перемѣна, случившаяся въ Ордѣ, нарушила спокойствіе Великаго Княженія. Махметъ (въ 1437 году) былъ изгнанъ изъ Улусовъ братомъ своимъ, Кичимомъ, искалъ убѣжища въ Россіи и занялъ Бѣлевъ, городъ Литовскій. Оказавъ нѣкогда благодѣяніе Василію, онъ надѣялся на его дружбу, и крайне изумился, услышавъ, что Великій Князь приказываетъ ему немедленно удалиться отъ предѣловъ Россійскихъ. Сей Ханъ, въ самомъ изгнаніи гордый, не хотѣлъ повиноваться, имѣя у себя около трехъ тысячь воиновъ. Надлежало прибѣгнуть къ оружію. Василій послалъ туда многочисленную рать, ввѣривъ оную братьямъ, Шемякѣ и Димитрію Красному, Вождямъ столь недостойнымъ, что они казались народу атаманами разбойниковъ, отъ Москвы до Бѣлева не оставивъ ни одного селенія въ цѣлости; вездѣ грабили, отнимали скотъ, имѣніе, и нагружали возы добычею. Конецъ отвѣтствовалъ началу. Приступивъ къ Бѣлеву, Московскіе Воеводы отвергнули всѣ мирныя предложенія Махмета, устрашеннаго ихъ силою, и вогнали Татаръ въ крѣпость, убивъ зятя Царева (288). На другой день Ханъ выслалъ трехъ Князей для переговоровъ. „Отдаю въ залогъ

Г. 1437 —1440.

Изгнанный Ханъ въ Бѣлевѣ.

Г. 1437 —1440. „вамъ моего сына, Мамутека,“ велѣлъ онъ сказать нашимъ Полководцамъ: „сдѣлаю все, „чего требуете. Когда же Богъ возвратитъ „мнѣ Царство, обязываюсь блюсти землю „Русскую, и не брать съ васъ никакой дани.“ Воеводы Московскіе не хотѣли ничего слушать. „И такъ смотрите!“ сказали Князья Махметовы, возвысивъ голосъ, и перстомъ показывая имъ на Россійскихъ воиновъ, которые въ сію минуту толпами бѣжали отъ городскихъ стѣнъ, гонимые какимъ-то внезапнымъ ужасомъ. Вся рать Московская дрогнула и съ воплемъ устремилась въ бѣгство: Шемяка и другіе Князья также. Моголы едва вѣрили глазамъ своимъ; наконецъ поскакали за Россіянами, сѣкли ихъ, топтали, и возвратились къ Хану съ вѣстію, что многочисленное войско Великокняжеское исчезло какъ дымъ. Успѣхъ столь блестящій не ослѣпилъ Махмета: сей благоразумный Ханъ предвидѣлъ, что ему, отрѣзанному отъ Улусовъ, не льзя удержаться въ Россіи и бороться съ Василіемъ: онъ выступилъ изъ Бѣлева и чрезъ землю Мордвы прошелъ въ Болгарію, къ тому мѣсту, гдѣ находился древній Саиновъ Юртъ, или Казань, въ 1399 году опустошенная Россіянами (289). Около сорока лѣтъ сей городъ состоялъ единственно изъ развалинъ и хижинъ, гдѣ укрывалось нѣсколько бѣдныхъ семействъ. Махметъ, выбравъ новое лучшее мѣсто, близъ старой крѣпости построилъ новую, дере-

вянную, и представилъ оную въ убѣжище Болгарамъ, Черемисамъ, Моголамъ, которые жили тамъ въ непрестанной тревогѣ, ужасаемые частыми набѣгами Россіянъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ Казань наполнилась людьми. Изъ самой Золотой Орды, Астрахани, Азова и Тавриды стекались туда жители, признавъ Махмета Царемъ и защитникомъ. Такимъ образомъ сей изгнанникъ Капчакскій сдѣлался возобновителемъ или истиннымъ первоначальникомъ Царства Казанскаго, основаннаго на развалинахъ древней Болгаріи, Государства образованнаго и торговаго. Моголы смѣшались въ ономъ съ Болгарами и составили одинъ народъ, коего остатки именуются нынѣ Татарами Казанскими, и коего имя около ста лѣтъ приводило въ трепетъ сосѣдственныя области Россійскія. Уже въ слѣдующій годъ Махметъ съ легкимъ войскомъ явился подъ стѣнами Москвы, откуда Василій, боязливый, малодушный, бѣжалъ за Волгу, оставивъ въ столицѣ начальникомъ Князя Юрія Патрикіевича Литовскаго. Къ счастію, Татары не имѣли способа овладѣть оною: удовольствовались грабежемъ, сожгли Коломну и возвратились съ добычею. — Между тѣмъ въ Большой или Золотой Ордѣ господствовалъ братъ Махметовъ, Кичимъ, среди опасностей, мятежей и внутреннихъ непріятелей. Моголы, ослѣпленные безразсудною злобою, терзали другъ друга, упиваясь собственною кровію. Пер-

Г. 1437 —1440.

Царство Казанское.

вѣйшій изъ Князей Ординскихъ, именемъ Мансуръ, погибъ тогда отъ руки Хана Кичима.

Послѣ несчастнаго приступа къ Бѣлеву Василій не могъ имѣть довѣренности ни къ усердію, ни къ чести сыновей Юріевыхъ, Шемяки и Димитрія Краснаго; однакожь (въ 1440 году) возобновилъ дружественный союзъ съ ними на прежнихъ условіяхъ: то есть, оставилъ ихъ мирно господствовать въ отцевскомъ Удѣлѣ и пользоваться частію Московскихъ доходовъ (290). Меньшій братъ, Димитрій, скоро
г. 1440. Смерть Димитрія Краснаго. умеръ въ Галичѣ, достопамятный единственно наружною красотою и странными обстоятельствами своей кончины. Онъ лишился слуха, вкуса и сна; хотѣлъ причаститься Святыхъ Таинъ, и долго не могъ, ибо кровь непрестанно лила у него изъ носу. Ему заткнули ноздри, чтобы дать причастіе. Димитрій успокоился, требовалъ пищи, вина; заснулъ — и казался мертвымъ. Бояре оплакали Князя, закрыли одѣяломъ, выпили по нѣскольку стакановъ крѣпкаго меду и сами легли спать на лавкахъ въ той же горницѣ. Вдругъ мнимый мертвецъ скинулъ съ себя одѣяло, и не открывая глазъ, началъ пѣть стихиры. Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса. Разнесся слухъ о семъ чудѣ: дворецъ наполнился любопытными. Цѣлые три дни Князь пѣлъ и говорилъ о душеспасительныхъ предметахъ, узнавалъ людей, но не слыхалъ ничего; наконецъ дѣйствительно

умеръ съ именемъ Святаго: ибо — какъ сказываютъ Лѣтописцы — тѣло его, чрезъ 23 дни открытое для погребенія въ Московскомъ Соборѣ Архангела Михаила, казалось живымъ безъ всякихъ знаковъ тлѣнія и безъ синеты (291). — Шемяка наслѣдовалъ Удѣлъ Краснаго, и еще нѣсколько времени жилъ мирно съ Великимъ Княземъ. г. 1440.

Въ сіи два года внутренняго спокойствія Москвитяне и вся Россія были тревожимы соблазномъ въ важномъ дѣлѣ церковномъ, о коемъ Лѣтописцы говорятъ весьма обстоятельно, и которое, минутно польстивъ властолюбію Рима, утвердило отцевъ нашихъ въ ненависти къ Папамъ. Митрополитъ Фотій преставился въ 1431 году, написавъ умилительную грамоту къ Великому Князю и ко всему народу: онъ весьма краснорѣчиво изображаетъ въ ней претерпѣнныя имъ въ Святительствѣ печали; жалѣетъ о дняхъ своей мирной, уединенной юности; оплакиваетъ раздѣленіе Митрополіи, безвременную кончину Василія Димитріевича, бѣдствія и междоусобія Великаго Княженія (292). Шесть лѣтъ по смерти Фотія Церковь наша сиротствовала безъ Главы, отъ внутреннихъ смятеній Государства Московскаго. Сими обстоятельствами думалъ воспользоваться Митрополитъ Литовскій, Герасимъ, и старался подчинить себѣ Епископовъ Россіи, но безъ успѣха: онъ посвятилъ въ Смоленскѣ только Новогородскаго Архі- Соборъ Флорентійскій.

г. 1440. епископа, Евфимія; другіе не хотѣли имѣть съ нимъ никакого дѣла. Наконецъ Василій созвалъ Святителей и велѣлъ имъ назначить Митрополита: всѣ единодушно выбрали знаменитаго Іону, Архіерея Рязанскаго. „Такимъ образомъ“ — говорятъ Лѣтописцы — „исполнилось достопамятное слово блаженнаго Фотія, который, посѣтивъ однажды „Симоновскую Обитель, и видя тамъ юнаго „Инока, мирно спящаго, съ удивленіемъ „смотрѣлъ на его кроткое, величественное „лице; долго разспрашивалъ объ немъ Архимандрита, и сказалъ, что сей юноша будетъ первымъ Святителемъ въ землѣ Русской: то былъ Іона.“ Но предсказаніе исполнилось уже послѣ: ибо Константинопольскій Патріархъ, еще до прибытія Іоны въ Царьградъ, посвятилъ намъ въ Митрополиты Грека Исидора, родомъ изъ Өессалоники, славнѣйшаго Богослова, равно искуснаго въ языкѣ Греческомъ и Латинскомъ, хитраго, гибкаго, краснорѣчиваго (293). Исидоръ не за-долго до сего времени былъ въ Италіи и снискалъ любовь Папы: вѣроятно даже, что онъ по согласію съ нимъ домогался власти надъ Россійскою Церковію, дабы тѣмъ лучше способствовать важнымъ намѣреніямъ Рима, о коихъ теперь говорить будемъ.

Супругъ Княжны Московской, Анны, Іоаннъ Палеологъ, царствовалъ въ Константинополѣ, непрестанно угрожаемомъ силою

Турецкою; лишенный едва не всѣхъ областей славной Державы своихъ предковъ — стѣсненный въ столицѣ, и на берегахъ самаго Воспора видя знамена Амуратовы — сей Государь искалъ покровителя въ Римскомъ Первосвященникѣ, коего воля хотя уже не была закономъ для Государей Европы, однакожъ могла еще дѣйствовать на ихъ Совѣты. Старецъ умный и честолюбивый, Евгеній IV, сидѣлъ тогда на Апостольскомъ престолѣ: онъ именемъ Св. Петра обѣщалъ Императору Іоанну воздвигнуть всю Европу на Турковъ, если Греки мирно, безпристрастно разсмотрѣвъ Догматы обѣихъ Церквей, согласятся во мнѣніяхъ съ Латинскою, чтобы навѣки успокоить совѣсть Христіанъ и быть единымъ стадомъ подъ началомъ единаго Пастыря. Евгеній требовалъ не безмолвной покорности, но торжественнаго прѣнія: истина, объясненная противорѣчіями, долженствовала быть общимъ уставомъ Христіанства. Императоръ совѣтовался съ Патріархами. Еще древнія предубѣжденія сильно отвращали ихъ отъ духовнаго союза съ надменнымъ Римомъ; но Амуратъ II уже измѣрялъ окомъ Царьградъ какъ свою добычу: предубѣжденія умолкли. Положили, да будетъ *осьмый* Соборъ Вселенскій въ Италіи. Тамъ, кромѣ Царя и знатнѣйшаго Духовенства обѣихъ Церквей, надлежало собраться всѣмъ Государямъ Европы въ духѣ любви Христіанской; тамъ Іоаннъ Г. 1440.

г. 1440. Палеологъ, вступивъ съ ними въ братскій союзъ единовѣрія, долженствовалъ убѣдительно представить имъ опасности своей Державы и Церкви православной, гремя въ ихъ слухъ именемъ Христа и Константина Великаго: успѣхъ могъ ли казаться сомнительнымъ? Евгеній ручался за оный, и сдѣлалъ еще болѣе: взялъ на себя всѣ расходы, коихъ требовало путешествіе Императора и Духовенства Греческаго въ Италію: ибо Византія, нѣкогда гордая и столь богатая, уже не стыдилась тогда жить милостынею иноплеменниковъ! Вооруженныя суда Евгеніевы явились въ пристани Царяграда: Императоръ съ братомъ своимъ, Димитріемъ Деспотомъ, съ Константинопольскимъ Патріархомъ Іосифомъ и съ семью стами первѣйшими сановниками Греческой Церкви, славными ученостію или разумомъ, сѣли на оныя (24 Ноября, 1437 года) въ присутствіи безчисленнаго множества людей, которые громогласно желали имъ, чтобы они возвратились съ миромъ церковнымъ и съ воинствомъ Крестоносцевъ для отраженія невѣрныхъ (294).

Между тѣмъ Іона возвратился въ свою Рязанскую Епархію, хотя безполезно съѣздивъ въ Грецію, но обласканный Царемъ и Патріархомъ, которые, отпуская его съ честію, сказали ему: „жалѣемъ, что мы „ускорили поставить Исидора, и торже- „ственно обѣщаемъ тебѣ Россійскую Ми-

„трополію, когда она вновь упразднится“. Г. 1440.
За нимъ прибылъ въ Москву и новый Митрополитъ, не только именемъ, но и дѣломъ Іерархъ *всей Россіи*: ибо Герасима Смоленскаго уже не было (Свидригайло, господствуя надъ Литвою, въ 1435 году сжегъ его на кострѣ въ Витебскѣ, узнавъ, что онъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ Сигизмундомъ Кестутіевичемъ, врагомъ сего неистоваго сына Ольгердова). Задобренный ласковыми письмами Царя и Патріарха, Василій встрѣтилъ Исидора со всѣми знаками любви, дарилъ, угощалъ въ Кремлевскомъ дворцѣ (295); но изумился, свѣдавъ, что Митрополитъ намѣренъ ѣхать въ Италію. Сладкорѣчивый Исидоръ доказывалъ важность будущаго осьмаго Собора, и необходимость для Россіи участвовать въ ономъ. Пышныя выраженія не ослѣпили Василія. Напрасно ученый Грекъ описывалъ ему величіе сонма, гдѣ Востокъ и Западъ, устами своихъ Царей и Первосвятителей, изрекутъ неизмѣняемыя правила Вѣры. Василій отвѣтствовалъ: „Отцы и дѣды наши не хотѣли „слышать о соединеніи Законовъ Греческаго и Римскаго; я самъ не желаю сего. „Но если мыслишь иначе, то иди; не за„прещаю тебѣ. Помни только чистоту „Вѣры нашей и принеси оную съ собою!“ Исидоръ клялся не измѣнять Православію, и въ 1437 году, Сентября 8, выѣхалъ изъ Москвы съ Епископомъ Суздальскимъ Авра-

г. 1440. міемъ, со многими духовными и свѣтскими особами, коихъ число простиралось до ста. Сіе *первое* путешествіе Россіянъ въ Италію описано однимъ изъ нихъ съ великою подробностію: сообщимъ здѣсь нѣкоторыя обстоятельства онаго (296).

Новогородскій Архіепископъ Евфимій, бывъ тогда въ Москвѣ, проводилъ Исидора до своей Епархіи; а Князь Тверскій, Борисъ, послалъ съ нимъ въ Италію Вельможу Ѳому. Митрополитъ отъ Вышняго Волочка плылъ рѣкою Мстою до Новагорода, гдѣ, равно какъ и во Псковѣ, Духовенство и гражданство изъявило усердную къ нему любовь дарами и пиршествами. Доселѣ онъ казался ревностнымъ наблюдателемъ всѣхъ обрядовъ Православія; но выѣхавъ изъ Россіи, немедленно обнаружилъ соблазнительную наклонность къ Латинству. Встрѣченный въ Ливоніи Дерптскимъ Епископомъ и нашими Священниками (ибо въ семъ городѣ находились двѣ Русскія церкви), Исидоръ съ благоговѣніемъ приложился къ крестамъ Духовенства Католическаго, и потомъ уже къ образамъ Греческимъ: сопутники его ужаснулись, и съ того времени не имѣли къ нему довѣренности. Архіепископъ, чиновники Рижскіе также осыпали Митрополита ласками: веселили музыкою и пирами. Тамъ онъ получилъ письмо отъ Великаго Магистра Нѣмецкаго, учтивое, ласковое: сей знаменитый Властитель предлагалъ ему свои услуги и совѣты для

безопаснаго путешествія чрез Орденскія владѣнія. Но Исидоръ сѣлъ въ Ригѣ на корабль, отправивъ болѣе двухъ сотъ лошадей сухимъ путемъ, и (19 Маія 1438 года) приспалъ къ берегу въ Любекѣ, откуда чрезъ Люнебургъ, Брауншвейгъ, Лейпцигъ, Эрфуртъ, Бамбергъ, Нюренбергъ, Аугсбургъ и Тироль проѣхалъ въ Италію, вездѣ находя гостепріимство, дружелюбіе, почести, и вездѣ осматривая съ любопытствомъ не только монастыри, церкви, но и плоды трудолюбія, Искусствъ, ума гражданскаго. Съ какимъ удивленіемъ Россіяне, дотолѣ не выѣзжавъ изъ отечества, загрубѣвшаго подъ игомъ варваровъ, видѣли въ Нѣмецкой землѣ города цвѣтущіе, зданія прочныя, удобныя и красивыя, обширные сады, каменные водоводы, или, по ихъ словамъ, рукою человѣка пускаемыя рѣки! Достойно замѣчанія, что Эрфуртъ показался имъ самымъ богатѣйшимъ въ Германіи городомъ, наполненнымъ всякими товарами и хитрыми произведеніями рукодѣлія. Горы Тирольскія изумили нашихъ путешественниковъ своими снѣжными громадами, современными рожденію оныхъ (какъ говоритъ Авторъ) и превышающими теченіе облаковъ: зрѣлище въ самомъ дѣлѣ разительное для жителей плоской земли, въ особенности непонятное для нихъ смѣшеніемъ климатовъ: ибо Россіяне въ одно время видѣли тамъ и вѣчное царство зимы, на вершинахъ горъ, и плодоносное лѣто со всѣми его красотами, неизвѣстными въ на- Г. 1440.

г. 1440. шемъ сѣверномъ отечествѣ: лимоны, померанцы, каштаны, миндаль и гранаты, растущія на отлогостяхъ Тирольскихъ, среди цвѣтниковъ естественныхъ. — Августа 18 Исидоръ прибылъ въ Феррару.

Въ семъ городѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ ожидали его Императоръ и Папа, какъ Главу Россійской знаменитой Церкви, мужа ученѣйшаго и друга Евгеніева. Кромѣ духовныхъ сановниковъ, Кардиналовъ, Митрополитовъ, Епископовъ, тамъ находились Послы Трапезундскіе, Иверскіе, Армѣнскіе, Воложскіе; но, къ удивленію Іоанна Палеолога, не было ни Императора Нѣмецкаго, ни другихъ Вѣнценосцевъ Западныхъ. Латинская Церковь представляла тогда жалостное зрѣлище раздора: уже семь лѣтъ славный въ Исторіи *Соборъ Базельскій*, дѣйствуя независимо и въ противность Евгенію, смѣялся надъ его Буллами, давалъ законы въ дѣлахъ Вѣры, обѣщалъ искоренить злоупотребленія духовной власти и преклонилъ къ себѣ почти всѣхъ Государей Европейскихъ, которые для того отказались участвовать въ Италіянскомъ Соборѣ (297). Однакожъ засѣданія начались съ великою торжественностію въ Феррарѣ, въ церкви Св. Георгія, послѣ долговременнаго спора между Императоромъ Іоанномъ и Папою о мѣстахъ: Евгеній желалъ сидѣть среди храма, какъ Глава Вѣры; Іоаннъ же хотѣлъ самъ предсѣдательствовать, подобно Царю Константину во время Собора Никейскаго. Рѣшили тѣмъ, что-

бы въ срединѣ церкви, противъ олтаря, лежало Евангеліе; чтобы на правой сторонѣ Папа занималъ первое, возвышенное мѣсто между Католиками, а ниже его стоялъ тронъ для отсутствующаго Императора Нѣмецкаго; чтобы Царь Іоаннъ сидѣлъ на лѣвой, также на тронѣ, но далѣе Папы отъ олтаря (298). Надлежало согласиться въ четырехъ мнѣніяхъ: 1) объ исхожденіи Св. Духа, 2) о чистилищѣ, 3) о квасныхъ просфорахъ, 4) о первенствѣ Папы. Съ обѣихъ сторонъ выбрали Ораторовъ: Римляне Кардиналовъ Альбергати, Іуліана, Епископа Родскаго и другихъ; Греки трехъ Святителей, Марка Ефесскаго (мужа ревностнаго, велерѣчиваго), Исидора Россійскаго и юнаго Виссаріона Никейскаго, славнаго ученостію и разумомъ, но излишно уклоннаго въ разсужденіи Догматовъ Вѣры. Пятнадцать разъ сходились для прѣнія о Св. Духѣ: наши единовѣрцы утверждали, что Онъ исходитъ единственно отъ Отца; а Римляне прибавляли: *и Сына*, ставя въ доказательство нѣкоторыя древнія рукописи Святыхъ Отцевъ, отвергаемыя Греками какъ подложныя. Умствовали, истощали всѣ хитрости богословской Діалектики и не могли согласиться въ сей части Символа: выраженіе Filioque оставалось камнемъ претыканія. Уже Марко Ефесскій гремѣлъ противъ Латинской ереси, и вмѣсто духовнаго братства ежедневно усиливался духъ раздора. Греки скучали въ отдаленіи г. 1440.

*

г. 1440. отъ домовъ своихъ и жаловались на худое содержаніе: Евгеній также, не видя успѣха, скучалъ безполезными издержками, и въ концѣ зимы уговорилъ Императора переѣхать во Флоренцію, будто бы опасаясь язвы въ Феррарѣ, но въ самомъ дѣлѣ для того, что Флорентійцы дали ему не малую сумму денегъ за честь видѣть Соборъ въ ихъ городѣ (299).

Не льзя безъ умиленія читать въ Исторіи о послѣднихъ тайныхъ бесѣдахъ Іоанна Палеолога, въ коихъ сей несчастный Государь изливалъ всю душу свою предъ Святителями Греческими и Вельможами, изображая съ одной стороны любовь къ Правовѣрію, а съ другой бѣдствія Имперіи и надежду спасти ее посредствомъ соединенія Церквей (300). „Думаю „только о благѣ отечества и Христіан„ства," говорилъ онъ: „послѣ долговремен„наго отсутствія возвратимся ли безъ „успѣха, съ единымъ стыдомъ и горестію? „Не мыслю о своихъ личныхъ выгодахъ: жизнь „кратковременна, а дѣтей не имѣю; но без„опасность Государства и миръ Церкви для „меня любезны." Митрополитъ Россійскій осуждалъ упрямство Марка Ефесскаго и другихъ Святителей, говоря: „лучше соеди„ниться съ Римлянами душею и сердцемъ, „нежели безъ всякой пользы уѣхать отсюда: „и куда поѣдемъ?" Виссаріонъ еще убѣдительнѣе представлялъ жалостное состояніе Имперіи. Наконецъ, по многихъ пренiяхъ, Греки уступили, и согласились, 1) что Св. Духъ

исходитъ отъ Отца и Сына; 2) что опрѣсноки и квасный хлѣбъ могутъ быть равно употребляемы въ священнодѣйствіи; 3) что души праведныя блаженствуютъ на небесахъ, грѣшныя страдаютъ, а среднія между тѣми и другими очищаются *или* палимыя огнемъ, *или* угнетаемыя густымъ мракомъ, *или* волнуемыя бурею, *или* терзаемыя инымъ способомъ; что всѣ люди тѣлесно воскреснутъ въ день суда и явятся предъ судилищемъ Христовымъ, дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ; 4) что Папа есть Намѣстникъ Іисуса Христа и Глава Церкви; что Патріархъ Константинопольскій занимаетъ вторую степень, и такъ далѣе. 6 Іюля было послѣднее засѣданіе Собора въ Каѳедральномъ храмѣ Флорентійскомъ, гдѣ обѣ Церкви совокупили торжественность и великолѣпіе своихъ обрядовъ, чтобы тѣмъ сильнѣе дѣйствовать на сердца людей. Въ присутствіи безчисленнаго народа, между двумя рядами Папскихъ тѣлохранителей, вооруженныхъ палицами, одѣтыхъ въ латы серебряныя и держащихъ въ одной рукѣ пылающія свѣчи, Евгеній служилъ обѣдню (301); гремѣла музыка Императорская; пѣли славу Вседержителя на языкѣ Греческомъ и Латинскомъ. Папа, воздѣвъ руки на небо, проливалъ слезы радости, и величественно благословивъ Царя, Князей, Епископовъ, чиновниковъ Республики Флорентійской, велѣлъ Кардиналу Іуліану и Архіепископу Виссаріону читать съ Г. 1440.

Г. 1440. амвона *хартію соединенія*, написанную слѣдующимъ образомъ: „Да веселятся небеса и „земля! Разрушилось средостѣніе между Восточною и Западною Церковію; миръ возвратился на краеугольный камень Христа; „два народа уже составляютъ единый; мрачное облако скорби и раздора исчезло; тихій свѣтъ вожделѣннаго согласія сіяетъ „паки. Да ликуетъ мать наша, Церковь, видя чадъ своихъ, послѣ долговременнаго разлученія, вновь совокупленныхъ любовію; да „благодаритъ Всемогущаго, Который осушилъ ея горькія объ нихъ слезы. А вы, вѣрные сыны міра Христіанскаго, благодарите „мать вашу, Церковь Каѳолическую, за то, „что Отцы Востока и Запада неустрашились опасностей пути дальнаго, и великодушно сносили труды, дабы присутствовать на семъ святомъ Соборѣ и воскресить любовь, коея уже не было между Христіанами.“ Слѣдуютъ упомянутыя статьи примиренія и согласія въ Догматахъ Вѣры, подписанныя Евгеніемъ, осмью Кардиналами, двумя Патріархами Латинскими (Іерусалимскимъ и Градскимъ), осьмью Архіепископами, пятидесятью Епископами и другими сановниками; а отъ имени Грековъ Императоромъ, тремя Мѣстоблюстителями престоловъ Патріаршихъ (ибо Іосифъ, Патріархъ Константинопольскій, скончался за нѣсколько дней до того во Флоренціи), семнадцатью Митрополитами, Архіепископами и всѣми

бывшими тамъ Святителями (302), кромѣ одного Марка Ефесскаго, неумолимаго старца, презрителя угрозъ и корысти. Свѣдавъ, что сей твердый мужъ не подписалъ хартіи, Папа гнѣвно воскликнулъ: „и такъ мы ничего не сдѣлали!“ и требовалъ, чтобы Императоръ или принудилъ его къ согласію, или наказалъ какъ ослушника; но Марко тайнымъ отъѣздомъ спасся отъ гоненія. г. 1440.

Выгоды, пріобрѣтенныя уступчивостію Грековъ, состояли для нихъ въ томъ, что Евгеній далъ имъ нѣсколько тысячъ флориновъ, обязался прислать въ Константинополь 300 воиновъ съ двумя галерами для охраненія сей столицы, и въ случаѣ нужды обѣщалъ Іоанну именемъ Государей Европейскихъ гораздо сильнѣйшее вспоможеніе. Греки хотѣли еще, чтобы толпы богомольцевъ, ежегодно отправляясь изъ Европы моремъ въ Палестину, всегда приставали въ Царѣградѣ для выгоды тамошнихъ жителей: Папа включилъ и сію статью въ договоръ; наконецъ съ великою честію отпустилъ Императора, который, бывъ два года въ отсутствіи, возвратился въ Грецію оплакать безвременную кончину своей юной супруги, Маріи, и видѣть общій мятежъ Духовенства (303). Узнавъ происшедшее на Флорентійскомъ Соборѣ, оно раздѣлилось во мнѣніяхъ: нѣкоторые хотѣли держаться его постановленій; другіе, и большая часть, вопили, что истинная Церковь гибнетъ, и

Г. 1440. что не Пастыри вѣрные, но измѣнники, ослѣпленные златомъ Римскимъ, заключили столь беззаконный, столь унизительный для Грековъ союзъ съ Папою; что одинъ Марко Ефесскій явилъ себя достойнымъ служителемъ Христовымъ, и проч. Сіи послѣдніе одержали верхъ. Вопреки Императору и новому Патріарху Митрофану, ревностному защитнику Соединенія, народъ бѣжалъ изъ храмовъ, гдѣ священнодѣйствовали ихъ единомышленники, оглашенные еретиками, отступниками, такъ, что не смотря на усилія Папы Евгенія и преемника его, не смотря на явную, неминуемую гибель своего отечества, Греки захотѣли лучше умереть, нежели согласиться на исхожденіе Св. Духа отъ Сына, на опрѣсноки и чистилище. Достопамятный примѣръ твердости въ богословскихъ мнѣніяхъ! Впрочемъ сомнительно, чтобы Папа могъ тогда спасти Имперію, если бы Восточная Церковь и покорилась его духовной власти: вѣки Крестовыхъ ополченій миновали; ревностный духъ Христіанскаго братства уступилъ мѣсто малодушной Политикѣ въ Европѣ: каждый изъ Вѣнценосцевъ имѣлъ свою особенную государственную систему, искалъ пользы во вредѣ другихъ и не довѣрялъ имъ. Нѣмецкая земля, бывъ ѳеатромъ жестокой войны, произведенной расколомъ Іоанна Гусса, болѣе и болѣе слабѣла въ долговременное ничтожное царствованіе Фридерика III. Англія и Франція съ

величайшимъ усиліемъ боролись между собою. Г. 1440.
Испанія, еще раздѣленная, не простирала мыслей своихъ далѣе собственныхъ ея предѣловъ. Португаллія занималась единственно мореплаваніемъ и новыми открытіями въ Африкѣ: Италія церковными дѣлами, торговлею и внутренними распрями. Данія и Швеція, бѣдныя людьми и деньгами, соединялись на краткое время ко вреду обоюдному, и непрестанно опасаясь другъ друга, не мѣшались въ дѣла иныхъ Державъ Европейскихъ. Только Венгрія и Польша нѣсколько времени бодрствовали на берегахъ Дуная, изъявляя ревность противиться успѣхамъ Амуратова оружія; но Варнская битва, столь несчастная для Короля Владислава, на-долго отвратила ихъ отъ войны съ мужественными Турками. Еще духовная власть сильно дѣйствовала надъ умами и въ Совѣтахъ Государственныхъ; но уже не имѣла прежняго единства. Мнимая божественность Папъ исчезла: Соборы, Констицкій и Базельскій, судили и низвергали ихъ. Сіи шумные сонмы Церковной Аристократіи издали готовили паденіе духовной и совершенную независимость мірской власти. Іерархи разныхъ земель уже разнствовали и въ мысляхъ, во многихъ отношеніяхъ предпочитая особенныя выгоды своихъ Государствъ Папинымъ. Въ сихъ обстоятельствахъ Европы могъ ли Евгеній ручаться за единодушіе Вѣнценосцевъ ея, чтобы сокрушить Оттоманскую

Г. 1440. Державу, или погибнуть на берегахъ Воспора для спасенія Византіи? Устрашенные побѣдами Амурата и Магомета II, Государи Западные препетали въ бездѣйствіи. Тщетно Герой Албаніи, знаменитый Скандербегъ, давалъ имъ примѣръ великодушія, одинъ съ горстію людей отражая многочисленное воинство Султанское: ни мало не способные подражать ему, они не стыдились вовлекать его въ ихъ собственныя междоусобія, къ удовольствію невѣрныхъ (304). — Однимъ словомъ, Іоаннъ Палеологъ не только не успѣлъ, но, по всѣмъ вѣроятностямъ, и не могъ успѣть въ своемъ намѣреніи, чтобы соединеніемъ двухъ Церквей отвратить конечную гибель Имперіи Греческой.

Главныя орудія сего мнимаго соединенія, Архіепископъ Виссаріонъ и Митрополитъ Исидоръ, были награждены отъ Папы Кардинальскими шапками: первый остался въ Италіи; второй съ именемъ Легата Апостольскаго для всѣхъ земель сѣверныхъ отправился изъ Флоренціи 6 Сентября (305); сѣлъ на корабль въ Венеціи, переѣхалъ Адріатическое море и чрезъ Далмацію и Кроатскую землю прибылъ въ столицу Венгріи, въ Budинъ, откуда написалъ грамоты во всѣ подвѣдомыя ему Епархіи Литовскія, Россійскія, Ливонскую, изъясняясь такимъ образомъ: ,,Исидоръ, милостію Божіею преосвященный Митрополитъ Кіевскій и всея ,,Руси, *Легатъ отъ ребра* (à latere) *Апо-*

,,*стольскаго*, всѣмъ и всякому Христіанину Г. 1440.
,,вѣчное спасеніе, миръ и благодать. Возве-
,,селитеся нынѣ о Господѣ: Церковь Вос-
,,точная и Римская навѣки совокупилися
,,въ древнее мирное единоначаліе. Вы, добрые
,,Христіане Церкви Константинопольской,
,,Русь, Сербы, Волохи, и всѣ вѣрующіе во
,,Христа! пріимите сіе святое соединеніе
,,съ духовною радостію и честію. Будьте
,,истинными братьями Христіанъ Римскихъ.
,,Единъ Богъ, едина Вѣра: любовь и миръ да
,,обитаютъ между вами! А вы, племена
,,Латинскія, также не-уклоняйтеся отъ Гре-
,,ческихъ, признанныхъ въ Римѣ истинными
,,Христіанами: молитеся въ ихъ храмахъ,
,,какъ они въ вашихъ будутъ молиться.
,,Исповѣдуйте грѣхи свои тѣмъ и другимъ
,,Священникамъ безъ различія; отъ тѣхъ и
,,другихъ принимайте тѣло Христово,
,,равно святое и въ прѣсномъ и въ кисломъ
,,хлѣбѣ. Такъ уставила общая мать ваша,
,,Церковь Каѳолическая," и проч.

Исидоръ спѣшилъ въ Кіевъ, гдѣ Духовенство встрѣтило его какъ единственнаго Митрополита всѣхъ Россійскихъ Епархій, и весною 1440 году прибылъ въ Москву, съ грамотою отъ Папы къ Великому Князю (306). Евгеній извѣщалъ его ,,о благословенномъ успѣхѣ Флорентійскаго Собора, ,,славномъ въ особенности для Россіи: ибо ,,Архипастырь ея болѣе другихъ способ- ,,ствовалъ оному." Письмо отъ начала до

г. 1440. конца было ласково и скромно. Папа молилъ Василія быть милостивымъ къ Исидору и давать ему тѣ церковные оброки, коими издревле пользовались наши Митрополиты. Духовенство и народъ съ нетерпѣніемъ ожидали своего Первосвятителя въ Кремлевскомъ храмѣ Богоматери. Исидоръ явился окруженный многими сановниками: предъ нимъ несли крестъ Латинскій и три серебряныя *палицы*. Россіяне удивились сей новости, и еще болѣе, когда Митрополитъ въ Литургіи помянулъ Евгенія Папу, вмѣсто Вселенскихъ Патріарховъ. Когда же, по окончаніи службы, Діаконъ Исидоровъ, въ стихарѣ и съ орарісмъ ставъ на амвонѣ, велегласно прочиталъ грамоту Флорентійскаго Осьмаго Собора, столь несогласную съ древнимъ ученіемъ нашей Церкви: тогда всѣ, духовные и міряне, въ изумленіи смотрѣли другъ на друга, не зная, что мыслить о слышанномъ. Имя Собора Вселенскаго, Царя Іоанна, и согласіе знатнѣйшихъ православныхъ Іерарховъ Греціи, искони нашихъ учителей, заграждали уста: безмолствовали Епископы и Вельможи.

Въ семъ общемъ глубокомъ молчаніи раздался только одинъ голосъ — Князя Великаго. Съ юныхъ лѣтъ зная твердо уставы Церкви и мнѣнія Святыхъ Отцевъ о Символѣ Вѣры, Василій увидѣлъ отступленіе Грековъ отъ ея правилъ, воспылалъ ревностію обличить беззаконіе, вступилъ въ

пренiе съ Исидоромъ и торжественно на- Г. 1440.
именовалъ его лжепастыремъ, губителемъ душъ, еретикомъ; призвалъ на совѣтъ Епископовъ, Бояръ, искусныхъ въ книжномъ ученiи, и велѣлъ имъ основательно разсмотрѣть Флорентiйскую Соборную грамоту. Всѣ прославили умъ Великаго Князя. Святители и Вельможи сказали ему: ,,Государь! ,,мы дремали; ты единъ за всѣхъ бодрство- ,,валъ, открылъ истину, спасъ Вѣру: Ми- ,,трополитъ *отдалъ ее на златъ* Римскому ,,Папѣ, и возвратился къ намъ съ ересью.“ Исидоръ силился доказывать противное, но безъ успѣха: Василiй посадилъ его за стражу въ Чудовѣ монастырѣ, требуя, чтобы онъ раскаялся, отвергнувъ соединенiе съ Латинскою Церковiю. Такимъ образомъ хитрость, рѣдкiй даръ слова и великiй умъ сего честолюбиваго Грека, имѣвъ столь много дѣйствiя на Флорентiйскомъ Соборѣ, гдѣ ученѣйшая Грецiя состязалась съ Римомъ, оказались безсильными въ Москвѣ, бывъ побѣждены здравымъ смысломъ Великаго Князя, увѣреннаго, что перемѣны въ Законѣ охлаждаютъ сердечное усердiе къ оному, и что неизмѣняемые Догматы отцевъ лучше всякихъ новыхъ мудрованiй. Узнавъ же, что Исидоръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ тайно ушелъ изъ монастыря, благоразумный Василiй не велѣлъ гнаться за нимъ, ибо не хотѣлъ употребить никакихъ жестокихъ мѣръ противъ сего сверженнаго имъ Митрополи-

Г. 1440. та, который, въѣхавъ въ Россію гордо, пышно и величаво, бѣжалъ изъ нее какъ преступникъ, въ страхѣ, чтобы Москвитяне не сожгли его подъ именемъ еретика на костръ (307).

Исидоръ благополучно достигъ Рима съ печальнымъ извѣстіемъ о нашемъ упрямствѣ, и въ награду за свой ревностный подвигъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Думѣ Кардиналовъ, еще именуясь *Россійскимъ*; а Великій Князь, съ согласія всѣхъ Епископовъ, вторично избравъ Іону въ Митрополиты, (въ 1443 году) отправилъ Боярина Полуехта въ Константинополь съ грамотою къ Царю и Патріарху, въ коей описываетъ всю исторію нашего Христіанства со временъ Владиміра, и говоритъ далѣе (308): „По кончинѣ блаженнаго Фотія земля Русская нѣ-„сколько лѣтъ оставалась безъ духовнаго „Пастыря, волнуемая нашествіемъ варва-„ровъ и внутреннимъ междоусобіемъ: нако-„нецъ мы послали къ вамъ Епископа Рязан-„скаго, Іону, мужа отъ юныхъ лѣтъ благо-„честиваго и добродѣтельнаго, желая, да по-„ставите его въ Митрополиты; но вы, или „отъ замедленія нашего, или слѣдуя един-„ственно прихоти самовластія, дали намъ „Исидора. Богу извѣстно, что я долго ко-„лебался и мыслилъ отвергнуть его; но ла-„сковая грамота Патріархова, моленіе, По-„сла вашего и сладкорѣчивое смиреніе Иси-„дорово тронули мое сердце. . . Когда же

„онъ, вопреки своей клятвѣ, измѣнилъ Пра- Г. 144•.
„вославію: тогда мы созвали боголюбивыхъ
„Святителей нашей земли, да изберутъ но-
„ваго достойнѣйшаго Митрополита, какъ
„и прежде, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, у
„насъ бывало. Но хотимъ соблюсти обрядъ
„древній: требуемъ твоего Царскаго согла-
„сія и Патріаршаго благословенія, увѣряя
„васъ, что никогда произвольно не отлу-
„чимся отъ Церкви Греческой, доколѣ сто-
„итъ Держава Русская. И такъ ожидаемъ,
„что вы исполните мое прошеніе и не за-
„медлите увѣдомить насъ о вашемъ здравіи,
„да возвеселимся духомъ нынѣ и присно и
„во вѣки вѣковъ. Аминь." Сей Посолъ не до-
ѣхалъ до Константинополя: ибо Василій приказалъ ему возвратиться, свѣдавъ тогда, какъ говоритъ Лѣтописецъ, совершенное отступленіе Императора Греческаго отъ истинной Вѣры. Съ того времени Іона первенствовалъ, кажется, въ дѣлахъ нашей Церкви, хотя еще и не былъ торжественно признанъ ея Главою (309); а Епископы южной Россіи снова имѣли особеннаго Митрополита, посвященнаго въ Римѣ, именемъ Григорія Болгарина, ученика Исидорова, вмѣстѣ съ нимъ ушедшаго изъ Москвы. Они держались Флорентійскаго Соединенія, которое въ Литвѣ и въ Польшѣ доставило имъ всѣ выгоды и преимущества Духовенства Латинскаго, подтвержденныя въ 1443 году указомъ Владислава III (310). Преемникъ Влади-

г. 1440. славовъ, Казимиръ, даже уговаривалъ Великаго Князя признать Кіевскаго Іерарха Главою и Московскихъ Епископовъ, представляя, какъ вѣроятно, что духовное единоначаліе утвердитъ благословенный союзъ между сѣверною и южною Россіею; но Святители наши предали Григорія анаѳемѣ. Московская Митрополія осталась независимою, а Кіевская подвластною Риму, будучи составлена изъ Епархій Брянской, Смоленской, Перемышльской, Туровской, Луцкой, Владимірской, Полоцкой, Хельмской и Галицкой (311).

Такія слѣдствія имѣлъ славный Соборъ Флорентійскій. Еще нѣсколько лѣтъ защитники и противники его писали, спорили, опровергали другъ друга; наконецъ бѣдствіе, постигшее Константинополь, пресѣкло и споры и долговременныя усилія властолюбиваго Рима для подчиненія себѣ Византійской Церкви. Духовенство же Московское, отвергнувъ соблазнъ, тѣмъ болѣе укрѣпилось въ Догматахъ Православія.

Россіяне имѣли нужду въ мирѣ церковномъ, чтобы великодушнѣе сносить несчастія государственныя, коими Небо скоро посѣтило наше отечество.

Новая вражда. Уже осенью въ 1441 году открылась новая вражда между Великимъ Княземъ и Димитріемъ Шемякою, который, свѣдавъ о приближеніи Московскаго войска къ Угличу, бѣжалъ въ Новогородскую область, и собравъ

нѣсколько тысячь бродягъ, вмѣстѣ съ Княземъ Александромъ Черторижскимъ, выѣхавшимъ къ нему изъ Литвы, внезапно подступилъ къ Москвѣ: хотя Игуменъ Троицкій, Зиновій, примирилъ ихъ; но Шемяка, боясь Василія, далъ знать Новогородцамъ, что желаетъ навсегда къ нимъ переселиться. Они гордо сказали: ,,да будетъ, Князь, твоя ,,воля! Если хочешь къ намъ, мы тебѣ рады; ,,если не хочешь, какъ тебѣ угодно" (312). Сей отвѣтъ или не полюбился ему, или тогдашнія обстоятельства Новагорода отвратили его отъ намѣренія искать тамъ убѣжища: Шемяка остался въ своемъ Удѣлѣ.

Новгородъ, волнуемый внутри, угрожаемый извнѣ, не имѣлъ ни твердаго правленія, ни ясной политической системы. Въ 1442 году народъ, безъ всякаго доказательства обвиняя многихъ людей въ зажигательствѣ, жегъ ихъ на кострахъ, топилъ въ Волховѣ, побивалъ каменьемъ. Худые урожаи и десятилѣтняя дороговизна приводили гражданъ въ отчаяніе. ,,Вопль и стенаніе (говоритъ Лѣтописецъ) ,,раздавались на площадяхъ и на улицахъ; ,,бѣдные шатались какъ тѣни, падали, умирали, дѣти предъ родителями, отцы и матери предъ дѣтьми; одни бѣжали отъ голода въ Литву, или въ землю Нѣмецкую, ,,или во Псковъ; другіе изъ хлѣба шли въ ,,рабство къ купцамъ Магометанской и Жидовской Вѣры. Не было правды ни въ судахъ, ,,ни во градѣ. Возстали ябедники, лжесвидѣ-

Г. 1443 — 1445. Дѣла Новогородскія.

г. 1443 — „шели, грабители; наши старѣйшины упра-
1445. „тили честь свою, и мы сдѣлались поруга-
„ніемъ для сосѣдовъ“ (313). Къ симъ народнымъ бѣдствіямъ присоединялись внѣшнія опасности. Слабая народная Держава можетъ существовать только союзомъ съ сильными: ослѣпленный Новгородъ досаждалъ всѣмъ и не имѣлъ друзей. Одинъ изъ Князей Суздальскихъ, Василій Юрьевичь, внукъ Кирдяпинъ и наслѣдственный врагъ Москвы, былъ ласково принятъ Новогородцами и начальствовалъ у нихъ въ Ямѣ. Къ неудовольствію же Великаго Князя они вызвали изъ Литвы внука Ольгердова, Іоанна Владиміровича, и дали ему свои пригороды въ угодность Казимиру; между тѣмъ не угодили и послѣднему. Казимиръ хотѣлъ, чтобы они взяли отъ него Намѣстниковъ въ свою столицу и явно отложились отъ Василія Василіевича, говоря: „для васъ „единственно я не заключилъ съ нимъ мира; „поддайтесь мнѣ, и вы будете со всѣхъ сто-„ронъ безопасны“ (314). Новогородцы, еще не расположенные измѣнить Русскому отечеству, посмѣялись надъ властолюбіемъ Казимира: отпустили Іоанна въ Литву, и вторично приняли къ себѣ Лугвеніева сына, Юрія, бывшаго въ Москвѣ. Тщетно Псковитяне искали ихъ дружбы и давали имъ примѣръ благоразумія, стараясь быть въ тѣсной связи съ Москвою, которая долженствовала рано или поздно спасти сѣверо-западную Россію отъ хищности иноплеменниковъ. Князья —

иногда Россійскіе, иногда Литовскіе—начальствовали во Псковѣ, но всегда именемъ Великаго Князя, съ его согласія, и присягали въ вѣрности сперва ему, а потомъ уже народу. Слѣдуя инымъ правиламъ, Новогородцы видѣли въ гражданахъ сей области уже не братьевъ, а слугъ Московскихъ, и своихъ совмѣстниковъ въ выгодахъ Нѣмецкой торговли. Тѣ и другіе воевали, мирились, заключали договоры, особенно съ Державами иноземными, не думая о благѣ общемъ. Новогородцы въ 1442 году взяли всѣхъ Нѣмецкихъ купцевъ подъ стражу (315): Псковитяне дружелюбно торговали съ Ганзою. Въ Шведской Финляндіи властвовалъ тогда Государственный Маршалъ, Карлъ Кнутсонъ, получивъ ее въ Удѣлъ отъ Верховнаго Совѣта и Короля: онъ жилъ въ Выборгѣ, и стараясь ничѣмъ не оскорблять Новогородцевъ, злобился на Псковитянъ, которые повѣсили нѣсколько Чухонцевъ за воровство въ землѣ своей: мстилъ имъ, безъ объявленія войны бралъ людей въ плѣнъ и требовалъ окупа. Въ 1443 году Магистеръ Ливонскаго Ордена, Финке фонъ-Обербергенъ, возобновилъ миръ съ областію Псковскою на 10 лѣтъ и былъ непріятелемъ Новогородцевъ: сжегъ предмѣстіе Ямы, и велѣлъ сказать имъ какъ бы въ насмѣшку, что не онъ, а Герцогъ Клевскій изъ заморья воюетъ Россію. г. 1443—1445.

Такъ сказано въ нашей лѣтописи: бумаги Нѣмецкаго Ордена, хранящіяся въ древнемъ Кенигсбергскомъ Архивѣ, объясняютъ для

Г. 1443—1445. нась сей предлогъ войны съ ея достопамятными обстоятельствами (316). Еще въ 1438 году Великій Магистеръ Нѣмецкій писалъ къ Новогородскому Князю Юрію, чтобы онъ благосклонно принялъ юнаго Принца Клевскаго, Эбергарда, ѣдущаго въ Палестину черезъ Россію, и доставилъ ему всѣ способы для пути безопаснаго; но Эбергардъ возвратился въ Ригу съ жалобами на претерпѣнныя имъ въ Новогородской землѣ оскорбленія. Рыцари за него вступились и собрали войско, которое будто бы само собою, безъ ихъ вѣдома, на́чало непріятельскія дѣйствія. Финке увѣрялъ, что Орденъ желаетъ единственно удовлетворенія за обиду Принца Клевскаго и за многія другія, сдѣланныя Нѣмцамъ *безпокойными, нагмыми Россіянами, любящими отнимать чужое и жаловаться.* Великій Герцогъ Литовскій, Казиміръ, былъ между ими посредникомъ, величаясь именемъ *Государя Новогородцевъ*, единственно по тому, что они со временъ Гедиминовыхъ принимали къ себѣ Литовскихъ Князей въ областные начальники; но Финке, благосклонно вспрѣтивъ Казиміровыхъ Пословъ, не устыдился взять подъ стражу Новогородскаго, даже ограбилъ его и выслалъ *нагого* изъ Ливоніи.—Раздраженные Новогородцы опустошили Ливонскія селенія за Наровою: Нѣмцы землю Водскую, берега Ижеры и Невы; опять приступили къ Ямѣ и хотѣли пушками разрушить ея стѣны, но черезъ пять дней сняли

осаду. Нѣмецкіе Лѣтописцы прибавляютъ, что Россіяне заманили Магистра въ какое-то ущелье и побили у него множество воиновъ; что онъ, желая отмстить имъ новымъ впаденіемъ въ ихъ предѣлы, возвратился съ новою неудачею и стыдомъ (317). Не смотря на то, гордый Финке вторично отвергнулъ мирныя предложенія Новогородцевъ, сказавъ ихъ Посламъ въ Ригѣ, что не заключитъ мира, если они не уступятъ ему всей рѣки Наровы съ островомъ. Доселѣ дѣйствовавъ только собственными силами, Ливонцы предпріяли наконецъ вооружить на Россіянъ знатную часть Европы, посредствомъ Великаго Магистра Прусскаго, бывшаго въ тѣсной связи съ Римомъ и съ Государями Сѣверными; хотѣли уже не грабежа, не маловажныхъ сшибокъ, но рѣшительнаго удара. Въ 1447 году Орденъ заключилъ договоръ съ Королемъ Даніи, Норвегіи и Швеціи, Христофоромъ, чтобы совокупными силами воевать землю Новогородскую: Нѣмцамъ взять Копорье и Нейшлотъ, Шведамъ Орѣховъ, Ландскрону, и проч. Великій Магистеръ Прусскій убѣждалъ Папу содѣйствовать молитвою и деньгами къ усмиренію *невѣрныхъ* Россіянъ; писалъ къ Императору, къ Курфирстамъ, и вызывалъ изъ Германіи всѣхъ православныхъ витязей служить Богу и Его Матери, казнить *отступниковъ злочестивыхъ* на берегахъ Волхова; писалъ также ко всѣмъ городамъ Ганзейскимъ, къ Любеку, Висмару,

г. 1443 — 1445.

г. 1443 — 1445. Ростоку, Грейфсвальдену, чтобы они запретили купцам своим возить хлѣбъ въ Новгородъ. Вооруженныя Ливонскія суда заняли Неву и брали въ добычу всякой нагруженный съѣстными припасами корабль, идущій въ Ладожское озеро, не исключая ни союзныхъ Шведскихъ, ни Прусскихъ. Войско Нѣмецкаго Ордена отправилось моремъ изъ Данцига и сухимъ путемъ изъ Мемеля къ Нарвѣ: пѣхота, конница и пушкари, съ Рыцаремъ Генрихомъ, искуснымъ въ употребленіи огнестрѣльнаго снаряда. Въ Бранденбургѣ, Эльбингѣ, Кенигсбергѣ и во всѣхъ городахъ Прусскихъ народъ торжественно молился о счастливомъ успѣхѣ *Христіанскаго оружія противъ язычниковъ* (contra paganos) Новогородскихъ и союзниковъ ихъ, *Москвитянъ, Волоховъ* и *Татаръ*. Латинскія обѣдни и церковные ходы долженствовали склонить Небо къ совершенному истребленію сей Россійской народной Державы, болѣе именемъ, нежели силами *великой*, опустошенной тогда голодомъ и болѣзнями.

Какія были слѣдствія мѣръ столь важныхъ и грозныхъ? Въ нашихъ лѣтописяхъ сказано единственно, что Ливонскіе Рыцари, Король Шведскій и *Прусскій* (то есть, Великій Магистеръ Нѣмецкаго Ордена) въ 1448 году имѣвъ битву съ Новогородцами на берегахъ Наровы, ушли назадъ; а Двиняне близъ Неноксы разбили Шведовъ, которые приходили туда моремъ изъ Лапландіи (318). —

Ни *Татары*, ни *Волохи*, ни *Москвитяне* не помогали Новугороду. „Я даю ему Князей, „но безъ войска,“ писалъ Казимиръ къ Нѣмцамъ. Въ бумагахъ Орденскихъ упоминается только о какомъ-то знаменитомъ человѣкѣ, который въ 1447 году ѣхалъ изъ Моравіи съ *шестью стами всадниковъ* на помощь къ Новогородскому Князю Юрію, сыну Лугвеніеву. г. 1443 — 1445.

Въ сіе время Новогородцы имѣли еще двухъ неприятелей: Князь Борисъ Тверскій безжалостно грабилъ ихъ землю, и народъ Югорскій, угнетаемый ими, объявилъ себя независимымъ. Воеводы Двинскіе, Василій Шенкурскій и Михайло Яковлевъ, пришли къ нимъ съ тремя тысячами воиновъ. Жители употребили хитрость. „Дайте намъ время со„брать дань,“ говорили они: „сдѣлавъ расчетъ „между собою, мы покажемъ вамъ урочища „и станы;“ но усыпивъ Россіянъ обѣщаніями и ласками, побили ихъ на голову. Новогородцы оружіемъ усмирили сихъ бунтующихъ данниковъ, а Князя Тверскаго старались усовѣстить словами дружелюбными; заключили наконецъ союзъ съ добрыми Псковитянами и перемиріе съ Нѣмцами на 25 лѣтъ (319).

Гораздо важнѣйшія происшествія ожидаютъ насъ въ Московскомъ Великомъ Княженіи. Смерть Витовта, дѣда, опекуна Василіева, уничтоживъ связь притворнаго дружества между Литвою и нашимъ Государствомъ, возобновила ихъ естественную, взаимную ненависть другъ ко другу, еще уси- Войны

ленную раздоромъ Церковнымъ. Непріятели Казимировы искали убѣжища въ Москвѣ: сынъ Лугвеніевъ, Князь Юрій, выѣхавъ изъ Новагорода, и занявъ вооруженною рукою Смоленскъ, Полоцкъ, Витебскъ, но будучи не въ силахъ противиться Казимиру, бѣжалъ къ Великому Князю. Однакожъ войны не было до 1444 года: въ сіе время, зимою, Василій послалъ двухъ служащихъ ему Царевичей Могольскихъ на Брянскъ и Вязму. Нечаянность ихъ впаденія благопріятствовала успѣху, если можно назвать успѣхомъ грабежъ и кровопролитіе безполезное: Татары и Москвитяне опустошили села и города почти до Смоленска. Явились мстители: 7000 Литовцевъ, предводимыхъ семью Панами, разорили беззащитныя окрестности
г. 1445. Козельска, Калуги, Можайска, Вереи. Собралось нѣсколько сотъ Россіянъ подъ начальствомъ Воеводъ Можайскаго, Верейскаго и Боровскаго: презирая многочисленность непріятеля, они смѣло ударили на Казимировыхъ Пановъ въ Суходровѣ, и были разбиты. Впрочемъ Литовцы, не взявъ ни одного города, удалились съ плѣнниками (320).

Великій Князь не могъ отразить ихъ для того, что имѣлъ дѣло съ другимъ непріятелемъ. Царевичь Золотой Орды, именемъ Мустафа, желая добычи, вступилъ въ Рязанскую область, плѣнилъ множество безоружныхъ людей, и взявъ за нихъ окупъ, ушелъ; но скоро опять возвратился къ Переслав-

лю, требуя уже не денегъ, а только убѣжища. Настала зима необыкновенно холодная, съ глубокими снѣгами, жестокими морозами и вьюгами: Татары не могли достигнуть Улусовъ, лишились коней и сами умирали въ полѣ. Граждане Переславскіе, не смѣя отказать имъ, впустили ихъ въ свои жилища; однакожъ не на-долго: ибо Василій послалъ Князя Оболенскаго съ Московскою дружиною и съ Мордвою выгнать Царевича изъ нашихъ предѣловъ (321). Мустафа, равно опасаясь и жителей и рати Великокняжеской, по требованію первыхъ вышелъ изъ города, сталъ на берегахъ рѣчки Листани и спокойно ожидалъ непріятелей. Съ одной стороны наступили на него Воеводы Московскіе съ конницею и пѣхотою, вооруженною *ослопами* или палицами, топорами и рогатинами; съ другой Рязанскіе *Козаки* и Мордва на лыжахъ, съ сулицами, копьями и саблями. Татары, цѣпенѣя отъ сильнаго холода, не могли стрѣлять изъ луковъ, и не смотря на свою малочисленность, смѣло пустились въ ручной бой. Они конечно не имѣли средства спастися бѣгствомъ; но отъ нихъ зависѣло отдаться въ плѣнъ безъ кровопролитія: Мустафа не хотѣлъ слышать о такомъ стыдѣ, и бился до изнуренія послѣднихъ силъ. Никогда Татары не изъявляли превосходнѣйшаго мужества: одушевленные словами и примѣромъ начальника, рѣзались какъ изступленные и бросались грудью Г. 1445.

г. 1445. на копья. Мустафа палъ Героемъ, доказавъ, что кровь Чингисова и Тамерланова еще не совсѣмъ застыла въ сердцѣ Моголовъ; другіе также легли на мѣстѣ; плѣнниками были одни раненые, и побѣдители, къ чести своей, завидовали славѣ побѣжденныхъ — Чрезъ нѣсколько времени Татары Золотой Орды — желая, какъ вѣроятно, отмстить за Мустафу — воевали области Рязанскія и Мордовскія; но не сдѣлали ничего важнаго.

Храбрость Мустафы.

Нашествіе Царя Казанскаго.

Непріятель опаснѣйшій явился съ другой стороны, Царь Казанскій, Улу-Махметъ; взялъ Старый Новгородъ Нижній, оставленный безъ защиты, и шелъ къ Мурому (322). Великій Князь собралъ войско: Шемяка, Іоаннъ Андреевичь Можайскій, братъ его Михаилъ Верейскій и Василій Ярославичь Боровскій, внукъ Владиміра Храбраго, находились подъ Московскими знаменами. Махметъ отступилъ: передовый отрядъ нашъ разбилъ Татаръ близъ Мурома, Гороховца и въ другихъ мѣстахъ. Не желая во время тогдашнихъ зимнихъ холодовъ гнаться за Царемъ, Великій Князь возвратился въ столицу. Весною пришла вѣсть, что Махметъ осадилъ Нижній Новгородъ, пославъ двухъ сыновей, Мамутека и Ягуба, къ Суздалю. Уже полки были распущены: надлежало вновь собирать ихъ. Василій Василіевичь съ одною Московскою ратію пришелъ въ Юрьевъ, гдѣ встрѣтили его Воеводы Нижегородскіе: долго терпѣвъ недостатокъ въ хлѣбѣ, они зажгли

крѣпость и ночью бѣжали оттуда. Чрезъ г. 1445. нѣсколько дней присоединились къ Москвитянамъ Князья Можайскій, Верейскій и Боровскій; но съ малымъ числомъ ратниковъ. Шемяка обманулъ Василія: самъ не поѣхалъ и не далъ ему ни одного воина; а Царевичь Бердата, другъ и слуга Россіянъ, еще оставался назади (323). Великій Князь рас- Іюля 6. положился станомъ близъ Суздаля, на рѣкѣ Каменкѣ: слыша, что непріятель идетъ, воины одѣлись въ латы, и поднявъ знамена, изготовились къ битвѣ; но долго ждавъ Моголовъ, возвратились въ станъ. Василій ужиналъ и пилъ съ Князьями до полуночи; а въ слѣдующій день, по восхожденіи солнца отслушавъ заутреню, снова легъ спать. Тутъ узнали о переправѣ непріятеля черезъ рѣку Нерль: сдѣлалась общая тревога. Великій Князь, схвативъ оружіе, выскочилъ изъ шатра, и въ нѣсколько минутъ устроивъ рать, бодро повелъ оную впередъ, при звукѣ трубъ, съ распущенными хоругвями. Но сіе шумное ополченіе, предводимое внуками Донскаго и Владимира Храбраго, состояло не болѣе, какъ изъ 1500 Россіянъ, если вѣрить Лѣтописцу; силы Государства Московскаго не уменьшились: только Василій не умѣлъ подражать дѣду и словомъ творить многочисленныя воинства; земля оскудѣла не людьми, но умомъ Правителей.

Впрочемъ сія горсть людей казалась сонмомъ Героевъ, текущихъ къ вѣрной побѣдѣ.

г. 1445. Князья и воины не уважали Татаръ; видѣли ихъ превосходную силу, и вопреки благоразумію схватились съ ними на чистомъ полѣ близъ монастыря Евфиміева. Непріятель былъ вдвое многочисленнѣе (324); однакожь Россіяне первымъ ударомъ обратили его въ бѣгство, можетъ быть притворное: онъ хотѣлъ, кажется, чтобы наше войско разстроилось. По крайней мѣрѣ такъ случилось: Москвитяне, видя тылъ непріятельской рати, устремились за нею безъ всякаго порядка: всякой хотѣлъ единственно добычи; кто обдиралъ мертвыхъ, кто безъ памяти скакалъ впередъ, чтобы догнать обозъ Царевичей или брать плѣнниковъ. Татары вдругъ остановились, поворотили коней и со всѣхъ сторонъ окружили мнимыхъ побѣдителей, разсѣянныхъ, изумленныхъ. Еще Князья наши старались возстановить битву; сражались толпы съ толпами, воинъ съ воиномъ, долго, упорно; вездѣ число одолѣло, и Россіяне, положивъ на мѣстѣ 500 Моголовъ, были истреблены. Самъ Великій Князь, личнымъ мужествомъ заслуживъ похвалу — имѣя простреленную руку, нѣсколько пальцевъ отсѣченныхъ, тринадцать язвъ на головѣ, плеча и грудь

Плѣнъ Великаго Князя. синія отъ ударовъ — отдался въ плѣнъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Верейскимъ и знатнѣйшими Боярами. Іоаннъ Можайскій, оглушенный сильнымъ ударомъ, лежалъ на землѣ: оруженосцы посадили его на другаго коня и спасли. Васи-

лій Ярославичь Боровскій также ушелъ; но Г. 1445.
весьма не многіе имѣли сіе счастіе. Смерть или неволя были жребіемъ остальныхъ. Царевичи выжгли еще нѣсколько селъ, два дни отдыхали въ Монастырѣ Евфиміевѣ, и снявъ тамъ съ несчастнаго Василія златые кресты, послали оные въ Москву, къ его матери и къ супругѣ, въ знакъ своей побѣды (325).

Столица наша затрепетала отъ сей вѣсти: Дворъ и народъ вопили. Москва видала ея Государей въ злосчастіи и въ бѣгствѣ, Ужасъ и бѣдствіе Москвы.
но никогда не видала въ плѣну. Ужасъ господствовалъ повсюду. Жители окрестныхъ селеній и пригородовъ, оставляя домы, искали убѣжища въ стѣнахъ Кремлевскихъ: ибо ежечасно ждали нашествія варваровъ, обманутые слухомъ о силѣ Царевичей. Новое бѣдствіе довершило жалостную судьбу Москвитянъ и пришельцевъ: ночью сдѣлался пожаръ внутри Кремля, столь жестокій, Іюля 14.
что не осталось ни одного деревяннаго зданія въ цѣлости: самыя каменныя церкви и стѣны въ разныхъ мѣстахъ упали; сгорѣло около трехъ тысячь человѣкъ и множество всякаго имѣнія (326). Мать и супруга Великаго Князя съ Боярами спѣшили удалиться отъ сего ужаснаго пепелища: онѣ уѣхали въ Ростовъ, предавъ народъ отчаянію въ жертву. Не было ни Государя, ни правленія, ни столицы. Кто могъ, бѣжалъ; но многіе не знали, гдѣ найти пристанище, и не хотѣли пускать другихъ. Чернь въ шумномъ

Г. 1445. совѣтъ положила укрѣпить городъ: избрали властителей; запретили бѣгство; ослушниковъ наказывали и вязали; починили городскія ворота и стѣны; начали строить и жилища. Однимъ словомъ, народъ самъ собою возстановилъ и порядокъ изъ безначалія и Москву изъ пепла, надѣясь, что Богъ возвратитъ ей и Государя. — Между тѣмъ, пользуясь ея сиротствомъ и несчастіемъ, хищный Князь Борисъ Александровичъ Тверскій прислалъ Воеводъ своихъ разграбить въ Торжкѣ все имѣніе купцевъ Московскихъ (327).

Разбой Князя Тверскаго.

Не смотря на пороки или недостатки Василія, Россіяне Великаго Княженія видѣли въ немъ единственнаго законнаго Властителя и хотѣли быть ему вѣрными: плѣнъ его казался имъ тогда главнымъ бѣдствіемъ. Царевичи, хотя и побѣдители, вмѣсто намѣренія итти къ Москвѣ — чего она въ безразсудномъ страхѣ ожидала — мыслили единственно какъ можно скорѣе удалиться съ добычею и съ важнымъ плѣнникомъ, имѣя столь мало войска. Отъ Суздаля они пришли ко Владиміру (328); но только погрозивъ жителямъ, черезъ Муромъ возвратились къ отцу въ Нижній. Самъ Махметъ опасался Россіянъ и не разсудилъ за благо остаться въ нашихъ предѣлахъ: зная расположеніе Шемяки, отправилъ къ нему Посла, именемъ Бигича, съ дружескими увѣреніями; а самъ отступилъ къ Курмышу, взявъ съ собою Великаго Князя и Михаила Верейскаго.

Августа 25.

Шемяка радовался бѣдствію Василія, которое удовлетворяло его властолюбію и ненависти къ сему злосчастному плѣннику. Онъ принялъ Царскаго Мурзу съ величайшею ласкою: угостилъ, осыпалъ дарами, и послалъ съ нимъ къ Махмету Дьяка Ѳедора Дубенскаго для окончанія договоровъ. Дѣло шло о томъ, чтобы Василію быть въ вѣчной неволѣ, а Шемякѣ Великимъ Княземъ подъ верховною властію Царя Казанскаго. Но Махметъ, долго не имѣвъ вѣсти о Бигичѣ, вообразилъ или повѣрилъ слуху, что Шемяка убилъ его и хочетъ господствовать въ Россіи независимо. Еще и другое обстоятельство могло способствовать счастливой перемѣнѣ въ судьбѣ Василія. Одинъ изъ Князей Болгарскихъ или Могольскихъ, именемъ Либей, завладѣлъ тогда Казанью (послѣ онъ былъ умерщвленъ сыномъ Ханскимъ, Мамутекомъ). Желая скорѣе возвратиться въ Болгарію, Царь совѣтовался съ ближними, призвалъ Великаго Князя, и съ ласкою объявилъ ему свободу, требуя отъ него единственно умѣреннаго окупа и благодарности (329). Василій, прославивъ милость Неба и Царскую, выѣхалъ изъ Курмыша съ Княземъ Михаиломъ, съ Боярами и со многими Послами Татарскими, коимъ надлежало проводить его до столицы; отправилъ гонца въ Москву къ Великимъ Княгинямъ и самъ въ слѣдъ за нимъ спѣшилъ въ любезное отечество. Между тѣмъ Дьякъ Шемякинъ и Мур-

г. 1445.

Октября 1. Освобожденіе Василія.

г. 1445. за Бигичь плыли Окою отъ Мурома къ Нижнему: услышавъ о свободѣ Великаго Князя, они возвратились отъ Дудина монастыря въ Муромъ, гдѣ Намѣстникъ, Князь Оболенскій, взялъ Бигича подъ стражу.

Въ тотъ самый день, когда Царь отпустилъ Василія въ Россію — 1 Октября — Москва испытала одинъ изъ главныхъ естественныхъ ужасовъ, весьма необыкновенный для странъ сѣверныхъ: землетрясеніе. Въ шестомъ часу ночи поколебался весь городъ, Кремль и посадъ, домы и церкви; но движеніе было тихо и непродолжительно: многіе спали и не чувствовали онаго; другіе обезпамятѣли отъ страха, думая, что земля отверзаетъ нѣдра свои для поглощенія Москвы (330). Нѣсколько дней ни о чемъ иномъ не говорили въ домахъ и на Красной площади; считали сей феноменъ предтечею какихъ нибудь новыхъ государственныхъ бѣдствій, и тѣмъ болѣе обрадовались нечаянному извѣстію о прибытіи Великаго Князя. Не только въ столицѣ, но и во всѣхъ городахъ, въ самыхъ хижинахъ сельскихъ добрые подданные веселились какъ въ день свѣтлаго праздника, и спѣшили издалека видѣть Государя. Въ Переславлѣ нашелъ Василій мать, супругу, сыновей своихъ, многихъ Князей, Бояръ, Дѣтей Боярскихъ и вообще столько ратныхъ людей, что могъ бы смѣло итти съ ними на сильнѣйшаго изъ враговъ Россіи. Сія усердная, великолѣпная встрѣча напом-

Землетрясеніе.

нила величіе Героя Димитрія, привѣтствуемаго народомъ послѣ Донской битвы: дѣдъ плѣнялъ Россіянъ славою, внукъ трогалъ сердца своимъ несчастіемъ и неожидаемымъ спасеніемъ. — Но Василій (17 Ноября) съ горестію въѣхалъ въ столицу, медленно возникающую изъ пепла; вмѣсто улицъ и зданій видѣлъ пустыри; самъ не имѣлъ дворца, и живъ нѣсколько времени за городомъ въ домѣ своей матери, на Ваганковѣ, занялъ въ Кремлѣ дворъ Князя Литовскаго, Юрія Патрикіевича. г. 1445.

Еще мѣра золъ, предназначенныхъ судьбою сему Великому Князю, не исполнилась: ему надлежало испытать лютѣйшее, въ доказательство, что и на самой землѣ бываетъ возмездіе по дѣламъ каждаго. Опасаясь Василія, Димитрій Шемяка бѣжалъ въ Угличь, но съ намѣреніемъ погубить неосторожнаго врага своего, который, еще не вѣдая тогда всей его злобы и повѣривъ ложному смиренію, новою договорною грамотою утвердилъ съ нимъ миръ (331). Димитрій вступилъ въ тайную связь съ Іоанномъ Можайскимъ, Княземъ слабымъ, жестокосердымъ, легкомысленнымъ, и безъ труда увѣрилъ его, что Василій будто бы клятвенно обѣщалъ все Государство Московское Царю Махмету, а самъ намѣренъ властвовать въ Твери. Скоро присталъ къ нимъ и Борисъ Тверскій, обманутый симъ вымысломъ, и страшась лишиться Княженія (332). Главными ихъ наушниками и подстрекателями были мятежные Бояре умершаго

Злодѣйство Шемяки.

Константина Димитріевича, завистники Бояръ Великокняжескихъ; сыскались измѣнники и въ Москвѣ, которые взяли сторону Шемяки, вообще нелюбимаго: въ числѣ ихъ находились Бояринъ Иванъ Старковъ, нѣсколько купцевъ, Дворянъ, даже Иноковъ. Умыслили не войну, а заговоръ и предательство; положили нечаянно овладѣть столицею и схватить Великаго Князя; наблюдали всѣ его движенія и ждали удобнаго случая.

г. 1446. Василій, слѣдуя обычаю отца и дѣда, поѣхалъ молиться въ Троицкую Обитель (333), славную добродѣтелями и мощами Св. Сергія, взявъ съ собою двухъ сыновей съ малымъ числомъ придворныхъ. Заговорщики немедленно дали о томъ вѣсть Шемякѣ и Князю Можайскому, Іоанну, которые были въ Рузѣ, имѣя въ готовности цѣлый полкъ вооруженныхъ людей. Февраля 12 ночью они пришли къ Кремлю, гдѣ царствовала глубокая тишина; никто не мыслилъ о непріятелѣ; всѣ спали: бодрствовали только измѣнники, и безъ шума отворили имъ ворота. Они вступили въ городъ, вломились во дворецъ, захватили мать, супругу, казну Василіеву, многихъ вѣрныхъ Бояръ, опустошивъ ихъ домы; однимъ словомъ, взяли Москву. Въ ту же самую ночь Шемяка послалъ Іоанна Можайскаго съ воинами къ Троицкой Лаврѣ.

Великій Князь, ничего не зная, слушалъ обѣдню у гроба Св. Сергія. Вдругъ вбѣгаетъ въ церковь одинъ Дворянинъ, именемъ Бунко,

и сказываетъ о происшедшемъ. Василій не г. 1446.
вѣритъ. Сей Дворянинъ служилъ прежде ему, а послѣ отъѣхалъ къ Шемякѣ, и тѣмъ болѣе казался вѣстникомъ ненадежнымъ. „Вы толь„ко мутите насъ,“ отвѣтствовалъ Василій: „я въ мирѣ съ братьями“ (334) — и выгналъ Бунка изъ монастыря; но одумался и послалъ нѣсколько человѣкъ занять гору на Московской дорогѣ. Передовые воины Іоанновы, увидѣвъ сихъ людей, извѣстили о томъ своего Князя: онъ велѣлъ закрыть 40 или 50 саней цыновками, и спрятавъ подъ ними ратниковъ, отправилъ ихъ къ горѣ. Стражи Василіевы дремали, не вѣря слуху о непріятелѣ, и спокойно глядѣли на мнимый обозъ, который, тихо взъѣхавъ на гору, остановился: цыновки слетѣли съ саней; явились воины и схватили оплошную стражу. Тогда—увѣренные, что жертва въ ихъ рукахъ—они сѣли на коней и пустились во всю прыть къ селу Клементьевскому. Уже Василій не могъ сомнѣваться въ опасности, собственными глазами видя скачущихъ всадниковъ: бѣжитъ на конюшенный дворъ, требуетъ лошадей и не находитъ ничего готоваго; всѣ люди въ изумленіи отъ ужаса; не знаютъ, что говорятъ и дѣлаютъ. Уже всадники предъ вратами монастырскими. Великій Князь ищетъ убѣжища въ церкви: пономарь, впустивъ его, запираетъ двери. Чрезъ нѣсколько минутъ монастырь наполнился людьми вооруженными: самъ Іоаннъ Можайскій подъ-

г. 1446. ѣхалъ на конѣ къ церкви и спрашивалъ, гдѣ Великій Князь? Услышавъ его голосъ, Василій громко закричалъ: „Братъ любезный! по„милуй! Не лишай меня святаго мѣста: „никогда не выду отсюда: здѣсь постригу„ся; здѣсь умру." Взявъ съ гроба Сергіева икону Богоматери, онъ немедленно отперъ южныя двери церковныя, встрѣтилъ Іоанна, и сказалъ ему: „Братъ и другъ мой! живо„творящимъ крестомъ и сею иконою, въ „сей церкви, надъ симъ гробомъ Преподоб„наго Сергія клялися мы въ любви и вѣр„ности взаимной; а что теперь дѣлается „надо мною, не понимаю." Іоаннъ отвѣтствовалъ: „Государь! если захотимъ тебѣ зла, „да будетъ и намъ зло. Нѣтъ, желаемъ един„ственно добра Христіанству, и поступа„емъ такъ съ намѣреніемъ устрашить Мах„метовыхъ слугъ, пришедшихъ съ тобою, „чтобы они уменьшили твой окупъ." Великій Князь поставилъ икону на ея мѣсто, палъ ницъ предъ ракою Св. Сергія и началъ молиться громогласно, съ такимъ умиленіемъ, съ такимъ жаромъ, что самые злодѣи его не могли отъ слезъ удержаться; а Князь Іоаннъ, кивнувъ головою предъ образами, спѣшилъ выйти изъ церкви, и тихо сказалъ Боярину Шемякину, Никитѣ: „возьми „его!" Василій всталъ и спросилъ: „гдѣ „братъ мой, Іоаннъ? *Ты плѣнникъ Великаго „Князя, Димитрія Юрьевича,*" отвѣчалъ Никита, схвативъ его за руки. „Да будетъ

,,воля Божія!" сказалъ Василій. Жестокій Г. 1446
Вельможа посадилъ несчастнаго Князя въ голыя сани вмѣстѣ съ какимъ-то Монахомъ и повезъ въ столицу; а Московскихъ Бояръ всѣхъ оковали цѣпями: другихъ же слугъ Великокняжескихъ ограбили и пустили нагихъ.

На другой день привезли Василія въ Москву прямо на дворъ къ Шемякѣ, который жилъ въ иномъ домѣ; на четвертый день, ночью, ослѣпили Великаго Князя, отъ имени Димитрія Юрьевича, Іоанна Можайскаго и Бориса Тверскаго, которые велѣли ему сказать: ,,для чего любишь Татаръ и даешь ,,имъ Русскіе города въ кормленіе? для чего ,,серебромъ и золотомъ Христіанскимъ осы- ,,паешь невѣрныхъ? для чего изнуряешь на- ,,родъ податями? для чего ослѣпилъ ты бра- ,,та нашего, Василія Косаго?" — Вмѣстѣ съ супругою отправили Великаго Князя въ Угличь, а мать его Софію въ Чухлому. Сыновья же Василіевы, Іоаннъ и Юрій, подъ защитою своей невинности спаслися отъ гонителей: пѣстуны сокрыли ихъ въ монастырѣ и ночью уѣхали съ ними къ Князю Ряполовскому, Ивану, въ село Боярово, не далеко отъ Юрьева [335]. Сей вѣрный Князь съ двумя братьями, Симеономъ и Димитріемъ, вооружился, собралъ людей, сколько могъ, и повезъ младенцевъ, надежду Россіи, въ Муромъ, укрѣпленный и безопаснѣйшій другихъ городовъ.

Февраля 16. Ослѣпленіе Великаго Князя.

Ужасъ господствовалъ въ Великомъ Княженіи. Оплакивали судьбу Василія, гнушались

г. 1446. Шемякою. Князь Боровскій, Василій Ярославичь, братъ Великой Княгини Маріи, не хотѣвъ остаться въ Россіи послѣ такого злодѣянія, отъѣхалъ въ Литовскую землю, гдѣ Казимиръ далъ ему въ удѣлъ Брянскъ, Гомель, Стародубъ и Мстиславль. Но Дворяне Московскіе, хотя и съ печальнымъ сердцемъ, присягнули Димитрію Шемякѣ, всѣ, кромѣ одного, именемъ Ѳедора Басенка, торжественно объявившаго, что не будетъ служить варвару и хищнику. Димитрій велѣлъ оковать его: Басенокъ(836) ушелъ изъ темницы въ Литву со многими единомышленниками къ Василію Ярославичу, который сдѣлалъ его и Князя Симеона Ивановича Оболенскаго начальниками въ Брянскѣ. Шемяка, принявъ на себя имя Великаго Князя, отдалъ Суздаль презрительному сподвижнику своему Іоанну Можайскому; но скоро взялъ у него назадъ сію область и въ слѣдствіе письменнаго договора уступилъ вмѣстѣ съ Нижнимъ, съ Городцемъ и даже съ Вяткою, какъ законную наслѣдственную собственность, внукамъ Кирдяпинымъ, Василію и Ѳеодору Юрьевичамъ; то есть, безсмысленно хотѣлъ уничтожить полезное дѣло Василія I, присоединившаго древнее Суздальское Княженіе къ Москвѣ. Въ договорной грамотѣ Шемяка, предоставивъ себѣ единственно честь старѣйшинства, соглашается, чтобы Юрьевичи, подобно ихъ прадѣду Димитрію Константиновичу, тестю Донскаго, господствовали независимо и сами

управлялись съ Ордою (337); объ стороны равно обязываются не входить ни въ какіе особенные переговоры съ несчастнымъ слѣпцемъ, Василіемъ; села и земли, купленныя Московскими Боярами вокругъ Суздаля, Городца, Нижняго, долженствовали безденежно возвратиться къ прежнимъ владѣльцамъ, и проч. Что заставило Шемяку быть столь благосклоннымъ къ двумъ изгнанникамъ, которые, не хотѣвъ служить Василію Темному, скитались по Россіи изъ мѣста въ мѣсто? Онъ боялся народной ненависти и малодушно искалъ опоры въ сихъ братьяхъ, изъ коихъ старшій, служа Новугороду, отличился въ битвѣ съ Нѣмцами и славился храбростію. Не имѣя ни совѣсти, ни правилъ чести, ни благоразумной системы государственной, Шемяка въ краткое время своего владычества усилилъ привязанность Москвитянъ къ Василію, и въ самыхъ гражданскихъ дѣлахъ попирая ногами справедливость, древніе уставы, здравый смыслъ, оставилъ навѣки память своихъ беззаконій въ народной пословицѣ *о судѣ Шемякинѣ*, донынѣ употребительной (338).

Г. 1446.

Безразсудность Шемяки.

Пословица.

Онъ не умертвилъ Великаго Князя единственно для того, что не имѣлъ дерзости Святополка I; лишивъ его зрѣнія, оправдывался закономъ мести и собственнымъ примѣромъ Василія, который ослѣпилъ Шемякина брата. Но Москвитяне — соглашаясь, что несчастіе Василіево было явнымъ

г. 1446. попущеніемъ Божіимъ — усердно молили Небо избавить ихъ отъ Властителя недостойнаго; воспоминали добрыя качества слѣпца: его ревность въ Православіи, судъ безъ лицепріятія, милость къ Князьямъ Удѣльнымъ, къ народу, къ самому Шемякѣ. Лазутчики Димитрія въ столицѣ, на площади, въ домахъ Бояръ и гражданъ, видѣли печаль, слышали укоризны; даже многіе города не поддавались ему. Въ сихъ обстоятельствахъ надлежало Шемякѣ показать смѣлую рѣшительность: къ счастію, злодѣи не всегда имѣютъ оную; устрашаются крайности и не достигаютъ цѣли. Онъ боялся младенцевъ Великокняжескихъ, хранимыхъ въ Муромѣ Князьями Ряполовскими, вѣрными Боярами и малочисленною воинскою дружиною; но не хотѣлъ употребить насилія: призвалъ въ Москву Рязанскаго Епископа Іону, и сказалъ ему: „Мужъ святый! обѣщаю доставить тебѣ санъ Митрополита; но прошу „твоей услуги. Иди въ свою Епископію, „въ городъ Муромъ; *возьми* дѣтей Великаго „Князя *на свою епитрахиль* и привези ко „мнѣ: я готовъ на всякую милость; вы„пущу отца ихъ; дамъ имъ Удѣлъ знамени„тый, да господствуютъ въ ономъ и живутъ „въ изобиліи.“ Іона, не сомнѣваясь въ его искренности, отправился въ Муромъ, и ревностно старался успѣть въ Димитріевомъ порученіи. Бояре колебались. „Если не по„слушаемъ Святителя“ — думали они —

„что Димитрій силою возметъ Муромъ и „дѣтей Великокняжескихъ: что будетъ съ „ними, съ несчастнымъ ихъ родителемъ и „съ нами?“ Бояре требовали клятвы отъ Іоны, и привели младенцевъ въ храмъ Богоматери, гдѣ Епископъ, отпѣвъ молебенъ, торжественно принялъ ихъ съ церковной пелены на свою епитрахиль, въ удостовѣреніе, что Димитрій не сдѣлаетъ имъ ни малѣйшаго зла (339). Князья Ряполовскіе и друзья ихъ, успокоенные обрядомъ священнымъ, сами поѣхали съ драгоцѣннымъ залогомъ къ Шемякѣ, бывшему тогда въ Переславлѣ. Сей лицемѣръ плакалъ будто бы отъ умиленія: ласкалъ, цѣловалъ юныхъ невинныхъ племянниковъ; угостилъ обѣдомъ и дарами, а на третій день отправилъ съ тѣмъ же Іоною къ отцу въ Угличь. Іона возвратился въ Москву и занялъ домъ Митрополитскій; но Василій и семейство его остались подъ стражею. Шемяка не исполнилъ обѣта. г. 1446 Маія 6.

Сіе вѣроломство изумило Бояръ: добрые Князья Ряполовскіе были въ отчаяніи. „Не „дадимъ веселиться злобѣ,“ сказали они и рѣшились низвергнуть Димитрія. Къ нимъ пристали Князь Иванъ Стрига Оболенскій, Вельможа Ощера и многіе Дѣти Боярскіе (340): условились съ разныхъ сторонъ итти къ Угличу; въ одинъ день и часъ явиться подъ его стѣнами, овладѣть городомъ, освободить Василія. Заговоръ не имѣлъ совершеннаго успѣха; однакожъ произвелъ Вѣроломство.

г. 1446. счастливое дѣйствіе. Узнавъ намѣреніе Ряполовскихъ, тайно выѣхавшихъ изъ Москвы, Димитрій отправилъ Воеводу своего въ догонъ за ними; но сіи мужественные витязи разбили дружину Шемякину, и видя, что умыселъ ихъ открылся, поѣхали въ Литву къ Василію Ярославичу Боровскому, чтобы вмѣстѣ съ нимъ взять мѣры въ пользу Великаго Князя. Они проложили туда путь всѣмъ ихъ многочисленнымъ единомышленникамъ: изъ столицы и другихъ городовъ люди бѣжали въ Малороссію, проклиная Шемяку, который трепеталъ въ Московскомъ дворцѣ, ежедневно получая вѣсти о всеобщемъ негодованіи народа. Призвавъ Епископовъ, онъ совѣтовался съ ними и съ Княземъ Іоанномъ Можайскимъ, освободить ли Василія? чего неотступно требовалъ Іона, говоря ему: ,,Ты нарушилъ уставъ ,,правды; ввелъ меня въ грѣхъ, постыдилъ ,,мою старость. Богъ накажетъ тебя, если ,,не выпустишь Великаго Князя съ семей- ,,ствомъ и не дашь имъ обѣщаннаго Удѣла. ,,Можешь ли опасаться слѣпца и невин- ,,ныхъ младенцевъ? Возьми клятву съ Ва- ,,силія, а насъ Епископовъ во свидѣтели, ,,что онъ никогда не будетъ врагомъ тво- ,,имъ.“ Шемяка долго размышлялъ; наконецъ согласился.

Должны ли вѣроломные надѣяться на вѣрность обманутыхъ ими? Но злодѣи, освобождая себя отъ узъ нравственности, мыслятъ,

что не всѣмъ дана сила попирать ногами Г. 1446.
святыню, и сами бываютъ жертвою легковѣрія. Димитрій хотѣлъ, по тогдашнему выраженію, *связать душу* Василіеву Крестомъ и Евангеліемъ, такъ, чтобы не оставить ему на выборъ ничего, кромѣ рабскаго смиренія или ада; пріѣхалъ въ Угличъ со всѣмъ Дворомъ, съ Князьями, Боярами, Епископами, Архимандритами; велѣлъ позвать Василія, обнялъ его дружески, винился, изъявлялъ раскаяніе, требовалъ прощенія великодушнаго. ,,Нѣтъ!" отвѣтствовалъ Великій Князь съ сердечнымъ умиленіемъ: ,,я одинъ во всемъ ,,виновенъ; пострадалъ за грѣхи мои и без- ,,законія; излишно любилъ славу міра и пре- ,,ступалъ клятвы; гналъ васъ, моихъ братьевъ; губилъ Христіанъ и мыслилъ еще из- ,,губить многихъ; однимъ словомъ, заслужи- ,,валъ казнь смертную. Но ты, Государь, ,,явилъ милосердіе надо мною и далъ мнѣ ,,средство къ покаянію." Слова лились рѣкою вмѣстѣ съ слезами; видъ, голосъ, подтверждали ихъ искренность. Шемяка былъ совершенно доволенъ; всѣ другіе плакали, славя Ангельское смиреніе души Василіевой. Можетъ быть, Великій Князь дѣйствительно говорилъ и чувствовалъ одно въ порывѣ Христіанской набожности, которая питается уничиженіемъ земной гордости. Обрядъ крестнаго цѣлованія заключился великолѣпною трапезою у Шемяки: Василій обѣдалъ у него съ супругою и съ дѣтьми, со всѣми Вель-

Смиреніе Василія.

Г. 1446. можами и Епископами; получилъ богатые дары и Вологду въ Удѣлъ; пожелалъ Димитрію благополучно властвовать надъ Московскимъ Государствомъ и съ своими домашними
Сентября 15. ми отправился къ берегамъ Кубенскаго озера.

Скоро увидѣлъ Шемяка свою ошибку. Василій, пробывъ нѣсколько дней въ Вологдѣ какъ въ печальной ссылкѣ, поѣхалъ на богомолье въ Бѣлозерскій Кирилловъ монастырь, гдѣ умный Игуменъ Трифонъ, согласно съ его желаніемъ, объявилъ ему, что клятва, данная имъ въ Угличѣ, не есть законная, бывъ дѣйствіемъ неволи и страха. „Родитель „оставилъ тебѣ въ наслѣдіе Москву,“ говорилъ Трифонъ: „да будетъ грѣхъ клятво„преступленія на мнѣ и на моей братіи! „Иди съ Богомъ и съ правдою на свою от„чину; а мы за тебя, Государя, молимъ Бо„га.“ Игуменъ и всѣ Іеромонахи благословили Василія на Великое Княженіе. Онъ успокоился въ совѣсти. Ежедневно приходило къ нему множество людей изъ разныхъ городовъ, требуя чести служить вѣрою и правдою истинному Государю Россіи; въ томъ числѣ находились знатнѣйшіе Бояре и Дѣти Боярскіе. Василій уже не хотѣлъ ѣхать назадъ въ Вологду, но прибылъ въ Тверь, гдѣ Князь Борисъ Александровичъ, оставивъ прежнюю злобу, вызвался помогать ему, съ условіемъ, чтобы онъ женилъ сына своего, семилѣтняго Іоанна, на его дочери, Маріи. Торжественное обрученіе дѣтей утвердило

Обрученіе юнаго Іоанна.

союзъ между отцами, и Тверская дружина Г. 1446.
усилила Великокняжескую (341). Василій рѣшился итти къ Москвѣ.

Съ другой стороны спѣшили туда Князья Боровскій, Ряполовскіе, Иванъ Стрига Оболенскій, Ѳедоръ Басенокъ, собравъ войско въ Литвѣ (342). На пути они нечаянно встрѣтили Татаръ и готовились къ битвѣ съ ними; но открылось, что сіи мнимые непріятели шли на помощь къ Василію, предводимые Царевичами Касимомъ и Ягупомъ, сыновьями Царя Улу-Махмета. ,,Мы изъ земли ,,Черкасской и друзья Великаго Князя,“ говорили Татары; ,,знаемъ, что сдѣлали съ нимъ ,,братья недостойные; помнимъ любовь и ,,хлѣбъ его; желаемъ теперь доказать ему ,,нашу благодарность.“ Князья Россійскіе дружески обнялися съ Царевичами и пошли вмѣстѣ.

Шемяка, свѣдавъ о намѣреніи Василія, и желая не допустить его до Москвы, расположился станомъ у Волока Ламскаго; но Великій Князь, увѣренный въ доброхотствѣ ея гражданъ, тайно отправилъ къ нимъ Боярина Плещеева съ малочисленною дружиною. Сей Бояринъ умѣлъ непримѣтно обойти рать Шемякину, и ночью, на канунѣ Рождества, былъ уже подъ стѣнами Кремлевскими. Въ церквахъ звонили къ Заутренѣ; одна изъ Княгинь ѣхала въ Соборъ: для нее отворили Никольскія ворота, и дружина Великокняжеская, пользуясь симъ случаемъ, вошла въ городъ.

Тутъ раздался стукъ оружія: Намѣстникъ Шемякинъ убѣжалъ изъ церкви; Намѣстникъ Іоанна Можайскаго попался въ руки къ Василіевымъ Воеводамъ, которые въ полчаса овладѣли Кремлемъ. Бояръ непріятельскихъ оковали цѣпями; а граждане съ радостію вновь присягнули Василію (343).

Димитрій Шемяка услышалъ въ одно время, что Москва взята, и что отъ Твери идетъ на него Великій Князь, а съ другой стороны Василій Ярославичь Боровскій съ Татарами: не имѣя довѣренности ни къ своему войску, ни къ собственному мужеству, Димитрій и Можайскій ушли въ Галичь, оттуда въ Чухлому и въ Каргополь, взявъ съ собою мать Василіеву, Софію. Великій же Князь соединился близъ Углича съ Василіемъ Боровскимъ и завоевалъ сей городъ, подъ коимъ убили одного изъ храбрѣйшихъ его Воеводъ, Литвина Юрія Драницу; въ Ярославлѣ нашелъ Царевичей, Касима съ Ягупомъ, и при восклицаніяхъ усерднаго народа вступилъ въ Москву, пославъ Боярина Кутузова сказать Шемякѣ: „Братъ Димитрій! какая тебѣ честь „и хвала держать въ неволѣ мать мою, а „свою тетку? Ищи другой славнѣйшей мести, буде хочешь: я сижу на престолѣ „Великокняжескомъ!“ Димитрій совѣтовался съ Боярами. Видя изнеможеніе своихъ людей, утомленныхъ бѣгствомъ — желая смягчить Великаго Князя, и чувствуя въ самомъ дѣлѣ безполезность сего залога—онъ велѣлъ знат-

г. 1447. Изгнаніе Шемяки.

февраля 17.

пому Боярину своему, Михайлу Сабурову, проводить Великую Княгиню до Москвы. Василій встрѣтилъ мать въ Троицкой Лаврѣ (344); а Бояринъ Сабуровъ, имъ обласканный, вступилъ къ нему въ службу. г. 1447.

Князья Шемяка и Можайскій искали мира посредствомъ Василія Ярославича Боровскаго и Михаила Андреевича, брата Іоаннова; винились, давали обѣты вѣрности. Шемяка отказывался отъ Звенигорода, Вятки, Углича, Ржева: Іоаннъ отъ Козельска и разныхъ волостей; тотъ и другой обязывался возвратить все похищенное ими въ Москвѣ: казну, богатые кресты, иконы, имѣніе Княгинь и Вельможъ, древнія грамоты, ярлыки Ханскіе, требуя единственно, чтобы Василій оставилъ ихъ обоихъ мирно господствовать въ Удѣлахъ наслѣдственныхъ и не призывалъ къ себѣ до избранія Митрополита, который одинъ могъ надежно ручаться за личную для нихъ безопасность въ столицѣ (345). Великій Князь простилъ Іоанна, и далъ ему Бѣжецкій Верхъ, изъ уваженія къ его брату, Михаилу Андреевичу, и сестрѣ Анастасіи, супругѣ Бориса Тверскаго; но еще не хотѣлъ примириться съ Шемякою. Полки Московскіе шли къ Галичу. Наконецъ, убѣжденный ходатайствомъ ихъ общихъ родственниковъ, Василій простилъ и Шемяку, который обязался страшными клятвами быть ему искреннимъ другомъ, славить милость его до послѣдняго издыханія и нико-

г. 1447. гда не мыслить о Великомъ Княженіи. Крестная или клятвенная грамота Димитріева, тогда написанная, заключалась сими словами:
Клятва. „Ежели преступлю обѣты свои, да лишуся „милости Божіей и молитвы Святыхъ Угодниковъ земли нашея, Митрополитовъ Петра и Алексія, Леонтія Ростовскаго, Сергія, Кирилла и другихъ; не буди на мнѣ „благословенія Епископовъ Русскихъ", и проч. —Великій Князь съ торжествомъ возвратился изъ Костромы въ Москву, отпраздновавъ миръ и Пасху въ Ростовѣ у Епископа Ефрема.

Своимъ послѣднимъ несчастіемъ какъ бы примиренный съ Судьбою, и въ слѣпотѣ оказывая болѣе государственной прозорливости, нежели доселѣ, Василій началъ утверждать власть свою и силу Московскаго Княженія.

Благоразумное правленіе Василіево

Возстановивъ спокойствіе внутри онаго, онъ прежде всего далъ Митрополита Россіи, коего мы восемь лѣтъ не имѣли отъ раздоровъ Константинопольскаго Духовенства и отъ собственныхъ нашихъ смятеній. Епископы Ефремъ Ростовскій, Авраміи Суздальскій, Варлаамъ Коломенскій, Питиримъ Пермскій съѣхались въ Москву; а Новогородскій и Тверскій прислали грамоты, изъявляя свое единомысліе съ ними (346). Они, въ угодность Государю, посвятили Іону въ Митрополиты, ссылаясь будто бы, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, на данное ему (въ 1437 году) Патріархомъ благословеніе; но Іона въ

грамотахъ своихъ, написанныхъ имъ тогда г. 1448.
же ко всѣмъ Епископамъ Литовской Россіи, говоритъ, что онъ избранъ по уставу Апостоловъ Россійскими Святителями, и строго укоряетъ Грековъ Флорентійскимъ Соборомъ. По крайней мѣрѣ съ того времени мы сдѣлались уже совершенно независимы отъ Константинополя по дѣламъ Церковнымъ: что служитъ къ чести Василія. Духовная опека Грековъ стоила намъ весьма дорого. Въ теченіе пяти вѣковъ, отъ Св. Владиміра до Темнаго, находимъ только шесть Митрополитовъ-Россіянъ; кромѣ даровъ посылаемыхъ Царямъ и Патріархамъ, иноземные Первосвятители, всегда готовые оставить наше отечество, брали, какъ вѣроятно, мѣры на сей случай, копили сокровища и заблаговременно пересылали ихъ въ Грецію. Они не могли имѣть и жаркаго усердія къ государственнымъ пользамъ Россіи; не могли и столько уважать ея Государей, какъ наши единоземцы. Сіи истины очевидны; но страхъ коснуться Вѣры, и перемѣною въ ея древнихъ обычаяхъ соблазнить народъ, не дозволялъ Великимъ Князьямъ освободиться отъ узъ духовной Греческой власти; несогласія же Константинопольскаго Духовенства по случаю Флорентійскаго Собора представили Василію удобность сдѣлать то, чего многіе изъ его предшественниковъ хотѣли, но опасались. — Избраніе Митрополита было тогда важнымъ

государственнымъ дѣломъ: онъ служилъ Великому Князю главнымъ орудіемъ въ обузданіи другихъ Князей. Іона старался подчинить себѣ и Литовскія Епархіи: доказывалъ тамошнимъ Епископамъ, что преемникъ Исидоровъ, Григорій, есть Латинскій еретикъ и лжепастырь; однакожъ не достигъ своей цѣли, и возбудилъ только гнѣвъ Папы,

Булла Папы.

Пія II, который нескромною Буллою (въ 1458 году) объявилъ Іону *злочестивымъ сыномъ, отступникомъ*, и проч. (347).

Вторымъ попеченіемъ Василія было утвердить наслѣдственное право юнаго сына: онъ назвалъ десятилѣтняго Іоанна соправи-

г. 1449 — 1450. Іоаннъ соправитель.

телемъ и *Великимъ Княземъ*, чтобы Россіяне заблаговременно привыкли видѣть въ немъ будущаго Государя: такъ именуется Іоаннъ въ договорахъ сего времени, заключенныхъ съ Новымгородомъ и съ разными

Договоры.

Князьями (348). Во время несчастія Василіева Новогородцы признали Шемяку своимъ Княземъ и заставили его клятвенно утвердить всѣ древнія права ихъ: Василій, желая тогда отдохновенія и мира, также далъ имъ крестный обѣтъ не нарушать сихъ правъ, довольствоваться старинными Княжескими пошлинами и не требовать народной или Черной дани. Знатнѣйшіе сановники Новагорода пріѣзжали въ Москву и написали договоръ, во всемъ подобный тѣмъ, какіе они заключали съ Ярославомъ Ярославичемъ и другими Великими Князьями XIII вѣка. — Столь же спис-

ходительно поступилъ Василій и со внуками Кирдяпы: оставилъ ихъ господствовать въ Нижнемъ, въ Городцѣ, въ Суздалѣ, съ условіемъ, чтобы они признавали его своимъ верховнымъ повелителемъ, отдали ему древніе ярлыки Ханскіе на сей Удѣлъ, не брали новыхъ и вообще не имѣли сношенія съ Ордою (349). — Князь Рязанскій, Іоаннъ Ѳеодоровичь, обязался грамотою не приставать ни къ Литвѣ, ни къ Татарамъ; быть вездѣ за-одно съ Василіемъ, и судиться у него въ случаѣ раздоровъ съ Княземъ Пронскимъ; а Великій Князь обѣщалъ уважать ихъ независимость, возвративъ Іоанну многія древнія мѣста Рязанскія по берегамъ Оки; Бориса же Тверскаго называетъ въ грамотѣ *равнымъ себѣ братомъ*, увѣряя, что ни онъ Василій, ни сынъ его не будетъ мыслить о присоединеніи Твери къ Московскимъ владѣніямъ, хотя бы Татары и предложили ему взять оную. Изъ благодарности къ вѣрнымъ своимъ друзьямъ и сподвижникамъ, Василію Ярославичу Боровскому и Михаилу Андреевичу, брату Іоанна Можайскаго, Великій Князь утвердилъ за первымъ Боровскъ, Серпуховъ, Лужу, Хотунь, Радонежъ, Перемышль, а за вторымъ Верею, Бѣлоозеро, Вышегородъ, оставивъ имъ обоимъ часть въ Московскихъ сборахъ, и даже освободивъ нѣкоторыя области Михаилова Удѣла на нѣсколько лѣтъ отъ Ханской дани, то есть, взявъ ее на себя. Сіи грамоты были всѣ под- Г. 1449 — 1450.

*

Г. 1449 — 1450. писаны Митрополитомъ Іоною, который способствовалъ и доброму согласію Василіеву съ Казимиромъ. Посолъ Литовскій, Гарманъ, былъ тогда въ Москвѣ съ письмами и съ дарами; а Великій Князь посылалъ въ Литву Дьяка своего, Стефана. Іона, называясь отцемъ обоихъ Государей, увѣрялъ Казимира, что Василій искренно хочетъ жить съ нимъ въ любви братской.

Новое вѣроломство Шемяки. Новое вѣроломство Шемяки нарушило спокойствіе Великаго Княженія. Еще въ концѣ 1447 года Епископы Россійскіе отъ имени всего Духовенства писали къ нему, что онъ не исполняетъ договора: не отдалъ увезенной имъ Московской казны и драгоцѣнной святыни; грабитъ Бояръ, которые перешли отъ него въ службу къ Василію; сманиваетъ къ себѣ людей Великокняжескихъ; тайно сносится съ Новымгородомъ, съ Іоанномъ Можайскимъ, съ Вяткою, съ Казанью (350). Надъ *Синею* или Ногайскою Ордою, разсѣянною въ степяхъ между Бузулукомъ и Синимъ или Аральскимъ моремъ, отчасти же между Чернымъ и рѣкою Кубою, господствовалъ Седи-Ахметъ (351), коего послы пріѣзжали къ Великому Князю: Шемяка не хотѣлъ участвовать въ издержкахъ для ихъ угощенія, ни въ дарахъ Ханскихъ, отвѣтствуя Василію, что Седи-Ахметъ не есть

Достопамятное посланіе. истинный Царь. „Ты вѣдаешь“ — писали Святители къ Димитрію —, „сколь трудился „отецъ твой, чтобы присвоить себѣ Вели-

,,кое Княженіе, вопреки волѣ Божіей и зако- г. 1449. — 1450.
,,намъ человѣческимъ: лилъ кровь Россіянъ,
,,сѣлъ на престолѣ и долженъ былъ оста-
,,вить его; выѣхалъ изъ Москвы только
,,съ пятью слугами, и самъ звалъ Василія
,,на Государство; снова похитилъ оное —
,,и долго ли пожилъ? Едва достигъ жела-
,,емаго, и се въ могилѣ, осужденный людьми
,,и Богомъ. Что случилось и съ братомъ
,,твоимъ? Въ гордости и высокоуміи онъ
,,рѣзалъ Христіанъ, Иноковъ, Священниковъ:
,,благоденствуетъ ли нынѣ? Вспомни и
,,собственныя дѣла свои. Когда безбожный
,,Царь Махметъ стоялъ у Москвы, ты не
,,хотѣлъ помогать Государю и былъ виною
,,Христіанской гибели: сколько истреблено
,,людей, сожжено храмовъ, поругано дѣвицъ
,,и Монахинь? Ты, ты будешь отвѣтство-
,,вать Всевышнему. Напалъ варваръ Маму-
,,текъ: Великій Князь *сорокъ разъ* посылалъ
,,къ тебѣ, молилъ итти съ нимъ на вра-
,,га; но тщетно! Пали вѣрные воины въ
,,битвѣ крѣпкой: имъ вѣчная память, а на
,,тебѣ кровь ихъ! Господь избавилъ Василія
,,отъ неволи: ослѣпленный властолюбіемъ,
,,и презирая святость крестныхъ обѣтовъ,
,,ты, второй Каинъ и Святополкъ въ
,,братоубійствѣ, разбоемъ схватилъ, злодѣй-
,,ски истерзалъ его: на добро ли себѣ и
,,людямъ? Долго ли господствовалъ? и въ
,,тишинѣ ли? Не безпрестанно ли волну-
,,емый, порѣваемый страхомъ, спѣшилъ изъ

Г. 1449 — 1450. „мѣста въ мѣсто, томимый въ день забо-„тами, въ нощи сновидѣніями и мечтами? „Хотѣлъ большаго, но изгубилъ свое мень-„шее. Великій Князь снова на престолѣ, „и въ новой славѣ: ибо даннаго Богомъ „человѣкъ не отнимаетъ. Одно милосердіе „Василіево спасло тебя. Государь еще повѣ-„рилъ клятвѣ твоей и паки видитъ измѣ-„ну. Плѣняемый честію Великокняжескаго „имени, суетною, если она не Богомъ да-„рована; или движимый злашолюбіемъ, или „уловленный прелестію женскою, ты дер-„заешь быть вѣроломнымъ, не исполняя „клятвенныхъ условій мира; именуешь себя „Великимъ Княземъ, и требуешь войска „отъ Новогородцевъ, будто бы для изгнанія „Татаръ, призванныхъ Василіемъ и доселѣ „имъ не отсылаемыхъ. Но ты виною сего: „Татары немедленно будутъ высланы изъ „Россіи, когда истинно докажешь свое „миролюбіе Государю. Онъ знаетъ всѣ твои „происки. Тобою наущенный, Казанскій „Царевичъ Мамутекъ оковалъ цѣпями Посла „Московскаго. Седи-Ахмета не признаешь „Царемъ; но развѣ не въ сихъ же Улусахъ „отецъ твой судился съ Великимъ Княземъ? „Не тѣ ли же Царевичи и Князья служатъ „нынѣ Седи-Ахмету? Уже миновало шесть „мѣсяцевъ за срокъ, а ты не возвратилъ „ни святыхъ крестовъ, ни иконъ, ни со-„кровищъ Великокняжескихъ. И такъ мы, „служители олтарей, по своему долгу мо-

,,лимъ тебя, Господинъ Князь Димитрій, г. 1449 — 1450.
,,очистить совѣсть, удовлетворить всѣмъ
,,праведнымъ требованіямъ Великаго Кня-
,,зя, готоваго простить и жаловать тебя
,,изъ уваженія къ нашему ходатайству, если
,,обратишься къ раскаянію. Когда же въ
,,безумной гордости посмѣешься надъ клят-
,,вами, то не мы, но самъ возложишь на
,,себя тягость духовную: будешь чуждъ
,,Богу, Церкви, Вѣрѣ, и проклятъ навѣки
,,со всѣми своими единомышленниками и
,,клевретами." — Сіе посланіе не могло тронуть души, ожесточенной злобою. Прошло два года безъ кровопролитія, съ одной стороны въ убѣжденіяхъ миролюбія, съ другой въ тайныхъ и явныхъ козняхъ. Наконецъ Димитрій рѣшился воевать. Онъ хотѣлъ нечаянно взять Кострому; но Князь Стрига и мужественный Ѳеодоръ Басенокъ отразили приступъ. Узнавъ о томъ, Василій собралъ и полки и Епископовъ, свидѣтелей клятвы Шемякиной, чтобы побѣдить или устыдить его. Самъ Митрополитъ провождалъ войско къ Галичу. Какъ усердный Пастырь душъ, онъ еще старался обезоружить враговъ: успѣлъ въ томъ, но не на-долго. Шемяка не переставалъ коварствовать и замышлять месть. Тогда — видя, что одинъ гробъ можетъ примирить ихъ — Василій уже хотѣлъ дѣйствовать рѣшительно; призвалъ многихъ Князей, Воеводъ изъ другихъ городовъ, и составилъ

г. 1449 — 1450. ополченіе сильное. Шемяка, думая сперва уклониться отъ битвы, пошелъ къ Вологдѣ; но, вдругъ перемѣнивъ мысли, расположился станомъ близъ Галича: укрѣплялъ городъ, ободрялъ жителей, и всего болѣе надѣялся на свои пушки. Василій, лишенный зрѣнія, не могъ самъ начальствовать въ битвѣ: Князь Оболенскій предводительствовалъ Московскими полками и союзными Татарами. Оставивъ Государя за собою, подъ щитомъ вѣрной стражи, они стройно и бодро приближались къ Галичу. Шемяка стоялъ на крутой горѣ, за глубокими оврагами; приступъ былъ труденъ. То и другое войско готовилось къ жестокому кровопролитію съ равнымъ мужествомъ: Москвитяне пылали ревностію сокрушить врага ненавистнаго, гнуснаго злодѣяніемъ и вѣроломствомъ; а Шемяка обѣщалъ своимъ первенство въ Великомъ Княженіи со всѣми богатствами Московскими. Полки Василіевы имѣли превосходство въ силахъ, Димитріевы выгоду мѣста. Князь Оболенскій и Царевичи ожидали засады въ дебряхъ; но Шемяка не подумалъ о томъ, воображая, что Москвитяне выдутъ изъ овраговъ утомленные, разстроенные и легко будутъ смяты его войскомъ свѣжимъ: онъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ, какъ непріятель отъ береговъ озера шелъ медленно по тѣснымъ мѣстамъ. Наконецъ Москвитяне достигли горы и дружно устремились на ея высоту; задніе ряды ихъ

служили твердою опорою для переднихъ, вспроверженныхъ сильнымъ ударомъ полковъ Галицкихъ. Схватка была ужасна: давно Россіяне не губили другъ друга съ такимъ остервененіемъ. Сія битва особенно достопамятна, какъ *послѣднее* кровопролитное дѣйствіе Княжескихъ междоусобій . . . . . Москвитяне одолѣли: истребили почти всю пѣхоту Шемякину, и плѣнили его Бояръ; самъ Князь едва могъ спастися: онъ бѣжалъ въ Новгородъ. Василій, услышавъ о побѣдѣ, благодарилъ Небо съ радостными слезами; далъ Галичанамъ миръ и своихъ Намѣстниковъ; присоединилъ сей Удѣлъ къ Москвѣ и возвратился съ веселіемъ въ столицу (352).

Послѣдняя изъ знаменитыхъ битвъ Княжескаго междоусобія. Г. 1450, Генваря 27.

Новогородцы не усомнились принять Димитрія Шемяку, величаясь достоинствомъ покровителей знаменитаго изгнанника, и надѣясь чрезъ то имѣть болѣе средствъ къ обузданію Василія въ замыслахъ его самовластія; не хотѣли помогать Димитрію, однакожъ не мѣшали ему явно готовиться къ непріятельскимъ дѣйствіямъ противъ Великаго Князя, и собирать воиновъ, съ коими онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ взялъ Устюгъ (353). Шемяка мыслилъ завоевать сѣверный край Московскихъ владѣній, хотѣлъ пріобрѣсти любовь жителей, и для того не касался собственности частныхъ людей, довольствуясь единственно ихъ присягою; но тѣ, которые не соглашались измѣнить Великому Князю, были осуждены на смерть:

Іюня 29.

безчеловѣчный Шемяка навязывалъ имъ камни на шею и топилъ сихъ добродѣтельныхъ гражданъ въ Сухонѣ. Не теряя времени, онъ пошелъ къ Вологдѣ, чтобы открыть себѣ путь въ Галицкую землю; но не могъ завладѣть ни однимъ городомъ и возвратился въ Устюгъ, гдѣ Великій Князь около двухъ лѣтъ оставлялъ его въ покоѣ.

Въ сіе время Татары занимали Василія. Нашествіе Татаръ. Казань уже начала быть опасною для Московскихъ владѣній: въ ней царствовалъ Мамутекъ, сынъ Махметовъ, злодѣйски умертвивъ отца и брата (354): въ 1446 году 700 Татаръ Мамутековой дружины осаждали Устюгъ и взяли окупъ съ города мѣхами, но возвращаясь потонули въ рѣкѣ Ветлугѣ. Отрокъ Великокняжескій, десятилѣтній Іоаннъ Василіевичь, чрезъ два года ходилъ съ полками для отраженія Казанцевъ отъ Муромскихъ и Владимірскихъ предѣловъ. Другія шайки хищниковъ Ординскихъ грабили близъ Ельца и даже въ Московской области: Царевичь Касимъ, вѣрный другъ Василіевъ, разбилъ ихъ въ окрестностяхъ Похры и Битюга. Гораздо болѣе страха и вреда претерпѣла наша столица отъ Царевича Мазовши: отецъ его, Се-
г. 1451. ди-Ахметъ, Ханъ Синей или Ногайской Орды, требовалъ дани отъ Василія, и хотѣлъ принудить его къ тому оружіемъ. Великій Князь шелъ встрѣтить Царевича въ полѣ; но свѣдавъ, что Татары уже близко и весьма многочисленны, возвратился въ столицу, прика-

завъ Князю Звенигородскому не пускать ихъ Г. 1451.
черезъ Оку. Сей малодушный Воевода, объятый страхомъ, бѣжалъ со всѣми полками, и далъ непріятелю путь свободный; а Василій, ввѣривъ защиту Москвы Іонѣ Митрополиту, матери своей Софіи, сыну Юрію и Боярамъ — супругу же съ меньшими дѣтьми отпустивъ въ Угличь — разсудилъ за благо удалиться къ берегамъ Волги, чтобы ждать тамъ Городскихъ Воеводъ съ дружинами [355].

Скоро явились Татары, зажгли посады и Іюля 2.
начали приступъ. Время было сухое, жаркое; вѣтеръ несъ густыя облака дыма прямо на Кремль, гдѣ воины, осыпаемые искрами, пылающими головнями, задыхались и не могли ничего видѣть, до самаго того времени, какъ посады обратились въ пепелъ, огонь угасъ и воздухъ прояснился. Тогда Москвитяне сдѣлали вылазку; бились съ Татарами до ночи и принудили ихъ отступить. Не смотря на усталость, никто не мыслилъ отдыхать въ Кремлѣ: ждали новаго приступа; готовили на стѣнахъ пушки, самострѣлы, пищали. Разсвѣтало; восходитъ солнце, и Москвитяне не видятъ непріятеля: все тихо и спокойно. Посылаютъ лазутчиковъ къ стану Мазовшину: и тамъ нѣтъ никого; стоятъ однѣ телеги, наполненныя желѣзными и мѣдными вещами; поле усѣяно оружіемъ и разбросанными товарами. Непріятель ушелъ ночью, взявъ съ собою единственно легкія повозки, а все тяжелое оставивъ въ добычу

Г. 1451. осажденнымъ: Татары, по сказанію Лѣтописцевъ, услышавъ вдали необыкновенный шумъ, вообразили, что Великій Князь идетъ на нихъ съ сильнымъ войскомъ, и безъ памяти устремились въ бѣгство. Сія вѣсть радостно изумила Москвитянъ. Великая Княгиня Софія отправила гонца къ Василію, который уже перевозился за Волгу, близъ устья Дубны. Онъ спѣшилъ въ столицу, прямо въ храмъ Богоматери, къ ея славной Владимірской иконѣ; съ умиленіемъ славилъ Небо и сію заступницу Москвы; облобызавъ гробъ Чудотворца Петра и принявъ благословеніе отъ Митрополита Іоны, нѣжно обнялъ мать, сына, Бояръ; велѣлъ вести себя на пепелище, утѣшалъ гражданъ, лишенныхъ крова; говорилъ имъ: „Богъ наказалъ васъ за мои грѣхи: „не унывайте. Да исчезнутъ слѣды опустошенія! Новыя жилища да явятся на мѣстѣ „пепла! Буду вашимъ отцемъ; даю вамъ льготу; не пожалѣю казны для бѣдныхъ.“ Народъ, утѣшенный сожалѣніемъ и милостію Государя, *почилъ* (какъ сказано въ лѣтописи) *отъ минувшаго зла*; и гдѣ за день господствовалъ неописанный ужасъ, тамъ представилось зрѣлище веселаго праздника. Василій обѣдалъ съ своимъ семействомъ, Митрополитомъ, людьми знатнѣйшими: граждане, не имѣя домовъ, угощали другъ друга на стогнахъ и на кучахъ обгорѣлаго лѣса.

Видя снова миръ и тишину въ Великомъ Княженіи, Василій не хотѣлъ долѣе терпѣть

Шемякина господства въ Устюгѣ: не мало г. 1452.
времени готовился къ походу; наконецъ выступилъ изъ Москвы: самъ остановился въ Галичѣ, а сына своего, Іоанна, съ Князьями Боровскимъ, Оболенскимъ, Ѳеодоромъ Басенкомъ и съ Царевичемъ Ягупомъ (братомъ Касимовымъ) послалъ разными путями къ берегамъ Сухоны. Шемяка по видимому не ожидалъ сего нападенія: не дерзнулъ противиться, оставилъ въ Устюгѣ Намѣстника, и бѣжалъ далѣе въ сѣверные предѣлы Двины; но и тамъ, гонимый отрядами Великокняжескими, не нашелъ безопасности: бѣгалъ изъ мѣста въ мѣсто, и едва могъ пробраться въ Новгородъ. Воеводы Московскіе не щадили нигдѣ друзей сего Князя: грабили, плѣняли ихъ, и посадивъ Намѣстниковъ Василіевыхъ въ области Устюжской, возвратились къ Государю съ добычею (356). Но еще Шемяка былъ живъ и въ непримиримой злобѣ своей искалъ новыхъ способовъ мести: смерть его казалась нужною для государственной безопасности: ему дали яду, отъ коего онъ скоропостижно г. 1453.
умеръ. Виновникъ дѣла, столь противнаго Смерть Шемяки.
Вѣрѣ и законамъ нравственности, остался неизвѣстнымъ. Новогородцы погребли Шемяку съ честію въ монастырѣ Юрьевскомъ.
Подъячій, именемъ Бѣда, прискакалъ въ Мо- Іюля 23.
скву съ вѣстію о кончинѣ сего жестокаго Василіева недруга и былъ пожалованъ въ Дьяки (357). Великій Князь изъявилъ нескромную радость.

Успѣхи Единовластія Г. 1454.

Какъ бы ободренный смертію опаснаго злодѣя, онъ началъ дѣйствовать гораздо смѣлѣе и рѣшительнѣе въ пользу Единовластія. Іоаннъ Можайскій не хотѣлъ вмѣстѣ съ нимъ итти на Татаръ: Великій Князь объявилъ ему войну, и заставилъ его бѣжать со всѣмъ семействомъ въ Литву, куда ушелъ изъ Новагорода и сынъ Шемякинъ (358). Жители Можайска требовали милосердія. ,,Даю ,,вамъ миръ вѣчный,'' сказалъ Великій Князь: ,,отнынѣ навсегда вы мои подданные.'' Намѣстники Василіевы остались тамъ управлять народомъ.

Усмиреніе Новагорода.

Новогородцы давали убѣжище непріятелямъ Темнаго, говоря, что Святая Софія никогда не отвергала несчастныхъ изгнанниковъ. Кромѣ Шемяки, они приняли къ себѣ одного изъ Князей Суздальскихъ, Василія *Гребенку*, не хотѣвшаго зависѣть отъ Москвы. Великій Князь имѣлъ и другія причины къ неудовольствію (359): Новогородцы уклонялись отъ его суда, утаивали Княжескія пошлины и называли приговоры Вѣча вышшимъ законодательствомъ, не слушаясь Московскихъ Намѣстниковъ и слѣдуя правилу, что уступчивость благоразумна единственно въ случаѣ крайности. Сей случай представился. Они знали, что Василій готовится къ походу; слышали угрозы; получили наконецъ *разметныя грамоты* въ знакъ объявленія войны — и все еще думали быть непреклонными. Великій Князь, провожда-

емый Дворомъ, прибылъ въ Волокъ, куда, не г. 1456.
смотря на жестокую зиму, полки шли за полками, такъ, что въ нѣсколько дней составилась рать знаменитая, предводительствуемая многими Князьями и лучшими Воеводами. Тутъ Новогородцы встревожились, и Посадникъ ихъ явился съ челобитьемъ въ Великокняжескомъ станѣ: Василій не хотѣлъ слушать. Князь Оболенскій-Стрига и славный Θеодоръ Басенокъ, Герой сего времени, были посланы къ Русѣ, городу торговому, богатому, гдѣ никто не ожидалъ нападенія непріятельскаго: Москвитяне взяли ее безъ кровопролитія и нашли въ ней столько богатства, что сами удивились. Войску надлежало немедленно возвратиться къ Великому Князю: оно шло съ плѣнниками; за нимъ везли добычу. Воеводы остались назади, имѣя при себѣ не болѣе двухъ сотъ Боярскихъ Дѣтей и ратниковъ: вдругъ показалось 5000 конныхъ Новогородцевъ, предводимыхъ Княземъ Суздальскимъ. Москвитяне дрогнули; но Стрига и Θеодоръ Басенокъ сказали дружинѣ, что Великій Князь ждетъ побѣдителей, а не бѣглецовъ; что гнѣвъ его страшнѣе толпы измѣнниковъ и малодушныхъ; что надобно умереть за правду и за Государя. Новогородцы хотѣли растоптать непріятеля: глубокій снѣгъ и плетень остановили ихъ. Видя, что они съ головы до ногъ покрыты желѣзными доспѣхами, Воеводы Московскіе велѣли стрѣлять не по

г. 1456. людямъ; а по лошадямъ, которыя начали бѣситься отъ ранъ и свергать всадниковъ. Новогородцы падали на землю, и вооруженные длинными копьями, не умѣли владѣть ими; передніе смѣшались: задніе обратили тылъ, и Москвитяне, убивъ нѣсколько человѣкъ, привели къ Василію знатнѣйшаго Новогородскаго Посадника, именемъ Михаила Тучу, взятаго ими въ плѣнъ на мѣстѣ сей битвы (360).

Извѣстіе о томъ привело Новгородъ въ страхъ несказанный. Ударили въ Вѣчевый колоколъ; народъ бѣжалъ на Дворъ Ярославовъ; чиновники совѣтовались между собою, и не знали, что дѣлать; шумъ и вопль не умолкалъ съ утра до вечера. Гражданъ было много, но мало воиновъ смѣлыхъ; не надѣялись другъ на друга; рѣдкіе надѣялись и на собственную храбрость; кричали, что не время воинствовать, и лучше вступить въ переговоры. Отправили Архіепископа Евфимія, трехъ Посадниковъ, двухъ Тысячскихъ и 5 Выборныхъ отъ людей Житыхъ; велѣли имъ не жалѣть ласковыхъ словъ и самыхъ денегъ въ случаѣ необходимости. Сіе посольство имѣло желаемое дѣйствіе. Архіепископъ нашелъ Василія въ Яжелбицахъ; обходилъ всѣхъ Князей и Бояръ, склоняя ихъ быть миротворцами; молилъ самого Великаго Князя не губить народа легкомысленнаго, но полезнаго для Россіи своимъ купечествомъ, и готоваго загладить впредь вину свою ис-

крепнею вѣрностію. Обѣщанія не могли удовлетворить Василію: онъ требовалъ серебра и разныхъ выгодъ. Новогородцы дали Великому Князю 8500 рублей и договорною грамотою обязались платить ему черную или народную дань, виры или судныя пени; отмѣнили такъ называемыя *Вѣчевыя грамоты*, коими народъ стѣснялъ власть Государеву; клялися не принимать къ себѣ Іоанна Можайскаго, ни сына Шемякина, ни матери, ни зятя его, и никого изъ лиходѣевъ Василіевыхъ; отступились отъ земель, купленныхъ ихъ согражданами въ областяхъ Ростовской и Бѣлозерской; обѣщали употреблять въ государственныхъ дѣлахъ одну печать Великокняжескую, и проч.; а Василій въ знакъ милости уступилъ имъ Торжекъ (361). Въ семъ мирѣ участвовали и Псковитяне, которые, забывъ долговременную злобу Новогородцевъ, давали имъ тогда помощь и находились въ раздорѣ съ Василіемъ. Такимъ образомъ Великій Князь, смиривъ Новгородъ, предоставилъ сыну своему довершить легкое покореніе онаго. г. 1456.

Въ то время умеръ въ Монашествѣ Князь Рязанскій Іоаннъ Ѳеодоровичь, внукъ славнаго Олега, поручивъ осьмилѣтняго сына, именемъ Василія, и дочь Ѳеодосію Великому Князю. Сія довѣренность была весьма опасна для независимости Рязанскаго Княженія: Василій Темный, желая будто бы лучше воспитать дѣтей Іоанновыхъ, взялъ ихъ къ

Рязанскій Князь воспитывается въ Москвѣ.

г. 1456. себѣ въ Москву, но пославъ собственныхъ Намѣстниковъ управлять Рязанью, властвовалъ тамъ какъ истинный Государь [362].

Неблагодарность Василіева. Властолюбіе его, кажется, болѣе и болѣе возрастало, заглушая въ немъ святѣйшія нравственныя чувства. Внукъ славнаго Владиміра *Храбраго*, Василій Ярославичь Боровскій, шуринъ, вѣрный сподвижникъ Темнаго, жертвовалъ ему своимъ владѣніемъ, отечествомъ; гнушаясь злодѣйствомъ Шемяки, не хотѣлъ имѣть съ нимъ никакихъ сношеній; осудилъ себя на горькую участь изгнанника, искалъ убѣжища въ землѣ чуждой, и непрестанно мыслилъ о средствахъ возвратить несчастному слѣпцу свободу съ престоломъ. Какая вина могла изгладить память такой добродѣтельной заслуги? И вѣроятно ли, чтобы Ярославичь, усердный другъ Василія, сверженнаго съ престола, заключеннаго въ темницѣ, измѣнилъ ему въ счастіи, когда сей Государь уже не имѣлъ совмѣстниковъ и властвовалъ въ мирномъ величіи? Доселѣ Князь Боровскій не изъявлялъ излишняго честолюбія, довольный наслѣдственнымъ Удѣломъ и частію Московскихъ пошлинъ; охотно уступилъ Василію области дѣда своего, Угличь, Городецъ, Козельскъ, Алексинъ, взявъ за то Бѣжецкій Верхъ съ Звенигородомъ, и новыми грамотами обязался признавать его сыновей наслѣдниками Великаго Княженія [363]. Вѣроятнѣе, что Василій, желая сдѣлаться единовластнымъ, искалъ

предлога снять съ себя личину благодарности, тягостной для малодушныхъ: клеветники могли услужить тѣмъ Государю, расположенному быть легковѣрнымъ — и Великій Князь, безъ всякихъ околичностей взявъ шурина подъ стражу, сослалъ его въ Угличь. Удѣлъ сего мнимаго преступника былъ объявленъ Великокняжескимъ достояніемъ; а сынъ Ярославича, Іоаннъ, ушелъ съ мачихою въ Литву, и вмѣстѣ съ другимъ изгнанникомъ, Іоанномъ Андреевичемъ Можайскимъ, вымышлялъ средства отмстить ихъ гонителю. Они заключили тѣсный союзъ между собою, написавъ слѣдующую грамоту: „Ты, „Князь Иванъ Андреевичь, будешь мнѣ старшимъ братомъ. Великій Князь вѣроломно „изгналъ тебя изъ наслѣдственной области, „а моего отца безвинно держитъ въ неволѣ. „Пойдемъ искать управы: ты владѣнія, я „родителя и владѣнія. Будемъ однимъ человѣкомъ. Безъ меня не принимай никакихъ „условій отъ Василія. Если онъ уморитъ „отца моего въ темницѣ, клянися мстить; „если освободитъ его, но съ тобою не „примирится, клянуся помогать тебѣ. „Если Богъ даруетъ намъ счастіе побѣдить „или выгнать Василія, будь Великимъ Княземъ: возврати моему отцу города его, „а мнѣ дай Дмитровъ и Суздаль. Не вѣрь „клеветникамъ и не осуждай меня по злословію; что услышишь, скажи мнѣ и не „сомнѣвайся въ истинѣ моихъ крестныхъ

г. 1456. Іюля 10.

*

г. 1456. „оправданій. Что завоюемъ вмѣстѣ, городовъ или казны, изъ того мнѣ треть; а „буде по грѣхамъ не сдѣлаемъ своего добраго „дѣла, то останемся и въ изгнаніи неразлучными: въ какой землѣ найдешь себѣ мѣсто, „тамъ и я съ тобою", и проч. (364). Сбылося только послѣднее ихъ чаяніе: они долженствовали умереть изгнанниками. Враги Государя Московскаго имѣли убѣжище въ Литвѣ, но не находили тамъ ни сподвижниковъ, ни денегъ. Казимиръ отправлялъ дружелюбныя Посольства къ Василію, думая единственно о безопасности своихъ Россійскихъ владѣній. — Напрасно также вѣрные слуги Ярославича, съ горестію видя нѣсколько лѣтъ заточеніе своего Князя, мыслили освободить его: взаимно обязались въ томъ клятвою, условились тайно ѣхать въ Угличь, вывести Князя изъ темницы, и бѣжать съ нимъ за границу. Умыселъ открылся. Сіи люди исполняли долгъ усердія къ законному ихъ Властителю, несправедливо утѣсненному; но Великій Князь наказалъ ихъ какъ злодѣевъ, и притомъ съ жестокостію необыкновенною: велѣлъ нѣкоторымъ отсѣчь руки и голову, другимъ отрѣзать носъ, иныхъ *бить кнутомъ* (365). Они погибли безъ стыда, съ совѣстію чистою. Народъ жалѣлъ объ нихъ.

Присвоивъ себѣ Удѣлъ Галицкій, Можайскій и Боровскій, Василій оставилъ только Михаила Верейскаго Княземъ Владѣ-

тельнымъ; другихъ не было: внуки Кирдяпины, нѣсколько лѣтъ правивъ древнею Суздальскою областію въ качествѣ Московскихъ присяжниковъ, волею или неволею выѣхали оттуда (366). Уже всѣ доходы Московскіе шли въ казну Великаго Князя; всѣ города управлялись его Намѣстниками. Одна Вятка, бывъ частію Галицкой области, не хотѣла повиноваться Василію: жители ея, какъ мы видѣли, помогали Юрію, Шемякѣ, Косому, и за нѣсколько лѣтъ до того времени сами собою выжгли Устюжскую крѣпость Гледенъ. Князь Ряполовскій, посланный смирить Вятчанъ, долго стоялъ у Хлынова и возвратился безъ успѣха: ибо они задобрили Воеводъ Московскихъ дарами. Въ слѣдующій годъ пошло туда новое сильное войско съ Великокняжескою дружиною, со многими Князьями, Боярами, Дѣтьми Боярскими; присоединивъ къ себѣ Устюжанъ, взяло городки Котельничь, Орловъ, и покорило Вятчанъ Государю Московскому. Однакожъ духъ вольности не могъ вдругъ исчезнуть въ сей народной державѣ, основанной на законахъ Новогородскихъ. Василій удовольствовался данію и правомъ располагать ея воинскими силами (367).

Г. 1458 — 1459. Покореніе Вятки.

Любя умножать власть свою, онъ еще не дерзалъ коснуться Твери, гдѣ Князь Борисъ Александровичь, сватъ его, скончался независимымъ (въ 1461 году), оставивъ престолъ сыну, именемъ Михаилу (368). — Василій не

Г. 1458 — 1459. тѣснилъ болѣе и Новогородцевъ, и дружелюбно гостилъ у нихъ (въ 1460 году) около двухъ мѣсяцевъ, изъявляя милость къ нимъ и Псковитянамъ, которые прислали ему въ даръ 50 рублей, жаловались на Нѣмцевъ и

Дѣла Псковскія. требовали, чтобы онъ позволилъ Князю Александру Черторижскому остаться у нихъ Намѣстникомъ. Василій согласился; но Черторижскій самъ не захотѣлъ того и немедленно уѣхалъ въ Литву. Псковитяне желали имѣть у себя Василіева сына, Юрія: отпущенный родителемъ изъ Новагорода, сей юноша былъ встрѣченъ ими съ искреннею радостію и возведенъ на престолъ въ храмѣ Троицы; ему вручили славный мечь Довмонта: Юрій взялъ его и клялся оградить имъ безопасность знаменитаго Ольгина отечества. Надлежало отмстить Ливонскимъ Нѣмцамъ, которые, утвердивъ миръ съ Россіянами на 25 лѣтъ, сожгли ихъ церковь на границѣ. Но дѣло обошлось безъ войны; Орденъ требовалъ перемирія, заключеннаго потомъ съ *согласія Великокняжескаго* на пять лѣтъ въ Новѣгородѣ, куда пріѣзжали для того Послы Архіепископа Рижскаго и Дерптскіе; а Князь Юрій въ слѣдъ за родителемъ возвратился въ Москву, получивъ въ даръ отъ Псковитянъ 100 рублей и вмѣсто себя оставивъ у нихъ Намѣстникомъ Іоанна Оболенскаго Стригу (369).

Набѣги Татаръ. Нѣтъ сомнѣнія, что Василій въ послѣдніе годы жизни своей или совсѣмъ не платилъ

дани Моголамъ, или худо удовлетворялъ ихъ корыстолюбію: ибо они, не смотря на собственныя внутреннія междоусобія, часто тревожили Россію, и приходили не шайками, но цѣлыми полками. Два раза войско Седи-Ахметовой Орды вступало въ наши предѣлы: Воевода Московскій, Князь Иванъ Юрьевичь, побѣдилъ Татаръ на сей сторонѣ Оки, ниже Коломны (370); а сынъ Великаго Князя, Іоаннъ, мужественно отразилъ ихъ отъ береговъ ея: послѣ чего Ахматъ, Ханъ Большой Орды, сынъ Кичимовъ, осаждалъ Переславль Рязанскій, но съ великою потерею и стыдомъ удалился, виня главнаго Полководца своего, Казата Улана, въ тайномъ доброхотствѣ къ Россіянамъ. — Царь Казанскій также былъ непріятелемъ Москвитянъ: Великій Князь хотѣлъ самъ итти на Казань; но встрѣченный его Послами въ Владимірѣ, заключилъ съ ними миръ. г. 1455 — 1461.

Василій еще не достигъ старости: несчастія и душевныя огорченія, имъ претерпѣнныя, изнурили въ немъ тѣлесныя силы. Онъ явно изнемогалъ, худѣлъ, и думая, что у него сухотка, прибѣгнулъ къ мнимому цѣлебному средству, тогда обыкновенно употребляемому въ оной: жегъ себѣ тѣло горящимъ трутомъ; сдѣлались раны, начали гнить, и больной, видя опасность, хотѣлъ умереть Монахомъ: ему отговорили (371). Василій написалъ духовную: утвердилъ Великое Княженіе за старшимъ сыномъ, Іоанномъ, вмѣстѣ съ

Кончина и свойства Василіевы.

г. 1455 — 1461. третію Московскихъ доходовъ (другія же двѣ отказалъ меньшимъ сыновьямъ); Юрію отдалъ Дмитровъ, Можайскъ, Серпуховъ и все имѣніе матери своей, Софіи (которая преставилась Инокинею въ 1453 году); третіему сыну, Андрею большому, Угличь, Бѣжецкій Верхъ, Звенигородъ; четвертому, именемъ Борису, Волокъ Ламскій, Ржевъ, Рузу и села прабабы его, Маріи Голтяевой, по ея завѣщанію; Андрею меньшему Вологду, Кубену и Заозерье; а матери ихъ Ростовъ (съ условіемъ не касаться собственности тамошнихъ Князей), городокъ Романовъ, казну свою, всѣ Удѣльныя волости, которыя бывали прежде за Великими Княгинями, и всѣ, имъ купленныя или отнятыя у знатныхъ измѣнниковъ (что составляло великое богатство); сверхъ того клятвою обязалъ сыновей слушаться родительницы не только въ дѣлахъ семейственныхъ, но и въ государственныхъ (372). Такимъ образомъ онъ снова возстановилъ Удѣлы, довольный тѣмъ, что Государство Московское (за исключеніемъ Вереи) остается подвластнымъ одному Дому его, и не заботясь о дальнѣйшихъ слѣдствіяхъ: ибо думалъ болѣе о временной пользѣ своихъ дѣтей, нежели о вѣчномъ государственномъ благѣ; отнималъ города у другихъ Князей только для выгодъ собственнаго личнаго властолюбія; слѣдовалъ древнему обыкновенію, не имѣвъ твердости быть навѣки основателемъ новой, лучшей системы правленія, или Единовластія. Всего

страннѣе то, что Василій въ духовномъ завѣщаніи *приказываетъ* супругу и дѣтей своихъ Королю Польскому, Казимиру, называя его братомъ. Оно подписано Митрополитомъ Ѳеодосіемъ, который за годъ до того времени былъ поставленъ нашими Святителями изъ Архіепископовъ Ростовскихъ на мѣсто скончавшагося Іоны. — Василій преставился на сорокъ-седьмомъ году жизни, хотя несправедливо именуемый первымъ Самодержцемъ Россійскимъ со временъ Владиміра Мономаха [373], однакожъ дѣйствительно приготовивъ многое для успѣховъ своего преемника: началъ худо; не умѣлъ повелѣвать, какъ отецъ и дѣдъ его; терялъ честь и Державу, но оставилъ Государство Московское сильнѣйшимъ прежняго: ибо рука Божія, какъ бы вопреки малодушному Князю, явно влекла оное къ величію, благословивъ доброе начало Калиты и Донскаго. Г. 1462, Марта 17.

Жестокость тогдашнихъ нравовъ.

Кромѣ междоусобія, государствованіе Темнаго ознаменовалось разными злодѣйствами, доказывающими свирѣпость тогдашнихъ нравовъ. Два Князя ослѣплены, два Князя отравлены ядомъ [374]. Не только чернь въ остервененіи своемъ безъ всякаго суда топила и жгла людей, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ; не только Россіяне гнуснымъ образомъ терзали военноплѣнныхъ: даже законныя казни изъявляли жестокость варварскую. Іоаннъ Можайскій, осудивъ на смерть Боярина, Андрея Дмитріевича, всенародно сжегъ его на ко-

Г. 1462. сшрѣ вмѣсшѣ съ женою за мнимое волшебство. Москва въ первый разъ увидѣла шакъ называемую шорговую казнь, неизвѣсшную нашимъ благороднымъ предкамъ: самыхъ имениппыхъ людей, обвиняемыхъ въ государсшвенныхъ пресшупленіяхъ, начали всенародно *бить кнутомъ*. Сіе унизишельное для человѣчесшва обыкновеніе заимсшвовали мы ошъ Моголовъ.

Суевѣріе. Суевѣріе и нелѣпыя понятія о случаяхъ есшесшвенныхъ господсшвовали въ умахъ, и лѣшописи сего времени наполнены извѣсшіями о чудесныхъ явленіяхъ: шо небо пылало въ огняхъ разноцвѣшныхъ, шо вода обращалась въ кровь; образа слезили; звѣри перемѣняли свой видъ обыкновенный. Въ 1446 году, Генваря 3, по баснословному сказанію Новогородскаго Лѣшописца, шелъ сильный дождь, и сыпались изъ шучи на землю рожь, пшеница, ячмень, шакъ, чшо все просшрансшво между рѣкою Мсшою и Волховцемъ, версшъ на пяшнадцашь, покрылось хлѣбомъ, собраннымъ кресшьянами и принесеннымъ въ Новгородъ, къ радосшному изумленію его жишелей, угнешаемыхъ дороговизною въ съѣсшныхъ припасахъ (375).

Перемѣна монеты въ Новѣгородѣ. Сей же Лѣшописецъ, изображая шогдашнія несгодья своей ошчизны, причисляешъ къ онымъ и перемѣну въ деньгахъ. Посадникъ, Тысячскій и знашные граждане, избравъ пяшь масшеровъ, велѣли имъ перелишь сшарую серебряную монешу и вычишашь за шрудъ по деньгѣ съ двухъ гривенъ; а скоро ошмѣ-

нили и старые рубли, или куски серебра, Г. 1462.
къ великому огорченію народа, который долго волновался и кричалъ, что Правительство, подкупленное монетчиками, старается единственно дать имъ работу, не думая объ его убыткѣ. Нѣсколько человѣкъ, оговоренныхъ въ дѣланіи подложной монеты, утопили въ Волховѣ; другихъ ограбили (376).

Мы описали святые подвиги Стефана Пермскаго, который водворилъ Христіанство на берегахъ сѣверной Камы: преемниками его въ Епископствѣ сей еще мало-извѣстной страны были Исаакій и Питиримъ, ревностные наставники и благотворители тамошнихъ обитателей. Дикіе народы сосѣдственные, омраченные тьмою идолопоклонства, возненавидѣли новыхъ Христіанъ Пермскихъ и тревожили ихъ своими набѣгами: такъ Князь Вогуличей, именемъ Асыка, съ сыномъ Юмшаномъ приходилъ (въ 1455 году) воевать берега Вычегды, и вмѣстѣ съ другими плѣнниками захвативъ самого Епископа Питирима, злодѣйски умертвилъ сего добродѣтельнаго Святителя (377). — Здѣсь въ первый разъ упоминается о Вогуличахъ въ дѣяніяхъ нашей Исторіи. Дѣла Церковныя.

Въ сіе время былъ основанъ знаменитый монастырь Соловецкій, на дикомъ островѣ Бѣлаго моря, среди лѣсовъ и болотъ. Еще въ 1429 году благочестивый Инокъ Савватій водрузилъ тамъ крестъ и поставилъ уединенную келлію; а Св. Зосима, чрезъ нѣ-

г. 1462. сколько лѣтъ, создалъ церковь Преображенія, устроилъ Общежительство и выходилъ въ Новѣгородѣ жалованную грамоту на весь островъ, данную ему отъ Архіепископа Іоны и тамошняго Правительства за осмью свинцовыми печатями (378). Какъ въ иныхъ земляхъ алчная любовь къ корысти, такъ у насъ Христіанская любовь къ тихой, безмолвной жизни расширяла предѣлы обитаемые, знаменуя крестомъ ужасныя дотолѣ пустыни, неприступныя для страстей человѣческихъ.

Россіяне при Василіи Темномъ были поражены несчастіемъ Греціи какъ ихъ собственнымъ. Народъ, именуемый въ Восточныхъ лѣтописяхъ Гоцами, въ Византійскихъ Огузами или Узами, единоплеменный съ Торками, которые долго скитались въ степяхъ Астраханскихъ, служили Владиміру Святому, обитали послѣ близъ Кіева, и до самаго нашествія Татаръ составляли часть Россійскаго коннаго войска (379) — сей народъ мужественный, способствовавъ въ Азіи основанію и гибели разныхъ Державъ (Гасневидской, Сельчукской, Харазской) наконецъ подъ именемъ *Турковъ Османскихъ* основалъ сильнѣйшую Монархію, ужасную для трехъ частей міра, и еще донынѣ знаменитую. Османъ или Отоманъ, Эмиръ Султана Иконійскаго, воспользовался паденіемъ его Державы, разрушенной Моголами: сдѣлался независимымъ; захватилъ около 1292 года нѣкоторыя мѣста въ Виѳиніи,

въ Пафлагоніи, въ Архипелагѣ, и далъ наслѣдникамъ своимъ примѣръ счастливаго властолюбія, коимъ они столь удачно воспользовались, что въ концѣ XIV вѣка уже господствовали надъ всею Малою Азіею и Ѳракіею, обложивъ данію Константинополь. Тамерланъ и междоусобіе сыновей Баязетовыхъ могли только на время удержать быстрое стремленіе Османскихъ завоеваній: оно возобновилось при Амуратѣ, и наконецъ при Магометѣ II увѣнчалось паденіемъ Византіи, которое не было внезапностію: Европа долго ожидала его съ безпокойствомъ; но побѣды, одержанныя Турками надъ Королями Венгерскими, Сигизмундомъ и Владиславомъ, вселяли ужасъ въ Государей Европейскихъ, нечувствительныхъ къ воплю Грековъ, надъ коими восходила туча разрушенія. Самые Греки — когда Магометъ явно готовился осадить ихъ столицу, распоряжалъ полки, строилъ крѣпости на берегахъ Воспора — въ безумномъ отчаяніи проклинали другъ друга за Богословскія мнѣнія! Славный Кардиналъ Исидоръ, бывшій Митрополитъ Россійскій, находился тогда въ стѣнахъ Византіи и предлагалъ Царю Константину именемъ Папы сильное вспоможеніе, съ условіемъ, чтобы Духовенство Греческое утвердило постановленіе Флорентійскаго Собора. Царь, Вельможи, Іерархи, согласились: народъ не хотѣлъ о томъ слышать; ревностные Иноки, Монахини, восклицали на стогнахъ: „Горе Латинской Г. 1462.

г. 1462. „ереси! образъ Богоматери спасетъ насъ" (380)! . . Но знамя Султанское уже развѣвалось предъ вратами Св. Романа. Магометъ съ двумя стами тысячами воиновъ и съ тремя стами судовъ приступилъ къ Царюграду, гдѣ считалось 100,000 жителей, а вооружилось только пять тысячь, гражданъ и Монаховъ, для его защиты: другіе единственно плакали, молились въ церквахъ и звонили въ колокола, чтобы менѣе трепетать отъ грома Магометовыхъ пушекъ! Сія горсть людей, усиленная двумя тысячами иноземцевъ подъ начальствомъ храбраго Генуэзскаго Витязя Джустиніани, представляла все могущество Восточной Имперіи! Греки ожидали чуда для ихъ спасенія; но случилось, чему необходимо надлежало случиться: Магометъ, разрушивъ стѣны, по трупамъ Янычаровъ вошелъ въ городъ, и славная смерть великодушнаго Царя Константина достойно заключила бытіе Имперіи: онъ палъ среди непріятелей, сказавъ: „для чего не могу умереть отъ руки Христіанина?" . . . Вѣроятно, что нѣкоторые изъ нашихъ единоземцевъ были очевидными тому свидѣтелями: по крайней мѣрѣ Лѣтописецъ Московскій разсказываетъ весьма подробно о всѣхъ обстоятельствахъ осады и взятія Константинопольскаго, съ ужасомъ прибавляя, что храмъ Святыя Софіи, гдѣ Послы Владиміровы въ десятомъ вѣкѣ плѣнились величіемъ и красотою истиннаго богослуженія, обратился въ

Взятіе Константинополя Турками.

мечеть Лжепророка. Греція была для насъ как бы вторымъ отечествомъ: Россіяне всегда съ благодарностію воспоминали, что она сообщила имъ и Христіанство, и первыя художества, и многія пріятности общежитія. Въ Москвѣ говорили о Царѣградѣ такъ, какъ въ новѣйшей Европѣ со временъ Людовика XIV говорили о Парижѣ: не было инаго образца для великолѣпія церковнаго и мірскаго, для вкуса, для понятія о вещахъ. Однакожъ, соболѣзнуя о Грекахъ, Лѣтописцы наши безпристрастно судятъ ихъ и Турковъ, изъясняясь слѣдующимъ образомъ: „Царство безъ грозы есть конь безъ узды. „Константинъ и предки его давали Вельможамъ утѣснять народъ; не было въ судахъ „правды, ни въ сердцахъ мужества; судіи „богатѣли отъ слезъ и крови невинныхъ, „а полки Греческіе величались только цвѣтною одеждою; гражданинъ не стыдился „вѣроломства, а воинъ бѣгства, и Господь „казнилъ Властителей недостойныхъ, умудривъ Царя Магомета, коего воины играютъ смертію въ бояхъ и судіи не дерзаютъ „измѣнять совѣсти. Уже не осталось теперь ни единаго Царства православнаго, „кромѣ Русскаго. Такъ исполнилось предсказаніе Св. Меѳодія и Льва Мудраго, что „Измаильтяне овладѣютъ Византіею; исполнится, можетъ быть, и другое, что „Россіяне побѣдятъ Измаильтянъ и на седьми холмахъ ея воцарятся“ (331). О семъ Г. 1462.

Г. 1462. древнемъ пророчествѣ мы упоминали въ Исторіи Ярослава Великаго: оно служило иногда утѣшеніемъ для Россіянъ. Другіе народы Европейскіе, не имѣя тѣсныхъ связей съ Греціею, оставались почти равнодушными къ ея бѣдствію; а Папа, Николай V, хвалился, что онъ предсказалъ ей гибель за нарушеніе Флорентійскаго договора Хотя Кардиналъ Исидоръ, плѣненный въ Царѣградѣ Турками, но ушедшій изъ неволи, по возвращеніи въ Италію писалъ ко всѣмъ Государямъ Западнымъ, что они должны возстать на Магомета, *предтечу Антихристова и чадо Сатаны*: однакожъ сіе краснорѣчивое посланіе (внесенное въ лѣтописи Латинской Церкви) осталось безъ дѣйствія (382). Награжденный за свое усердіе и страданіе милостію Папы, Исидоръ умеръ въ Римѣ съ именемъ Константинопольскаго Патріарха, и былъ погребенъ въ церкви Св. Петра, до конца жизни сѣтовавъ о паденіи Греческой Имперіи, любезнаго ему отечества, коего спасенію хотѣлъ онъ пожертвовать чистою Вѣрою своихъ предковъ.

Впрочемъ Россіяне, жалѣя о Греціи, ни мало не думали, чтобы могущество новой Турецкой Имперіи было и для нихъ опасно. Тогдашняя Политика наша не славилась прозорливостію, и за ближайшими опасностями не видала отдаленныхъ: Улусы и Литва ограничивали кругъ ея дѣятельности; Ливонскіе Нѣмцы и Шведы занимали един-

спвенно Новогородцевъ и Псковитянъ; все прочее составляло для насъ міръ чуждый, предметъ одного любопытства, а не государственнаго вниманія. Г. 1462.

Начало Крымской Орды.

Съ Василіева времени сдѣлалась извѣстною *Крымская Орда*, составленная Эдигеемъ изъ Улусовъ Черноморскихъ. Повѣствуютъ, что сей знаменитый Князь, готовясь умереть, заклиналъ многочисленныхъ сыновей своихъ не дѣлиться: но они раздѣлились и всѣ погибли въ междоусобіи (333). Тогда Моголы Черноморскіе избрали себѣ въ Ханы осьмнадцати лѣтняго юношу, одного изъ потомковъ Чингисовыхъ (какъ увѣряютъ), именемъ Ази, спасеннаго отъ смерти и воспитаннаго какимъ-то земледѣльцемъ въ тишинѣ сельской. Сей юноша, изъ благодарности къ своему благотворителю принявъ *его* имя, назвался Ази-*Гирей*: въ память чего и всѣ Ханы Крымскіе до самыхъ позднѣйшихъ временъ назывались *Гиреями*. Другіе же Историки пишутъ, что Ази-Гирей, сынъ или внукъ Тохтамышевъ, родился въ Литовскомъ городѣ Трокахъ, и что Витовтъ доставилъ ему господство въ Тавридѣ (334); по крайней мѣрѣ сей Ханъ былъ всегда усерднымъ другомъ Литвы и не тревожилъ ея владѣній, которыя простирались до самаго устья рѣкъ Днѣпра и Днѣстра, такъ, что города Кременчугъ, Мишуринъ, Очаковъ, ей принадлежали (335). Покоривъ многіе Улусы въ окрестностяхъ Чернаго моря, Ази-Гирей

основалъ новую независимую Орду Крымскую, обложилъ данію города Генуэзскіе въ Тавридѣ, имѣлъ сношеніе съ Папою, и желая наказать Татаръ Волжскихъ за частыя ихъ впаденія въ области Казимировы, разбилъ врага нашего, Хана Седи-Ахмета, который, спасаясь отъ него бѣгствомъ, искалъ пристанища въ Литвѣ и былъ тамъ заключенъ въ темницу: „дѣло весьма несогласное съ „государственнымъ благоразуміемъ", пишетъ Историкъ Польскій (386): „способствуя „уничиженію Волжской Орды, мы готовили „себѣ опасныхъ непріятелей въ Россіянахъ, „дотолѣ слабыхъ подъ ея игомъ." — Сіе новое гнѣздо хищниковъ, славныхъ подъ именемъ Татаръ Крымскихъ, до самыхъ позднѣйшихъ временъ безпокоило наше отечество.

ГЛАВА IV.

СОСТОЯНІЕ РОССІИ отъ нашествія Татаръ до ІОАННА III.

Сравненіе Россіи съ другими Державами. Слѣдствіе нашего ига. Введеніе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній. Благое дѣйствіе Вѣры. Измѣненіе гражданскаго порядка. Начало Самодержавія. Медленные успѣхи Единодержавія. Постепенная знаменитость Москвы. Зло имѣетъ и добрыя слѣдствія. Выгоды Духовенства: характеръ нашего. Мы не приняли обычаевъ Татарскихъ. Правосудіе. Искусство ратное. Происхожденіе Козаковъ. Купечество. Изобрѣтенія. Художества. Словесность. Пословицы. Пѣсни. Языкъ.

Наконецъ мы видимъ предъ собою цѣль долговременныхъ усилій Москвы: сверженіе ига, свободу отечества. Предложимъ Читателю нѣкоторыя мысли о тогдашнемъ состояніи Россіи, слѣдствіи ея двувѣковаго порабощенія.

Было время, когда она, рожденная, возвеличенная Единовластіемъ, не уступала въ силѣ и въ гражданскомъ образованіи первѣйшимъ Европейскимъ Державамъ, основаннымъ на развалинахъ Западной Имперіи народами Германскими; имѣя тотъ же характеръ, тѣ же законы, обычаи, уставы государственные, сообщенные намъ Варяжскими или Нѣмецкими Князьями, явилась въ новой политической системѣ Европы съ существенными права- Сравненіе Россіи съ другими Державами.

*

ми на знаменитость и съ важною выгодою быть подъ влiянiемъ Грецiи, единственной Державы, не испровергенной варварами. Правленiе Ярослава Великаго есть безъ сомнѣнiя сiе счастливое для Россiи время: утвержденная и въ Христiанствѣ и въ порядкѣ государственномъ, она имѣла наставниковъ совѣсти, училища, законы, торговлю, многочисленное войско, флотъ, Единодержавiе и свободу гражданскую. Что въ началѣ XI вѣка была Европа? ѳеатромъ Помѣстнаго (Феодальнаго) тиранства, слабости Вѣнценосцевъ, дерзости Бароновъ, рабства народнаго, суевѣрiя, невѣжества. Умъ Альфреда и Карла Великаго блеснулъ во мракѣ, но не надолго; осталась ихъ память: благодѣтельныя учрежденiя и замыслы исчезли вмѣстѣ съ ними.

Но раздѣленiе нашего отечества и междоусобныя войны, истощивъ его силы, задержали Россiянъ и въ успѣхахъ гражданскаго образованiя: мы стояли или двигались медленно, когда Европа стремилась къ просвѣщенiю. Крестовые походы сообщили ей свѣдѣнiя и художества Востока; оживили, распространили ея торговлю. Селенiя и города откупались отъ утѣснительной власти Бароновъ; Государи по собственному движенiю давали гражданамъ права и выгоды, благопрiятныя для общей пользы, для промышлености и для самыхъ нравовъ; лучшая Исправа (Полицiя) земская начинала обуздывать

силу, ограждать безопасностію пути, жизнь и собственность. Обрѣтеніе Іустиніанова Кодекса въ Амальфи было счастливою эпохою для Европейскаго правосудія: понятія людей о семъ важномъ предметѣ гражданства сдѣлались яснѣе, основательнѣе. Всеобщее употребленіе языка Латинскаго доставляло способъ и Духовнымъ и мірянамъ черпать мысли и познанія въ твореніяхъ древнихъ, уцѣлѣвшихъ въ наводненіе варварства. Однимъ словомъ, съ половины XI вѣка состояніе Европы явно перемѣнялось въ лучшее; а Россія со временъ Ярослава до самаго Батыя орошалась кровію и слезами народа. Порядокъ, спокойствіе, столь нужные для успѣховъ гражданскаго общества, непрестанно нарушались мечемъ и пламенемъ Княжескихъ междоусобій, такъ, что въ XIII вѣкѣ мы уже отставали отъ Державъ Западныхъ въ государственномъ образованіи.

Нашествіе Батыево испровергло Россію. Могла угаснуть и послѣдняя искра жизни; къ счастію, не угасла: имя, бытіе сохранилось; открылся только новый порядокъ вещей, горестный для человѣчества, особенно при первомъ взорѣ: дальнѣйшее наблюденіе открываетъ и въ самомъ злѣ причину блага, и въ самомъ разрушеніи пользу цѣлости.

Сѣнь варварства, омрачивъ горизонтъ Россіи, сокрыла отъ насъ Европу въ то самое время, когда благодѣтельныя свѣдѣнія и навыки болѣе и болѣе въ ней размножались, на-

родъ освобождался отъ рабства, города входили въ тѣсную связь между собою для взаимной защиты въ утѣсненіяхъ; изобрѣтеніе компаса распространило мореплаваніе и торговлю, ремесленники, художники, Ученые ободрялись Правительствами; возникали Университеты для вышнихъ Наукъ; разумъ пріучался къ созерцанію, къ правильности мыслей; нравы смягчались; войны утратили свою прежнюю свирѣпость; Дворянство уже стыдилось разбоевъ, и благородные витязи славились милосердіемъ къ слабымъ, великодушіемъ, честію; обходительность, людскость, учтивость сдѣлались извѣстны и любимы. Въ сіе же время Россія, терзаемая Моголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть: намъ было не до просвѣщенія!

Если бы Моголы сдѣлали у насъ то же, что въ Китаѣ, въ Индіи, или что Турки въ Греціи; если бы, оставивъ степь и кочеваніе, переселились въ наши города: то могли бы существовать и донынѣ въ видѣ Государства. Къ счастію, суровый климатъ Россіи удалилъ отъ нихъ сію мысль. Ханы желали единственно быть нашими господами *издали*, не вмѣшивались въ дѣла гражданскія, требовали только серебра и повиновенія отъ Князей. Но такъ называемые *Послы Ординскіе* и Баскаки, представляя въ Россіи лице Хана, дѣлали, что хотѣли; самые купцы, самые бродяги Могольскіе обхо-

Слѣдствіе нашего ига.

дились съ нами какъ съ слугами презришельными. Что долженствовало быть слѣдствіемъ? нравственное униженіе людей. Забывъ гордость народную, мы выучились низкимъ хитростямъ рабства, замѣняющимъ силу въ слабыхъ; обманывая Татаръ, болѣе обманывали и другъ друга; откупаясь деньгами отъ насилія варваровъ, стали гораздо корыстолюбивѣе, и гораздо безчувственнѣе къ обидамъ, къ стыду, подверженные наглостямъ иноплеменныхъ тирановъ. Отъ временъ Василія Ярославича до Іоанна Калиты (періодъ самый несчастнѣйшій!) отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на Государство: сила казалась правомъ; кто могъ, грабилъ: не только чужіе, но и свои; не было безопасности ни въ пути, ни дома; татьба сдѣлалась общею язвою собственности (387). Когда же сія ужасная тьма неустройства начала проясняться, оцѣпененіе миновало, и законъ, душа гражданскихъ обществъ, воспрянулъ отъ мертваго сна: тогда надлежало прибѣгнуть къ строгости неизвѣстной древнимъ Россіянамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что жестокія судныя казни означаютъ ожесточеніе сердецъ, и бываютъ слѣдствіемъ частыхъ злодѣяній. Добросердечный Мономахъ говорилъ дѣтямъ: „не убивайте „виновнаго; жизнь Христіанина священна:“ не менѣе добросердечный побѣдитель Мамаевъ, Димитрій, уставилъ торжественную смертную казнь, ибо не видалъ инаго спо-

Введеніе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній.

соба устрашать преступниковъ. Легкія денежныя пени могли нѣкогда удерживать нашихъ предковъ отъ воровства; но въ XIV столѣтіи уже вѣшали татей. Россіянинъ Ярославова вѣка зналъ побои единственно въ дракѣ: иго Татарское ввело тѣлесныя наказанія; за первую кражу клеймили, за вины государственныя сѣкли кнутомъ. Былъ ли дѣйствителенъ стыдъ гражданскій тамъ, гдѣ человѣкъ съ клеймомъ вора оставался въ обществѣ? — Мы видѣли злодѣянія и въ нашей древней Исторіи: но сіи времена представляютъ намъ черты гораздо ужаснѣйшаго свирѣпства въ изступленіяхъ Княжеской и народной злобы (388); чувство угнетенія, страхъ, ненависть, господствуя въ душахъ, обыкновенно производятъ мрачную суровость во нравахъ. Свойства народа изъясняются всегда обстоятельствами; однакожъ дѣйствіе часто бываетъ долговременнѣе причины: внуки имѣютъ нѣкоторыя добродѣтели и пороки своихъ дѣдовъ, хотя живутъ и въ другихъ обстоятельствахъ. Можетъ быть, самый нынѣшній характеръ Россіянъ еще являетъ пятна, возложенныя на него варварствомъ Моголовъ.

Нѣкоторые думали, что суевѣріе обезоруживало насъ противъ сихъ тирановъ; что Россіяне видѣли въ нихъ бичь гнѣва Небеснаго и не дерзали возстать на исполнителей Вышней мести, подобно какъ чернь донынѣ мыслитъ, что не льзя обыкновенными сред-

ствами угасить пожара, произведеннаго молніею. Исторія не доказываетъ того: Россіяне неоднократно изъявляли самую безразсудную дерзость въ усиліяхъ свергнуть иго; недоставало согласія и твердости. Но замѣтимъ, что вмѣстѣ съ иными благородными чувствами ослабѣла въ насъ тогда и храбрость, питаемая народнымъ честолюбіемъ. Прежде Князья дѣйствовали мечемъ: въ сіе время низкими хитростями, жалобами въ Ордѣ. Древніе Полководцы наши, воспаляя мужество въ воинахъ, говорили имъ о стыдѣ и славѣ: Герой Донской битвы о вѣнцахъ Мученическихъ (359). Если мы въ два столѣтія, ознаменованныя духомъ рабства, еще не лишились всей нравственности, любви къ добродѣтели, къ отечеству: то прославимъ дѣйствіе Вѣры; она удержала насъ на степени людей и гражданъ, не дала окаменѣть сердцамъ, ни умолкнуть совѣсти; въ уничиженіи имени Русскаго мы возвышали себя именемъ Христіанъ, и любили отечество какъ страну Православія.

Благосдѣйствіе Вѣры.

Внутренній государственный порядокъ измѣнился: все, что имѣло видъ свободы и древнихъ гражданскихъ правъ, стѣснилось, исчезало. Князья, смиренно пресмыкаясь въ Ордѣ, возвращались оттуда грозными властелинами: ибо повелѣвали именемъ Царя верховнаго. Совершилось при Моголахъ легко и тихо, чего не сдѣлалъ ни Ярославъ Великій, ни Андрей Боголюбскій, ни Всеволодъ III: въ Вла-

Измѣненіе гражданскаго порядка.

димірѣ и вездѣ, кромѣ Новагорода и Пскова, умолкъ Вѣчевый колоколъ, гласъ вышняго народнаго законодательства, столь часто мятежный, но любезный потомству Славяно-Россовъ. Сіе отличіе и право городовъ древнихъ уже не было достояніемъ новыхъ: ни Москвы, ни Твери, коихъ знаменитость возникла при Моголахъ. Только однажды упоминается въ лѣтописяхъ о Вѣчѣ Московскомъ, какъ дѣйствіи чрезвычайномъ, когда столица, угрожаемая свирѣпымъ непріятелемъ, оставленная Государемъ, видѣла себя въ крайности безъ начальства. Города лишились права избирать Тысячскихъ, которые важностію и блескомъ своего народнаго сана возбуждали зависть не только въ Княжескихъ чиновникахъ, но и въ Князьяхъ (590).

Происхожденіе нашихъ Бояръ теряется въ самой глубокой древности: сіе достоинство могло быть еще старѣе Княжескаго, означая витязей и гражданъ знатнѣйшихъ, которые въ Славянскихъ Республикахъ предводительствовали войсками, судили и рядили землю. Хотя оно не было, кажется, никогда наслѣдственнымъ, а только личнымъ; хотя въ Россіи давалось послѣ Государемъ (591): но каждый изъ древнихъ городовъ имѣлъ своихъ особенныхъ Бояръ какъ знатнѣйшихъ чиновниковъ народныхъ, и самые Княжескіе Бояре пользовались какимъ-то правомъ независимости: такъ въ договорныхъ грамотахъ XIV и XV вѣка обыкновенно подтвержда-

лась законная свобода Бояръ переходить изъ службы одного Князя къ другому; недовольный въ Черниговѣ, Бояринъ съ своею многочисленною дружиною ѣхалъ въ Кіевъ, въ Галичъ, въ Владиміръ, гдѣ находилъ новыя помѣстья и знаки всеобщаго уваженія [591]. Однимъ словомъ, сіи государственные сановники издревле казались народу мужами верховными, и занимая вездѣ первыя мѣста вокругъ престоловъ, составляли у насъ нѣкоторую Аристократію. Но когда южная Россія обратилась въ Литву; когда Москва начала усиливаться, присоединяя къ себѣ города и земли; когда число Владѣтельныхъ Князей уменшилось, а власть Государева сдѣлалась неограниченнѣе въ отношеніи къ народу: тогда и достоинство Боярское утратило свою древнюю важность. Гдѣ Бояринъ Василія Темнаго, имъ оскорбленный, могъ искать иной службы въ отечествѣ? Уже и слабая Тверь готовилась зависѣть отъ Москвы. — Власть народная также благопріятствовала силѣ Бояръ, которые, дѣйствуя чрезъ Князя на гражданъ, могли и чрезъ послѣднихъ дѣйствовать на перваго: сія опора исчезла. Надлежало или повиноваться Государю, или быть измѣнникомъ, бунтовщикомъ: не оставалось средины и никакого законнаго способа противиться Князю. — Однимъ словомъ, раждалось Самодержавіе.

Начало Самодержавія.

Сія перемѣна, безъ сомнѣнія непріятная для тогдашнихъ гражданъ и Бояръ, оказа-

лась величайшимъ благодѣяніемъ Судьбы для Россіи. Удержавъ нѣкоторыя обыкновенія свободы, естественной только въ малыхъ областяхъ, предки наши не могли обуздывать ими воли Государя Единодержавнаго, каковъ былъ Владиміръ Святый или Ярославъ Великій, но пользовались оными во время раздробленія Государства, и бореніе двухъ властей, Княжеской съ народною, еще болѣе ослабляло силу его. Если Римъ спасался Дикштаторомъ въ случаѣ великихъ опасностей, то Россія, обширный трупъ послѣ нашествія Батыева, могла ли инымъ способомъ ожившься и воскреснуть въ величіи? Требовалось единой и тайной мысли для намѣренія, единой руки для исполненія: ни шумные сонмы народные, ни медленныя думы Аристократіи не произвели бы сего дѣйствія. Народъ и въ самомъ уничиженіи ободряется и совершаетъ великое, но служа только орудіемъ, движимый, одушевляемый силою Правителей. Власть Боярская производила у насъ *Боярскія смуты*. Совѣтъ Вельможъ иногда внушаетъ мудрость Государю, но часто волнуется и страстями. Бояре не рѣдко питали междоусобіе Князей Россійскихъ; не рѣдко даже судились съ ними въ Ордѣ, обнося ихъ предъ Ханами (393). Самодержавіе, искоренивъ сіи злоупотребленія, устранило важныя препятствія на пути Россіи къ независимости, и такимъ образомъ возникало вмѣстѣ съ Единодержавіемъ

до временъ Іоанна III, которому надлежало совершить то и другое.

Исторія свидѣтельствуетъ, что есть время для заблужденій и для истины: сколько вѣковъ Россіяне не могли живо увѣриться *въ томъ, что соединеніе Княженій необходимо для ихъ государственнаго благоденствія?* Нѣкоторые Вѣнценосцы начинали сіе дѣло, но слабо, безъ ревности достойной онаго; а преемники ихъ опять все разрушали. Даже и Москва, болѣе Кіева и Владиміра наученная опытами, какъ медленно и недружно двигалась къ государственной цѣлости! Уставилось лучшее право наслѣдственное; древніе Удѣлы возвращались къ Великому Княженію: но снова раздробляясь на части между сыновьями, внуками, правнуками Іоанна Калиты, оно въ истинномъ смыслѣ все еще не было единымъ Государствомъ; даже судное право, пошлины, доходы Московскіе принадлежали имъ совокупно. Такъ называемое *братское старѣйшинство* Великаго Князя состояло въ томъ, что Удѣльные Владѣтели, имѣя свои особенные гражданскіе уставы, законы, войска, монету, обязывались имѣть съ нимъ одну политическую систему, давать ему войско и серебро для Хановъ. Но сіе обязательство было условное: если онъ нарушалъ договоръ, всегда обоюдный; если утѣснялъ ихъ, то они могли, возвративъ крестныя грамоты, законно искать управы

Медленные успѣхи Единодержавія.

мечемъ. Народъ, граждане, Бояре Удѣльные знали только своего Князя, не присягали Государю Московскому, и въ случаѣ междоусобной войны лили кровь его подданныхъ, не заслуживая имени бунтовщиковъ. Такъ было еще и при Василіи Темномъ. Однакожъ Великій Князь имѣлъ уже столько перевѣса въ силахъ, что могъ легко сдѣлаться единовластнымъ: все зависѣло отъ рѣшительной воли и твердаго характера; все изготовилось къ счастливой перемѣнѣ: теперь означимъ или напомнимъ Читателю, какими средствами?

Постепенная знаменитость Москвы.

Москва, будучи однимъ изъ бѣднѣйшихъ Удѣловъ Владимірскихъ, ступила первый шагъ къ знаменитости при Даніилѣ, которому внукъ Невскаго, Іоаннъ Димитріевичь, отказалъ Переславль Залѣсскій, и который, побѣдивъ Рязанскаго Князя, отнялъ у него многія земли. Сынъ Даніиловъ, Георгій, зять Хана Узбека, присоединилъ къ своей области Коломну, завоевалъ Можайскъ и выходилъ себѣ въ Ордѣ Великое Княженіе Владимірское; а братъ Георгіевъ, Іоаннъ Калита, погубивъ Александра Тверскаго, сдѣлался истиннымъ Главою всѣхъ иныхъ Князей, обязанный тѣмъ не силѣ оружія, но единственно милости Узбековой, которую снискалъ онъ умною лестію и богатыми дарами.

Предложимъ замѣчаніе любопытное: *иго Татаръ обогатило Казну Великокняжескую*, исчисленіемъ людей, установленіемъ поголов-

ной дани, и разными налогами, дошолъ неизвѣстными, собираемыми будто бы для Хана, по хитростію Князей обращенными въ ихъ собственный доходъ: Баскаки, сперва тираны, а послѣ мздоимные друзья нашихъ Владѣтелей, легко могли быть обманываемы въ затруднительныхъ счетахъ (394). Народъ жаловался, однакожь платилъ; страхъ всего лишиться изыскивалъ новые способы пріобрѣтенія, чтобы удовлетворять корыстолюбію варваровъ. Такимъ образомъ мы понимаемъ удивительный избытокъ Іоанна Даниловича, купившаго не только множество селъ въ разныхъ земляхъ, но и цѣлыя области, гдѣ малосильные Князья, подверженные наглости Моголовъ и тѣснимые его собственнымъ властолюбіемъ, волею или неволею уступали ему свои наслѣдственныя права, чтобы имѣть въ немъ защитника для себя и народа. Сіи такъ называемые *Окупные Князьки* оставались между тѣмъ въ своихъ проданныхъ владѣніяхъ, пользуясь нѣкоторыми доходами и выгодами (395). Угличь, Бѣлоозеро, Галичь, Ростовъ, Ярославль сдѣлались снова городами Великокняжескими, какъ было при Всеволодѣ III.

Такъ возвеличилъ Москву Іоаннъ Калита, и внукъ его, Димитрій, дерзнулъ на битву съ Ханомъ.. Сей Герой не пріобрѣлъ почти ничего, кромѣ славы; но слава умножаетъ силы—и наслѣдникъ Димитріевъ, ласкаемый, чествимый въ Ордѣ, возвратился оттуда съ

милостивымъ ярлыкомъ или съ жалованною грамотою на Суздаль, Городецъ, Нижній; возстановилъ такимъ образомъ *древнее Суздальское Великокняженіе Боголюбскаго* во всей полнотѣ онаго, и мирнымъ присвоеніемъ бывшихъ Удѣловъ Черниговскихъ — Мурома, Торусы, Новосиля, Козельска, Перемышля — распространилъ Московскую Державу, которая, съ прибавленіемъ Вятки, составляла уже знатную часть древней единовластной Россіи Ярослава Великаго, будучи сверхъ того усилена внутри твердѣйшимъ началомъ Самодержавія. Рюрикъ, Святославъ, Владиміръ брали земли мечемъ: Князья Московскіе поклонами въ Ордѣ — дѣйствіе оскорбительное для нашей гордости, но спасительное для бытія и могущества Россіи! Ярославъ обуздывалъ народъ и Бояръ своимъ величіемъ: смиренные тиранствомъ Хановъ, они уже не спорили о правахъ съ Государемъ Московскимъ, требуя отъ него единственно покоя и безопасности со стороны Моголовъ; видѣли прежнихъ Владѣтельныхъ Князей слугами Донскаго, Василія Димитріевича, Темнаго, и менѣе жалѣли о своей древней вольности.

Исторія не терпитъ Оптимизма и не должна въ происшествіяхъ искать доказательствъ, что все дѣлается къ лучшему: ибо сіе мудрованіе несвойственно обыкновенному здравому смыслу человѣческому, для коего она пишется. Нашествіе Батыево, ку-

чи пепла и труповъ, неволя, рабство толь долговременное, составляютъ конечно одно изъ величайшихъ бѣдствій, извѣстныхъ намъ по лѣтописямъ Государствъ; однакожь и благотворныя слѣдствія онаго несомнительны. Лучше, если бы кто нибудь изъ потомковъ Ярославовыхъ отвратилъ сіе несчастіе возстановленіемъ Единовластія въ Россіи, и правилами Самодержавія, ей свойственнаго, оградилъ ея внѣшнюю безопасность и внутреннюю тишину: но въ два вѣка не случилось того. Могло пройти еще сто лѣтъ и болѣе въ Княжескихъ междоусобіяхъ: чѣмъ заключились бы оныя? вѣроятно, погибелію нашего отечества: Литва, Польша, Венгрія, Швеція могли бы раздѣлить оное; тогда мы утратили бы и государственное бытіе и Вѣру, которыя спаслися Москвою: Москва же обязана своимъ величіемъ Ханамъ. Зло имѣетъ и добрыя слѣдствія.

Однимъ изъ достопамятныхъ слѣдствій Татарскаго господства надъ Россіею было еще возвышеніе нашего Духовенства, размноженіе Монаховъ и церковныхъ имѣній. Политика Хановъ, утѣсняя народъ и Князей, покровительствовала Церковь и ея служителей; изъявляла особенное къ нимъ благоволеніе; ласкала Митрополитовъ и Епископовъ; снисходительно внимала ихъ смиреннымъ моленіямъ, и часто, изъ уваженія къ Пастырямъ, прелагала гнѣвъ на милость къ паствѣ. Мы видѣли, какъ Св. Алексій Митрополитъ успокоивалъ отечество своимъ ходатайствомъ Выгоды Духовенства.

въ Ордѣ. Знатнѣйшіе люди, отвращаемые отъ міра всеобщимъ государственнымъ бѣдствіемъ, искали мира душевнаго въ святыхъ Обителяхъ; и мѣняя одежду Княжескую, Боярскую, на мантію Инока, способствовали тѣмъ знаменитости духовнаго сана, въ коемъ даже и Государи обыкновенно заключали жизнь. Ханы подъ смертною казнію запрещали своимъ подданнымъ грабить, тревожить монастыри, обогащаемые вкладами, имѣніемъ движимымъ и недвижимымъ (396). Всякой, готовясь умереть, что нибудь отказывалъ Церкви, особенно во время язвы, которая столь долго опустошала Россію. Владѣнія церковныя, свободныя отъ налоговъ Ординскихъ и Княжескихъ, благоденствовали; сверхъ украшенія храмовъ и продовольствія Епископовъ, Монаховъ, оставалось еще не мало доходовъ на покупку новыхъ имуществъ. Новогородскіе Святители употребляли Софійскую казну въ пользу государственную (397); но Митрополиты наши не слѣдовали сему достохвальному примѣру. Народъ жаловался на скудость: Иноки богатѣли. Они занимались и торговлею, увольняемые отъ купеческихъ пошлинъ. — Кромѣ тогдашней набожности, соединенной съ высокимъ понятіемъ о достоинствѣ Монашеской жизни, одни мірскія преимущества влекли людей толпами изъ селъ и городовъ въ тихія, безопасныя обители, гдѣ слава благочестія награждалась не только уваженіемъ, но

Характеръ нашего Духовенства.

и достояніемъ; гдѣ гражданинъ укрывался отъ насилія и бѣдности, не сѣялъ и пожиналъ! Весьма не многіе изъ нынѣшнихъ монастырей Россійскихъ были основаны прежде или послѣ Татаръ: всѣ другіе остались памятникомъ сего времени.

Однакожъ, не смотря на свою знаменитость и важность, Духовенство наше не оказывало излишняго властолюбія, коимъ справедливо укоряетъ Исторія Духовенство Западной Церкви, и служа Великимъ Князьямъ въ государственныхъ дѣлахъ полезнымъ орудіемъ, не спорило съ ними о мірской власти. Въ раздорахъ Княжескихъ Митрополиты бывали посредниками, но избираемыми единственно съ обоюднаго согласія, безъ всякаго дѣйствительнаго права; ручались въ истинѣ и святости обѣтовъ, но могли только убѣждать совѣсть, не касаясь *меча мірскаго*, сей обыкновенной угрозы Папъ для ослушниковъ ихъ воли; отступая же иногда отъ правилъ Христіанской любви и кротости, дѣйствовали такъ въ угодность Государямъ, отъ коихъ они совершенно зависѣли, ими назначаемые и свергаемые [398]. Однимъ словомъ, Церковь наша вообще не измѣнялась въ своемъ главномъ, первобытномъ характерѣ, смягчая жестокіе нравы, умѣряя неистовыя страсти, проповѣдуя и Христіанскія и государственныя добродѣтели. Милости Ханскія не могли ни задобрить, ни усыпить ея Пастырей: они въ Батыево время благословля-

ли Россіянъ на смерть великодушную, при Димитріи Донскомъ на битвы и побѣду. Когда Василій Темный ушелъ изъ осажденной Москвы, старецъ, Митрополитъ Іона, взялъ на себя отстоять Кремль или погибнуть съ народомъ, и наконецъ, буде вѣрить лѣтописямъ, въ восторгѣ духа предвѣстилъ Василію близкую независимость Россіи (399). — Исторія подтверждаетъ истину, предлагаемую всѣми Политиками-Философами, и только для однихъ легкихъ умовъ сомнительную, что Вѣра есть особенная сила государственная. Въ Западныхъ странахъ Европейскихъ Духовная власть присвоила себѣ мірскую отъ того, что имѣла дѣло съ народами полудикими — Готѳами, Лонгобардами — которые, обладѣвъ ими и принявъ Христіанство, долго не умѣли согласить онаго съ своими гражданскими законами, ни утвердить естественныхъ границъ между сими двумя властями; а Греческая Церковь возсіяла въ Державѣ благоустроенной, и Духовенство не могло столь легко захватить чуждыхъ ему правъ. Къ счастію, Святый Владиміръ предпочелъ Константинополь Риму.

Такимъ образомъ имѣвъ вредныя слѣдствія для нравственности Россіянъ, но благопріятствовавъ власти Государей и выгодамъ Духовенства, господство Моголовъ оставило ли какіе иные слѣды въ народныхъ обычаяхъ, въ гражданскомъ законодательствѣ, въ

домашней жизни, въ языкѣ Россіянъ? Слабые обыкновенно заимствуютъ отъ сильныхъ. Князья, Бояре, купцы, ремесленники наши живали въ Улусахъ, а Вельможи и купцы Ординскіе въ Москвѣ и въ другихъ городахъ. Но Татары были сперва идолопоклонники, послѣ Магометане: мы называли ихъ обычаи *погаными*; и чѣмъ удобнѣе принимали Византійскіе, освященные для насъ Христіанствомъ, тѣмъ болѣе гнушались Татарскими, соединяя ихъ въ нашемъ понятіи съ ненавистнымъ зловѣріемъ. Къ тому же, не смотря на униженіе рабства, мы чувствовали свое гражданское превосходство въ отношеніи къ народу кочующему. Слѣдствіемъ было, что Россіяне вышли изъ-подъ ига болѣе съ Европейскимъ, нежели Азіатскимъ характеромъ. Европа насъ не узнавала: но для того, что она въ сіи 250 лѣтъ измѣнилась, а мы остались, какъ были. Ея путешественники XIII вѣка не находили даже никакого различія въ одеждѣ нашей и Западныхъ народовъ (400): то же безъ сомнѣнія могли бы сказать и въ разсужденіи другихъ обычаевъ. Какъ въ Италіи, Франціи, Англіи съ паденія Рима, такъ у насъ съ призванія Князей Варяжскихъ все въ главныхъ чертахъ сдѣлалось Нѣмецкимъ, смѣшеннымъ съ остатками первобытныхъ обычаевъ Славянскихъ: къ чему послѣ присоединилось занятое нами отъ Грековъ. Древній характеръ Славянъ являлъ въ себѣ нѣчто Азіатское; являетъ и донынѣ:

Мы не приняли обычаевъ Татарскихъ.

ибо они, вѣроятно, послѣ другихъ Европейцевъ удалились отъ Востока, кореннаго отечества народовъ. Не Татары выучили нашихъ предковъ стѣснять женскую свободу и человѣчество въ холопскомъ состояніи, торговать людьми, брать законныя взятки въ судахъ (что нѣкоторые называютъ Азіатскимъ обыкновеніемъ): мы все то видѣли у Славянъ и Россіянъ гораздо прежде. Въ языкѣ нашемъ довольно словъ Восточныхъ: но ихъ находимъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ; а нѣкоторыя особенныя могли быть заимствованы нами отъ Козаровъ, Печенѣговъ, Ясовъ, Половцевъ, даже отъ Сарматовъ и Скиѳовъ: напрасно считаютъ оныя Татарскими, коихъ едва ли отъищется 40 или 50 въ Словарѣ Россійскомъ (401). Новыя понятія, новыя вещи требуютъ новыхъ словъ: что народъ гражданскій могъ узнать отъ кочующаго?

Правосудіе.

Татары не вступались въ наши судныя дѣла гражданскія. Во всѣхъ Московскихъ владѣніяхъ Государь давалъ законы и судилъ чрезъ своихъ Намѣстниковъ и Дворянъ; недовольные ими жаловались ему; ни въ лѣтописяхъ, ни въ грамотахъ сего времени не упоминается о Приказахъ. Отъ Намѣстника зависѣли Дворскіе и Сотники: первые судили холопей, вторые поселянъ; такъ было и въ Удѣлахъ. Тяжбы между подданными двухъ разныхъ Княженій рѣшились Боярами, съ обѣихъ сторонъ избираемыми: въ случаѣ ихъ несогласія

назначался посредникъ, или *Третейскій судъ*, коего рѣшеніе уже всегда исполнялось. Правосудіе тогдашнее не имѣло, по видимому, твердаго основанія и большею частію зависѣло отъ произвола судящихъ. *Русская Правда* лишилась достоинства и силы общаго народнаго уложенія, вмѣсто коего давали судьямъ наказы или грамоты Княжескія, весьма краткія, неопредѣлительныя [402]. Кромѣ Двинской судной грамоты Василія Димитріевича мы имѣемъ еще двѣ пятаго-надесять вѣка: Псковскую и Новогородскую. Въ обѣихъ говорится о *законныхъ поединкахъ* въ случаѣ доноса сомнительнаго. Такое странное обыкновеніе господствовало въ цѣлой Европѣ нѣсколько вѣковъ, заступивъ мѣсто *искушеній посредствомъ огня* и *воды*. Въ *Русской Правдѣ* нѣтъ еще ни слова о сихъ поединкахъ; но въ 1228 году они уже были въ Россіи способомъ доказывать свою невинность предъ судіями, и назывались *Полемъ*. Искусство и сила казались дѣйствіемъ суда Небеснаго: одолѣть въ бою значило оправдаться. Тщетно Духовенство противилось столь несогласному съ Христіанскою Вѣрою уставу: Митрополитъ Фотій (въ 1410 году) писалъ къ Новогородскому Архіепископу Іоанну, что поединщики не должны вкушать тѣла и крови Христовой; что всякой, кто умертвитъ человѣка въ бою, отлучается отъ Церкви на 18 лѣтъ, и что Іереи не могутъ отпѣвать убитыхъ [403]: но древній

обычай былъ сильнѣе убѣжденій Духовенства, церковной казни и разсудка. — Въ грамотѣ Псковской опредѣлены нѣкоторыя судныя пени [(404)]; на примѣръ, за вырваніе бороды надлежало платить 2 рубля. Далѣе назначаются разныя денежныя взысканія: на примѣръ, за барана хозяину 6 денегъ, за овцу десять, а судьѣ три; объявляются недѣйствительными купля, продажа и мѣна, совершаемыя въ пьянствѣ; запрещается Княжескимъ людямъ держать корчмы и продавать медъ, а женщинамъ нанимать за себя судныхъ поединщиковъ, и проч. Сія грамота есть только отрывокъ или прибавленіе къ инымъ уставамъ; Новогородская же именно ссылается на другія, намъ неизвѣстныя грамоты, и содержитъ въ себѣ единственно особенныя постановленія, изъ коихъ явствуетъ, что Архіепископъ въ судахъ церковныхъ руководствовался Номоканономъ, а Посадникъ и Намѣстники Великокняжескіе старыми уставами Новогородскими; что они брали пошлину съ дѣлъ; что Тысяцкій имѣлъ свою особенную управу; что судьи ѣздили по городамъ, обязанные рѣшить всякое дѣло въ опредѣленный срокъ или заплатить пеню; что вмѣстѣ съ судьями и *Докладчиками* засѣдали Присяжные, знаменитые граждане, Бояре и Житые люди; что дѣло предлагалось такъ называемыми *Разскащиками* или Стряпчими, а записывалось Дьякомъ или Секретаремъ съ приложеніемъ ихъ печатей; что

мужья отвѣтствовали въ судахъ за женъ, а за вдовъ сыновья; что жены Боярскія и людей Житыхъ присягали дома; что холопи могли свидѣтельствовать только на холопей, а *Исковитяне* никогда; что прежде законнаго осужденія никто не могъ быть лишаемъ свободы, и всякому обвиняемому давался срокъ; что истецъ и отвѣтчикъ подвергались тяжкому взысканію, если беззаконно обносили другъ друга или судей; что уличенный въ насильственномъ владѣніи платилъ пеню Великому Князю и Новугороду, Бояринъ 50 рублей, Житый двадцать, а *Младшій* гражданинъ десять: слѣдственно наказаніе умножалось по мѣрѣ знатности или богатства преступника. Къ суду Святительскому относились, кромѣ церковныхъ преступленій, всѣ дѣла Іереевъ, Иноковъ, людей монастырскихъ и проч.; а буде они имѣли дѣло съ мірянами, то Намѣстники и судьи Епископскіе рѣшили оное вмѣстѣ съ Княжескими или городскими чиновниками (405). Въ Новѣгородѣ Святительскія денежныя пени были гораздо тягостнѣе иныхъ; на примѣръ, отъ суднаго рубля получалъ Владыка, Намѣстникъ или Ключникъ его за печать гривну, а Посадникъ, Тысячскіе и судьи ихъ только семь денегъ. Такъ ли было и въ другихъ Княженіяхъ Россійскихъ, мы не знаемъ; но видимъ, что Духовенство наше вездѣ старалось умножать свои права судебныя, доказывая ихъ древность мнимыми церков-

ными уставами Св. Владиміра и Ярослава Великаго. Послѣднимъ рѣшителемъ въ судахъ церковныхъ былъ Митрополитъ: Новогородцы въ 1385 году отняли у него сіе доходное право, уставивъ, чтобы Архіепископъ и главные ихъ чиновники вершили всѣ дѣла независимо или безъ отчета.

Вообще съ XI вѣка мы не подвинулись впередъ въ гражданскомъ законодательствѣ; но, кажется, отступили назадъ къ первобытному невѣжеству народовъ въ сей важной части государственнаго благоустройства: чему виною были замѣшательства и неосторожство въ Правленіи внутреннемъ. Князья, не увѣренные въ твердости своихъ престоловъ, судя народъ по необходимости и для собственнаго прибытка, старались уменьшать для себя затрудненія: совѣсть, присяга, здравый умъ естественный казались самымъ простѣйшимъ способомъ рѣшить тяжбы согласно съ древними обыкновѣніями и безъ всякихъ письменныхъ, общихъ правилъ. Законодатель опредѣлялъ единственно родъ наказаній и денежныя пени для главныхъ преступленій: смертоубійства, воровства и проч. Судъ духовный, основанный на Кормчей Книгѣ или Номоканонѣ, былъ не лучше гражданскаго: ибо сіи законы Греческіе во многомъ не шли къ Россіи и долженствовали часто уступать мѣсто произволу судей. Въ такомъ состояніи находилось правосудіе и въ другихъ земляхъ Европей-

скихъ около десятаго вѣка; но въ пятомънадесять, имѣя училища законовѣдѣнія и Римское Право, Европа въ семъ отношеніи уже далеко насъ опередила.

Не менѣе отстали мы и въ искусствѣ ратномъ: Крестовые походы, духъ Рыцарства, долговременныя войны и наконецъ образованіе строевыхъ, всегдашнихъ войскъ произвели великіе успѣхи онаго во Франціи и въ другихъ земляхъ (406); а мы, кромѣ пороха, въ теченіе сихъ вѣковъ не узнали и не пріобрѣли ничего новаго. Составъ нашей рати мало измѣнился. Всѣ главные чиновники государственные: Бояре *Старшіе*, *Большіе*, *Путные* (или помѣстные, коимъ давались земли, доходы казенные, *путевые* и другіе), *Окольничіе* или ближніе къ Государю люди, и Дворяне, были истиннымъ сердцемъ, лучшею, благороднѣйшею частію войска, и собственно именовались *Дворомъ Великокняжескимъ*. Вторый многочисленнѣйшій родъ записныхъ людей воинскихъ назывался *Дѣтьми Боярскими*: въ нихъ узнаемъ прежнихъ Боярскихъ Отроковъ; а Княжескіе обратились въ Дворянъ. Всякой древній, областный городъ, имѣя своихъ Бояръ, имѣлъ и Дѣтей Боярскихъ, которые составляли воинскую дружину первыхъ (407). Купцы и граждане безъ крайности не вооружались, а земледѣльцы никогда (408). Герой Донскій умѣлъ вывести въ поле 150,000 ратниковъ; но для сего требовалось усилій

Искусство ратное.

необыкновенныхъ. Часто войско не успѣвало собраться, когда непріятель уже стоялъ подъ Москвою. Древніе обычаи не скоро уступаютъ мѣсто лучшимъ. Чтобы имѣть всегда полки готовые и не распускать ихъ, надлежало бы опредѣлить имъ жалованье: Государи наши скупились или не могли сдѣлать того безъ отягощенія подданныхъ налогами.

Иностранные Писатели говорятъ, что Россіяне сего времени сражались подобно Моголамъ: „не стоя на мѣстѣ, а на скаку „дѣйствуя стрѣлами и копьями, то напа„дая, то вдругъ отступая" (409). Но лѣтописи наши доказываютъ противное: хотя главное и лучшее войско состояло всегда изъ конницы, однакожъ мы имѣли и пѣхоту: становились въ ряды сомкнутые; отдѣляли часть войска впередъ, чтобы открыть или удерживать непріятеля, а другую скрывали въ засадѣ; одни полки начинали битву, другіе ждали времени и случая ударить на врага; въ срединѣ находились обыкновенно такъ называемыя *большія* или Княжескія знамена подъ защитою Дворянъ. Мы умѣли пользоваться мѣстомъ; располагались станомъ за оврагами и дебрями. Полководцы наши изъявляли иногда смѣлую рѣшительность великаго ума воинскаго, какъ Герой Донскій, быстрымъ движеніемъ предупредивъ соединеніе Мамая съ Ягайломъ. Куликовская битва достопамятна не только храбро-

ствію, но и самымъ искусствомъ. Александръ Невскій также показалъ оное въ сраженіи со Шведами и съ Ливонскими Меченосцами. Лѣтописцы отмѣнно славятъ ратный умъ Димитрія Волынскаго, побѣдителя Болгаровъ, Олегова и Мамаева: чѣмъ въ государствованіе Темнаго отличались Князь Василій Оболенскій и Московскій Дворянинъ Θеодоръ Басенокъ [410]. — Однакожъ Россіяне XIV и XV вѣка вообще не могли равняться съ предками своими въ опытности воинской, когда частыя битвы съ непріятелями внѣшними и междоусобныя не давали засыхать крови на ихъ мечахъ, и когда они, такъ сказать, жили на полѣ сраженія. Кровь лилася и во время ига Ханскаго, но рѣдко въ битвахъ: *видимъ много убійствъ*, но гораздо менѣе ратныхъ подвиговъ.

Замѣтимъ, что лѣтописи временъ Василія Темнаго въ 1444 году упоминаютъ о *Козакахъ* Рязанскихъ, особенномъ легкомъ войскѣ, славномъ въ новѣйшія времена. И такъ Козаки были не въ одной Украйнѣ, гдѣ имя ихъ сдѣлалось извѣстно по Исторіи около 1517 года [411]; но вѣроятно, что оно въ Россіи древнѣе Батыева нашествія, и принадлежало Торкамъ и Берендѣямъ, которые обитали на берегахъ Днѣпра, ниже Кіева. Тамъ находимъ и первое жилище Малороссійскихъ Козаковъ. Торки и Берендѣи назывались *Черкасами* [412]: Козаки также. Вспомнимъ *Касоговъ*, обитавшихъ, по

Происхожденіе Козаковъ.

нашимъ лѣтописямъ, между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ; вспомнимъ и страну *Казахію*, полагаемую Императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ въ сихъ же мѣстахъ; прибавимъ, что Оссетинцы и нынѣ именуютъ Черкесовъ *Касахами* (413); столько обстоятельствъ вмѣстѣ заставляютъ думать, что Торки и Берендѣи, называясь *Черкасами*, назывались и *Козиками*; что нѣкоторые изъ нихъ, не хотѣвъ покориться ни Моголамъ, ни Литвѣ, жили какъ вольные люди на островахъ Днѣпра, огражденныхъ скалами, непроходимымъ тростникомъ и болотами; приманили къ себѣ многихъ Россіянъ, бѣжавшихъ отъ угнетенія; смѣшались съ ними, и подъ именемъ *Козаковъ* составили одинъ народъ, который сдѣлался совершенно Русскимъ, тѣмъ легче, что предки ихъ, съ десятаго вѣка обитавъ въ области Кіевской, уже сами были почти Русскими. Болѣе и болѣе размножаясь числомъ, питая духъ независимости и братства, Козаки образовали воинскую Христіанскую Республику въ южныхъ странахъ Днѣпра, начали строить селенія, крѣпости въ сихъ опустошенныхъ Татарами мѣстахъ; взялись быть защитниками Литовскихъ владѣній со стороны Крымцевъ, Турковъ, и снискали особенное покровительство Сигизмунда I, давшаго имъ многія гражданскія вольности вмѣстѣ съ землями выше Днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ городъ *Черкасы* названъ

ихъ именемъ. Они раздѣляясь на *сотни* и *полки*, коихъ Глава или Гетманъ въ знакъ уваженія получилъ отъ Государя Польскаго, Стефана Батори, знамя Королевское, бунчукъ, булаву и печать (414). Сіи-то природные воины, усердные къ свободѣ и къ Вѣрѣ Греческой, долженствовали въ половинѣ XVII вѣка избавить Малороссію отъ власти иноплеменниковъ и возвратить нашему отечеству древнее достояніе онаго. — Собственно такъ называемые Козаки *Запорожскіе* были частію Малороссійскихъ: Сѣча ихъ, или земляная крѣпость ниже Днѣпровскихъ пороговъ, служила сперва сборнымъ мѣстомъ, а послѣ сдѣлалась жилищемъ холостыхъ Козаковъ, не имѣвшихъ никакого промысла, кромѣ войны и грабежа. — Вѣроятно, что примѣръ Украинскихъ Козаковъ, всегда вооруженныхъ и готовыхъ встрѣтить непріятеля, далъ мысль и сѣвернымъ городамъ нашимъ составить подобное земское войско. Область Рязанская, наиболѣе подверженная нападенію Ординскихъ хищниковъ, имѣла и болѣе нужды въ такихъ защитникахъ. Люди молодые, бездомовные, записывались въ Козаки, побуждаемые къ тому или нѣкоторыми особенными, гражданскими выгодами — можетъ быть, освобожденіемъ отъ всякихъ податей — или прелестію добычи воинской (415). Въ Исторіи слѣдующихъ временъ увидимъ *Козаковъ Ординскихъ, Азовскихъ, Ногайскихъ* и другихъ: сіе имя означало тогда

вольницу, наѣздниковъ, удальцевъ, но не *разбойниковъ,* какъ нѣкоторые утверждаютъ, ссылаясь на лексиконъ Турецкій [416]: оно безъ сомнѣнія не бранное, когда витязи мужественные, умирая за вольность, отечество и Вѣру, добровольно такъ назвались.

Купечество. Россія, не смотря на всѣ бѣдствія, нанесенныя ей Моголами, въ XIV и въ XV вѣкѣ имѣла знатное купечество. Древній, славный *путь Греческій* для насъ закрылся: открылись новые пути торговли, съ Востокомъ чрезъ Орду, съ Константинополемъ и съ Западомъ чрезъ Азовъ посредствомъ рѣки Дона. Купцы, торгующіе шелковыми тканями, назывались въ Москвѣ *Сурожанами*, по имени Сурожскаго или Азовскаго моря [417]: ибо онѣ привозились къ намъ изъ Азова. Сіи купцы были главными, вмѣстѣ *съ суконниками,* которые продавали Нѣмецкія сукна, получая оныя изъ Новагорода, гдѣ цвѣла торговля Ганзейская. За сіи иностранныя произведенія мы платили мѣхами. Россія была тогда привольемъ звѣрей, птицъ и ловцевъ. Еще непроходимые, дремучіе лѣса осѣняли большую часть земли: тишина, царствуя въ глубокомъ уединеніи пустынь, благопріятствовала размноженію всякаго рода животныхъ. Какъ въ XI столѣтіи дикіе кони, буйволы, вепри, олени стадами гуляли въ лѣсахъ южной Россіи, такъ въ сѣверной около пятагонадесять вѣка бобры, козы, лоси витали на

свободѣ: лебеди стаями плавали на рѣкахъ и озерахъ [418]. Россія, скудная людьми—отъ недавности своего населенія, отъ меча, отъ плѣненія, отъ частыхъ голодовъ и язвы—тѣмъ болѣе изобиловала дикими сокровищами Природы, коихъ источники всегда изсякаютъ отъ возрастающаго многолюдства. Ординскіе купцы живали въ Москвѣ, въ Твери, въ Ростовѣ; они доставляли намъ товары ремесленной Азіи и лошадей, а брали въ обмѣнъ (сверхъ драгоцѣнныхъ мѣховъ, нашихъ собственныхъ и Пермскихъ) множество ловчихъ птицъ, соколовъ, кречетовъ, привозимыхъ въ Великое Княженіе изъ *Двинской* земли. Вѣроятно, что Россіяне передавали Моголамъ и Нѣмецкія сукна, такъ же, какъ Нѣмцамъ плоды Азіатскаго ремесла. Казань заступила мѣсто древняго Царства Болгарскаго: купцы Московскіе и другіе торговали въ ней съ Востокомъ.—Ханы для своихъ выгодъ покровительствовали у насъ торговлю, чтобы мы, обогащаясь ею, тѣмъ исправнѣе платили Ординскую дань. Славный Венеціянскій путешественникъ, Марко Пауло, бывъ около 1270 года въ Великой Татаріи, въ Персіи и на берегахъ Каспійскаго моря, говоритъ о *хладной* Россіи, сказывая, что ея жители бѣлы, вообще хороши лицемъ, и что она богата *собственными серебряными рудниками* [419]: мы не имѣли ихъ, но дѣйствительно могли хвалиться знатнымъ количествомъ серебра, получаемаго нами отъ

Нѣмецкихъ купцевъ и черезъ Югру изъ Сибири. Новогородцы обѣщали Михаилу Тверскому 6000 фунтовъ серебра, а Витовту дѣйствительно заплатили около шестидесяти пудовъ: что прежде открытія Америки было весьма много. Не знаемъ за-подлинно, сколько мы ежегодно давали Ханамъ; однакожъ извѣстно, что въ 1384 году съ каждой *деревни* собиралось для нихъ около 12 золотниковъ серебра: а *деревня* состояла тогда обыкновенно изъ двухъ или трехъ дворовъ. Города платили иногда и золотомъ (420). Кромѣ сего земледѣльцы вносили въ казну Великокняжескую по гривнѣ съ сохи; кузнецы, рыбаки, лавочники также по гривнѣ (что составляло болѣе двухъ золотниковъ серебра). Дань Ханская отчасти возвращалась къ намъ изъ Орды торговлею. Наконецъ мы столько имѣли серебра, что могли отмѣнить мордки или *куны*, древнія наши *ассигнаціи*, бывшія не менѣе пяти сотъ лѣтъ въ обращеніи, и весьма полезныя для успѣховъ промышлености за недостаткомъ въ металлахъ. Казна, соблюдая умѣренность въ выпускѣ сихъ кожаныхъ знаковъ, умѣла держать ихъ въ цѣнѣ до самаго нашествія Батыева: тогда упали куны, ибо Моголы не хотѣли ихъ брать вмѣсто серебра; онѣ ходили еще нѣсколько времени въ Новѣгородѣ и Псковѣ, не имѣвшихъ тѣсной связи съ Ордою; но скоро и тамъ исчезли отъ затрудненія въ торговыхъ счетахъ съ другими

Россіянами, которые уже не признавали достоинства *мордокъ*: что прежде называлось *кунами*, стало называться *деньгами* (421) — и древняя кожаная гривна, оцѣненная на серебро, обратилась въ десятую часть рубля. Нѣтъ сомнѣнія, что сія перемѣна имѣла вредныя слѣдствія для внутренней торговли, вдругъ уменьшивъ въ Россіи количество денегъ. Города купеческіе имѣли серебро; но другіе, менѣе торговые, долженствовали нуждаться въ знакахъ для оцѣнки вещей: такъ въ землѣ Двинской, по уничтоженіи кожаныхъ лоскутковъ, называемыхъ кунами и векшами, опять ходили дѣйствительныя шкуры куницъ и бѣлокъ вмѣсто денегъ, какъ было у насъ въ самую глубокую древность; то есть, возобновилась непосредственная мѣна вещей, обыкновенная въ состояніи полудикихъ народовъ.

Касательно нашей внутренней торговли замѣтимъ, что ея свобода и выгоды обыкновенно входили въ условія государственныхъ постановленій. Владѣтельные Князья, опредѣляя легкія законныя пошлины съ купеческихъ возовъ и лодокъ, прибавляли въ договорныхъ грамотахъ: „а купцамъ торговать „безъ *рубежа* или безъ *зацѣпокъ*" (422). Кромѣ перевоза иностранныхъ вещей изъ мѣста въ мѣсто, жители нѣкоторыхъ областей промышляли своими особенными произведеніями: Новогородскіе хмѣлемъ и льномъ, Новоторжскіе кожами, Галичане и Двиняне солью.

Соль Галицкая уже славилась при Донскомъ. Псковитяне въ 1364 году также завели-было соляныя варницы, но скоро оставили. Хлѣбъ и рыба составляли знатнѣйшій изъ торговъ внутреннихъ. Частые неурожаи, бѣдственные для народа, обогащали купцевъ прозорливыхъ.

Хотя Моголы какъ бы заградили насъ отъ Европы; хотя уже Вѣнценосцы ея не вступали съ нашими въ брачные союзы, и кромѣ Иннокентіева посольства къ Александру Невскому, кромѣ Исидорова путешествія въ Италію, не было у насъ никакихъ государственныхъ сношеній съ Западомъ; хотя вообще иностранныя лѣтописи сего времени почти не упоминаютъ о Россіи: однакожь, через торговыя связи Новагорода съ Германіею, Москвитяне довольно скоро узнавали важнѣйшія Европейскія открытія, какъ-то изобрѣтеніе бумаги и пороха. Въ XV вѣкѣ мы уже перестали употреблять харатію или пергаменъ, замѣнивъ его гораздо дешевѣйшею тряпичною бумагою, покупаемою у Нѣмцевъ, которые доставляли намъ и снарядъ огнестрѣльный (423). Москва и Галичь оборонялись пушками; но въ описаніи полевыхъ битвъ говорится только о стрѣлахъ, мечахъ и копьяхъ: кажется, что пушки и пищали употреблялись единственно для защиты городовъ. — Къ художествамъ Русскимъ прибавилось одно новое: монетное; по крайней мѣрѣ со времень Ярослава Ве-

Изобрѣтенія, художества, роскошь, познанія, словесность.

ликаго мы не имѣли онаго. Монетчики назывались *денежниками*. — Памятниками тогдашняго зодчества остались нѣкоторыя довольно красивыя церкви, въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ. По лѣтописямъ извѣстно, что Св. Ольга жила въ каменномъ Дворцѣ: въ Москвѣ же, кромѣ церквей и городскихъ стѣнъ, не было ни одного каменнаго зданія до XV вѣка: ибо Князья и Вельможи предпочитали деревянные домы какъ благопріятнѣйшіе для здоровья. Сверхъ того частые мятежи и государственныя неустройства отвращали самыхъ богатыхъ людей отъ мысли строить долговременно и прочно; гдѣ нѣтъ твердаго порядка гражданскаго, тамъ рѣдко бываютъ и твердыя зданія. Новогородскій Архіепископъ Евфимій въ 1433 году поставилъ у себя на дворѣ *каменную съ тридцатью дверями палату*, украшенную живописью и боевыми часами, а Митрополитъ Іона такую же въ 1449 году, съ домовымъ храмомъ Положенія Ризъ; первую строили Нѣмецкіе Архитекторы. — Среди нынѣшней Москвы находилось еще не мало рощей и луговъ. Князья, Бояре имѣли свои мельницы, разные сады и домы загородные. Роскошь состояла во множествѣ слугъ, въ богатой одеждѣ, въ высокомъ домѣ, въ глубокихъ погребахъ, наполненныхъ бочками крѣпкаго меда; а всего болѣе въ созиданіи храмовъ и въ драгоцѣнныхъ окладахъ иконъ. Упомянувъ о слугахъ, замѣтимъ, что Вели-

кіе Князья, умирая, обыкновенно давали своимъ холопямъ волю (424): шакъ поступали и другіе знашные люди.

Нѣтъ сомнѣнія, что древній Кіевъ, украшенный памятниками Византійскихъ художествъ, оживляемый стеченіемъ купцевъ иностранныхъ, Грековъ, Нѣмцевъ, Италіянцевъ, превосходилъ Москву пятаго-надесять вѣка во многихъ отношеніяхъ. Мы загрубѣли, однакожь не столько, чтобы умъ лишился всей животворной силы своей и не оказывалъ ни въ чемъ успѣховъ. Греція до самаго ея паденія не преставала дѣйствовать на Россію: брала отъ насъ серебро, но давала намъ вмѣстѣ съ мощами и книги. Основаніемъ Московской Патріаршей библіотеки, извѣстной въ ученой Европѣ, была Митрополитская, заведенная во время господства Ханскаго надъ Россіею и богатая не только церковными рукописями, но и древнѣйшими твореніями Греческой Словесности (425). Знаніе Еллинскаго языка составляло ученость, почти необходимую для знатнѣйшаго Духовенства, которое находилось въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ Царемградомъ. Такимъ образомъ церковная наша зависимость, вредная въ смыслѣ Политики, благопріятствовала у насъ просвѣщенію; то есть, не давала ему совершенно угаснуть, по крайней мѣрѣ въ Духовенствѣ. Любопытные міряне искали свѣдѣній въ монастыряхъ: вопрошали Иноковъ о предметахъ Христіанства

и нравственности, о самыхъ государственныхъ дѣяніяхъ временъ минувшихъ: ибо тамъ жила Исторія Россійская, какъ и прежде; тамъ, усерднымъ перомъ Черноризцевъ, она изображала плачевную судьбу отечества, мѣшая повѣствованіе съ наставленіями. Волынскій Лѣтописецъ приводитъ мѣста изъ Гомера: Московскій упоминаетъ о Пиѳагорѣ и Платонѣ [426]. Кромѣ церковныхъ или душеспасительныхъ книгъ, мы имѣли отъ Грековъ всемірныя лѣтописи и разныя историческія, нравственныя, баснословныя повѣсти; на примѣръ: о *храбрости Александра Македонскаго*, переводъ Арріана — о *Синагрипѣ*, Царѣ *Адоровѣ* — о *витязяхъ древности* — о *богатствахъ Индіи* [427], и проч. Вторая изъ сихъ повѣстей есть Арабская (изданная на Французскомъ языкѣ въ продолженіи *Тысячи-одной ночи*): вѣроятно, что она въ XIII или въ XIV вѣкѣ была переведена на Русской съ Греческаго. Между тогдашними произведеніями собственной нашей Словесности достопамятны піитическое изображеніе Куликовской битвы и похвала Димитрію Донскому. Первое, сочиненное Рязанцемъ, Іереемъ Софроніемъ, многими чертами напоминаетъ *Слово о полку Игоревѣ*, хотя и менѣе стихотворно. На примѣръ [428]: ,,Князь Владиміръ ,,такъ говоритъ Димитрію: Воеводы наши ,,крѣпки, витязи Русскіе славны, кони ихъ ,,борзы, доспѣхи тверды, щиты червленые,

,,копья злаченыя, сабли булатныя, *курды* ,,Ляцкія, колчаны Фряжскіе, сулицы Нѣмец- ,,кія; всѣ пути знакомы имъ, берега Оки ,,свѣдомы. Хотятъ витязи положить свои ,,головы за Вѣру Христіанскую и за обиду ,,Великаго Князя Димитрія . . . . . Вели- ,,кая Княгиня Евдокія съ иными женами ,,Воеводскими сидитъ печально въ злато- ,,верхомъ теремѣ, подъ окнами южными, ,,смотритъ въ слѣдъ супругу милому, льетъ ,,слезы ручьями, и приложивъ руки къ пер- ,,сямъ, такъ вѣщаетъ: Боже великій! умоляю ,,Тебя смиренно: сподоби меня еще видѣть ,,моего друга, славнаго между людьми, Князя ,,Димитрія! Помоги ему на враговъ рукою ,,крѣпкою! Да не падутъ Христіане отъ ,,Мамая невѣрнаго, какъ пали нѣкогда отъ ,,злаго Батыя! Да спасется остатокъ ихъ ,,и да славитъ имя Твое святое! Уныла ,,земля Русская: только на Тебя уповаемъ, ,,Око Всевидящее! Имѣю двухъ младенцевъ ,,беззащитныхъ: кому закрыть ихъ отъ ,,вѣтра бурнаго, отъ зноя палящаго? Возвра- ,,ти имъ отца, да царствуютъ во вѣки! . . . .

,,Славный Волынецъ, мужъ исполненный ,,ратной мудрости, на канунѣ битвы, въ ,,глубокую ночь, зоветъ Великаго Князя въ ,,чистое поле, да узнаетъ тамъ судьбу ,,отечества. Впереди станъ Мамаевъ: за ,,нимъ Россійскій. *Внимай*! сказалъ Волы- ,,нецъ . . . и Димитрій, обратяся къ Ма- ,,маеву стану, слышитъ стукъ и кличь,

,,подобный шуму многолюднаго торжища ,,или созидаемаго града, или звуку трубъ ,,безчисленныхъ. Далѣе грозно воютъ звѣри ,,и кричатъ вороны; гуси и лебеди плещутъ ,,крылами по рѣкѣ Непрядвѣ и предвѣща-,,ютъ грозу необычайную. *Обратися къ ,,стану Русскому*! говоритъ Волынецъ — ,,*что слышишь*? . . . *Все тихо*, отвѣт-,,ствуетъ Димитрій: *вижу только сліяніе ,,огней небесныхъ съ блестящими зарями* ,, . . . Волынецъ сходитъ съ коня; ухомъ ,,приникаетъ къ землѣ; слушаетъ долго; ,,встаетъ и безмолвствуетъ. Великій Князь ,,требуетъ отповѣди. *Добро и зло ожи-,,даетъ насъ*, говоритъ ему сей мудрый ви-,,тязь: *плачутъ обѣ страны, единая какъ ,,вдовица, другая какъ дѣва жалобнымъ гла-,,сомъ свирѣли. Ты побѣдишь, Димитрій; ,,но много, много падетъ нашихъ*! Димитрій ,,пролилъ слезы . . . .

,,Сходятся рати подъ густою мглою. ,,Знамена Христіанскія воспрянули; кони ,,подъ всадниками присмирѣли; звучатъ трубы ,,наши громко, Татарскія глухо Стонетъ ,,земля на Востокъ до моря, на Западъ до ,,рѣки Дуная. Поле отъ тягости переги-,,бается; воды изъ береговъ выступаютъ ,, ... Часъ насталъ. Каждый воинъ, ,,ударивъ по коню, воскликнулъ: *Господи*! ,,*помози Христіанамъ*! и быстро впередъ ,,устремился . . . Сразились, не только ,,оружіемъ, но и *сами о себя избивая другъ*

,,*друга*; умирали подъ ногами конскими; ,,задыхались отъ тѣсноты на полѣ Куликовѣ. Зари кровавыя блистаютъ отъ сіянія мечей; лѣсъ копій трещитъ и ломается. Удалые витязи наши какъ величественная дубрава склонялись на землю. О чудо! разверзлося небо надъ полками ,,Димитрія; видимъ свѣтлое облако, исполненное рукъ человѣческихъ, которыя держатъ лучезарные вѣнцы для побѣдителей . . . И се воины Князя Владиміра ,,рвутся изъ засады на Мамая какъ соколы ,,на стадо гусиное, какъ гости на пиръ ,,брачный; ударили, и врагъ бѣжитъ, восклицая: *увы тебѣ, Мамай! вознесся до небесъ, ,,и въ адъ нисходишь!*" и проч.

Въ похвальномъ словѣ Димитрію есть сила и нѣжность. Описывая добродѣтели сего Великаго Князя, сочинитель говоритъ (429): ,,Нѣкоторые люди заслуживаютъ похвалу въ юношествѣ, другіе въ лѣта среднія, или въ старости: Димитрій всю ,,жизнь совершилъ во благѣ. Принявъ власть ,,отъ Бога, онъ съ Богомъ возвеличилъ ,,землю Русскую, которая во дни его ,,княженія *воскипѣла* славою; былъ для отечества стѣною и твердію; а для враговъ ,,огнемъ и мечемъ; кротко-повелителенъ ,,съ Князьями, тихъ, *увѣтливъ* съ Боярами; имѣлъ умъ высокій, сердце смиренное; взоръ красный, душу чистую; мало говорилъ, разумѣлъ много; когда же го-

,,ворилъ, тогда Философамъ заграждалъ ус-
,,та; благотворя всѣмъ, могъ назваться
,,*окомъ слѣпыхъ, ногою хромыхъ, трубою*
,,*спящихъ въ опасности* . . . . . Когда же ве-
,,ликій *Царь* земли Русскія, Димитрій, за-
,,снулъ сномъ вѣчнымъ: тогда *аэръ* возмутил-
,,ся, земля потряслася, люди ужаснулись. О
,,день скорби и *туги*, день мрака и бѣд-
,,ствія, вопля и захлипанія! Народъ вѣщалъ:
,,*о горе намъ, братіе! Князь Князей преста-*
,,*вился; звѣзда, сіяющая міру, склонилась къ*
,,*западу!*"— О супружеской взаимной любви
Димитрія и Великой Княгини Евдокіи ска-
зано такъ: ,,Оба жили единою душею въ
,,двухъ тѣлахъ; оба жили единою добродѣ-
,,телію, какъ *златоперсистый* голубь и *слад-*
,,*коглаголивая* ластовица съ умиленіемъ смо-
,,тряся въ чистое зерцало совѣсти.... Ви-
,,дя же его мертваго на одрѣ, Княгиня
,,горько восплакала, проливая *слезы огнен-*
,,*ныя*; гласъ ея какъ утреннее шептаніе лас-
,,товицы, какъ органы сладкозвучные. Такъ
,,вѣщаетъ горестная: Зашелъ свѣтъ очей
,,моихъ; погибло сокровище моей жизни! Гдѣ
,,ты, безцѣнный? Почто не отвѣтствуешь
,,супругѣ?.. Цвѣтъ прекрасный! для чего увя-
,,даешь столь рано? виноградъ многоплодный!
,,уже ты не дашь плода моему сердцу, ни сла-
,,дости душѣ моей!.. Воззри, воззри на меня;
,,обратися ко мнѣ на одрѣ своемъ; промолви
,,слово! Не уже ли забылъ меня? Се жена и
,,дѣти твои!.. Кому супругу приказываешь?

,,на кого сиротъ оставляешь?.... Царь мой ,,милый! какъ обниму тебя? какъ послужу ,,тебѣ?.. Гдѣ честь твоя и слава? Былъ Го- ,,сударемъ всей земли Русской: нынѣ мертвъ ,,и ничѣмъ не владѣешь! Побѣдитель наро- ,,довъ побѣжденъ смертію! Измѣнилась твоя ,,слава вмѣстѣ съ лицемъ твоимъ!... О жизнь ,,души моей! не знаю, какъ ласкать, какъ ,,миловать тебя!... Багряницу многоцѣнную ,,промѣнялъ ты на сіи ризы бѣдныя! Не мо- ,,его наряда одежду на себя возлагаешь!... ,,Отвергнувъ Княжескій вѣнецъ, худымъ пла- ,,томъ главу покрываешь! Изъ палаты кра- ,,сной въ сей гробъ переселяешься! . . . Ахъ! ,,если бы Господь услышалъ молитву мою!... ,,Молися и ты за свою Княгиню, да умру ,,съ тобою, бывъ неразлучна съ тобою въ ,,жизни!... Еще юность насъ не оставила; ,,еще старость насъ не постигла! Ахъ! не ,,долго я радовалась моимъ другомъ! За веселіе ,,пришли слезы, за утѣхи скорбь несносная!... ,,Почто я родилася? или почто не умерла ,,прежде тебя? Тогда я не видала бы твоей ,,кончины, а своей погибели!... Не слышишь ,,жалкихъ рѣчей моихъ; не умиляешься мо- ,,ими слезами горькими! Крѣпко уснулъ, ,,Царь мой; не могу разбудить тебя! Съ ка- ,,кой войны пришелъ ты, любезный? Отъ ,,чего столь утомился? Звѣри земные идутъ ,,на ложе свое, а птицы небесныя летятъ ,,ко гнѣздамъ: ты же, любезный, отходишь ,,навѣки отъ своего дому!... Кому уподоблю,

„какъ назову себя? Вдовою ли? ахъ! не знаю „сего имени! Женою ли? но Царь оставилъ „меня!... Вдовы старыя! утѣшайте меня! „Вдовы юныя! плачьте со мною! Горесть „вдовья жалостнѣе всѣхъ горестей.... Боже „великій, Царь Царей! Ты единъ буди мнѣ „истиннымъ утѣшителемъ!“—Сіи приведенныя нами мѣста суть, кажется, лучшіе памятники тогдашняго краснорѣчія. Люди всегда находили сильныя черты для описанія воинскихъ ужасовъ и горестей любви: воображеніе и сердце дѣйствуютъ и въ то время, когда умъ дремлетъ.

Сверхъ церковнаго наставленія и мудрыхъ изрѣченій Св. Писанія, которыя врѣзывались въ память людей, Россія имѣла особенную систему правоученія въ своихъ народныхъ пословицахъ. Многія изъ оныхъ несомнительно относятся къ сему времени; на примѣръ: *гдѣ Царь, тамъ и Орда*; или: *такали, такали Новогородцы, да и протакали* (430). Нынѣ умники пишутъ: въ старину только говорили; опыты, наблюденія, достопамятныя мысли въ вѣкъ малограмотный сообщались изустно. Нынѣ живутъ мертвые въ книгахъ: тогда жили въ пословицахъ. Все хорошо придуманное, сильно сказанное, передавалось изъ рода въ родъ. Мы легко забываемъ читанное, зная, что въ случаѣ нужды можемъ опять развернуть книгу: но предки наши помнили слышанное, ибо забвеніемъ могли навсегда утратить счастливую

Пословицы.

мысль или свѣдѣніе любопытное. Добрый ку-
пецъ, Бояринъ, рѣдко грамотный, любилъ вну-
чатамъ своимъ твердить умное слово дѣда его,
которое обращалось въ семейственную по-
словицу. Такъ разумъ человѣческій въ самомъ
величайшемъ стѣсненіи находитъ какой ни-
будь способъ дѣйствовать, подобно какъ
рѣка, запертая скалою, ищетъ тока хотя
подъ землею, или сквозь камни сочится мел-
Пѣсни. кими ручейками.—Вѣроятно, что и нѣко-
торыя народныя пѣсни Русскія, въ особен-
ности историческія о благословенныхъ вре-
менахъ Владиміра Святаго, были сочинены
въ вѣки нашего рабства государственнаго,
когда воображеніе, унывая подъ игомъ не-
вѣрныхъ, любило ободряться воспомина-
ніемъ прошедшей славы отечества. Русской
Языкъ. поетъ въ веселіи и въ печали.—Вообще языкъ
нашъ отъ XIII до XV вѣка пріобрѣлъ болѣе
чистоты и правильности. Оставляя употре-
бленіе собственнаго Русскаго, необразован-
наго нарѣчія, Писатели тщательнѣе держа-
лись Грамматики церковныхъ книгъ или дре-
вняго Сербскаго, коего памятникъ есть на-
ша Библія (431), и коему слѣдовали они не
только въ склоненіяхъ и въ спряженіяхъ, но
и въ выговорѣ или въ изображеніи словъ;
однакожъ, подобно Лѣтописцу Нестору,
ошибались иногда и на употребленіе: отъ
чего въ слогѣ нашемъ закоренѣла пестрота,
освященная древностію, такъ, что мы и
нынѣ въ одной книгѣ, на одной страницѣ

пишемъ *злато* и *золото*, *гладъ* и *голодъ*, *младость* и *молодость*, *пію* и *пью*. Еще не время было для Россіянъ дать языку ту силу, гибкость, пріятность, тонкость, которыя соединяются съ выспренними успѣхами разума въ мирномъ благоденствіи гражданскихъ обществъ, съ богатствомъ мыслей и знаній, съ образованіемъ вкуса или чувства изящности: по крайней мѣрѣ видимъ, что предки наши трудились надъ яснѣйшимъ выраженіемъ своихъ мыслей, смягчали грубые звуки словъ, наблюдали въ ихъ теченіи какую-то плавность (432). Наконецъ, не ослѣпляясь народнымъ самолюбіемъ, скажемъ, что Россіяне сихъ вѣковъ въ сравненіи съ другими Европейцами могли по справедливости казаться невѣждами; однакожь не утратили всѣхъ признаковъ гражданскаго образованія и доказали, сколь оно *живуще* подъ самыми сильными ударами варварства!

Человѣкъ, преодолѣвъ жестокую болѣзнь, увѣряется въ дѣятельности своихъ жизненныхъ силъ и тѣмъ болѣе надѣется на долголѣтіе: Россія, угнетенная, подавленная всякими бѣдствіями, уцѣлѣла и возстала въ новомъ величіи, такъ, что Исторія едва ли представляетъ намъ два примѣра въ семъ родѣ. Вѣря Провидѣнію, можемъ ласкать себя мыслію, что Оно назначило Россіи быть долговѣчною.

Конецъ V Тома.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ V ТОМУ

ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) Великій Князь, отпустивъ посла Акдулина, ѣздилъ изъ Владиміра въ Переславль Залѣсскій. — *Никон. Лѣт.* именуетъ посла Мурутова Иляковъ, и говоритъ, что Димитрій Суздальскій господствовалъ тогда въ Владимірѣ 12 дней (вмѣсто недѣли). Сей Лѣтописецъ прибавляетъ еще, что Димитрій Констанпиновичь, изъявивъ покорность Великому Князю, уѣхалъ въ Нижній къ своему брату Андрею.

(2) См. *Никон. Лѣт.* г. 1363, стр. 5, и *Ростовск.* Въ *Русск. Лѣт.* Львова сказано: „Тое же зимы повоеваша Князи Ростовскіе межъ собою со Кня„земъ Константиномъ *Андреевичемъ* и побѣжалъ Князь изъ Ростова во „Ржеву. Того же лѣта пріѣхалъ Князь *Владиміровичь* въ Ростовъ, а съ „нимъ Князь Иванъ Ржевской съ войною въ велицѣй силѣ, а Князь Кон„стантинъ *Владиміровичь* и братъ его побѣжали на Устюгъ." *Въ то время,* сколько намъ извѣстно, не было въ Ростовѣ ни Константина *Андреевича, ни* Константина *Владиміровича.* Сей же Лѣтописецъ прибавляетъ, что Великій Князь плѣнилъ жену Димитрія Галицкаго.

(3) Іоаннъ Іоанновичь преставился въ 1364 году, Окт. 23, а мать его, *Вел. Княгиня Александра, названная въ Монашествѣ Маріею,* Дек. 27; первый погребенъ въ Архангельскомъ Соборѣ, а вторая въ придѣлѣ монастыря Спасскаго или Преображенскаго.

См. *договорную грамоту въ Древн. Рос. Вивліов.* I, *74.* Писанная на бумагѣ, и безъ печатей, сія грамота не есть подлинникъ. Въ ней встрѣчаются выраженія: *по згадцѣ, на перевары.* Первое значило: *по обстоятельствамъ,* или *по соображенію съ обстоятельствами;* а *переварами* назывались тѣ мѣста, гдѣ варили для Князей оброчный медъ.

(4) „Въ то же лѣто (1365), Іуніа во 2 день, преставися К. Андрей „Конст. въ Чернцѣхъ и въ Схимѣ, и положенъ бысть въ церкви Спаса" (въ Нижнемъ). Сей Андрей построилъ тамъ близъ дворца своего каменную церковь Св. Архистратига Михаила. Въ *Троицкой:* „Княгиня же Ва„силиса, много плакавше по Князи своемъ, пребысть вдовою 4 лѣта; по„стрижена бысть отъ Діонисья Архимандрита Печерскаго, и наречено „бысть имя ей Ѳеодора. — Бысть ей тогда отъ роженья лѣтъ 40, и „раздавала все имѣнье свое церквамъ и монастыремъ и нищимъ, а слугы „своя и рабы и рабыни распустила на свободу, а сама нача жити въ мо„настырѣ у Св. Зачанья, иже сама создала при Князи своемъ; живяще „же въ молчаніи, тружаяся рукодѣльемъ, постомъ, поклоны творя, моли„твами и слезами, стояніемъ нощнымъ и неспаніемъ; многажды и всю нощь „безъ сна пребываше, овогда чрезъ день, овогда чрезъ два, иногдаже и пять „дней не ядяше; въ мовню не хожаше, въ срачицѣ не хожаше, но власяни„цу на тѣлѣ своемъ ношаше; пива и меду не пьяше, на пирѣхъ и на свадь„бахъ не бываше, изъ монастыря не исхожаше; злобы ни на коего же „не держаше; ко всѣмъ любовь имѣяше. Таковое же доброе и чистое „житье ея видѣвше, мнози Болярыни, жены и вдовици и дѣвици постри-

„гошася у ней, яко бысть ихъ числомъ и до девяноста, и вси общее „житье живяху. Княгиня же Василиса, поживши въ Черницахъ восемь „лѣтъ и поболѣвши нѣколико дній, преставися ко Господу."

Далѣе: „К. Димитрій Константиновичь съ матерію своею *Еленою* пріи-„де къ Новугороду Нижнему: Князь же Борисъ не поступися ему. Онъ „же иде къ Москвѣ.... Тое же зимы пріиде посолъ отъ Царя изъ Орды „Байрамхози и отъ Царицы Асанъ, и посадиша въ Новѣгородѣ Нижнемъ „на Княженіи Княза Бориса." Сынъ Димитрія Константиновича, Василій, ѣздившій въ Орду, прозывался Кирдяпою. — Далѣе: „Дошедшу Дими-„трію Константиновичу Бережца, и ту стрѣте й Кн. Борисъ и доби че-„ломъ ему." Въ *Ростов.*: „тое же зимы (1367), Іаннуаріа въ 18 день, же-„нился Вел. К. Димитрій *вторымъ бракомъ*, понялъ за себя у К. Дим. „Константиновича дщерь Евдокію." Въ *Троицк.* и другихъ лѣтописяхъ нѣтъ словъ: *вторымъ бракомъ*.

(5) Въ *Псков. Лѣт.*: „въ лѣто 6868 (1360) бысть во Псковѣ другый „моръ. Тогда и Остафій Князь преставись, и два сына его, Карпъ и А-„лексій." — Въ *Троицкой*: „въ лѣто 6872 бысть моръ въ Новѣгородѣ въ „Нижнемъ, и на уѣздѣ, и на Сару (Сурѣ), и на Кипни, и по странамъ... „А пришелъ изъ Низу отъ Бездежа; а отшолъ на Коломну, на другое лѣ-„то въ Переяславль, на другое лѣто въ Москву," и проч. Въ *Никонов.*: „на Бѣлѣозерѣ тогда ни единъ живъ обрѣтеся." Далѣе см. лѣтописи *Ростов.* и *Никон.* Въ первой: „бысть моръ въ Торжку *угорщиною*." Во второй: „Преставись Княгиня Великая Настасья Александрова, таже Княгиня „*Авдотья* Костянтинова, таже К. Семенъ Констянтиновичь, а отчины „своей удѣлъ и Княгиню приказа Князю Михаилу Александровичу. Таже „преставись Княгиня Всеволожа Софея, и потомъ самъ Князь Всеволодъ, „таже братъ его К. Андрей, таже Княгиня его Евдокія, и К. Володи-„мерь Александровичь." — Въ Смоленскѣ язва была въ 1377, 1386 и 1387 году, а во Псковѣ еще въ 1389.

(6) См. *Троицк. Лѣт.* г. 6873 (1365). — Далѣе: „Тое же зимы Князь „Великій, погадавъ съ братомъ съ Володимеромъ и со всѣми Бояры ста-„рѣйшими, и сдумаша ставити городъ камень Москву. Тое же зимы по-„везоша каменье къ городу. Тое же весны (1367) почали ставить городъ „каменъ."

(7) Тагай выжегъ Рязань въ 1365 году. Сраженіе было подъ Шишев-скимъ лѣсомъ, на Войновѣ. Тагай ушелъ съ малымъ числомъ своихъ. Не отъ сего ли Мурзы городъ Тагай получилъ имя? — Упоминаемый здѣсь Титъ Козельскій названъ въ Родословныхъ Книгахъ *внукомъ* Св. Михаи-ла Черниговскаго (что не вѣроятно по времени). — Далѣе: „Того жь лѣ-„та (1367) Булатъ-Темирь пограби уѣздъ до Волги и до Сундовити.... „По *зажитьямъ* множество Татаръ побьени быша" — то есть, въ разъ-ѣздахъ для собранія съѣстныхъ припасовъ.

(8) Въ *Ростов.*: „той же зимы (1364) съ Югры Новогородцы пріѣхаша, „Дѣти Боярскіе и люди молоды Воеводы, Александръ Обакуновичь, вое-„ваша по Оби рѣкѣ и до моря, а другая половина на верхъ Оби, и Дви-„няне сташа противу ихъ полкомъ, и избиша Двинянъ на *Кугрѣ*." Въ

Троицкой: „того жъ лѣта (1365) пойдоша Новгородци изъ Югры, а Дви„няне *взяша Нукурью*.“ Говорится объ одномъ происшествіи, но смыслъ несогласенъ: по *Ростов*. Новогородцы сражались съ Двинянами, а по *Троицк*. Двиняне вмѣстѣ съ ними ходили тогда воевать къ предѣламъ Сибири. — Въ *Новогород. Лѣт*.: „*Ходиша изъ Новагорода* (въ 1366 *году*) *люди моло„дыи* на Влъгу безъ Новогородскаго слова“ — безъ вѣдома Правителей — „а Воеводою Есипъ Варѳоломеевичь, Василій Ѳеодоровичь, Александръ „Обакуновичь; того жъ лѣта пріидоша вси здрави въ Новгородъ.“ Въ *Троицкой*: „Пройдоша Волгой изъ Новагорода изъ Великаго 150 *ушкуевъ* „(лодокъ) Ноугородци разбойници *ушкуйници*, избиша Татаръ множест„во, Бесерменъ и Орменъ въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ, женъ и дѣтей, то„варъ ихъ пограбиша, а съсуды (суда) ихъ, *кербати* и лодьи и учаны и „*пабусы* и струги, то все посѣкоша, а сами отъидоша въ Каму, и прой„доша до Болгаръ, такоже творяще и воююще.“ — Того же лѣта (1366) „на зиму отъ Князя изымаша Василья Даниловича съ сыномъ на Вологдѣ, „а онъ шелъ съ Двины, а того бяше не вѣдалъ, не стерегълся. Въ лѣто „6875 посылаша Новгородци послове къ Вел. Князю, и докончаша миръ, „и Князь отпусти Василіа и сына его Ивана, и Намѣстника своего при„сла въ Новгородъ.“

(9) См. *Никон. Лѣт*. IV, 5 и 12. Еще въ 1363 году Князь Василій Михайловичь ходилъ съ войскомъ къ Микулину, но помирился съ Михаиломъ. „Въ лѣто 6874 (1366) бысть розмирье Князю Василію, да Князю Іеремею „(Константиновичу) со Княземъ съ Михайломъ Александровичемъ про „удѣлъ Князя Семена Костянтиновича, и по Митрополичью повелѣнію „судилъ ихъ Владыка Василей, и оправилъ Князя Михаила... Въ лѣто „6875 (1367) Князь Великій Дмитрій всѣхъ Князей Рускихъ привожаше „подъ свою волю, а которые не повиновахуся, и на тѣхъ нача посягати, „тако же и на Князя Михайла Тверскаго; и К. Михайло пойде въ Лит„ву, а К. Василей и сынъ его, К. Михайло, и К. Іеремей приставомъ Ми„трополичьимъ позвали на Москву на судъ передъ Митрополита Влады„ку Василія, что ихъ судилъ не по правдѣ; и тако на Москвѣ про тотъ „судъ Владыцѣ сотворися протор велик, а во Тфери Житейскимъ лю„демъ. Князь же Василей съ своею Княгинею и съ сыномъ Михайломъ и „съ К. Іеремеемъ и со всею силою Кашинскою пріѣхаша во Тферь, и ве„лику погибель створиша людемъ; и къ Городку ратью ходили, и испро„сили себѣ помощи у Князя Великаго Дмитрія, и не взевше взвратили„ся назадъ, извоевавше власти (волости) и села. Рать Московская и Во„лоцкая извоеваша села Тверскія на сей странѣ Волги, церковныя и Св. „Спаса Епископьи. Того жъ лѣта въ осеннiѣ, на завтріе по Дмитріевѣ „дни, Князь Михайло Тферскій, пріѣхавъ изъ Литвы во Тферь своею ра„тью, и изнималъ Княгиню Іеремееву и Княгиню Васильеву Елену и ее „всѣхъ Бояръ и Бояръ дяди, и пошелъ ратью Литовской къ Кашину, и „срѣтиша его отъ дяди и отъ Владыки послы въ Андреевскомъ селѣ... „и въ томъ мѣстѣ рать увернулъ, а подъ дялею миръ взялъ со Княземъ съ „Великимъ, съ Дмитріемъ... Князь же Михайло Княгиню Іеремееву отпу„сти, а на зиму о Крещеніи К. Михайло Васильевичь Кашинскій отъ отца

„своего припедъ съ любовію ко Князю Михаилу Александровичу . . . Того „же лѣта К. Іеремей сложи цѣлованіе крестное ко Князю Михайлу и „поѣха на Москву.“ — Удѣломъ Іеремеевымъ былъ *Дорогобужъ*, нынѣ село *Дорожево* въ Тверской Губерніи.

(10) См. ниже мирный договоръ сего Князя съ Димитріемъ. — Въ *Троицк.*: „Того же лѣта (1368) Кн. Вел. Дмитрій Иван., да Алексѣй Митропо-„литъ зазваша Князя Михайла любовью на Москву, и бысть имъ *судъ* „на третей“: новѣйшіе переписчики, не понявъ сего выраженія, прибавили: „на третей *день*!“ Далѣе: „Князь Михайло тогды сѣдѣлъ на Гаврилинѣ дво-„рѣ . . . и внезапу пріидоша отъ Орды Татарове, Карачь“ (въ *Никонов.*: и Ѳандаръ и Тютекашъ) — „они же, подумавше, и тако попускаша ихъ (Ми-„хаила съ Боярами) въ свояси.“ Въ *Русск. Лѣт.* Львова: „укрѣпиша его „крестнымъ цѣлованіемъ.“ Далѣе см. *Никон. Лѣт.*

(11) Въ Родословныхъ Книгахъ сей Василій несправедливо названъ бездѣтнымъ, вмѣсто его внука, также Василія Михайловича.

(12) См. *Никон. Лѣт.* IV, 5, и *Больш. Чертежъ*. стр. 162. Стриковскій пишетъ (*Хрон. Литов.* кн. XII, гл. 2), что Ольгердъ съ племянниками своими, Александромъ, Константиномъ, Георгіемъ и Ѳеодоромъ Коріатовичами, близъ Синей Воды, въ Подоліи, разбивъ трехъ Князей Могольскихъ, Кутлубака Солтана, Качибейкирея и Димейтера Солтана (*будто бы еще въ 1331 году*) прогналъ Татаръ въ Крымъ и за Донъ; что Коріатовичи, завладѣвъ Подоліею, основали тамъ города *Бекоту*, Смотричь, *Каменецъ*, *Брацлавъ*, *Межибожъ*, *Теребовль* (развѣ только *возобновили*? ибо о сихъ городахъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ XI, XII и XIII вѣка) Винницу, Брезаницу, Хмѣльникъ; что Волохи избрали себѣ Георгія Коріатовича въ Господари, но отравили его въ Сочавѣ и погребли въ каменномъ Васильевѣ монастырѣ за Берладомъ, и проч. Братья Коріатовичи, не довольные послѣ дядею, прибѣгнули къ Королямъ Венгерскому и Польскому. Ѳеодоръ со многими Россіянами переселился въ Венгрію, въ Мункачъ, гдѣ, называясь тамошнимъ Герцогомъ, основалъ монастырь и церковь Греческой Вѣры (см. Базиловича Notit. Fundationis Theodori Koriatovits pro Religiosis Ruthenis in monte Csernek ad Munkacs). — Далѣе см. Нарушевича *Таврикію*, стр. 108, и нашей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 146. — Литовцы взяли Ржевъ въ 1363 году. Въ *Никон. Лѣт.* безъ сомнѣнія ошибкою стоитъ *Коршева*, вмѣсто Ржева. — Далѣе: „К. Андрей Олгердовичь „Полотскій воева Ховрачь, да Родень“ (Рудню въ Смоленск. Губерніи). — О Витовтѣ см. Стриков. *Литов. Хрон.* кн. XII, гл. 10. Онъ называетъ его обыкновенно *Витольдомъ*.

(13) „Обычай бо бѣ Ольгерду, егда куда поидяше на войну, тогда ни-„кому же невѣдущу воиномъ его, камо хощетъ ити ратью, ни инымъ „отрицнимъ или внѣшнимъ, или иноземцомъ, или гостемъ, да не услыша-„на будетъ дума его въ ушію иноземцемъ, и таковою хитростью Олгердъ „многы земли поималъ, не толма силою, елико умѣньемъ воеваше.“

(14) Князь Симеонъ убитъ въ области *Холхлѣ*. Онъ былъ праправнукъ перваго Князя Стародубскаго, Іоанна Всеволодовича. — Городъ Оболенскъ (*нынѣ слобода* въ Калужской Губерніи, на рѣкѣ Нарѣ) принадлежалъ къ

древней странѣ Вятичей, и слѣдственно къ областямъ Черниговскимъ. Отецъ Константина Оболенскаго, Юрій Торусскій, въ Родословныхъ Книгахъ названъ сыномъ Св. Михаила Черниговскаго!! Довольно, что онъ происходилъ отъ Михаила. — Тростенское озеро находится въ Москов. Губ., въ Рузскомъ уѣздѣ.

(15) „Примета дѣля," сказано въ лѣтописяхъ — то есть, чтобы осаждающіе не могли сдѣлать примета къ стѣнамъ городскимъ. Въ *Троицк.*: „Олгердъ стоялъ около города (Кремля) 3 дни и 3 нощи; остановъ загородья пожже .... *Толь велико зло отъ Литвы не бывало въ Руси*, аще „и отъ Татаръ бывало; отъ Ѳедорчюковы рати (въ 1327 году) до Олгер-„довы лѣтъ 41."

(16) *Лѣт. Псков.*: „Въ лѣто 6870 пригнавше Нѣмци избиша на Лидвѣ „нѣколико головъ Псковскыхъ, а на миру, и Пьсковичи пріяша гостей „Нѣмецкыхъ, и много на нихъ сребра поимавше, отпустиша на другое „лѣто." Въ *Новгород.*: „Въ лѣто 6871 пріѣздиша послове Нѣмедьскіи, „Юрьевъскіи и Белневѣдскыи (Феллинскіе) въ Новъгородъ на смолву съ „Плесковичи; такоже и Плесковичи пріидоша въ Новгородъ, и повѣствовавше много, поидоша прочь, а миру не докончавъ. Пріимаша гость Новогородскій въ Юрьевѣ. — Того же лѣта ходивше Новогородци и послове „изъ Концевъ по Боярину въ Юрьевъ въ Нѣмецкій, и смолвиша Нѣмець „съ Плесковичи въ любовь, и бысть между ими мирно, и Плесковичи пу-„стиша отъ себе Нѣмецкой гость, а Нѣмци Новогородскій." — Въ *Псковской*: „Въ лѣто 6876 (1368) пріѣха посолъ отъ Князя Великаго Никита, „и бывъ въ Юрьевѣ многы дни, и не учинивъ ни мало на добро ничтоже, „пріѣха въ Псковъ, а за нимъ наборзѣ рать Нѣмецькая пріиде къ Пскову „Сент. въ 24, и пожгоша Запсковіе и *полонище* (по древнему *болонье*) „и тоя же нощы отбѣгоша, а на миру ... Тогда не бысть въ градѣ Кня-„зя Александра, ни Посадниковъ, но по селомъ въ разъѣздѣ." Въ одной краткой лѣтописи сказано: „Въ лѣто 6882 (1374) прибѣже Князь Алек-„сандръ *Полотскій* въ Плесковъ." Болѣе ничего не знаемъ о семъ Князѣ, вѣроятно, происшедшемъ отъ древнихъ Князей Рогнѣдина племени. Далѣе: „Въ то жъ время иная рать Нѣмецкая ходиша *торономъ* (набѣгомъ?) око-„ло Велья и по Залѣсью, и нѣколико мужей гнашась въ слѣдъ ихъ, и та-„ко *побиша многыхъ добрыхъ людей. И Псковичи* съ Кн. Александромъ „идоша къ Новому городку (Нейгаузену) Нѣмецкому, а Селило Щертов-„скый съ дружиною отъѣхаша торономъ къ Кирьепигѣ (Kirumpä, близъ „Верро) и внезапу *удари на нихъ* рать *Нѣмецкая, и ту* убиша Селила ... „(по *Никоновской*: и Новогородскаго храбраго Захарью Давидовича со всѣмъ „полкомъ) ... А Псковичи, видяще немощь свою, похранивше битыя, воз-„вратишась. Въ лѣто 6877 (1369) пріидоша Нѣмци къ Изборску въ вели-„цѣ силѣ, съ порокы, со възграды, съ бораны, хотяще разорити градъ и „домъ Св. Николы, и стояша 18 дній, порокы шибающе, возграды привлачюще, и тлъкуще въ стѣну ... Тогда же приспѣша Новгородци; Нѣмци „же побѣгоша. Въ лѣто 6878 (1370) придоша Нѣмци ко Пскову, и стоя-„ша 3 дни, и убиша на Запсковьи Якима Троидилова, Артемія Діанова „брата, а Луку живого емше сведоша и тамо замучиша ... и отъидоша

„прочь; а на зиму Псковичи, подъвше Новгородцевъ, идоша къ землю „Нѣмецкую къ Новому городку: Новгородци же стоявше 3 дни, отъидо-„ша взадъ. Псковичи же тогда шедше къ Кирьпигѣ, загониша посадъ и „зажгоша, а Нѣмецъ избиша, а иніи въ погребѣхъ попихошась, и тако „възвратишася съ множествомъ полона. Быстъ же сіе розратіе Псковичемъ съ Нѣмци по 5 лѣтъ про обидное мѣсто про Жалачко. Много же „бѣдъ въ та лѣта претрьпѣша, болѣзньми и моровъ и ратми. Тогда же „миръ взяша съ Нѣмци." — Въ *Новогород.*: „Лѣта 6875 (1367) не бѣша по-„словици (согласія) Псковичемъ съ Новгородци, и рать Нѣмецкая воеваша „волость всю Псковскую ... И прислаша въ Новъгородъ Псковичи съ по-„клономъ, ркуще: господо братіе! како печалуетеся нами, своею братьею „молодшею? А въ то время приняли гость Новогородскый въ Юрьевѣ, „а Новогородци пріяли гость Нѣмецкій; нъ толко бяше не разверъжено „крестное цѣлованіе съ Нѣмци, и за то не всѣдоша Новогородци по „Псковичахъ ... а на зиму бяше послали Саву Купрона къ Нѣмец. землю пос-„ломъ ... Въ лѣто 6876 (1368) приходиша Нѣмци ратію великою, и Бискупъ и „Местеръ, и Кумендери подъ Изборескъ ... На ту же зиму пріиде Князя „Вел. братъ Володимеръ въ Новгородъ ... Въ лѣто 6878 ходиша Новогородци съ Плесковичи къ Новому городку Нѣмецкому, и отъидоша не „вземше, занеже бяше твердъ" (въ *Троицкой* поставлено здѣсь имя *Орѣшка*; но Орѣшекъ принадлежалъ Новугороду) ... „Въ лѣто 6879 (1371) ѣз-„диша на съѣздъ Юрьи Ивановичь Посадникъ Новогородскій, Селеверстъ „Лентіевичь, Олисей Тысяцкой, Олександръ Колывановъ, Борисъ Конюш-„ковичь, и докончаша миръ съ Нѣмци подъ Новымъ городкомъ." См. Арнта Lief. Chr. и Кельха L. Gesch. г. 1363 и слѣд. — Арнтъ, повѣривъ Бреденбаху, сочинившему Bellum Livonicum anni MDL VIII, пишетъ, что *Московскій Царь* въ 1381 году съ 300,000 воиновъ осаждалъ Нейгаузенъ; что начальникъ сей крѣпости, усердно моливъ Бога объ ея спасеніи, на восходѣ солнца пустилъ въ осаждающихъ стрѣлу, которая пронзила сердце Русскому Государю; что Москвитяне немедленно отступили; что лукъ упомянутаго начальника Нейгаузенскаго висѣлъ въ главной церкви Дерптской, и что Царь Іоаннъ Васильевичь въ 1558 году увезъ его съ собою въ Москву, взявъ Дерптъ. Не въ 1381, а въ 1370 году Россіяне осаждали Нейгаузенъ: тутъ не было ни *Царя*, ни *трехъ сотъ тысячъ*.

(17) „Тое же зимы (г. 1368) Князь Великій Дм. Ив. отступился Градка и всея части Удѣла Княже Семенова Князю Михаилу, и Князя Іере-„мея отпустили во Тверь" (*Никон. Лѣт.*). „Тогожь лѣта (1370) Князь „Великій, пославъ на Тферь ко Князю Михаилу, цѣлованіе сложилъ по „Госпожинѣ дни на третій день, и К. Михайло съ того розмирья поѣ-„халъ въ Литву. Князь Великій повелѣ воевати Тферь; а по Семеновѣ „дни, паки собравъ воя многи, самъ ходилъ ратью," и проч. — *Имя Золотой* Орды находится въ *Большомъ Чертежѣ*, а въ лѣтописяхъ его нѣтъ. — Въ *Троицк.*: „Въ лѣто 6878 (1370) Мамай у собе въ Ордѣ посадилъ Царя „другого, Мамантъ-Салтанъ." — Посломъ Ханскимъ съ Михаиломъ (въ 1370 году) былъ Сарыхожа.

(18) См. *Никон. Лѣт.* г. 1369, и Стриков. *Литов. Хрон.* кн. XII, гл. 3. —

Ольгердъ приступилъ къ Волоку 26 Ноября 1370 году: *Никон. Лѣт.* ставитъ здѣсь годъ 1371, начиная его съ Сентября мѣсяца; а современные Лѣтописцы все еще продолжаютъ оный до Марта. — О Князѣ *Березуйскомъ* сказано: „преже много мужьствовахъ на ратехъ и много храбро-„вахъ на бранехъ; и тако положи животъ свой, служа Князю вѣрою." Слѣдственно, вопреки Родослов. Книгамъ, Березуйскіе происходятъ не отъ Юрія Святославича Смоленскаго, княжившаго при сынѣ Донскаго.

(19) До Петрова дни. — О замыслахъ Ордена см. *Никон. Лѣт.* IV, 28. Тамъ же о тогдашней зимѣ: „Снѣгъ сшелъ весь въ Великое говѣніе „на Ѳедоровой недѣли во Вторникъ, а въ осенинѣ той хлѣбъ пошелъ „подъ снѣгъ, и сжали люди хлѣбъ въ Великое говѣніе, какъ снѣгъ сшелъ, „гдѣ рать не была Литовская." — Только въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Михаилъ заключилъ въ сіе время особенный миръ съ Великимъ Княземъ. — Въ одной краткой лѣтописи находится еще слѣдующее извѣстіе о семъ Литовскомъ нашествіи: „Ходилъ Ольгердъ и К. Святославъ Смоленскій „ратью на Москву, и бысть въ 3 часъ нощи по всему небу аки кровь, и „по земли снѣгъ аки кровавъ; и взя В. К. Святославъ Торопцу, и от-„пусти вся люди тоя земли къ Смоленску съ Воеводою своимъ Возгрив-„цемъ, а самъ иде къ Москвѣ, и гнавше Можаичи и побиша Смолянъ на „лѣсѣ на Болонскомъ, а полонъ весь отъяша; тогда же и Верею (Ольгердъ „и Святославъ) взяша."

(20) *Никон. Лѣт.* г. 1371. — Сарыхожа уѣхалъ отъ Михаила съ Мологи, а Михаилъ возвратился въ Тверь чрезъ Бѣжецкъ Маія 23.

(21) Съ Димитріемъ поѣхалъ въ Орду Князь Андрей Ростовскій.

(22) Въ *Троицк.*: „Бысть знаменье въ солнци: мѣста черныя аки гвозди; „а мгла велика стояла пориду съ два мѣсяца, и толь велика, яко двѣ „сажени предъ собою не видѣти было человѣка въ лице; а птицы по воз-„духу не видяху летати, но падаху со вздуха на землю, и тако по зем-„ли пѣши хожаху. Бяше же тогда жито посохло, а лѣсове и борове, и „дубравы, и болота погораху; индѣ же и земля горяше." Такая же засуха была и въ 1384 году (см. ниже, примѣч. 137). Въ *Никонов.* сказано, что Михаилъ, взявъ и Кострому, оставилъ тамъ своихъ Начѣстниковъ.

(23) Когда Мамай, передъ Донскою битвою, объявилъ Димитрію, чтобы онъ платилъ Хану дань временъ Чанибековыхъ, тогда Великій Князь отвѣтствовалъ: „готовъ платить, но единственно ту дань, въ коей мы „съ тобою условились:" слѣдственно меньшую. — Далѣе см. *Никон. Лѣт.* IV, 30, 31, который два раза говоритъ о К. Іоаннѣ Михайловичѣ сказывая, что Димитрій въ 1371 году вывезъ его съ собою изъ Орды; что въ 1372 послы Великаго Князя привезли его же отъ Мамая, и что сей юный Князь былъ содержимъ въ Москвѣ весьма строго до 1373 года, когда Михаилъ помирился съ Димитріемъ. Въ *Троицк.* же и въ другихъ лѣтописяхъ сказано такъ: „сѣдѣлъ (Іоаннъ Михайловичь) у Алексія Митрополи-„та на дворѣ, и тако пребысть *нѣколико время*, дондеже паки выкупи-„ша его." Сынъ Михаиловъ безъ сомнѣнія уже былъ свободенъ, когда Димитрій въ 1372 году заключалъ миръ съ Ольгердомъ и Тверью подъ Любутскомъ: ибо въ договорѣ (см. ниже) не упоминается объ Іоаннѣ.

(24) Сраженіе было на Скорнищевѣ. О глупыхъ прибавленіяхъ *Никон. Лѣтописца* не упоминаю. — Войско Димитріево вышло изъ Москвы 14 Дек. — Далѣе въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Олегъ плѣнилъ *зятя своего*, Владиміра Димитріевича, и подчинилъ его себѣ.

(25) *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Михаилъ Тверскій въ семъ 1372 году посылалъ своего племянника, Димитрія Іереміевича, съ Воеводами на Кистьму; что они плѣнили сыновей Воеводы *Андрея*, Давида и Бориса *Ивановичей*; что Михаилъ Васильевичь Кашинскій отказался отъ союза съ Тверскимъ Княземъ и взялъ сторону Великаго Князя, и проч. — Въ *Троицк. Лѣт.*: „Литва и Ляхи, и Жемоть придоша изгономъ (къ Переславлю) по „Велицѣ дни на другой недѣли во Вторникъ" (или въ Среду на Ѳоминой недѣлѣ, какъ въ другихъ лѣтописяхъ) „*на заутріе по Радуницѣ*, въ то „время, егда обѣдню поютъ." *Радуницею* назывался, думаю, какой нибудь языческій праздникъ у нашихъ древнихъ Славянъ въ началѣ Апрѣля: ибо Пасха была въ семъ году 28 Марта. Въ нѣкоторыхъ спискахъ (въ *Троицк.*, въ *Ростовск.*) поставленъ здѣсь несправедливо 1373 годъ. Въ другихъ именно прибавленъ *десятый Индиктъ*, который отвѣтствуетъ году 1372: съ чѣмъ согласенъ и *Новогород. Лѣт.* Далѣе: „Князь Кестутей отъ „Кашина пойде по Новоторжскимъ волостямъ, мимо Торжекъ, со своею „Литвою, а Кн. Андрей Полоцкій и со Кн. Димитріемъ Друцкимъ ми„мо Тферь идоша, и много зла сотвориша."

(26) Договоръ Новогородцевъ съ Михаиломъ Александровичемъ находится въ Архивѣ *Иностран. Коллегіи* подъ No 8. Сверхъ обыкновенныхъ условій тамъ сказано: „безъ Новогородьскаго ти слова, Княже, войны не „замышляти... А что ти грамотъ крестныхъ Новугороду съ вонми го„роды съ Нѣмечькыми, на тѣ ти грамоты, Княже, не наступатися; а Нов„городьской ти души блюсти." Къ грамотѣ привѣшены двѣ печати свинцовыя: Посадникова и Тысячскаго, Матвѣя *Фалелеевича*. Въ началѣ не упомянуто о Владыкѣ: „Поклонъ отъ Посадника и отъ Тысячьскаго и „отъ всихъ," и проч. — Въ *Новогород. Лѣт.*: „о Петровѣ заговѣньи Но„вогородци, Великаго Князя мужи и Бояре Новогородскіе пріѣхаша въ „Торжекъ города ставити." Сообщаемъ здѣсь условіе Димитрія съ Новогородцами, выписывая его изъ Пушкинскаго собранія Двинскихъ грамотъ:

„Се пріѣхали ко мнѣ, къ Великому Князю Д. И. всея Руси, отъ отца „моего Владыки Олексѣя и отъ Посадника Юрья, отъ Тисяцково Оли„сея, и отъ всего Новагорода Иванъ Посадникъ, Василей Ѳедоровъ, Иванъ „Борисовъ, а отъ черныхъ людей Воиславъ Поповичь, Василей Огафоновъ. „Кончалъ есмь съ своими мужи въ одиначество: цѣловали есмы крестъ съ „своимъ братомъ, со Княземъ съ Володимеромъ Андреевичемъ; а на томъ „къ намъ цѣловали крестъ Иванъ Посадникъ, Василей Ѳедоровъ, Иванъ „Борисовъ, Воиславъ Поповичь, Василей Огафоновъ, на томъ цѣловали „крестъ ко мнѣ, ко Князю къ Великому къ Дмитрію Ивановичу всеа „Руси, и къ моему брату, ко Князю къ Володимеру, въ одиначество все„му Новугороду: ажъ будетъ обида со Князми Литовскими, или съ Тфер„скимъ Княземъ съ Михайломъ, Новугороду всѣсти на конь со мною, со „Княземъ съ Великимъ, и съ моимъ братомъ, со Княземъ съ Володимеромъ,

„съ одного; а коли будешъ мнѣ, Великому Князю Д. И. всея Руси, и моему брату, Князю Володимеру, всѣсти на конь на Князя на Литовскаго, или на Тферскаго на Князя на Михайла, мнѣ Князю Великому самому быти въ Новѣгородѣ, а любо брата ми послати, Князя Володимера въ Новгородъ; или будетъ обида Новугороду съ Литовскимъ Княземъ, или съ Тферскимъ Княземъ съ Михайломъ, или съ Нѣмци, мнѣ, Князю Великому Д. И. всея Руси, и моему брату, Князю Володимеру, всѣсти по Новѣгородѣ съ одного по цѣлованью; а доколѣ ся Новгородъ съ Литовскимъ Княземъ и со Тферскимъ Княземъ Михайломъ не умиритъ, или съ Нѣмци, мнѣ Князю Великому, и моему брату, Князю Володимеру, Новагорода не метати: любо ми самому быти Князю Великому въ Новѣгородѣ, или брата пошлю, доколѣ Новгородъ умирю; а пойдетъ на насъ рать, ѣхати ми отъ васъ или брату моему безъ хитрости; а то намъ не въ измѣну; а Княженье бы Великое мое держати честно и грозно безъ обиды; а мнѣ, Князю Великому Д. И. всея Руси, держати Новгородъ въ старинѣ безъ обиды.“ — Упомянутые здѣсь чиновники, Посадникъ Юрій и Тысячскій Елисей, правительствовали въ Новѣгородѣ въ 1371 году (см. *Новогородск. Лѣт.* г. 68-9). Въ слѣдствіе сего условія Кн. Владиміръ Андреевичъ въ 1373 году пріѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Новгородъ (см. ниже, примѣч. 137, подъ годомъ 1373).

(27) „И жда отъ нихъ (Михаилъ) мира до утра и до полудне; и бысть между ими раздоря, и смятеся весь градъ, и посылаху послы со отвѣты, а все съ высокоуміемъ .... Туже на первомъ соступѣ убіенъ бысть Воевода Новогородскій Александръ Абакуновичь, Иванъ Тимоѳеевичь, Иванъ Шаховъ, Григорій Щебелковъ .... Иніи, вбѣгше въ церковь Св. Спаса, ту задохнися ... а женъ и дѣвицъ одираху до послѣдніа наготы, рекше и до срамины (иже и поганіи тако не творятъ): и тѣ истопишася въ рѣцѣ срама ради.“

(28) „Совокупишася подъ *Любутскомъ*:“ нынѣ село Любудское въ Калужскомъ уѣздѣ.

(29) См. сію грамоту въ *Древн. Рос. Вивліоѳ.* I, 88. Кромѣ Олега и Владиміра Пронскаго (умершаго въ томъ же году по *Ник. Лѣт.*), въ ней упоминается о Князѣ Рязанскомъ *Романѣ*, для насъ неизвѣстномъ; а Кн. Димитрій Бранскій былъ сынъ Ольгердовъ. Съ Литовской стороны заключали миръ Кн. Борисъ Константиновичь, Кн. Андрей Ивановичь, Кн. Юрій Владиміровичь, Димитрій Обиручевъ, Меркурій, Петръ и Лукьянъ; а съ Московской стороны Димитрій Михайловичь (Волынскій), Иванъ Михайловичь, Димитрій Александровичь, Иванъ Ѳедоровичь. Въ концѣ сказано: „со Ржевы до исправы не сослати:“ кого же? Литву или Россіянъ? — Надобно думать, что Михаилъ Тверскій заключилъ тогда особенный договоръ съ Димитріемъ.

(30) Стриковск. *Литов. Хрон.* кн. XII, гл. 3. Онъ называетъ Великаго Князя Димитріемъ *Семескомъ* (Симеоновичемъ?) и полагаетъ, что Ольгердъ ходилъ къ Москвѣ въ 1332 году!!

(31) Въ *Троицк.*: „Новгородци Нижнева Новагорода побишаословъ Мамаевыхъ, а съ ними Тишарь тысящу, а старѣйшину ихъ Сарайку яша и

„приведоша ихъ въ Новгородъ Нижній и съ его дружиною... Въ лѣто „6883, Марта 31, въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ Князь Василій Димитріевичь „Суждальскій повелѣ Сарайку и его дружину розно розвести .... и пришедъ стрѣла, коснуся Епископа перьемъ, вкрай подола крилъ мантьи „его... А въ то время быша Князи на съѣздѣ." — *Никон. Лѣт.* говоритъ, что въ 1373 году многіе Князья Ординскіе погибли отъ междоусобія; что область Рязанская въ томъ же году была разорена Мамаевымъ войскомъ; что Вел. Князь все лѣто стоялъ съ полками на берегу Оки, куда пришелъ къ нему и Кн. Владиміръ Андреевичь изъ *Нижняго*; что они не пустили Татаръ за Оку; что въ 1374 году свирѣпствовалъ моръ въ улусахъ Ханскихъ, и что Димитрій находился въ враждѣ съ Мамаемъ. Сіи извѣстія кажутся отчасти несправедливыми. Владиміръ Андреевичь, послѣ войны Литовской, жилъ одно лѣто въ Новѣгородѣ Великомъ до Іюля мѣсяца, (см. ниже, примѣч. 137, подъ годомъ 1373), а въ слѣдующее занимался строеніемъ Серпухова: когда же могъ простоять *все лѣто* на берегахъ Оки? Татары опустошили Рязань не въ 1373, а въ 1378 году.

(32) См. сей *Исторіи* Т. III, стр. 199, и Т. IV, стр. 268. Въ лѣтописи: „Того же лѣта (1374), Сент. въ 17 день, преставися на Москвѣ послѣдній Тысяцкой, Василій Васильевъ сынъ Веньяминовича (или Вельяминовича) въ Черицѣхъ и въ Схимѣ, и положенъ бысть у церкви Богоявленія." Далѣе Некоматъ названъ *Сурожаниномъ*: такъ именовали у насъ купцевъ торгующихъ шелковыми тканями, привозимыми изъ Азова, отъ Генуэзцевъ: море Азовское, какъ мы уже замѣтили, называлось въ старину *Сурожемъ*; впрочемъ и городъ Судакъ назывался тѣмъ же именемъ (см. ниже, примѣч. 133). Донынѣ рядъ, гдѣ продаются шелковыя матеріи, извѣстенъ въ Москвѣ подъ именемъ *Суровскаго*. — Далѣе: „Князь же Михайло посла „ихъ (Ивана и Некомата) въ Орду на Өедоровой недѣли, а самъ на Крестопоклонной ѣха въ Литву, и тамо мало пребывъ и пріѣде во Тферь; „а Некоматъ пріиде изъ Орды Іуліа въ 14 день, а съ нимъ посолъ Ачикожа отъ Мамая со ярлыки къ Михаилу на Вел. Княженіе... Михаилъ же „того же дни посла къ Москвѣ къ В. К. Димитрію сложити крестное „цѣлованіе."

(33) Съ братьями Борисомъ и Димитріемъ Ногтемъ (см. *Троиц. Лѣт.*), и съ сыномъ Симеономъ. — Іоаннъ Васильевичь Смоленскій долженъ быть сыномъ Василія Іоанновича, брата Святославова. — Василій Васильевичь Ярославскій есть внукъ Давидовъ. Меньшій братъ сего Василія, Романъ, какъ сказано въ Родослов. Книгахъ, построилъ городъ Романовъ. — Князь Өеодоръ Моложскій былъ сынъ Михаила Давидовича, слѣдственно двоюродный братъ Василія Васильевича Ярославскаго. — Өеодоръ Бѣлозерскій внукъ Михаила и правнукъ Глѣба Васильковича, перваго Князя Бѣлозерскаго. — Михаилъ Васильевичь Кашинскій преставился въ 1373 году. Въ *Никонов.*: „сынъ его, Князь Василей, по единому слову съ бабою „своею, со Княгинею Еленою, и съ Бояры пріѣхалъ во Тверь къ Вел. Князю Михайлу съ челобитьемъ, и вдатася въ волю его.... Князь Василей „Кашинскій (въ 1374 г.) побѣжалъ со Твери на Москву къ Вел. Кн. Ди-

„трію." — Андрей Θеодоровичь Стародубскій внукъ Іоанна Калистрата Стародубскаго.

(34) *Никон. Лѣт.* IV, 5. — О войнѣ: „Всѣ Князи Рустіи, кійждо со „своими полки, служаще Вел. Князю Димитрію, начаша воевати во„лости Тферскія; такоже и со всѣхъ порубежныхъ мѣстъ пріидоша на „помощь Вел. Князю кііождо отъ себе: Кашинцы и Новоторжцы... Авг. „въ 1 день взяша городокъ Микулинъ... Стоящимъ же ратемъ 3 дни, и „на четвертый день, въ Среду рано, приступиша ко граду, и туры при„катиша, и примётъ приметаша около всего города, и поидоша біюще„ся ко Тмацкымъ воротамъ: мостъ же и стрѣлницу зажгоша... И уби„ша ту Семена Ивановича Добрыньского... и къ вечеру отступиша отъ „града. Тако же и на другій день оступиша градъ и отъ Волги, и та„ко по многи дни біяхуся. — А Новогородцы стояли подъ Тферію 4 „дни." — Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Вел. Князь взялъ, кромѣ Микулина, Зубцевъ и Бѣлградъ.

(35) *Древн. Рос. Вивліое.* I, 78. Сія грамота находится въ Архивѣ не подлинная: и списокъ ея даже неисправенъ; а въ печатной прибавлены еще нѣкоторыя ошибки: на примѣръ (стр. 81) вмѣсто *рубежа* поставленъ *грабежъ*. — Замѣтимъ слѣдующія мѣста: „*Выходомъ* ко Тфери Ка„шину не тянути;" то есть, Михаилъ не долженъ былъ требовать дани съ Князя Василія для Хана. — „А въ *Рокитну* ти (Михаилу) ся не „вступати: что потягло ко Княженью къ Великому. — Отдати ти (Ми„хаилу) все по Семенѣ дни за недѣлю" (все отнятое у подданныхъ Димитрія). — „Что мы у тобе (нынѣ) повоевали и поимали, а тому всему „межи насъ *погребъ*" (предается забвенію). — „А какъ еси взялъ Тор„жекъ, а што ти ся будеть продалъ пословицею (или) Новоторжанъ „*одернь* (въ крѣпость), тѣхъ ти отпустити, а грамоты *дерноватыи* (крѣ„пости) подрати. — А почнуть твои искати передъ наши Намѣстници „или передъ волостели, хоженого въ городѣ *алтынъ*, а на праву (судъ) „два; а дальній ѣздъ верста по *рѣзани* (за дорогу), а на праву вдвое. — „Холопа выдати осподарю, а съ головы дати пошлины гривну, а съ семьи „четверть" (рубля).

(36) Сихъ грамотъ три. Первая: „Отъ Посадника отъ Михаила, отъ „Тысячкого отъ Матеея, отъ Бояръ и отъ *Житьихъ людей*" — вмѣсто древнѣйшихъ *Огнищанъ*: см. нашей *Исторіи* Т. II, примѣч. 67, Т. IV, примѣч. 306, и ниже, примѣч. 106 — „и отъ черныхъ людей, и отъ всего Но„вагорода. Послаше Новгородъ Юрья и Якима къ Князю къ Михайлѣ на „Тферь, а велѣлѣ миръ имати на семъ, аже братью нашю попущати безъ „окупа, Новгородскихъ Бояръ, и Новоторскихъ Бояръ, Житьихъ людей „и черныхъ людей, и сиротъ Новгородской волости, и Новоторьской во„лости, или хто далъ на порукѣ Новгородецъ или Новоторжанинъ, а съ „тыхъ порука на землю (прочь), или кого къ целованью привелъ, а съ тыхъ „целованье на землю, или грамоты *дерноватыи* на кого пописалъ, а тѣ гра„мотѣ подерешь. А что Князь Михайло товаръ порубилъ (захватилъ) „братьи нашей до Новоторьскаго взятья, а того товара весь Новгородъ „велѣлъ Юрью и Якиму отступитися. А что товаръ Новгородскѣй и

„Новоторжскій въ Торжку взяшъ въ полонъ, а шого шовара весь Новго-„родъ велѣлъ Юрью и Якиму ошступишися. А землѣ и водѣ старый ру-„бежь по старымъ грамошамъ. А Намѣстники свои съ Торжку сведешь. „А на семъ повелѣши весь Новгородъ Юрью и Якиму миръ взяши съ Кня-„земъ съ Михайломъ, а повелѣша печаши приложиши изо всихъ пяши Кон-„цевъ къ сей грамошѣ. Аже Князь Михайла почнешъ пословѣ свои слаши „въ Новгородъ, Новгородъ повелъ Юрью и Якиму послове Михайлове по-„яши въ Новгородъ.“

Къ сей грамошѣ приложены одиннадцать печатей свинцовыхъ съ изоб-раженіемъ слѣдующихъ словъ: 1) *Новгорочкая печать Посадничья.* 2) *Печать Матвея Фалелевича Тысячкаго Новгорочкаго.* 3) *Печать Селивестрова* (на другой сторонѣ образъ какого-то Свяшаго). 4) *Филипа Тысячкого* (на другой сторонѣ образъ съ надписью Филипъ). 5) *Яковля печать Посадника Новгородскаго* (на другой сторонѣ образъ Святаго Георгія). 6) *Печать Ондрѣяноча, Посадника Новгорочкого* (на другой сторонѣ образъ Спасителевъ). 7) *Юрьева печать Ивановича, Посадника Новгорочкого.* 8) *Печать Онисієва, Тысяцкого Новгорочкого.* 9) *Печать Ивана Кремнича* (на другой сторонѣ изображеніе воина). 10) *Семенова печать Ондрѣевича.* 11) *Степанова печать* (на другой сторонѣ изображеніе воина). Вторая и третья грамоты напечатаны въ *Рос. Вивліов.* I, 31, 33. Во второй: „Се доконча К. В. Михайло А. Тферскій, приславъ своего посла въ „Новгородъ Михайла Константиновича, съ Архіепископомъ Новгородскимъ, „съ Владыкою Алексѣемъ, съ Посадникомъ съ Юрьемъ, съ Тысяцкимъ съ „Матвѣемъ и со всимъ Новымгородомъ.“ Далѣе сказано, что прежній договоръ симъ уничтожается: „что послове Княжи Михайловы цѣловали „кресть къ Новугороду, съ тыхъ Новгородъ цѣлованье снялъ; а что цѣ-„ловали Новгородскіе послове къ К. Михайлу, то цѣлованье К. Михайло „снялъ . . . . . Что товаръ поиманъ у Новгородскихъ купецъ *рубежемъ* (на-„силіемъ) до Новоторжскаго взятья, тотъ товаръ подавати купцамъ все „по цѣлованью . . . . А кто на се цѣлованье наступитъ, на того Богъ и Св. „Богородица.“ У сей грамоты привязаны 3 свинцовыя печати: Посадникова, Тысячкаго и Архіепископова. — Въ третьей грамотѣ: „которая „села покуплена при Князи при Александрѣ (Невскомъ), при Ярославѣ, „при Василѣѣ, при Дмитріѣ, при Андреѣ, на тѣхъ селѣхъ купы (выкупить „оныя) . . . а земля къ Новугороду.“ Видно, что Князья, не смотря на всегдашнее обѣщаніе возвращать купленныя села Новугороду, не исполняли онаго.

(37) „Князь же Великій, не хотя видѣти разоренья граду, не хотя ви-„дѣти кровопролитья Христіанскаго,“ и проч. — *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Ольгердъ, раздраженный союзомъ Князя Смоленскаго съ Димитріемъ, разорилъ области перваго, а Татары Новосиль.

Въ *Троицк.*: „Того жь лѣта (1379), Авг. въ 30 день, во Вторникъ до „обѣда, въ 4 часъ дни, Иванъ Васильевъ, сынъ Тысяцкаго, мечемъ потятъ „бысть на *Кучковѣ полѣ*“ (гдѣ нынѣ монастырь Срѣтенскій: см. ниже) „у города у Москвы, повелѣньемъ Князя Великаго.“ Вотъ первая *торжественная* казнь, о коей упоминаютъ наши Лѣтописцы. *Никонов.* приба-

бляетъ, что сей Иванъ Васильевъ Веньяминовъ на пути изъ Орды былъ обманомъ задержанъ въ Серпуховѣ и привезенъ въ Москву. — Некомата казнили въ 1383 году: „тое же зимы убьенъ бысть нѣкій *брехъ*“ (вздорной человѣкъ) „именемъ Некоматъ, за нѣкую крамолу бывшую и измѣну.“ *Никон. Лѣт.* вздумалъ назвать сего измѣнника Коматомъ, *Княземъ Литовскимъ.*

(38) См. Родослов. Книги о родѣ Волынскихъ. Потомки Святополка-Михаила имѣли свои Удѣлы въ Волыніи, въ Туровѣ, Пинскѣ.

(39) „К. Димитрій Константиновичь посла брата своего Бориса и сы-„на своего Василія со многими силами (съ ними же и посолъ Царевъ, Ачи-„хожа) на Болгарскаго Князя Осана... и на княженіи посадиша Салтанъ-„Бакова сына.“ Въ *Никон. Лѣт.*: „(посла) на Болгары, рекше на Казань.“ — Димитр. Констант... Суздальскій посылалъ съ войскомъ Московскимъ сыновей своихъ, Василія и Іоанна.

(40) См. *Сказаніе о Царствѣ Казанскомъ.* Авторъ пишетъ о себѣ: „Случи ми ся плѣнену быти варвары и въ Казань сведену ... и взятъ мя „Царь себѣ и сотвори мя предъ лицемъ своимъ.“ — О значеніи слова *Казань* см. Лызлова *Скиѳск. Исторію.* Онъ говоритъ, что Казань строили наши работники.

(41) Hist. des Tat. стр. 452. — Впрочемъ и другіе новѣйшіе Ханы прилагали къ имени своему названіе *Саинъ*, которое видимъ на монетахъ Татарскихъ XIV вѣка (см. St. Petersburg. Journ. г. 1781, II, 34).

(42) „А *Дарагу* и таможника посадиша.“ Въ ярлыкахъ Ханскихъ часто упоминается о чиновникахъ *Дарагахъ* или собирателяхъ пошлины.

(43) Въ *Нижегородс. Лѣт.* Сѣченіе названо *Димитріевскимъ.* О прежнихъ непріятельскихъ дѣйствіяхъ Татаръ см. выше, примѣч. 31.

(44) См. *Ник. Лѣт.* IV, 51. — Оплошность Россіянъ описывается такъ: „Повѣдаша имъ Царевича Арапшу на Волчьи водѣ. Они же оплошишася „и небреженьемъ хожаху: доспѣхи своя вскладоша на телеги, а иные въ „сумы, а у иныхъ сулицы еще не насажены бяху, а щиты и копья не „приготовлены, а ѣздять порты своя съ плечь спускавъ, а петли ростe-„гавъ (у *Ник. Лѣт.* въ охабнехъ и сарафанѣхъ) аки распрѣли: бяше бо „имъ варно; а гдѣ наѣхаху въ зажитьи медъ или пиво, испиваху ... по „истинѣ *за Пьяною пьяни*“ (въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: „пословка и донынѣ „зовется: *за Піаною піани*“) .... И дондоша наши *тыру* (т. е. увидѣли тыръ непріятельскаго стана), „и абье поганіи борзо удариша .... Князь же „Иванъ Димитр. вержеся на конѣ въ рѣку, и ту утопе ... Ся же злоба „здѣяся въ Недѣлю, въ 6 часъ дне о полднѣ ..... Горожане же Новгород-„стіи разбѣжашася въ судѣхъ къ Городцу ... Татарове же пріидоша къ „Новуг. Нижнему Авг. въ 5 день въ Середу ... И сгорѣло церквей въ гра-„дѣ 32 ... Отъидоша погани отъ града въ Пьяницу ... Того же Авг. прі-„ѣха Кн. Василій Димитріевичь изъ Суждаля въ Н. Нижній, и посла выня-„ти изъ рѣки брата своего, и привезоша его въ Новгородъ, и положиша „въ церкви каменной Св. Спаса въ притворѣ на правой сторонѣ, за недѣ-„лю по Оспожинѣ дни, Авг. 23.“

(45) „Того же лѣта Арапша пограби Засурье все и огнемъ пожже.“

Ник. Лѣт. прибавляетъ, что сей же Царевичь Волжской Орды умертвилъ многихъ нашихъ купцевъ, ограбивъ ихъ, и ходилъ опустошать Рязань. Абульгази (Hist. des Tat. стр. 495) говоритъ, что Ханъ Фулатъ, который господствовалъ между *Яикомъ* и Сыромъ, имѣлъ сына Arab-Schah: вѣроятно, сего Арапшу.

Въ *Лѣт. Нижегород.*: „Въ то же время въ Нижн. Новѣгородѣ былъ „гость Тарасъ Петровъ сынъ; больше его изъ гостей не было. Откупилъ онъ полону множество всякихъ чиновъ своею казною, и купилъ „себѣ вотчины у Вел. Князя за Кудьмою рѣкою, на рѣчкѣ на Сундовакѣ, „шесть селъ: *Садово* (въ немъ церковь Бориса и Глѣба), *да Ряховское*, „*Запрудное*, *Залязчиково*, да *Мухарни*; а какъ запустѣлъ отъ Татаръ „тотъ уѣздъ, тогда и гость съѣхалъ изъ Нижняго къ Москвѣ." Далѣе въ лѣтописяхъ: „тое же осени поганая Мордва ударита на *уѣздъ*." Древнѣйшіе лѣтописцы, вмѣсто *уѣзда*, обыкновенно употребляли имя ***волости***. — О плѣнникахъ Мордовскихъ: „и на льду волочаще ихъ по Волгѣ, псы тра„виша" (Россіяне): не мертвыя тѣла, а живыхъ.

(46) „Градъ (Татары) пожгоша въ самый въ Боришь день, а на заутріе „отъидоша, и повоеваша Березово поле и уѣздъ весь. Тогды у Св. Спаса „иконы пожгоша и двери выжгоша, иже чудно бѣша устроены мѣдью „золоченою."

(47) Имя *Окольничаго* произошло отъ слова *около*: то есть, сіи чиновники были *около* Государя. Изъясненія Татищева несправедливы. Окольничій могъ быть и воиномъ и судьею и Министромъ, уступая въ старшинствѣ однимъ Боярамъ. — Упоминаемый здѣсь Даніилъ Пронскій намъ неизвѣстенъ по Родослов. Книгамъ. — О сраженіи: „А се имена убитыхъ „Князей: Хазибей, Коверга, Карагалукъ, Кострокъ, Бегичка." Съ нашей стороны были убиты Димитрій Монастыревъ, да Назаръ Даниловичь Кусаковъ. Въ *Троицк. Лѣт.* названы здѣсь Татары ***Половцами***.

(48) Кн. Моис. IV, 14, 10. — Въ *Троицк.*: „егда бысть побоище на Во„жѣ съ Бегичемъ, изнимаша на той войнѣ нѣкоего Попа, отъ Орды при„шедша" — (въ *Никон.* прибавлено: „Ивана Васильевича Тысяцкого: бѣ бо „тогда Иванъ въ Ордѣ") — „и обрѣтоша у него злыхъ зелій лютыхъ мѣ„шекъ, и много испязавше его, послаша его на заточенье на Лаче озеро „(въ Олонецкой Губерніи), идѣ же бѣ Данило заточеникъ." — Далѣе: „Из„маильтяне (Татары) прибѣгоша въ Орду къ своему Царю, паче же къ „пославшему Мамаю: понеже Царь ихъ не владѣяше ничимъ же, но всяко „старѣйшинство держаше Мамай." Здѣсь Лѣтописецъ называетъ Вельможъ Татарскихъ ***Алпаутами***.

(49) „Татарове же Переславль Рязанскій взяша и огнемъ пожгоша, и „волости повоеваша, а люди много посѣкоша и въ полонъ поведоша." Въ *Никон.* сказано, что они сожгли и городъ *Дубокъ*, и что Олегъ бѣжалъ на сю сторону Оки.

(50) „Княгиня же Іуліанія, видя мужа своего, Олгерда, послѣднее дышу„ща, и зѣло печаловашеся о его спасеніи, и созва сыны своя, и отца, сво„его духовнаго призва, Давида Архимандрита Печерскаго, и увѣща своего „мужа, и Божіимъ поспѣшеніемъ сподоби его святаго крещенія... и свя-

„тою Схимою того украсивше... и по малѣхъ днехъ преставися, и поло-„жиша тѣло его въ церкви Пресв. Богородицы въ Вилнѣ, юже *самъ созда.* „По семъ же супружница его Іуліанія преставися, и въ той же цер-„кви погребоша тѣло ея... Бысть у Олгерда отъ первыя жены 5 сы-„новъ: Корибутъ, Скиригайло, Кирисайло, Овитригайло, Минигайло; отъ „вторыя жены 7 сыновъ: Андрей Полоцкій, Владиміръ Бѣльскій (послѣ „Кіевскій), Иванъ Острожскій, Яковъ (Ягайло), Легбенъ (Лугвеній) Во-„лынскій, Василій Черторижскій, Оленко (Олелько) Кіевскій." Стриков-скій же называетъ сыновей первой Олгердовой супруги такъ: Владиміръ, Іоаннъ Зедзевитъ Подольскій, Симеонъ Лингвеній Мстиславскій, Витунть, Андрей Полоцкій, Константинъ Чарторійскій, Ѳеодоръ Сангуско; а сы-новей Іуліаніи: Ягайло-Владиславъ, Скиргайло-Казимиръ, Свидригайло-Болеславъ, Корибутъ-Димитрій, Димитрій, Витунтъ-Василій.

Далѣе въ лѣтописи: „Того же году (1347) убіенъ бысть отъ Олгерда „Круглецъ, нареченный во св. крещеніи Евстафій, за Вѣру Христіанскую, „и положенъ бысть у Св. Николы въ Вильнѣ со сродники своими во „гробѣ, съ великими Мученики Антоніемъ и Іоанномъ, иже пострадаша „за правовѣрную же Вѣру." См. ихъ житіе въ Минеяхъ, Апр. 14; см. так-же Стриков. *Литов. Хрон.* кн. XII, гл. 3. — Кестутій призналъ Ягайла Великимъ Княземъ Литовскимъ; свѣдавъ же тайныя злоумышленія сего неблагодарнаго племянника, плѣнилъ его въ Вильнѣ; но возвратилъ ему свободу и далъ Княжество Витебское, оставивъ за собою Литву. Вѣ-роломный Ягайло скоро нашелъ способъ заманить дядю въ сѣти, и Ке-стутій былъ удавленъ въ темницѣ.

(51) „Того же лѣта (1376) Князь Великій послалъ брата своего, Кня-„зя Володимера Андреевича, ратью ко Ржевѣ: онъ же стоя у города 3 „недѣли, посадъ пожже, а города не взя." Князь Волынскій, ходившій на Литву съ Владиміромъ, былъ Димитрій Михайловичь, супругъ сестры Великаго Князя, Анны.

(52) То есть, съ правомъ рѣшить дѣла тяжебныя и пользоваться до-ходами.

(53) См. *Степен.* Кн. I, 465: „Кипріанъ же *отъиде съ Москвы* въ Кіевъ." — Въ *Новогород. Лѣт.*: „Той же зимы (1376) присла Митрополитъ Кипрі-„янъ изъ Литвы свои послове и Патріарши грамоты къ Владыцѣ въ „Новгородъ, и повѣствуетъ тако: благословилъ мя Патріахъ Филоѳей „на всю Рускую землю... И Новогородци даша отвѣтъ: посылай къ Вел. „Князю.... и Кипріанъ не сла на Москву къ Вел. Князю."

(54) „Бѣаше (Митяй) единъ отъ Коломенскихъ Поповъ (по *Никон. Лѣт.* „сынъ Тѣшиловскаго Попа Ивана, иже на рѣцѣ Окѣ); тѣломъ высокъ, „плечистъ, *рожайстъ* (ражъ), браду имѣя плоску и велику и свершенну; „словесы рѣчистъ; гласъ имѣя доброгласенъ, износящъ; грамотѣ гораздъ, „пѣти гораздъ, чести гораздъ, книгами говорити гораздъ; всѣми „дѣлы Поповскими изященъ и по всему нарочитъ бѣ; и того ради „избранъ бысть изволеньемъ Вел. Князя во отьчество и въ Печатники, „иже на себѣ ношаше печать *Князя Великаго.*" — Въ *Никон. Лѣт.*: „яко „нѣкій Царь величашеся, многи слуги и Отроки имѣя; по вся дни риза-

„ми драгими измѣняшесь, якоже бѣ таковая одѣянія нощаше." — Далѣе: „Старецъ Иванъ, нарѣцаемый *Нелѣица* Архимандр. Спаскій, иже Бо„га ради оставль Архимандритью въ старости глубоцѣй и сниде въ келью „молчанія." Митяя постригъ Чудовскія Архимандритъ Елисей Чеченка.

(55) См. житіе Св. Сергія въ *Никон. Лѣт.* IV, 233. — Далѣе въ *Троицк.* г. 6885: „Кн. Вел. Дмитрій Ив. просилъ у Алексія у Митрополита, дабы „благословилъ Митяя на Митрополью. Алексій же не хотяше того створити, понеже *новоуку* сущу ему въ Черньчествѣ, да не впадетъ въ „пругло (сѣть) Дьяволъ. Князь же Великій много нуди Митрополита... „Алексій же Митрополитъ, *умоленъ бывъ и принуженъ*, не посули бы„ти прошенью его, но навѣстивуя Святительски, паче же пророчески, „рече: *азъ не доволенъ благословити его, но оже дастъ ему Богъ и Св.* „*Богородица и Патріархъ, и Вселенскій Соборъ* ...... Тое же зимы, про„межу говѣнья, Февр. во 12, въ Патокъ, въ Завътреную годину, престависи Преосв. Алексій Митрополитъ всея Руси, въ старости честнѣ и „глубоцѣ, бывъ въ Митрополитѣхъ лѣтъ 24, и положенъ бысть на Мо„сквѣ въ церкви Св. Архангела Михаила; честнаго его Чуда, иже самъ „созда обчій монастырь... Бяху же Епископи ставлены его Игнатій „Ростовскій, Василій Рязанскій, Ѳеофилактъ Смоленскій, Иванъ Сарайскій, „Пареѳеній Смоленскій, Филимонъ Коломенскій, Петръ Ростовьскій, Ѳео„доръ Тферьскій, Наѳанаилъ Брянскій, Аѳанасій Рязанскій, Алексій Суж„дальскій, Алексій Новогородьскій, Василій Тферьскій, Данило Суждаль„скій, Матѳей Сарайскій, Арсеній Ростовскій, Евфимій Тферьскій, Діони„сій Суждальскій, Герасимъ Коломенскій, Григорій Черниговскій, Данило „Смоленскій ... Бысть всѣхъ лѣтъ житія его 85; и заповѣда Князю Ве„ликому положити внѣуду церкви за олтаремъ, конечнаго ради смѣренья. „Князь же Вел. не всхотѣ положити кромѣ церкви таковаго господина „честна Святителя, но въ церкви близъ олтаря положиша его. Князь „же Вел. самъ стояше надъ нимъ, такоже и братъ его, К. Володимеръ „Андр., К. Василій, сынъ Кн. Великаго, шести лѣтъ сущу ему, а Князю „Юрью Дмитріевичу три лѣтъ сущу." — Въ Синодал. библіот., No 473, въ собраніи разныхъ твореній есть списокъ грамоты Алексіевой съ оглавленіемъ: „Граммата на пергаминѣ Св. Алексія Митрополита, подписан„ная по-Гречески рукою его *свойственною*, обрѣтающаяся въ домовой ка„знѣ Рязанскія Митрополіи; и печать привѣшена, на единой странѣ об„разъ Богородицы, на второй тожде подписание по-Гречески вызвано „имущая." Въ началѣ такъ: „Благословенье Алексія Митрополита всея „Руси къ всѣмъ Крестьяномъ обрѣтающимся въ предѣлѣ Черленаго Яру, „и по карауломъ возлѣ Хопоръ до Дону, Попомъ и Дьякономъ, и къ Ба„сканомъ, и къ Сотникомъ и къ Бояромъ. Молюся Богови и Св. Богоро„дици, да будете душею и тѣломъ вси добри здорови, да исполнивали бы „есте заповѣди Божьи. ... И пріѣхалъ есмь къ Св. Софьи въ Митрополью „всея Руси въ Кіевъ, и къ всѣмъ Крестьяномъ обрѣтающимся въ всей „Руской земли Пастухъ и учитель; и имѣю великую тяготу на собѣ, „что ми молвити и учити всѣхъ на вся душеполезная и спасеная. И то„го ради многажды и Ѳеогностъ Митрополитъ писалъ къ вамъ, къ дѣ-

„тем своимъ, елико есть на пользу душамъ вашимъ. Вы же, какъ то и „время являетъ что моихъ словъ и моего поученья не слушаете, но ис- „полниваете волю тѣлесную и дѣла темная, а слова моего не слушаете. „Не вѣдаете ли, что всеѣ Рускоѣ земли Владыки подъ моею властью „суть, и въ моей воли, и язъ ихъ ставлю отъ благодати Пресвятаго „Духа? Такоже и подана власть Владыцѣ вашему ..... Къ церквамъ всег- „да прибѣгайте съ женами и съ дѣтми, и что имѣете въ рукахъ, прино- „сите къ церквамъ и къ Святымъ; А Священниковъ и Мниховъ любите, „и просите молитвы ихъ; вдовицъ и сиротъ и полоняниковъ и стран- „ныхъ милуйте и призирайте; иже въ темницахъ, посѣтите ..... О томъ „же передѣлѣ по великую Ворону, возлѣ Хоноръ до Дону по карауломъ, „церкви, что тотъ передѣлъ, какъ то пишутъ грамоты брата моего „Максима Митрополита и Петра и Ѳеогноста, что сборомъ створили „на Костромѣ, и Владыка Софоній далъ грамоты изъ устъ своихъ, что „ему отъ тѣхъ мѣстъ по тѣмъ грамотамъ не лзѣ вступатися въ тотъ „передѣлъ чюжій; и явно есть, и вси вѣдаютъ, что тотъ передѣлъ не „Сарайскій. И нынѣже ианъ Владыка Аѳанасій Сарайскій увѣдалъ то, ви- „дѣвъ грамоты тѣхъ, и за вину его покажнанъ отъ Митрополита пи- „саньемъ, отступился того передѣла и отъ тѣхъ мѣстъ; Владыцѣ Аѳана- „сію Сарайскому нѣтъ власти въ томъ передѣлѣ, но власть Рязанская, „Попы и Дьяконы поставляющаго Владыки, и власть дающаго. И нынѣ „послалъ есмь къ вамъ Владыку Рязанскаго Василья съ грамотою своею, „и вы поминайте его, а пошлину церковную дайте ему по обычаю. А же „исполните, какъ то пишу къ вамъ, душеполезная и спасеная, а грамо- „ты послушаете, да пошлину церковную дадите. Милость Божья и Свя- „той Богородицы и мое благословенье да будетъ съ вами, и съ женами ва- „шими и съ дѣтми, и со всѣми Крестьяны.“ Подпись: Ἀλέξιος ἐλέῳ Θεοῦ Μητροπολίτης πάσης Ῥωσσίας καὶ ὑπέρτιμος. То есть: „Алек- сій милостію Божіею Митрополитъ всея Россіи, и пречестенъ.“

(56) Въ *Троицкой:* „съ Поповъ дань сбираше, *Сборное* и *Рожественное*, „и уроки, и оброки, и пошлины Митрополичи .... Но и еще допол͏ѣ, „преже даже не пойде ко Царюграду, всхотѣ безъ Митрополита постав- „витися въ Епископы“ (а не въ Митрополиты, какъ у Кн. Щербатова и Штриттера).

(57) „Князь же Великій отпусти Діонисья на томъ словѣ, што ти не „ити ко Царюгороду безъ моего слова, но ждати до году Митяевы Ми- „трополья.“ Діонисій же, съ недѣлю не помедливъ, бѣжаньемъ побѣжа ко „Царюгороду.“ Онъ Волгою изъ Нижняго отправился въ Сарай. *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Митяй крайне негодовалъ за что на Сергія; а въ житіи сего Чудотворца сказано, что онъ, приписывая его внушеніямъ и долговременное несогласіе Св. Алексія дать ему благословеніе на Митро- полію, грозился во гнѣвѣ разорить обитель Троицкую, и что Сергій въ духѣ пророчества объявилъ своимъ Монахамъ: „никако же ему Митро- „польскаго сана воспріяти, но и Царскаго града не имать видѣти“ (*Ник. Лѣт.* IV, 234). — Далѣе въ *Троицк.:* „Дерзну Митяй просити паче си- „лы прошенья, и рече Князю Великому: аще обрѣтохъ благодать предъ

„шобою, дай же ми прошенье, да ми даси харашью ненаписану, а запеча-
„шану твоею печашью, да ю возму съ собою въ Царьградъ на запасъ, да
„коли чшо ми надобѣ, да то напишу на ней. И далъ Кн. Великій тако-
„вую харатью не едину, и рекъ: аще будешь оскудѣніе или какова нужа,
„и надобѣ заняти тысячу сребра или колико, то се вы буди кабала.“
Въ 1379 году, во Вторникъ, Іюля 26, Митяй или Михаилъ переѣхалъ
Оку. Съ нимъ отправились Іоаннъ Архимандритъ Петровскій, Пименъ
Архим. Переславскій, Мартинъ Архим. Коломенскій, Дороѳей Печатникъ
(Митрополита), Сергій Озаковъ, Стефанъ Высокій, Антоній Копье, Ма-
карій Игуменъ Мисолинскій, Григорій Діаконъ Спасскій, Александръ Про-
топопъ Московскій, Давидъ Протодіаконъ, крылошане Владимірскіе и проч.

(58) Сей ярлыкъ напечатанъ, вмѣстѣ съ другими, въ *Древн. Рос. Вивліоѳ.*
Въ началѣ такъ: „Мы Тюлюбекъ Царь Мамаевою мыслію *дядиною*;“ а въ
другихъ спискахъ: „Тюляково слово Мамаевою *дядиною* мыслію.“ Содер-
жаніе онаго есть то, что Ханъ, слѣдуя закону предковъ, освободилъ цер-
ковныхъ людей въ Россіи отъ всякой дани, съ условіемъ, чтобы Митяй
или Михаилъ, будущій Митрополитъ, *молился за него* Богу, и проч. —
Далѣе въ лѣтописи: „Внезапу Митяй разболѣся въ корабли и умре на
„мори. Нѣціи же повѣдаша, яко корабль тотъ тогда стояше на единомъ
„мѣстѣ, и не поступая съ мѣста, ни сѣмо, ни тамо, а инии корабли пла-
„ваху мимо. И вложиша Митяя въ варку (барку), еже есть въ меньшее
„судно, и привезоша мертваго въ Галату.“

(59) „Се бысть первый общему житью начальникъ на Москвѣ.“ Іо-
аннъ говоритъ: „Азъ не обинуяся възглаголю на вы, яко не истинствуе-
„те ходаще.“ Далѣе: „Позаймована оною кабалою серебра въ долгъ на имя
„Князя Великаго у Фрязъ и у Бесерменъ въ росты, еже и до сего дни
„тотъ долгъ растетъ.“

(60) „*Князь Вел. посла по него* (Кипріана) *Игумена* Ѳедора Симонов-
„скаго, отца своего духовнаго, въ Кіевъ, зовучи его къ собѣ на Москву;
„а отпустилъ по него о Великомъ заговѣньи, и пріиде Кипріянъ Митро-
„политъ въ *Четвергъ* шестой недѣли по Пасцѣ, въ самый *праздникъ*
„Възнесенья, и многу звоненью бывшу, и многу народу сшедшуся на срѣ-
„теніе его. Князь же Вел. пріи его со многою любовью... И минувшу
„седьмому мѣсяцу, паки пріиде вѣсть: се Пиминъ грядетъ изъ Цараграда
„на Русь... На Коломнѣ сняша съ него клобукъ бѣлый и розведоша око-
„ло его дружину его, и думци его и клирошаны, и отъяша ризницу, и
„приставиша приставника, нѣкоего Боярина, Ивана Григорьева сына Чу-
„риловича, нарицаемаго Драницю, и ведоша Пимина съ Коломны на Оху
„не заимая Москвы, а отъ Охны въ Переяславль, а отъ Переяславля въ
„Ростовъ, а отъ Ростова на Кострому, а съ Костромы въ Галичь, а изъ
„Галича на Чухлову, и тамо пребысть въ озмешвованьи лѣто едино; но
„отъ Чухловы выведенъ бысть на Тферь: Господня бо есть земля и кон-
„ци ея!“ — Великій Князь по *Троицк.*, *Ростов.* и всѣмъ лѣтописямъ, кро-
мѣ *Никонов.*, послалъ за Кипріаномъ уже во время Царя Тохтамыша, и
Кипріанъ пріѣхалъ въ Москву въ 1381 году.

(61) О Бурханахъ или Бурпасахъ говоритъ Карпинъ: Brutaques, qu'on

tient être Juifs, et qui portent la tète toute rase (см. Бержерон. изд. стр. 8). Донынѣ находится много Жидовъ въ землѣ Черкесской; а Буртанами называется теперь особенный, неизвѣстнаго происхожденія народъ между Кубанью и Акшаромъ, богатый мѣдью и серебромъ. — Генуазцы всегда именуются въ нашихъ лѣтописяхъ Фрягами.

(62) „Азъ такожде хощу сотворити, яко Батый ... Обогатѣемъ Ру„скимъ, златомъ“, и проч. Въ *Ростов. Лѣт.*: „Мамай же разгордѣвся мнѣвъ „себе *яко Царя*:“ слѣдственно онъ, вопреки *Никон. Лѣтописцу*, не былъ никогда Царемъ. Такъ сказано и въ *Новогород. Лѣт.*: нѣкоему бо у нихъ *худу царствующу*, а все дѣющу у нихъ Князю Мамаю“ (въ 1380 году). Здѣсь *худъ* не есть собственное имя, но означаетъ только *худаго* или слабаго Царя. Мы видѣли, что въ 1379 году Ханъ Татарскій, племянникъ Мамаевъ, назывался Тюлюбекъ (см. выше, примѣч. 58).

(63) См. выше, стр. 42.

(64) „Стати на брезѣ у Оки рѣки на Семенъ день.“ Мамай говоритъ: „Сколько хощете Руcкіе земли, тѣмъ васъ дарю, но только присягу имѣй„те ко мнѣ.“

(65) Въ *Ростов.*: „Бысть вѣсть отъ Орды мѣсяца Авг. къ Вел. Князю, „яко воздвизается Измаильтескій родъ на Христіанъ.“

Мы имѣемъ два описанія сей войны: одно дѣйствительно историческое и современное, находящееся въ *Ростов.* и другихъ достовѣрныхъ лѣтописяхъ, а другое напечатанное съ разными отмѣнами въ Кіевскомъ *Синопсисѣ* и въ *Никон. Лѣт.* баснословное и сочиненное, можетъ быть, въ исходѣ XV вѣка *Рязанцемъ*, *Іереемъ Софроніемъ*, какъ то именно означено въ одномъ спискѣ его, хранящемся въ библіотекѣ Графа Ѳ. А. Толстаго, подъ титуломъ: *Исторія или повѣсть о нашествіи безбожнаго Царя Мамая съ безчисленными Агаряны*, и проч. Не говоря о сказочномъ слогѣ, замѣтимъ явную ложь въ сей второй повѣсти. Тамъ сказано, что Димитрій, готовясь къ походу, совѣтовался въ Москвѣ съ Кипріаномъ Митрополитомъ; что онъ прикладывался къ образу Св. Богоматери, написанному Евангелистомъ Лукою, и что въ Донскомъ сраженіи убито *восемь* или даже *пятнадцать* Князей Бѣлозерскихъ: но Кипріана еще не было тогда въ Москвѣ (см. выше примѣч. 60) — образа, написаннаго Лукою, также (см. выше стр. 144) — и Князь Ѳедоръ Романовичь Бѣлозерскій, убитый на Дону вмѣстѣ съ сыномъ, не имѣлъ иныхъ родственниковъ, кромѣ брата, именемъ Василія, коего сыновья сдѣлались уже *гораздо послѣ*, родоначальниками Князей Андомскихъ, Кемскихъ, Бѣлосельскихъ и другихъ (см. *Родослов. Книгу*, II, 163). Историки Кн. Щербатовъ и Штриттеръ повторили сію сказку. Слѣдуя во всемъ *Ростов. Лѣтописцу*, мы впрочемъ не отвергаемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ вѣроятныхъ и сбыточныхъ, въ ней находящихся: ибо думаемъ, что Авторъ ея могъ пользоваться преданіями современниковъ.

Любопытные могутъ въ *Никон. Лѣт.* видѣть грамоты, будто бы писанныя Олегомъ и Ягайломъ къ Мамаю, также и грамоту Мамаеву къ нимъ. Далѣе разсказываются тамъ слѣдующія обстоятельства: „Свѣдавъ, „что Мамай, убивъ Хана, назвался Царемъ, идетъ на Россію и стоитъ

„уже на берегахъ Воронежа. Димитрій, по совѣту Митрополита Кипріяна, велѣлъ Князьямъ готовить войско, и *Михаилъ Тверскій прислалъ* „къ нему въ помощь своего племянника, Іоанна Всеволодовича Холмскаго. „Князь Владиміръ Андреевичь спѣшилъ изъ Боровска въ Москву, куда пріѣхали Мамаевы послы съ требованіемъ, чтобы Димитрій платилъ Хану „древнюю дань, безъ всякаго уменьшенія. Согласно съ мнѣніемъ Митрополита, Великій Князь отправилъ къ Мамаю хитраго мужа, Захарію Тутчева (*или* Тепшешкова) давъ ему *множество золота, серебра и двухъ пе*„реводчиковъ. Сей посолъ услышалъ въ землѣ Рязанской объ измѣнѣ Олеговой, также о союзѣ Ягайла съ Мамаемъ, и далъ знать о томъ Димитрію, который, пируя у *Тысяцкаго* Николая Васильевича, получилъ новыя вѣсти о замыслахъ Мамаевыхъ. Великій Князь немедленно отправилъ „*первую стражу* къ Быстрой или Тихой Соснѣ, избравъ для сего дѣла именитыхъ воиновъ, Родіона Ржевскаго, Андрея Волосатаго (или Іакова „Усатаго) Василья Тупика *и другихъ*, дабы *развѣдать* о непріятелѣ; объявилъ также всѣмъ Князьямъ, чтобы они 31 Іюля *собралися въ Коломнѣ*. „Долго не имѣя никакого извѣстія съ границы, Димитрій послалъ туда, „*со второю стражею*, Климента Полѣнина, Ивана Святослава и Григорія „Судока, встрѣтившихъ на дорогѣ Василія Тупика: сей витязь ѣхалъ съ „вѣстію, что Мамай, союзникъ Олеговъ и Ягайловъ, точно намѣренъ воевать „Россію Великій Князь приказалъ тогда собраться войску въ Коломнѣ 15 „Августа. Явились мужественные Князья Бѣлозерскіе съ полками своими, Кн. Өедоръ *Симеоновичь*, Кн. *Симеонъ* Михайловичь, К. Андрей *Кемскій*, К. Глѣбъ *Каргопольскій* (Каргаломскій?) и *Цыдонскій* (?), Князья „*Андомскіе*, Ярославскіе, Устюжскіе, Андрей и Романъ Прозоровскіе, Левъ „*Курбскій*, Дмитрій Ростовскій," и проч. Оставимъ нескладицу повѣствованія: замѣтимъ единственно, что по *Троицк. и Ростов. Лѣт.* Михаилъ Тверскій не участвовалъ въ семъ ополченіи, и что послы Мамаевы нашли Димитрія уже въ Коломнѣ; что въ Москвѣ по кончинѣ Василія не было Тысячскихъ; что Князья Кемскіе, Андомскіе, Курбскіе принадлежатъ къ новѣйшимъ временамъ. — Надобно также знать, что разные списки сей баснословной повѣсти, мною читанные, во многомъ несогласны. На примѣръ, въ древнѣйшемъ изъ оныхъ (*Синодал. библ.* No 365) сказано, что не Тверитяне, а Новогородскіе *Посадники* пришли на помощь къ Димитрію въ Коломну съ 7000 воиновъ или, какъ въ другихъ спискахъ, съ 40,000. Главными предводителями наименованы Иванъ Васильевичь Посадникъ, сынъ его Димитрій, Өома Крестный, Димитрій Заврежскій, Михаилъ Поновъляевъ, Юрій Хромый. Тамошніе гости, Микула, Иванъ Васильевичь Усатой и Дмитрій Клочковъ, бывъ свидѣтелями Московскаго ополченія, возбудили въ согражданахъ ревность участвовать въ ономъ (см: въ Синодал. библіот. рукопись No 549 о *древн. Рос. государства*, Т. II, *л.* 274). За симъ извѣстіемъ слѣдуетъ: „убо, бранія, стукъ стучитъ, а громъ „гремитъ въ славномъ градѣ Москвѣ; стукъ стучитъ великая рать, „а гремятъ Русскіе удальцы злачеными шеломы и доспѣхи." Похоже ли это на слогъ лѣтописи? — Въ *Синопсисѣ* прибавлено (согласно съ нѣкоторыми иными списками), что Захарія, прибывъ въ Орду, именемъ Вел.

Князя спросилъ Мамая о здоровьѣ; что гнѣвный Мамай сбросилъ башмакъ съ правой ноги и сказалъ ему: „се ти дарую, отъ великія славы твоея „пришедшу, отъ ноги моея отпадшее;“ а своимъ воинамъ: „возмите дары „Московскіе и купите себѣ плети: злато бо и сребро Князя Димитрія „все будетъ въ руку моею; землю же его раздѣлю служащимъ мнѣ, а са-„маго приставлю стадо пасти верблюжее.“ Захарія отвѣчалъ смѣло, и воины хотѣли убить его: Мамай удержалъ ихъ, и звалъ сего Боярина къ себѣ въ службу. Хитрый Захарія не отказался, но просилъ, чтобы ему дозволили прежде отправить Димитріево посольство. Мамай написалъ грамоту къ Вел. Князю, въ коей сказано: „вѣдомо ти есть, яко улусы „нашими обладаешь: аще ли еси младъ, то пріиди ко мнѣ, до помилую тя.“ Мурзы Ханскіе долженствовали вручить оную Димитрію; но Захарія, встрѣченный близъ Оки отрядомъ Россійскимъ, связалъ сихъ четырехъ Мурзъ, изорвалъ грамоту Ханскую, послалъ одного Татарина сказать о томъ ихъ Государю, и благополучно возвратился въ Москву — Въ *Книгѣ о древн. Рос. государ.* (Синодал. библіот. No 529, Т. II, л. 263) написано, что Димитрій, еще ничего не зная о Мамаевомъ походѣ, 2 Іюля пировалъ въ своемъ набережномъ теремѣ съ Боярами; что стражами границъ были Родіонъ Жидовиновъ, Поповичъ Андрей Семеновъ и 60 иныхъ удальцевъ; что Андрей Семеновъ прискакалъ тогда въ Москву и сказалъ Великому Князю: „Мамай со всѣми силами кочуетъ на Воронежѣ, и мы „его силу объѣхали въ 11 дней; а въ 12 день сторожи Царевы меня поима-„ли и поставили предъ Царемъ, и Царь меня спрашивалъ: вѣдомоль моему „слугѣ, Митѣ Московскому, что азъ иду къ нему въ гости? а силы со „мною 12 Ордъ и 3 Царства, а Князей со мною 33, опричѣ *Польскихъ*; а „моей силы 703,000, и послѣ того числа пришли ко мнѣ великія Орды со „двѣма Дворы, и тѣмъ числа не вѣдаю. Можетъ ли слуга мой всѣхъ насъ „употчивать.?“

(66) Прежде они назывались *Дѣтскими или Отроками Боярскими.*

(67) Лѣт. Синодал. библіот. No 365: „Княгиня же Великая Овдотья „многи милости сотвори убогимъ, сама же непрестанно ходя къ церкви „день и нощь.“

(68) См. *Никон. Лѣт.* IV, 99 и 100, и Синодал. лѣт. No 365, л. 203 на обор.

(69) Такъ въ *Ростов. Лѣт.* Въ *Никонов.* сказано, что Св. Сергій далъ имъ „крестъ Христовъ, нашитый на Схимахъ.“ О сихъ Димитріевыхъ сподвижникахъ упоминается и въ житіи Св. Сергія.

(70) Ворота давно задѣланныя, первыя отъ Флоровскихъ или Спасскихъ къ Москвѣ рѣкѣ. Нынѣшнія башни Кремлевскія строены уже при Вел. Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ въ исходѣ XV вѣка, но сохранили имена древнѣйшихъ, то есть построенныхъ Донскимъ.

Въ Синодал. Лѣт. No 365: „Князь же Великій съ братомъ Володим. „Андреевичемъ иде во церковь Архистратига и бища челомъ его Св. об-„разу, и приступи ко гробомъ прародителей своихъ, и рекуще: хранители „православныя, поборници наши! аще имаете дерзновеніе ко Господу, по-„молитеся о нашемъ согрѣшеніи, яко великое приключеніе намъ и чадомъ „нашимъ: нынѣ убо подвизайтеся съ нами.“ Тутъ же описано и прощаніе

Димитрія съ Евдокіею. Далѣе: „Князь же Великій отпусти брата своего „(Владиміра) *Брашевскою* дорогою, а Бѣлозерскія Князи *Болванскою*, а „самъ пойде на *Котелъ*; того ради не пошли одною дорогою, яко не мощно имъ вмѣститися. Великая же Княгиня съ *снохою своею*“ (которой *еще не было*) „и съ иными Княгинями вниде во свой златоверхій теремъ „набережный и сѣде подъ южнымъ окномъ“ — (*описывается плачь ея*)... „Поятъ же съ собою Князь Великій отъ гостей Сурожанъ 10 человѣкъ повѣданія ради, аще что случится, да повѣдають вборзѣ на Москвѣ: Васильа Капцу, Сидора Олферьева, Костянтина Волка, Кузму Кувырю, „Семена Онтонова (Коротоноса), Михаила Сараева, Тимоѳея Весякова, „Дмитрея Черного, Ивана Шиха, Дмитрея Саларева .... (Деметья Сараева)... Возится К. Володимеръ Андреевичь Москву рѣку на красномъ перевозѣ Брашевскомъ“ (въ Боровскѣ), и проч. Тутъ и въ *Никон.* сказано, что Великій Князь въѣхалъ въ Коломну 28 Авг. въ *Субботу*; но сіе число было тогда *Вторникомъ*. Современные Лѣтописцы такъ не ошибались. Далѣе: „прежде же Вел. Князя снидошась тамо Воеводы многи, и срѣтоша его на рѣчкѣ Сѣверкѣ, а Гарасимъ Епискупъ въ градныхъ вратѣхъ „со кресты“

(71) Такъ въ *Ростов. Лѣт.*; а по Никоновской сказкѣ Ольгердовичи соединились съ Димитріемъ уже близъ Дона на мѣстѣ Березѣ. Они названы пасынками второй жены Ольгердовой, будто бы *Анны* (вмѣсто Іуліаніи), воспитавшей ихъ въ Христіанской Вѣрѣ. См. въ *Никон. Лѣт.* переписку сихъ братьевъ между собою, когда они готовились итти въ помощь къ Димитрію. Въ *Архангел. Лѣт.* сказано, что съ ними было войска 40,000.

Въ *Ростов. Лѣт.*: „И пріиде на Коломну, собравъ вой своихъ 150,000, „опричь Князей Руских и Воеводъ Мѣстныхъ; отъ начала бо такова сила не бывала Князей Рускихъ: бѣ бо всее силы числомъ съ полтараста „тысящъ или съ двѣстѣ тысящъ“ (кромѣ дружины Ольгердовичей). — Въ *Синодал. Лѣт.* No 365, л. 210: „Во утрій же день повелѣ Кн. Вел. выѣхати всѣмъ воеводамъ на поле Дѣвиче и всѣмъ людемъ... и начаша мнози гласы ратныхъ трубъ трубити, и варганы тепутъ (звучатъ), и „стязи ревутъ наволочены, и въ саду Панфиловѣ сынове Рустіи наступиша поля Коломенскія ... Князь же Великій съ братомъ Владимеромъ „Андреевичемъ возрадовашася ... И уряди коемуждо полку *Воеводу*, а къ „себѣ пріимъ Князи Бѣлозерскія (храбри бо быша), а брату своему далъ „Князи Ярославскіе; а правую руку себѣ уряди, а лѣвую брату; а Князю Глѣбу Дрюцкому (въ *Никон.* Брянскому) передовой полкъ, да Дмитрею и Володимеру Всеволожимъ; Коломенскаго полку Воевода Микула „Василкевичь, Володимерскаго полку Воевода Тимоѳей Волуевичь, Костромскаго Иванъ Родивоновичь Квашня, Переславской же Воевода Андрей „Серкизовъ; а у Князя у Володимера Воевода Данило Белеутъ, Костянтинъ Кононовичь; Кн. Ѳедоръ Елецкой и Воевода Мещерской Кн. Юрій, „да Кн. Андрей съ своими полки пріидоша. Князь Великій повелѣ Оку рѣку „возитися, заповѣдавъ, кто пойдетъ по Рязанской землѣ, да никто не прикоснется ни единому власу.“ Далѣе сказано, что онъ послалъ впередъ третью стражу съ Семеномъ Меликомъ, Игнатіемъ Кренемъ, Ѳомою

Тывинымъ, Петромъ Горскимъ, Карпомъ Олексинымъ и Петрушею Чюриковымъ.

(72) Въ *Ростов*: „Великій же Князь Димитрій, воздохнувъ изъ глубины „сердца, рече: Господи! совѣты неправедныхъ разори... Не азъ почахъ... „но онъ окаянный, новый Святополкъ.“ Послѣ того *Димитрій идетъ* въ церковь и принимаетъ благословеніе Епископа Коломенскаго, Герасима. — Въ *Никонов.*: „бѣ ему (Димитрію) печаль, яко мало пѣшія рати, и остави „у Лопасны Воеводу своего, Тимоѳея Васильевича Тысяцкого (сына), правнука Веньяминова, да егда пѣшія рати или конныя поидутъ за нимъ, да „проводитъ ихъ... и повелѣ счести силу свою, и бяше ихъ вящше двою „сотъ тысящъ.“

(73) Въ сказкѣ о войнѣ Мамаевой подробно описывается замѣшательство Олега, гнѣвъ Ягайла (будто бы уже Католика) на Князя Рязанскаго, и проч. Олегъ говоритъ своимъ Боярамъ: „азъ чаяхъ по правиломъ, яко „не подобаетъ Вел. Князю противу Царя стояти: нынѣ убо что здѣ „сдумалъ?“ Бояре отвѣтствуютъ: „сказываютъ въ вотчинѣ его Калугера „именемъ Сергія, свята и прозорлива вельми: тотъ благословилъ его и вооружилъ противу насъ.“ Далѣе: „пріиде Ягайло въ Одоевъ, и слыша, яко „Олегъ убояся, и пребысть Ягайло не подвизаяся.“ Въ гнѣвѣ своемъ онъ говоритъ: „николи же Литва отъ Рязани не пріимаша разума.“

(74) См. въ *Синодал. Лѣт. No 365, л. 217.* Въ *Никон. Лѣт.*: „и ту прі- „идоша много пѣшаго воинства, и Житейскіи люди, и купцы со всѣхъ „земель... и начата считати, и изочтоша ихъ вящше *четырехъ сотъ тысящъ*:“ вѣроятно ли?

Вопреки современному Лѣтописцу, *Никон.* говоритъ, что послы Сергіевы вручили Димитрію письмо его и *хлѣбецъ Богородицы* уже передъ самою битвою. Тамъ же: „и се внезапу пріидоша къ нему (Димитрію) два отъ „стражей его, Петръ Горскій и Карпъ, и приведоша языкъ. Той повѣда, „яко Царь на Кузминѣ гати; не спѣшитъ убо, но ожидаетъ Олга и Я- „гайла; по тріехъ же днехъ имать быти на Дону. И вопросиша его о „силѣ Мамаевѣ; онъ же рече: многое множество.“ Въ *Ростов.*: „Мамай же, „слышавъ приходъ Вел. Князя къ Дону, и исѣченныя свои видѣвъ прибѣгшія къ нему... и рече Княземъ своимъ темнымъ: двигнемся и станемъ „у рѣки Дону. Великій же Князь, слышавъ хвалу Мамаеву, рече: Господи! не повелѣлъ еси въ чуждыя предѣлы преступати; азъ же не преступихъ: сіи же приходяще аки зміи ко гнѣзду,“ и проч. Въ Синодал. Лѣт. No 365, л. 218 на обор.: „прибѣгоша 7 стражей въ 6 часъ дни, Семенъ Меликъ со дружиною, а за нимъ гонишась много Татаръ; мало его не угониша: уже бо узрѣша полки Рускія и возвратишася къ Царю... Семенъ „же повѣдаетъ Вел. Князю, яко Царь на Гусинѣ броду; едина нощь промежь нами; утре будутъ на Непрядву рѣку.“

(75) Въ Синодал. Лѣт. No 365, и въ *Никон.* сказано, что сей Воевода, Димитрій Боброкъ, пріѣхалъ тогда къ Вел. Князю съ Ольгердовичами; но онъ есть самый тотъ, который въ 1371 году разбилъ Олега, а послѣ ходилъ въ Болгарію: зять Вел. Князя, Димитрій Михайловичь Волынскій Боброковъ (см. *Родословн. Книгу*, II, 85).

(76) Синодал. Лѣт. No 365, л. 220: „Князь же великій поимъ брата сво-
„его Володимера и Литовскіе Князи и Воеводы, и выѣхаша на мѣсто вы-
„соко . . . и видѣ полци велми учрежены достойно (Димитріемъ Волын-
„скимъ) . . . и Князи Литовскіе ркуще: подобни суть Македонскому вой-
„ску . . . . У богатырей хоругови аки живи пашутся; доспѣхи же Рускія
„аки вода силна во вся вѣтры колебащася, и шеломы на главахъ ихъ аки
„утренняя заря; *еловци* жъ шеломовъ ихъ аки полома огняное пашется . . . .
„Князь же Великій сшедъ съ коня доловъ, и падь на колѣну прямо Вели-
„кому полку черному знамени, на немъ же бѣ образъ Владыкы І. Христа,
„изъ глубины сердца нача призывати велегласно,“ и проч. — Далѣе: „и
„коемужду полку рече своими усты: братія моя милая, сынове Рускія,“ и
проч. Тутъ сказано, что сіе происходило еще наканунѣ битвы; но Ди-
митрій, по *Ростов. Лѣтописцу*, распорядилъ войско въ самый ея день,
перешедши за Донъ, въ *Ординскую землю*. Слѣдующую басню выписыва-
емъ *для любопытныхъ* изъ *Никон. Лѣт.*, *Синопсиса* и другихъ.

„Рече Димитрей Волынецъ Вел. Князю: повѣмъ тебѣ, Княже, примѣту
„свою искусную; уже бо долго нощи вечерняя заря потухла. Князь же
„Великій поимъ съ собою брата Володимера и Литовскіе Князи едины,
„и выѣхаша на поле Куликово, и ставъ посреди обоихъ полковъ, и обра-
„тися на полкъ Татарской и слыша стукъ великъ и кличь, аки торги
„снимаются, аки гради зиждуще, аки трубы гласяще. И бысть назади
„ихъ грозно волци воюще. По десной же странѣ ворони кличютъ, и бысть
„гласъ великъ птичь; вранове же играютъ по рѣцѣ той по Непрядвѣ; гу-
„си и лебеди, непрестанно крылѣ плещуще, необычную грозу подаютъ.
„И рече Волынецъ: *слышасте ли сіа? обратитеся на полкъ Русскій.* И
„бысть тихость велика . . . токмо огневе мнози и заря снимахуся . . .
„И сниде (Волынецъ) съ коня и паде на десное ухо и приниче на землю,
„и предлежа на долгъ часъ, и воста, и абіе пониче. И рече ему Князь
„Великій: что есть, брате? Онъ же не хотѣ сказати. Князь же много
„нудивъ его; онъ же рече: едина ти есть на пользу, а другая не на пользу.
„Слышахъ землю плачущуся на двое: едина страна аки вдовица нѣкая, а
„другая аки дѣвица, аки свирѣль . . . Азъ чаю побѣды, а нашихъ много па-
„детъ. Князь же Великій прослезися. И рече Волынецъ: не подобаетъ
„сего въ полцѣ повѣдати никому же . . . . Въ ту же нощь нѣкто Ѳома
„Хабычеевъ разбойникъ поставленъ сторожемъ отъ Вел. Князя на рѣцѣ
„на Чюрѣ на Михайловѣ, и откры ему Богъ видѣніе, и видѣ на высотѣ
„облакъ великъ, пріиде отъ Востока, и отъ полуденныя страны пріи-
„доша двѣ уноши свѣтлы, имуще въ рукахъ по мечю остру, и ркуще
„полковникомъ Татарскимъ: *что вы повелѣ требити отечество наше? намъ
„дарова Господь стрещи его* . . . и начаша сѣщи ихъ. И видѣша Василей
„Капица, да Семенъ Антоновъ, отъ поля грядуща множество Еѳіопъ, ови
„на колесницахъ, ови на конехъ, и абіе внезапу явись Св. Петръ Митро-
„политъ, имѣя въ руцѣ жезлъ златъ . . . и нача съ яростію веліею жезломъ
„своимъ ихъ прокалати . . . И Вел. Князь повелѣ никому же сего повѣ-
„дати.“ — Далѣе: „Часу же второму наставшу, начаша трубити отъ
„обоихъ странъ: Татарскія жъ трубы аки онѣмѣша . . . Великому жъ Кня-

„зю пресѣдающе на борзый конь, и ѣздящу по полкомъ . . . и сниде съ то-„го коня на иной конь, и совлече съ себя приволоку Царскую и въ иную „облечеся; той же конь дасть подъ Михаила подъ Ондреевича подъ Брен-„ка, и ту приволоку на него положи, иже бе любимъ паче мѣры, и то черное „знамение повелѣ надъ немъ возити (въ *Никон. Лѣт.* Рындѣ своему), и „подъ тѣмъ знаменемъ убіенъ бысть за Великого Князя. Великій же Князь „воздѣвъ руцѣ на небо и вложи въ нѣдра своя вынмъ крестъ животвос-„ный, на немъ же бѣ вообраʒеніе страсти Господни, въ немъ же бѣ дре-„во животное, восплакася" . . . . (Тутъ будто бы привезли ему письмо отъ Св. Сергія) . . . . „*И се внезапу сила Татарская великая съ шоломяни* „(высоты) грядуща, и нѣсть мѣста, гдѣ имъ разступитися, и стаща, „копія закладше, стѣна у стѣны, кождо ихъ на плещи преднихъ своихъ, „имуще предніи краче, *а задніи должае.* Князь же Великій съ своею силою съ „другаго *шоломяни*, пойде противу имъ, и бѣ страшно видѣти . . . Царь „же Мамай съ треми съ темными Князи взыде на *мѣсто высоко* на *шоло-„мя*, и ту стаща, хотя видѣти кровопролитіе . . . . Выѣде изъ полку Та-„тарск. Печенѣгъ, богатырь великъ зѣло, и никто же смѣяше противу „его. Тогда Пересвѣтъ Чернецъ, *Любчанинъ* (по *Ростов. Лѣт.* Брянчанинъ) „родомъ, иже бѣ въ полку у Владимера у Всеволожа, двигся изъ полку вонъ „и рече: азъ хощу съ нимъ видѣтися. И бѣ на немъ шеломъ Архангельско-„го образа, вооруженъ бѣ Скимою; и рече: отцы и братія! простите мя „грѣшнаго, и братъ мой Ослябя моли Бога за мя . . . И напусти на Пече-„нѣга, и рече: Игуменъ Сергій помози молитвою своею. Крестьяне же вси во-„скликнуша: Господи помози рабу своему! и ударишась крѣпко; мало что „земля подъ ними не протроржесь; и спадоша съ коней оба, и умроша."

(77) Синодал. Лѣт. No 365, л. 26: „Мы вси готовы есмя головы своя „положити за тебя, за ласкова Государя; а тобѣ подобаетъ память тво-„рити и въ книгахъ писати, памяти дѣля Русскихъ сыновъ," и проч. Въ *Ростов.* л. 370: „Онъ же отвѣща имъ: да како азъ возглаголю: *братія, „потягнемъ вкупѣ*, а самъ лице свое почну крыти? яко же хощу словомъ, „тако же и дѣломъ напередъ всѣхъ и предъ всѣми главу свою положити, „да и прочіи пріимутъ дерзновеніе." Далѣе: „Наѣха (Димитрій) на погана-„го Царя *Теляка* (см. выше, примѣч. 58), на нареченнаго плотьнаго Діаво-„ла Мамая," и проч.

(78) Древняя наша верста состояла изъ 1000 саженей, какъ показано въ старинныхъ Русскихъ Ариѳметикахъ.

(79) Видѣша бо вѣрніи, яко въ сій часъ Ангели помогаху Христіаномъ, „и Св. Мученикъ полки, Георгія побѣдоносца и Димитріа мироточиваго и „благовѣрныхъ Князей самобратныхъ, Бориса и Глѣба, въ нихъ же бѣ Во-„евода Архистратигъ Михаилъ. Тако же и поганіи видѣша полки тресол-„нечны по воздуху парящи, избивающе ихъ, и стрѣлы пламенны на пога-„ныхъ идаху." Въ Синодал. Лѣт. No 365: „Се слышахомъ отъ вѣрнаго са-„мовидца отъ полку Кн. Володимера Андреевича, иже повѣда Вел. Князю „видѣніе: въ шестую годину дни бысть надъ вами небо отверсто, изъ не-„го же иде багряная заря и надъ вами низко держаше, и облакъ испол-„ненъ рукъ, кояжда рука держаше вѣнцы, ова тотиры, ова проповѣди

„пророческія (ова цвѣты), и въ 6 часу дни многія вѣнци спустишася на „Русскія полки." Тутъ сказано, что Мамай ушелъ только съ четырмя воинами. Глупые басенники прибавляютъ, что онъ призывалъ боговъ *Перуна,* Соловата, *Мокоша,* Ираклія и *Хорса!* — *Далѣе:* „Княжіи же „полки гоняще били ихъ до Содомлянъ и до становъ ихъ."
— Въ *Никон.* и въ другихъ сказано, что Димитрій Волынскій удерживалъ Князя Владиміра, пока сильный вѣтеръ дулъ имъ прямо въ лице; а въ 9 часу вѣтеръ повѣялъ сзади.

(80) Въ Синодал. Лѣт. No 365: „Рекоша Князи Литовскія: мнимъ, яко „живъ есть, но уязвленъ. Иной рече: азъ пятаго часу видѣхъ его крѣпко „бьющеся съ четырмя Татарины. Юрьевской же уноша, Степанъ Ново-„сильской: азъ видѣхъ его предъ самымъ твоимъ приходомъ пѣша идуща съ „побоища, но уязвленна; того бо дѣля не дахъ ему коня, зане гонимъ бѣхъ „трема Татарины .... Овіи же наѣхаша Михаила Александров. Бренка, и „чаяша его Великимъ Княземъ; и иніи же Кн. Ѳеодора Бѣлозерскаго, за-„неже приличенъ (похожъ) баше." — Въ *Ростов.*: „Нѣкто отъ благород-„ныхъ воинъ, Костромичи родомъ, а быша въ полку у Воеводы Іоанна „Родіоновича, Ѳеодоръ Сабуръ, да Григорей Холопищевъ, найдоша Вел. „Князя въ дубровѣ велми язвена лежаща," и проч. Выше сказано: „Самаго „же Вел. Князя съ коня сбиша" (Татары). Въ *Никонов.* и въ другихъ прибавлено, что Димитрій, сбитый съ коня, сѣлъ на другаго, и будучи еще раненъ, отошелъ съ мѣста сраженія въ дубраву, и легъ подъ дерево. Въ *Ростов.*: „доспѣхъ его весь баше избитъ, но на тѣлѣ его не бысть язвы."

(81) Въ Синодал. Лѣт. No 365: „а поганыхъ въ четверо." Нѣмецкій Историкъ Кранцъ, писавшій свою Вандалію въ концѣ XV вѣка, говоритъ о сей Донской битвѣ (Wandal. кн. IX, стр. 207): Quo etiam tempore inter Russos et Tartaros maximum a memoria hominum habitum est praelium, in loco qui dicitur Flawasser (??), ut solent ambæ nationes magnis agminibus non stantes pugnare, sed incurrentes jaculari et ferire, mox retrocedere. Ferunt ducenta mortalium millia eo concidisse praelio. Russi tamen victores praedam non parvam abduxere in pecoribus: nam reliquam pene nullam possident. Nec tamen diu laetati sunt ea victoria Russi: nam Tattari, Letuanis in societatem accitis, sequuti Russos jam reduces, et prædam, quam amiserant, retulerunt, et magnam in Russos stragem peregerunt. Erat autem annus LXXXI post mille trecentos a Christo nato. Quo etiam tempore in Lubica coetus agebatur et conventus urbium omnium de societate, quam Hansam dixere. Послѣднее мѣсто выписано здѣсь для того, что оно можетъ изъяснить, какимъ образомъ свѣдали въ Германіи о Донской битвѣ: купцы Ганзейскіе, въ 1381 году имѣвшіе съѣздъ въ Любекѣ, могли привезти туда вѣсти изъ Новагорода, съ ними союзнаго. Кранцъ пишетъ, что „Россіяне взяли въ добычу множество скота (ибо у Татаръ почти нѣтъ инаго богатства) но не долго радовались своею побѣдою; что Татары, соединясь съ Литвою, устремились въ слѣдъ за нашими, отняли у нихъ добычу и множество ихъ побили." — Въ Синодал. Лѣт. No 365 сказано, что въ Донскомъ сраженіи убито 40 Московск. Бояръ, 30 Серпуховскихъ, 22 Переславскихъ, 20 Костромскихъ, 30 Владимірскихъ, 50 Суздальскихъ, 40 Муромскихъ, 34 Ростовскихъ, 23 Дми-

ировскихъ, 60 Можайскихъ, 30 Звенигородскихъ, 15 Углицкихъ, а всѣхъ вообще 250.000; осталось же только 50.000 (по *Никон. Лѣт.* 40.000): какая нелѣпость! Въ *Ростов. Лѣт.* о числѣ убитыхъ нѣтъ ни слова; а въ *Никоновск.* сказано, что 8 Князей Бѣлозерскихъ (въ Синодал. *Лѣт. пятнадцать*) лежали мертвые другъ подлѣ друга.

(82) Въ приходской церкви Рождества Богоматери, разбирая колокольню сей церкви, называемой *Старымъ Симоновымъ* (см. ниже примѣч. 122), въ царствованіе Екатерины II нашли древнюю гробницу подъ камнемъ, на коемъ были вырѣзаны имена Ослябя и Пересвѣта: нынѣ она стоитъ въ трапезѣ; а камень закладенъ въ стѣнѣ. Въ *Архангел. Лѣт.* сказано, что Ослябя также убитъ въ Донскомъ сраженіи, вмѣстѣ съ богатыремъ Григоріемъ Капустинымъ, и что Великій Князь, стоявъ 8 дней на мѣстѣ битвы, велѣлъ тѣла нарочитыхъ людей везти къ Москвѣ въ колодахъ.

(83) Между 18 и 26 числомъ Октября.

(84) Въ особенной исторіи Высоцкаго Серпуховскаго монастыря (см. *Опытъ историч. словаря монаст.* стр. 82), хранящейся въ сей обители, именно сказано, что Владиміръ былъ прозванъ *Храбрымъ.*

(85) По *Никон. Лѣт.* и другимъ Великій Князь прибылъ съ Куликова поля въ Коломну 21 Сент., отдыхалъ тамъ 4 дни, былъ встрѣченъ Митрополитомъ въ Андроньевѣ монастырѣ, Великою Княгинею во Флоровскихъ воротахъ, молился съ нею въ Соборахъ, вошелъ наконецъ *въ свое знамя, въ бережныя сѣни,* — ѣздилъ изъ Москвы въ Троицкую Лавру и заставилъ Св. Сергія отслужить панихиду за избіенныхъ на берегу Дона.

(86) См. *Древн. Рос. Вивліое.* I, 90. Сія грамота есть списокъ, а не подлинникъ. Въ началѣ упоминается о Митрополитѣ *Кипріанѣ*, а послѣ о *Донскомъ сраженіи:* слѣдственно она писана въ 1381 или въ 1382 году, т. е. прежде изгнанія Кипріанова. О границахъ: „Межи насъ роздѣлъ земли по рѣку по Оку, отъ Коломны вверхъ по Оцѣ на Москов. сторонѣ „Поченъ, Новый городокъ, *Лужа, Верея,* Боровескъ и иная мѣста Рязань„ская, которая ни будутъ на той сторонѣ, то къ Москвѣ; а нанизъ по „Оцѣ по рѣку по Тцну, отъ устъ Тцны вверхъ по Тцнѣ, что на Мо„сков. сторонѣ Тцсны, то къ Москвѣ, а что на Рязаньской, то къ Ря„зани; а Володимерское по рубежъ, какъ было при вашемъ дѣдѣ, при Вел. „Кн. Иванѣ Даниловичѣ ... а что на Рязанской сторонѣ за Окою, что до„селѣ потягло къ Москвѣ, Поченъ, Лопастна, уѣздъ Мьстиславль, Жа„дене городище, Жадемль, Дубокъ, Броднчь съ мѣсты, какъ ся отступ„или Князи Торускіе Өедору Святославичю, тѣ мѣста къ Рязани; а „что мѣсто Князя Вел. Дмитрія Иван. на Рязаньской сторонѣ, *Тула*, „какъ было при Царицѣ при Тайдулѣ, и коли ее Баскаци вѣдали, въ то „ся Князю Вел. Ольгу не вступати ... А что мѣста Талица, Выползовъ, „Такасовъ, та мѣста Князю Вел. Дмитрію. А что купля Кн. Великого, „Мещера, какъ было при Александрѣ Уковичѣ, то Князю В. Дмитрію.“ О семъ *Князѣ* А. Уковичѣ упоминается и въ новѣйшихъ Рязанскихъ договорахъ: см. ниже. Города Кадомъ, Темниковъ, Елатомъ находились въ Мещерской области. — Далѣе: „А что Татарская мѣста отоймалъ Кн. Великій Д. „Ив. за себя отъ Татаръ, та мѣста Велик. Кн. Дмитрію; а что Князь

„Вел. Олегъ, то Олгу . . . . А изъ Рускихъ Князей кто Князю Вел. Дми-„трію другъ и Князю Володимеру, то и В. Князю Олгу другъ . . . А что „В. К. Димитрій и К. Володимеръ билися на Дону съ Татары, отъ того „времени что грабежъ или что поиманье у Князя В. у Димитрія людій и „у его брата, К. Володимера, тому межи насъ судъ вопчій: отдати то „по исправѣ; а что ся ни дѣяло допотолѣ, какъ есмя цѣловали крестъ, то-„му всему погребъ до Спасова Преображенья дни за четыре дни; а судъ „вопчій межъ насъ отъ того праздника всему. А о чемъ судьи наши со-„прутся, ѣдутъ на-Третей, кого себѣ изберутъ; а судомъ вопчимъ не „переводити" (не судиться вторично); „а кто иметъ переводити, пра-„вый у того возметъ: а то ему не въ измѣну. Суженого не посужати" (не пересуживать): „суженое положеное дати. Холопа, робу, должника, „поручника, татя, разбойника, душегубца выдати по исправѣ; а пошли-„ны съ семьи шесть денегъ, съ пѣшеходовъ 2 алтына, а съ одиного не „имати. А мыты ны держати давныи, пошлыи; а непошлыхъ (небыва-„лыхъ) мытовъ и пошлинъ не замышляти; а мыта съ воза по деньѣ, а съ „пѣшехода мыта нѣтъ," проч.

(87) См. Абульгази Hist. des Tatars и Эрбелотъ Biblioth. Orient. подъ словомъ Timour. — Урусъ царствовалъ до 1360 году.

(88) „Срѣтошася на Калкахъ (въ *Ростов.* Калкахъ лѣсѣхъ) . . . и Тохта-„мышъ побѣди. Мамаевы же Князи сшедше съ коней своихъ и биша че-„ломъ Царю Тохтамышу и давше ему правду (присягу) по своей Вѣрѣ . . . „Мамай же побѣже съ своими единомышленники. Царь же Тохтамышъ „посла за нимъ въ погоню. Мамай же прибѣже близъ града Кафы и со-„слася съ Кафинцы по докончанію и по опасу, дабы его пріяли на из-„бавленіе, и прибѣже въ Кафу со множествомъ злата и сребра . . . и ту „отъ нихъ убіенъ бысть лестію."

(89) Въ *Троицк.*: „Того же лѣта выидоша изъ Орды Киличеевe (послы) „Князя Великого, Толбуга да Мокшей, къ Госпожину дни. Того же лѣта „Царь Тохтамышъ послалъ своего посла къ Вел. Князю," и проч.

(90) Въ *Ростов.*: „А Князь Олегъ срѣте Тохтамыша прежде даже не „вниде въ землю Рязанскую, и бысть ему помощникъ . . . и иная нѣкая „словеса изнесе о томъ, како плѣнити землю Рускую и взяти ка-„менный градъ Москву и издобыть Вел. Князя; и обведе Царя около „всей своей вотчины . . . не хотяще бо добра намъ, но своему Княженію „помогаше . . . . . К. Димитрій Константин. Суждальскій посла два сына „своя, К. Василіа, да К. Симеона, къ Тохтамышу. Они же не обрѣтоша „его, и гнаша въ слѣдъ его нѣколико дней, и переяша дорогу его на Сер-„начѣ, и постигоша его на Рязани." — Въ *Ростов.*: „поѣде (Димитрій) „во градъ свой Переаславль . . . и мимо Ростовъ на Кострому." *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Великая Княгиня оставалась въ Москвѣ, и выѣхала оттуда уже вмѣстѣ съ Митрополитомъ Кипріаномъ; но въ современной *Новогород. Лѣт.* сказано: „на Кострому побѣжа (Димитрій) съ Княгинею „и съ дѣтми." Такъ и въ *Архангельской.*

(91) Въ *Ростов.*: „и сотвориша *Вѣче* и позвониша во вся колокола." — *Никон. Лѣт.* говоритъ, что народъ, выпустивъ изъ города Митрополита

съ Великою Княгинею, ограбилъ ихъ: вѣроятно ли? народъ, по другимъ лѣтописямъ, грабилъ только простыхъ бѣглецовъ.

(92) „Бояре, Суконницы, Сурожане, Архимандриты, Игумены," и проч. Въ *Никон. Лѣт.*: „пріидоша (Татары) въ полобѣда, и узрѣша ихъ со „града, и вострубиша граждане. Они же сташа за два или за три стрѣ-„лища отъ града," и проч. Далѣе: „бѣ бо около града чисто, понеже граж-„дане сами посады своя пожгоша и ни единого тына или древа оставиша, „блюдущась примета ко граду."

(93) Въ *Никон. Лѣт.* описываются здѣсь разныя мерзости: чего нѣтъ въ другихъ.

(94) „Овіи отъ нихъ стояще стрѣляху, а иніи скоро рищуще, а дру-„зіи на конехъ скоро ѣздяще на обѣ руцѣ, напередъ и назадъ скоро и по-„лучно безъ погрѣхи стрѣляху." Въ *Ростов.*: „друзіи же *тюфяки* пущаху „на ня, иніи изъ самострѣлъ стрѣляху, и пороки шибаху, иніи *пушки* ве-„ликіи пущаху." *Тюфяками* и *пушками* назывались тогда, какъ надобно думать, особенныя махины, употребляемыя для защиты городовъ. Далѣе: „И той (Адамъ) примѣтивъ и назнаменавъ единаго Татарина нарочита и „славна, иже бѣ сынъ Князя Ординскаго, и напрягъ стрѣлу самострѣль-„ную, и уязви въ сердце его гнѣвливое, и вскорѣ смерть ему нанесе. Се „же бысть велика язва Татарамъ, яко и самому Царю тужити о немъ."

(95) Въ *Архангельской*: „и на томъ словѣ К. Семенъ Суздальскій снемъ „съ себе крестъ и цѣлова Москвичемъ."

Въ *Никонов.*: „убиша К. Остея, тайно вземше его въ полкъ свой." Въ *Архангел.*: „К. Остея во Фроловскихъ воротѣхъ убиша." Сіе случилось въ 7 часу дня.

(96) Въ *Троицк.*: „книгъ же толико множество снесено со всего горо-„да и изъ загородья и изъ селъ, и въ Зборныхъ церквахъ до тропа наме-„тано, схраненья ради спроважено, то все безъ вѣсти створиша."

(97) Въ *Ростов.*: „прежде бяше градъ Москва видѣти великій и чюденъ „градъ, и много множество людей бяше въ немъ, кипя же богатствомъ „и славою," и проч. Въ числѣ убитыхъ Лѣтописцы именуютъ Симеона, Архимандрита Спасскаго, другаго Архимандрита Іакова, Игумена Іакинѳа Крылова, и проч.

(98) Въ *Никонов.* сказано, что Татары въ Переславлѣ едва было не захватили супруги Димитріевой, и что она уѣхала оттуда черезъ Ростовъ въ Кострому; что Татары хотѣли итти къ Твери, но были удержаны невидимою силою; что Михаилъ Тверскій отправилъ къ Хану дары съ Гурленомъ, и что Тохтамышъ прислалъ ему милостивую грамоту. — Въ *Арханг. Лѣт.* сказано, что Владиміръ побилъ 6000 Татаръ. — Коломенскій Епископъ Герасимъ уѣхалъ тогда въ Новгородъ. — Тохтамышъ, выходя изъ Россіи, вмѣстѣ съ посломъ своимъ отправилъ къ Димитрію Константиновичу Суздальскому сына его, Симеона Димитріевича, а другаго сына, Василія Димитріевича, взялъ съ собою въ Орду.

(99) Въ *Троицк.*: „росплакаста ся има (Димитрію и Владиміру)."

(100) Такъ въ *Ростов.*, а по *Троицк.* вдвое менѣе.

(101) Михаила Морозова и Симеона Тимоѳеевича. Киприанъ выѣхали изъ Твери Окт. 3, а пріѣхалъ въ Москву Окт. 7.

(102) „Тое же осени К. Михаилъ иде въ Орду и съ сыномъ своимъ и „пойде околицею, ища Великого Княженія . . . Тое же осени (1383) о Николаевѣ дни Кн. Михаилъ выйде изъ Орды безъ Великаго Княженья, а „сынъ его Александръ осшася въ Ордѣ. И Князя Василія Димитріевича „Царь у себе же оставивъ *въ осьми тысячахъ*;" то есть, считал 8000 рублей долгу на его отцѣ. *Никон. Лѣт.* изобрѣтаетъ слѣдующее: „Тохтамышъ пожаловалъ Князя Михаила его отчиною, Княженіемъ Тверскимъ, и рекъ ему: азъ улусы своя самъ знаю, и кійждо Князь Рускій „по старинѣ служитъ мнѣ; а что неправда предо мною улусника моего „Кн. Димитрея Московскаго, и язъ его поустрашилъ, и онъ мнѣ служитъ „правдою . . . . Тогда же бѣ въ Ордѣ и Князь Василій Димитріевичь Московскій: смущаше бо ихъ нѣкій Царь Ординскій, обѣщавая коемуждо дати Вел. Княженіе, яко и Царя, глаголаше, на сіе приведу."

(103) Въ *Троицк.*: „тое же осени (1333) о Димитріевѣ дни бысть въ „Володимірѣ лютъ посолъ, именемъ Аданъ Токтамышь . . . Тое же весны „(1384) бысть великая дань тяжелая по всему Княженью Великому, всякому безъ отдатка (уступки), со всякіе *деревни* по *полтинѣ*. Тогда же „и златомъ давали въ Орду" (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 250). *Деревня* означала прежде *одно* жилище крестьянское и состояла обыкновенно изъ малаго числа дворовъ: въ доказательство привожу слѣдующія мѣста изъ книги Помѣстнаго Приказа XVI вѣка, найденной мною въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ: „По старому письму деревня два двора, три человѣка. — Всѣхъ деревень по старому письму 15, а дворовъ „въ нихъ 40 и 8, а людей 50 и 3 человѣка. — Деревень по старому письму 21, а дворовъ въ нихъ 45, а людей 48, а *обежъ* 47, а *сохъ* 16 безъ трети." *Обжею* называлось тягло; въ каждой считалось *три сохи*. Слово *полтина* происходитъ отъ глагола *располоть*: ибо она состояла изъ половины рубля или серебрянаго прута, *вдоль* раздвоеннаго. Въ семъ смыслѣ донынѣ употребляется слово *полоть* (ветчины) и *полотокъ*.

(104) См. ниже, примѣч. 115. Димитрій въ условіяхъ съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ говоритъ: „а оже ны Богъ ослободитъ отъ Орды."

(105) „Марта въ 25, въ Лазареву Субботу, К. Олегъ взя Коломну изгономъ, и Намѣстника изнима Александра Андреевича, нарицаемаго Остея, и прочихъ Бояръ и лѣпшихъ мужей поведе съ собою, и злата и „сребра и всякаго товара наимався, и отыде въ свою землю . . . . Того жь „лѣта Кн. Великій Димитрій Ив. собравъ воя многы и посла брата своего, К. Володимера, на К. Ольга. На той войнѣ убиша Кн. Михаила, сына Андреева Полотьскаго Олгердовича на Рязани . . . . Тое же осени въ „Филипово говѣнье Игуменъ Сергій самъ ѣздилъ на Рязань ко К. Ольгу „о мирѣ: прежде бо того мнози ѣздиша къ нему, и никто же возможе „утолити его. Преподобный же старецъ кроткими словесы и благоувѣтливыми глаголы много бесѣдовавъ съ нимъ о мирѣ и о любви: К. же „Олегъ преложи свирѣпство свое на кротость, и умилися душею, и усрамися толь свята мужа, и взя со К. Великимъ миръ вѣчный."

(106) Въ *Ростов.*: „даша ему (Патрикію) Новогородци въ кормленье „пригороды Орѣховъ и Корельскій и полъ Копорьи городка и Луское „село . . . Пріѣхаша Орѣховци и Корельскыи съ жалобою къ Новугороду „на Патрикіа, и выѣха Кн. Патрикій въ Новгородъ, и подня посуломъ „(дарами) Славенскій Конецъ, и смути Новгородъ . . . Износиша Вѣче по „двѣ недѣли на Ярославлѣ Дворѣ, а здѣ на сей сторонѣ 3 Концы другое „Вѣче ставиша у Св. Софіи, и Тысяцкій Іосифъ не сойде на сю сторо-„ну въ Вѣче, и Плотничане добрые люди такоже не пойдоша. И бысть „на *Черкисовѣ* (Мытаря и Фарисея) недѣли, ударища Славенскій Конецъ „на Тысяцкого на Іосифовъ дворъ съ Вѣча со Ярославля Двора, и Плот-„ничане Іосифа не выдаша, и биша грабежниковъ и полупиша; а тогда „биша у Кн. Патрикія 2 человѣка въ дому, Корнилка Олисейкова, да „Мишка Щекотова Поповича съ Подола. И бысть на Мясопустной не-„*дѣли* во Вторникъ, Февр. въ 9 *день: доспѣша 3 Концы Неревьскій Ко*-„нецъ, и стояша у Св. Софіи на Вѣчи, всякой вооружившися аки на рать, „отъ обѣда *и* до вечерни, и Плотницкій Конецъ, сославея послы съ тре-„ма Концы, на *Славлянъ* хотѣша *ити, а заутра въ Среду* не потягнуша „Плотничане на Славляне съ 3 Концы, и 3 Концы списаша грамоты во „одни слова обѣтныя, и Славляне себѣ доспѣша и стояша со Княземъ на „Ярославлѣ Дворѣ. Во Вторникъ же на Мясопустной недѣли и въ Чет-„вертокъ Славляне мостъ Великій отъ своей стороны перебраша между „двѣма городнями; и по усобной той рати пойдоша вся пять Концовъ „во одиначество . . . и грамоту написаша со Княземъ, и запечаташа на „Вѣчѣ на Ярославлѣ Дворѣ."

Въ сіе время только однажды (въ 1377 году) ходили Новогородцы за границу къ Нѣмецкому (Шведскому) Новому городку на Олвѣ (въ *Ростовск.* Олвѣ) рѣкѣ: думаю, Нейшлоту или Олофсбургу, хотя Бишингъ и говоритъ, что сей городъ построенъ уже въ 1475 году . . . . „И стоя-„ша подъ городомъ много дній, и посадъ весь взяша, и волость всю по-„травиша, и полона много приведоша." Воеводами были Иванъ Ѳедоро-вичь, Василій Борисовичь, Максимъ Ананьевичь.

Въ *Ростов.*: „Той же осени (1369) пошли Волгою 10 ушкуевъ (судовъ), „а иніи шли Камою, и биша ихъ подъ Болгары . . . Дважды ходиша (г.1370) „Новогородцы Волгою, и много зла створиша . . . Того же лѣта (1371) „ушкуйцы разбойницы Новагорода Великаго пришедше взяли Ярославль „и Кострому . . . . *Идоша* (въ 1374 г.) на низъ Вяткою Ушкуйницы 90 уш-„куевъ и пограбиша Вятку и взяша Болгары; хотѣша и градъ зажещи, „и даша имъ окупа 300 рублевъ; и оттуда раздѣлишась на двое: 50 уш-„куевъ *пойдоша на низъ по Волгѣ къ Сараю, а 40 ушкуевъ пойдоша вверхъ* „по Волгѣ, и дошедше *Обухова*, пограбиша все Засурье и *Марѣквать*, и „перешедше за Волгу, суды всѣ изсѣкоша, а сами пойдоша къ Вяткѣ на „конях, и много селъ по Ветлугѣ идуще пограбиша . . . . Того же лѣта „(1375), егда бѣ Вел. Князь Димитрій подъ Тферію, изъ Вел. Новагорода „идоша разбойницы въ 70 ушкуяхъ: Воевода же бѣ у нихъ Прокофъ, а „другій Смольянинъ; и пріидоша къ Костромѣ . . . Видѣвше же, яко много „бѣ Костромичь, раздѣлишась Новогородцы на 2 части: едину половину

„густи[illegible]
„на Костромичь въ [illegible]
„цы на низъ, и повернуша въ Каму, [illegible]
„доша паки въ Волгу . . . и пойдоша въ [illegible] Сарыю, гостей Хри-
„стіанъ грабяще, а Бесерменъ грабяще и убивающе," и проч. . . . . „Того
„же лѣта (1379) Вятчане ходиша ратію въ *Арьскую* землю, и избиша раз-
„бойниковъ ушкуйниковъ, и Воеводу ихъ Рязана изымавше убиша."

Городъ Хазитороканъ или Астрахань есть, можетъ быть, древній Ателъ или Балангіаръ (см. сей *Исторіи* Т. I, стр. 43). Въ старыхъ Грузинскихъ исторіяхъ Астрахань именуется *Хозаремъ*, какъ пишетъ Грузинскій Царевичь Сакаръ Вахтанговичь въ отвѣтахъ на вопросы Г. Татищева, бывшаго Астраханскимъ Губернаторомъ. Сіи отвѣты, писанные въ 1743 году, найдены мною въ бумажникахъ Г. Миллера, хранящихся въ Архивѣ Иностран. Коллегіи, No 316. Послѣ Козаръ господствовали Ясы отъ устья Волги къ Дербенту и далѣе.

Сообщимъ здѣсь и другіе замѣчательные отвѣты упомянутаго Царевича. „*Имя Грузіи* извѣстно только Россіянамъ. Мы называемъ свое отече-„ство *Картли*, по имени *Картлоса*, нашего праотца, сына Ноева. Пер-„сіяне называютъ Грузію *Гургистаномъ*, Дагестанцы *Гуржемъ*, Греки „*Георгіею* отъ Св. Великомученика Георгія, коему Богъ особенно пору-„чилъ защиту оныя. Картлосъ имѣлъ 6 сыновей: Мцхетоса, Кахоса, Бар-„доса, Кавказоса, Лесгоса и Егроса, коихъ именами назвалися разные пре-„дѣлы. — Отъ чего родилось имя Кабарды, неизвѣстно. Она принадле-„жала нѣкогда Грузинскимъ Царямъ, исповѣдуя Вѣру Христіанскую, „истребленную Татарами и Князьями вышедшими изъ Египта (Аравит-„лянами)."

Въ *Ростов.*: „Держа (Димитрій) гнѣвъ на Новгородъ, что взяли Новго-„родцы разбоемъ Кострому, и про *Княщины*:" то есть, Княжескую соб-„ственность, ими захваченную. Далѣе: „Тое же зимы (1384) пріѣхаша отъ „Вел. Князя Димитрія съ Москвы Бояре его *черного бору* брати" (собирать дань съ чернаго народа) „по Новогородскимъ волостямъ: Өеодоръ „Свиболъ, Іоаннъ Уда, Александръ Белевутъ, и иніи Бояре. Тогда ѣздиша „Бояре Новогородскія на Городище тягатися со Княжичи Бояры въ оби-„дахъ, и побѣгоша съ Городища на Москву Свиблова чадь, а въ обидахъ „исправы не учинили; а иніи остаhа Низовцы въ городѣ обирать черно-„го бору." Однакожь видно, что Новогородцы удерживали сію дань: иначе Великій Князь, смиривъ ихъ послѣ, не имѣлъ бы нужды требовать, чтобы они исправно платили ему оную. Далѣе: „Бысть цѣлованіе въ Ве-„ликіи постъ (въ 1385 году) по Соборѣ на другой недѣли, цѣловаша крестъ „Посадникъ Өеодоръ Тимоѳеевичь (въ *Никон.* Тысяцкой Богданъ Аввакумовичь) на Вѣчи, и всѣ Бояре, и Дѣти Боярскіе, и *Житьи* и черные лю-„ди, и вся 5 Концовъ, въ томъ, что не зватися къ Митрополиту, а су-„дити Владыкѣ Алексію въ правду по Номоканону; на судѣ поняти двѣ-„ма исцома дву Бояриномъ съ стороны, тако же и *Житья* по два жъ „человѣка: Посаднику и Тысяцкому судити право по крестному цѣло-„ванію." *Житьими* или *Житьми* людьми назывались граждане *зажиточ-*

ные, нарочитые, ... Въ XI вѣкѣ они назывались *Огнищанами* (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 67). — Въ *Никон. Лѣт.* прибавлено: „а Посаднику и Тысяцкому судити свои суды по *Рускому обычаю.*" Но здѣсь говорится только о церковномъ судѣ, а не о гражданскомъ.

(107) Въ *Ростов.*: „Въ Филиповъ постъ, предъ Рождествомъ Хр., Великій Князь пойде ратію, волости и села Новогородскіе воююще и жгуще.... И Новогородцы послаша противу Вел. Князя Іова Аввакумовича и Іоанна Александровича съ челобитьемъ о миру. Великій же Князь миру не далъ, а послы ихъ отпусти ... а самъ, не дошедъ Новагорода за 30 верстъ, и ста на полѣ: бяше бо уже Богоявленіе ... И пріѣха Владыка Алексій къ Вел. Князю, рече: Господине Княже Великій! азъ тебе благословляю, а Вел. Новагорода вси людіе бьютъ челомъ, чтобы еси, Господине, учинилъ миръ, а за винные люди даютъ 8000 рублей.... И Владыки не послуша, но хотяше ити къ Новугороду. Владыка же посла напредъ себе въ Новгородъ Климонта Васильевича, Посаднича сына, глаголя: держите опасъ ... и Новогородцы поставиша острогъ по осылии хоромы; а К. Патрикій со Кн. *Романомъ Юрьевичемъ* и съ Копорскими Князи во градѣ быша, и Новогородцы выѣхаша (съ ними) на поле въ день Недѣльный до обѣда въ доспѣхахъ, и ѣхаша до Жилотуга, и вспятиша опять въ городъ послѣ обѣда; а Владыка Алексій пріѣха безъ миру. Бысть переполохъ великъ въ Новѣгородѣ: по Богоявленіи на четвертый день, въ Понедѣльникъ, прочтеся вѣсть, что стоитъ Вел. Князь у Жилотуга. Новогородцы же начаша боятися ... и вси въ доспѣсѣхъ выѣхаша на Жилотугъ: бяше бо сила велика и сбиша рать Новогородская, конная и пѣшая, и велми много охотниковъ битися...И не обрѣтоша Низовцевъ и возвратишася, и послаша отъ того переполоха къ Вел. Князю Архимандрита два, да съ ними 7 Поповъ, да 5 Житейскихъ, съ Концевъ по человѣку; а въ то время Новогородцы пожгоша около града монастырей великихъ 24; а урочищи имъ сіи: на Перынѣ, Юріевъ, Рожественскій, Аркажъ, Духовъ, Борисоглѣбскій, Богородицынъ, Николинъ, Лазаревъ, а на Торговой сторонѣ Антоніевъ, Богородицынъ, Іоанновъ, на Волотовѣ, на Ковалевѣ, Рожественскій, Кирилловъ, на Ситескѣ, на Лядкѣ, въ Передицахъ, на Сковородкѣ, въ Шиловѣ; а церквей деревянныхъ погорѣло 6: Рожество въ Юріевѣ, Іоанна Милост. у Воскресенія, Симеона во Аркажи, Св. Михаила на Колмовѣ, на Городищи Космы и Даміана, да Георгіа Св.; а Плотническій Конецъ и Людинъ и Неревскій, и у всякой улицы внѣ города за рвомъ вси хоромы пожгли. А Св. Николая монастырь на Понедѣльи ратніи (непріятели) пожгли: церкви же не сожгли... А Новоторжскіе Большіе Бояре вси въ Новгородъ прибѣгли, и изъ иныхъ волостей сильно много наѣхаша, и тогда Христіаномъ не бяше пути, но гололедь... И послы Новогородскіе докончали миръ на всей старинѣ...... И послаша къ Вел. Князю въ Ямна съ Посадниками съ Григорьемъ Якуновичемъ, да съ Василіемъ Θеодоровичемъ... И послаша въ Заволочье Посадника Θеодора Тимоθеевича и Тимоθея Юрьевича, сына Посаднича, и Юрія Димитріевича и иныхъ молодыхъ Дѣтей

„Боярскихъ брати то сребро на Заволочанахъ." Послѣ узнаемъ, въ чемъ состоялъ такъ называемый *черный боръ*.

(108) „Вставша 3 Конци Софейской Стороны на Посадника Есипа За„харіинича, и навонивше Вѣче у Св. Софіи, и пойдоша на дворъ его акы „рать силная, и хоромы его развезоша; а Есипъ бѣжа за рѣку въ Плотниц„кій Конецъ... и вста за него Тръговая сторона вся, и начаша люди лу„чити, а перевозниковъ бити отъ брега, а съсуды иасѣцаху... И сни„дошась въ любовь, и даша Посадничьство Василію Ивановичь. „Въ *Ростов.*: „Вел. Князь *Литовскій*, Лугвеній Олгердовичь, нареченный во св. креще„ніи Симеонъ (въ 1388 г.), присла послы своя въ Новгородъ, Овгимонта „и Бранощу, хотя быти у нихъ и сѣсти на городкѣхъ, чѣмъ владѣлъ На„римонтъ..... Того же лѣта (1389) пріѣха въ Новгородъ Кн. Симеонъ „Олгердовичь Лугвеній на пригороды."

(109) Въ *Ростов.*: „В. К. Ягайло Олгердовичь ѣздилъ женитися въ Угор„скую землю къ Королю" — на дочери Короля Венгерскаго и Польскаго Людовика —„и женився, и тамо крестился въ Нѣмецкую Вѣру, и при„шедъ изъ Угръ въ Литовскую землю, крести Литву въ Нѣмецкую Вѣ„ру половину своего города Вилны." См. Длугоша Hist. Polon. кн. X, стр. 108, и Стриков. *Хроник. Литов.* кн. XIII, гл. 5.

(110) Въ *Ростов.*: „Два Литвина Ягайловы больше крещени во Хри„стіанскую Вѣру: онъ же хотѣлъ ихъ крестити во свою же Вѣру, и не „послушаша его: Король же Ягайло казни ихъ многими муками, и смерти „велѣлъ предати."

(111) Кранц. Wandalia, г. 1382, и Кельх. Liefländ. Gesch. — Въ *Псковск. Лѣт.*: „Того же лѣта (1382) Князь Местерь съ силами своими и К. Ски„ригайло пріидоша къ Полочку, и стоявше 13 недѣли, отъидоша." Въ *Ростов.*: „Скиригайло ходилъ съ Литовскою силою и съ Нѣмецкою подъ „Полтескъ (въ 1386 г.) и взя городъ, а Андреева сына убиша, а самого „Андрея, брата своего, изымалъ и свелъ въ Литву." Стриковскій, кн. XIII, гл. 4, пишетъ: „три лѣта убо въ твердыни Хенцынской въ темной бат„ни за стражею сѣдяше, и посемъ, по заступленію иныхъ братій, отпу„щенъ." Въ Кенигсбергскомъ Архивѣ есть харатейный списокъ грамоты Андреевой, коею онъ въ 1385 году торжественно уступилъ все *Полоцкое* Княжество Рыцарямъ Ливонскимъ, съ условіемъ, чтобы ему и наслѣдникамъ его княжить тамъ въ качествѣ Орденскихъ присяжниковъ. Слова сей грамоты: de regno Ploscoviensi, regnum in Ploskow, заставили думать ученаго Геннига, что здѣсь рѣчь идетъ о *Псковѣ*. См. между моими Кенигсбергскими бумагами No 280.

(112) Въ *Ростов.*: „Въ Великій постъ, на Средокрестной недѣли, Мар„та въ 22 день, Вел. Кн. Святославъ Ивановичь Смоленскій со братани„чемъ своимъ Кн. Іоанномъ Василіевичемъ, да Кн. Глѣбъ Святославичь, да „братъ его Юрій пойдоша ратію ко граду Мстиславлю:... Воеваху зе„млю Литовскую, а кого гдѣ изымавше, нещадно мучаху: мужей и женъ „и дѣтей; а иныхъ въ избахъ запирающе зажигаху, а младенцевъ на колѣ „востыкаху... Пріиде же Святославъ ко Мстиславлю на Страст. недѣли „въ Среду, Апр. 18... и стояху подъ градомъ 11 дней... И бысть уже въ

„Недѣлю Ѳомину, въ полъутра, узрѣша *Смольяне* стяги *Литовскіе*. Въ „первомъ полку бѣ В. К. Скиригайло, а въ другомъ братъ его Корибутъ, а въ третіемъ братъ ихъ Кн. Симеонъ-*Лугвенъ*; съ ними же и Витовтъ Кестутіевичъ.“ — То же пишетъ и Стриковскій, кн. XIII, гл. 4, ошибаясь единственно въ томъ, что *онъ* говоритъ о *бѣдствіи* Святослава прежде взятія Полоцка.

(113) Въ *Ростов.*: „Того же году (1386) Кн. Василій Димитріевичь, сынъ „Вел. Князя Московскаго, прибѣже изъ Орды въ Подольскую землю, въ „Великіе Волохи, къ Петру Воеводѣ.“ Слѣдственно и Молдавію называли у насъ Подольскою землею. Далѣе: „Того же лѣта (1387) В. К. Димитрій „отпусти Бояръ своихъ старѣйшихъ противу сыну своему . . . Тое же „зимы, Іан. въ 19, приде къ Москвѣ К. Василій изъ Польскія земли, а съ „нимъ Князи *Ляшскіе* и Панове.“ *Никон. Лѣт.* разсказываетъ, что Василій изъ Воложской земли пріѣхалъ въ *Нѣмецкую*, гдѣ находился тогда Витовтъ; что сей *Литовскій* Князь узналъ Василія, задержалъ и наконецъ освободилъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ женился на его дочери. Какимъ образомъ Василій могъ ѣхать въ Россію черезъ Пруссію?

(114) „Іюля въ 5 день (1383), въ Недѣлю, въ 6 часъ дни, преставися Кн. „Вел. Димитрій Костянт. въ Черцѣхъ и Скимѣ, нареченный въ Св. крещеніи Ѳома, а во Мнишеск. чину Ѳеодоръ, и положенъ въ Новѣг. Нижнемъ въ церкви каменной, въ Св. Спасѣ, на правой сторонѣ подлѣ отца „своего и подлѣ брата, Кн. Андрея, живъ отъ рождества своего всѣхъ „лѣтъ 61: Царь же Тохтамышь, слышавъ въ Ордѣ преставленье его, вдастъ „Княженіе Нижн. Новагорода Князю Борису, брату его, тогда сущу въ „Ордѣ и съ сыномъ Иваномъ.“ — *Въ Нижегородск. Лѣтописцѣ*: „6882“ (а по *Троиц.* въ 1372 году) „Вел. Кн. Димитрій Константиновичь въ Нижнемъ „повелѣ дѣлать каменную стѣну, и зачаты Дмитріевскіе ворота.“ Въ концѣ харатейнаго Пушкинскаго Несторова списка сказано такъ: „началъ „есмь писати книгы сія Князю Великому *Дмитрію Костянтиновичу*.“ — Далѣе въ лѣтописи: „Побѣже изъ Орды (въ 1386 г.) Кн. Василій Димитріевичь Суждальскаго, и срѣте его посолъ (Царевъ), и изыма его и приведе во „Орду къ Царю, и за то пріятъ отъ Татаръ истому велику.“ Онъ пріѣхалъ изъ Орды въ 1388 году. Въ *Троиц.*: „тое же зимы Князь Василій „да Кн. Семенъ Дмитріевичи, собравше воя многи съ своей отчины, Суждальцы и Городчане, и у Князя Великаго Дм. Ивановича испросиша „себѣ силу, ратъ Можайскую и Звенигородскую и Волоцкую, и пріидоша къ Нов. Нижнему на своего дядю въ Вел. говенье, Марта въ 10 день „во Вторникъ на Похвальной недѣли, и стояша 5 день, и умиришася: Кн. „Борисъ сступился имъ волостей Новогородскихъ, а они ему отступишася его одѣловъ.“

(115) Въ *Ростов.*: „Татарове взяша Переяславль“: это случилось во время ссоры Вел. Князя съ Владиміромъ. Въ *Никонов.*: „того же лѣта (1387) „предъ Петровымъ днемъ Татарове безвѣстно пріидоша на Рязань и повоеваша ю, да и Любутескъ, а Олга Князя мало не яша . . . Мѣсяца Августа (1388) нагономъ пригониша Татарове на украйны Рязанскія“ . . .

См. договорн. грамоту въ *Древ. Рос. Вивліов.* I, 94. Въ с[illegible] грамо[illegible]ѣ сказано: „ А чимъ мя благословилъ отецъ мой Кн. Вел. Иванъ въ городѣ „Москвѣ и въ станѣхъ“ (въ мѣстахъ, гдѣ собиралась дань Княжеская) „два „жеребья и пошлинъ всѣхъ два жеребья, также и Коломна съ волостьми, „и Звенигородъ, и Можаескъ съ волостьми и отъѣздными мѣсты и *Великимъ Княженіемъ*, того ти подо мною блюсти и подъ моимъ *сыномъ* и „подъ моими дѣтьми. А чимъ благословилъ тобя отецъ твой, Кн. Андрей, въ „городѣ Москвѣ и въ станѣхъ третъ, и пошлинъ всѣхъ третъ, и Удѣломъ; а „что ти далъ отецъ мой Городецъ въ Лопастны мѣсто, и ты мнѣ потомъ „челомъ добилъ отцомъ моимъ, Алексѣемъ Митрополитомъ, и язъ тобя „пожаловалъ, далъ ти есми Лужу и Боровескъ, и что ти ся достало Удѣла „Княгинина Ульянина, того всего мнѣ и дѣтемъ моимъ подъ тобою блюсти „и подъ твоими дѣтьми . . . Слати ны свои данщики вмѣстѣ. А что ти ся есть „былъ отступилъ дани въ Растовцѣ и въ Перемышлѣ, а на то ны сла„ти свои данщики вмѣстѣ, какъ было при нашемъ дѣдѣ; а что сберутъ „въ городѣ, и въ станѣхъ, и въ варяхъ“ (мѣста, гдѣ варили медъ Княжескій) „тому ити въ мою казну, а мнѣ давати въ выходъ“ (въ дань Хану). „А на Козловъ бродъ слати ти своего данщика: тѣмъ тя есмь пожаловалъ; а что сберутъ, а тому ити въ мою казну, въ городьскую дань. „*А оже ны Богъ избавитъ ослободитъ отъ Орды*, ино мнѣ два жеребья, а „тобѣ третъ; а Ординская тягость и проторъ дати ти мнѣ съ своего „Удѣла и отъ Княгинина Удѣла Ульянина съ твоее трети въ пять тысячь „рублевъ 300 рублевъ и 20 рублевъ; а прибудетъ ли, убудетъ ли, ино „по розочту; а долгъ Бесерменской, и проторъ, и Рускій долгъ, а то ны „подняти по тому же по розочту. А что наши Ординци и *Дѣлюи*, а „тѣмъ знати своя служба; а численыхъ людей блюсти ны съ одинаго, а „земель ихъ не купити . . . . А кто будетъ покупилъ земли данные, слу„жни или черныхъ людей, а тѣ, кто взмо[illegible]етъ выкупити, ино выкупятъ, „а не взмогутъ выкупити, ино *потянутъ къ чернымъ людемъ; а кто и „всхочетъ тянути*, ино ся земель сьсту[illegible], а земли чернымъ людемъ „даромъ:“ то есть, владѣльцы сихъ купленыхъ земель должны нести всѣ тягости черныхъ людей или быть съ ними подъ одинмъ закономъ. Далѣе упоминается о Боярахъ *Путныхъ*: такъ назывались Бояре, коимъ давались земли съ правомъ собирать на *путяхъ* или дорогахъ пошлину. — Сихъ грамотъ двѣ: одна съ тремя восковыми печатями, а другая ветхая, безъ начала и конца, писанная отъ имени Владиміра къ Вел. Князю.

(116) Въ *Никонов.* подъ годомъ 6889: „Бяше же крѣпокъ зѣло, и тѣломъ „великъ и широкъ, и плечистъ, и чреватъ велми и тяжекъ; брадою жь „и власы черпъ; взоромъ же дивенъ зѣло.“

Въ Архивѣ (см. *Др. Рос. Вивл.* I, 86 и 100) хранятся двѣ духовныя грамоты Димитріевы: одна безъ начала, писанная еще при Алексіи Митрополитѣ между годами 1371 и 1377 (ибо въ ней уже говорится о Василіи Димитріевичѣ), а вторая на длинномъ харатейномъ свиткѣ, сочиненная передъ смертію Великаго Князя; первая съ печатію Св. Алексія, на коей изображена Богоматерь и съ Княжескою (обѣ серебреныя, вызолоченныя): другая же только съ печатію Димитріевою, на коей вырѣзанъ образъ Св.

Димитрія Солунскаго и слова: *Князя Вел. Дмитрія Ивановича всея Руссіи.* Кромѣ Митрополита, свидѣтелями перваго завѣщанія, писаннаго Дьякомъ Нестеромъ, были Окольничій Тимоѳей Васильевичь, Иванъ Родіоновичь, Иванъ Ѳедоровичь и Ѳедоръ Андреевичь; а втораго Игумены Сергій и Севастіанъ, Бояре Димитрій Михайловичь (Волынскій?) Тимоѳей Васильевичь, Иванъ Родіоновичь, Симеонъ Васильевичь, Иванъ Ѳедоровичь, Александръ Андреевичь, Ѳедоръ Андреевичь, Иванъ Ѳедоровичь, Иванъ Андреевичь: писалъ же оную Внукъ. Въ ней сказано: „Приказываю дѣти свои своей Княгинѣ; а вы дѣти мои живите за-одинъ, а матери своее слушайте во всемъ. А приказываю отчину свою Москву дѣтемъ своимъ Кн. Василью, Кн. Юрью, Кн. Андрею, Кн. Петру; а братъ мой Кн. Володимеръ вѣдаетъ свою треть. Сына своего, Кн. Василья, благословляю на *старишій путь* въ городѣ и въ станехъ моего Удѣла двою жеребьевъ половина, и въ пошлинахъ городскихъ половина; а тамга изъ двою моихъ жеребьевъ Княинѣ моей половина, а восьмничее мои два жеребья Княгинѣ моей. А на старишій путь сыну моему Князю Василью Васильцово сто, и Добрятиньская борть съ селомъ съ Добрятиньскимъ. А бортницы въ станѣхъ въ городскихъ, и конюшій путь и сокольничій и ловчій, тѣмъ сынове мои подѣлятся ровно. А численныхъ людій моихъ двою жеребьевъ сыномъ моимъ по частіемъ, а блюдуть съ одиного. А се даю сыну своему Князю Василью Коломну со всѣми волостьми и съ тамгою, и съ мыты и съ бортью, и съ селы, и со всѣми пошлинами; а волости Коломенскіе Мещерка, Раменка, Песочна, Брашева съ селцемъ съ Гвоздною и съ Иванемъ, Гжеля, деревни Лѣвичинъ, Скульневъ, Маковецъ, Канев, Кочема, Камаревъ съ Берегомъ, Городна, Похряне, Устьмерско; а изъ Московскихъ селъ Митинъ Починокъ, Малаховское, Костянтиновское, Жырошкины деревни, Островское, Оринивьское, Копотеньское, Хвостовское, у городу лугъ великій за рѣкою; а изъ *Юрьевскихъ* селъ своего прикупа Красное село съ Елезаровскимъ, съ Проватовымъ, да село Василевское въ Ростовѣ. А се даю сыну своему Князю Юрью Звенигородъ . . . а волости Звенигородскіе Скирменово съ Бѣлми, Тростна, Негуча, Сурожыкъ, Замошьская слобода, Юрьева слобода, Руза городокъ, Ростовци, Кремична, Ѳоминьское, Угожь, Суходолъ съ Истею, съ Истервою, *Вышегородъ*, Плеснь, Дмитріева слободка; а изъ Московскихъ селъ . . . село Михалевское, да Домантовское, да лугъ Ходыньскій; а изъ Юрьевскихъ селъ ему прикупа моего село Кузмыдемьянское, да Краснаго села починокъ за Везкою придалъ есмь къ Кузмыдемьянскому, да село Богородицкое въ Ростовѣ. А се даю сыну своему Князю Андрею Можаескъ. . . . а волости Можайскіе Исмея, Числовъ, Болянъ, Берестовъ, Поротва, Колоча, Тушковъ, Вышнее, Глиньско, Пневичи съ Загорьемъ, Болонескъ, а Коржанъ да Моишинъ Холмъ придалъ есмь къ Можайску; а се волости отъѣздные: Верея, Рудь, Гордошевичи, Гремичи, Заберега, Сушовъ, да село Рѣпиньское, да Ивановьское Васильевича въ Гремичахъ. А *Колуга* и Роща сыну же моему Князю Андрею, и что вытягалъ Бояринъ мой Ѳедоръ Андреевичь на обчемъ *рѣтѣ* (съѣздѣ) Товъ и Медынь у Смолнянъ, а то сыну же моему Князю Андрею. А изъ Московскихъ селъ ему Напрудьское село, да Луциньское

„на Яузѣ съ мелницею, Деуниньское, Хвостовское въ Перемышлѣ, да лугъ „Боровскій, а другій противу Воскресенья; а изъ Юрьевскихъ селъ ему „Олексинское село на Пѣкшѣ. А се даю сыну своему Князю Петру: Дмитровъ, ... а се Дмитровскіе волости: Вышегородъ, Берендѣева слобода, „Лутосна съ отъѣздцемъ и Нобашъ; а изъ Московскихъ волостій Мушкова гора, Ижво, Раменка, слободка Княжа Иванова, Бори, Корзенево, „Рогожь, Загарье, Вохна, Селна Гуслеця, Шерна городокъ; а изъ Московскихъ селъ Новое село, Сулишинъ погостъ; а изъ Юрьевскихъ селъ ему „прикупа моего село Богородицьское на Богонѣ. А се даю сыну своему „Князю Ивану: Раменейце съ бортники, да Звѣрковское село съ Сохоньскимъ починкомъ, что отошло отъ Князя отъ Володимера; а Сохна сыну же моему Князю Ивану; а въ томъ Удѣлѣ воленъ сынъ мой Князь „Иванъ: который братъ до него будетъ добръ, тому дастъ. А се благословляю сына своего Князя Василья своею отчинною Великимъ Княженьемъ. А сына своего благословляю Князя Юрья своего дѣда куплею „*Галичемъ* со всѣми волостьми, и съ селы, и со всѣми пошлинами, и съ „тѣми селы, которые тягли къ Костромѣ, Микульское и Борисовское. „А сына своего Князя Андрея благословляю куплею же дѣда своего *Бѣлымъ Озеромъ* со всѣми волосьми, и Вольскимъ съ Шаготью, и Милолюбскій ѣзъ и съ слободками, что были дѣтій моихъ. А сына своего „Князя Петра благословляю куплею же своего дѣда *Углечимъ Полемъ* „и что къ нему потягло, да Тошною и Сямою. А се даю своей Княгинѣ „изъ великого Княженья у сына у своего у Князя у Василья изъ Переяславля *Юлку*, а изъ Костромы Иледамъ съ Комелою, а у Князя у Юрья „изъ Галича Соль, у Князя у Андрея изъ Бѣлоозера Вольское съ Шаготью и Милолюбскій ѣзъ; а изъ Володимерскихъ селъ Княгинѣ моей Ондреевское село; а изъ Переяславскихъ селъ Доброе село; а изъ удѣла сына „своего Княжа Васильева Каневъ, Песочно, а изъ селъ Малиньское село, „Лысцево; а изъ Княжа удѣла изъ Юрьева Юрьева слобода, Суходолъ, съ „Истею, съ Истервою, да село Ондреевское, да Каменьское; а изо Княжа „удѣла изъ Ондреева Верея, да Числовъ, да село Луциньское на Яузѣ съ „мельницею; а изъ Княжа удѣла изъ Петрова Ижво, да Сяма. А что есмь „далъ своей Княгинѣ изъ удѣла сына своего Княжа Васильева, и изо Княжа изъ Юрьева, изо Княжа изъ Ондреева, изо Княжа изъ Петрова волости и села, а что Богъ розмыслитъ о моей Княгинѣ, и тѣ волости „и села во чьемъ удѣлѣ, то тому и есть. А се даю своей Княгинѣ свой „примыслъ Скирменовскую слободку съ Шепковымъ, Смоляные съ Митяевскимъ починкомъ и съ бортью, съ Вышегородскими бортники, Кропивну съ бортники.... Желѣскова слободка съ бортью, съ Ивановымъ селомъ съ Хороброва, и съ Коньская слободка, Кузовская слободка, и что „Княгини моее прикупъ... А по которая мѣста слободскіе волостели судили тѣ слободы при мнѣ, и Княгинѣ моее волостели судятъ по таже „мѣста, какъ было при мнѣ. А что Княгини моее купля Лохно, то ее и „есть. А на Коломнѣ мой примыслъ Самойлецевъ починокъ съ деревнями, „Савельевскій починокъ, Микульское село, Бабышево, Ослебятевское: а „то Княгини моей. А что ее село Рѣденьское и прикупъ, то ее и есть.

„А изъ Московскихъ селъ даю своей Княгинѣ Семциньское село съ Ходыньскою мелницею, да Осифьевское село, да Илмовьское. А изъ Юрьевскихъ селъ даю ей куплю свою Петровское село, да Фроловское, да „Елохъ; а Холхолъ и Заячковъ, то моей Княгинѣ. А что ми дала Княгини Федосья Суду на Бѣлѣ Озерѣ, да Колашну и слободку, и что благословила Княгиню мою Городкомъ, да Волочкомъ, та мѣста вѣдаетъ „Княгини Федосья до своего живота; а по ее животѣ то Княгинѣ моей.... „А которые деревни отъимал былъ Князь Володимеръ отъ Лыткиньского села Княгини моее къ Верендѣевѣ слободѣ. а тѣ деревни потянутъ „къ Лыткинскому селу моее Княгини. А по грѣхомъ котораго сына мо-„его Богъ отъиметъ, и Княгини моя подѣлитъ того удѣломъ сыновъ мо-„ихъ.... А дастъ ми Богъ сына“ (писано до рожденія Константинова) „и Княгини моя подѣлитъ его, возмя по части у большіе его братьи. а „у котораго сына моего убудетъ отчины, чемъ есмь его благословилъ, и „Княгини моя подѣлитъ сыновъ моихъ изъ ихъ удѣловъ.... А по грѣхомъ „отъиметъ Богъ сына моего Князя Василья, а кто будетъ подъ тѣмъ „сынъ мой, ино тому сыну моему Княжъ Васильевъ удѣлъ; а того удѣ-„ломъ подѣлитъ ихъ моя Княгини. А вы, дѣти мои, слушайте своее матери... А коли дѣтемъ моимъ взяти дань на своей отчинѣ, и сынъ мой „Князь Василей возметъ съ своего удѣла съ Коломны три ста руб. и „сорокъ и два рубли, и Княгини моя дастъ ему въ то серебро съ Песочны 50 руб. безъ 3 руб. а съ Канева двадцать руб. и два руб. А Князь „Юрьи возметъ съ Звенигорода двѣсти руб. и семдесятъ руб. и два руб; „и Княгини моя дастъ ему въ то серебро съ Юрьевы слободы пятдесятъ „руб., а съ Суходола полпятадесять руб., а съ Смоляныхъ девять руб. „а съ Скирменовскіе слободки девять руб. А Князь Ондрей возметъ съ „Можайска сто руб. и семдесятъ руб. безъ трехъ, а съ отъѣздныхъ мѣстъ „семдесятъ руб. безъ дву, и Княгини моя дастъ ему въ то серебро двадцать руб. и полтретья руб. съ Вереи, а съ Числова полосма руб. а съ „Заячкова двадцать руб. и два, съ Холхла десять руб., съ Желѣсковы девять руб., съ Исконьскіе слободки полсема руб., съ Кропивны полсема „руб. А Князь Петръ возметъ съ своего удѣла сто руб. и одинадцать, „и Княгини моя дастъ ему въ то серебро съ Ижва тритцать руб. А „Князь Иванъ дастъ Князю Василью съ Сохны пять р. а съ Раменейця „дастъ Князю Петру пять руб. а то возмутъ въ тысячю р а будетъ „болѣ или меньши, ино по тому розочту. А перемѣнитъ Богъ Орду, дѣти мои не имутъ давати выхода въ Орду, и который сынъ мой возметъ дань на своемъ удѣлѣ, то тому и есть..... А изъ тѣхъ волостій, „и слободъ, и селъ, что есмь вымалъ у дѣтій своихъ изъ удѣловъ, а подавалъ Княгинѣ своей, а кому будетъ жалоба сиротамъ на волостели, „и тѣмъ людемъ учинитъ исправу Княгини моя; а дѣти мои въ то не „вступаются. А что есмь далъ сыну своему Князю Ондрею Забѣрегу, за „то дѣти мои вси даютъ оброкъ святому Спасу пятнатцать руб. на „годъ на Спасовъ день. А се благословляю дѣтій своихъ: сыну моему старишему Князю Василью икона Параммина дѣла, чепь золота, что ми дала Княгини Василиса, поясъ золотъ великій съ каменьемъ безъ ремени,

„поясъ золотъ великій съ каменьемъ безъ ремени, поясъ золотъ съ реме-„немъ Макарова дѣла, бармы, шапка золота; а сыну моему, Князю „Юрью, поясъ золотъ новый съ каменьемъ съ жомчюгомъ безъ ремени, „поясъ золотъ Шышкина дѣла, *вотола* сажена; а сыну моему, Князю „Ондрею, снастъ золота, поясъ золотъ старый Новгородьскій; а сыну „моему, Князю Петру, поясъ золотъ съ каменьемъ пѣгій, поясъ зо-„лотъ съ калитою, да съ тузлуки, да нашлечки, да аламъ; а сыну мое-„му, Князю Ивану, поясъ золотъ *татаурѣ*, да два ковша золоты по двѣ „гривенки. А что ся останетъ золото или серебро, или иное что ино „есть, то все моей Княгинѣ. А что ся останетъ стадъ моихъ, тѣмъ моя „Княгини подѣлится съ моими дѣтьми по частемъ. А хто будетъ моихъ „Казначеевъ, или хто будетъ моихъ Дьяковъ прибытокъ мой отъ не-„не вѣдали, или Посельскихъ, или Тіуновъ, или хто женился у тѣхъ, тѣ „всѣ не надобѣ моей Княгини и моимъ дѣтемъ.... А которой сынъ мой не „иметъ слушати своее матери, а будетъ не въ ее воли, на томъ не бу-„детъ моего благословенья. А дѣти мои, молодшая братья Княжи Василь-„евы, чтите и слушайте своего брата старшего въ мое мѣсто своего „отца; а сынъ мой Князь Василій держытъ своего брата Князя Юрья и „свою братью молодшюю въ братствѣ безъ обиды. А хто моихъ Бояръ „иметъ служити моей Княгинѣ, тѣхъ Бояръ, дѣти мои, блюдите съ оди-„ного. А хто сю грамоту мою порушитъ, судитъ ему Богъ; а не бу-„детъ на немъ милости Божія, ни моего благословенья, ни въ сій вѣкъ, „ни въ будущій."

(117) Въ лѣтописяхъ сказано, что у Димитрія былъ еще старшій сынъ Даніилъ, но скоро умеръ. Пятый сынъ, Іоаннъ, скончался черезъ нѣсколько дней послѣ отца.

Марія была жена Василія Васильевича Веніаминова и мать казненнаго Ивана Васильевича. О Констаптинѣ Димитріевичѣ см. ниже, примѣч 122.

(118) Они такъ названы въ лѣтописяхъ: Димитрій Михайловичь, Тимоѳей Васильевичь, Іоаннъ Родіоновичь, *Димитрій Константиновичъ*, Симеонъ *Іоанновичъ*, Іоаннъ Ѳедоровичь, *Никита* Ѳедоровичь, *Ѳедоръ* Андреевичь, Іоаннъ Ѳедоровичь *Квашнинъ* — слѣдственно почти всѣ тѣже, которые были *свидѣтелями Димитріева завѣщанія*. Въ лѣтописяхъ прибавлено, что Димитрій, написавъ духовную грамоту, утвердилъ оную златою печатію.

Описываемыя здѣсь подробности взяты изъ *Слова о житіи и о преставленіи Вел. Кн. Димитрія Іоанновича Московскаго*. Оно, какъ твореніе современное, внесено въ *Ростовскую* и другія лѣтописи. Великій Князь скончался въ четвертый день по рожденіи Константина Димитріевича, во второмъ часу ночи. На погребеніи были Даніилъ Епископъ Смоленскій и Савва, Епископъ Сарскій.

(119) „Аще бо и книгамъ не наученъ сый добрѣ.... И всякое смятеніе „мірское исправляше яко *высокопарный орелъ*.... Раскольницы же (см. ни-„же) и мятежницы Царства его погибоша... Очима же зряще къ земли, „отъ нея же взятъ бѣ; душу же и умъ простираше къ небеси, идѣ же „есть лѣпо пребывати ему... На престолѣ Царьстѣмъ сѣдяще, Царьскую

багряницу и *вѣнецъ* нося, а на головѣ тѣлеси власяницу носяше, и во „Мнишескій образъ по вся часы облещися желаше."

(120) Димитрій въ своихъ договорныхъ грамотахъ пишетъ, что Князья Ростовскіе и Ярославскіе съ *нимъ одинъ человѣкъ*: то есть, они признавали его своимъ верховнымъ Государемъ, хотя и пользовались наслѣдственными правами Князей Владѣтельныхъ до самыхъ временъ Іоанна III. О сихъ потомкахъ Св. Ѳеодора Ростиславича Чернаго сказано такъ въ *Родословной Книгѣ*: „У Князя Ѳеодора Чернаго два сына, Давидъ и Констянтинъ, прозвищемъ Улемць. У Давида 2 сына: Князь Василій, прозвищемъ Грозной; служилъ въ Ордѣ, а былъ на большомъ Княженіи на „Ярославлѣ; да Князь Михайло, сѣлъ на удѣлѣ на Молозѣ. У Князя Василья 3 сына: Василей, а былъ послѣ отца на большомъ Княженіи на „Ярославлѣ; да К. Глѣбъ, да Романъ: тотъ Романовъ городокъ поставилъ. У К. Василья Васильевича 5 сыновъ: К. Иванъ, да К. Ѳедоръ, который послѣ отца былъ на большомъ Княженьи на Ярославлѣ; да К. „Семенъ Новленской, да К. Димитрій Заозерской, да К. Воинъ."

(121) „Того же лѣта благородный и христолюб. Кн. Волод. заложи „градъ Серпоховъ въ своей отчинѣ и повелѣ его сгарядити и срубити „дубовъ. — Милостію Св. Софеи, а поспѣшеніемъ Св. Михаила Архистратига, а благословеніемъ Владыкы Алексѣа поставиша Новогородци городъ каменъ на Лугѣ, на Ямѣ, только въ 33 дни..... Благослови Владыка Алексѣй весь Новгородъ ставити городъ Порховъ каменъ, и посла„ша Ивана Ѳедоровичь, Ѳатьяна Есиповичь, и поставиша гларинымъ серебромъ Денественника Св. Софіи."

(122) См. нашей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 383, и *Степен. Кн.* гдѣ сказано: „Св. Алексій, шествіе творя въ Нижній Новградъ, воздвиже тамо „церковь каменну (во имя Благовѣщенія), и монастырь устрой и селы „и водами удоволивъ, и ту у Кн. Бориса Константиновича крести сы„на Ивана. Князь же Борисъ многія вещи двигомыя и недвигомыя даде къ „тому монастырю." — Сей Митрополитъ учредилъ еще въ Владимірѣ обитель Царя Константина и Св. Елены. О строеніи Чудова монастыря сказано: „Постави въ немъ трапезу велію каменну и погребы каменны, еже есть и донынѣ; многа же села, и люди, и езера, и нивы, и пажи„ти подава монастырю тому." Далѣе См. *Никон. Лѣт.* IV, 227. Сынъ брата Сергіева, Стефана, Іоаннъ, на тринадцатомъ году отъ рожденія былъ постриженъ дядею, названъ Ѳеодоромъ, сподобился Священничества и вздумалъ основать для себя особенный монастырь. Сергій желалъ, чтобы онъ по кончинѣ его игуменствовалъ въ Троицкой Лаврѣ; однакожъ далъ ему благословеніе и вмѣстѣ съ нимъ избралъ мѣсто для новой обители близъ Москвы, называемое *Симоновымъ*, гдѣ Ѳеодоръ построилъ каменную церковь во имя Успенія Богоматери. Митрополитъ Алексій поставилъ сего добродѣтельнаго Инока въ Игумены, а Патріархъ Нилъ (въ 1383 году) въ Архимандриты. „Нилъ, бесѣдовавъ съ нимъ любезно, зѣло возлюби его и „учини монастырь Симоновскій во имя Патріарше, и грамоты свои даде „Ѳеодору, дабы Митрополиту не владѣти монастыремъ Симоновскимъ ни чимъ.... По малѣ же времени Великій Князь и Святитель умолиша Ѳео-

„дора, дабы былъ Епископъ граду Ростову . . . и бывшу ему въ Царѣгра-„дѣ, даде ему Антоній Патріархъ честь велію называтися *Архіепископомъ* „Ростовскимъ: изначала же тамо Епископи быша до лѣта 6898" (1390).

Въ Симоновскомъ монастырѣ хранится такъ называемая *Кормовая кни-„га* съ слѣдующею надписью: „Великій Господинъ Святѣйшій Іосифъ Патрі-„архъ всея великія *Россіи*, прежде бывый въ Симоновѣ монастырѣ *Архи-„мандритъ*, изволи съ тое Кормовые книги по своей вѣрѣ для ветхости „переписать новую Кормовую книгу . . . своею келейною казною, устав-„нымъ добрымъ писмомъ . . . и повелѣ тѣ обѣ книги, ветхую и новую, от-„дати въ Симоновъ монастырь Архимариту Иліѣ съ братіею . . . Лѣта „71?? (1643). Февр. въ 20 день." Вверху на листахъ подписано рукою Іо-сифа: „Смиренный Іосифъ Божіею милостію Патріархъ Московскій и всея „*Русіи*." Въ сей книгѣ сказано: „Далъ Государь Князь Великій Димитрей „Иваноличь *Донской* пречистой Богородицы въ домъ на Симоново воды на „Волзѣ ниже Новагорода, Елшиньскіе, да Люлехоцкіе съ озеры и съ пе-„ски, и съ *заводми* и съ *подвальи*; да у Соли у Галической *колодязи со-„ляные, да варницы*, да дворище дровяно, да дворъ на пріѣздъ Старцомъ „и слугамъ; да селцо Борисовское съ деревнями по своей душѣ на поми-„нокъ въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ. Далъ Кн. Вел. Василей Димитріевичь во „Ржевскомъ уѣздѣ слободку Рожекъ съ деревнями и съ озеры и со всѣми „угодьи, а въ слободкѣ церковь во имя Св. Чюдотворца Николы, да ѣзъ „на рѣкѣ на Селижаровѣ, да съ своихъ Государевыхъ черныхъ волостей „далъ въ монастырь оброку рыбы со Вселуцкіе волости 400 костоголо-„ва, да съ Кличенскіе волости 400 же костоголова на всякъ годъ по сво-„ей душѣ и своемъ братѣ по *Князѣ Константинѣ Димитріевичѣ, Инокѣ „Касіянѣ* на поминокъ. Далъ Кн. Констянтинъ, Инокъ Касіянъ, Донскa-„го сынъ, въ Ржевскомъ уѣздѣ во своемъ селѣ въ Сижкахъ по вся годы „по 20 кадей ржи, да по 10 кадей овса, да по 5 кадей пшеницы, да по 10 „сыровъ, да по пуду масла по своей душѣ на поминокъ. Въ лѣтѣ 7066, „Апр. въ 13, на Св. недѣлѣ въ Среду, былъ Государь Царь Кн. Великій „Иванъ Васильевичь всея Руси на Симоновѣ и приказалъ Архимариту Ѳе-„октисту съ братіею по Князѣ Констянтинѣ Инокѣ Касіянѣ панахиды „и обѣдни служити, и колачи и рыбу и квасъ на братію имати съ бол-„шова дворца отъ Дворецкаго . . . Да Государь же Царь далъ на Княжь Кон-„стянтинову Иноку Касіянову гробницу покровъ бархатъ черенъ, а крестъ „на немъ бархатъ червьчатъ . . . Въ лѣто 7069 Государь Царь Иванъ Ва-„сильевичь пожаловалъ далъ въ Симоновъ монастырь колоколъ Аглиньскіе зем-„ли по *Великомъ* Князѣ Констянтинѣ, Инокѣ Касіянѣ; а вѣсу въ немъ 33 „пуда, а кругъ колокола слова Нѣмецкіе." Слѣдственно Князь Констан-тинъ Димитріевичь скончался Инокомъ Симонова монастыря: чего мы не знали. По сей книгѣ извѣстенъ день его смерти: Маія 9.

Великій Князь Василій Васильевичь и наслѣдники его также дарили сію обитель, а всѣхъ болѣе Царь Іоаннъ Васильевичь. Однажды прислалъ онъ 15 рублей и на *Старое Симоново*, гдѣ нынѣ приходская древняя цер-ковь Рождества Богоматери (см. выше, примѣч. 8?). Вѣроятно, что тамъ былъ застроенъ Симоновъ монастырь, а послѣ перенесенъ на его нынѣ-

тнее мѣсто. — Кромѣ Государей и Князей Удѣльныхъ, Бояре (въ особенности Мстиславскіе, Головины, Черкасскіе, Бутурлины) купцы и всякаго состоянія люди присылали Монахамъ деньги, вещи серебряныя, богатыя одежды, хлѣбъ, лошадей, и проч. Сіи вклады идутъ до 1681 году; далѣе . . . бѣлая бумага.

Высоцкій монастырь основанъ въ 1374 году. Пишутъ, что Св. Сергій пришелъ изъ Троицкой обители въ Серпуховъ пѣшкомъ: ибо, желая трудовъ, не любилъ ѣздить.

Въ 1379 году онъ учредилъ еще монастырь на рѣкѣ Дубенкѣ по волѣ Великаго Князя (см. *Троицк. Лѣт.*), назвавшаго оный своимъ *приснымъ* монастыремъ. Въ житіи Сергія сказано, что Димитрій передъ битвою съ Мамаемъ обѣщался посвятить сію новую обитель Богоматери. Первымъ Игуменомъ былъ въ ней Леонтій (а не Савва) Іерей Троицкаго монастыря. Церковь ея святили Дек. 1.

Объ Аѳанасіи въ *Троицк.*: „и пребысть нѣколико лѣтъ во Игуменствѣ, „и потомъ Бога ради оставль Игуменство, и пріиде въ Царьградъ, и ку„пи себѣ келью, далъ 1 *драфатъ*, и тамо въ старости преставися.“ Тамъ же, подъ годомъ 1382: „съ нимъ (Кипріаномъ) вкупѣ поѣха Игуменъ Аѳа„насій изъ Серпохова съ Высокаго въ Кіевъ.“ Авторъ *Историческаго словаря монастырей* (стр. 82) разсказываетъ басню, что послы Царя Іоанна Палеолога въ 1392 году умолили сего Игумена быть Константинопольскимъ Патріархомъ, и что Аѳанасій отправился съ ними въ Грецію.

(123) См. выше, стр. 56. Въ *Ростов.* и *Троицк.*: „Того жъ лѣта Діони„сій Епископъ посла изо Царягорода съ Черьцемъ съ Малахіемъ съ Фи„лософомъ икону, преписавъ образъ Божія матери Одигитріа, въ тотъ „же образъ, а другую икону посла тое же Божія матери на Русь, и еди„ну убо поставиша въ Св. Спасѣ въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ, а другую „въ Суждалѣ въ Сборной церкви . . . . Тое же зимы (1380) пріиде изо Ца„рягорода на Русь Діонисій, а въ Суждаль Генв. въ 6, и воду крестилъ на „Богоявленіе, а исправилъ себѣ Архіепископью . . . и по немъ пребыти та„коже инымъ Епископомъ въ тыхъ предѣлѣхъ. Вда ему Патріархъ фелонь „съ четырми кресты, а стихарь со источники; еще же вывезе изо Ца„рягорода и страсти Спасовы и мощи Святыхъ.“ Далѣе въ *Троицк.* (г. 1374); „Діонисья, мужа кротка, смѣрена, хитра и разумна, промыслена „же и разсудна, изящена въ писаніяхъ и учительна . . . и въ постномъ жи„тьѣ провозсіявша, и любовь ко всѣмъ стяжавша.“ и проч.

(124) Въ *Ростов.* г. 1375: „побиша *Стриголниковъ* еретиковъ: Діакона „Никиту и Карпа простца и третіяго человѣка съ ними; свергоша ихъ „съ мосту развратниковъ святыя Вѣры.“ См. также *Никон. Лѣт.* IV, 46, и Св. Димитрія *Розыскъ*.

О Діонисіи см. *Новогород.* и *Никон. Лѣт.* г. 1382. „Пріиде изо Царяго„рода въ Новгородъ Великій Діонисій отъ Патріарха Нила съ благосло„веніемъ и съ грамоты, въ нихъ же писано о проторехъ, иже на поста„вленіяхъ, укрѣпляя отъ соблазнъ и отъ ереси Стригольниковъ . . . Тако „и сотвори въ Новѣгородѣ и во Псковѣ, и устави мятежи о проторехъ: „ино бо есть мзда, ино исторы на поставленіяхъ . . . и поучивъ ихъ довол-

„но и пріиде въ Суздаль Генв. въ 6 *день*.“ Въ *Розыскѣ* напечатана грамота Патріаршая ко Псковитянамъ; но Патріархъ названъ въ ней *Филоѳеемъ*, который умеръ еще въ 1376 году. Другая извѣстная намъ грамота о Стригольникахъ (см. *Посланіе Рос. Митрополитовъ*, въ Синод. библіот. No 164, л. 316) писана отъ имени Патріарха *Антонія*, правившаго Константинопольскою Церковію отъ 1387 до 1396 года. Тамъ сказано: „Посла наше смиреніе и Великій Сборъ боголюбив. Архіепископа Суждалскаго Діонисія къ вамъ съ грамотами (къ Псковитянамъ), мужа честна и благочестива, и священныхъ каноновъ *извѣстохранителя*,“ и проч. — Посланія Митрополита Фотія къ Псковитянамъ доказываютъ, что ересь Стригольниковъ была и въ его время (см. ниже, примѣч. 292). — Далѣе въ лѣтописяхъ: „Пойде (въ 1383. г.) о Петровѣ дни во Царьгородъ Діонисій, Архіеп. „Суждальскій, а Князь Великій Дм. Ив. отпустилъ съ нимъ вкупѣ отца „своего духовнаго, Игумена Ѳеодора Симоновскаго, о управленьи Митропольи Руския .... Пріиде (въ 1384 г.) изо Царяграда въ Кіевъ Архіеп. Діонисій, его же поставиша во Царѣгородѣ Митрополитомъ на Русь, и помышляше ити на Москву, хотя быти Митрополитомъ на Руси, и изъима его Кіевск. Кн. Володимеръ Олгердовичь, глаголя ему: пошелъ еси „на Митрополью во Царьгородъ безъ нашего повелѣнья. И тако пребысть „въ нятьи и заточеньи до смерти .... Окт. въ 15 (1385 г.) преставися „въ Кіевѣ Арх. Діонисій, поставленный Митрополитомъ на Русь, и положенъ бысть въ Кіевской печерѣ Св. Антонья, и есть тѣло его и до„нынѣ цѣло и нетлѣнно.“ Великій Князь отправилъ съ Діонисіемъ въ Царьградъ Духовника своего безъ сомнѣнія для того, чтобы способствовать ему въ искаціи сана Митрополитскаго. И могъ ли сей Архіепископъ вопреки Димитрію быть главою нашей Церкви, особенно послѣ исторіи Пименовой? Ясно, что все дѣлалось по волѣ Государя.

Далѣе: „Пріидоста изъ Царяграда 2 Митрополита Гречина, Матѳей и „Никандръ, съ Архидіаконы и сановницы, и позываху Митрополита Пимина въ Царьгородъ (*зимою въ* 1384 г.) ... *Мая* въ 9 (г. 1385) Пиминъ Митроп. пойде во Царьгородъ въ судѣхъ по Волзѣ къ Сараю. Аврамей, Игумень Ростовскій Низкій, пойде съ нимъ.“ Игуменъ Ѳеодоръ отправился въ Царьградъ въ 1386 году: „Въ то же время изъ Новагорода изъ „Нижняго Ефросинъ, Архимандритъ Діонисьевъ, пойде во Царьгородъ на „поставленье своея Епископьи Суждальскія .... По Петровѣ дни за „недѣлю (въ 1388 г.), Іюля въ 6 день, въ Недѣлю приде Пиминъ на Русь „изо Царяграда не на Кіевъ, но на Москву, а приде безъ исправы .... „Во Вторникъ на Страстной недѣлѣ (г. 1389) Пиминъ Митр. выѣхавъ съ „Москвы и пойде во Царьгородъ, и поя съ собою Михаила Епископа Смоленскаго, да Сергія, Архимандр. Спасскаго, а Князя Великаго утаився ... (*Никон. Лѣт.* IV, 159) Бѣ бо и распря нѣкая промежъ ихъ.“

(125) Въ Архивскихъ бумажникахъ Миллера, No 199, я нашелъ сію любопытную азбуку, взятую изъ древней рукописи о житіи и дѣлахъ Стефановыхъ. Вотъ сіи буквы:

а	б	г	д	е	ж	з	і	и
Ӏ	Ф	Ꙅ	Ⲗ	ꞁ	Ш	П	Ꞇ	⁊

к	л	м	н	о	п	р	с	т
Δ	V	G	Y	h	Ч	V	O	Ӯ
у	ц	ч	ш	ю	я			
H	J	Ӡ	Я	Z	W			

Пермскія ихъ имена: *Анъ, Буръ, Гай, Дой, Е, Жой, Зата, И, Коке, Лей, Мено, Нено, О, Пей, Рей, Си, Тай, Цю, Черы, Шой, Ю, Я.* Въ другомъ спискѣ сей азбуки еще прибавлены Ы, Є, Ѡ, и нѣкоторыя буквы изображены иначе.

Герасимъ былъ Намѣстникомъ Митрополіи послѣ кончины Митяевой. — Всѣ подробности взяты мною изъ житія Стефанова (см. *Минеи Чет.* Апрѣля 26; см. также *Степен. Кн.* I, 524 — 525, и *Ростов. Лѣт.* подъ год. 1396). Отецъ Стефана, прозваннаго *Храпомъ*, именовался Симеономъ, а мать Маріею. Арсеній, Епископъ Ростовскій, посвятилъ его въ Діаконы, а Герасимъ Коломенскій въ Священники. Древній Ростовскій монастырь Григорія Богослова уже не существуетъ нынѣ. — Въ *Степен. Кн.* такъ именованы народы Перми и другихъ окрестныхъ земель: „Двиняне, Устюжане, Виляжане, Вычегжане, Пенежане, Южане, Серьяне, Гангане, Вятчане, Лопь, Корела, Югра, Печера, Вогуличи, Самоядь, Пертасы, Пермь, „Гамаль Чюсовая." Объ идолѣ *Золотой Бабы* сказано въ рукописной Новогородской лѣтописи подъ г. 1398: „Преставися Св. Стефанъ . . . Сей научи Пермскую землю Вѣрѣ Христовѣ . . . а прежде кланялися звѣремъ и „древомъ, водѣ, огню и *Златой* Бабѣ." Гваньини въ своей книгѣ Rer. Polon. II, 205, пишетъ: In hac Obdoriae regione est quoddam antiquissimum idolum de lapide excisum, quod Moschovitis *Zolota Baba* dicitur, и проч. Далѣе онъ разсказываетъ, что сія изваянная Золотая Баба держала одного младенца на рукахъ а другой стоялъ подлѣ и назывался ея внукомъ; что ей приносили въ жертву шкуры соболиныя и прочія; что люди ѣли сырыя кишки и мясо убитыхъ въ ея честь оленей, а жрецъ вопрошалъ между тѣмъ идола о будущемъ; что звукъ въ горахъ происходилъ, по мнѣнію Гваньини, или отъ искусственныхъ орудій, или отъ естественныхъ подземельныхъ каналовъ и вѣтра. См. также Герберштейна Rer. Moscov. Comment. 61. Объ идолѣ *Воипелѣ* упоминается въ грамотѣ Митрополита Симона къ Пермякамъ (см. *Посланіе Рос. Митрополитовъ*, въ Синод. библіот. No 164): „а кумиромъ бы есте не служили, ни Воипелю болвану."

(126) Стефанъ ѣздилъ туда по лѣтописямъ въ 1386 году. О кончинѣ его: „Априліа въ 26 день преставися Еписк. Перм. Стеф., и положенъ „бысть на Москвѣ въ монаст. Спаса, за стѣною . . . ему же на велицѣмъ „Сборѣ по вся году возглашаютъ вѣчную память."

(127) Въ *Ростов.*, г. 6884: „Пріиде нѣкоторый Митрополитъ, именемъ „Марко отъ Пресв. Богородицы изъ Синайскія горы милостыни ради. Въ „тоже лѣто пріиде изъ Іерусалима Архимандритъ, именемъ Нифонтъ, изъ „монастыря Архан. Михаила, такоже милостыни ради на Русь; и паки „собравъ милостыни отъиде, и ста тѣмъ на Патріаршество Іерусалимское."

(128) См. выше, примѣч. 55. Въ описаніи Пименова путешествія въ Царьградъ сказано: „поидохомъ въ монастырь Св. Ивана, еже глаго-

„глаголется Греческимъ языкомъ Продромъ, Рускимъ же Предотеча, и „ту поклонихомся, и успокоиша насъ добрѣ тамо живущая Русь." *Никон. Лѣт.* IV, 158.

(129) Здѣсь говорится въ первый разъ о Епископахъ Московскаго Звенигорода.

(130) „Аще бо и бываша древле грады красны и нарочиты зѣло видѣніемъ, мѣста точію (суть нынѣ); пусто жь все и ненаселено." Сіи города могли быть *Рязанскіе*, *опустошенные Татарами*.

(131) У насъ были Князья *Кривоборскіе*; но они произошли отъ Стародубскихъ.

(132) Не было ли тутъ кладбища Татарскаго? Въ *Больш. Чертежѣ* упоминается о семъ мѣстѣ такъ: „ниже устья Сосны, на Дону, *Донская „бесѣда*, каменной столъ и каменные сосуды."

(133) „Въ Недѣлю жь пятую минухомъ рѣку Медвѣдицу, и Горы Высокія рѣку, и Бѣлый Ярь рѣку; въ Понедѣльникъ же горы каменныя „красныя, во Вторникъ же Терьклію" (по другимъ спискамъ *Серьклію*) „градъ минухомъ пловуще: не градъ же убо, но точію городище; тоже „и перевозъ минухомъ, и тамо обрѣтохомъ первіе Татаръ много зѣло." „Сіе городище *Серклiи* (или Козарскаго *Саркела*) было слѣдственно въ землѣ Донскихъ Козаковъ, около Качалинской Станицы, гдѣ Волга и Донъ сближаются, гдѣ находилась Царицынская Линія, и гдѣ Козары всего удобнѣе могли основать крѣпость для защиты своихъ владѣній отъ Волжскихъ Печенѣговъ (см. сей *Исторiи* Т. I, примѣч. 90). — Далѣе: „Въ „Среду же минухомъ Великую Луку ... въ Пятокъ Червленые горы ... въ „Понедѣльникъ Бузукъ рѣку; въ канонъ Вознесеньева дни приспѣхомъ, „пловуще до моря, града Азова. Тогда же бо во Азовѣ живуще Фрязове „и Нѣмцы." — Далѣе: „И отступихомъ въ море, и бысть въ полунощи, „кораблю стоящу на якорехъ ... и догнаша насъ Фрязове въ *сандалцѣхъ* „и наскакоша въ корабль нашъ бораостію, и бысть топотъ великій на „мосту корабля ... И рече ми Игнатей Епископъ: что, брате, сице стоишь, ничто же печали имѣя? сіи Фрязи нашего Господина Митрополита емше сковаша, и Ивана Протопопа, и Григорья Протодьякона, и „Германа Архидіакона, и Михаила Діяка: должни бо имъ суть; мы жь съ „ними безъ вины погибаемъ. — Таже воспросихомъ Старѣйшину Фрязь „тѣхъ, что хотятъ и намъ створить? онъ же отвѣща глаголя: не бойтесь; что убо вашего, и вы своя вся возмете ... Умолени быша Митрополитомъ, и довольну мзду вземше, всѣхъ насъ отпустиша невредимыхъ ... И во второй день пойдохомъ оттуду ... и пройдохомъ *устiе* „Азовскаго моря (Воспоръ Киммерійскій); въ шестый же день, въ Субботу, минухомъ Кафинскій Лимень и Сурожъ." Здѣсь *Сурожемъ* названъ городъ Судакъ, гдѣ въ VIII вѣкѣ Св. Стефанъ былъ Архіепископомъ; такъ называлось и море Азовское (см. *Воскресен. Лѣт.* II, 286). Далѣе путешественникъ разсказываетъ, что ихъ занесло вѣтромъ къ Синопѣ; что тамошніе граждане угостили Россіянъ пищею и виномъ; что они 15 дней пробыли въ Пандоракліи, и взявъ *сандалiи*, отправились на оныхъ въ Асправію, гдѣ старались развѣдать о Турецкомъ Султанѣ Амуратѣ, ко-

торый воевалъ съ Сербскимъ Царемъ Лазаремъ. Слѣдуетъ исторія Амурата, *будто бы происшедшаго отъ Царя Асемійскаго* (*по другимъ спискамъ Аземійскаго, Аземскаго*) *или Арманскаго*! „Арканъ (Орханъ), правнукъ сего Христіанскаго Монарха, принялъ Вѣру Магометову, и былъ *отцемъ двухъ сыновей, Солимана* и Амурата. Послѣдній завоевалъ многія Государства, и сразился съ Лазаремъ Сербскимъ." Далѣе: „Бѣ же нѣкто у Лазаря Сербскаго слуга вѣренъ сый; нѣцыи жъ оклеветаша его, яко неправо служитъ Царю. Снидоша же ся полцы обои „и бысть сѣча зла. Оклеветанъ же онъ, правую свою службу хотя „показати, вниде въ полкъ Турскаго Царя Амурата, являя себя бѣжаца; ему же Турстіи полцы раступишась, дающе путь. Онъ же, „являя себя съ любовію идуща ко Амурату, и внезапу вонзе мечь свой „въ сердце его, и въ той часъ умре Амуратъ. Убіенъ же бысть и чюдный той слуга Христіанскій, и сице Турки смятошася... И вскорѣ „Амуратова сына, Баазита, поставляютъ Царя надъ собою, и начаша „одолѣвати Сербскаго Царя, и яша Лазаря руками, и Воеводъ его, и все „воинство... Повелѣ же Баазитъ Сербск. Царя Лазаря мечемъ посѣщи. „Бысть же сія битва въ лѣто 6897 (1389). Сице убо намъ повѣдаша гражане, зане бѣхомъ въ Турской Державѣ и мятежъ бысть велій въ той „странѣ, и убоявшеся мятежа, отпусти Пиминъ Митроп. Черица Михаила ко Царюгороду, а Михаилъ Епискупъ Смоленскій *мене* и Игнатія, „а Сергѣй Архимандритъ своего Черица." Слѣдственно Авторъ — вѣроятно Монахъ — находился въ свитѣ Смоленскаго Епископа. Онъ былъ въ Константинополѣ до 1391 года, и собственными глазами видѣвъ коронованіе Царя Мануила, описываетъ оное* такимъ образомъ:

„Той нощи бысть бдѣніе всенощное въ велицѣй церкви Патріаршей въ „Софіи... *Наставшужъ дни, пріидохомъ тамо, и даша намъ смотрѣти* „сана того и чина на поставленіи. И снидеся народа многое множество, „мужескій полкъ внутрь святыя церкви, а женскій на полатахъ, и сице „дивно и любомудро бысть: вся убо женского полу стояху на полатахъ за шидяными запонами; лицъ ихъ украшенія прелестнаго никому-„же отъ народа не видѣти. .... жены жъ стояща на полатахъ видаху „вся. Пѣвцыжъ стояху украшени чюдно; ризы имѣяху аки священныя стихари широцы и долзи, сицеже и рукава ихъ широцы и долзи, ови камчаты, а друзія же шидяны, наплечники ихъ со златомъ и съ бисеромъ и „съ круживомъ; на главахъ же ихъ оскрылцы остры со златомъ и съ бисеромъ и съ круживомъ, и многое ихъ множество собрано, и толико „бысть чинно, яко написаны зряхуся. Старѣйшій жъ ихъ бѣ мужъ дивенъ „и красенъ зѣло, и сѣдинами аки снѣгъ бѣлѣяся. Бяху же ту и Римляне „отъ Рима, и отто *Испаніи Нѣмцы*, и Фрязове отъ Галаты, а иніи Цареградстіи, а иніи Зеновицы, а иніи Венейцы, а иніи Угры, и тѣхъ бѣяше чинъ видѣти чюденъ, и стояху на два лика, и койждо своея земли „знамя имѣяху на себѣ, и одѣянія ови багряни бархаты, а друзіи вишневы „бархаты, а иніи темносини бархаты, а иніи черныи бархаты... Бѣяшеже подъ полатами на правой сторонѣ чертоговъ 12; степени жъ шириною двѣ сажени, а оболчены вси червленымъ черцемъ, на нихъ же по-

„ставлени два стола златы. Тогдажъ той нощи Царь Мануилъ на полатахъ бысть, и егда приспѣ первой часъ дни, сниде съ полатъ, и вниде во святую церковь предними великими дверми, иже глаголются Царскіе двери, а пѣвцы пояху пѣніе пречюдно и странно, и несказанно умъ превосходяще; и бысть шествіе Царево толико тихо и кротко, три часы отъ преднихъ вратъ до чертога, а обаполъ Царя 12 оружниковъ, и отъ главъ ихъ и до ногъ ихъ все желѣзно; а предъ нимъ грядяху два стяжка власы черны, а древо ихъ и ризы и шапки черлены; а предъ тѣми двѣмя стяжки грядяху Подвоинскіе, а посохи ихъ сребромъ и златомъ окованы, а на концахъ ихъ жемчюгомъ осажено.

„Дошедшу жъ Царю до чертога, и вниде въ пресвѣтлый той чертогъ, и облечеся въ Кесарскую багряницу и въ діадиму Кесарскую, и вѣнецъ Кесарскій около главы со столпчики возложи, и изыде изъ чертога и взыде наверхъ, и приведоша Царицу, и сѣдоша оба на столѣхъ златыхъ.

„Тогда убо начаша Божественную Литургію; а Царь сѣдитъ на златѣмъ столѣ; сицеже и Царица сѣдитъ на златѣмъ столѣ, и егда хотяше быти Выходъ, и пришедше два велик я Архидіякона ко Царю, и сотвориша поклонъ малъ, точію главы своя къ персемъ своимъ мало приклониша, благочинно зѣло и уставно, и воста Царь и пойде ко олтарю, а стяжки предъ нимъ грядяху, и оружницы обаполъ его грядяху. Вшедшу жъ Царю во Св. олтарь сташа стяжки и оружницы предъ олтаремъ на обѣ странѣ Святыхъ дверей Царскихъ; и облекоша Царя во священный фелонецъ малъ, еже есть ризицы малы багряны, точію до пояса. Иде Царь на Выходъ, свѣщу въ руцѣ держа. Антоней же Патріярхъ стояше на своемъ мѣстѣ среди церкви, и сотворяя Выходъ, взыде на священный анбонъ, и Царь съ нимъ, и принесоша къ Патріярху Царскій вѣнецъ на блюдѣ покровенъ, такожъ и Царицынъ вѣнецъ .... И благословишася у Патріярха два великая Архидьякона и идоша по Царицу, и пришедше къ ней, сотвориша поклонъ малъ.... Пріиде Царица до анбона, и положи Патріярхъ крестъ на Царя, и даде ему крестъ въ руку, и вземъ Кесарскій вѣнецъ, и возложи на главу его, а другій вѣнецъ даде ему въ руку его, и повелѣ ему возложити на Царицу его, сошедъ долѣ. Онъ же сниде долѣ, и помаавъ, долѣ стоя, Патріярху на амбонъ рукою и вѣнцемъ, и Патріярхъ, стоя на анбонѣ, издалеча благослови рукою своею Царя и Царицу; они же оба купно равно сотвориша поклонъ къ Патріярху, и пойдоша на своя мѣста и сѣдоша на златыхъ столѣхъ; а Патріярхъ Выходъ сотвори, и вниде во Св. олтарь Царскими дверми, и егда Херувимская пѣснь приспѣ, и шедше великая Архидьякона и сотвориша Царю поклонъ малъ .... Тогда убо вставъ Царь со страхомъ и трепетомъ и съ великимъ вниманіемъ благочинно зѣло иде во олтарь, и одѣша его во священный фелонецъ, и преже всѣхъ шествова Царь предъ Св. Царскими дверми, въ переносѣ свѣчу возженну въ руцѣ держа, сице изъ олтаря изыде и во олтарь вниде: преже всѣхъ онъ грядяше, и по немъ благочинно и уставно зѣло св. Великій Соборъ съ великою красотою и честію... яко умъ человѣческій превосходя. Многожъ бяше шествіе ихъ со Св. дары, колико Херувимской пѣсни есть отъ начала и до конца, сице шествіе ихъ ;. пѣніе

„же бяше долго зѣло и красно. По пренесеніи во Св. олтарь Божествен-„ныхъ даровъ ходитъ Царь около престола, и пребысть Царь въ олта-„рѣ до Св. причащенія, и егда бысть время Св. Причащенію, и шедша ве-„ликая Архидьякона, сотвориша поклонъ малъ Царицѣ .... и егда сниде „отъ престола Царица долѣ, и ту стоящіи народи разодраша всю опону „чертожную Кесарскую, колику кто восхити себѣ. И иде Царица съ „великимъ страхомъ и трепетомъ и умиленіемъ южными враты въ кры-„ло олтаря, и даша ей Св. Причастіе; Царьже отъ Патріарха съ Священ-„ники причастись у престола Христова. Исшедшужь ему изъ олтаря, „Патріархужь сѣдшу на своемъ Святительскомъ мѣстѣ изъ олтаря ис-„шедшу, пріиде къ нему Царь въ Кесарьской багряницѣ и діядимѣ, и бла-„гослови его Патріархъ и Царицу его, и даде ему завѣтъ православія „соблюдати непоколебимо своя Царская, и никакожъ претворяти уставы „древнія, ниже восхищати не своя, и стяжати преже всего страхъ Бо-„жій и смертную память, яко земля еси и паки въ землю пойдеши, и „прочая ... И по Патріарховыхъ глаголѣхъ никтожъ можаше и смѣяше „преже приступити ко Царю, и глаголати ему о здравіи, ни Князи, ни „Бояре, ни вои. Но точію приступятъ къ нему мраморницы и гробозда-„тели, принесши показуютъ ему мраморы и каченіе отъ различныхъ „лицъ, и глаголютъ, которымъ лицамъ велитъ быти Держава твоя гро-„бу твоему? притчею воспоминающе ему, глаголюще: Человѣкъ еси смер-„тенъ и тлѣненъ, мимоходя въ суетнѣмъ семъ исчезаемомъ и скоропогы-„баемомъ житіи, пецыся своею душею и благочестнѣ Царство строй; „елико убо великъ еси, толико смирай себе, понеже сильніи сильнѣе ис-„тязани будутъ; и якоже убо богохульніи согрѣшаютъ къ Богу, сицеже „и горделивіи въ гордости своей согрѣшаютъ; но и паче имѣй убо всег-„да страхъ Господень и смиреніе и любовь и милость, и да сохраненъ бу-„деши и соблюденъ небесною любовію Господнею и милостію. И сице имъ „глаголавшимъ, якоже тамо во уставѣ писано есть, и потомъ идоша „Князи и Стратилаты и Попы и вои и вси Велможи, глаголюще ему по „обычаю ихъ. И вѣнчавшусь ему на царство, и посемъ благословись Царь „у Патріарха съ великою тихостію и смиреніемъ, и изыде изъ церкви „благочинно зѣло, якоже нѣкій Священноначальникъ великій, и осыпаша „его ставратами народи, иже похваташа коййждо рукама своима. Сице „древнее преданіе Царемъ бысть на поставленіяхъ ихъ на Царство, и си-„це поставляхусь."

* За тѣмъ Сочинитель описываетъ свое путешествіе въ Іерусалимъ.

(134) Сія грамота находится въ собраніи Двинскихъ. Вотъ она: „Се язъ „Князь Великій Дмитрей Ивановичь пожаловалъ есмь Ондрѣя Фрязина „Печерою, какъ было за его дядею за Матвеемъ за Фрязиномъ; а въ Пер-„ми емлетъ подводы, какъ было и доселѣ; а вы, Печеряне, слушайте его „и чтите, а онъ васъ блюдетъ. А ходитъ по пошлинѣ, какъ было при „моемъ дѣдѣ, при Князи при Великомъ при Иванѣ, и при моемъ дядѣ при „Князи при Великомъ при Семенѣ, и при моемъ отци при Князи при „Великомъ при Иванѣ, такъ и при мнѣ."

(135) Монетъ Ханскихъ у насъ довольно въ Кабинетахъ, съ разными Татарскими надписями. На многихъ изображены орлы, павлины, лебеди, тигры, львы, всадники, человѣческія головы, и слова: „Алкабъ Саинъ Ханъ „халеде аллагу муккугу;" то есть: „Алкабъ Саинъ Ханъ, коего царствованіе да продлитъ Божія милость" (см. Petersburg. Journ. г. 1781, Ч. II, стр. 24). Абульгази именуетъ *Саиномъ* Батыя; но можетъ быть и другіе Ханы такъ прозывались. На иныхъ вырѣзано имя Абул-Хаиръ-Хана или изрѣченія взятыя изъ Алкорана. Восемь или девять такихъ монетъ составляютъ вѣсомъ около золотника; иногда болѣе и менѣе. О тангѣ и пулѣ см Абульгази Hist. des Tatars, стр. 542, и Дженкинсон. Путешествіе въ Бухарію, въ Allgem. Reis. Ч. VII, стр. 527; см. также въ Бержероновъ. Voyage de Marc Paul, стр. 79, и Voyage de Mandeville, стр. 19. Герберштеинъ, стр. 41, сказываетъ, что въ Московской серебряной денгѣ считалось 60 *пулъ*. Сіе имя сохранилось въ названіи *полушки*. Нѣкоторые умники производили имя *денегъ* отъ *дня*, а *полушки* отъ *половины ушка*.

Въ Кабинетѣ С. Петербург. Академіи Наукъ хранятся двѣ мѣдныя монеты: одна съ надписью: *Великаго Князя Ива... Иван....* а на другой замѣтны буквы К, О, И или Н, и В (см. Petersburg. Journ. г. 1781, Ч. II, стр. 9 и 52). У Графа А. И. Мусина-Пушкина есть также двѣ мѣдныя пулы. — Я имѣлъ въ рукахъ своихъ двѣ изъ серебряныхъ монетъ Димитріевыхъ: одну съ изображеніемъ всадника и съ словами: *Великій Князь Дмит...* а другую съ изображеніемъ птицы, съ словами: *Князя Великого Дмитрея*, и съ Татарскою, неясною надписью. Мнѣ извѣстны еще двѣ монеты Удѣльныхъ Князей Димитріева времени: одна *Кашинская*, а другая Ростовская; на первой изображенъ всадникъ, держащій на рукѣ птицу, и слова: *Князя Василья Михайлов...* а на второй человѣкъ съ сѣкирою, дерево, птица, голова какого-то звѣря и слова: *печать Кня... Ондр... Ф....* то есть: Андрея Ѳеодоровича Ростовскаго. Я видѣлъ также монеты съ словами: *Волод....* можетъ быть, Князей Владиміра Андреевича *Храбраго* или Владиміра Пронскаго. На одной представлены два лица, а на другой лошадь. Одинъ изъ моихъ знакомцевъ видѣлъ слѣпокъ древней монеты съ надписью Татарскою и Русскою: *Князь Данило*: слѣдственно сынъ Невскаго? — Спрашивается: *сколько* такихъ *денегъ* было въ *рублѣ*? Герберштеинъ пишетъ, что при Великомъ Князѣ Василіи Іоанновичѣ считалось въ рублѣ 200 Московскихъ денегъ (см. Rer. Moscov. Comment. стр. 41); но монеты сего времени гораздо легче Димитріевыхъ: ихъ болѣе десяти въ золотникѣ. Мы говорили о вѣсѣ рублей до 1535 года (см. нашей Исторіи Т. IV, примѣч. 250): Герберштеинъ цѣнитъ оные въ два червонца Венгерскіе: слишкомъ дорого по нынѣшнему отношенію серебра къ золоту! Древнія монеты, собранныя нашими любителями древностей — въ Кабинетѣ Академическомъ, Графа А. И. Мусина-Пушкина, Ивана Петровича Бекетова, Графа Ѳ. А. Толстаго и другихъ — раздѣляются на четыре класса: однѣ безъ надписи, съ изображеніемъ разныхъ звѣрей; вторыя съ Татарскою надписью (тѣ и другія не наши, вопреки мнѣнію Князя Щербатова); третьи съ Русскою и Татарскою (битыя, какъ вѣроят-

но, для платежа дани Ханамъ); четверныя съ одною Русскою надписью. — Замѣтимъ, что въ Галиціи еще около 1355 года ходили такъ называемые *Русскіе* гроши, Grossi Ruthenicales (см. Энгеля Gesch. v. Halisch, стр. 601). — Въ *Древн. Рос. Вивліоѳ.* I, 85: „на правду два *алтына*, а дальній ѣздъ вер„ста по *рѣзанѣ*." Въ позднѣйшемъ договорѣ Велик. Князя съ Олегомъ Рязанскимъ говорится только объ алтынахъ и денгахъ (стр. 94): „а мыта „съ воза по *ден*зѣ."

(136) Италіянецъ Полидоръ Виргилій, умершій въ 1555 году, въ книгѣ своей de Inventoribus rerum, сказываетъ, что порохъ и ружейной стволъ изобрѣтены Бартольдомъ, и что сей человѣкъ сообщилъ свое открытіе Венеціанамъ, безъ сомнѣнія не въ 1380 году, какъ многіе утверждали, а прежде, когда Эдуардъ III въ 1346 году имѣлъ пушки, и когда во Франціи порохъ извѣстенъ былъ съ 1338 года (см Рапин. Hist. d'Angl. T. III, стр. 196, и Даніеля Hist. de France T. III, стр. 467). — Нѣкоторые пишутъ, что порохъ и пушки, изобрѣтенные около XII вѣка въ землѣ Ахемской или Ассамской, употреблялись сперва въ Пегу, Китаѣ и проч. (см. Шульц. Gesch. des Osman. Reichs, кн. II, стр. 486). Авторъ XIII вѣка, Секретарь Египетскаго Царя Салеха, упоминаетъ о громѣ пушечномъ. Абу Абдала Эбнъ Алькатибъ, Испанскій Мавръ, пишетъ о снарядѣ огнестрѣльномъ Короля Гренадскаго, въ 1312 году осаждавшаго Базу (см. Fortgesetzt. Betracht. uber die neuest. historisch. Schrift. Ч. II. стр. 480). Пельцель въ своей Богемской Исторіи доказываетъ, что ружейный стволъ изобрѣтенъ Бераунскимъ гражданиномъ въ царствованіе Короля Іоанна, между 1310 и 1346 годами. — Рогеръ Баконъ, умершій въ 1294 году, въ упомянутомъ сочиненіи de nullitate magiae, пишетъ такъ: „Вы можете произвести громъ и молнію, „когда хотите, если возьмете сѣры, селитры, угольевъ; смѣшаете ихъ и „вложите въ какой нибудь заткнутый стволъ," и проч. (см. Encyclopédie подъ словомъ Poudre). — О *живомъ огнѣ* Харазскаго Турка см. нашей *Исторіи* T. III, примѣч. 68. О томъ, когда и какъ вошло въ Россію искусство огнестрѣльное, нашелъ я извѣстіе въ лѣтописи Голицинской, полученное мною отъ Графа Ѳ. А. Толстова. Она писана полууставомъ, въ листъ, при Царѣ Алексіи Михайловичѣ. Въ ней сказано, л. 216: „въ лѣто 6897 „вывезли изъ Нѣмецъ арматы на Русь и огненную стрѣлбу, и отъ того „часу уразумѣли изъ нихъ стрѣляти." За симъ слѣдуетъ описаніе нашествія Тамерланова и чудо Богоматерина образа въ 1395 году.

Въ Княженіе Василія Димитріевича сгорѣло въ Москвѣ нѣсколько дворовъ отъ дѣланія пороха.

(137) Въ *Троицк.*: „тое же зимы и тое весны являшеся нѣкое знаменіе „на небеси на Встоцѣ предъ раннею зарею, аки столпъ огненъ и звѣзда „копійнымъ образомъ" (см. Cométographie г. 1368 и 1382) . . . . „Бысть Бла„говѣщенье на Св. Недѣли въ Среду, а снѣгъ лежалъ по Велицѣ *дни* съ че„тыре недѣли, а люди ѣздили на санехъ." О другой Кометѣ, засухахъ и пожарахъ см. ниже въ семъ примѣчаніи.

Случаи Димитріева времени, о коихъ мы не упоминали:

Въ 1362 году преставились Романъ, Митрополитъ Литовскій и Волынскій, Даніилъ Епископъ Суздальскій и Епископъ Аѳанасій въ Костро-

мъ (см. *Никон. Лѣт.*). Моисей, бывшій Архіеп. Новогородскій, построилъ каменную церковь Благовѣщенія на Михайловѣ улицѣ, а преемникъ его, Алексій, также каменную церковь Св. Рождества *на сѣнахъ*, освященную имъ 1 Сент. Въ 1363 г. зимою Архіепископъ Моисей преставился: Алексій самъ положилъ его въ раку и погребъ въ монастырѣ Св. Михаила на Сковоронкѣ. 25 Генв. расписана въ Новѣгородѣ церковь Богоматери на Волотовѣ, въ Моисеевѣ монастырѣ повелѣніемъ Архіепископа. (*Въ Никон.*: „по „обѣдѣ убо въ церкви Владыко Алексѣй Суздальскій благослови крестомъ „Вел. Князя Андрея Констянтиновича Суждальскаго и Новагорода Ниж„няго, и въ той часъ изъ креста пойде миро.") Въ *Псковской*: „Упаде верхъ „церкви Св. Троицы на третій день Петрова дни, и приставиша засаду „Изборскую, и выносиша камень и звукъ." — Въ 1364 г. купцы Новогород„скіе и другіе набожные люди построили въ Торжкѣ церковь Преображе„нія, освященную Архіеп. Алексіемъ зимою. (*Въ Никон.*: „бысть стрѣляніе „и шибеніе громное во Твери на Соборн. церковь, и знаменія многа, и молнія, и „вихри . . . Андрей Костянт. Суздальскій и Нижн. Новагорода пострижеся; „бысть же духовенъ зѣло и добродѣтеленъ . . . Бысть сухмень велія, и „воздухъ куряшеся, и земля горяще.") Въ Новѣгородѣ построены 2 деревянныя церкви, Воздвиженія и Евангелиста Луки. Въ Корельскомъ городкѣ Яковъ Посадникъ совершилъ каменный костеръ (*башню*). „Псковичи „даша наймитомъ 5 рублей; они же, разбивше стѣны церкви Св. Трои„цы, звукъ выносиша въ Великую рѣку. Поставиша (Псковичи) 2 варни„ци на Рухѣ, и начаша соль варити, и то не сбыстьбся, и повергоша." — Въ 1365 Алексій Митрополитъ заложилъ въ Москвѣ кам. церковь во имя Арханг. Михаила или бывшаго чуда его въ Хонѣхъ; она совершена въ то же лѣто. Митрополитъ Алексій отнялъ *Новогородскую* Епископію у *Суздальскаго* Владыки *Алексія*: Сей Епископъ скончался зимою (такъ въ *Никон.* и въ другихъ; но въ *Ростовск.* сказано, что Алексій *Суздальскій* умеръ въ 1364 году, а Митрополитъ отнялъ Епископію *Новогородскую* у Владыки Алексія въ 1365: слѣдственно здѣсь разумѣется Владыка Вел. Новагорода: что подтверждается и Синодальною лѣтописью No 349, гдѣ вмѣсто словъ: „отня Епископью, стоитъ: *Архіепископью*). Новогородскій Архіеп. Алексій поставилъ кам. церковь Срѣтенія на воротахъ въ монаст. Св. Антонія, Лазута камен. церк. Св. Николая на Лятке, а другую заложили на Рядятинѣ улицѣ во имя Троицы. Въ Концѣ Славянскомъ было чудо: въ церкви Св. Петра шла роса отъ иконы Богоматери. „Псков„вичи наяша мастеровъ и даша дѣлу мзды 400 рублей; они же заложиша „церьковь Св. Троицы по старой основѣ." (Въ *Никон.*: „бысть знаменіе, „солнце аки кровь, и по немъ мѣста черныя; и мгла стояла съ поллѣта, „и жары велицы; лѣсы и болота горяща, и рѣки пресхоша, и бысть страхъ „велій . . . Пойде въ Орду К. Василей Кирдяпа, сынъ Кн. Дмитрея Суз„дальского.") — Въ 1366 „Князь Кипрскій (въ *Никон.* Андрей Пигоръ) по„плѣни градъ Александрію Египетьскую; изби вся ту живущая Сарацыны „и Бесермены, Насавиты и Армены, и Турки, и Фрязы, и Черкасы, и „Жиды; и про то разгнѣвася на Хрестіяны Царь Египетьскій Салтанъ, „и посла рать на Антіохею и на Ярусалимъ; церкви разграбивъ, и двери

„ихъ каменьемъ загради, а иныя колодьезы завалявъ извону (извнѣ), а Хри-„стіяны вся казнивъ, а имѣнья ихъ отня, а монастыри Синайскія разори, „Игумены и Попы изби, а Епископы вверже въ темницу, а Михаила, Ан-„тіохійскаго Патріарха, распя. И тогда же солнце погибе, Авг. въ 7 день „по утру, въ 3 часъ дни; осталося его аки трехъ денъ молодъ мѣсяцъ; „щербина бѣ ему съ полуденныя страны, но мраку аки синю отъ Запада „приходящу, и пребысть тьма съ часъ единъ, дондеже обратися солнце „щербиною къ земли, и тако нача паки свѣтъ свой припущати. Слышавъ „же Царь Цареградскій Иванъ, печалуя, посла къ Салтану Египетьско-„му о миру со многими дары. Онъ же миръ створивъ, Патріарха (Іеру-„салимскаго) и Епископы отпусти, а церкви имъ паки предасть, а взя у „нихъ 20.000 рублевъ серебромъ, кромѣ иного узорочья и даровъ." Совершили въ Новѣгородѣ церковь на Рядятинѣ улицѣ. (Въ *Никон.*: „бысть „сухмень и хлѣбная дороговь, и съ того люди мряху . . . Князь Михайло „Александровичь Тверскій поставилъ градокъ новой на Волзѣ.") — Въ 1367 Марта 20 скончался Тверскій Епископъ Ѳеодоръ въ Отрочѣ монастырѣ, и положенъ въ малой церкви Введенія, въ одномъ мѣстѣ съ Владыкою Андреемъ. Постриглась въ Нижнемъ вдовствующая супруга Кн. Андрея Константиновича, Анастасія (по *Никон.*). Іюля 23 страшнымъ громомъ убило въ Городцѣ въ церкви *Св. Лазаря*, во время Вечерни, Монаховъ и Монахинь, а въ селахъ также не мало людей. Умерли Новогородскіе Посадники Онцифоръ и Никита. Во Псковѣ довершили церковь Св. Троицы, и поставили другую, Св. Іоанна Богослова, на Снетогорскомъ дворѣ. — Въ 1368 „на зиму прислаша Псковичи Онанью Посадника и Павла въ Новгородъ: „Архіепископъ же Алексій посла во Псковъ отца своего духовнаго, Про-„топопа Іоанна, и Протодіакона, и священа бысть во Псковѣ церковь Св. „Троицы Генв. въ 30 . . . Тое же осени и тое зимы явися звѣзда хвоста-„тая . . . Заложи Лазута церковь каменну во имя Св. Петра конецъ Сла-„вна." Новогородцы отправили въ Нѣмецкую землю посломъ Саву Купрока. Апрѣля 11, въ Вел. Четвертокъ, зажгло громомъ въ Суздалѣ церковь Св. Михаила и въ Городцѣ Михайловскій Соборъ. „Маіа въ 12 бысть по-„жаръ въ Новѣгородѣ: погорѣ Дѣтинецъ весь, и Владычень дворъ и Св. „Софіа отъ Людигощи улици, и Неревскій Конецъ по половинѣ улицѣ (въ *Троицк.* по Головинѣ улицѣ) до Даньславли улицѣ, и Плътницкій Ко-„нецъ весь отъ Св. Никыты до Радоковичь, и церкви, и людій нѣколико." Въ *Никон.*: „Преставись Вел. Княгиня *Софья* Михаила *Ярославича* Твер-„скаго . . . Тое жь зимы Кн. Михайло Васильевичь Кашинскій повелѣ изъ „монастыря церковь Богородицы снести внутрь града и мѣсто то свя-„тое раскопати, и во гробѣхъ кости мертвыхъ разрушили издавна по-„ложенныхъ Иноковъ; и тое жь весны за многи дни бысть болѣзнь не-„знаема Князю и Княгинѣ его. Самаго же его Богъ помилова, а Княгини „его Василиса преставися Апр. въ 20 день. И тако Кн. Михайло Васил. „устрашися, и прощенія проси у Владыки Василія; и повелѣ ему Влады-„ка не до конца мѣсто то разорить, и поставилъ (*Князь*) тамъ малую „церковь Св. Богородицы; потомъ и ту разнесли . . . Того жь лѣта гладъ „великъ бысть во Твери." — Въ 1369 Нѣмцы завоевали Литовскій городъ

Ковенъ (по нѣкоторымъ спискамъ Кобекъ, Ковевъ.) Преставился Князь Левъ Смоленскій. Князь Борисъ Константиновичь поставилъ въ Городцѣ Соборную церковь Св. Михаила. Осенью въ Твери срубили деревянную крѣпость и обмазали глиною. Въ Новѣгородѣ сгорѣлъ Славянскій Конецъ отъ Нутной улицы до Св. Иліи и до поля: „и церкви каменны 4 огорѣ-„ша, а головѣ трее сгорѣша, и много товара погорѣ, а иные пограбили „лихіе люди.“ Тамъ заложили каменную церковь Св. Василія на Ярышовѣ улицѣ, а другую Св. Евпатія на Роганицѣ. Архіепископъ черезъ годъ святилъ оныя. „Вел. Кн. Димитрій Іоанновичь заложи городъ Переяславль; „того же лѣта и срубленъ бысть.“ Въ *Никон.*: „Кн. Михайло Васильевичь „Кашинскій ѣздилъ на Москву къ Митрополиту на своего Владыку „Василья жаловатися. Олгердъ Гедиминовичь ходилъ ратію на Нѣмцы, и „много плѣненія сотворилъ.“ — Въ 1370 большое разлитіе водъ весною; осенью и зимою знаменія: „аки столпъ по небу, и небо черлено, аки кро-„вяно, и по снѣгу яко кровь.“ Митрополитъ Алексій крестилъ Князя Іоанна Борисовича въ Нижнемъ. „Тамо уползе многъ снѣгъ съ горы великой, „еже надъ Волгою за Св. Благовѣщеньемъ, и засыпа дворы и съ людми.“ (По *Никон.* ударилъ страшный громъ ночью 18 Авг., когда Великій Князь объявилъ войну Михаилу Тверскому.) Въ Псковѣ совершили кам. церковь Св. Георгія на Болотѣ. — Въ 1371 поставила Наталья въ Новѣгородѣ кам. церковь Св. Андрея Юродиваго на Сытескѣ Авг. 20. Сгорѣлъ Плотничьскій Конецъ и весь Подолъ отъ улицы Ильиной до Киловой. Сгорѣлъ весь Торжекъ. Изъ Іерусалима пріѣзжалъ Митрополитъ Германъ для собранія милостыни: „понеже „много бѣ имъ насилія отъ поганыхъ Срацынъ.“ Кн. Димитрій Константин. въ Нижнемъ поставилъ кам. церковь Св. Николая на Бечевѣ. Въ Русѣ построена также камен. церковь Св. Николая. У Великаго Князя Димитрія родился сынъ Василій 30 Декабря. Во Псковѣ совершили кам. церковь Св. Николая на Всосѣ. — Въ 1372 „у Св. Спаса въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ колоколъ болній позвонилъ самъ о себѣ трижды.“ Въ Новѣгородѣ окопали рвомъ Концы Людинъ, Загородный, Неревскій; на Ильинѣ улицѣ поставили кам. церковь Св. Спаса, освященную Архіепископомъ. Въ Москвѣ 15 Авг. у гроба Св. Петра Митрополита „*прощенъ*" (исцѣленъ) бысть нѣкій отрокъ семи лѣтъ, зане не имяше руки, прикор-„чившеся къ персемъ, и нѣму сущу ему; егда же Митрополитъ Алексій „скончеваше Св. Литургію, тогда проглагола отрокъ, и простреся ему „рука. То же видя Митрополитъ, повелѣ звонити, и пѣта канунъ моль-„бенъ со всѣмъ Зборомъ.“ — Въ 1373 пріѣхалъ въ Новгородъ Князь Владиміръ Андреевичь и жилъ тамъ отъ третьей недѣли Вел. поста до Петрова дня. (Кн. Щербатовъ заключилъ изъ того, что Владиміръ ссорился съ Димитріемъ, искалъ убѣжища въ Новѣгородѣ, и проч.). Шелъ Волховъ семь дней вверхъ. Псковитяне поставили на другомъ мѣстѣ кам. церковь Петра и Павла, освященную Новгород. Архіеп. Алексіемъ, и другую Св. Власія. (По *Никон.* зимою преставились Князья Владиміръ Димитріевичь или Ярославичь Пронскій и Іеремій Тверскій. Новогородцы, заключенные въ Твери, подкопали стѣну темницы своей и бѣжали. Михаилъ Васильевичь Кашинскій пріѣхалъ изъ Орды въ Кашинъ. Михаилъ Алек-

сандровичъ Тверскій окружилъ столицу свою рвомъ и валомъ, отъ Волги до *Тмаки*, взявъ работниковъ изъ Торжка и Тверскихъ областей). — Въ 1374 году, въ 1 Недѣлю Вел. поста, Митрополитъ Алексій поставилъ въ Москвѣ Епископомъ Суздалю Діонисія Архимандрита Печерскаго. Въ Новѣгородѣ построена церковь Св. Спаса на Ильинѣ улицѣ: святилъ оную Архіепископъ. Сгорѣлъ весь Юрьевъ или Св. Георгія монастырь. Родился у Вел. Князя Димитрія сынъ Юрій въ Переславлѣ, Ноября 26; крестилъ его Игуменъ Сергій при Князѣ Димитріи Константиновичѣ Суздальскомъ, его братьяхъ, супругѣ и дѣтяхъ, также другихъ Князьяхъ и многихъ Боярахъ. Во Псковѣ *церковный мастеръ* Кириллъ соорудилъ кам. церковь Св. Кирилла; тамъ же довершена и другая кам. церковь Св. Тимоѳея. (По *Никон. Лѣт.* Митрополитъ Алексій поставилъ Евфимія Епископомъ Твери въ день Сорока Мучениковъ на *Средокрестной* недѣлѣ въ *Четвертокъ*, и вмѣстѣ съ посломъ Патріаршимъ, Кипріяномъ, отправился оттуда въ Переславль. Литовцы воевали съ Татарами Темиреза. Лѣтомъ совсѣмъ не шло дождя; скотъ и люди умирали отъ жаровъ и засухи, какъ въ Россіи, такъ и въ Ордѣ. Димитрій ссорился съ Мамаемъ.) — Въ 1375 Корела *Семидесяцкая* поставила новый городокъ. Въ Новѣгородѣ совершили кам. церковь Козмы и Даміана на Холопьей улицѣ; а Посадникъ Юрій заложилъ церковь Св. Іоанна Златоуст. въ Околоткѣ. Родился какой-то Матвѣй Михайловъ. Занемогъ опасно Св. Игуменъ Сергій въ Великій постъ, и страдалъ до самаго Сентября. Іюля 29, въ Воскресенье, было знаменіе въ солнцѣ. „На тужь зиму (Новогородскій) Владыка Алексѣй сыде съ „Владычьства по своей воли въ Деревяницкій монастырь къ Св. Въскре-„сенію. Новогородци же въ скръби быша, и много гадавъ, послаша къ Ми-„трополиту Саву Архимандрита и Максима Онцифоровичь съ Бояры, „чтобы благословилъ сына своего Алексѣя въ домъ Св. Софіи, и Митро-„политъ благослови Владыку и весь Новгородъ... и Новгородци послаша „съ Вѣча, съ Ярославля Двора, къ Владыцѣ Намѣстника Вел. Князя, Ива-„на Прокшинича, и Посадн. Юрья, и Тысяч. Олисея... и Владыка прія „челобитье, и пойде на свой Архіепископскій степень Марта въ 9.“ Въ *Псковской*: „въ лѣта Вел. Князя Димитріа и Псковского Князя Матѳея и „Посадника Григоріа Остафьевичь Псковичи заложиша *четвертую* стѣ-„ну камену отъ Псковы до Великыя рѣкы по старой стѣнѣ: понеже бы-„ла старая стѣнка здѣлана съ дубомъ, мало узвыше (выше) мужа, около „всего посада.“ (По *Никон.* Іюля 27, въ Твери, въ церкви Покрова, передъ иконою Богоматери ночью загорѣлась свѣча сама собою. Пріѣхала изъ *Литвы* Кестутіева дочь, Марія, невѣста Іоанна Михайловича Тверскаго: Епископъ Евфимій окрестилъ ее въ церкви Воздвиженія и на другой день обвѣнчалъ съ Іоанномъ въ Соборной церкви Св. Спаса, къ радости Кн. Михаила Тверскаго, отца Іоаннова.) — Въ 1376, весною, шелъ Волховъ вверхъ *7 дней* („се уже по третье лѣто тако идяше на вводъ“). Отъ Патріарха Филоѳея пріѣзжали два Протодіакона, Георгій и Іоаннъ, къ Алексію Митрополиту. Кипріанъ поставленъ въ Митрополиты. Новогородскій Архіеп. Алексій съ Архиманд. Саввою, съ Юрьемъ Онцифоровичемъ, Васильемъ Кузмиичемъ, Васильемъ Ивановичемъ и другими Боярами

Авг. 13 отправился въ Москву, гдѣ Митрополитъ, Вел. Князь и Владиміръ Андреевичь обошлися съ нимъ весьма благосклонно. Онъ возвратился въ Новгородъ Окт. 17, въ Пятницу. (По *Никон.* былъ моръ въ Кіевѣ). — Въ 1377 Апрѣля 27 „оградися луна, и быстъ отъ нея луча аки крестъ." Весною горѣлъ Новгородъ „отъ Люгощи улицы до Яковли, отъ полу„лицы до брега; згорѣ 7 церквей деревянныхъ, а каменныхъ огорѣ 3. „Того же лѣта згорѣ отъ грома церк. Св. Богородицы на Михалицѣ. „Преставися Архимандритъ Сава во Антоніевѣ монастырѣ, Маія въ 29." Архіепископъ самъ погребалъ его. Совершена камен. церковь Бориса и Глѣба въ *Плотникахъ:* Архіеп. святилъ оную. (По *Никон.* Князь Θеодоръ *Звенигородскій*, мужественный великанъ, побилъ многихъ Татаръ. Сей Лѣтописецъ называетъ его сыномъ Андреяна Звенигородскаго, внукомъ Тита, правнукомъ Мстислава Карачевскаго, праправнукомъ Св. Михаила Черниговскаго, сказывая, что мать Θеодорова была дочь Князя Литовскаго, Гаманта, и что дядя Θеодоровъ, Святославъ Титовичь, женился на Θеодорѣ, дочери Ольгердовой отъ Тверской Княжны, а третій сынъ Титовъ, Князь Иванъ Козельскій, на дочери Олега Рязанскаго.) — Въ 1378 шелъ Волховъ вверхъ 7 дней. Іюня 29 знаменіе въ солнцѣ. Въ Новѣгородѣ построены 2 церкви, Св. Георгія и Никиты; третья на Добрынинѣ улицѣ Нерукотвореннаго образа: Архіепископъ святилъ оную въ день ея праздника. *Дек. 5*, въ часъ Заутрени, луна обратилась въ кровь, стояла 2 часа неподвижно, и снова сдѣлалась свѣтлою съ полуденной стороны, а помрачилась съ восточной. — Въ 1379 Сент. 11, въ Воскресенье, преставился сынъ Велик. Князя, *Димитрія, Симеонъ*. Въ Новѣгородѣ сгорѣло отъ Лукиной улицы до Чюдинцовой 8 улицъ и 12 церквей. Заложили тамъ 2 камен. церкви Св. Богоматери на Михалицѣ, и Флора и Лавра на Людгощей. Зимою пріѣхалъ въ Новгородъ Князь Литовскій, Юрій Наримантовичь. — Въ 1380 упала въ Коломнѣ новая каменная церковь, построенная на иждивеніе В. К. Димитрія. Іюня 15 освящена въ Серпуховѣ Соборная церковь Св. Троицы, основанная Кн. Владиміромъ Андр. „Биша „челомъ весь Новгородъ Архіепископу, чтобы еси, господине, ялся ѣхати „къ Вел. Князю, и Владыка пойде на Низъ за недѣлю до Цвѣтной недѣли; „а съ нимъ Юрьи Ивановичь, Мих. Даниловичь, Юрьи Онцифоровичь, Іевъ „Обакумовичь, Ив. Θедоровичь, и иныхъ Бояръ много, и Житьихъ мужь. „Князь же прія ихъ въ любовь, а къ Новугороду крестъ цѣловалъ на „всей старинѣ." На Чудскомъ озерѣ потонули 24 лодки Псковскія. (По *Никон.* Ноября 20 съѣзжались всѣ Россійскіе Князья: „велію любовь учи„ниша межъ собою"). — Въ 1381 у Князя Владиміра Андр. родился сынъ Іоаннъ: крестили его Митрополитъ и Св. Сергій. Въ Новѣгородѣ заложили кам. церковь Св. Димитрія на Славковѣ улицѣ. Построили тамъ же деревянную Св. Василія. (По *Никон.* въ Недѣлю всѣхъ Святыхъ былъ страшный громъ и вѣтръ). — Въ 1382 преставился Князь Василій Михайловичь Кашинскій, Маія 6, и погребенъ въ Соборн. церкви Воскресенія. Умеръ Михайло, отецъ Матвѣя (вѣроятно Лѣтописца). Въ Новѣгородѣ новая церковь Св. Димитрія, едва освященная Архіепископомъ, разсыпалась. Совершена кам. церковь Рождества на полѣ. Авг. 14 родился у Вел.

Кн. Димитрія сынъ Андрей: крестилъ его Игуменъ Симонова монастыря Θеодоръ. Въ Новѣгородѣ на Нутной улицѣ заложена церковь Св. Филиппа, и другая Св. Іоанна въ Радоковичахъ (по нѣкоторымъ спискамъ уже въ 1383 г.). Князь Борисъ Городецкій поѣхалъ осенью въ Орду. Въ ту же осень какой-то Θедоръ Тимоѳеевичь убитъ лукавымъ его рабомъ. Зимою Пименъ Митрополитъ поставилъ въ Переславлѣ Сарайскаго Епископа Савву, въ присутствіи Матеея Грека, Епископа Ростовскаго, и Владыки Даніила. — Въ 1383, Генв. 1, скончался Павелъ Высокій Печерскій Старецъ (въ Нижнемъ) книжный и чудный, о коемъ плакалъ и самъ Архіепископъ Суздальскій Діонисій. Сынъ Бориса Городецкаго, Іоаннъ, поѣхалъ къ отцу въ Орду; а Князь Димитрій Константиновичь Суздальскій отправилъ туда сына своего, Симеона. Митрополитъ зимою поставилъ въ Москвѣ двухъ Епископовъ, Михаила Смоленскаго и Стефана Пермскаго. Во Псковѣ совершены 3 кам. церкви на Гримячей горѣ: Св. Козмы и Даміана, Св. Николая и Св. Духа за стѣною. — Въ 1384 осенью выѣхалъ изъ Царяграда Θеодоръ Игуменъ Симоновскій: „ему же Патріархъ даде Ар„химандритію и лишшую честь паче иныхъ Архимандритовъ . . . . Пого„рѣша лѣсы и сѣна по пожнямъ, а въ Новѣгородѣ бысть помраченіе на „многи дни и нощи, яко и птицы падаху на землю и на водѣ, и не видя„ху, камо летѣти, и людіе не смѣяху ѣздити по езеромъ и по рѣкамъ, и „бысть скорбь и туга.“ Преставился на Пентикостной недѣлѣ Старецъ Илья, Келарь Троицкаго Сергіева монастыря, добрый и послушливый. Въ Новѣгородѣ, въ Неревскомъ Концѣ, сгорѣло 2 церкви, Св. Лазаря и Св. Петра. Осенью совершены тамъ церкви Св. Филиппа на Нутной улицѣ и Св. Іоанна въ Радоковицахъ; первую святилъ Архіепископъ. Во Псковѣ соорудили 2 кам. церкви: Св. Спаса у стараго костра и Воздвиженія на Дворѣ Княжескомъ. (Въ *Никон. Лѣт.*: „Сент. въ 23 день, въ 1 часъ дни, „восшедшу солнцу, и пріиде туча съ западные страны къ Востоку, и „помрачи свѣтъ до 3 часа . . . По малѣ облаки тѣ видяхусь желты и „багряновидны и тонковидны. По инымъ же странамъ тогда облаки пре„хожаху въ полутра и во обѣдъ и по обѣдѣ; индѣ же огненныя облацы „хожаху и искры падаху и зажигаху, и толь страшно бысть, яко вто„рое Христово пришествіе мнѣти всѣмъ . . . . Тоя же осени Кн. Вел. „Михайло Тверскій женилъ сына своего, Кн. Бориса, у Вел. Князя Свя„тослава Ивановича Смоленскаго, и вѣнчанъ бысть въ церкви Св. Спаса „Ноября въ 8 . . . Тожь зимы К. В. Михайло женилъ сына своего, Кн. „Василья, у Кн. Владимера Олгердовича у Кіевскаго, и вѣнчанъ бысть во „церкви Св. Спаса).“ — Въ 1385 (а не въ 1386) сгорѣлъ весь Псковъ, Маія 8, отъ 6 до 9 часа дня; уцѣлѣли Соборная церковь и Дыпинецъ или Кремль . . . . „и бысть сѣча Псковичамъ промежду себе, и много „бысть мертвыхъ.“ Тамъ поставили церковь Св. Θеодора. Въ Новѣгородѣ сгорѣла вся Торговая сторона: „на Данславлѣ улицѣ бысть пожаръ; за„горѣся на Подолѣ Іюня 14; погорѣша оба Конца, Плотницкій и Славен„скій, и церквей каменныхъ огорѣ 26, а древяныхъ сгорѣло 6. Горѣло „весь день въ Среду, и заутра престало по обѣдѣ. У купцевъ въ ко„робіяхъ всякаго товара много погорѣло. Дымомъ задохлися 9 человѣкъ

„Василіевыхъ, да 2 сторожа; да сгорѣша трое нищихъ, да въ Павловѣ „улицѣ на монастырѣ Иванъ, церковный росписникъ; въ церкви Св. Іоан-„на, конецъ Славна въ торгу, сторожъ запхнулся, такожде въ церкви „Св. Пятницы, а другій живъ; въ церк. Воскресенія сторожъ, да стран-„ной; и всѣхъ душъ погибло 70. Только не горѣлъ Пресв. Богородицы на „Михалицѣ монастырь, да на Микитинѣ улицѣ отъ Креста въ полѣ, и „Красильницкая улица. А въ Среду за 6 дній до Петрова загорѣлося у „Св. Мины въ обѣдню, и погорѣ по обѣ стороны отъ Князцевы трубы „въ Духовской улкѣ." Іюня 29 родился Вел. Князю Димитрію сынъ Петръ: Игуменъ Сергій крестилъ его. Скончался Епископъ Ростовскій Матѳей Грекъ, погребенный въ Соборн. церкви съ его предмѣстниками. Были осенью *пустые бѣги*: думаю, метеоры, называемые *падающими звѣздами*. (По *Никон.* и нѣкоторымъ другимъ лѣтописямъ, наполненнымъ анахронизмами, В. К. Димитрій посылалъ войско на Муромъ, чтобы наказать тамошняго Князя за какое-то безчестіе). Переведено слово Св. Георгія Писида: хвала Богу, Творцу міра.— Въ 1386, Генв. 1, „въ часъ дня, „егда люди отобѣдываютъ, погибе солнце, и пребысть во мрацѣ 2 часа, „и паки свѣта исполнися." Князь Борисъ Константиновичь ѣздилъ въ Орду весною, и возвратился осенью. Въ Городцѣ сгорѣла церковь Св. Михаила. Епископъ Пермскій Стефанъ Храпъ ѣздилъ въ Новгородъ за нѣкоторымъ дѣломъ. Іоакимъ Архимандритъ обновилъ старую церковь, *наполнивъ* оную иконами и книгами, построилъ кельи, монастырь, собралъ Иноковъ, далъ Игуменство трудолюбивому Іоанну, и такимъ образомъ устроилъ Общее Житіе Монашеское. Умеръ какой-то Симеонъ Яма въ Москвѣ и погребенъ въ монастырѣ Вознесенія. Царь Тохтамышъ (см. *Троицк. Лѣт.*) самъ убилъ свою Царицу Товлумбеку. Въ Новѣгородѣ на Иворовѣ улицѣ совершили кам. церк. Св. Димитрія (или Климента). Послѣ Св. недѣли сгорѣлъ Орѣховъ, и крѣпость повредилась: Новогородцы отправили туда Василія Кузмина, велѣвъ ему чинить стѣны и башни. Въ Новѣгородѣ сгорѣлъ конецъ Никитиной улицы. Осенью возвратился изъ Орды Кн. Александръ Михайловичь Тверскій. Во Псковѣ сдѣланы 3 каменныя башни у новой стѣны на приступѣ, и заложили кам. церк. Св. Георгія. (По *Никон.* воевали между собою Ординскіе Князья.)— Въ 1387 Новогородцы окопали валомъ Торговую сторону. „Той же зимы пріѣхавша Нѣмецкія „послы въ Новгородъ о ропотномъ (спорномъ) товарѣ и взяша миръ . . . „Поновиша церковь кам. въ Торгу." Весною преставился Князь Ѳеодоръ Ѳоминскій въ Схимѣ, названный въ Монашествѣ Симеономъ и погребенный въ монаст. Св. Спаса. Ушелъ изъ Орды Князь *Родславъ*, сынъ Олеговъ. (По *Никон.* Кн. Михаилъ Тверскій ссорился съ своимъ Епископомъ Евфиміемъ и заставилъ его удалиться въ монастырь Св. Николая надъ Ручьемъ, въ Генварѣ мѣсяцѣ. Былъ моръ въ Смоленскѣ: въ городѣ осталось только 10 человѣкъ. „У града Твери, около валу, рубиша кожюхъ" — навѣсъ — „и землю насыпаша, и ровъ копаше глубже человѣка. Царь Аксакъ Темиръ пришедъ взялъ Орначь у Тохтамыша. Бысть поводь велика въ рѣ-„кахъ"). — Въ 1388 Генв. 8 родилась Великому Князю Димитрію дочь Анна. Зимою скончался добродѣтельный ученикъ Св. Сергія, Исаакій Молчаль-

никъ. „Сойде со Владычества Архіеп. Новогород. Алексій нездравія ради, на „Преполовеніе, въ монастырь Воскресенія на Деревяницу, благословивъ „своихъ дѣтей Новогородцевъ; былъ на Архіер. престолѣ 28 лѣтъ, 7 мѣ-„сяцевъ. Посадникъ Іосифъ Захарьевичь со старѣйшими мужи биша ему „челомъ, еже бы былъ въ дому Св. Софіи, дондеже извѣдають, кто бу-„детъ Митрополитъ въ Русск. земли. Онъ же отречеся отнюдь, глагола: „изберите себѣ 3 мужа достойны, да положите 3 жребіи на св. трапе-„зѣ . . . и избраша троихъ Игуменовъ и сотвориша 3 жребіи: въ пер-„вомъ написаша Игум. Іоанна монастыря Св. Спаса съ Хутыни, а въ дру-„гомъ Парѳенія изъ Благовѣщенскаго, а въ третіемъ Аѳанасіа Рождествен-„скаго. И Посадникъ Михаилъ Даниловичь самъ жребія испавъ, и поло-„жиша на престолѣ у Св. Софіи . . . И начаша Іереи Соборомъ пѣти Ли-„тургію, а Новогородцы стояша на Вѣчѣ у Св. Софіи . . . И Протопопъ „Исмаилъ вземъ изнесе на Вѣче жребій Аѳанасіевъ, потомъ Парѳеніевъ, а „Іоанновъ оста на престолѣ . . . . И возлюбиша вси Богомъ избранна „мужа, блага и кротка, и народъ весь отъ мала и до велика течаху на „Хутыню, и пояша его и возведоша на сѣни во Владычень Дворъ, и Ар-„хіеписк. Алексій благослови его во свое мѣсто, на Вознесеніе Господне, „Маіа въ 7 день.“ Во Псковѣ сооружена кам. церковь Рождества Хр. въ Домантовой стѣнѣ. Авг. 15 Пименъ Митрополитъ въ Владимірѣ поставилъ Рязанск. Епископа Ѳеогноста. Скончался Коломенскій Владыка Герасимъ. „Окт. въ 26 въ полунощи воздвижеся угъ (южный) вѣтръ, и вне-„се ледь въ Волховъ изъ озера, и вышибе изъ велик. мосту 9 городень... „Пріѣхаша поклонщики съ Москвы отъ Пимена Митрополита звати Іо-„анна на поставленіе. Дек. въ 8 пойде Іоаннъ, а съ нимъ Посадн. Василей „Ѳедоровичь, Тысяцк. Еситъ Фалелеевичь, Іевъ Абакуновичь, Тимоѳей „Ивановичь и иныхъ много Бояръ, и паки пріидоша на Москву Генв. въ 10.“ (По *Никон.* будто бы пріѣзжали въ Москву послы отъ Папы — о чемъ нигдѣ не говорится — и въ Новѣгородѣ былъ моръ). — Въ 1389 году „по-„ставленъ бысть Іоаннъ Архіеп. въ преименитѣй церкви Св. Архистр. „Михаила Генв. въ 17, въ Недѣлю; а на поставленіи былъ Смоленскій Вла-„дыка Михаилъ, Звенигородскій Данило, Сава Сарайскій и Ѳеогностъ Ря-„занскій; и въ той день створиша праздникъ свѣтелъ при Князи Вели-„комъ Дм.; а въ Новгородѣ пріиде Февр. въ 8, и срѣтоша его Игумены и „вси Іереи со кресты, и Посадн. Василей Ивановичь, и Тысяцк. Григо-„рей.“ Генв. 18 у Кн. Владиміра Андр. родился въ Дмитровѣ сынъ Ярославъ-Аѳанасій. Пріѣхалъ въ Россію за милостынею Трапезунтскій Митрополитъ Грекъ Ѳеогностъ. Въ Вербную Недѣлю Пименъ Митрополитъ поставилъ Павла, бывшаго Архимандрита Рожественскаго монастыря въ Владимірѣ, Епископомъ на Коломну. Весною, послѣ Св. Недѣли, опасно занемогъ сынъ Вел. Князя, Юрій, но скоро выздоровѣлъ. „Бысть моръ во „Псковѣ“ (съ Мясопустной недѣли до Петрова дня) „яко же не бывалъ „таковъ; а знаменіе желѣзою и харканіемъ кровью; и ѣздилъ Владыка Іо-„аннъ въ Псковъ, и благослови градъ и *Князя Ивана Андреевича*, и мо-„литвою его преста моръ . . . и просиша Псковичи Іереевъ ко церквамъ, „которые Іереи ходятъ безъ церквей . . . Тогда бысть и въ Блудкинѣ

„городкѣ моръ и по всему Залѣсью железою." Въ Новѣгородѣ Посадникъ Григорій соорудилъ кам. церк. Покрова на ворошахъ; на *Лисьей* горкѣ срубили деревянную Рожд. Богоматери, а другую на Сокольей горкѣ Св. Николая, гдѣ и монастырь учредили. 10 Маія, ввечеру, затмѣніе луны; кончилось передъ утреннею зарею. (По *Никон.* моръ въ Новѣгородѣ).

(138) Борисъ уже не засталъ Тохтамыша въ Сараѣ, догналъ его на пути, и ѣхалъ съ нимъ 30 дней. Ханъ велѣлъ ему возвратиться въ Сарай отъ мѣста называемаго Урукшанъ. — Въ *Никон. Лѣт.*: „Князь Борисъ приде" (въ 1390 или 1391 году) „отъ Царя въ свою отчину, въ Новго-„родъ Нижній, съ пожалованіемъ."

(139) „Князь же Володимеръ съ сыномъ своимъ, со Княземъ Иваномъ и „съ Бояры поѣха въ свой Серпоховъ, и оттуду въ Торжекъ, и тамо пре-„бысть въ Теребеньскомъ (селѣ) дондеже умиришася" (зимою, послѣ Крещенія). — Договорная Владимірова грамота съ Василіемъ напечатана въ *Собр. Государств. грамотъ*, I, 62. Тамъ сказано: „Дати ти, брате, мнѣ, „Князю Великому, съ своее отчины въ пять тысячь рублевъ триста „рублевъ и двадцать рублевъ, а съ Растовця, и съ Перемышля, и съ Коз-„лова броду, взяти ти собѣ въ то же серебро; а съ Волока ти дати „мнѣ въ пять тысячь рублевъ сто рублевъ и семдесятъ рублевъ; а что „прибудетъ или убудетъ, ино ти дати по розочту.... Аци какимъ дѣ-„ломъ отойдется отъ тобе Ржева, и дати ми тобѣ во Ржевы мѣсто „Ярополчь, да Медуши; а искати ны Ржевы, а тобѣ съ нами съ одиного. „А что Ординская тагость и Коломенскій посолъ, коли еси былъ въ сво-„ей отчинѣ, а то намъ по розочту; а Володимерскіи послы, какъ ты вы-„ѣхалъ изъ своей отчины, а тотъ ти проторъ *не надобѣ*; а найду собѣ „Муромъ, или Торусу, или иная мѣста, тотъ ти *проторъ не надобѣ*. А „что тобѣ Богъ дастъ иныхъ мѣстъ опричь Мурома и Торусы, а тотъ „проторъ намъ не надобѣ. А коли намъ взяти на своихъ Боярехъ на Пут-„ныхъ, и тобѣ взяти на своихъ Боярехъ на десяти; а въ городъ намъ по-„слати своихъ Намѣстниковъ и тобѣ своего Намѣстника... А которая дѣ-„ла учинятся межи нами, и намъ отослати своихъ Бояръ, ини переговорятся; а о чемъ сопрутся, ини ѣдутъ на третій, кого собѣ изберутъ: „а котораго Князя Бояръ умолвятъ, тотъ Князь подъиметъ" (т. е. котораго Князя Бояръ обвинятъ, тому и платить убытки) „а Бояромъ „вины нѣтъ. А закладни ны въ городѣ не держати; а съ дворомъ человѣ-„ка въ городѣ не купити, а блюсти ихъ съ одиного; а въ наше нелюбье „наши Бояре намъ служили, а твои Бояре тобѣ служили... на нихъ не-„любья не держати".... Къ сей грамотѣ привѣшены три восковыя печати. Городъ Ржева или нынѣшній Ржевъ принадлежалъ отчасти Московскимъ Князьямъ, отчасти Тверскимъ.

(140) „Прислаша Новогородци къ Вел. Князю послы своя, Юріа Симе-„оновича, Аврама внука, Кирила Адріановича, и докончаша миръ по „старинѣ."

(141) „Тое же осени (въ 1390 г.) Бояре Вел. Князя пріѣхаша въ Нов-„городъ изъ Нѣмецъ со Княжною Софіею, съ Витовтовою дщерію . . . и

„сполна на Городищи, и поѣхаша къ Москвѣ, и пріидоша съ нею къ „Москвѣ Дек. въ 30 день." См. выше, примѣч. 113.

(142) См. о Вяткѣ сей Исторіи Т. III. стр. 33. „Въ лѣто 6899 (1391) „Тохтамышъ посла Царевича своего, именемъ Бекпуша, на Вятку ратью."

(143) „На Тохтомыша Царя пріиде инъ Царь силенъ отъ Самаркандскія" (въ другихъ спискахъ: отъ *Шамахійскія, Шамахинскія*) „земли, и „бысть сѣча велика; а Князь Василей Дмитріевичь утече отъ Царя за „Яикъ, и пріиде на Москву; и послѣ пріиде изъ Орды посолъ Уланъ Царевичь, и посади Князя Вас. Дмитр. на Великое Княженіе." Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сіе извѣстіе отнесено къ первому году Василіева государствованія; но онъ былъ только однажды у Тохтамыша, и Царевичь Уланъ посадилъ его не на Московскій, а Нижегородскій престолъ (см. *Книгу Степен.* I, 518).

(144) *Никон. Лѣт.* IV, 239: „Князя Бориса Константиновича и съ женою его и съ дѣтми, и доброхотовъ его повелѣ (Великій Князь) по градомъ розвести и вериги желѣзными связати." Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано здѣсь: „Князь Василій Московскій ходилъ ратью въ Нижній „Новгородъ на Князя Семена" (племянника Борисова); а послѣ говорится о бѣгствѣ Симеона съ братомъ Василіемъ Кирдяпою въ Орду. Въ *Никон. Лѣт.* прибавлено, что Великій Князь, исполняя повелѣніе Ханское, вторично ѣздилъ тогда въ Орду. Главная современная лѣтопись Василіева княженія есть *Троицкая*, гдѣ нѣтъ ни слова о семъ мнимомъ вторичномъ путешествіи.

(145) Въ *Троицк. Лѣт.*: „въ лѣто 6902 (1394) Индикта 2, Мая въ шестый день, по Велицѣ дни на четвертой недѣли въ Среду, преставися „Князь Великій Борисъ Константиновичь, и положенъ бысть въ Суждалѣ, „въ своей отчинѣ. . . . Въ Петрово говѣнье Кн. Василій Дмитріевичь „Суждальскій, да братъ его Кн. Семенъ, побѣгоша изъ Суждаля къ Ордѣ „зѣло вскорѣ, и гонишася за ними, и не могоша постигнути. . . . Тое „же осени Князь Семенъ Суждальскій приде ратью къ Новугороду Нижнему . . . а люди затворишася въ городѣ; а Воеводы бяху у нихъ Володимеръ Даниловичь, Григорей Володимеровичь, Иванъ Лихорь; и бысть „имъ бой по три дни . . . и взяша миръ: Христіане крестъ цѣловаша, а „Татарове по своей Вѣрѣ . . . и Татарове створиша лесть, а клятву „преступиша· пограбиша всѣхъ Христіанъ . . . а Князь Семенъ глаголаше: „не азъ есмь створивый се, но Татарове. . . И тако Татарове Новгородъ „взяша Окт. въ 25 день, и пребыша ту со двѣ недѣли, донделе услышаша, што Князь Великій идетъ на ня . . . и побѣжаша."

(146) „Тое же осени (1401) Князь Великій посылалъ ратъ искати „Княгини Семеновы, а Воеводы бяху у нихъ Иванъ Андреевичь Уда, да „Ѳедоръ Глѣбовичь, и идоша на Мордву, и наѣхаша ю въ Татарьской „землѣ на мѣстѣ Цибирца, и ту изнимаша Княгиню Семенову Александру у Св. Николы . . . и приведоша на Москву и съ дѣтьми, и пребысть „на дворѣ Бѣлеутовѣ. . . . Князь Семенъ Суждальскій (въ 1402 г.) сослався со Княземъ Великимъ и пріѣха изъ Орды на Москву, и возма миръ, „и поѣха на Вятку . . . . и тое же зимы, Дек. въ 21, преставися . . . 8 лѣтъ

„служивый по ряду въ Ордѣ не почивая четыремъ Царемъ: Тохтамышу, „Темиръ-Аксаку, Темиръ-Кутлую и Шадибеку, а все поднимая рать на „Князя Великого, како бы нальсти свое Княженье.... Тое же зимы (1403) „преставися Князь Василій Дмитріевичь Суждальскій, иже на Городцѣ „былъ. . . . Того же лѣта (1416) пріѣхали къ Велик. Князю на Москву „Князи Новогородскіе, К. Иванъ Васильевичь и К. Иванъ Борисовичь, а „сынъ его Александръ напередъ его пріѣхалъ за 2 года. . . Въ лѣто 6925 „(1417) мѣс. Іуля преставися Князь Великій Нижнего Новагорода Іоаннъ „Васильевичь на Москвѣ и положиша его въ церкви Архангела Михаила. „Того же лѣта пріиде на Москву къ Вел. Князю Князь Данило Борисо-„вичь Новогородскій. . . Въ лѣто 6926 (1418) Князь Данило Борисовичь „съ братомъ Иваномъ Новогородскіе бѣжаша съ Москвы. . . Тое же зимы „Князь Великій отдасть дщерь свою Василису за Князя Александра „Ивановича Суждальского въ Недѣлю отъ Фарисей.“ См. ниже примѣч. 254. подъ годомъ 1418. Братъ Даніиловъ, Князь Іоаннъ, прозывался *Тугой Лукъ*. Гробъ его въ Нижегородскомъ Соборѣ.

(147) Въ *Новогород. Лѣт.*: „Февр. въ 11 день (г. 1392) пріѣха Митро-„политъ въ Новгородъ, а съ нимъ Владыка Рязанскый, и Архіепископъ „Иванъ стрѣте его со кресты въ ризахъ у Св. Спаса на Ильинѣ улицѣ, „и Митрополитъ вшедъ во Св. Спасъ съ Владыкою своимъ и съ Архиман-„дритомъ Нижняго Новагорода, *окрутишася* по своему сану въ ризы; и „идаше Митрополитъ пѣшъ отъ Св. Спаса сквозѣ торгъ черезъ Великій „мостъ къ Св. Софіи; предъ нимъ идяху Поддьяци его въ рукахъ дръжа-„ще свѣща горяща; и вшедъ въ Св. Софію, Литургію съверши. По Ли-„тургіи выде изъ олтаря Митрополитъ, вземъ крестъ въздвизальный, и „взыде на амбонъ, и нача учити люди велегласно во всю церковь; они „же слушаша словесъ его, и пріяша собѣ въ сердце, и даша ему подворье, „многыя двора у Св. Ивана Предтечи на Чюденцевѣ улици.... Митропо-„литъ другую Литургію свръшилъ во Св. Николѣ на Княжѣ Дворѣ, а „третью на Соборъ во Св. Софіи; и *потомъ* нача у Новагорода суда „прошати, и Посадникъ Тимофей Юрьевичь и Тысяцкій Микита Өедоро-„вичь и вси Новогородци отвѣщаша единымы усты,“ и проч. . . . „и онъ „поѣхалъ по Сборѣ на третій день.“ Въ *Никон. Лѣт.* многое не такъ.

(148) Въ *Троицк. Лѣт.* прибавлено: „Таковъ бо есть обычай Новогo-„родцевъ; часто *правають*“ (присягають) „ко Князю къ Великому, и па-„ки *ратоятся*“ (ссорятся) „и не чудися тому: бѣша бо человѣци суровы, „непокориви, упрямчиви, непоставни.. Кого отъ Князь не прогнѣваша? „или кто отъ Князь угоди имъ, аще и Великій Александръ Ярославичь „не уноровилъ имъ? . . . и аще хощеши распытовати, разгни книгу, Лѣ-„тописецъ великій Русьскій, и прочти отъ Великаго Ярослава и до сего „Князя нынѣшняго. . . . . Тое же весны (г. 1393) въ самый Великъ день „снедшеся нѣціи отъ Новогородцевъ, Вѣчници, крамольници, сурови чело-„вѣци, свѣрѣпіи людіе, убиша Максима, мужа благовѣрна... и Князь Ве-„ликій разгнѣвася яростью великою зѣло . . . . . и повелѣньемъ Князя „Великого казниша ихъ казнью различною, по единой комуждо ихъ усѣ-„кающе имъ руцѣ и нозѣ,“ и проч.

(149) Въ *Троицк. Лѣт.*: „Новгородци, собравше воя многи, водою въ „судѣхъ множьство насадовъ и ушкуевъ пришедше съ Двины ратью, взя„ша градъ Устюгъ весь и огнемъ пожгоша, . и церковь чудную Сборную „разграбиша, и множьство злата и сребра, еже есть въ ней, кузнь ико„ны Св. Богородицы, то все одраша, и стояша мѣсяцъ въ одиномъ мѣстѣ, „на Устюзѣ и въ Юзѣ воюющe, а люди изъ лѣсовъ выводяце. . . . И въ „то же время взяша Бѣлоозеро градъ и села," и проч. Въ *Новог. Лѣт.*: „Новгородци охвочая рать" (охотники или вольница) „выѣхаша воло„сти воевати, а съ ними два Князя . . . и Воеводы Новгородскыя Тимоѳей „Посадникъ Юрьевичь, Юрьи Онцифоровичь, Василiй Сивецъ, Тимоѳей „Ивановичь, Иванъ Александровичь, и взяша Кличенъ городокъ и Устюж„но; а изъ Заволочья Новгородци съ Двиняны взяша Устюгъ градъ . . . И „Новгородци, не хотя видѣти кровопролитья больше, послаша къ Ве„ликому Князю съ челобитьемъ о старинѣ, а къ Митрополиту грамоту „цѣловальную . . . и Кипрiянъ земъ грамоту, рече: не буди на васъ сего „грѣха . . . Тогды же прiѣхаша послы отъ Вел. Князя, Ѳедоръ Кошка „Андреевичь, Иванъ *Уда* и Селиванъ, и покрѣпиша миръ . . . и Новгород„ци даша 350 рублевъ Князю и Митрополиту, что благословилъ Вла„дыку Iоанна и весь Новгородъ; а за кимъ Княжьчины, а тѣ цѣловали къ „Великому Князю, Княжьчинъ имъ не паити; а то цѣлованiе было въ „Филипово говѣнье. . . . Прiѣха изъ Царяграда отъ Патрiарха Антонiя „Виѳлiомскый Владыка Михаилъ и привезлъ Новугороду 2 грамоты, поу„ченiе Крестьяномъ" (въ *Никон. Лѣт.*: „о пропорехъ, иже на поставле„нiяхъ священныхъ). . . А отъ Митрополита Кипрiяна Бояринъ его Дми„трiй прiѣхалъ (въ 1394 году), пропатъ сребра. 350 рублевъ что ѣздилъ „Кюрь Созоновъ, да Василiй Щечкинъ въ Царьградъ къ Патрiарху по„сломъ и скопилъ *долгы*, и Новгородци даша Дмитроку то сребро." Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Новгородцы заплатили Кипрiяну 600 рублей, а послу его 350 рублей, можетъ быть за вышеупомянутый долгъ Цареградскiй. О Новогородскихъ послахъ въ Грецiю сказано въ другомъ мѣстѣ: „Новогородци послаша къ Патрiарху просити благословенiя, и „Патрiархъ имъ тако рекъ: повинуйтеся Митрополиту Руському во „всемъ."

(150) Темиръ *или* Тимуръ значитъ на Турецкомъ языкѣ *желѣзный*, а Ленкъ *хромый*: Европейцы изъ сихъ двухъ именъ составили имя *Тамерлана*, въ Русскихъ лѣтописяхъ называемаго Темиръ-Аксакомъ. Вотъ басня о его происхожденiи, внесенная въ нѣкоторыя изъ сихъ *лѣтописей*: „О семъ убо Темирѣ повѣдаша нѣцыи, яко исперва не Царь бѣ, ни сынъ „Царевъ, ни племени Княжеска, ни Боярска, но отъ простыхъ нищихъ „людей, отъ Заяицкихъ Татаръ, отъ Самарханьскiя (Самаркандскiя) стра„ны, отъ Синiя Орды, иже бѣ за Желѣзными Враты; ремествомъ же бѣ „кузнецъ желѣзный, нравомъ же хищникъ и злодѣйственъ. Прежде же „былъ рабъ, его же злонравiя ради отверже отъ себе господинъ; онъ же, „не имѣя чимъ питатися, крадяше. Еще бо ему младу сущу, и украде у „нѣкоего овцу; онъ же ятъ его и преломи ему ногу и бедру на двое, и „онъ же прекова себѣ ногу свою пребитую желѣзомъ, и хромаше, и по-

„то ради прозванъ бысть *Темиръ-Аксакъ*, иже толкуется *Желѣзный* „*хромецъ*... и бысть разбойникъ лютъ, и совокупишась къ нему мужи „и юноши жестоци, и егда ихъ бысть числомъ яко сто, и нарекоша его „надъ собою старѣйшину разбойникомъ; и егда же бысть ихъ и до ты- „сящи, тогда уже называху его Княземъ; егда же и многи земли поплѣни, „и страны, и Царства поималъ, тогда убо Царя его именоваху . . . а се „имена тѣмъ землямъ: Чагадай, Хорусани, Голустани, Китай, Синяя Ор- „да, Ширазъ, Испаганъ, Орначь, Гилянь, Сизъ, Шибранъ, Шамахи, Савасъ, „Арзунумъ Тефлизи, Тевризи, Гурзустани, Обези, Гурзіи (Грузія), Баг- „датъ, Темиръ-Кабы, рекше Желѣзная Врата, и Асурію и Вавилоньское „Царство, и Іерусалимъ, и Севастію, и Арменію, и Дамаскъ Великій, и „Сарай Великій поплѣни."

Извѣстія, сообщаемыя здѣсь о Тамерланѣ, взяты нами изъ Эрбелотовой Bibliothèque Orientale и Histoire de Timur-Bec (т. е. Тимура *Князя*), connu sous le nom du Grand Tamerlan, сочиненной на Персидскомъ языкѣ Шерефеддиномъ Али, Писателемъ современнымъ, и переведенной Гм. Пети де-ла-Круа.

(151) Histoire de Timur-Bec, I, 203 — и III, 10.

(152) Histoire de Timur-Bec, III, 259. Сіе письмо украшено всѣми цвѣтами Восточнаго краснорѣчія. Назвавъ Баязета матросомъ, Тамерланъ говоритъ: „корабль твоей безмѣрной гордости носится въ пучинѣ твоего „самолюбія: подбери же парусы твоей дерзости и брось якорь раскаянія „въ пристани искренности, да буря нашей мести не погубитъ тебя въ „морѣ наказанія!"

(153) Histoire de Timur-Bec, II, 127 и 355.

(154) См. выше, стр. 115. Вопреки Татищеву, до сего времени нигдѣ въ нашихъ лѣтописяхъ не упоминалось о *Князьяхъ Елецкихъ*. Родъ ихъ по *Родословной Книгѣ* начинается съ сего Ѳеодора, можетъ быть Юріева сына.

(155) *Древн. Лѣт.* II, 270: „и тако на мнозѣ *благодареніе* приносяще", и проч.

(156) Hist. de Timur-Bec, II, 363. Шерефеддинъ пишетъ здѣсь несправедливо, что Тамерланъ, завоевавъ всю Россію, взялъ и столицу ея, Москву.

(157) Въ *Троицк. Лѣт.*: „мѣсто то было тогда на *Кучковѣ полѣ*, близъ „града Москвы на самой на велицѣй дорозѣ Володимерьской." Въ *Никон.* и въ *Древн. Лѣт.* разсказывается, что въ тотъ самый день и часъ, когда жители Московскіе встрѣчали икону Маріи, Тамерланъ дремалъ въ шатрѣ своемъ и видѣлъ сонъ ужасный: „высокую гору и съ ея вершины идущихъ къ нему многихъ Святителей съ золотыми жезлами; надъ ними, въ сіяніи лучезарномъ, явилась жена, благолѣпія и величія неописаннаго, окруженная тмами молніеобразныхъ воиновъ, которые всѣ грозно устремились на Тамерлана. Онъ затрепеталъ, проснулся, и созвавъ Вельможъ, спрашивалъ о смыслѣ такого сновидѣнія. *Сія величественная жена* — отвѣтствовали мудрѣйшіе изъ нихъ — *есть Богоматерь, защитница Христіанъ*. И такъ мы не одолѣемъ ихъ, сказалъ Монархъ Чагатайскій, и велѣлъ полкамъ своимъ итти обратно."

(158) Andreas de Redusiis de Quero, въ Chron. Tarvasiano, въ Мураторн Script. Rerum Italicarum, T. XIX, стр. 802—805. Сей послѣдній говорилъ съ двумя купцами Венеціянскими, изъ коихъ одинъ былъ въ станѣ у Тамерлана, а другой лишился тогда въ Азовѣ трехъ сыновей и двѣнадцати тысячь червонцевъ. — Далѣе см. Hist. de Timur-Bec, T. II, 379.

(159) Въ нашихъ лѣтописяхъ сей послѣдній именуется Темиръ-Кутлуемъ.

(160) Въ нашихъ лѣтописяхъ сказано, что онъ прежде крестился въ Вѣру Греческую, а послѣ сдѣлался Католикомъ. Далѣе см. Стриковск. Хроник. кн. XIV, гл. 2.

(161) Стриковскій называетъ сего Игумена или Архимандрита Печерскаго Намѣстникомъ Митрополита (кн. XIV, гл 2).

(162) Стриков. кн. XIV, гл. 2 и 3. Подолія, какъ говоритъ сей Историкъ, два раза была завоевана, Ольгердомъ въ 1339 году и Витовтомъ въ 1395, при двухъ Өеодорахъ Коріатовичахъ, въ ней княжившихъ. Витовтъ продалъ оную Королю Ягайлу за 200,000 копъ, или за 40.000 червонцевъ, а Ягайло Пану Спенку; но когда Татары убили сего Пана, Витовтъ за ту же цѣну опять взялъ Подолію себѣ. Поляки снова овладѣли ею по смерти Витовта. — Далѣе см. также Стриков. кн. XIV, гл. 2.

(163) Стриков. кн. XV, гл. 7: „Витолду (Витовту) первая жена Анна, „Князя Святослава (Святослава) Смоленского дщерь, иже его изъ заклю„ченія свободила." См. выше, въ описаніи 1387 года.

(164) Стриков. кн. XIV, гл. 4. Смоленскъ былъ взятъ Сент. 28, во Вторникъ.

(165) Въ *Родословныхъ Книгахъ*: „И приступиша къ нему (Витовту) „вси Князи пограничные съ вотчинами своими, отъ Кіева даже и до Өо„минского приложишася къ Великому Князю Витовту." О Великихъ Лукахъ и Ржевѣ см. ниже, примѣч. 197 и 386, подъ годомъ 1436. Далѣе см. Стриков. кн. XIV, гл. 4.

(166) „Тое же весны за 2 недѣли до Велика дни Князь Великій поѣха „въ Смоленскъ, тако же и Кипріянъ Митрополитъ, и былъ у Витовта „и на Великъ день поставилъ Насона Епископомъ въ Смоленьскѣ."

(167) „О Покровѣ Витовтъ приде ратью на Рязань."

(168) „Пріѣха въ Новгородъ Митрополитъ съ Патріаршимъ посломъ въ „Великій постъ, и запроси суда, и Новогородци суда ему не даша," (а *Никон. Лѣт.* говоритъ: *даша*) — „и онъ пребылъ весну всю въ Новѣгородѣ „и до Петрова говѣнія." Князь Василій Іоанновичь Смоленскій и Патрикій Наримантовичь пріѣхали къ Новогородцамъ въ 1397 году.

(169) „Тое же осени (1391) послаша Новгородци на съѣздь съ Нѣмцы „въ Изборескъ Посадниковъ Василія Өеодоровича, Өеодора Тимоөеевича и „Богдана Аввакумовича, и Тысяцкаго Іосифа Фалалеевича, и Василія Бо„рисовича; а Нѣмецкіе послы пріѣхаша изъ заморья, изъ Любка, Готско„го берега, изъ Риги, Юрьева, Колываня, и смиришася, и пріѣхавше въ „Новгородъ тѣ же послы Нѣмецкіе, и товаръ свой поимали и крестъ цѣ„ловали, и начаша дворы ставити вновь: зане бяше по семи годовъ немиръ." См. также Сарторія Gesch. des Hans. Bundes, II, 461.

(170) См. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 328. Въ *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна: „Насла Князь Великій на Двину Бояръ своихъ, Андрея Албердова „съ другы ко всей Двинской свободѣ, а повѣствуя тако: чтобы есте за-„далися за Князь Великій . . . а онъ хощетъ васъ отъ Новагорода боро-„нити . . . И Двиняне, Иванъ Микитинъ, и Бояре Двинскіи и вси Двиня-„не за Великій Князь задалися . . . и Князь Великій на крестномъ цѣло-„ваніи у Новагорода отъялъ Волокъ Ламьскій, Тръжекъ и Вологду и Бѣ-„житьскій Връхъ, и къ Новугороду цѣлованіе сложилъ, и крестную гра-„моту скинулъ; а Новгородци грамоту крестную Князю Великому ски-„нули. И посемъ присла Митрополитъ въ Новгородъ Стольника своего „Климентіа къ Владыцѣ, а повѣствуя тако: зоветь тя на Москву отецъ „твой Митрополитъ о Святительскыхъ дѣлѣхъ . . . И Посадникъ и весь „Новгородъ биша челомъ Владыцѣ, чтобы еси Князю Великому слово до-„бро подалъ за свои дѣти . . . и послаша съ Владыкою Посадника Богда-„на Обакуновичь, Кирилу Дмитріевичь и Житьихъ людей . . . И Влады-„ка рекъ Князю Великому, чтобы еси, господине сыну, отъ Новагорода, „отъ своихъ мужій отъ волныхъ, нелюбіе бы еси отложилъ . . . а что „еси у Новагорода отнялъ, того бы еси ступился . . . *а про вопчій* (об-„щій) *судъ на порубежьи, а то, сыну, отложилъ бы еси, зане то не ста-„рина.*" Новогородцевъ надлежало по договорнымъ грамотамъ судить въ Новѣгородѣ; а Василій Димитріевичь, какъ видно, учредилъ судиться имъ общимъ судомъ на границѣ, въ случаѣ, когда подданные Великокняжескіе приносили на нихъ жалобу.]

(171) См. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 186, и *Лѣт. Арханг.* стр. 98. Въ *Лѣт. Новогород.* сказано, что рать Новогородская состояла только изъ 3000. Далѣе: „По Велицѣ дни на веснѣ Новгородци ркоша Владыцѣ: не „можемъ сего насилія трьпѣти отъ своего Князя Великого . . . . Воево-„ды же Новогородскіи, Посадникъ Тимоѳей Юрьевичь, Посадники Юрьи „Дмитріевичь и Василій Борисовичь поидоша на Двину къ городку Орле-„цу, и срѣте ихъ съ Вели Владычнь Волостель Исаіа, рекъ тако: го-„сподо Воеводы! наѣхавъ Князя Великого Бояринъ Андрей съ Іоанномъ съ „Микитинымъ и съ Двиняны на Св. Софіи волость, на Вель, въ самъ Ве-„ликъ день, и повоеваша, а на головахъ окупъ поимаша; а отъ Князя Ве-„ликого пріѣхалъ въ засаду на Двину Князь Ѳедоръ Ростовьскій, городка „блюсти и судити; а Двиньскыи Воеводы, Иванъ и Кононъ, съ своими „другы волости Новогородскія и Бояръ Новогородскихъ подѣлиша себѣ „на части," и проч. — Въ *Архангельск. Лѣт.*: „И Воеводы Новогородскія „послаша рати 3000, и воеваша волости Галическія, а на полону окупъ „имаша, а иной такъ помешаша, на комъ нечего взяти, а у Устюжанъ съ „города и съ церквей *колейщины* просиша, и они имъ не дали, и Воеводы „Новогородскія разгнѣвашася, да церковь Соборную Пречистые пограби-„ша, а икону чудотворную Одигитріе взяша въ полонъ, и несше въ на-„садъ, и насадъ отъ берегу не пойде. Единъ Ляпунъ старъ вскочи въ на-„садъ, и связа икону убрусомъ, и глагола тако: никой полонянникъ не свя-„занъ на чужую землю пойдетъ. И пойдоша прочь, а церковь Соборную „зажгоша, и поидоша внизъ по Двинѣ воюючи къ Орлецу, и стояша 4 не-

„дѣли, и поставиша пороки; и вышедше Двиняне изъ Орлеца, и добиша „челомъ . . . и Новогородцы нелюбіе имъ отдаша по Владычню наказу; а „Воеводъ Заволочскихъ, Ивана и Конона, съ дружиною ихъ изымаша, а „иныхъ смертью казниша, а Ивана и братью его Айфала и Герасима и „Родіона, сковавше, съ собою поведоша къ Новугороду . . . а у Князя „Ѳедора Ростовскаго присудъ и пошлины поимали, а у гостей Князя Ве- „ликаго взяли съ него окупа 300 рублевъ . . . и поидоша къ Новугороду, „и бысть на нихъ гнѣвъ Божій . . . начало имъ корчити руки и ноги, и „хребты имъ ломити, и мало ихъ пріидоша здоровыхъ въ Новгородъ, и „тамъ на нихъ слѣпота бысть; и возбрани на нихъ Владыка Іоаннъ, и ре- „че Воеводамъ: оже есте церковь Божію (въ Устюгѣ) обезчестили . . . . „и повелѣ имъ поставити церковь Соборную на Устюзѣ и чудотворныя „иконы отвезти со всею кругою" (окладами) „и съ полономъ назадъ . . . „И сотвориша обѣть, иконы поставиша во Св. Софеи, и пѣвше молебны, „и бысть имъ милость отъ Бога; и Владыка обѣщался и постави церковь „каменну на воротѣхъ, Воскресеніе Христово."

(172) Въ лѣтописи Попа Іоанна: „Въ лѣто 6907 (1399) Князь Витовтъ „присла въ Новгородъ грамоту разметную, рекъ тако: обезчествовали мя „есте, что было вамъ за мене ятися, а мнѣ было вамъ Княземъ Великымъ „быти, а васъ мнѣ было боронити; и вы за мене не ялися." — Въ *Ново- город. Лѣт.*: „сѣде на Княженіе въ Литвѣ Князь Витовтъ, и Новогород- „ци (въ 1393 г.) взяша съ нимъ миръ по старинѣ."

(173) См. *Никон. Лѣт.* г. 6905, а въ *Троицк.* г. 6906 или 1398.

(174) См. Стрыков. кн. XIV, гл. 4 и 5 — Нарушевича *Таврикію* стр. 110 — Длугоша Hist. Pol. кн. X, стр. 153, и Кромера кн. X.

(175) Въ *Троицк. Лѣт.*: „Тое же зимы (въ 1398 г.) Княгиня Великая „Софія ѣздила въ Смоленскъ къ отцу своему и къ матери съ дѣтьми и „съ Бояры и съ Боярынями, и пребывше въ Смоленскѣ 2 недѣли . . . . „принесе оттуду многіе иконы окованныя златомъ и сребромъ, еще же „и часть честныхъ страстей Спасовыхъ, еже бяху въ Смоленскѣ были „давно принесены отъ Царягорода." О разореніи Нижняго см. выше, стр. 128. По *Троицк. Лѣт.* и другимъ Симеонъ взялъ Нижній въ 1399 году, а по нѣкоторымъ еще въ 1395: первое лѣтосчисленіе достовѣрнѣе.

(176) Въ *Троицк. Лѣт.*: „взяша градъ *Болгары*, Жукотинъ, Казань, „Кременьчукъ." Въ *Ростов. Лѣт.*: „взяша градъ Болгарскій *Великій*:" слѣд- ственно *Великимъ* назывался городъ Болгары, коего развалины донынѣ извѣстны.— Герберштейнъ въ своихъ извѣстіяхъ о Москвѣ говоритъ, что завоеваніе Болгаріи было достопамятнѣйшимъ дѣломъ Василія Дими- тріевича.

(177) Въ *Троицк. Лѣт.*: „азъ тя посажу въ Ордѣ на Царствѣ, а ты „мя посадишь на Княженьи на Великомъ на Москвѣ."

(178) Длугош. Hist. Polon. кн. X, стр. 156.

(179) См. *Никон. Лѣт.*

(180) На примѣръ, Тамерланъ требовалъ подобной же чести отъ Мо- нарховъ, имъ побѣждаемыхъ (Hist. de Timur-Bec).

(181) Длугош. Hist. Polon. кн. X, стр. 157.

(182) Въ *Псковск. Лѣт.*: „Того же лѣта (1393) Князь Андрей Олгердо-„вичь прїѣха изъ Литвы, убѣжавъ отъ братьи изъ мятья Іюля въ 18.“ Андрей оставилъ во Псковѣ сына, именемъ Іоанна, который въ 1400 году выѣхалъ оттуда, *сложивъ крестное цѣлованїе.* Іоаннъ Борисовичь есть, кажется, Іоаннъ Ольшанскїй, бывшїй Намѣстникъ Витовтовъ въ Кїевѣ. Въ *Новог. Лѣт.*: „убиша всихъ Князей именитыхъ 74. . . . Татарове же „поидоша по нихъ бїюще на 500 верстъ до Кїева, а съ Кїева окупъ взя-„ша 500 рублевъ“ (въ другихъ подробнѣйшихъ означено *три тысячи*) „и „Намѣстникы свои посадиша . . . . Былъ Князь Витовтъ преже Христїа-„нинъ, а имя ему Александръ, и отъвръжеся Христїанства, и прїа Лядь-„скую Вѣру.“

(183) Преставленїе Михаила Александровича описано кѣмъ-то по желанїю Владыки Кирилла. Сей Князь занемогъ 15 *или* 16 Августа, постригся 20 Авг., и скончался 26 числа того же мѣсяца (см. *Лѣт. Никон., Ростов. и другїя*). Далѣе: „*Тое же зимы* (1397 г.) К. Іоаннъ Михайловичь „Тферскїй, зять Кестутїевъ, ѣздилъ въ Литву къ шурину своему, и со „Княгинею и съ дѣтми.“ *См. выше, примѣч. 137, годъ 1375.*—Между рукописями, находящимися въ Императорской Библїотекѣ, есть *списокъ* договорной грамоты К. Михаила Тверскаго съ В. К. Василїемъ Димитрїевичемъ. Она такъ начинается: „*Божїею милостїю* . . . по благословенїю отца „нашего, Кипреяна Митрополита.“ Далѣе: „А имуть вамъ“ (Тверскому Князю и сыновьямъ его) „Татарове давати нашу отчину Москву, Вели-„кое Княженїе и Великїй Новгородъ, и вамъ ся не имати за нашу от-„чину, ни тобѣ, ни твоимъ дѣтемъ, ни братаничемъ. . . . А бытии намъ „на Татары и на Литву, и на Нѣмци, и на Ляхи заодинъ; а пойдетъ на „насъ Царь ратїю, а всяду на конь самъ, и тобѣ, брате, послати ко мнѣ „на помочь свои два сына, да два братанича, а сына ти одного у собе „оставити; а пойдуть на насъ Литва, или Нѣмци, или Ляхи, и тобѣ „послати дѣти свои и братаничь на помочь.“ Замѣтимъ, что слова: *Божїею милостїю*, не встрѣчаются въ Архивскихъ грамотахъ до 1433 года (см. выше, стр. 256); древнѣйшїя обыкновенно такъ начинаются: „По благословенью отца нашего, Митрополита.“ Далѣе въ грамотѣ: „А „что есмя (Великїй Князь) воевалъ со Царемъ, а положитъ на насъ въ „томъ Царь вину, и тобѣ, брате, въ томъ намъ не дать ничего, а то „намъ самимъ вѣдати.“ Великїй Князь воевалъ Ординскїя владѣнїя (см. выше, стр. 161) въ 1399 году; но вѣроятно, что здѣсь говорится о прежнихъ непрїятельскихъ дѣйствїяхъ. Далѣе: „къ Витовту ти (Василїю) „цѣлованїе сложити, а тобѣ (Михаилу) также явити Витовту, что „есте съ нами одинъ человѣкъ. . . . А *полонъ* ти, брате, нашъ Московскый „и Велик. Новагорода отпустити безъ окупа.“ Лѣтописцы не упоминаютъ о войнѣ Михаила съ Василїемъ. Далѣе: „Новыхъ тобѣ (Михаилу) „мытовъ не замышляти; а на *старыхъ* ти мытѣхъ имати съ воза по „*мордкѣ обѣушной*, а костки (дорожной пошлины) съ человѣка *мордка*.“ Здѣсь цѣна означается *старою*, кожаною монетою.

(184) „Того же лѣта (1397) К. Іоаннъ Всеволодичь отъѣха со Тфери „къ Москвѣ, и къ дяди своему сложилъ цѣлованїе. Великїй же Князь

„пріять его съ любовію и даде ему городъ Торжекъ. Тое же осени,
„Сент. въ 23 день, К. Іоаннъ Всев. поя сестру Великаго Князя Анастасію."

(185) Въ *Лѣт.* Троицк.: „Тое же осени Сент. приде изъ Орды Княжь „Михайловъ Киличей (посолъ), именемъ Ельча, а съ нимъ посолъ Темирь „Кутлуевъ, именемъ Бекшикъ, да Сашкинъ, послѣ живота его, и привезоша ярлыки писаны на его имя... Того же лѣта (1400) умре Царь Темирь Кутлуй... Въ то же время Князь Иванъ Михайловичь посылалъ „въ Орду, и выдоша изъ Орды Өедоръ Гурленъ, да Константинъ, а съ „ними посолъ именемъ Софря, и вынесоша ему ярлыки отъ новаго Царя."

(186) Въ *Никон. Лѣт.*: „Тверстіи Князи (въ 1400 г.) повелѣша своимъ „Бояромъ крестное цѣлованіе сложити ко Князю Василью Михайловичю „и Өеодору Михайловичю и ко Князю Ивану Борисовичю. Князь Василей же Михайловичь пришедъ къ своей матери Овдотьѣ и сказаше ей... „и мати ихъ послала свои Бояре къ Вел. Кн. Ивану, а Василей и Өедоръ „и внукъ ея, Кн. Иванъ, послаша своихъ Бояръ... Княгиня же Борисова „земъ сына своего и Бояринъ ея Воронецъ, аки въ древній бунтъ, и пришедше биша челомъ Великому Князю Ивану Михайловичю...и оттолѣ „Князь Великій наипаче на свою братію нелюбіе начать держати, а тѣхъ „лукавую лесть возлюби... Тоя жъ осени К. В. Иванъ Тферскій у Кн. „Василья Михайловича отнялъ озеро Луское и Входъ Іерусалима и даде „братаничю Ивану Борисовичю. Князь Василей же посла къ нему Арсенія Владыку, прося суда общаго... и Князь Иванъ Михайловичь отвѣчалъ: не дамъ...и Кн. Василей поѣха въ Кашинъ...и родися сынъ у Княгини его Настасьи, и пріѣха къ нему мати его, изъ Сергіева монастыря „Игуменъ Никонъ... и крестиша его и нарекоша Дмитрей.... Тое жъ „осени Кн. Иванъ Всеволодичь Тферскій съ Вел. Кн. Иваномъ Михайловичемъ сослася, и иде со Княгинею своею во Тферь... и преставися „Марта (въ 1402 г.) на Св. Недѣли въ Понедѣльникъ, въ самую Литургію, „и положенъ въ Тфери.... Того жъ лѣта (1403) Кн. Вел. Иванъ Михайловичь пойде ратью къ Кашину... и возвратясь посла сына своего, „Князя Александра, и Князь Василей утече къ Москвѣ, и Князь Великій „Московскій смири ихъ... Тое жъ зимы (въ 1405) предъ Велик. заговѣньемъ Василій Кашинскій пріѣде во Тферь, и пойма его Кн. Вел. Иванъ „Михайловичь и Бояръ его поковаша. Тое жъ зимы Кн. Юрьи Всеволодичь отъѣха со Тфери на Москву, бояше бо ся того же... Мѣсяца „Апр. въ 17 во Тфери въ Великую Пятницу взяша миръ Кн. Иванъ и „Василей Михайловичи... и отпусти (Іоаннъ) брата съ любовію въ Кашинъ на Св. Недѣли въ Вторникъ. И не дождаша 3 мѣсяцовъ, и пакы „бысть промежду ими нелюбье, и Князь Василій пакы выбѣжа на Москву, и Князь Иванъ посла на Кашинъ своя Намѣстники, и многу изгибель сотвориша Христіаномъ продажами и грабежемъ... Князь Великій „Иванъ Михайловичь (въ 1406 г.) былъ въ Кашинѣ. Того жъ лѣта К. „Василей Кашинскій сослась съ братомъ Иваномъ Михайловичемъ и пріѣха изъ Переславля во Тферь."

(187) См. *Никон. Лѣт.* подъ годомъ 1401, и ниже письмо Эдигеево къ Великому Князю. Въ *Троицк. Лѣт.*: „Въ лѣто 6908 (1400) Князь Юрьи „Дмитрiевичь на Москвѣ оженися у Князя Юрья Святославича Смолен-„ского, поя за ся дщерь его, именемъ Настасію. . . . Тое же весны (г. „1401) Кн. Иванъ Володимеровичь оженися на Москвѣ у Князя у Өедора „Ольговича Рязанскаго, поя за ся дщерь его Василису."

(188) „Князь же Романъ тогда убьенъ бысть, а Княгиню его и дѣтей „отпустиша . . . а Витовтъ тое же осени приходилъ къ Смоленску," и проч.

(189) См. *Лѣт. Троицк.* г. 6907. Марію погребли въ Московской церкви Св. Лазаря.

(190) Олегъ скончался въ 1402 году, Іюля 5 (см. *Троицк. Лѣт.*). Далѣе: „Иде Князь Өеодоръ ко Царю Шадибеку . . . и пожалова его Царь, даде „ему отчину его и дѣдину . . . Князь Иванъ Володимеровичь Пронскій „пріиде изъ Орды (въ 1408 г.) отъ Царя Булата 6 Сент. и сяде въ Прон-„скѣ, а съ нимъ посолъ Царевъ. Того жь лѣта (1409) Кн. Иванъ Прон-„скій, пришедъ съ Татары безвѣстно, Кн. Өеодора Ольговича съ Рязани „сослалъ; онъ же бѣжа за Оку, а Князь Иванъ сяде на обѣихъ Княжені-„ахъ, на Рязанскомъ и на Пронскомъ. . . И пріиде на него Вел. Князь „Өеодоръ Ольговичь, и бысть имъ бой на рѣцѣ на Смядвѣ Іюня въ 1 день, „и поможе Богъ Князю Ивану . . . убиша Игнатія Семеновича Жеребцева, „Воеводу Коломенского, Михаила Лялина, Ивана Брынка и много Колом-„ничь; Муромского же Воеводу, Семена Жирославича, изымаша, и многихъ „Муромцевъ избиша. . . . Того жь лѣта Князи Рязанстіи, Өеодоръ и „Иванъ, миръ и любовь межи собою взяша." Коломна и Муромъ принадлежали Московскому Государю: слѣдственно Великій Князь Василій Димитріевичь помогалъ Өеодору.

(191) См. *Троицк.* и Архив. *Кіевскую лѣтопись*, гдѣ сказано, что Лугвеній плѣнилъ въ Вязьмѣ и другаго Князя, Александра Михайловича. Далѣе см. *Лѣт. Троицк., Архангел.* и *Никон.* Витовтъ отступилъ отъ Смоленска послѣ Святой недѣли . . . Въ *Лѣт. Троицк.*: „И по томъ Князь Юрьи, „сослався со Княземъ Великимъ, и выѣха изъ города не во мнозѣ дружи-„нѣ, а Княгиню и Бояры своя остави въ Смоленскѣ, а приказавъ имъ „ждати себе на первый срокъ и на другій и на третій . . . а въ то вре-„мя Витовтъ приде ратью къ Смоленску; гражане же, не могуще терпѣ-„ти глада и изнеможенья, градъ предаша." Въ *Никон. Лѣт.*: „Смоленстіи „Бояре крамолу злу сотворивше, посланиа тайно къ Витовту, глаголю-„ще: скоро пріиде подъ Смоленскъ, понеже вси тебя хотятъ . . . дондеже „не пріидетъ съ Москвы Кн. Вел. Юрьи со многою силою Московскою."

(182) Въ *Никон. Лѣт.*: „Въ Смоленцѣ (Витовтъ) свои Намѣстницы по-„сади, Ляхи, и приказа людемъ Смоленскимъ лготу многу чинити, отво-„дя ихъ отъ Кн. Юрья." — О битвѣ съ Нѣмцами см. Гадебуш. Livländ. Jahrbücher, г. 1410, стр. 23.

(193) См. *Арханг. Лѣт.* Напротивъ того въ Архивской *Кіев. лѣтописи* сказано, что Великій Князь, доброхотствуя Витовту, нарочно остановилъ Юрія въ Москвѣ: извѣстіе невѣроятное.

(194) См. *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна. Въ *Арханг.*: „пріѣха Владыка „Иванъ Новогородскій на Москву бити челомъ Великому Князю о Торж„ку, и Кипріянъ, по Великаго Князя слову, Владыку поймалъ, да поса„дилъ въ Чудовскомъ монастырѣ, за мѣсячной судъ, что не дали." — Въ *Новогород. Лѣт.*: „Наславъ Великій Князь Бояръ своихъ, Александра Поля „и Ивана Марина на Торжокъ ратію въ 300 человѣкъ, изимаша Семеона „Васильевичь и Михайла Фефилатова на крестномъ цѣлованіи, и живоmъ „ихъ изъ Св. Спаса поймаша . . . . Въ самый Петровъ день" (въ 1401 году) „Ондрей Ивановичь и Посадниковъ Двинскыхъ Есипа Филиповичь „и Наума Ивановичь изымаша; и Степанъ Ивановичь, братъ его Михайло „и Микита Головня, скопивъ около себе Важанъ и сугнавъ Айфала и Ге„расима на Колмогорахъ," и проч. (см. *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна) . . . „Хо„дилъ Аифалъ" (въ 1409 г.) „на Болгары Камою и Волгою, 100 насадовъ „Камою, а Волгою 100 и 50, и избиша ихъ въ Камѣ Татарове, а Айфала „яша и ведоша въ Орду; а Волжскіе насады не поспѣли . . . . Уби" (въ 1418 г.) „Михайло Розсохинъ Айфала на Вяткѣ."— Въ *Троицк. Лѣт.*: „а „былъ (Архіеп. Іоаннъ) во изниманьи 3 лѣта и 6 мѣсяцъ, а сѣдѣлъ въ мо„настырѣ у *Св. Николы у Стараго*": на Перервѣ, по мнѣнію Митрополита Платона; но сей Никола Старый находился между Котлами и Москвою (см. ниже, примѣч. 232).

(195) Такъ въ *Никон. Лѣт.*: „Новогородцы же даша ему Русу, Ладогу, „Орѣшекъ, Тиверскій, Корельскій, Копорью, Торжекъ, Волокъ Ламскій, „Порховъ, Вышегородъ, Яму, Высокое, Кошкинъ городецъ . . . . Того же „лѣта (1400) Новогородцы послаша Клементія Васильевича въ Литву къ „Витовту о миру и любви, и взяша миръ по старинѣ."

(196) Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, въ *Ростов.* и другихъ сказано, что Юрій убилъ Іуліанина супруга уже послѣ неудачи своей въ насиліи; но мы слѣдуемъ здѣсь *Архангельской*, гдѣ обстоятельства разсказаны яснѣе, съ прибавленіемъ, что Юрій владѣлъ половиною Торжка, а другою Князь Вяземскій. Далѣе въ *Троицк. Лѣт.*: „Тое же осени" (г. 1407) „на Вздви„женьевъ день преставися Князь Юрьи Святославичь Смоленскій, не въ „своей отчинѣ, но на чужей сторонѣ въ изганьи, а своего Княженья ли„шенъ и своей Княгини и своихъ дѣтей, въ Рязанской земли въ пусты„нѣ, въ монастырѣ у нѣкоего Игумена Христолюбца, именемъ Петра, и „ту нѣколико дней поболѣвъ, преставися, и проводиша его честно." См. *Родословн. Книгу*, гдѣ означены Княжескіе и Дворянскіе роды, происшедшіе отъ Владѣтельныхъ Князей Смоленскихъ.

(197) Псковъ сдѣлался независимымъ въ княженіе Симеона Гордаго: см. Т. IV, стр. 247. Въ *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна, г. 1406: „ходиша Пско„вичи съ Князя Великого Намѣстникомъ," и проч. См. выше, примѣч. 182. Въ *Псков. Лѣт.*: „Тоя же весны (г. 1400) выѣха изъ Пскова Князь Иванъ „Андреевичь, внукъ Олгердовъ, и цѣлованіе сложивъ." Тамъ же, выше: „Бысть рагоза" (ссора) Новогородцемъ со Псковичами" (въ 1391 г.) „и „пойдоша Новогородци къ Пскову ратью, и Псковичи послаша послы „своя, Лавра и Михайла, и Попа Власьевского, и Ермолу Игумена Нико„линьского, и срѣтоша Новогородьскую рать у Солцы, и взяша миръ. . .

„Того же лѣта (г. 1392) Новогородци взяша миръ съ Нѣмци, а Псковичѣ „вымириша“ (исключили изъ мира) „и Псковичи взяша особный миръ съ „Нѣмци . . . Придоша Авг. 1“ (г. 1393) „Новогородци ко Пскову ратью „въ силѣ велицѣ, и стояша у Пскова 8 дней, и дождавше ночи, побѣгоша „прочь посрамлени, пометавше многая своя замысленія, пороки и пускичи“ (пращи) „*и* тогда убиша Колорского Іоана подъ *Олгиною горою*, а иныхъ „многыхъ избиша на Выбутѣ, а инѣхъ руками яша при Владыцѣ Іоанѣ и „Посадницѣ Ескѣ и Тысяцкомъ Никитѣ . . . . Послаша“ (г. 1398) „Псковичи Князь Григорія и Посадника Сысоя и Романа Посадника и иныхъ „Бояръ въ Новгородъ, и взяша миръ вѣчный съ Новымгородомъ.“ Въ *Новогород. Лѣт.*: „Приходиша“ (въ 1397 г.) „послове Псковскіи. Кн. Григорій „Остафьевичь . . . Филипъ Козачковичь и биша челомъ Архіепископу „Вел. Новагорода . . . и Посадникъ Тимоѳей Юрьевичь и Тысяцкой Микита Ѳедоровичь и вси Посадникы и Тысяцкіи и Бояре и весь Вел. Новгородъ отъ Псковичь нелюбіе отложили и взяша миръ по старинѣ Іун. „въ 18 день, зане не бяшетъ миру по 4 годы.“ — О язвѣ см. ниже. Далѣе въ *Псков. Лѣт.* г. 1401: „Тоя же зимы послаша Псковичи къ Князю Витовту Григорія Ѳедосовичь и Гаврила Намѣстника и взяша миръ вѣчный . . . Въ лѣто 6914 (1406) пріиде поганый отступникъ Витовтъ съ „множествомъ ратныхъ, а миру не отказавъ, а розметную грамоту Псковскую отсла къ Новугороду, Февр. въ 5 день на Черкисовѣ недѣли въ „Пятокъ, и много зла учинивше, отъидоша прочь . . . Того же мѣсяца, „Февр. въ 28, Юрьи Посадникъ Козачковичь, поймя съ собою охвочихъ „людей, Псковичь, Изборянъ, Островичь, Вороначянъ, Вельянъ, и шедше „повоеваша Ржову и Луки, а на Лукахъ на Великыхъ и стягъ Коложьскый взяша . . . а къ Новогородцемъ послаша Псковичи и биша чоломъ, „чтобы пособили: они же прислаша нѣколико мужей, съ лукавствомъ „глаголюще: намъ Великый Новгородъ не указалъ, ни Владыка благословилъ ити на Литву; идемъ съ вами на Нѣмци . . . и возвратишась . . . „Того же лѣта Князь Псковскый, Даниилей Александровичь, и Посадникъ „Ларіонъ Дойниковичь и весь Псковъ идоша къ Полотску Іюля въ 30, и „стояша подъ Полотскомъ 3 дни и 3 нощи, и возвратишась. Того же „лѣта, Авг. въ 22, Князь Местерь пріиде къ Изборску и ходиша 2 недѣли, плѣняюще и жгуще около Острова и Котелна, а подо Псковомъ не „быша . . . и отъидоша . . . Въ лѣто 6915“ (по *Троицк. Лѣт.* въ 1406 г.) „Кн. Даниилей Александровичь и Посадникъ Юрьи Филиповичь пойдоша „въ Нѣмецкую землю Окт. 7 и поймаша на рубежи на Сѣрици 7 Нѣмчиновъ, и усрѣтоша ихъ Нѣмецкая рать за 15 верстъ отъ Кирьяпеги, и „Псковичи удариша: Нѣмци побѣгоша въ Кирьипегу, пометавше кони и „оружія, и Псковичи, стоявше нощь, возвратишася.“ Въ *Троицк. Лѣт.* сей случай такъ описанъ: „Срѣте я“ (Псковитянъ) „рать Нѣмецкая на „рѣцѣ на Сѣрицѣ, и бысть имъ бой Окт. въ 9 день, и биша ихъ“ (Нѣмцевъ) „и гонилися за ними 20 верстъ до Новагородка, и оттолѣ пошла „рать Псковская къ Кирепегѣ; а нагадали были пойти къ Юрьеву, и ту „стрѣтилъ ихъ Князь Великій, Нѣмечьскій Мистерь, со всѣмъ поморьемъ „за Селиловымъ побоищемъ, и ту паки бысть бой, и паки поможе Богъ

„Псковичемъ, а Нѣмечьскій Мистеръ убѣжалъ, а Псковичи гонилися до „Киреоеги." Далѣе въ *Псков. Лѣт*: „И потомъ Псковичи послаша въ Великій Новгородъ, абы помогли на Нѣмецъ, и не помогоша. И потомъ биша чоломъ Князю Великому Василію Димитріевичь, абы помоглъ бѣднымъ „Псковичемъ въ тошна времена, и Князь Великій разверже миръ съ своимъ тестемъ съ Витовтомъ, Псковскыя ради обиды." Въ *Троицк. Лѣт.*: „Пьсковичи съ Новогородци пріѣздиша ко Князю къ Великому на Москву, „и въ Великое говѣнье Князь Великій посылалъ брата своего, Князя Петра, съ Бояры въ Новгородъ Великій Псковичемъ на помочь."

(198) Въ *Никон. Лѣт.* подъ годомъ 1406: „К. В. Василей Димитріевичь и „К. В. Иванъ Михайловичь Тферскій сложиша крестное цѣлованіе къ Витовту." Въ *Троицк. Л т.* подъ годомъ 1406: „Отпусти Великій Князь „Воеводъ своихъ" (Маія 25) воевати земли Литовскія, къ Вязмѣ и къ „Серпейску и къ Козельску. Они же не яша ничто же." — О возобновленіи дружества съ Ордою. см. *Никон. Лѣт.* V, 21. Тамъ сказано: „Сент. „въ 7 день (г. 1406) Князь Великій пойде на Витовта и сташа на Плавѣ; „а Кн. Вел. Иванъ Мих. Тферскій въ помощь посылалъ Великому Князю „свою братью, Князя Василія Мих. Кашинского, да Князя Өеодора Мих., „да сына своего. Князя Ивана, да Князя Ивана Еремеевича . . . и сташа „на Пашковѣ гати," и проч.

(199) Въ *Родослов Книгѣ* I, 180: „у Князя Семена Глуховского и Новосильского" (Михаилова сына) „одинъ сынъ, Князь Романъ, а пришелъ „изъ Новосили жити въ Одоевъ отъ насилія Татарскаго." Одоевъ возвратился къ Россіи уже при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. — Въ *Троицк. Лѣт.* г. 1407: „по Троицынѣ дни въ Четвергъ, Мая 20, Литва „взяша Одоевъ . . . . Князь Великій на Спасовъ день пойде на Литовскую „землю . . . и взялъ градъ Димитровецъ" (нынѣ деревня въ Калужской Губерніи, на рѣкѣ Протвѣ). Стриковскій говоритъ о причинѣ сей войны такъ: „Москвитяне близъ Путивля ограбили Литовскихъ путешественниковъ, отнявъ у нихъ двухъ бобровъ, кадь меду, двѣ сѣкиры и три кафтана. Витовтъ требовалъ удовлетворенія, и не получивъ его, объявилъ войну зятю." Въ *Троицк.* г. 1406: „Тое же весны пріѣха ко Князю къ „Великому въ рядъ служити изъ Литвы нѣкоторый Князь, именемъ Алеѯсандръ, прозвище Нелюбъ, сынъ Княжь Ивановъ Олгимонтовъ, а съ нимъ „множьство Литвы и Ляховъ," и проч.

(200) Въ *Троицк. Лѣт.* г. 1408: „Іулія въ 8 день, въ Недѣлю, выѣха изъ „града изъ Брянска Швитригайло, а на Москву пріѣха Іулія въ 26." Въ другихъ лѣтописяхъ прибавлено, что Василій Димитріевичь отдалъ Свидригайлу едва не половину своего Великаго Княженія. Стриковскій пишетъ, что Свидригайло, выѣхавъ изъ Стародуба и Брянска, зажегъ ихъ.

(201) См. Стриков. *Хроник.* кн. XIV, гл. 8. Смолянами предводительствовалъ Іоаннъ Корельковичь.— О городахъ см. ниже въ завѣщаніи Князя Владиміра Андреевича *Храбраго.* — Далѣе въ *Псков. Лѣт.* г. 1410: „въ „Литву къ Витовту послаша Псковичи Якима Посадника и Терентія

„Ѳоминичь и Сидора Дѣдькова, и взяша миръ съ Витовтомъ, а опрочь „Новагорода."

(202) Въ Кенигсбергскомъ Архивѣ находится договоръ *Болеслава-Свидригайла, Князя и наслѣдника Литвы и Россіи, и Владѣтеля Подоліи*, съ Орденомъ въ 1402 году. Согласно съ договоромъ, заключеннымъ между Вел. Магистромъ Нѣмецкимъ и Витовтомъ, Свидригайло уступаетъ Псковъ Ордену, когда сей городъ будетъ завоеванъ, Литовцами или Рыцарями: Die Lande und Herschaft der Russen zu Pleskow in aller Wyse, wy die gewonnen werden von uns adir von dem Orden in des Gemeyne, adir besondern, adir an uns komen. so sol sy der Orden ewiglich alleyne behalden. — См. между моими Кенигсбергскими бумагами No 300, 316, 317, 318, 319. Послѣднія содержатъ въ себѣ мирный договоръ Псковитянъ съ Орденомъ на 10 лѣтъ, заключенный въ 1417 году, въ Ригѣ, гдѣ находились посолъ Великаго Князя, именемъ Никита, и Псковскіе чиновники, Данило и Юрій. Василій Димитріевичь названъ *великимъ Королемъ* и даже *Императоромъ*: grotmeс.. ige Here, de grote Konyng von Moskowe, de Rusche Keyser. Условія были слѣдующія: 1) „*Жить съ обѣихъ сторонъ въ мирѣ и доброжела*„*тельствѣ*. 2) Купцамъ торговать свободно. 3) Въ обидахъ искать упра„вы судомъ, а не мечемъ. 4) Россіянамъ не пропускать чрезъ свою землю „враговъ Ордена, а Нѣмцамъ враговъ Россіянъ." Магистръ Шпангеймъ писалъ къ Великому Магистру Прусскому, что сей миръ нуженъ для безопасности Ливонскаго Ордена, коему Витовтъ угрожаетъ войною. Достойны замѣчанія слѣдующія слова его о характерѣ Псковитянъ: Is sint wunderliche unbetutliche Luthe: was sie vor sich nemen, dovon kan man in nicht gebrengen; то есть: „странные, упрямые люди: что возмутъ себѣ въ „голову, отъ того ихъ никакъ не отведешь."

Сообщаемъ выписку изъ *Псков. Лѣт.* о всѣхъ происшествіяхъ: „Псковичи „испросиша собѣ Князя, Костянтина" (въ 1407 году) „и пріѣха К. Ко„стянтинъ въ Псковъ въ Вторникъ на Вербной недѣли, и съ Псковичами „смысливше, създаша церковь въ имя Св. Аѳанасія въ единъ день въ Недѣ„лю, и службу свершиша Марта въ 29, и по малѣ времени Кн. Великій „Костянтинъ посла Князя своего, Костянтина Добровскаго, а Псковичи „Іоанна Посадника Сидоровичь къ Новгороду помощи просити противу „поганыхъ Нѣмець; они же отрекошась. Того же лѣта Кн. Вел. Костян„тинъ и Посадникъ Романъ Сидоровичь совокупивше вся волости и при„городы, пойдоша за рѣку за Нарову, ови въ лодіяхъ, ови на конехъ, и „перевезошась на заутріе Петрова дни, и пойдоша къ Порху . . . и воз„вратишася съ множествомъ полона . . . Іуля въ 30 Костянтинъ поѣха изо „Пскова на Москву. . . . Того же лѣта Князь Местерь, събравъ силы мно„гыя и Задвинскую силу Курскую" (Курляндскую) „пріиде отъ Бѣлого „Камени въ землю Псковскую Авг. въ 18, а Псковичи безъ пригородовъ „пойдоша противу имъ и усрѣтоша ихъ на броду у Выбути, а броды „вси бяху *заворены ворами*, и стояша погани 4 дни, и многажды хотяху „перебрести и не возмогоша; Псковичемъ біющемся съ ними, и пойдоша „прочь . . . и Псковичи постигоша ихъ за Камномъ на Логовицкомъ полѣ, „а Нѣмци станы сташа въ Недѣлю на вечернемъ годѣ" (времени) „Авг.

„въ 21 . . . и Псковичи удариша на нихъ, и одолѣша Нѣмци, а Псковичи по-„бѣгоша, и убиша на съступѣ Елентія Лубку Посадника и Ефрема Кар-„шача Посадника и Панкрата Посадника." (Арнтъ въ своей Хроникѣ пи-шетъ о *семи тысячахъ* Россіянъ, тогда убитыхъ, вмѣсто *семи сотъ*). „А въ то время иная рать Псковская ѣздиша въ лодьяхъ и въ насадѣхъ „за Нарову, и егда быша на Псковскомъ озерѣ въ Осатнѣ, и Нѣмци въ „шнекахъ ударишась на нихъ, и Псковичи пометавше 7 насадовъ и про-„чія посуды, и побѣгоша ко Пскову, и бысть Псковичемъ тогда многыя „скорби, ово отъ Литвы, а иное отъ Нѣмецъ и отъ своея братья отъ „Новагорода. . . Въ лѣто 6916 (1408) на *Черкисовѣ* недѣли" (въ началѣ Февраля) „въ Суббоᴛу, на память Св. Власіа, поганый Князь Местерь, „събравъ силы и Литву подъемъ, пріиде въ землю Псковскую, и самъ „станомъ стояше на Демяници 3 дни, и распусти воя по волостемъ; а „иная рать пришедше подъ Велье, и стояша 4 дни . . . и отъидоша, не „учинивше граду ничтоже; а подъ Вороночь пріѣхаша Литва, и Вороно-„чани выѣхавше избиша Литвы 100 мужь, а инѣхъ руками яша, и воева-„ша Нѣмци всю залѣсскую страну и до Черехи, и прешедше за рубежь, „воеваша въ Леженицѣхъ и на Болотахъ, и на Дубкѣ, и на Гостени, и „подъ Кошкинымъ городкомъ, и много забѣглыхъ Псковичь и Новгород-„цевъ овѣхъ исѣкоша. овѣхъ плѣниша и пожгоша; а Псковичи послаша „въ Новгородъ и биша чоломъ со слезами о помощи...а они съ укоризна-„ми Псковичемъ отрекошась, и посла своего послаша въ войско къ Ме-„стеру, а Псковичемъ на зло. Тогда выѣха изо Пскова Князь Костян-„тинъ Бѣлозерскій, а Псковичемъ не учинивъ помощи никоея же; а Ме-„стерь и Нѣмци 2 недѣли ходиша по волостемъ Псковскымъ и по Нов-„городскымъ, сѣкуще и плѣняюще . . . и отъидоша . . . и Псковичи приведо-„ша собѣ Князя Даниліа Александровичь" (Ростовскаго?) „изъ Порхова „на Усрѣтеніе Господа І. Х., и пріяша его честно. . . Того же лѣта на „весну, Маіа въ 6 день, пригнавше Нѣмци къ Велью и поимавше 40 го-„ловъ и побѣгоша, и Вельяни погнашася; они же поганіи подсадою уда-„риша на нихъ и убиша Вельянъ 60 мужь, и того же дни къ вечеру при-„спѣша Вороночани и сугнаша ихъ уже на рубежи. . . Поганіи же плѣ-„неныя посѣкше, а сами побѣгоша, и убиша Нѣмецъ 30 мужь. . . Того же „Маіа Изборяни ходиша въ Нѣмецкую землю, и ударишася Нѣмци на нихъ „и убиша ихъ 11 мужь . . . и Псковичи взяша съ Нѣмци перемирье до „Усрѣтенія." Между бумагами Кенигсберскаго Архива есть два письма Вел. Магистра Прусскаго къ Витовту 1408 года, подъ No 624 и 625: въ первомъ онъ благодаритъ его за оказанную помощь Ливонцамъ противъ Россіянъ, но самъ отговаривается отъ дѣятельнаго участія въ сей войнѣ за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ и въ кормѣ для лошадей; въ другомъ пишетъ о намѣреніи Витовтовомъ дать Пскову властителя или Князя, отвѣтствуя, что надобно прежде свѣдать мнѣніе Магистра Ливонскаго. — Далѣе въ *Псков. Лѣт.*: „Тоя же зимы" (г. 1409) „престу-„пивъ по перемирью на третій день, Февр. 5, Князь Местерь, събравъ „силы своя и Литву, повоева многы волости Псковскыя, а Новгородци „всего того не брегоша, а на перечину Псковичемъ . . . и Нѣмци, ходивша

„недѣлю, отъидоша... Въ лѣто 6918 (1410) послаша Псковичи Ѳедоса По-„садника и Юрья Винкова Тимоѳеевичь бити челомъ Князю Великову ... „и дасть имъ Князя Ѳеодора Александровичь Ростовского, и пріѣха во „Псковъ Сент. въ 26. Тоя же зимы, Апр. въ 4, преставись Князь Псков-„скій Данилей Александровичь, и положиша мощи его въ Св. Троицѣ. Іуля „въ 28 Посадникъ Ларіонъ и Посадникъ Иванъ и Микула ѣздиша подъ „Кирьяпиту и взяша миръ съ Местеромъ, а опрочь Новагорода... Въ лѣ-„то 6919" (1411) „Псковичи выпровадиша Князя Александра Ростовского „и послаша къ Великому Князю Посадника Ивана Сидоровича и Ѳедора „Шибалкиничь, и испросиша собѣ Князя Костянтина Дмитріевичь, мен-„шаго брата Великому Князю. Въ лѣто 6920 пріѣха въ Псковъ Кн. Вел. „Костянтинъ Дмитріевичь Ноября въ 11. Того же лѣта (Псковичи) и „миръ взяша съ Новгородцами по старинѣ. . . Князь Костянтинъ" (въ 1413 г.) „отъѣха въ Новгородъ и тамо пребысть годъ, и паки пріѣха во „Псковъ... Кн. Костянтинъ" (въ 1414 г.) „поѣха изо Пскова на Москву „въ Петрово говѣнье. Того же лѣта Псковичи потроща жито подъ Но-„вымъ городкомъ" (Нейгаузеномъ) и скотъ отгнаша, и Юрьевци присла-„ша во Псковъ послы, а Псковичи послаша 2 человѣка въ Новой горо-„докъ; они же поганіи единого изсѣкоша, а другаго въ погребъ вверго-„ша, и Псковичи противу того посолъ ихъ пріяша. На Воздвиженіе Го-„сподне" (въ 1415 г.) „Нѣмци пріяша гостя Псковского, а Псковичи Нѣ-„мецкій гость, и сѣдѣша обоиму и лѣто все, и потомъ Юрьевци присла-„ша пословъ своихъ и цѣловаща крестъ по старинѣ, и Псковичи отпу-„стиша гостей, и посла единаго посѣкоша противу своего человѣка, а „Нѣмци такожь отпустиша гостей Псковскыхъ Іул. въ 27. На весну, „Марта въ 19, пріѣха во Псковъ Князь Андрей Александровичь Ростов-„скый... и цѣлова крестъ къ Псковичемъ... Выгнаша" (въ 1417 г.) „Пско-„вичи Князя Андрея Александровичь Іуля въ 17. . . Того же лѣта Пско-„вичи быша рагозни" (въ ссорѣ) „съ Новгородцами, и послаша Ивана По-„садника Сидоровичь и Ларіона и Акима и Юрья Винкова и иныхъ Бояръ, „просяще мира, и Новгородци челобитья не пріяша. Того же лѣта Пско-„вичи послаща къ Великому Князю Посадника Селивестра Левонтьевичь „и Терентія Ѳоминичь, и испросиша собѣ Князя Ѳеодора Александровичь, „и пріѣха въ Псковъ за 2 недѣли до Рождества. Кн. Ѳеодоръ Алексан-„дровичь и весь Псковъ" (въ 1418 г.) „послаша въ Новгородъ Микулу „Посадника Павловичь и Андрея Ларивоновичь и Данила Филтяева и взя-„ща миръ Авг. въ 28... Постережеся въ болѣзни Кн. Ѳеодоръ Александро-„вичь и отъѣха на Москву" (въ 1420 г.). . . „Того же лѣта (1421) Кн. „Витовтъ присла въ Псковъ своихъ людей и веляше развергнути миръ „съ Нѣмци, и Псковичи, дръжащесь крестного цѣлованія, того не восхо-„тѣша, и послаша Селивестра Посадника и иныхъ Бояръ къ Витовту, „глаголюще: на томъ, Княже, крестъ цѣловали, что намъ съ Нѣмци миръ „держати, а по тобѣ не помогати; и Витовтъ оттоль нача гнѣвъ ве-„ликъ держати на Псковичь. Того же лѣта Псковичи послаша къ Князю „Великому Микулу Посадника и испросиша собѣ Князя Александра Ѳе-„доровичь . . . Кн. Александръ Ѳеод. пріѣха въ Псковъ Апр. въ 1 день...

„Псковичи" (въ 1423 г.) „послаша къ Князю Великому два Посадника, „Юрья Винкова и Ѳеодора Шибалкина, и биша челомъ, чтобы Витовту „за Псковичь доброе слово послалъ . . . и Князь Великый не учини на до„бро ничего же. . . Князь Александръ Ростовскій выѣха изо Пскова и „съ челядью. . . Псковичи" (въ 1424 г.) „послаша къ Князю Великому Ѳео„досіа Посадника и Бояръ просити Князя на Псковъ, и биша челомъ, „абы печаловался о Псковѣ, и избавилъ бы отъ гнѣва Витовтова, и „Князь Великый не учини ничего же, и дасть на Псковъ Князя Ѳеодора „Патрикіевичь . . . Пріѣха въ Псковь Кн. Ѳеодоръ Патрикіевичь . . . Пско„вичи съ Княземъ Местеромъ миръ утвердиша на 3 лѣта и крестъ съ „обѣю сторонъ цѣловаша. Того же лѣта Псковичи послаша въ Литву „къ Витовту Селивестра Посадника и съ нимъ Бояръ . . . и не обрѣтоша „его въ Литовской земли и ѣхаша за Кыевъ въ Луческъ Великый, и на„ѣхаша его за Лучьскомъ 500 верстъ въ градѣ Кременци, и биша чо„ломъ. . . Онъ же яростію гнѣва наполнився, отвѣтъ даде: *по старому „цѣлованію*! Они же возвратишась, не учинивше на добро ничто же. . . „Зимою" (въ 1425 г.) „послаша Псковичи къ Князю Великому Посадника „Микулу Павловичь, и биша челомъ, чтобы избавилъ Псковъ отъ гнѣва „Витовтова, и не учини ничто же."

(203) Въ *Троицк. Лѣт.*: „Въ лѣто 6911 приходилъ посолъ изъ Орды на „Русь, Царевичь Энтякъ, и былъ на Москвѣ, да изобмолвилъ Микулу „Татарина. . . . Въ лѣто 6913 приде къ Великому Князю отъ Царя Ша„дибека посолъ, именемъ Мирза, иже бѣ Казначей Царевъ," и проч. О хитрыхъ отговоркахъ Великаго Князя см. ниже въ письмѣ Эдигеевомъ; о смерти Тохтамыша въ *Архан. Лѣт.* (онъ убитъ въ 1406 году); о сношеніяхъ Эдигея съ Василіемъ въ *Никон.* V, 20, 21; объ изгнаніи Шадибека въ *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна, г. 1408. Въ *Никон. Лѣт.*: „ Князь Вел. Иванъ Михай„ловичь Тферскій пріиде въ Орду, и былъ имъ судъ предъ новымъ Царемъ „Булатъ-Салтаномъ, со Княземъ Юрьемъ Всеволодичемъ Тферск. о Велик. „Княженіи Тферскомъ. Царь же и всѣ Князи оправиша Вел. Кн. Ивана, „и отпустпи его Царь; а Кн. Юрьи въ Ордѣ остася. . . Генв. въ 25 день „(1408) пріиде изъ Орды В. К. Иванъ, а съ нимъ посолъ Царевъ, и срѣ„тоша его со кресты."

(204) Приметы къ крѣпостямъ дѣлались обыкновенно изъ сухаго лѣса, зажигаемаго осаждающими, чтобы огнемъ и дымомъ удалить осажденныхъ отъ стѣнъ. Далѣе см. *Никон. Лѣт.* V, 23.

(205) Въ *Троицк. Лѣт.*: „Князь Ордынскій Едегей повелѣньемъ Булу„та Царя приде ратью, а съ нимъ 4 Царевичи, да прочіи Князи Татар„стіи, а се имена ихъ: Бучакъ Царевичь, Тегрибердій Царевичь, Алтымырь „Царевичь, Булатъ Царевичь, Князь Великый Едегей, Князь Махметъ „Исупусюлименевъ сынъ, Князь Тегиня Шиховъ сынъ, Князь Сарай Уру„саховъ сынъ, Князь Обрягимъ Темирязевъ сынъ, Князь Якшибій Егедеевъ „сынъ, Князь Сентялибій, Князь Бурнакъ, Князь Ериклибердій . . . и бысть „въ Филипово говѣнье Дек. въ 1 день, въ Субботу до обѣда приде Едегей „къ Москвѣ . . . . а за Княземъ за Великимъ въ погоню посланъ бысть

„Царевичь Тегриберд*ей*, да Князь Исшибій сынъ Едегеевъ, да Князь Сеи-„талибій, да съ ними избранныя рати 30,000,“ и проч.

(206) См. *Троицк. Лѣт.* и *Никон.* V, 22, 24, 29. На возвратномъ пути въ Литву Свидригайло опустошилъ городъ Серпуховъ, осенью въ 1409 году.

(207) Въ *Троицк. Лѣт.*: „и таковымъ коварствомъ перемудрова, ни Еде-„гея разгнѣва, ни Князю Великому погруби, обоимъ обоего избѣжа; се „же створи *умѣнски*, паче же *истински*.“ Въ *Никон. Лѣт.*: „тое же зимы „Едигеева рать и Тверскаго предѣла Дому Св. Спаса взяша волость Клин-„скую.“ Далѣе въ *Троицк.*: „А въ то время въ Ордѣ нѣкый Царевичь прі-„обрѣте себѣ нѣкія споборники, паче же обрѣте себѣ время благопо-„лучно, егда вся Орда истощися: вси бо Татарове изыдоша на Русь вое-„вати, мало же нѣцы отъ нихъ осташася около Царя . . . и Царевичь „удари на на изгономъ, устремися напрасно на Орду; но обаче спону“ (препятствіе) „створи ему проводникъ его, его же и пресѣче: не бо при-„веде его на Царя, но на торгъ; еще же и мгла бысть велика. Но аще „и желаемаго не получи, но и тако по премногу смутивъ я: за малымъ „бо и самого Царя не захвати, и многъ мятежъ въ Ордѣ створивъ, оты-„де.“ — Описаніемъ Эдигеева нашествія заключается харатейный *Троиц-кій Лѣтописецъ*. Видно, что сочинитель умеръ. Съ того времени до самой кончины Василія Димитріевича всѣ извѣстія кратки и неполны въ другихъ лѣтописяхъ.

(208) См. *Троицк. Лѣт.*

(209) См. *Ростов.* и *Никон. Лѣт.*

(210) См. *Собраніе Госуд. Грамотъ*, I, 69, 74. Въ договорной грамотѣ: „А какими дѣлы отымется отъ брата моего Князя Володимера, или отъ „его дѣтей Городецъ или Козлескъ, и мнѣ имъ дати въ Городци мѣсто „Тошну, а въ Козельска мѣсто Рожа . . . а искати ны Городця и Ко-„зельска съ одиного . . . . А отыметъ Богъ тобе, Великого Князя, и „мнѣ, Господине, имѣти сына твоего въ твое мѣсто . . . . А дати ми, „Господине, тобѣ съ Углеча поля въ семь тысячь рублевъ сто рублевъ „и пять рублевъ, а съ Городця въ полторы тысячи рублевъ сто рублевъ „и шестьдесятъ рублевъ . . . А что ся остало на Новѣгородѣ на Ниж-„немъ долгу стараго полчетверты тысячи рублевъ, а то ми, Господине, „тобѣ дати по выходу по розочту. . . . А на сей грамотѣ язъ, Князь „Володимеръ Андреевичь, съ своими дѣтьми, со Княземъ съ Иваномъ, и съ „Семеномъ, и съ Ярославомъ, и за свои дѣти за меньшіи, за Ондрея и за „Василья, цѣловали есмы крестъ къ Великому Князю, и къ его сыну, ко „Князю Ивану“. . . Къ сей грамотѣ привѣшены двѣ восковыя печати. Она писана еще до рожденія Василія Васильевича Темнаго.

Въ духовномъ завѣщаніи пишетъ Владиміръ: „и Княгини моя на кото-„раго сына помолвитъ и обвинитъ, и ты, брате старѣйшій, Князь Ве-„ликій, на томъ то доправи. . . . Ему“ (сыну Ивану) „конюшій путь, „бортницы, садовницы, бобровники, *Барыши* и *Делюи*, а (кто изъ) тыхъ „бортниковъ или садовниковъ, или псарей, или бобровниковъ или *Бары-„шовъ*, или *Делюевъ* не всхочетъ жити на тѣхъ земляхъ, инъ земли ли-„шонъ: пойди прочь, а сами сыну Князю Ивану не надобѣ, на котораго

„грамоты полные не будетъ; а земли ихъ сыну Князю Ивану." И такъ *Барыш ми и Делюями* именовались особеннаго роду наймиты, которымъ давались земли съ обязательствомъ платить господину оброкъ. Далѣе: „а треть численыхъ людей своихъ въ Москвѣ и въ станѣхъ далъ есмь „сыну Андрею и Василью на-полы; а жонѣ, Княгинѣ Оленѣ, свою треть „тамги Московскіе, и восмьчее, и гостиное, и вѣсчее пудовое, и пере-„судъ, и *серебряное литье*" (то есть, пошлину, которую серебреники платили въ казну) . . . „а *ѣзъ* дѣти мои подъ Городцомъ затепутъ съ одиного" (*ѣзомъ* называлась *забойка* или *заколъ* на рѣкѣ для ловленія рыбы) . . . „А розмыслитъ Богъ о Княгинѣ моей, по ее животѣ мытъ и тамга дѣтемъ моимъ, Князю Семену и Кн. Ярославу на-полы . . . а Коломенское „село и съ зарѣцкими луги сыну Князю Ивану" (здѣсь нынѣшнее село *Тайнинское* названо *Танинскимъ*) . . „Взявъ дань кто же на своемъ удѣ-„лѣ, и пошлютъ ктожъ своего Боярина за своимъ серебромъ вмѣстѣ ко „казнѣ Великого Князя" (для отсылки къ Хану) . . . А по грѣхомъ отъ-„иметъ Богъ сына котораго изъ сыновъ моихъ, а останется его жена, а „не пойдетъ за-мужъ, и сноха моя и съ своими дѣтьми сидитъ въ мужа „своего удѣлѣ до своего живота, а дань даетъ ко казнѣ Великого Князя „по уроку, что въ сей грамотѣ писано; а розмыслитъ Богъ о сносѣ мо-„ей, и тотъ удѣлъ сыну ее, а моему внуку; а не будетъ сына, а оста-„нется дчи, и дѣти мои всѣ брата своего дчерь выдадутъ за-мужъ, а бра-„та своего удѣломъ подѣлятся вси равно. А въ выходъ Великого Князя „ко Ордѣ въ пять тысячь рублевъ имется дани дѣтемъ моимъ и Княги-„ни моей и ихъ удѣломъ три ста рублевъ и двадцать рублевъ . . . . А „перемѣнитъ Богъ Орду, и Князь Великій не иметъ выхода давати во „Орду, и дѣти мои; а что возметъ дани на Московскихъ станѣхъ, и на „городѣ на Москвѣ, и на численыхъ людехъ, и дѣти мои возмутъ свою „треть дани Московскіе, а подѣлятся съ матерью вси равно по частемъ . . . „А что мои ключники не купленые, а покупили деревни за моимъ клю-„чемъ, сами ключники дѣтемъ моимъ ненадобны, а деревни ихъ дѣтемъ мо-„имъ, во чьемъ будутъ удѣлѣ . . . А сыну Князь Ивану далъ есмь ему на „Москвѣ Зворыкинъ дворъ, да Игнатьевъ дворъ, да Бутовъ садъ. А сыну „Князю Семену, Князю Ярославу, далъ есмь имъ на-полы Княгини Великіе „Марьинъ дворъ; а сыну Князю Семену за Неглинною Тереховъ садъ; а „Княгинѣ моей съ меньшими дѣтьми, со Княземъ Андреемъ, со Княземъ „съ Василіемъ, далъ есмь дворъ свой большой Московьской на-полы. А сы-„ну Князю Ярославу, Князю Андрею, Князю Василью, далъ есмь имъ Чи-„чаковъ садъ на-трое. А что есмь подавалъ своей Княгинѣ пошлины Мо-„сковскіе, по ее животѣ чей будетъ годъ Москва вѣдати сына моего, „тотъ и тѣ пошлины вѣдаетъ. А соль на Городцѣ дѣти мои, Князь Се-„менъ, Князь Ярославъ, вѣдаютъ съ одиного . . . а иной не вступается „никто въ Городецьскіе варницы . . . . А писалъ есмь сю грамоту пе-„редъ отци своими, передъ Игуменомъ передъ Никономъ Радонежскимъ, „передъ Игуменомъ передъ Савою Спасьскимъ; а тутъ были Бояре мои: „Костянтинъ Ивановичь, Михайло Ивановичь, Олексѣй Григорьевичь, Он-„дрей Борисовичь, Григорей Михайловичь. А грамоту писалъ Мещерьнъ"

Въ *Никон. Лѣт.*: „Князь Володимеръ Андреевичь завѣща Княгини своей „и дѣтемъ дати въ домъ Христовъ . . . и Фотію Митрополиту по себѣ „и по своемъ роду село свое *Кудрино*“ (нынѣ часть города Москвы) „и „съ деревнями.“ — О кончинѣ Владиміровой супруги см. ниже, примѣч. 371.

(211) Въ *Никон. Лѣт.* г. 1410: „Едигей воевалъ поморскіе грады . . . „Тое жь зимы (1411) сяде на Царствѣ въ Ордѣ Царь Темиръ, а Едигей „Князь вмалѣ убѣжа . . . Того жь лѣта Тохтамышевъ сынъ Салтанъ взя „изгономъ Ординскія улусы и пограбилъ . . . Тое жь зимы“ (въ 1412 г.) „сяде Зелени-Салтанъ на Царствѣ, а Едигея прогна . . . Того жь лѣта „отъ Царя Зелени-Салтана пріиде во Тферь посолъ лютъ, зовя съ собою „Вел. Кн. Ивана Михайловича въ Орду . . . Того жь лѣта выйдоша изъ „Орды Князи Нижняго Новагорода, пожалованы отъ Царя Зелени-Салта-„на ихъ отчиною.“ Тамъ же, г. 1411: „Тое жь зимы Генв., на память Св. „Ивана Кущника, бысть бой на Лысковѣ Князю Петру Дмитріевичу „Московскому и Княземъ Ростовскимъ и Ярославскимъ и Суждальскимъ „со Княземъ Даниломъ Борисовичемъ изъ Нижняго Новагорода и съ его „братомъ, со Княземъ Иваномъ, и съ Болгарскими Князми и Жукотен-„скимъ . . . и ту убіенъ бысть Князь Данило Васильевичь. . . сташа же „на костехъ Князи Новогородскіе и Казанстіи . . . . Того жь лѣта Фо-„тій Митрополитъ пойде съ Москвы въ Володимерь . . . и се Князь Да-„нило Борисовичь Нижняго Новагорода, укрывся тайно отъ всѣхъ, при-„веде къ себѣ Царевича Талыча, и посла съ нимъ изгономъ къ Володиме-„ру Боярина своего, Семена Карамышева, а съ нимъ 250 Татаръ, а Руси „полтретья ста же,“ и проч. Далѣе: „Фотій Митрополитъ послѣ Ве-„черни пойде въ свою Митрополичью волость Іюля 2, и бывшу ему на „*Святомъ* озерѣ своемъ у Церкви Св. Преображенія, яже поставилъ Ки-„пріанъ Митрополитъ и часто тамъ живалъ, зане же любилъ лѣсныя „пустынная мѣста, и многія тамо озера Митрополичи и мѣста крѣпки „и непроходимы, и тамо изъ Володимеря пріиде вѣсть къ Фотію . . . и „отъиде въ лѣсы на озера свои Сенежскія. Татаромъ же не постигшимъ „Фотія . . . и стадо градское взяша и посады пожгоша . . . Тогда жь „въ Соборнѣй церкви затворися Ключарь, Священникъ Патрекій, родомъ „Гречинъ, иже пріиде съ Фотіемъ изъ Грекъ, нарочитъ и много добродѣ-„теленъ мужъ, и поимавъ сосуды церковные серебряные и златые, и „елико кузни поспѣша подхватити, и вознесе на церковь, и тамо нѣкі-„ихъ людій посади, а самъ сошедъ лѣствицы отмета, и ста въ церкви „единъ предъ образомъ Богородицы плачась, а Татарове крячаще Рускимъ „языкомъ, да отворятъ имъ двери церковныя . . . и высѣкоша двери, и „икону Богородицы одраша и всю церковь разграбиша, а Презвитера „Патрекія начаша мучити о прочей кузни . . . Онъ же никако же не „сказа . . . и на сковородѣ огненѣ спекоша его, и за ногти щепы биша „и кожу одраша и ноги прорѣзавъ, уже вдернувъ, по хвостѣ у коня вла-„чиша . . . и тако скончася . . . Глаголаху же, иже тогда въ плѣненіи „томъ быша, яко толикое множество богатства снесоша“ (Татары), „порты драгія и вещи многоцѣнныя складше яко сѣнныя копны пожго-„ша, не могуще бо взяти съ собою, но точію златое и сребреное, и

„кузно, и драгоцѣнныя ризы . . . а денги мѣрками дѣлиша межь собою.
„Въ томъ пожарѣ и колокола разліяшась . . . Бысть же сіе Іюля 3.—Фо-
„тій же Митрополитъ постави у озера своего у Сенгу на брезѣ на лѣ-
„су церковь Рождество Богородицы . . . и нача жити тамо Священно-
„инокъ Пахомей Болгаринъ, иже пріиде на Русь съ Фотіемъ, живый пре-
„же въ пустыни во Аммoрейской у того же великого старца Акакія, у
„него же и Фотій . . . И пребысть Фотій въ Сенгу 4 недѣли и 3 дни
„во умиленіи . . . часто приходя и смотряя лѣсы великія и дебри пу-
„стынныя и тишину и молчаніе веліе . . . И Князь Великій, Василей
„Дмитріевичь, посылаетъ къ нему, зовя его на Москву . . . и срѣте его,
„и бесѣдоваша о бывшемъ напестівіи," и проч. — Озеро *Свято* и нынѣ
извѣстно въ Владимірской Губерніи, также и село *Синжаны*, гдѣ, какъ
вѣроятно, *были Сенежскія* пустыни.

(212) *Никон. Лѣт.* г. 1411: „Князь Александръ Ивановичь Тверскій по-
„ѣхалъ со Твери въ Литву, и наѣхалъ Короля (Польскаго) и Витовта на
„Кіевѣ, а Зелени-Салтанъ" (еще не будучи Ханомъ) „тамо же бяше у
„Витовта . . . . Того жь лѣта (1412) взяша единачество межи собою
„Витовтъ и Кн Иванъ Михайловичь Тверскій."

(213) *Никон. Лѣт.* г. 1412: „Авг. въ 15 пойде въ Орду Кн. В. Иванъ
„Михайловичь Тферскій рѣкою Волгою въ судѣхъ, благословясь у Еписко-
„па Антонія . . . и проводиша его сынове его и множество народа со
„слезами, а съ нимъ Бояръ и слугъ множество; а иніи Бояре и слуги про-
„водиша его до Нижняго . . . а въ Ордѣ до его прихода той злый напъ
„недругъ Зелени-Салтанъ умре, застрѣленъ на войнѣ отъ брата своего
„Кирмбердья." Тамъ же, г. 1408: „Тое же осени Окт. Кн. Вел. Иванъ
„Мих. Тферскій пойде ратью къ Кашину на братанича своего, на Князя
„Ивана Борисовича; онъ же бѣже на Москву; а Кн. Вел. Иванъ Мих. при-
„шедъ къ Кашину, помирися съ братомъ своимъ, Василіемъ Михайлови-
„чемъ Кашинскимъ; а сноху свою, Княгиню Борисову, приведе во Тферь,
„а на Кашинѣ посади Намѣстники своя и дань на нихъ взя" . . . Въ *Троицк.
Лѣт.*: „Тое же весны Князь Юрьи Всеволодичь Тферскій пріиде изъ Орды
„и приведе съ собою на помощь посолъ именемъ . . . добиваяся Кашина,
„да третьей части Тфери: Князь же Иванъ Михайловичь не съступися
„ему; они же възвратишася къ Царю Булатъ-Салтану." Далѣе въ *Никон.
Лѣт.*: „Дек. въ 8 день (1411), бывшу Князю Василью Михайловичу на
„праздникъ Св. Зачатія въ своемъ селѣ Стражковѣ, и поющимъ имъ Ве-
„черню уже по Прокимнѣ, и полетѣ отъ Кашина змѣй великъ зѣло и стра-
„шенъ, дыша огнемъ, и летяше отъ Востока къ Западу къ нѣкоему озе-
„ру, аки заря свѣтясь . . . . Бысть межи Вел. Кн. Иваномъ Мих. и Ва-
„силіемъ Мих. Кашинскимъ нелюбіе веліе (въ 1412 г.), и повелѣ Вел. Кн.
„Иванъ Кн. Василія Мих. изымати и Бояръ его и слугъ Іюня въ 28 день,
„а въ Кашинъ посла своего Намѣстника, а Княгиню его повелѣ приве-
„сти во Тферь. Тажь на завтріе въ Четвертокъ по Вечерни посла за
„сторожи Кн. Василія Мих. на Новой городокъ, и бывшимъ имъ на Пе-
„револоцѣ, и сойдоша съ коней, и Князь преже всѣхъ погна на кони въ
„одномъ терликѣ и безъ кивера, и перебреде рѣку Тмаку, и погнаше не

„дорогами; и лучись ему въ нѣкоемъ селѣ обрѣсти человѣка, иже печа-„шесь о немъ и храниле его втаю въ лѣсѣ, и переимая вѣсти и побѣже „съ нимъ къ Москвѣ, а здѣ много искавше и не обрѣтоша . . . Кн. Ва-„силей Мих. пойде съ Москвы въ Орду ко Царю Зелени-Салтану . . . . „Авг. въ 1 день Кн. Великій Василей Дмитріевичь пойде въ Орду со мно-„жествомъ богатства и со всѣми Вельможами, да съ нимъ Князь Иванъ „Васильевичь Ярославскій . . . Окт. о Дмитріевѣ дни выйде изъ Орды „Великій Князь В. Дм. . . . Дек. въ 24 пріиде Князь Василей Михайл. въ „Кашинъ съ Татары, и Князь Иванъ Борисовичь, и застава Тферская въ „городъ Кашинъ его не пустиша, и Кн. Василей Мих. опять пошелъ въ „Орду. . . . Князь Иванъ Мих. Тферскій пріиде во Тферь Апр 9 въ „день . . . и срѣтоша его со кресты.“

(214) Длугош. Hist. Polon. кн. XI, стр. 394. Длугошъ называетъ Керимбердея сыномъ Зелени-Салтана (Solthan Zeledin). — *Никон. Лѣт.* г 1415: „Пріидоша Татарове мнози и воеваша по Задонью власти Резанскія, и „градъ Елецъ взяша и Елецкого Князя убиша; а иніи въ Резань убѣжа-„ша . . . Того же лѣта (1422) Авг. въ 31 день Царь Баракъ побилъ Куй-„дата Царя . . . Царь Баракъ приходилъ“ (въ Сент. 1422 г.) „къ Одоеву „ратью . . . Царь Куйдадатъ“ (въ исходѣ 1423 г.) „паки пріиде ратью „къ Одоеву на Кн. Юрья Романовича Одоевскаго, и слыша то Витовтъ „и посла къ Василью Дмитріевичу, чтобъ послалъ помощь на Царя, а „самъ послалъ Кн Андрея Михайловича ратью и Кн. Андрея Всеволодови-„ча и Кн. Ивана нарицаемаго Бабу, и брата его Путяту Друцкихъ „Князей, и Кн. Дмитріа Всеволодича и Григорья Протасьевича, Воеводу „Мченского Они же шедше со Княземъ Юрьемъ Романовичемъ Одоев-„скимъ Куйдата прогониша . . . и двѣ Царицы его поймаша. . . . Тогда „же убили и Когчю, богатыря Татарскаго, велика суща тѣломъ и си-„лою.“— Абульгази называетъ Барака сыномъ Койричака или Каверчи-„ка, а 8 Тохтамышевыхъ сыновей слѣдующими именами: Dsalaludin, Dsa-„barbirdi, Kajuk, Karim-birdi, Iskander, Abusait, Chodsa, Kadir-birdi.

(215) Длугош. Hist. Polon. кн. XI, стр. 375 и 409.

(216) Въ *Псков. Лѣт.* г. 1422. „Витовтъ, събравъ силы многы, не ток-„мо Литву, но Москвичь и Тферичь, иде на Прусы и вэя градъ Голубъ „и воева землю ихъ 3 мѣсяци, и возвратись миру не вземь, и многіи рат-„віи его тогда гладомъ изомроша.“ См. Гадебуша Livl. Jahrbüch. г. 1422, стр. 54. Великій Магистеръ Нѣмецкаго Ордена въ 1413 году писалъ къ своему двоюродному брату, фонъ Плауэну, о союзѣ Витовта съ Новогородцами, Псковитянами и mit den grossen Russen (между бумагами Кенигсберг. Архива No 631). Въ письмѣ своемъ къ Королю Богемскому (подъ No 632) говоритъ онъ о дружествѣ сего Литовскаго Князя *со всѣмъ народомъ Русскимъ*, mit der ganczen Russischen Czunge; а въ другомъ письмѣ (подъ No 641) проситъ Короля взять въ свою службу какого-то *Россійскаго Герцога Вайгеля*, выѣхавшаго въ Пруссію, кажется, изъ Литвы.

(217) Въ *Новог.* Попа Іоанна, г. 1407: „Пріиде въ Новгородъ Кн. Семе-„онъ Олгердовичь. . . . Пріиде въ Новгородъ Князь Константинъ Дмитрее-„вичь отъ Великого Князя на Намѣстничество (въ 1408). . . Лугвенъ (въ

„1412 г.) съѣха въ *Литву* и Намѣстникы сведе съ пригородовъ Новго-„родскихъ . . . а Король *Ягайло* и Витовтъ и *Лутвень* вскинуша грамоты „възметны къ Новугороду Генв. 2, а рекъ тако Король и Витовтъ: что „были есте намъ нялися служить и вамъ было Нѣмцемъ такожь сложи-„ти, а съ нами заедино стати и закрѣпитися на обѣ сторонѣ въ за-„пасъ . . . и мы къ вамъ послали Боаръ своихъ, Немира и Зиновья Брато-„шича . . . и вы Немиру отвѣчали: не можемъ Новгородъ того учинити; „какъ есмя съ *Литовскымъ* мирны, такъ есмя и съ Нѣмци мирны. Мы Кн. „*Лугвеня* вывели отъ васъ, а съ Нѣмци есмы *миръ вѣчный* взяли и съ Угры „и съ всѣми нашими граничьникы . . . А еще люди ваши намъ лаяли, насъ „бесчествовали . . . . А *Лугвень* рече: дръжали мя есте у себе хлѣбокор-„мленіемъ," и проч. . . . „Той же весны (1414) пойдоша въ *Литву* послове „Новогородскіи, Посадникъ Юрья Онцифоровичь, Офонасъ Федоровичь, „сынъ Посадничь, Федоръ Трябло, и взяша съ Княземъ Витовтомъ миръ „по старинѣ."

Стриковскій напротивъ того пишетъ басню, что въ семъ году Псковитяне и Новогородцы признали Витовта своимъ Государемъ; что первые обязались давать ему ежегодно 5000 червонцевъ, 50 Нѣмецкихъ коней, по двадцати кожъ волчьихъ, медвѣжьихъ и лисьихъ: куницъ же, соболей, бѣлокъ и горностаевъ по сороку, а Новогородцы вдвое того; что Витовтъ сдѣлалъ *начальникомъ во Псковѣ Князя Георгія Носса*, а въ Новѣгородѣ Князя Симеона Алгимунта Гольшанскаго.

(218) Въ *Новог. Лѣт.*: „Того же лѣта (1392), вышедше изъ моря Нѣмци „разбойницы въ рѣку *Неву*, *взяша села по обѣ стороны рѣки за 5 верстъ* „до Орѣшка, и Кн. Симеонъ *Лугвеній* съ Городчаны сугнавъ ихъ, избиша, „а иныхъ разогнаша, и языковъ въ Новгородъ приведоша . . . Приходиша „Нѣмци Свѣя (г. 1395) къ новому городку къ *Ямѣ*, и прочь пойдоша; и „Князь Костянтинъ съ Городчаны иныхъ изби, а иніи убѣжаша. . . Той „же осени (г. 1397) Нѣмци взяша 7 селъ у *Ямского* городка и пожгоша . . . „Пришедъ Свія (г. 1411) войною и взяша пригородъ Новгородскій Тиверскій, и Новогородци вскорѣ пойдоша на Свѣю только за 3 дни по сей „вѣсти съ Кн. Семеномъ Олгердовичемъ, и пришедше въ Свѣйскую землю, „села ихъ повоевавъ и пожгоша, а Свѣи много исѣкоша, а у города у „Выбора охабень вземъ и пожгоша Марта въ 26, и пріидоша въ Новго-„родъ съ множествомъ полона; а Воеводы были Фома Есиповичь и По-„садникъ Александръ Фоминичь, Иванъ Даниловичь, Григорей Богдановичь, „Афанасъ Есиповичь, сынъ Посадничь, Фома Трощикинъ, Дмитрій Ива-„новичь, Андрей Ивановичь, Есипъ Филиповичь, Аврамъ Стефановичь; а „Нѣмци у Выбора только единого Новогородця убиша, Павла съ Путиной „улици." — Далѣе: „Ходиша изъ Заволочья войною на Мурманы Новгородскымъ повелѣніемъ, а Воевода Яковъ Стефановичь, Посадникъ Двиньскый, и повоеваша ихъ. . . . Пришедше Мурмане войною" (въ 1419 году) „въ 500 человѣкъ въ бусахъ и въ шнекахъ, повоеваша въ *Аргузѣ* погостъ „Корельскый и въ земли Заволоцкой погосты, въ Ненoксѣ Корельскомъ „монастырь Св. Николы, Конечный погостъ, Яковлю, Курью, Ондреяновъ „берегъ, *Кигъ островъ, Кяръ островъ, Михайловъ монастырь, Чигловинъ*,

„Хечинима; 3 церкви сожгли, а Христіанъ и Черноризецъ посѣкли; а За-„волочане 2 шнеки Мурманъ избиша, а иніи избѣгоша на море." — О Нѣмцахъ: „Той же осени (1420) пріидоша изъ Нѣмецкой земли послове отъ „Местера Селивестра, Вельядскій Кумендеръ Гостило, и сестричичь Ме-„стеровъ Тимоѳей, и Воевода Ругодивскый Еремейко, и докончаша съ „Княземъ Костянтиномъ и съ всѣмъ В. Новымгородомъ, что быти на „съѣздъ Местеру, а Князю Костянтину и Новогородцемъ послати сво-„ихъ Бояръ, и послаша Намѣстника Князя Великого, Кн. Ѳедора Па-„трекеевичь, и Княжа Боярина Костянтинова, Андрея Костянтиновича, „Посадника Новогородскаго Василія Есиповичь, Посадника Офонаса Ѳе-„доровичь, Якова Дмитреевичь, Михаила Юрьевичь, Наума Ивановичь; они „же наѣхаша Местера на Наровѣ, и взяша вѣчный миръ по старинѣ, ка-„ко былъ при Вел. Князѣ Александрѣ Ярославичь." См. Арнта Liefland. Chron. г. 1420. *Еремейко* есть Германъ. Къ мирной грамотѣ были привѣшены 6 печатей. Я нашелъ Нѣмецкій переводъ сей или другой грамоты *между* Архивскими Кенигсбергскими бумагами No 320. Начало: Von dem Groszin Koninge Constantyn Demytirson, von dem Burggrafen von Nogharden Myckytenson, von dem Herzogen — v. Nogharden Cuseman Terentenson, van alle Groszin Nogharden: ich Koning Constantyne Dymytirson, ich habe gesant myne Boden Zachare, mynen Boyaren Jhezypisson und v. Nogharden ist Phyphylate Wassileusone, und haben geendiget eynen frede, alse vor uns und vor Pieskow mit dem Meister v. Riga und mit dem Bischope v. Darpte, и проч. Здѣсь Королемъ названъ Князь Бургграфомъ Посадникъ, а *Герцогомъ* Тысячской. Въ договорѣ сказано, что рѣка Нарва служитъ границею; что Нѣмцы не должны на другой сторонѣ ея рубить лѣса, косить сѣна и проч.; не должны также изъ Выборга и Ревеля пропускать хлѣба сухимъ путемъ въ Россію, ни Шведскаго войска; что купцы наши свободно ѣздятъ и торгуютъ въ Ливоніи· de soll haben eynen reynen Weg. Года не поставлено.

Чрезъ нѣсколько времени Новогородцы, будучи въ ссорѣ съ иноземными купцами, многихъ изъ нихъ заключили въ оковы, описали ихъ имѣніе и на воротахъ Нѣмецкаго двора повѣсили одного Россіянина за то, что онъ взялся отправить въ Германію письмо купца Ганнса (см. Гадебуш. Livland. Jahrbuch. г. 1424).

(219) Въ *Новгород. Лѣт.* г. 1418:„ Того жь мѣсяца (Апрѣля) съдѣяся „тако наученіемъ Діаволимъ: человѣкъ нѣкый Степанко, изымавше Боярина Данила Ивановичь, Божина внука ...... Людіе же влечахуть его (Боярина) и казниша его ранами близъ смерти. Жена же нѣкая, отъвръгши „женскую немощь и всемщи мужескую крѣпость, вскочивши посреди „сонмища, дасть ему раны, укаряюще его ... и сведше его съ Вѣча, и „сринуша съ мосту. Нѣкто же людинъ, Личковъ сынъ рыболовъ, въсхы-„ти его въ челнъ ..... Начаша звонити Вѣче на Ярославлѣ дворѣ ... И на „Яневѣ улицѣ берегъ пограбиша .... и Кузмодемьянци отъяша Степанка „и молиша Архіепископа, да пошлетъ къ собранію людску. Святитель же „посла его съ Попомъ, да своимъ Бояриномъ: они же пріяша его, и паки „възъярившеся на много Боярина, на Ивана Іевлича на Чюдницевѣ улицѣ.... „И много же утра на Люгощѣ улицѣ изграбиша дворовъ много ... и на

„Прускую пріидоша... и они ошибишась..... Того же дни въ лютую ту „брань бысть громъ великъ и молніе блистаніе и дождь и градъ, или того ради, или строеніемъ Вышняго на потребу живущимъ народомъ.... „А въ то время прилучися быти Варламу Архимандриту Св. Георгія. и „глагола ему Святитель: послѣдуй ми...... И пріиде къ нему Посадникъ „Федоръ Тимофеевичь съ иными Посадникы и Тысяцкыми, глаголюще, да „уставить народъ. Владыка же посла Архимандрита Варлама и отца своего духовнаго и Протодіакона на Ярославль дворъ ко Св. Николѣ, да „подають благословеніе его *Степенному*" (правительствующему) „Посаднику Василью Есиповичь и Тысяцкому Кузмѣ Терентьевичь и всему „народу," и проч.

(220) „Съ Вашкы, изъ Князя Великого отчины Княжь Бояринъ Юрьевъ „Глѣбъ Семеновичь, съ Новогородскыми бѣглеци и съ Устьюжаны и съ „Вятчаны изъѣхаша въ насадѣхъ безъ вѣсти Заволоцкую землю, и „повоеваша волость Борокъ, Ивановыхъ дѣтей Васильевичь, и Емцу и „Колмогоры взеть и пожьгли, и Бояръ Новогородскыхъ изымаша, Юрья „Ивановичь и брата его Самсона. Иванъ Федоровичь, братъ его Офонасъ, „Гаврила Кириковичь, Исакъ Ондреевичь, сугнавъ ихъ подъ Моржомъ на „островѣ, братію свою Самсона и Юрья отъяша, и полонъ весь съ животы, а ихъ отпустиша; а Василій Юрьевичь, сынъ Посадничь, Самсонъ „Ивановичь, Гаврила Кириловичь, братъ его Григорей съ Заволочаны идоша за разбойникы въ погоню, и пограбиша Устюгъ."

(221) См. *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна, г. 1419. Константинъ пріѣхалъ въ Новгородъ Февр. 25 въ 1420 г., а возвратился въ Москву въ 1421.

(222) Кранц. Wandal. кн. XI, стр. 251: Russorum tum urbem clarissimam, Nouguardiom vocant, tanta lues invasit epidemiae, ut intra sex menses octuaginta hominum millia perirent, tanta, ut ferunt, celeritate, ut ambulantes in plateis mox deciderent, et ad sepulchra mortuorum qui sani tumulandis aliis advenerant, cum mortuis mortui tumularentur. Въ *Псков. Лѣт.*: „Бысть моръ въ Псковѣ, „яко же не бывалъ таковъ" (въ 1390 г.): „гдѣ бо единому выкопали, ту и „пятеро и десятеро положиша.... Того же лѣта (1404) бысть моръ во „Псковѣ съ Спасова дни; начаша преже мрети малыя дѣткы, и потомъ „старыя и младыя, а знатьба" (признакъ) „бяше такова: аще кому явится гдѣ желѣза, то на другый или на третій день умираше; а пришелъ „тотъ моръ изъ Юрьева отъ Нѣмецъ.... Тоя жъ осени (1406) бысть „моръ великъ въ Псковѣ и по пригородомъ, а мряху желѣзою; тоя же „осени бысть дождя много.... Не на длзѣ времени отъ Спасова дни" (въ 1420 году)„ начаша въ Псковѣ и по волостемъ мрети малыя дѣтскы, „и потомъ юноша и дѣвы, и мужи и жены, и старыя мряху, но мало; и „бысть моръ великъ зѣло, и мнози тогда мужи и жены пріяша Ангельскый образъ... Тогда начаша искати, гдѣ была первая церковь Св. Власей, а на томъ мѣстѣ стояше дворъ Артемьевъ, воротове, и Псковичи „давши ему сребро и изрывше дворъ, обрѣтоша престолъ, и на томъ мѣстѣ въ единъ день поставиша церковь во имя Св. Спаса, и освящаша и „Литургію свершиша Сент. въ 14... и мряху тогда желѣзою отъ Спасова дни и до Крещенья... а пришло отъ Нѣмецъ изъ Юрьева."

Въ *Новогород. Лѣт.*: „Того жъ лѣта“ (1389 или 1390)„ бысть моръ въ „Новѣгородѣ силенъ велми ..... Въ то же лѣто и зиму (1417) бѣ моръ страшенъ въ Новѣгородѣ, и въ Ладозѣ, и въ Русѣ, въ Порховѣ, въ Псковѣ, и въ „Торжьку, въ Дмитровѣ и въ Тфери .... на всякъ день умираху толко, яко- „же не успѣваху погребати ихъ, а дворовъ много затвориша безъ людей. „Прежъ яко рогатиною ударитъ, и явится желѣза, или начнетъ кровію „харкати и дрожь иметъ и огнь разжетъ по всѣмъ съставомъ человѣчь- „скымъ ..... и два Посадника преставишася въ Ангельскомъ чину, Иванъ „Александровичь и Борисъ Васильевичь .. Владыка Симеонъ съ кресты обходи „около града .... и Христіане ови на конехъ, ови пѣши изъ лѣса берна „(бревна) привозивъ, поставиша церковь Св. Настасію, и свяща ю Арх. „Симеонъ того же дни, а въ остаточныхъ бревнахъ поставиша церковь „Св. Илію конецъ Пруской улици; а Новотрьжане такожъ единымъ ут- „ромъ Св. Аѳанасіа, и Литургію съвръшиша .. . Въ си два лѣта“ (1421 и 1422) „бысть гладъ и моръ великъ, и наметаша мертвыхъ 3 скудельни- „ци, едину у Св. Софіи за олтаремъ, а 2 у Рожества на полѣ.“ Въ *Ростов. Лѣт.*: „тое же осени Сент. въ 8 день“ (1421 г.) „поча быти „болѣзнь коркотная, и на зиму гладъ бысть.“ Далѣе въ *Новог. Лѣт.*: „Того же лѣта (1424) моръ бысть въ Новѣгородѣ желѣзою и хракъ „кровію.“

Въ *Троицк. Лѣт.*: „Тое же осени (1401) моръ бысть на люди въ Смо- „леньскѣ .... Того же лѣта (1408) бысть моръ на люди по многымъ стра- „намъ, а болѣсть такова: первое разболится человѣкъ, и руцѣ и нозѣ „прикорчитъ, и шею скривитъ, и зубы скрегчетъ, и кости хрястятъ, и „съставы въ немъ проскотаху; кричитъ, вопитъ; у иныхъ же и мысль „измѣнится, и умъ отымется; иные одинъ день поболѣвше умираху, а „иные полтора дни, а иные два дни; а иныхъ Богъ миловаше: поболѣвше „3 дни или 4, и паки здрави бываху. Сею же болѣстью умирали въ воло- „стехъ во Ржевскихъ Волотьскыхъ, Можайскихъ, Дмитрѣвскихъ, Звени- „городскихъ, Переяславскыхъ, Володимерскихъ, Рязаньскихъ, Торускихъ, „Юрьевскихъ, есть же индѣ и по Московьскимъ волостемъ.“

Ростов. Лѣт.: „Въ лѣто 6928 (1420) бысть моръ силенъ на Костромѣ „и въ Ярославлѣ, въ Галичѣ, во Плесѣ, въ Ростовѣ; началъ отъ Успенія, „и тако вымроша, яко и жита бѣ жати некому; а снѣгъ паде на Ники- „тинъ день, и иде 3 дни и 3 нощи: паде его на 4 пяди, и потомъ сойде, „и мало кто что сожа, и бысть гладъ по мору.“

Въ *Псков. Лѣт*, г. 1411: „Того же лѣта Псковичи сожгоша 12 жон- „кѣ вѣщихъ.“

Въ *Никон. Лѣт.* г. 1422: „Гладъ бысть великъ по всей Руской земли и „по Новогородской; и мнози людіе помроша съ голоду, а иніи изъ Руси „въ Литву изыдоша, а иніи на путехъ съ глада и съ студени помро- „ша: бѣ бо зима студена велми; а ини же и мертвыя скоты ядоша, и „кони, и псы, и кошки, и кроты, и люди людей ... и купиша тогда на „Москвѣ оковъ ржи (4 четверти) по полутора рубля“ (въ другихъ спис- кахъ *по рублю*)„ а на Костромѣ по 2 рубли, а въ Нижнемъ Новѣгородѣ „по 6 рублевъ.“ Въ *Псков. Лѣт.* г. 1420: „На всю Рускую землю бысть

„гладъ великъ по три годы, и преже въ Новѣгородѣ и по всѣмъ ихъ во„лостемъ, и на Москвѣ, и по всей Московской и по Тферской, и толми „бысть тамо дорогъ хлѣбъ, яко на единомъ ковризѣ дати полтына, али „како во торжице; а ржи наша четверетка чего кто запросилъ; а инiи „съ усердiемъ даваху; а еже бы гдѣ зобница купити ржи или овса, та„ковыхъ мало обрѣтаху . . . . А въ Псковѣ тогда бяше старыхъ лѣтъ „клѣти всякого обилiа изнасыпаны на Крому; и пойдоша ко Пскову Но„вогородци, Корѣла, Чюдь, Вожани и Тферичи, и Москвичи, и просто „рещи, съ всей Руской земли, и начаша по волостемъ и по пригородомъ „и въ Псковѣ купяще рожь, возити за рубежь, и въ Псковѣ тогда бя„ше зобница ржи по 70 ногатъ, а жита по 50, а овса по 30 ногатъ, а „на полтыну ржи 2½ зобници . . . . и накладоша тѣхъ пустошныхъ“ (бѣд-ныхъ пришельцевъ) „въ Псковѣ 4 скуделници.“

Въ *Новогород.* Голицынск. *Лѣт.* г. 6929 (1421): „бысть вода велми ве„лика въ Волховѣ и снесе 20 городенъ Великого мосту Апр. въ 21 . . . „мала же убо нѣкаа отъ части древеса остася у брега . . . . и про„чимъ мостомъ округъ града разрушенымъ быти; еще же и примост„ки уличнiи разбишася . . . . и храми мнози испровержены быша . . . и „нѣци живяху на връсѣхъ кождо храмины своея . . . друзiи же на иныя „мѣста преселишася . . . Иноци же убо не могуще ходити къ церквамъ, „но инiи въ ладьици путьшествують ко церквамъ; друзiи же по доскамъ „ходяще; во инѣхъ же церквахъ не мощно убо и Iереомъ Литургiи свър„шати . . . Еще же и ограды садовныя разбьены быша, и еже въ нихъ „древеса плодовита искоренена отъ буря вътряныя . . . Християне же „глаголаху: не сiе ли хощетъ Богъ и нынѣ навести на ны наказанiе, яко „же и при Нои? Се же бѣ мѣра вшествiю воды горѣ до градныхъ вратъ „Прускыя улицы. Въ то же пакы время, Маiя въ 19, въ заговѣнье Пе„трово въ полунощи, бысть трусъ на небеси велiй: вшедше туча силна „съ полудни и спуща громъ страшенъ и молнiя огнена съ небеси блескаю„ще, яко нѣсть можно человѣкомъ видѣти, и ста надъ градомъ, и убо „тученосный облакъ на огненное видѣнiе преложися . . . . и бысть дождь „силенъ и градъ, и убо каменiе валяшеся изъ облака . . . Священникомъ „же и самому Архiепископу пришедшимъ въ Св. Божiю церковь, моляще„ся Богу,“ и проч. См. ниже, примѣч. 254, подъ годомъ 1421.

Въ *Новогород. Лѣт.*: „Въ лѣто 6910 (1402) явися звѣзда хвостата на „Западѣ, лучь имуще свѣтелъ, и пребысть мѣсяць Мартъ весь.“ Въ *Никон. Лѣт.* подъ тѣмъ же годомъ: „Въ Великое говѣнiе мѣс. Марта явись на „Западѣ въ вечерней зарѣ звѣзда велика зѣло копейнымъ образомъ; въ вер„ху ея лучь великъ сiяше обходяще, ю же видѣхомъ за 12 днiй на Восто„цѣ восходящу и на Западѣ лѣтнемъ въ вечерней зарѣ сiяющу.“ Въ *Псков. Лѣт.*: „Явися звѣзда хвостатаа на западной странѣ и всхожаше съ про„чими звѣздами отъ *Свадебъ*“ (Февр. мѣс.) „до Вербной Субботы.“ (См. также Cometographie, г. 1402.

(223) Въ Голицын. *Новогородск. Лѣт.* г. 6910: „Сбывается слово Еван„гельское, яко же самъ Спасъ во Евангелiи рече: въ послѣдняя дни будутъ „знаменiя велика на небеси . . . и гладове и пагуби и трусы . . . воста-

„нецъ языкъ на языкъ . . . Се бо въсташа рапующе ово Тапарове, ово „же Туркове, индѣ же Фрязове . . . . Въсшающь раши, и правовѣрный „Князь на браша своего или на дядю . . . скуешь копіе свое . . . и спрѣ„лами своими спрѣляешь ближній ближнего . . . . И понеже время по„слѣднее приходишь," и проч. — Въ *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна: „И Влады„ка Іоаннъ благослови Великій Новгородъ . . . . а Псковичемъ бы еще „нелюбья опдали, зане жь, дѣши, видише уже послѣднее время!"

(224) Великій Князь скончался въ шретьемъ часу ночи.

Въ *Договорн. грамотѣ* Василія Димитревича съ Ѳеодоромъ Ольговичемъ Рязанскимъ (въ *Собр. Государст. Грамотъ* I, 65) сказано: „А со Кня„земъ съ Семеномъ съ Романовичемъ съ *Новосильскимъ* и съ *Торускими* „Князи шакже взяши ши любовь . . . зане же ши Князи *со мною одинъ* „человѣкъ:" що есть, они были его присяжниками. Перемышль и Козельскъ находились въ числѣ городовъ Князя Владиміра Андреевича *Храбраго* (см. въ его завѣщаніи). — Князья Росшовскіе были Намѣсшниками во Псковѣ и Двинской землѣ, какъ мы выше сказали. — Въ Хлыновской лѣтописи: „Великій Князь Василій Димипрьевичь весною посылалъ рашь на Вятку, „съ Княземъ Семеномъ Ряполовскимъ, и ничшо же успѣвъ, вороппились." Въ договорной грамотѣ Василія Темнаго съ Юріемъ сказано: „также что „тя пожаловалъ отецъ мой, Князь Великій Василей Дмипреевичь. *Вяткою* „и съ слободами и со всѣми мѣсшы" (см. *Древн. Рос. Вивліоѳ.* I, 160). Увидимъ послѣ, что Кн. Ряполовскій ходилъ къ Вяткѣ уже при Темномъ. — Далѣе въ договорной Рязан. грамотѣ сказано: „на семъ, браше *мо„лодшій,* Князь Великій Ѳедоръ Олговичь, цѣлуй ко мнѣ креспъ къ своему „брату *старѣйшему* . . . имѣши ти меня собѣ братомъ *старѣйшимъ,* а „брапью мою молодшюю, Кн. Володимера Ондреевича и К. Юрья Ди„шреевича имѣши собѣ *братьею;* а меньшюю нашу брапью, К. Ондрея „Дмипреевича и К. Петра имѣши ши собѣ брапьею *молодшею* . . . Быши „ши съ нами вездѣ за одинъ по думѣ . . . а не приспашь ши къ Тапа„ромъ никошорою хипросшью. А будешь ши Киличея" (посла) „послапи „въ Орду . . . или къ шебѣ посолъ Тапарской придешь, и шобѣ шого „почипиши Креспьянского *дѣля* добра . . . А что ши слышевъ опъ Ор„ды, а що ши намъ повѣдаши . . . . . А чшо на Рѣзанской сторонѣ за „Окою . . . какъ ся опспупили Князи Торускіе Ѳедоръ Славичь ша „мѣста къ Рѣзани . . . Такъ же мнѣ, Князю Великому, въ землю Рѣзан„скую и во Князи Рѣзанскіе не вспупашися; а со Княземъ съ Великимъ „съ Иваномъ Володимеровичемъ взяши любовь по давнымъ грамоппамъ. А „чшо ся учинипъ межи васъ какова обида, и вамъ опслаши своихъ Бояръ, „ино учинять исправу; а о чемъ ся сопрупъ, ино имъ прешей Мипропо„липъ; а кого Мипрополипъ обвинишь, ино обидное опдаши; а не оп„дасшь, ино мнѣ, Князю Великому, оправиши . . . На кого помолвипъ „прешей, и виноватой опдасшь; а не опдасшь, и правой пошлешъ къ Ве„ликому Князю Василью Дмипреевичу, и Князь Великій пошлешъ къ ви„новатому въ первые, и въ другіе, и въ шрешьи; а не послушаешь вино„ватый и Кн. Велик. Василья Дмипреевича, а не опдасшь, Князю Ве„ликому исправиши, а цѣлованья не сложиши, а що ему не въ измѣну. А

„коли позоутся на трешей, а въ то время рать на того будетъ, или „посолъ Татарской въ землѣ, инъ за тѣмъ не поѣдетъ на третей, въ „томъ ему вины нѣтъ . . . А что будетъ Мещерская мѣста, что ку- „пилъ отецъ твой, К. В. Олегъ Ивановичь, или вы, или ваши Бояре, въ „та мѣста тобѣ Князю Вел. Өедору Олговичу, не вступатися; а земля „къ Мещерѣ по давному, какъ было при Великомъ Князѣ Иванѣ Яросла- „вичѣ и при Князи Александрѣ Уковичѣ . . . а что была рать отца мо- „его въ твоей вотчинѣ при твоемъ отци, и Княже Романова Новосиль- „ского, и Князей Торускихъ, намъ отпустити полонъ весь; а что взято „на полоняницѣхъ, а то намъ отдати . . . А третей межи насъ хто хо- „четъ, тотъ воименуетъ при Князи Крестьянскіе; а на комъ ищутъ, „тотъ собѣ изберетъ изъ трехъ одиного . . . А пошлина съ бѣглеца съ „семьи два алтына, а съ одинца алтынъ. А мыты мы держати старые „пошлые . . . а мыта съ воза и въ городѣхъ и всѣхъ пошлинъ денга; а съ „пѣшеходца мыта нѣтъ, а иныхъ всѣхъ пошлинъ съ рубля алтынъ, а съ „лодьи съ доски по алтыну, а съ струга съ набои два алтына, а безъ „набои денга, а Князей Великихъ лодьи пошлинъ нѣтъ . . . А что ся „будетъ учинилося межи насъ въ перемирье обида, и межи Князя Великого „Ивана, и межи Князя Романа, и межи Князей Торускихъ, то оправити „по первой грамотѣ по перемирной. А всхочетъ съ тобою тесть мой „Князь Великій Витофтъ любви, ино тебѣ съ нимъ взяти любовь со „мною по думѣ, какъ будетъ годно . . . Писана на Москвѣ въ лѣто 6911, „Индикта 11, мѣсяца Ноября въ 25 день."

(225) „Тое жъ зимы" (въ 1422 или 1423 году) „Софья Васильева Дми- „тріевича съ сыномъ своимъ Васильемъ ѣздила ко отцу своему, Витовту, „въ Смоленескъ; а Князь Великій, отпустивъ ея съ Москвы, самъ пойде „на Коломну; а Фотій Митрополитъ у Витовта же былъ, а пошелъ „напередъ Великія Княгини."

(226) *Собраніе Госуд. Грамотъ*, I, 82: „А приказываю своего сына, Кня- „зя Василья, и свою Княгиню и свои дѣти своему брату и тьстю, Ве- „ликому Князю Витовту, какъ ми рекль: *на Бозѣ, да на немъ!* какъ ся „иметъ печаловати, и своей братьѣ молодшей Князю Ондрею Дмитрее- „вичу, и Кн. Петру Дм. и Кн. Костянтину Дм. и Кн. Семену Володи- „меровичу, и Кн. Ярославу Володимеровичу, и ихъ братьѣ, по ихъ докон- „чанью, какъ мы рекли."

(227) См. тамъ же. Василій отказалъ сыну изъ селъ Московскихъ Островское, Оринииское, Костянтиновское, Маляховское, деревни Жи- рошкины, Коломенское, сельцо подъ Москвою надъ Великимъ прудомъ, Хвостовское, и проч. Далѣе: „на Москвѣ дворъ Өоминской Ивановича у „Боровицкихъ воротъ, да другій, что былъ за Михайломъ за Вяжемъ, да „новой дворъ за городомъ у Св. Володимера . . . А сына своего Князя „Василья благословляю своею вотчиною *Великимъ Княженьемъ*, чѣмъ мя „благословилъ мой отецъ. А Княгинѣ моей изъ Костромы Иледамъ и съ „Комелою . . . да Нерехта, и съ варницами, и съ бортники, и съ бобров- „ники . . . А сына своего, К. Василья, благословляю своими примыслы, Но- „вымъгородомъ Нижнимъ со всѣмъ, да своимъ же примысломъ Муромомъ

„со всѣмъ . . . А тѣ волости и села, што есмь подавалъ своей Княгинѣ, „пославъ сынъ мой да моя Княгини опишютъ, да положатъ на нихъ дань „по людемъ и по силѣ; и Княгини моя дастъ съ тѣхъ волостей и съ селъ „дань по розочту, п ямъ . . . А перемѣнитъ Богъ Орду, и Княгини моя „емлетъ себѣ ту дань . . . а Волостели свои и Тіуни и доводщики су„дитъ сама . . . А тѣ волости и села Княгинѣ моей до ее живота; а по „ее животѣ, ино сыну моему Князю Василью, опроче Гжели, да Семцинь„ского села, да ее прикупа . . . вольна (въ томъ) Княгини моя, кому хо„четъ дати, тому дастъ. А кто иметъ Бояръ служити моей Княгинѣ, и „сынъ мой тѣхъ Бояръ блюдетъ. А благословляю сына своего Князя Ва„силья Страстьми большими, да крестъ честный животворящій Патрі„аршъ *Филофеевскій* . . . даю ему икону Парамшина дѣла, да чепь хресть„чатую, что мя благословилъ отецъ мой, да шапку золотую, да бармы, „да поясъ золотъ съ каменьемъ, что ми далъ отецъ мой, да другій поясъ „мой на чепехъ съ каменьемъ, да третій поясъ емужъ на синемъ ремени. „А изъ судовъ даю коропку сердоничную, да ковшъ золотъ Княжъ Се„меновской, да судно оковано золотомъ, что ми дала мати моя, да ка„менное судно велико, что ми отъ В. К. отъ Витовта привезлъ Князь „Семенъ, да кубокъ хрустальной, что ми Король прислалъ. А стада ко„быльи моей Княгинѣ съ моимъ сыномъ на полы; а опроче того, что ми „есть у мене, то все моей Княгинѣ. А холопи, которые есмь подавалъ „своей Княгинѣ при своемъ животѣ, тѣ ей и есть; а дастъ моя Княгини „моимъ дчеремъ изъ моихъ холоповъ по пяти семей; а опроче того всѣ „холопи мои на слободу и съ женами и дѣтьми . . . А у сее грамоты „были мои Бояре: Князь Юрій Патрикеевичь, Иванъ Дмитреевичь, Ми„хайло Ондреевичь, Иванъ Ѳедоровичь, Михайло Ѳедоровичь, Ѳедоръ Ива„новичь. А писалъ сю мою грамоту Олексѣй Стромиловъ" (въ другомъ спискѣ: „мой Дьякъ Тимоѳей Ачкасовъ"). „А хто сю мою грамоту пору„шитъ, судитъ ему Богъ, а не будетъ на немъ мое благословенье въ сій „вѣкъ, ни въ будущій."

(228) Въ *Собраніи Грамотъ*, I, 72. Сія духовная писана по кончинѣ Митрополита Кипріана, но еще при жизни Василіевой матери, супруги Донскаго, умершей въ 1407 году. Іоаннъ же, сынъ Василія Димитріевича, преставился въ 1417 г. лѣтомъ. Въ семъ завѣщаніи сказано: „даю моей „Княгинѣ два села въ *опришнину*:" сіе имя сдѣлается ужасно при Царѣ Іоаннѣ Василіевичѣ! Далѣе: „А ты, сынъ мой, держи матерь свою во чти „и въ матерствѣ, какъ Богъ реклъ... А о своемъ сынѣ и о своей Княги„нѣ покладаю на Бозѣ и на своемъ *дядѣ*, на Князи на Володимерѣ Ондре„евичѣ, и на своей братьи... А у сее грамоты были мои Бояре: Князь „Юрьи Ивановичь, Костянтинъ Дмитреевичь, Дмитрей Афинеевичь, Иванъ „Дмитреевичь, Вол... Иванъ Ѳедоровичь, Ѳедоръ Ѳедоровичь."

Въ Архивѣ находится еще договорная грамота Василія Димитріевича съ братьями Андреемъ и Петромъ, въ которой онъ утверждаетъ за ними и за ихъ дѣтьми данные имъ отъ Донскаго Удѣлы, и проч.

(229) См. выше, примѣч. 224.

(230) Въ *Троицк. Лѣт.*: „Въ лѣто 6906 (1398) бысть Царьгородъ въ „осадѣ . . . и рати стояху около города, поганіи Бесерменове, окаянніи „Туркове, сынъ Амуратовъ, братъ Чалибѣевъ, Баазытъ, со всѣ стороны „перея пути, и по морю и по суху, и тако стояша долго время, яко и „до седми лѣтъ.... Тогда Царь и Патріархъ и прочіи людьи въ печали бя„ху велицѣй и въ оскудѣньи, и то слышавъ Князь Великій и погадавъ „съ Митрополитомъ и съ прочими Князьми Рускими, и послаша сребро „милостыню во Царьгородъ. Съ Москвы поѣхалъ съ милостынею Родіонъ „Чернецъ Ослѣбя“ (не тотъ, который былъ въ сраженіи съ Мамаемъ на Куликовѣ полѣ?) „бывый преже Боляритъ Любутьскій; а Князь Михайло „Тферскій послалъ своего Протопопа Данила... Царь же и Патріархъ много „хваленья и благословенья всылаху Руси, и прислаша Князю Великому по„минокъ, икону чудну, на ней же написанъ Спасъ и Ангели, и Апостоли, „и Праведницы, а вси въ бѣлыхъ ризахъ; такожъ и Князю Михайлу „Тферскому прислаша икону Страшный судъ.“ Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Митрополитъ Кипріанъ убѣди́лъ и Рязанскаго Князя Олега и Витовта сдѣлать Грекамъ вспоможеніе. Въ другихъ прибавлено, что Россіяне отослали тогда 20,000 рублей серебра въ Царьградъ.

(231) См. Русскій переводъ Кедрина, въ продолженіи его Исторіи; также Memor. popul. II, 1033, и Дюканж. Famil. Aug. Byzant. 245. Въ одной краткой лѣтописи сказано: „того же лѣта (1404) приходила Царица „Калоанова въ Св. Лавру“ (Троицкую). Это не могла быть Анна, которая вышла замужъ черезъ 10 лѣтъ послѣ того. Ее погребли въ Константинополѣ, въ монастырѣ Богоматери, называемомъ τȣ Λιβὸς.

(232) Въ *Троицк. Лѣт.*: „Въ лѣто 6898 (1390) приде Кипріанъ Митр. „изо Царягорода на Русь, а съ нимъ придоста 2 Митрополита Грьчина, „Матеей Андріанопольскій, а другый Никандръ Гаанскый, Өедоръ *Епи„скопъ* Ростовскій, Ефросинъ Архіепископъ Суждальскій, Михайло Епи„скопъ Смоленскій, Исакій *Епископъ* Черниговскій“ (въ *Ростов. Лѣт.* Исакій названъ Архіепископомъ: см. ниже; въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Патріархъ Антоній далъ *тогда* Өеодору Ростовскому *Архіепископію*) „и Еремея Грьчинъ, Епископъ Рязанскій. Кипріанъ на Москву приде отъ „Кіева въ Великое говѣнье на Средокрестной недѣли . . . а Өедосъ Епи„скопъ бысть Турову.“ Въ *Никон. Лѣт.*: „И срѣте (Митрополита) самъ „Вел. Князь съ матерію своею Евдокіею и съ братіею и съ Бояры на „Котлѣ. и облечеся во Святительскій санъ Кипріанъ у *Николы у Ста„раго*“ (см. выше, примѣч. 194) „и пойде во градъ Москву.“ Тутъ упоминается еще о Даніилѣ, Епископѣ Звенигородскомъ.

Въ харатейномъ *Церковномъ Уставѣ*, находящемся въ Синодальной библіотекѣ подъ No 216, въ концѣ книги приписано слѣдующее:

„Въ лѣто 6898 (1390) позванъ бысть Кипреянъ Митрополитъ на „Тферь Великымъ Княземъ Михайломъ Александровичемъ, и пойде съ Петрова дни ко Тфери, а съ нимъ 2 Митрополита Гречина, Матеей и „Никандръ Гаанскый, Владыка Михайло Смоленьскый, Стефанъ Пермь„скый, и стрѣте внукъ Князя Великого, Князь Александръ, за 30 верстъ „отъ города Митрополита съ Боярѣ и съ великою честію. На другій

„день стрѣте большій сынъ Князя Великого, Князь Иванъ, за 20 верстъ „отъ города Митрополита . . . и въ день Субошный по Вечернѣ стрѣ- „те самъ Князь Великый Митрополита на Починцѣ за 5 верстъ отъ „города . . . и выйде Митрополитъ противу Князя Великого изъ шатра „далече . . . и цѣловастася любезно, и сѣдоста и бесѣдоваста надолзѣ о „ползѣ душевнѣй. Наутріа, въ день Недѣльный, Іуліа въ 3, стрѣте Ми- „трополита Князь Великый на Перемѣрѣ съ дѣтми и съ братаничи и „съ Бояры, и пойдоста ко граду. Устрѣтоша ихъ съ кресты предъ вра- „ты Володимерскыми у церкви Св. Муч. Георгіа, и цѣловаста честныя „кресты . . . и одѣся въ Святительскую одежду и нача пѣти молебенъ „Великому Спасу . . . и войде въ церковь Спаса, и повелѣ заклати агнецъ „и нача служити Св. Литургію. По отпѣтіи позванъ бысть Митропо- „литъ Великымъ Княземъ на пиръ и съ его братіею, Митрополиты, и „съ Владыками и съ Черноризци и съ всѣми слугами; и бысть честь ве- „лика и дары по три дни. И бысть на четвертый день, събрашася Стар- „ци и Архимандриты, и Игумени, и Попове, и Дьякони и весь Священ- „ническый чинъ къ Князю къ Великому: онъ же съзва свои Бояре и съво- „купи обои въ едино мѣсто, и посла къ Митрополиту; они же начаша „жаловатись о мятежи Церковнѣмъ на Евфимія, Епископа Божія Тфери „града. Митрополитъ же совокупи Сьборъ и нача судити, *и не обрѣтеся „у Евфимія правда во устѣхъ его*, яко же рече Давидъ: мужъ кривъ не „препловитъ дній своихъ. Архимандриты и Игумены и Попове и Бояре „истягаша его въ многихъ судѣхъ. Митрополитъ же суди по правиломъ „Свв. Отецъ Съборомъ, и извергоша его. И нача просити Князь Великый „Михайло у Митрополита Епископа: Митрополитъ же дастъ ему сво- „его Архидіакона Арсеніа, и поставленъ бысть Іуліа въ 24 въ день Не- „дѣльный, и посадиша его въ Св. Спасѣ на столѣ честнѣ." Сіе написано современникомъ и достовѣрнѣе *Никон. Лѣтописца*, именующаго жалобы на Евфимія Висленя клеветами.

Въ *Троицк. Лѣт.* подъ годомъ 1404: „Того же лѣта Кипріанъ Митро- „политъ Антонья, Епископа Туровьского, сведе со Владычества его по „повелѣнью Витовтову, и отъя отъ него санъ Епископскій, и ризницу „его, и клобукъ его *бѣлый*. а источники и скрижали его сторопти пове- „лѣ, и приведе его отъ Турова на Москву, и посади въ кельи на Мана- „стырѣ, иже на Симоновѣ."

Въ *Никон. Лѣт.* г. 1401: „Того же лѣта бысть Соборъ на Москвѣ . . . . „Было Владыкъ 9: Архіеп. Вел. Новаграда Иванъ, *Архіепископъ* Черниговь- „скій Исакій, Архіеп. Ростовскій Григорій, Навānаилъ Еписк. Суздальскій, „Ефросинъ Еп. Рязан., Арсеней Еп. Тферскій, Ѳеогностъ Епископъ, Григо- „рей Еп. Коломенскій, Сава Еп. Луцкій . . . и на томъ Соборѣ описася „Архіеп. Иванъ Новогородскій своея Епископьи и Луцкій Епископъ Са- „ва, и повелѣ имъ Кипріянъ съ Москвы не изъѣзжати: бѣ бо на нихъ „брань возложилъ Митрополитъ за нѣкія вещи Святительскія."

(233) Сію грамоту выписываю здѣсь изъ Горюшкинскаго лѣтописца слово въ слово:

„Се азъ Князь Великій Василей Димитреевичъ всея Руси, сѣдъ съ своимъ „отцемъ съ Кипріаномъ Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси, управилъ есмь по старинѣ о судѣхъ о церковныхъ, изнашедъ старый Номоканонъ, какъ управилъ прадѣдъ мой, Св. Князь Великій Володимеръ, и „сынъ его, Князь Великій Ярославъ всее Руси, какъ управили они, сѣдъ „съ Митрополиты о судѣхъ церковныхъ, и исписали Номоканонъ по „Греческому Номоканону, что суды церковныя и вся оправданія церковная, какъ пошло издавна; по тому же и мы нынѣча управили, оже бы „то неподвижно было: николи напередъ впрокъ ни умножити бы, ни „умалити, но тако бы то и стояло неподвижно, какъ тѣ Велиціи Святіи Князи вписали и укрѣпили. Списанъ же бысть сей свертокъ изъ „великого и старого Номоканона на Москвѣ въ лѣто 6911 Индикта, мѣсяца Ноября 11."

(234) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 506, и Т. II, примѣч. 108. Въ мнимомъ Уставѣ Ярослава: „*Аже кто зоветъ чюжу жену блядью Великихъ* „*Бояръ, за соромъ ей пять гривенъ золота*, а Епископу 5 гривенъ золота . . . Аже кто зблудитъ съ животиною, двѣнадцать гривенъ" (кунами, то есть, почти въ двадцать разъ менѣе, нежели за вышесказанную брань). . . „*Аже кто зажжетъ дворъ или гумно*, Епископу сто гривенъ" (кунами, или вдвое менѣе, нежели за словесное оскорбленіе жены Боярской).

(235) См. *Книгу Степен.* I, 423. Тамъ же, стр. 558: „Пребывая въ своемъ селѣ на Голенищевѣ, между двою рѣкъ, Сѣтуни и Раменки, идѣже „тогда бысть оба полы лѣсъ многъ, идѣ же есть церковь Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, и пребывая тамо, Епископы и Попы ставляше, идѣ же и книги своею рукою писаше, и многія святыя книги съ Греческаго языка на Рускій языкъ преложи, и довольно писанія къ пользѣ намъ остави, и вел. Чудотворца, Петра Митрополита всея Русіи, житіе написа." Татищевъ вздумалъ назвать Кипріана сочинителемъ *Степенной Книги*; но сей Митрополитъ занимался только душеспасительными твореніями, а не Исторіею народа, ему чуждаго.

(236) См. ниже, примѣч. 254, подъ годомъ 1393.—Въ *Степен. Кн.* I, 558: „За 4 дни преже преставленія своего написа грамоту нѣкаку чудну прощальную . . . Быша же на погребеніи его Святителіе Григорій Архіеп. „Ростов. и Митрофанъ Еписк. Сужд., и Иларіонъ Еп. Коломенскій." Любопытные найдутъ сію грамоту въ *Степ. Книгѣ* и въ лѣтописяхъ. Замѣтимъ только, что Митрополитъ именуетъ Василія Димитріевича Великимъ Княземъ *всея Руси*, другихъ же *Князей Великихъ* просто *Русскими*, и въ особенности говоритъ о Князьяхъ *Мѣстныхъ* или Помѣстныхъ. Въ концѣ: „Писана бысть грамота си у тріехъ Святитель, м. „Сент. во 12 день, Индикта 15, въ лѣто 6915; а не подписалъ есмь немочи ради своея."

(237) На примѣръ, въ духовномъ завѣщаніи Василія Димитріевича. Далѣе см. *Никон. Лѣт.* V, 33, 34, 51.

(238) Въ *Никон. Лѣт.* подъ годомъ 1414: „Многія клеветы на Фотія „сотвориша къ Витовту, глаголюще: отъ начала Митрополиты столъ „имѣяху Кіевъ . . . и се нынѣ Фотій все узорочіе церковное и сосуды „переноситъ на Москву, и всю землю пусту сотвори *тяжкими* пошлина- „ми . . . . и Витовтъ собравъ Епископы, Исакія Черниговъ., Θеодосія По- „лоцк., Діонисія Луцск., Герасима Владимірск., Ивана Галицк., Севастіана „Смоленск., Харитона Холмск., Павла *Червенскаго*, Евфимія Туровск., и „рече: подобаетъ вамъ поставити Митрополита въ Кіевѣ . . . и повелѣ „имъ жалобу написати къ себѣ на Фотія . . . Епископомъ же не хотя- „щимъ сего . . . и не хотяще написаша . . . . . . И пріиде вѣсть къ Фо- „тію, еже клеветы многи сотвориша на него лукавіи человѣци, иже бѣ- „жаша съ Москвы къ Чернигов. Владыцѣ и въ Литву . . . . Фотій же „восхотѣ ити въ Царьградъ . . . и прежъ въ Кіевъ . . . и пойма его Ви- „товтъ . . . и ограбивъ возврати къ Москвѣ . . . . Тогда жь нѣкто „гость съ торгомъ пріиде изъ Литвы и припаде къ Фотію, глаголя: „прости мя . . . егда мало прежъ сихъ погорѣ Москва и мое богатство „много, и азъ оскорбился . . . и пріиде на мя страхъ . . . и разумѣхъ, „яко согрѣшихъ къ тебѣ: егда бо бѣ въ Литвѣ съ клеветники, злосло- „вихъ тя . . . и здѣ Фотій же благослови его. . . Бѣ же имя ему Θома „Лазоревъ." Далѣе описывается, какъ Епископы отрекались поставить особеннаго Митрополита Кіеву, но должны были повиноваться Витов- ту, грозившему имъ смертію. — Митрополитъ Григорій Цамблакъ на- зывается также Семивлахомъ, Цемивлакомъ, Самблакомъ и Чамьблакомъ.

(239) См. *Никон. Лѣт.* V, 59.

(240) Здѣсь разумѣется, можетъ быть, насильственная смерть Ми- тяева.

(241) Сіе письмо внесено въ нѣкоторыя лѣтописи. Фотій говоритъ: „Имѣемъ сего Чамьблака по Божественнымъ и священнымъ правиломъ „извержена и отлучена и *проклята*; тако же и тѣхъ Епископъ его съ- „борища неподобнаго, яко осужденныхъ имѣемъ ихъ . . . . Кто же убо „имѣетъ его" (Цамблака)„ Священникомъ и спріобщается ему, или бла- „гословеніе его пріимаетъ, аще буди Епископъ или Священникъ, или кто „мірскый человѣкъ, имѣемъ того извержена и проклята . . . . и молю „вашю любовь, православныхъ Христіанъ, еже не сходитися вамъ съ тѣ- „ми ни въ которомъ дѣйствѣ, ни въ пищи, ни въ питіи, ни въ дружбѣ, „ни въ обѣты, ни въ мирѣ, ни въ любве" (см. въ Синодальн. библіотекѣ лѣтопись въ листъ, No 349).

(242) См. *Каталогъ Митрополитовъ Кіевскихъ* подъ именемъ Григорія. Въ лѣтописяхъ г. 1417: „Рече Цамблакъ Митрополитъ къ Витовту: что „ради ты, Княже, въ Лятской Вѣрѣ, а не въ православной? и отвѣща „ему Витовтъ: аще хощеши не токмо единого мене видѣти въ своей „православной Вѣрѣ, но и всѣхъ людей невѣрныхъ моея земли Литовскія, „то иди въ Римъ и имѣй прю съ Папою и съ его мудрецы, и аще ихъ „препреши, то мы вси Христіане будемъ; аще ли не препреши, то всѣхъ „Христіанъ вашея Вѣры, иже въ моей земли, имамъ превратити въ свою

„Вѣру Нѣмецкую . . . . Митрополитъ Цамблакъ пріиде изъ Рима въ Литву“ (въ 1418 году).

(243) Ходыкевичь въ своихъ Dissert. Historico-crit. несправедливо пишетъ, что Митрополитъ Григорій управлялъ Церковію 22 года или до времени Исидора. Въ *Каталогѣ Росс. Митр.* сказано, что правовѣрные Россіяне Литовскіе, считая Григорія Папистомъ, на мѣсто его выбрали Герасима: что также есть ложь. Вотъ извѣстіе современное, найденное мною въ *Псковск. Лѣт.* Синодальномъ: „Въ лѣто 6941 (1433) Смоленскый Владыка Герасимъ иде къ Царюграду, и Патріархъ постави его Митрополитомъ.“

(244) Выписываемъ сію грамоту отъ слова до слова изъ Пушкинскаго собранія Двинскихъ грамотъ:

„Се язъ, Князь Великій Василей Дмитріевичь всея Руси, пожаловалъ есмь Бояръ своихъ Двинскихъ, такъ же Сотского, и всѣхъ своихъ черныхъ людей Двинскіе земли. Коли кого пожалую своихъ Бояръ, пошлю Намѣстникомъ къ нимъ въ Двинскую землю, или кого пожалую Намѣстничествомъ изъ Двинскихъ Бояръ, и мои Намѣстници ходятъ по сей моей грамотѣ Великого Князя. Оже учинится вира, гдѣ кого утепутъ, ино душегубца изъищутъ, а не найдутъ душегубца, ино дадутъ Намѣстникомъ десять рублевъ, а за кровавую рану тритцать бѣлъ, а за синюю рану патнатцать бѣлъ; а вина противу того. А кто кого излаетъ Боярина, или до крови ударитъ, или на немъ сиксвы будутъ: и Намѣстници судятъ ему по его отечеству бещестіе; такожъ и слузѣ. А учинится бой въ пиру, а возмутъ прощеніе не выйдя изъ пиру: и Намѣстникомъ и Дворяномъ не взяти ничего. А вышедъ изъ пиру возмутъ прощеніе, ино Намѣстникомъ дадутъ по куницѣ шерстью. А другъ у друга межу переоретъ, или перекоситъ на одиномъ полѣ, вины баранъ; а межи селъ межа, тритцать бѣлъ; а Княжа, три сорока бѣлъ, а вязбы въ томъ нѣтъ. А кто у кого что познаетъ татебное, и онъ съ себя сведетъ до десяти изводовъ полны до чека ово тать, а отъ того Намѣстникомъ и Дворяномъ не взяти ничего, а тать въ первые продати противу поличного; а въ другіе уличатъ, продадутъ его не жалуя; а уличатъ въ третьи, ино повѣсити; а татя всякого пятнити. А съ самосуда четыре рубли, а самосудъ той, кто, изымавъ татя съ поличнымъ, да отпуститъ, а собѣ посулъ возметъ, а Намѣстники довѣдаются по заповѣди, ино той самосудъ, а опрочь того самосуда нѣтъ. А кого утяжутъ въ рублѣ, и Намѣстникомъ вины полтина; а того болѣ, или менши, ино по томужъ. А на Орлецѣ Дворяномъ хоженого бѣлка, а ѣзды и позовы отъ Орлеца до Матигоръ двѣ бѣлки; ѣзду до Колмогоръ двѣ бѣлки; до Куръ острова двѣ бѣлки; до Чюхчелема двѣ бѣлки; до Ухтъ-острова двѣ бѣлки; до Кургіи двѣ бѣлки; до Княжа острова четыре бѣлки; до Лисича острова семь бѣлокъ, а до конечныхъ дворовъ десять бѣлъ; до Нѣнаксы двадцать бѣлъ, до Уны тритцать бѣлъ, а съ Орлеца вверхъ по Двинѣ до Кривого бѣлка; до Ракулы двѣ бѣлки; до Новолока три бѣлки; до Челмахты четыре бѣлки; до Емци пять бѣлъ, до Калеи десять бѣлъ, до Куріи горы семьнатцать бѣлъ, до Тоймы

„нижніе прииіцапь бѣлъ; а на правду въ двое, а *желѣзного* четыре бѣл„ки: шолько человѣка скуюшь, а не будеть по немъ поруки; а болѣ шо„го Дворянину не взяти ничего; а черезъ поруку не ковати; а посула въ „желѣзѣхъ не просити; а что въ желѣзѣхъ посулъ, то не въ посулъ. А „кшо на кого челомъ бьешь Дворянинъ, и Подвойскіи позовушъ къ суду, „а онъ не станешь у суда, и на того Намѣсшници дадушь грамоту пра„вую безсудную; а кшо будешь не тутошной человѣкъ, ино его дадушь „на поруцѣ. А отъ печати Намѣсшникомъ по три бѣлки; а Дьякомъ отъ „писма отъ судные грамоты двѣ бѣлки; а Сотскому и Подвойскому по„шлинка съ лодьи по пуду ржи у гостя. А кшо осподарь огрѣшишся, „ударить своего холопа или робу, и случишся смерть, въ томъ Намѣсш„ници не судятъ, ни вины не емлютъ. А приставомъ моимъ Великого „Князя въ Двинскую землю не въѣздити; всему управу чинять мои На„мѣсшници. А надъ кѣмъ учинять продажу сильно, а ударять ми на нихъ „челомъ, и мнѣ Князю Великому велѣти Намѣсшнику стати предъ со„бою на срокъ; а не станетъ, ино на того грамота безсудная, и при„ставъ мой доправишь. А гостю Двинскому гостити въ лодьяхъ, или на „возѣхъ; съ *лодіи на Устюзѣ Намѣсшникомъ* два пуда соли, а съ воза двѣ „бѣлки; а того болѣ Намѣсшники не емлюшь у нихъ, ни пошлинники ни„чего. А на Вологдѣ дадушь съ лодія два пуда соли, а съ воза по бѣлкѣ, „а того болѣ не емлюшь у нихъ ничего; а въ *лодіяхъ или на возѣхъ коли* „поѣдушь, и Намѣсшници Устюжскіе и Вологодскіе ихъ не уймаюшь; а „на Устюзѣ и на Вологдѣ и на Костромѣ ихъ не судять, ни на поруки „ихъ не даюшь ни въ чемъ. А учинишся шашба отъ Двинскихъ людей съ „поличнымъ, ино поставять ихъ съ поличнымъ передъ мною передъ Вели„кимъ Княземъ, и язъ самъ тому учиню исправу. А чего кшо имешь иска„ти на нихъ, ино учинять имъ срокъ передъ моихъ Намѣсшниковъ передъ „Двинскихъ, ино учинять исправу имъ на Двинѣ. А куды поѣдушь Дви„няне торговати, ино имъ не надобѣ во всей моей опчинѣ въ Великомъ „Княженіи шамга; ни мышь, ни костки, ни гостиное, ни явка, ни иные „ни которые пошлины; а черезъ сію мою грамоту кшо ихъ чѣмъ изоби„дишь, или кшо не имешь ходити по сей грамотѣ, *быти* ту отъ мене отъ „Великого Князя въ казни.“

(245) Въ *Новогород. Лѣт.*: „Тогожъ лѣта (1410) начаша торговати про„межи себе *лобци* и гроши Литовьскими и *артугы* Нѣмецкими, а куны „отложиша при Посадничьствѣ Григорія Богдановичь и при Тысяцкомъ „Василіи Есифовичь.“ Въ другихъ старыхъ спискахъ: „начаша торговати „бѣлками, *лобци* и гроши Литовьскыми и денги Московьскыми.“ Въ новѣйшихъ спискахъ: „бѣльими лобци и грошми Литовскими . . . а куны от„ложиша, еже есть мордки куньи.“ Невѣроятно, чтобы Новогородцы, отмѣнивъ куны, вмѣсто ихъ употребляли дѣйствительные *лобки бѣльи*, которые, подобно кунамъ, также не имѣли никакой существенной цѣны. *Лобками* названы здѣсь не *Любскіе ли пфениги*, вмѣстѣ съ *артугами* ходившіе тогда въ Ливоніи? См. Гадебуш. подъ годомъ 1426, стр. 64. Въ *артугѣ* — Шведской монетѣ, ходившей съ XIV вѣка — было 8 пфениговъ; а 24 артуга составляли марку. — Далѣе въ *Новогород. Лѣт.*: „Въ

„лѣто 6928 (1420) начаша Новогородци торговати денги серебряными, а „артуги попродаша Нѣмцемъ, а торговали ими 9 лѣтъ.“ Здѣсь нѣтъ уже ни слова о *лобкахъ бѣльихъ.*

Въ *Псков. Лѣт.* подъ 1424: „Того же лѣта Псковичи отложиша пѣнязми артуты торговати, и приставиша мастеровъ денги ковати въ чистомъ сребрѣ.“

Въ *Псков. Лѣт.* г. 6915: „соль по гривнѣ да по осми мордокъ пудъ, а „*полтына серебра по пятинадцати гривенъ.*“

(246) Въ началѣ Василіева княженія по *Троицк., Ростов.* и всѣмъ древнимъ лѣтописямъ (кромѣ новѣйшей *Никоновской*) годъ начинался еще съ Марта: такъ въ лѣто 6898 сказано, что Іюня 22 горѣла Москва, а послѣ въ томъ же году, Генв. 9, женился Великій Князь; что въ 1392 году лѣтомъ расписали Коломенскую церковь, а послѣ въ *томъ же году* Сент. 25 преставился Св. Сергій и Февр. 13 Даніилъ Ѳеофановичь. Но кончина Василія Димитріевича Февр. 27 полагается въ 1425 году: слѣдственно годъ уже начинался не съ Марта. Въ концѣ Кипріанова завѣщанія по древнему Троицкому списку означено *Сентября* 12, *Индиктъ* 15, лѣто 6915: слѣдственно годъ начался съ Сентября. Такъ и въ *Псков. Лѣт.* Одинъ *Новогор. Лѣтописецъ* сбивается еще на старину въ означеніи годовъ.

(247) Въ описаніи временъ Донскаго упоминали мы о Кореевѣ, *Миникѣ* и проч. Въ княженіе Василія встрѣчаются родовыя имена *Жадовскаго, Разсохина, Неелова,* и проч. — Послѣдній Князь Славянскаго имени въ Москвѣ былъ сынъ Владиміра Андреевича Храбраго, Ярославъ.

(248) См. ниже, примѣч. 254, въ описаніи годовъ 1393, 1405, 1408 и 1420. Въ *Стоглавѣ* временъ Царя Іоанна Василіевича (г. 1551) сказано: „писати „живописцомъ иконы съ древнихъ образовъ, какъ Греческіи живописцы „писали, и какъ писалъ Андрей Рублевъ и прочіи пресловущыи живописцы.“

(249) Въ *Троицк. Лѣт.*: „Въ лѣто 6912, Индикта 12, Князь Великій „замысли часникъ и постави ѐ на своемъ дворѣ за церковью за Св. Благовѣщеньемъ. Сій же часникъ наречется часомѣрье; на всякій же часъ „ударяетъ молотомъ въ колоколъ, размѣряя и расчитая часы нощныя и „дневныя; не бо человѣкъ ударяше, но человѣковидно, самозвонно и самодвижно; страннолѣпно нѣкако створено есть человѣческою хитростью, „преизмечтано и преухищрено. Мастеръ же и художникъ сему бѣяше „нѣкоторый Чернецъ, иже отъ Святыя горы пришедый, родомъ Сербинъ, „именемъ Лазарь; цѣна же сему бѣяше вящьше полувтораста рублевъ.“

(250) См. ниже, примѣч. 254, въ описаніи случаевъ 1394 года.

(251) Въ *Троицк. Лѣт.* г. 6898: „тое же зимы по Рожествѣ Христовѣ „на третій день Осей Кормиличичь Князя Великаго поколотъ бысть на „Коломнѣ въ игрушкѣ.“

(252) См. *Посланіе Рос. Митрополитовъ,* въ Синод. библіот. No 164, и ниже примѣч. 292. Выпишемъ нѣкоторыя мѣста: „Которыи не по закону „живутъ съ женами, безъ благословенія Поповска понялися, тѣмъ опитемья „3 лѣта какъ блуднику, да паки совокупити ихъ . . . . А на пиру коли

„лучится которїи имутъ жити до обѣда, не давай тѣмъ Богородицына „хлѣба . . . А третее пониманїе бы не было, но сожитїе: аще кто бу„детъ младъ, а дѣтій не будетъ у него, потому надобѣ разсуженїе, съ „опитимьею съ великою понятии третью: въ церковь не входити 5 лѣтъ, „ни Св. причащенїа не прїимаетъ. Аще ли видитъ его Духовникъ, аще ли „его заповѣди по боязьнству сохраняетъ, и видя его умиленья слезы и „сокрушенїа сердечнаа, и онъ полегчитъ ему епитимію. А еще учите „своихъ дѣтей духовныхъ, чтобы престали отъ скверныхъ словесъ, что „лаютъ отцевымъ и материнымъ . . . а которїи не имутъ слушати, а „тѣхъ отъ церкви отлучайте. Такоже учите, чтобы басней не слуша„ли, лихихъ бабъ не прїимали, ни узловъ, ни примолвленїа, ни зелїа, ни „вороженїа, и гдѣ таковыи лихїи бабы находятся, учите ихъ, чтобы пре„стали . . А коли творите вѣнчанїе, и вы въ дни вѣнчайте по обѣднѣй, „а въ удевїе, въ полдни и въ полнощи не вѣнчайте . . . А который Игу„менъ или Попы или Черньцы торговали прежъ сего или сребро давали „въ рѣзы, а того бы отъ сѣхъ мѣстъ не было," и проч.

(253) См. въ слѣдующемъ примѣч., г. 1393, и Степен. Кн. I, 510.

(254) *Степен. Кн. I*, 512. Слѣдуетъ выписка изъ лѣтописей о разныхъ случаяхъ Василїева княженїя:

Въ 1389 году, Іюля 21, былъ пожаръ въ Москвѣ: „загорѣся отъ церк„ви Св. Аѳанасья, и мало не весь городъ Кремль погорѣ; нача горѣти „какъ люди отобѣдываютъ, и ко вечерни едва преста." Дек. 2 преставилась Княгиня Марїя, супруга Андреева, мать Владимірова, въ Черницахъ и въ Схимѣ, названная въ Монашествѣ Марѳою, и погребенная въ церкви Рождества, въ монастырѣ на рвѣ, ею основанномъ. — Въ 1390 году, Генв. 26, родился у Князя Владиміра Андреевича сынъ Ѳеодоръ. Весною, въ Великій постъ, умеръ Иванъ Родїоновичь, названный въ Монашествѣ Игнатїемъ, и погребенъ въ монастырѣ на Всходнѣ. Іюня 22, въ полдень, былъ въ Москвѣ пожаръ: загорѣлся посадъ за городомъ отъ Аграама Армянина и сгорѣло нѣсколько тысячь дворовъ до ночи. „По„ставиша монастырь Св. Николы (въ Новѣгородѣ) конецъ Чюдинцевы „улицы. Той же осени свръшиша церк. кам. Св. Костянтина Царя и ма„тере его Елены на Роспькинѣ улици . . . Февр. въ 8 (г. 1391) церковь „сгорѣ Св. Дмитрій на Даньславлѣ улици въ обѣдъ, и много товара и за„паса церковнаго; а зима стала до Яковля дни, и по Радуницахъ люди „дрова возили изъ лѣса на конехъ аки и зимній возъ . . . . Погорѣ отъ „Борковы улици и до Езеня, а на другой сторонѣ отъ Микитины ули„ци и до Драковичь, а на Пруской улици загорѣся, и погорѣ весь Лю„динъ Конець до Св. Алексѣя; и сгорѣ церквей древян. 15, и кам. 7 ого„рѣ, а людій 14, Іюня въ 5. А Новгородци взяли серебра 5000 у Св. Со„фїи съ полатей, скопленїа Владычня Алексѣева, и раздѣлиша на 5 Кон„цевъ, и поставиша костры каменны по обѣ стороны острога у всякой „улици. Бысть знаменїе у Св. Якова на Яковли улици: у иконы Покро„ва текоша слезы изъ очїю Окт. въ 1 на обѣднѣй, и Владыка Іоаннъ „повелѣ строити полати у Св. Якова надъ двермы Окт. въ 2, и бысть „отъ Крестьянъ понету много Покрову. Тоя жъ осени въ Филипово

„точнѣе паки воеваша Татарове Рязань . . . Князь Михайло Алексан-„дровичь Тферскій прибавилъ Новагородка на Волзѣ съ приступа, и ровъ „около копали, а во Тфери доспѣша ворота у Св. Василія. Женись Князь „Юрьи Всеволодичь Холмской, внукъ Александровъ, и вѣнчанъ бысть во „Тфери у Спаса Владыкою Арсеніемъ. Женилъ Князь Михайло Алексан-„дровичь Тферскій сына своего на Москвѣ у Өедора у Кошки, Ондреева „сына, у Собакина, и вѣнчанъ бысть въ Тфери. Татарове воеваша Ря-„зань . . . Въ л. 6900 (1392) преставися въ Литвѣ Княгини Олгердова „Ульяна, въ Минишескомъ чину Марина, и положена въ Кіевѣ въ печерѣ. „Преставися Евфимей Вислень бывый Еписк. Тфер. въ монаст. Св. Чю-„да на Москвѣ, и положенъ бысть за олтаремъ. Юрьи Онцифоровичь „постави (въ Новѣг.) церковь Успеніе и монаст. устрои. Посадникъ „Богданъ Обакуновичь съ своею братьею, съ уличаны, поставиша Св. „Симеона кам. на Чюдницевѣ улици. Мая 27 сгорѣ по обѣдѣ церк. древян. „и монастырь на Лисичьей горкѣ. Преставися Посадн. Василей Өедоро-„вичь и Михайло Даниловичь.“ Кипріанъ Митрополитъ поставилъ Өео-досія Епископомъ въ Полоцкѣ. „По Велицѣ дни, на шестой недѣли въ „Пятницу преставися Святитель Архіепископъ Матөей Грѣчинъ, Ми-„трополитъ Андреянопольскій, и служиша надъ нимъ Сборомъ, и поло-„жиша въ церкви Св. Архангела Михаила, Честнаго Его Чуда, идѣ же „гробъ Алексія Митрополита. Того жь лѣта преставися Павелъ, Епи-„скопъ Коломенскій . . . Кипріанъ Митрополитъ постави Григорья Ар-„химандрита Епископомъ на Коломну . . . . Подписана бысть на Колом-„нѣ церковь кам. Сборная Успенья, юже созда Кн. Великій Дмитрій Ива-„новичь дотолѣ еще за 10 лѣтъ . . . Сент. въ 25 преставися Игуменъ „Сергій, святый старецъ“ . . . Слѣдуетъ въ Троицк. Лѣт. похвала Св. Сергію, листахъ на двадцати; нѣтъ ничего историческаго; одинъ наборъ словъ, иногда забавный. „Въ Псковѣ поставиша 6 пороковъ. Сент. въ 1 „погибе мѣсяць предъ ранними зарями. Сент. въ 5 убіенъ бысть отъ „Тохтамыша Царевичь Озибаба въ Ордѣ.“ — Въ 1393 году, Февр. 13, въ Четвертокъ на Масленицѣ, скончался Даніилъ Өеофановичь, въ Мона-шествѣ Давидъ. „Постриженъ бысть отъ самаго руки Кипріана Митро-„полита. Сій убо бысть единъ отъ Вельможъ, старѣйшихъ Болярь, лѣп-„шій и вятшій, иже правый доброхотъ Князя Великого, вѣрою и прав-„дою служивый ему и въ Ордѣ и на Руси, яко же инъ никто же . . . „храборъ и голову свою складая по чужимъ странамъ, по незнаемымъ „мѣстомъ, по невѣдомымъ землямъ . . . толику же любовь имѣ къ нему „Князь Великій, яко прослезити ему по немъ и плакати на многъ часъ. „Положенъ бысть въ монастыри Св. Михаила Честнаго Чуда, близь гро-„ба Алексія Митрополита, дяди его . . . . . По Велицѣ дни на четвер-„той недѣли въ Субботу на ночь преставися Игуменья Алексіевская „Ульяна, отъ града Ярославля, дщи нѣкоего богата родителя и славна, „сама же зѣло благобоязлива, черничьствовавши лѣтъ болѣ 30 и Игу-„менья бывши 90 Черницамъ, и общему житью женскому начальница су-„щи, и многимъ дѣвицамъ учительница бывши, и за премногую добродѣ-„тель любима бысть отъ всѣхъ и почтена всюду, и положена подлѣ

„церковь . . . Того же лѣта Амураповъ сынъ Челябій, иже Срацынски „глаголется Амира, иже владѣя землею полуденною и всею землею Греческою, Македоніею, и Сербьскою, и Ефескою, Бруською, и Селевріею, и „Колосаи, и Ѳессалоникіи, и Сарацыны, и Весермены, и Турки, со всѣхъ „собравъ воя своя, и пойде ратію на Болгарского Царя и взя стольный „градъ Терновъ, и Царя ихъ плѣнника сотвори и Патріарха, и мощи Святыхъ огнемъ пожже, и церковь Сборную, идѣ же есть Патріархія, въ „мезгитъ (мечеть) преврати . . . . Іюля въ 29 преставися Князь Иванъ, „сынъ Вел. Князя Димитріевъ, братъ Василіевъ, во Мнишьскомъ чину Іоасафъ, и положенъ бысть въ монастырѣ на Москвѣ у Св. Спаса въ притворѣ, идѣже гробъ бабы его, Княгини Великіе Александры Ивановы... „Сент. въ 21 преставися Иванъ Михайловичъ, нарицаемый Тропарь, въ „бѣльцѣхъ и положенъ въ своемъ монастыри на селѣ своемъ . . . Тое же „осени пріѣхаша на Москву 3 Татарина, ко Князю Великому въ радъ „рядишася, и биша ему челомъ, хотяще ему служити, иже бѣша почестни и знакомити двора Царева — и въсхотѣша креститися . . . Кипріанъ Митрополитъ пріимъ я, нача учити . . . и облечеся самъ во вся „своя священныя ризы и со всѣмъ своимъ Клиросомъ бѣло образующимъ . . . и позвониша во вся колоколы, и собрася мало не весь градъ, „и снидоша на рѣку Москву, ту сущу Князю Великому . . . и ту на „рѣцѣ Москвѣ самъ Митрополитъ крести я. Бѣша же имъ по древнему „по Татарски имена Бахтыи Хозя, Хидырь Хозя, Маматъ Хозя, и нарече̃ни быша Онанія, Озарья, Мисаилъ, и бысть радость велика въ градѣ „Москвѣ . . . и ти Татарина новокрещени хожаху вкупѣ, аки союзомъ „любве связаема . . . . Того же лѣта Княгини Великая Овдотья Димитріевая постави на Москвѣ церковь камену зѣло чудну, и украси ю „съсуды злаtыми и серебреными . . . и створила паче всѣхъ Княгинь „Великихъ, развѣ точью Марья Княгини Всеволода, внука Мономахова „иже въ Володимири . . . Бѣ же то преже церквица мала въ томъ мѣстѣ „древяна Св. Лазаря. Егда же сдѣлана бысть каменная, наречена бысть во „имя Св. Богородицы честнаго Ея Рождества. Уставишеся таковый „праздникъ праздновати Сент. въ 8 день. Но и та малая церквица не бѣ „оставлена, но внутри близь большаго олтаря причинена бысть служба „Св. Лазаря . . . и священа бысть Февр. въ 1 день въ Недѣлю, Великимъ „священьемъ Кипріаномъ Митрополитомъ, ту сущу Великому Князю и „братьямъ его, Юрью и Андрею, и Петру и Константину . . . Была зима зѣло студена, яко инозѣмъ человѣкомъ измерзати и издыхати; не „точью человѣки, но и скоти; еще брашну сущу во устѣхъ ихъ, внезапу обрѣстися мертву отъ мраза на пути. Поставиша церк. кам. Св. „Богородицу на Лисичьи горкѣ. Пріиде Князь Бѣлозерскій Константинъ „въ Новгородъ. Заложиша Псковичи персм у Крома, стѣну камену, и колоколницю поставиша. . . . . Тое же весны (въ 1394) была поводь велика всюду. Того же лѣта на Тфери Арсеній Епископъ постави церковь на рѣцѣ на Тмацѣ во имя Ѳеодосія и Антонія, и согради кельи, и „созва Мнихи, и посади Игумена. Іюля въ 9 день, въ Пятницу, Князю „Володимеру Андреевичу родися сынъ Василій. Того же лѣта приходилъ

„Нѣмцы ратью на Литву, и бысть имъ бой у Вильны, и Нѣмци отыдоша.
„Тое же осени замыслиша на Москвѣ копати ровъ: починокъ его съ Куч-
„кова поля" (гдѣ нынѣ монастырь Срѣтенскій) „а конецъ устья его въ
„Москву рѣку; широта его сажень человѣча, а глубина въ человѣка сто-
„яща; и много убытка людемъ учинилося въ томъ, понеже сквозѣ дворы
„копаша, и многи хоромы разметаша . . . . Князь Михайло Тферскій
„випчаную (ветхую) стѣну у града Тфери повелѣ рушити, да брусіемъ
„рубити, и на другое лѣто скончаша . . . Князь Олегъ Рязанскій (по
„*Никон. Лѣт.*) побилъ Татаръ Тохтамышевы Орды, иже приходиша из-
„гономъ . . . Бысть въ Ордѣ Тохтамышевѣ бой на Волзѣ межи собою, и
„паде ихъ много Сент. 8 . . . . Поставиша Даньславци церковь камену
„Св. Димитрія (въ Новѣгородѣ), и свяща ю Владыка Іоаннъ на праздникъ
„его . . . Отъяша Новогородци Посадничьство у Есипа Захариніича, и
„даша Богдану Обакумовичь. Той же осени погорѣ Владычьнь дворъ, и
„за городомъ много улицъ и у Св. Софіи маковица огорѣ, а церквей ка-
„мен. 8, а деревян. 2. Поставиша церковь древян. Св. Спасъ конець Куз-
„модемьяны улицѣ, и монастырь устроиша. Пріиде въ Новгородъ изъ
„Царяграда отъ Патріарха Антонія Виелеемьскый Владыка Михаилъ; а
„привезлъ 2 грамоты о поученіи Христіанскомъ. . . . Ноября въ 28 день,
„въ Суббоmу, какъ обѣдню поютъ, преставися Ѳеодоръ Архіепископъ
„града Ростова и Ярославля, Бѣлаозера и Устюга, Углича поля, Мологи,
„и положенъ бысть въ Сборной церкви Св. Богородица. — Въ лѣто 6903
„(1395), Инд. 3, Марта въ 30, на Цвѣтной недѣли во Вторникъ, Князю
„Великому Василью родися сынъ Георгій . . . Мая въ 18 во Вторникъ у
„гроба Петра Митрополита прощена бысть нѣкая жена Евфимья . . .
„Іюня въ 4, въ Четвергъ, какъ обѣдню почипаютъ, начата бысть подпи-
„сывати новая церковь камен. на Москвѣ Рождество Св. Богородицы, а
„мастеры бяху Ѳеофанъ иконникъ Гречинъ Философъ, да Семенъ Черный
„и ученици ихъ . . . Бысть пожаръ на Москвѣ: погорѣ нѣколико тысячь
„дворовъ за городомъ на посадѣ . . . Іюля въ 19 преставися Князь Борисъ
„Михайловичь Тферскій въ Кашинѣ и привезоша тѣло его на Тферь Іюля
„22, и положено бысть въ Сборной церкви Спаса . . . Авг. 15 погорѣ
„отъ грому Новой городокъ Тферскій на Волгѣ на рѣцѣ на Старицѣ, въ
„Недѣлю по рану и церковь Св. Михаила . . . Погибе солнце мѣс. Сент. . . .
„Тое же зимы преставися Княгини Иванова Всеволодича Тферскаго . . .
„Дек. 26, въ Недѣлю, въ часъ нощи гиблъ мѣсяць, и бысть аки кровь, и
„по двою часу паки свѣта исполнися . . . . Постави Исакъ Онкифовъ (въ
„Новѣгородѣ) церковь кам. Сборъ Св. Михаила въ Аркажи монастыри . . .
„Поставиша церковь кам. (во Псковѣ) въ Домантовѣ стѣнѣ Св. Воскре-
„сенія, а другую Захарія Посадникъ Св. Николу на Волку . . . Въ лѣто
„6904 (1396), Марта въ 19, Кипріанъ Митрополитъ на Москвѣ поставилъ
„Григорія Епископомъ Ростову, а были на поставленьи Епископи Ефро-
„синъ Суждальскій, Арсеній Тферскій, Ѳеогностъ Рязанскій, Григорій Ко-
„ломенскій, Ѳеодосій Подольскій . . . Іюня въ 21, въ 4 часъ нощи, гиблъ
„мѣсяцъ . . . Преставися Княгини Васильева Михайловича, дщи Князя
„Володимера Олгердовича Кіевскаго, и положена бысть у Св. Спаса въ

„Твери . . . Рождество Христово было въ Понедѣльникъ, и на ту нощь „былъ громъ, а туча отъ полуденной страны . . . Тое же зимы Кипріанъ Митроп. посла въ Новгородъ Столника своего, Ѳеодора Тимоѳеева, „по Владыку Ивана, зовя его къ собѣ о Святительскихъ дѣлѣхъ, и чествова Столника Митрополича и даде ему 60 рублевъ, и пойде на Москву, и пребысть на Москвѣ 2 дни, и отпусти его Митрополитъ съ „благословеніемъ, и пріиде въ Новгородъ во Вторникъ на Св. недѣли . . . „Погорѣ Онтоновъ монастырь“ (близъ Новагорода) „и Св. Богородица „огорѣ: бяше бо свинцемъ обита — и Срѣтеніе огорѣ. Сътворися знаменіе отъ образа Владычьня въ Св. Евпатьи на Щерковѣ улицѣ, аки вино „идяше изъ иконы. Повелѣніемъ Владыкы Іоанна побиша у Св. Софіи маковицу свинцемъ, коя въ пожаръ огорѣла. Сгорѣ церковь Св. Іоаннъ въ „Ростькинѣ монастыри, и иконы и книгы съгорѣша... Витовтъ Литовскій „казнилъ смертною казнію Князя Ивана Михайловича и жену его и дѣти „разведе и домъ его разграби.

„Генв. въ 15 (г. 1397) въ Понедѣльникъ Князю Великому, Василью Дмитріевичу, родися сынъ Иванъ. Пріѣздилъ Князь Александръ Патрикіевичь Стародубскій и былъ о Крещеньи на Москвѣ . . . Въ Великій „постъ, мѣс. Марта, преставися Епископъ Данилей, Владыка Смоленскій, „и положенъ на Москвѣ въ монастырѣ у Св. Арханг. Михаила Чуда при „Исакіи Архимандритѣ . . . Тое же весны преставися Семенъ Васильевичь. Того же лѣта Князь Александръ Ивановичь, внукъ Княжь Михайловъ Тферьского, о Петровѣ заговѣньи оженися у Князя Ѳедора Михайловича у Моложьского . . . Окт. въ 7 день Кипріанъ Митр. пріѣха „изъ Кіева на Москву, а съ нимъ Епископы Михайло Смоленскій, Исакій „Брянскій, Ѳедоръ Луцьскій . . . Пакы пріиде Кн. Василій Ивановичь „Смоленскій въ Новградъ, и пріяша его. Загорѣся на Щерковой улицѣ“ (въ Новѣгородѣ) „и сгорѣ берегъ весь и Яневъ берегъ безъ 3 дворовъ, и „Розъважи берегъ весь, и Кузмодемьянъ берегъ весь и до Холопія улицы „на память Андрея Стратилата. Преставися“ (въ Новѣгородѣ) „Есипъ „Фалелевичь въ Мнишескомъ чину . . . Бысть знаменіе въ церкви Св. Бориса и Глѣба“ (во Псковѣ) „2 иконы, Св. Троица и Богородица, снидоша съ верхняго *тябла* и легоша на Востокъ образомъ. Того же лѣта „быша 2 знаменія: у дальняго Пантелеймона отъ иконы Богородицы слезы, и другое въ Довмантовѣ стѣнѣ у Св. Тимоѳея отъ иконы Богородицы слезы изъ обою оку Авг. въ 18. Посадникъ Ефремъ со Псковичи поставиша костеръ на Васильевѣ горкѣ.

„Генв. 20“ (въ 1398 г.) „Кипріанъ Митр. постави Исакія Епископомъ „въ Пермь. Князь Михайло Алекс. Тферскій постави церковь камену Св. „Арх. Михаила на Волзѣ на Городцѣ, на рѣцѣ Старицѣ, и Арсеньемъ Еписк. священа бысть Ноября въ 8 день . . . . Князь Иванъ Андреевичь и „Кн. Григорій Остафьевичь и Захарія Посадникъ Костроминичь и Псковичи поставиша 3 костры на приступной стѣнѣ: одинъ на углѣ съ Великыя рѣки, а другый на Лужищи, а третій отъ Псковы на углѣ. „Поставлена бысть“ (во Псковѣ) „церковь камена Св. Богоявленіе“ . . . (Въ *Никон. Лѣт.*: „Царь Тохтамышъ воевалъ поморскіе грады. Тохтамы-

„шевъ посолъ Темиръ-Хозя былъ на Рязани у Вел. Князя Олга, а съ нимъ „много Татаръ и коней и гостей. Владыка Иванъ Новогородскій поста„ви церковь камену Св. Воскресенія на воротѣхъ и свяща ю самъ. Ми„хайло Крупа постави церк. кам. Св. Николы конецъ Чюдницовы улицы").

„Марта въ 27" (въ 1399 г.) „преставися Княгини Великая Марья Се„меновая" (супруга Симеона Іоанновича, внука Даніилова) „въ Черницахъ, „во Мнит. чину Ѳетинія, и положена на Москвѣ въ монастырѣ Св. Спа„са. Тое же весны Кн. Михайло Ал. Тферскій поставилъ церковь Св. „Спаса. Изначала на томъ мѣстѣ была Соборная церковь Козма и Домьянъ, „и Вел. Княгиня Тферская Оксинія Ярослава Ярославича съ сыномъ Ми„хайломъ преложили ту церковь во имя Св. Преображенія, и стояла та „церковь 100 лѣтъ до Вел. Кн. Михаила Александр. обновленія . . . и „верхъ ея чудно позлати" (К. Михаилъ Алекс.) „и сотвориша каменосѣч„цы отъ плиты жженыя и убѣлиша . . . . Подписывали церковь кам. на „Москвѣ Св. Михаила, а мастеръ бяше Ѳеофанъ иконникъ Грьчинъ со „ученики своими . . . Загорѣся (въ Новѣгородѣ) на Лубяницѣ, и погорѣ „Плотничьскій Конецъ весь, а церквей кам. огорѣ 22, а придѣлъ 5, да „церк. древяна, а душь погорѣ Богъ вѣсть, а иніи на Волховѣ истопоша „на память Св. Мемнона . . . Постави Архіеп. Іоаннъ съ Новогородцы „церковь Покровъ на Звѣринцѣ, и свяща ю самъ Окт. въ 1. Той же осе„ни бысть помраченіе солнца, и явись серпъ на небеси, и потомъ явись „солнце, кровавы луча испущающе съ дымомъ, мѣс. Окт. на память Св. „Анастасіи. Той же зимы ходи Владыка Іоаннъ въ Псковъ на свой подъ„ѣздъ, и Псковичи судъ ему даша мѣсяцъ судити по старинѣ. Постав„лены (во Псковѣ) 2 церк. камены, Покровъ въ Довонтовѣ стѣнѣ и Св. „Михаилъ на полѣ въ женьскомъ монастыри. Убіенъ бысть" (по *Никон. Лѣт.*) „Кн. Романъ Юрьевичь на Шелонѣ и погребенъ бысть у Св. Спаса „въ Порховѣ. Въ Новѣгородѣ поставиша придѣлъ кам. у Богородицы Св. „Мученицы Екатерины и Св. Алексѣя, Человѣка Божія.

„Ноября въ 30 день (1400 г.) въ Недѣлю на вечерь преставися Князь „Юрьи, сынъ Князя Великого Василья Дмитріевича, шести лѣтъ сущу „ему, и положенъ въ церкви Св. Михаила . . . Заложи Владыка (Новго„родскій) Іоаннъ городъ дѣтинецъ каменъ отъ Св. Бориса и Глѣба, мѣс. „Іуля на память Св. Мученицы Голендухы, и Св. Воскресеніе на воро„тѣхъ подписано бысть. Поставиша церковь кам. на Яневѣ улицѣ Св. „Царя Констянт. и матери его Елены, и свяща ю Владыка Іоаннъ . . . „Князь Григорій Остафіевичь и Захаріа Посадникъ и весь Псковъ здѣлаша „новую стѣну къ старой на приступѣ отъ Великой рѣцы до Пьсковы „тлъще и выше, и поставиша 3 костры: первой на Незнановѣ горкѣ, „второй у Лужскыхъ воротъ, третій у Куминыхъ . . . Въ предѣлѣхъ „Черленого Яру" (по *Никон. Лѣт.*) „въ караулѣхъ возлѣ Копоръ у Дону „Кн. Вел. Олегъ съ Пронскими Князи и съ Муромскимъ и Козельскимъ „избиша множество Татаръ, и Царевича Мамать-Салтана яша и иныхъ „Князей Ординскихъ.

„Въ лѣто 6909 (1401) бысть изобрѣтеніе честныхъ Страстей Госпо„да нашего. Сія же Страсти пріобрѣте Епископъ Діонисій Суждальскій,

„ходивый во Царьградъ, и шамо премногою цѣною искупи я̂ . . . Потомъ „же нѣколько время въ Суждалѣ скровени быша въ каменой стѣнѣ цер„ковнѣй и зазданы невидимо; но въ сію весну обрѣтени быша и перене„сени отъ Суждаля въ Переяславль, а оттуду на Москву . . . Царь Те„миръ Аксакъ посылалъ сына своего боронити Царягорода отъ Турковъ; „они же биша Турковъ . . . 6 Дек. Князю Великому Василью родился „сынъ Данило, да не долго жилъ: толико 5 мѣсяць, и умре . . . Той же „весны горѣ Владычній (Новогородскаго) городокъ Молвотици. Пріѣха въ „Псковъ Архіеп. Іоаннъ, и вдаде Псковичемъ нѣколико серобра, и здѣла„ша его серобромъ на Драчинѣ Всходѣ костеръ, а другый въ *кутѣ* города. „Кн. Григорій Остафивичь и Захарія Посадникъ и весь Псковъ заложи„ша въ старой стѣнѣ новую тыльце и выше возлѣ Великую рѣку отъ „Бурковыхъ воротъ отъ костра и до Крому. Бысть буря велика и сши„бе крестъ съ Св. Троицы, и разбися весь. Тоя же зимы преставися По„садникъ Псковскый, Захарія Костромичичь, и положиша мощи его въ „церкви Св. Рожества Марiи въ 20 день, за 2 недѣли до Велика дни. (По *Никон. Лѣт.*) „Августа въ нощи въ навечери Успенія отъ полуно„щія и до свѣта явишась столпы, а конець ихъ вверху аки кровь, и бя„ше страшно видѣти.

„Въ лѣто 6910 (1402) Маія въ 6 преставися Михайло, Владыка Смо„ленскій, бывъ въ Епископствѣ лѣтъ 19, и положенъ бысть у Троицы „въ Сергіевѣ монастырѣ близъ гроба Старцева . . . Взяша миръ Новего„родци съ Княземъ Юрьемъ Смоленскымъ. Поставиша Чюдинцевци цер„ковь кам. Усѣкновеніе главы Іоанна, а Черницинци церк. кам. Варвару, „а Посадникъ Кирила Ондреяновичь 3 Отпроки придѣлъ у Св. Михаила „на Пруской улици; а сей зимы ѣздиша на конехъ чрезъ Влъховъ отъ „Юрьева дни до Марта.

„Въ лѣто 6911 (1403) Іюня въ 9 преставися Сава, Епископъ Сарайскій, „и былъ въ Епископствѣ 20 лѣтъ. Князь Иванъ Михайловичь Тферскій „замыслилъ городъ на Волзѣ близко Ржевы во Опокахъ у Зубцева, да „одиного лѣта срубленъ бысть; въ веснѣ почать, а въ осенинѣ кончанъ. „Тако же и на Городкѣ, на рѣцѣ на Старицѣ, въ томъ же лѣтѣ постав„лена бысть церк. кам. Св. Николы: въ веснѣ почала, а въ осенинѣ кон„чана и священа Ноября въ 13: Окт. въ 8, въ Недѣлю, Князь Андрей Дми„тріевичь оженися на Москвѣ у Князя Александра Патрикеевича у Ста„родубскаго, поя за ся дщерь его, Огрофену. Тое же зимы предъ Вели„кимъ заговѣньемъ Князь Иванъ Михайловичь Тферскій ожени сына свое„го, Князя Ивашка, у Князя . . . и̂ вѣнчанъ бысть Арсеніемъ Еписко„помъ. Поставиша купци Новогородскія прасолы въ Русѣ церковь кам. „Св. Борисъ и Глѣбъ. Погорѣ Плотницкій Конець до Славковы улици, „а Рогатица до Евпатія Св., а Лубяница до Св. Луки, а Славенскій весь „Конець, а церкви каменыхъ 15 огорѣ; а горѣ въ Образовъ день. А Кня„жинскій берегъ, да Нѣмецкій дворъ не горѣ. Выгорѣ церковь кам. Св. „Дмитрій, и всѣ иконы и книгы. Бысть вода суха, и рли (поля) вси сухы „быша. Подписана бысть церковь Св. Богородица на Лисичьи горкѣ.

„Въ лѣто 6912 (1404) Іюня въ 22 день, въ Недѣлю, Кипріянъ Митро-„политъ Тимоѳея *Игумена* отъ Св. *Бориса и Глѣба* постави Епископомъ „въ Сарай. Іулія въ 20, въ Недѣлю, Кипріянъ Митр. съ Москвы поѣха въ „*Литву* и къ *Витовту и* въ Кіевъ; и Намѣстника своего Тимоѳея Архи-„мандрита и слугъ своихъ тамошнихъ *пойма и отосла на* Москву, и по-„стави тамо Намѣстника своего Ѳеодосія, Архимандрита Спасьмого; сице „же и слугъ своихъ избра . . . Приходиша (по *Никон. Лѣт.*) Татарове „изгономъ на Рязань, *и* посла *за ними* въ погоню Кн. Вел. Ѳеодоръ Олго-„вичь, и побиша Татаръ и полонъ отъяша . . . Сент. въ 13 во Тфери въ „полдни бысть пожаръ, и сгорѣло дворовъ 100 и церковь Св. Иванъ Пред-„теча. Епископъ Арсеній Тферскій заложи церк. кам. Успенія на рѣцѣ на „Тмакѣ. Тое же осени на Тфери преставися Княгини Марія Княжа Ива-„нова Михайловича, дчи Кестутьева, во Мнишеск. чину Марѳа, и поло-„жена въ Соборной церкви Св. Спаса Ноября въ 30. Князь *Данилъ* Але-„ксандровичь *и* Кн. Григорій Остафьевичь, *и* Посадникъ Романъ, *и* Ефремъ, „и Елевферій, и Панкратъ и весь Псковъ *заложиша* стѣну каменую возлѣ „старую тыьце *и* выше отъ Псковы рѣки, отъ Крому и до Бродъ . . . „Срубиша Переяславль . . . Постави Перфирій Намскій на Папоротнѣ „церк. древ. Св. Николу и монастырь устрои.

„Тое же зимы (г. 1405) Генв. въ 13 Князю Великому Василью родися „сынъ Князь Семенъ, да жилъ 12 недѣль и умре. Тое же зимы Кн. Воло-„димеръ Андреевичь на Москвѣ ожени сына своего, Князя Семена, у Кня-„зя у Новосильского. Февр. въ 13 преставися Григорій, Владыка Коло-„менскій. Тое же зимы преставися Евфимій, Архимандритъ Суждальскій „и добрый старецъ. Тое же зимы было не зимно, голая зима была безъ „снѣгу, а разводье было до заговѣнья до Великаго, а роскалье было на „Масленой недѣлѣ. Тое же весны почаша подписывати церковь кам. Св. „Благовѣщеніе на Князя Великаго дворѣ, не ту, иже нынѣ стоитъ; а ма-„стеры бяху Ѳеофанъ иконникъ Гречинъ, да Прохоръ старецъ съ Город-„ца, да Чернецъ *Андрей Рублевъ*, да того же лѣта и кончаша ю. Быша „громи велици и молнья страшны, и многи человѣки громъ поби, и на „Троицьской недѣлѣ во Вторникъ, въ обѣдню, бысть громъ страшенъ, и „въ церкви, въ Св. Лазарѣ, иконы попалила молнія, а у Чуда у Михайло-„ва Архимандритъ съ Черньци падоша на землю отъ страха; на долгъ „часъ лежали обумерши; а на Архимандритовѣ дворѣ человѣка громъ за-„разилъ до смерти; а на Тфери въ тотъ же день громъ заразилъ цер-„ковь Св. Ивана Богослова и отъ грому згорѣ въ вечернюю годину; не „токмо же се, но и по инымъ мѣстомъ по многымъ былъ таковъ громъ. . . „Кипріянъ Митр. былъ въ Литовской земли, и бывшу ему въ Лучьскѣ, „и ту постави Попа Гоголя во Владыки и тотъ бысть Епископъ граду „Володимеру; а съ Митрополитомъ служили на поставленьи Епископъ „Холмскій, да другій Епископъ Лучьскій. Того же лѣта Витовтъ поѣха „къ Королю, а Король *Ягайло* тако же поѣха къ Витовту, и съѣхаша-„ся въ градѣ Милолюбѣ; съ ними же и Митропол. Кипріянъ, и пребыша „вкупѣ недѣлю цѣлу едину . . . Подписывали на Тфери церк. кам. Св. „Михаила на Городкѣ. На Тфери Авг. въ 30, въ Недѣлю, священа бысть

„церковь кам. Св. Богородица на рѣцѣ на Тмацѣ, иже на Желтиковѣ, „юже свяща Еп. Арсеній . . . Окт. въ 1 день, въ Четвергъ, въ монасты-„рѣ, иже на Симоновѣ, священа бысть церковь Успенія, юже замысли и „основа Ѳедоръ Игуменъ, а сверши ю Князь Великій при Иларіонѣ Архи-„мандритѣ, иже 26 лѣтъ здана бысть. Ноября въ 1 день, въ Недѣлю, пре-„ставися Княгини Великая Евдокія Михайловая Александровича Тферь-„скаго, и положена бысть во Св. Спасѣ. Дек. въ 5 день преставися Кня-„гини Евпраксія Ольговая Рязанского . . . Погорѣ на Яневѣ улицѣ (въ „Новѣгородѣ) 15 дворовъ, а людій съгорѣ 6; по семъ погорѣ Людинъ Ко-„нецъ и Пруская улица до Св. Михайла, а въ Дѣтинцѣ до Владычня дво-„ра, и сгорѣ церкви древян. 5, а каменныхъ огорѣ 12, и Борисъ и Глѣбъ „весь, а людій съгорѣ 30. Преставися Посадникъ Василій Ивановичь, прі-„имъ Мнишескій чинъ . . . Постави (во Псковѣ) церк. кам. Карпъ Свя-„щенноинокъ Св. Стефана въ монастырѣ Св. Спаса, а Св. Никола постав-„ленъ бысть на Узвазѣ. Въ Петрово говѣніе наиде дождь и иде до Ильи-„на дни, и наплънишася источници и рѣкы и езера, акы веснѣ . . . По „Петровѣ дни со Тфери въ Кашинъ ѣздилъ Кн. Александръ Ивановичь... „Преставися Ѳедосья, Матѳеева мать, Маія въ 18. Бысть чудо на „Москвѣ въ домѣ Тютрюмовѣ, и отъ иконы Св. Богородица и Св. Нико-„лы иде миро. Князь Григорій Псковскій пострижеся въ Великыхъ Пу-„стынахъ . . .

„Генв. въ 1 день (1406 г.) въ Пятокъ Кипріянъ Митроп. пріѣхалъ изъ „Кіева на Москву, а былъ тамъ лѣто едино и 5 мѣсяцъ, и потомъ со двѣ „недѣлѣ минуло, преставися Архимандритъ Дороѳей Печатникъ, добрый „нашъ старецъ . . . По Троицынѣ дни во Вторникъ на ночь передъ ран-„ними зарями гибль мѣсяцъ и бысть аки кровь, и тако не исполнився, и „зайде. Іюня въ 16 въ Среду, въ Обѣдню, въ 4 часъ дни погибе солнце ... „По Петровѣ дни въ Новгородьской волости Нижняго бысть буря вели-„ка, а въ тотъ часъ изыде человѣкъ на поле и всѣде на конь впряженъ „съ колесницею, и взятъ вѣтръ съ конемъ и съ колесницею аки бурею „носимъ яко въ трусѣ и въ вихрѣ страшнѣ, дондеже невидимъ бысть, и „на другій день обрѣтоша колесницу его на древѣ, висяцу на версѣ вы-„сока древа, и то на друзѣй странѣ великія рѣки Волги; коня же кромѣ „колесница мертва лежаща познаша; человѣкъ же безъ вѣсти: не вѣдѣ, ка-„мо ся дѣлъ . . . Авг. въ 26 день Кипріянъ Митр. Ларивона Архимандри-„та Симонова постави Епископомъ на Коломну. По семъ минувшема двѣ-„ма недѣлама поставленъ бысть Митрофанъ Епископомъ Суждалю: уже „бо тогда Кипріяну больну сущу на Голенищевѣ . . . Ноября въ 14 пре-„ставися Князь Родславъ Ольговичь Рязанскій . . . Пріиде въ Новградъ „Князь Петръ, братъ Вел. Князя Василія, и пребысть полторы недѣли. „Иде ледъ силенъ изъ озера (въ Новѣгородѣ) и вышибе изъ Великого мо-„сту городни. Апр. въ 11 погорѣ Княжь дворъ на Торговой сторонѣ „отъ Гочкова двора до Плесковского двора, а люди сгорѣ 6. Выгорѣ го-„родъ Псковъ на Духовъ день при послѣ Великого Князя Микитѣ Несло-„вѣ, а загорѣлось отъ Оксентіа отъ Байбородѣ, какъ обѣдню починають „пѣти; только не горѣ въ Домонтовѣ стѣнѣ до Кромъ. Поставлены 3

„церкви: Рожество Св. Іоанна Предтечи въ Ростькинѣ монастырѣ и Св. „Петръ и Павелъ въ Неревскомъ Концѣ и Св. Никита въ Плотницскомъ „Концѣ. Тое жь осени во Тфери преставися Князь Дмитрей Еремеевичь „и Княгиня Настасія Еремеевна, мати его. Брань бысть Матвею Михай-„лову Маія въ 23. *Іюня 17 солнце погибе.*

„Генв. въ 16 (г. 1407) Князь Петръ Дмитріевичь оженися, поя за ся „Полуектову дщерь Васильева сына Васильевича Тысячьского, и бысть „свадьба на Москвѣ. Февр. въ 13 день, въ Сборную Недѣлю, поѣха съ Мо-„сквы во Псковъ Князь Констянтинъ Дмитреевичь. Въ день Благовѣще-„нія преставися Ефросинъ, Епископъ Суждальскій. Тое же весны Княги-„ни Великая Овдотья Дмитріевая заложи церковь камену Взнесенія въ „монастырѣ на Москвѣ внутри города. Тое же весны преставися Князь „Василей, сынъ Княжь Өедоровъ Ольговича Рязанского. Іюня въ 7, во „Вторникъ, преставися Княгини Великая Овдотья Дмитреевая, и поло-„жена въ церкви Св. Взнесенья. Преставися Өеогностъ, Епископъ Рязан-„скій. Пріиде изъ Цараграда въ Новгородъ Владыка Өеодулъ Трапизон-„скій милостыня ради. Іюня въ 6 погорѣ Неревскій Конецъ до города, и „Св. Софія огорѣ вся, и дворъ Владычнь, и Людгоща улица, а церкви „кам. 12 огорѣ, а деревян. сгорѣ 6. Постави Владыка Іоанъ (въ Новгородѣ) церковь кам. на Верендѣ Св. Преображенія, и священа ю самъ, и мо-„настырь устрои. Поставиша церковь кам. Св. Власій въ Людинѣ Кон-„цѣ, а братеничи Юрьи Посадникъ Дмитріевичь и братъ его Яковъ церк. „кам. Чюдо Архистр. Михаила въ Хоцѣхъ въ Аркажи монастырѣ. Князь „Констянтинъ Дмитріевичь со Псковичами создаша церковь Св. Аөанасія „въ единъ день въ Недѣлю, Марта 29. Новогородци въ то время приведо-„ша къ собѣ изъ Литвы Князя Лугвеня, а все то Псковичемъ не на до-„бро, и хотяху искоренити отъ основанія градъ Псковъ. Тое жь зимы „Новгородцы взяша къ собѣ Князя Данила и брата его, Князя Юрья, и „даша имъ градъ Порховъ. Въ Тфери заложена колоколня около старыя „Вел. Княземъ Иваномъ Михайловичемъ въ Петрово говѣніе, и кончаша „подписывати церковь на Городкѣ Св. Архистр. Михаила; а Владыка „Арсеній Тферскій прибавилъ притвора отъ Тмаки рѣки на Желтиковѣ. „Маія въ 25 въ раннюю зарю мѣсяцъ погибе. Червь (по *Никон. Лѣт.*) „окрылатѣвъ идяше отъ Востока на Западъ, и поядe древо и засуши я. „Авг. мѣс. бысть въ Литвѣ мятежь и усобицы и гладъ. Бысть знаменіе „на Похрѣ: иде кровь отъ Св. Богородицы.

„Князь Иванъ Михайловичь“ (зимою въ 1408 году) „оженися на Тфери, „поятъ за ся дщерь Княжь Дмитріеву Еремеевича. Тое же зимы Князь „Володимеръ Андреевичь ожени сына своего Ярослава у Ярославского „Князя, и бысть свадьба на Москвѣ. Марта въ 9, въ Пятокъ, престави-„ся Епископъ Ларіонъ Смоленскій и положенъ въ Сборной церкви на „Коломнѣ. Марта въ 11 день, въ Недѣлю, у гроба Петра Митрополита „исцѣлѣ нѣкій человѣкъ. Тое же зимы снѣгъ великъ былъ до шти пядей; „а на ту весну поводь велика; за 20 лѣтъ старіи памятухи не запом-„нять толь великія. Апрѣля въ 7, въ Суббопу Лазареву, преставися Князь „Өедоръ Михайловичь Моложскій, во Мнишеск. чину Өеодоритъ, и поло-

„жень въ своей отчинѣ въ градѣ Мологѣ въ Сборной церкви. Мая въ 25
„начаша подписывати церковь кам. великую Сборную Св. Богородица,
„иже въ Владимірѣ, повелѣньемь Князя Великого, а Мастеры Данило икон-
„никъ, да Андрей Рублевъ. Повелѣньемь Князя Великого срубиша городъ
„деревяный Ржеву, а Воевода бѣ у нихъ Князь Юрій Козельскій, да Юрья
„Васильевичь. Іюля въ 21, въ Четвергъ о полудни, бысть пожарь великъ
„въ градѣ Ростовѣ, и самая чудная Сборная церковь изгорѣ, и каменіе
„распадеся, иконы и съсуды златыя и сребреныя съ женьчугомъ и съ
„каменьемъ, то все огнемь позже... Бяше бо ведряно и засуха, и буря
„и вихорь... и человѣцы погорѣша, числомъ болѣ яко 1000; и толь вели-
„ка пожара за 250 лѣтъ не бывало въ Ростовѣ. Пріиде въ Новгородъ
„Кн. Костянтинъ Дмитроевичь на Намѣстничьство. Поби Владыка Іо-
„аннъ Св. Софію свинцемъ, а маковицу большую златовръхую устрои.
„Татарове бишась съ Князем Рязаньскимъ, Ѳедоромъ Олговичемъ, и поби-
„ши рать Коломеньскую. Дороговь бысть житу по всей землѣ Русьской.
„Постави Харитонъ, Архимандритъ Кіевскый, церковь камен. Трехъ Свя-
„титель на Красномъ островѣ.

„Въ лѣто 6917 (1409), Марта во 2, преставися Владыка Тферскій, Ар-
сеній. Февр. въ 28, въ Четв., поболѣ главою; къ полунощи же случися
„словесному органу угаснути и затворитися. Наставшю же Марту по
„книжному, а по лунному Февр. 15, въ Пятокъ по заутреннѣй, прихо-
„дитъ къ нему Великій Князь съ своею братьею, съ дѣтми и съ Боляры,
„и съзываетъ Архимандриты на помазаніе Святителя... глубоцѣ нощи су-
„ще, пресѣдяху у него 10 Черноризцевъ... и той нощи за полтретья ча-
„са отъ житія къ Богу отыде.... и вложи Богъ въ мысль Великому Кня-
„зю и всѣмъ людемъ положити его у Св. Богородици и у Св. Отецъ Ѳео-
„досья и Антонія, въ его монастыри.... Преставися Посадникъ Тимоѳей
„Юрьевичь въ Новѣгородѣ. Постави Владыка Іоаннъ теремецъ каменъ, идѣ
„же воду свящаютъ на всякый мѣсяць, и пекелницу камену. Преставись
„Посадн. Есипъ Захаріиничь. Ноября въ 30 чюдо бысть страшно въ цер-
„кви Св. Михаила на Сковороткѣ: звукъ бысть въ маковицѣ по 2 дни и
„по 2 нощи.

„Въ лѣто 6918 (1410) пріиде изъ Царяграда на Москву Митрополитъ
„Фотій Апр. 22 на Великъ день, поставленъ Патріархомъ Матѳеемъ.“
(Въ Кіевъ пріѣхалъ онъ изъ Константинополя 1 Сент. 1409.) „Іуля 15
„бысть побоище Королю Ягайлу и Витовту съ Нѣмцы съ Прусы межи
„городовъ Дубравны и Острода, и убиша Местера и Маршалка, и Кун-
„туры побиша, и городы ихъ Нѣм. поимаша, но только 3 городы не
„вдашась Королю и Витовту, и бысть той осени Ляхомъ 3 побоищѣ съ
„Нѣмци, и на всѣхъ избиваху ихъ, и стояша подъ Марьинымъ городомъ 8
„недѣль, и взяша 2 охабна, а вышняго не взяша и ходиша по Нѣм. земли
„полъдругынатцаты недѣли. Бысть (въ Новѣгородѣ) знаменіе въ церкви Св.
„Георгія конець Лубянки отъ иконы Св. Богородицы молебной. Варламъ
„Архимандритъ постави церк. кам. въ воротѣхъ монастыря Лисицьского
„во имя Св. Варлама Хутиньского, а въ Русѣ поставиша 2 церкви каме-
„ны Св. Георгія и Благовѣщеніе. Въ Св. Софіи отъ иконы Гуріа и Само-

„на и Авина Дек. 21 сътворися знаменіе. Преставись Посадн. Кирилъ „Ондреяновичъ въ Мнищ. чину. Ходиша опять Ягайло и Витовтъ къ „Маріину городу; и рать Нѣм. побѣдивъ, и миръ взяша, а съ города взяша „300 тысящь пѣнязей златыхъ, какъ тѣ крилошанинъ хлѣбца не съѣлъ... „Великій Князь Василей повелѣ рубити градъ Плесо. Приходиша (по *Ни-* „*кон. Лѣт.*) Татарове на Рязань изгономъ; Рязанцы же биша ихъ и по- „лонъ отъяша. Бысть вода велія.

„Въ лѣто 6919 (1411) постави Владыка Іоаннъ церк. кам. Свят. Испо- „вѣдникъ. Сей же зимы иде Владыка Іоаннъ на Москву къ Митрополиту „Фотію... Тое жь зимы Князь Иванъ Михайл. Тферскій прислалъ Боя- „рина своего къ Митрополиту Фотію, и Фотій иде во Тферь и поста- „ви Антонія Епископа Тферя Февр. 2. Тое жь весны преставись Кня- „гиня Овдотія Вел. Князя Ивана Мих. Тферскаго, другая дщи Князя „Дмитрея Еремеевича, Апр. въ 13 въ Понедѣльникъ, на завтрее Велика „дни, и положена у Св. Спаса... Родися Лугвеню на Конорьи сынъ Яро- „славъ, а въ крещеніи Ѳедоръ. Родися Матвею сынъ Кипріянъ.

„Въ лѣто 6920 (1412) поставиша церковь кам. Св. Николу въ Порхо- „вѣ, а другу на Веряжи у мосту Св. Николу древян. въ монастырѣ, а „третью на Клопьскѣ древян. Троицу. Пріѣха изъ Литвы во Тферь Кн. „Александра Ивановичь. Князь Вел Иванъ Мих. Тферскій заложи градъ „на Новоторжскомъ рубежи. Генв. въ 17 Князь Иванъ Васильевичь Яро- „славскій выдалъ дщерь свою Марію за Князя Александра Ѳедоровича. „Меженина бысть въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ: купили мѣру ржи по со- „року алтынъ старыми денгами. За два дни до Ильина въ Кашинѣ при „вечерѣ видѣша серпъ изъ облака. Въ Осножино говѣніе бысть вода ве- „лика въ рѣкахъ. Григорій, Владыка Ростовскій, вторый Архіепископъ, „поставилъ церк. кам. Благовѣщенія на Дорогомиловѣ надъ рѣкою Мо- „сквою, а земли Митропольской Кудринскаго села отступился. Окт. „въ 31 на ночь во Тфери погорѣ Городецъ на Волзѣ и церк. Богоматери „и Княжь дворъ и запасъ.

„Въ лѣто 6921 (1413) постави Владыка Іоаннъ съ Воеводами Новго- „родскыми и съ вои ихъ, что были у Выбора, и пометомъ" (сборомъ) „Христіанскымъ церк. кам. Съборъ Арханг. Гаврила на Хревковѣ улицѣ, „и свяща ю самъ въ праздникъ его; а Иванъ Морозовъ постави церк. кам. „на Десятинѣ Зачатіе Св. Іоанна Предтеча; и погорѣ Тферь того дни. „Отъ Можайска за 10 верстъ, въ отчинѣ Князь Андрея Дмитреевичь, „отъ иконы Богородицы явись жалованія и прощенія много, слѣпымъ, „хромымъ." (Здѣсь разсказывается, что земледѣлецъ, именемъ Лука, на- шелъ сію икону на деревѣ; обогатился, ходя съ нею изъ города въ городъ, построилъ великолѣпный домъ и жилъ Княземъ, презирая всѣхъ; что ловчій Князя Андрея Димитріевича, оскорбленный грубымъ Лукою, пу- стилъ на него медвѣдя, который изломалъ сего человѣка; что Лука, при- веденный въ чувство увѣщаніями Князя Андрея, отдалъ ему чудотвор- ную икону и все свое имѣніе для построенія обители Колочинской, самъ постригся въ ней и скоро умеръ.) „Владыка Іоаннъ иде въ Плесковъ. „Поставлена (во Псковѣ) церк. кам. Св. Василей на Горкѣ. Владыка Іо-

„анпъ, благословивъ Псковичь, отъѣха. Авг. въ 6. Князь Костянтинъ отъ„ѣха въ Новгородъ, и тамо пребысть годъ, и пакы пріѣха во Псковъ. „Владыка Новог. Іоаннъ былъ на Москвѣ у Фотія Митр. съ дары, и „тогда на Москвѣ преставися Архидіаконъ его Іоакимъ, и положенъ въ „монастырѣ Ивана Златоустаго внѣ града Москвы.

„Въ лѣто 6922 (1414) погорѣша въ (Новогородскомъ) монастырѣ на „Деревяницѣ Владычни хоромы и церк. кам. Св. Богородица обгорѣ, да „человѣкъ сгорѣ. Бѣ болѣзнь тяжка костоломъ. Авг. въ 3 погорѣ Нерев„скый Конецъ отъ Св. Владимера и до Гъзени, а церкви кам. огорѣ 8, а „деревян. 5. Той осени съвръшиша церк. кам. Св. Евфимію въ Плотьниц„комъ Концѣ. Пострижеся Владыка Іоаннъ въ Скиму, а Посадн. Кирила „Дмитреевичь преставись. Псковичи поставиша градъ Коложе на новомъ „мѣстѣ на Опочкѣ, а здѣлаша весь въ 2 недѣли въ осень по Покровѣ. Кн. „Костянтинъ поѣха изо Пскова на Москву въ Петрово говѣнье.

„Генв. въ 20 (1415) сниде Владыка Новогород. Іоаннъ съ Владычества, „бысть въ Владычествѣ 30 лѣтъ безъ трій. Иде вода възводъ (въ Новѣ„городѣ). Повоеваша Татарове Елецкую землю (по *Никон. Лѣт.*) и Кня„зя убиша. Смоленскъ выгорѣ и Москва" (по *Никон. Лѣт.*) „и на Саву „Авраміева, иже клевета на Фотія Митр., огнь аки облакъ преклонись „отъ горницы Фотіевой и снѣде его жива. Іюня 7 въ Пятокъ бысть „знаменіе въ солнцѣ" (затмѣніе). Преставись (въ Новѣгородѣ) Посадн. „Ѳедосій Обакумовичь въ Мнишеск. чину. Поставиша Св. Троицу кам. „на Водогоця въ монастырѣ. Новъгородци, сѣдумавъ на Ярославлѣ дворѣ „и ставъ Вѣчемъ у Св. Софіи, положиша 3 жеребьи на престолѣ, напи„савъ имена Самсона Чернеца отъ Св. Спаса съ Хутына, Михаила Игуме„на Св. Михаила съ Сковоротки, Лва Игумена Св. Богородицы съ Кол„мова, и по отпѣніи Св. службы Василій Протопопъ Старый вынесе на „Вѣче Лвовъ жребій, по семъ Михаиловъ, и осташа на престолѣ Самсо„новъ; и Посадникъ Ондрей Ивановичь и Тысяцкой Александръ Игнатьевичь „възведоша Самсона въ домъ Св. Софія на сѣни Авг. въ 11 въ Недѣлю. То„го же дни священа бысть церк. древян. Въскресеніе на Красной гор„кѣ у Плотничскаго Конца, и монастырь устроиша. Той же осени съвръ„шиша 2 церкви кам. въ Людинѣ Концѣ, Въздвиженье и Св. Луку . . . „Купци Псковскыя разбиша старую церковь Св. Софію и начаша новую „дѣлать. Мастеръ Еремей съверши церкв. кам. Вѣры, Любве и Надежи „Іуня въ 18 благословеніемъ служителя Св. Мученицъ, Ивана Священни„ка Хахиловичь, а повелѣніемъ купецкыхъ старость Андрея Тимоѳеевичь „и Осея и всѣхъ купцовъ . . . Той же зимы отъѣха Князь Ярославъ Во„лодимировичь изъ Москвы въ Литву. Марта въ 10 день родись Велико„му Князю Василью Дмитріевичу сынъ Василій. Начатъ мати его велми „изнемогати . . . Великому жь Князю въ скорби сущу. Бѣ же въ то вре„мя нѣкій старецъ святъ въ монаст. Св. Ивана Предтечи подъ боромъ за „рѣкою Москвою, знаемъ же бѣ и Велик. Князю, къ нему же посла Вел. „Князь, да помолится о Княгинѣ. Онъ же отвѣща посланному: шедъ рцы „Вел. Князю, да помолится Мученику Логину: понеже той данъ бысть „отъ Бога помощникъ всему роду вашему. Княгиня здрава будетъ; ро-

„дишъ шебѣ сына въ вечеръ сій, наслѣдника. Внегда же родись, и въ шой „часъ Священнику, Духовнику Вел. Князя, сѣдящу въ келіи въ монасшы-„рѣ Преображенія, пришедъ нѣкшо удари въ двери и рекь: иди, нарци „имя Великому Князю Василью. Онъ же вскорѣ всшавъ и изыде, и не „видѣ никого посланнаго, и пойде на дворъ Княжь, и срѣше его посланъ „по него, глаголя, да идешь и наречешь имя рожденному сыну Вел. Князя. „Священникъ же вопроси его, аще онъ и прежь приходилъ по него — и „рече: нѣсмь. И шедъ нарече имя ошрочаши Василій — и повѣда сія Вел. „Князю и Княгинѣ, и удиви всѣхъ.

„Февр. 23 въ Недѣлю (1416) пріѣха Самсонъ къ Мишрополиту ставишися, а съ нимъ послы Новог. Василій Обакуновичь, Тысяцкой Василій Есиповичь, Тысяц. Александръ Игнашьевичь. Марша въ 9 въ Понедѣльникъ и въ Чешв. 12 просшилъ Богъ у гроба Пешра Мишрополиша, „у человѣка нога прикорчена исцѣлѣ, а въ 15 Февр. у Черници руцѣ исцѣлѣша; а въ шой день Фошій поставы Самсона Діакономъ, а въ Субботу шрешью постави Попомъ, а въ Недѣлю Средокресшную въ 22 Архіепископомъ въ церкви Св. Архисшраш. Михаила, и нареченъ бысшь „ошъ Мишрополиша Симеономъ; а на посшавленіи было Владыкъ 5: Григорій Росшов., Мишрофанъ Сузд., Анщоній Тфер., Тимоѳей Сарьскій, „Исакій Пермскій, при Вел. Князѣ и при брашѣ его Юрьѣ и Косшяншинѣ; и пріѣха въ Новгородъ Апр. въ 16, и Посадн. Иванъ Богдановичь, „Тысяцк. Борисъ Васильевичь съ Игумены и съ Попы срѣшиша его конець Славна; а на шу нощь пресшавися Наумъ, крилошанинъ Св. Софіи. „Посшавиша Св. Илію конець Пруской улици. Той осени съвръшени „а церкви кам. Св. Пешръ Мишрополишъ, да Св. Аѳанасій сшяжаніемъ „Владыки Симеона . . . Градъ Косшрома заложена бысть. Маія въ 3 пресшавися Григорій, Архіепископъ Росшовскій. Воеваша Ташарове Лишву „и возврашищася съ полономъ.

„Въ лѣшо 6925 (1417) пресшавись Новог. Посадникъ Юрьи Онцифоровичь, бывъ нѣмъ годъ и 3 мѣсяца. Іюня въ 10. бысшь громъ въ церкви „Св. Евпашія на Рогашицѣ, и иконы опалиша. Того же мѣс. въ 24 пресшавися Владыка Іоаннъ на Дерявиницѣ и положенъ у Св. Въскресенія въ „пришворѣ; а на Москвѣ пресшавися Князь Иванъ, сынъ Князя Великого, „Василія, ѣдучи съ Коломны. Съвръшены быша (въ Новѣгородѣ) 5 церкви „кам., на Колмовѣ Св. Никола, Св. Мина на Даньславлѣ улицѣ, Св. Андрей „на Щишной улицѣ, Св. Антоній у Спаса на Хушинѣ, Св. Никола на Холопьи городкѣ. Псковскіи Посадники Ѳеодосъ и Селивесшръ и весь Псковъ „наяша масшеровъ и здѣлаша сшѣну ошъ косшра на Незнановѣ горкѣ и „до Сысоевыхъ ворошъ, а другыхъ наймишовъ наяша и поставиша косшеръ на Крому ошъ Псковы, а поимаша шо серебро на корьчмишѣхъ. „Попове не вкупніи собравшесь, биша чоломъ Пскову, и усшроиша шрешій Соборъ у Св. Николы надъ греблею. Пресшавися Князь Григорій „(Псковскій), на Снешной горѣ посшригся, и положенъ въ пришворѣ на „десной сшранѣ. Тое жь зимы мнози люди ошъ враза изомроша.

„Въ лѣшо 6926 (1418) въ церкви Св. Анасшасіи (въ Новѣгородѣ) идяше „ошъ иконы Св. Богомашери Покрова акы кровь по обѣ сшороны ризы

„ея Апр. въ 19. Поставлены 4 церкви кам. въ Новѣгородѣ: Св. Власій на „Черницинѣ улици, Св. Саву на Кузмодиміанѣ. Св. Илію у Спаса на Хутинѣ, Въскресенье обіци монастырь и Св. Николу на Пидбѣ. Той же „осени пойде Владыка Симеонъ въ Псковъ на свой подъѣздъ, и мѣсяць судилъ и поучи ихъ: да чтобы есте Церковь не обидѣли и не въступалися ни во что, елико изъ начала Епископъ и потягло при прежебывшихъ „Архіепископъ въ домъ Св. Софіи, въ земли и въ воды, и въ суды и въ печать . . . . Въ Новгородъ пріѣха Князь Тферскый Андрей Дмитріевичь, „и пріяша его . . . Князь Дашко Ѳеодоровъ сынъ Остpожского взялъ „Кременецъ Витовтовъ въ Великій Четвергъ; послалъ прежь себя дву „человѣкъ своихъ, Дмитрея да Илью, а съ ними ся зговоря: предайтеся „служити Кондрату Прусу, Воеводѣ Кременецкому; егда же пріиду ко „граду, и вы взводъ оттните, а мостъ положите . . . и Дашко пріѣхалъ „ко граду въ нощи въ 500 человѣкъ; и тѣ его совѣтницы у города отводъ отъяша, а мостъ положиша, и Дашко съ други своими въ городъ „въѣха, Кондрата Воеводу уби, а приставовъ Королевыхъ и Витовтовыхъ присѣклъ, а Князя Свитригайла изъ желѣзъ высѣклъ, сѣдѣвша подевята года; и оттолѣ ѣде Свитригайло въ Угры, и взялъ Луческъ, да „у Волынскихъ Бояръ 150 коней отлучилъ . . . Поставленъ Ростову „Епископъ Діонисій . . . Преставися Князь Александръ Ивановичь *Брюхатой* Суждальской, зять Великаго Князя: Князь же Великій дастъ „дочь свою Василису за другова мужа, за Князя Александра *Взметня* „Даниловича Суждальского и Нижегородского; а другую дочь свою Марью „Князь Вел. дастъ за Кн. Юрья Патрекеевича Наримантовича.

„Въ л. 6927 (1419) Маіа въ 1 погорѣ Славенскый Конецъ и Плътничьскій и до Ѳедорова ручья, церкви 24, а Св. Отецъ церк. вся выгорѣ, а „людій изгыбло много. Преставись Новог. Посадн. Иванъ Богдановичь. „Апр. въ 9 по Вечерни буря велія и дождь и громъ, и у Св. Богородицы „у городнихъ воротъ уби сторожа Андрея, а чепь паникадилную, что „въ лбѣ, всю порвало, и двери Райскія опалѣли, и Св. Іоаннъ Предтеча, „и на Св. Николѣ и на Василіи знадбу сътвори, а подъ церк. въ воротѣхъ 2 человѣка убило; а иніи падоша аки мертвы, ови онѣмѣша, а иніи „безъ ногъ бѣша и глуси . . . и въ Св. Костянтинѣ иконы опалѣша . . . „Варлаамъ Архимандритъ постави церк. кам. въ Юрьевѣ монаст. Рожество Богородицы, и Михайло Юрьевичь церк. древян. на Колмовѣ, а „Ѳедосій Игуменъ Св. Троицю кам. на Клопскѣ въ 60 дній . . . При Владыцѣ Симеонѣ во Псковѣ преставись Романъ Посадникъ, а на зиму въ „Суб. Мясопустную Ларіонъ Посадникъ. Поставлена въ Псковѣ церк. „кам. Св. Никола въ Пескахъ. Поставиша костеръ на Крому отъ Псковы падшій. Бысть моръ въ Кіевѣ. Симеонъ Владыка Новог. ѣздилъ по „Корельской землѣ въ поѣздѣ своемъ. Поставиша церк. древян. Св. Антонія на Вежищахъ.

„Въ л. 6928 (1420) Псковичи наяша мастеровъ Ѳедора и дружину его „побивати церковь Св. Троица свинцомъ, и не обрѣтоша Псковичи такова мастера въ Псковѣ, ни въ Новѣгородѣ, кому лити свинчатыя доски, а къ Нѣмцемъ слаша въ Юрьевъ, и поганія не даша мастера, и пріѣха

„мастеръ съ Москвы отъ Фотія Митрополита и научи Θедора масте-
„ра Св. Троицы, а самъ отъѣха на Москву, и тако до году побита бысть
„Св. Троица Авг. во 2, и даша мастеромъ 44 рубли. Бысть знаменіе ве-
„ліе въ Чирскахъ отъ иконы Св. Богородицы: изъ обою оку идяху сле-
„зы, и Священники послаша, Попы и Діаковы, а отъ Пскова послаша
„Θедора Шибалкина и иныхъ Бояръ — и принесоша икону, и усрѣтоша
„ихъ съ кресты весь Псковъ за Старымъ Вознесеньемъ, идѣ же и нынѣ
„крестъ въ тыну, и поставиша церк. въ женск. монастыри, и оттолѣ
„начаша праздновати Знаменіе Богородицы Іуля въ 16 . . . Приде изъ
„Угорскія земли Князь Швитригайло Олгердовичь въ Литовскую землю
„жити. Поставлены 2 церкви древян. (въ Новѣг.), Св. Никола въ Іонинѣ
„пустынѣ и Св. Онуфрій на Красномъ островѣ.

„Въ л. 6929 (1421) бысть зима снѣжна и вода велика въ Волховѣ и сне-
„се Вел. мостъ, и Передичьской и Жилотужской, а съ Кольмець и цер-
„ковь снесе Св. Троицю, а въ Щиловѣ и на Сокольницѣ и въ Радоковицахъ
„и въ Въскресеніи въ Людинѣ Концѣ, въ тѣхъ церквахъ толко на пола-
„тѣхъ пѣли, а по концамъ хоромы снесе, и разліяся въ городняя ворота
„до Рыбниковъ. Маіа въ 19, вшедши тучи съ полудни, въ полунощи громъ
„страшенъ и дождь прапруденъ и съ каменіемъ акы яблока, а иное аки
„яица . . . и бысть все лѣто дождево . . . Преставися въ Мнишьск.
„чину 2 Посадника, Θедоръ Тимоѳеевичь и Александръ Θоминичь. Іюня въ
„15 преставися Архіеп. Новогор. Симеонъ . . . . и Новогородцы положи-
„ша 3 жеребія на престолѣ Св. Софіи, Игумена Θеодосіа Св. Троицы съ
„Клопска, Игум. Захаріо отъ Благовѣщенія и Арсенія Ключника Владыч-
„ня съ Лисичней горкы . . . и Труфенъ Попъ вынесе Арсеніевъ жребій
„и Захаріинъ, а на престолѣ остася Θедосьевъ. Посадникъ Тимоѳей Ва-
„сильевичь и Тысяцкой Кузма Терентьевичь съ Новогородци введоша
„Θедосіа въ домъ Св. Софіи на сѣни Сент. въ 1, въ Понедѣльникъ. Съвръ-
„шены 4 церк. кам. Богоявленіе на полѣ, Воскресеніе въ Павловѣ мона-
„стырѣ, Въскресеніе у Благовѣщенія въ монастырѣ, Давыдомъ Дмитріе-
„вичемъ Иванъ Милостивый въ Людиемъ Концѣ; а Новогородци цѣловаша
„крестъ за единъ братъ. Перхурей Чернецъ Сопешка даде мѣсто земли,
„и поставиша (во Псковѣ) церк. Благовѣщеніе и монастырь женскый въ
„Пескахъ. Свершиша церк. кам. Св. Варвару возлѣ Николы въ Опоцкомъ
„Конци . . . Князь Иванъ Тферскый изнима Боярина Новоторжьскаго,
„Ивана Кумганца, и сына его Θому, и бивъ ихъ заточи въ Новый горо-
„докъ. Свершиша 2 церкви кам., Исакъ Окинфовичь въ монастырѣ на по-
„лѣ Богоявленіе, Василій Филиповичь съ Лукьяномъ Онциформовичь Св.
„Спасъ на Розважи улици . . . Мѣсяца Окт." (въ другихъ спискахъ: 15
Генв.) „свершиша въ Новѣгородѣ мостъ Великій. Тое жъ осени Княгини
„Настасія Юрьева Дмитріевича была у отца своего на Москвѣ, а пойде
„съ Москвы за недѣлю до Рожества. Тое жъ зимы Князь Юрьи Ивано-
„вичь Тферскій женись у Ивана Дмитріевичь.

„Въ л. 6930 (1422) преставися Княгини Настасія Юрьева Дмитріевича
„въ Звенигородѣ, а положена на Москвѣ у Вознесенья. Августа въ 18 *отъ*
„*пороху* погорѣ Москва, въ полночи загорѣся, а о полудни преста.

„Въ л. 6931 (1423) бысть знаменіе въ солнцѣ, и съвершиша 2 церкви „кам. Св. Богородицю на Колмовѣ и Св. Іоанна на Лужищи. — Авг. въ 30 „сослаша Новогородци Өеодосія, нареченнаго ихъ Епископа, со Владычня „двора въ его монастырь, глаголюще: не хощимъ *шестника*" (см. Т. IV, примѣч. 380) . . . и возведоша на дворъ Владычень по жребію Инока Емель„яна отъ Св. Воскресенія съ Деревяницы. Моръ бысть по Корельской „землѣ.

„Въ л. 6932 (1424) Митрополитъ Фотій на Москвѣ постави въ Нов„городъ Емельяна Инока въ Епископы, и нареченъ бысть Евфимій. Съвръ„шены 2 церкви кам. (въ Новѣгородѣ): Св. Лука на Лубяници и Св. Бо„рисъ и Глѣбъ на Гзенѣ. Постави Владыка Евфимій церковь Милостива„го Спаса за олтаремъ у Св. Софіи . . . Кончана бысть стѣна камена (во „Псковѣ) перси Кромскыя, а дѣлаша полчетверта года 200 мужь, а най„ма взяша 1200 рублевъ, и поставиша на персехъ колоколницю и коло„коли повѣсиша, и 3 года стоявше, распадошася перси.

„Въ л. 6933 (1425) бысть въ Псковѣ хлѣбъ подешевле, по 5 зобницъ „на полтину ржи."

(255) См. выше, примѣч. 254, подъ годомъ 1415.

(256) Въ *Степен. Книгѣ* сказано: „Митрополитъ посла по Юрья, хотя „ему поручити *старѣйшинство* Великаго Княженія:" или Авторъ разумѣлъ подъ *старѣйшинствомъ* только первое мѣсто въ Великокняжескомъ Совѣтѣ, или ошибся въ своей догадкѣ о приверженности Фотія къ Юрію: ибо послѣдствіе доказываетъ, что Митрополитъ усердно держалъ сторону юнаго Василія. — Герберштеинъ пишетъ, что Василій Димитріевичь будто бы не любилъ сына, подозрѣвая супругу, именемъ *Анастасію* (развѣ Софію?) въ прелюбодѣяніи, и наслѣдникомъ своимъ объявилъ брата, Юрія: завѣщаніе Василія Димитріевича опровергаетъ сіе извѣстіе.

(257) По извѣстію другихъ Лѣтописцевъ не Константинъ, но Андрей Димитр. Можайскій ходилъ въ слѣдъ за Юріемъ съ 30,000 или съ 25,000 воиновъ до рѣки Суры и возвратился ни съ чѣмъ, *норовя* ему. — Далѣе: „Митрополитъ пріиде въ Ярославль на Рожество Предтечево, и ту ни „мало помотчавъ, но точію ужиналъ у Князя Ивана Васильевича; молиша „его Князіи Ярославстіи, чтобы у нихъ наутріе обѣдню слушалъ, и не „послуша ихъ, пойде въ Галичь . . . Митрополитъ же вшедъ въ посадъ „града, и пойде къ Соборной церкви Преображенія: бѣ же та на посадѣ „на полѣ у озера . . . И посла Юрій Боярина своего, Бориса Галичского, „и Данила Чешка въ Москву," и проч.

(258) „Въ лѣто 6934 (1426) преставися В. К. Иванъ Мих. Тферскій, и „сяде на его мѣсто сынъ его, Александръ, и вскорѣ преставися; и сяде „на его мѣсто сынъ его, Кн. Юрьи Александр., и сидѣлъ 4 недѣли, и „преставися; и сяде братъ его, Кн. Борисъ Александр., а племяннику, „Князю Ивану Юр., далъ городъ Зубцовъ . . . Того же лѣта Князь Бо„рисъ поималъ дядю, Князя Василья Михайл. Кашинскаго. — Тоя же осе„ни (1426) преставися Кн. Андрей Володимер. во иноч. чину Сава, и по„ложенъ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ . . . и К. Ярославъ Волод.

„и К. Иванъ Васил. Ярославскій . . . Въ той же моръ преставися (въ 1427 г.) „К. Василей Волод. и положенъ во Архангелѣ на Москвѣ. . . Преста„вися (въ 1428) К. Петръ Дмитр" (а не Константинъ, какъ въ *Псков. Лѣт.*).— „И послѣ того мору, какъ послѣ потопа, толико лѣтъ люди не „почали жить, но маловѣчніи и худи и шадушіи начаша быти" (см. ниже, примѣч. 386, г. 1425, 1442 и 1448). Въ 1431 было небесное знаменіе, три огненные столпа, и проч.

(259) Въ *Никон. Лѣт.* (1426): „и рѣзаша у Татаръ . . . и въ ротъ вла„гаху имъ наругающеся, яко же бо и самому Витовту видѣти."

(260) Въ *Псков. Лѣт.*: „Псковичи биша челомъ Новгородцемъ (въ 1425 г.), „и они отрядиша послы къ Витовту, а Псковичи послаша съ ними Ѳедо„ра Посадника и Андрея Ларіоновичь и Ивана Ларьяновичь и Бояръ; они „же не учиниша ничто же... Въ лѣто 6934 (1426), Іуня въ 29, отсту„пникъ Витовтъ разверже миръ съ Псковичанами, и Псковичи послаша „къ Новугороду, абы помогли, и не помогоша, но еще и послаша Алек„сандра Игнатьевичь къ Витовту на Псковское зло, и егда мимо иде 4 „недѣли и 4 дни, и Витовтъ... пріиде къ Опочкѣ Авг. въ 1 день, а Опо„чани бьяхутъ ихъ ово каменьемъ, ово колодьемъ отъ заборолъ отсѣкая, „и поганіи, всуе трудившесь 2 дни и 2 нощи, отъидоша... И пріиде Ви„товтъ къ Вороначю Авг. въ 25, и счинивше пороки, шибаху на градъ „каменіе, и бѣ Вороночаномъ притужно, и послаша ко Пскову, чтобы „печаловалися о нихъ, и Псковичи послаша къ Витовту Посадника Ѳедо„ра Шибалкина, а съ нимъ Бояръ, и биша много челомъ; онъ же чело„битья не пріятъ, и начаша къ городу лѣзти, пушками шибая и порока„ми, и присиѣвши нощи, и бысть чюдо страшно" (тутъ описаніе грозы)... „а Вороночани моляхуся Богу и Мученику Георгію, а Псковичи ожгоша „посады своя; и Витовтъ призва Вороночанъ, и обольстивъ ихъ, и взя „перемирье съ ними; и Вороночани послаша гоинца ко Пскову, а Пскови„чи къ Витовту Якима Посадника и Ѳедоса и Бояръ. Еще же и о семъ „повѣмъ: тогда же въ засаду къ Котелну городу послаша Посадниковъ „Селивестра и Ѳедора Шибалкина, и съ ними 400 мужь, а Витовтъ по„сла къ Котелну 7000 мужь Литвы и Татаръ, а Псковичемъ того не „вѣдущимъ, и подъ Котелномъ удариша на нихъ Литва и Татары, и уби„ша Псковичь 17, а руками яша 13; а Псковичи съ ними бишась побѣгая „къ городку, и побиша Литвы много, и тако вбѣгше въ Котелной, за„творишась. А Островичи тогда ходиша торономъ" (набѣгомъ) „къ Велью, „и наѣхаша на ночьлезѣ Татаръ и убиша 40 мужь, а мало ихъ убѣжа, а „инѣхъ подо Вревомъ Вревичи побиша. . . . И пріѣхавше Якимъ Посад„никъ и Ѳеодосій, биша много челомъ, и срядишася дати 1000 рублевъ, и „взяша миръ съ Витовтомъ Авг. въ 25, а полоненыхъ даде на поруку По„садникомъ, а срокъ положиша привезти 1000 рублей и полоненыхъ всѣхъ „въ Вильни поставити на Крещеніе. . . Псковичи (въ 1427 г.) послаша „къ Вел. Князю Юрья Посадника Тимоѳеевичь и Бояръ, чтобы послалъ „своихъ Бояръ къ Витовту и ударилъ бы челомъ за Псковичь; и баше „ему тогда брань съ Княземъ Юрьемъ о Великомъ Княженіи, но обаче о „всемъ томъ небрегъ уречеся; и на зиму присла Вел. Князь Бояръ своихъ

„во Псковъ, и Псковичи послаша съ ними Посадниковъ Якима Павловичь и „Ивана Сидоровичь и Бояръ; и даша имъ реченное Витовту сребро. Они „же ѣхавше въ Вилно на срокъ, и поставиша плѣненыхъ предъ Витовтомъ, „и сребро положиша 1000 рублей; онъ же поганый сребро взя, а плѣне„ныхъ на крѣпости посади . . . . За 3 недѣли до Велика дни Псковичи „послаша къ Витовту Посадника Селивестра Левонтьевичь и Владычня „Намѣстника Парфея . . . и докончаша за полоненыхъ полшеста-ста руб„левъ, а сребро дати на Покровъ." На противъ того *Никон. Лѣт.* сказываетъ, что посолъ Великаго Князя, Александръ Владиміровичь Лыковъ, нашедши Витовта еще подъ Вороночемъ, уговорилъ его взять съ Псковитянъ только 1000 рублей, вмѣсто трехъ тысячь. — Ливон. Лѣтописецъ говоритъ, что Псковитяне ссорились тогда съ Епископомъ Дерптскимъ, Дитрихомъ, который убѣдилъ Витовта итти на нихъ войною (см. Гадебуш. Livländ. Jahrbuch. г. 1426). — См. *Новог. Лѣт.* г. 1428, и Длугош. Hist. Polon. стр. 509-510, гдѣ онъ говоритъ о характерѣ Новогородцевъ. Объ осадѣ Порхова въ *Никон. Лѣт.*: „пушка у церкви Св. Ни„колы переднюю и заднюю стѣну во олтари прорази и градныя камен„ныя зубцы срази, и изыде паки изъ града на полки Витовтовы . . . и „много изби воинства и коней. Бысть же се въ самую Литургію; Свя„щенника же ничимъ не вреди, а Нѣмчина мастера, похвалившагось на Св. „Николу, размета невидимо гдѣ . . . точію *полкабата* (камзола) его оста„ся." Въ *Новог. Лѣт.*: „Порховичи докончаша за себе 5000 рублевъ" (въ *Арханг. Лѣт.* прибавлено: *Рижскою*, т. е. Рижскимъ серебромъ) . . . „а Но„вогородци другую 5000 серебра, а шестую на полону; и то серебро „браша на всѣхъ волостехъ Новгородскыхъ и по Заволочію съ десяти че„ловѣкъ рубль." Въ *Псков. Лѣт.*: „Новгородци прислаша ко Пскову помо„щи просити противу Витовта, и Псковичи отрекоша: какъ вы намъ „не помогосте, тако и мы вамъ не поможемъ; а еще межю нами крестное „цѣлованіе съ Витовтомъ, что намъ по васъ не пособляти . . . . И Нов„городци съ Владыкою Евфіемъ привезше дары многы (къ Витовту) и „добиша чоломъ *пятьюнадесять тысящь* рублей, и стоя подъ Порховомъ „недѣлю, и отъиде Іюля въ 28 день." Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Архіепископъ Евфимій выкупилъ плѣнниковъ за 3000 рублей.

(261) Въ *Новог. Лѣт.*: „А Князь Великій тогда къ дѣду своему Витов„ту и крестъ цѣлова, что ему не помогати ни Новѣгородѣ, ни по „Псковѣ." — Въ Императорской Библіотекѣ есть *списокъ* присяжной грамоты, около сего времени данной Княземъ Рязанскимъ Витовту. Въ ней сказано: „Господину Осподарю моему, В. К. Витовту. Се язь К. В. „Иванъ Ѳедоровичь Рязанскій добилъ есми чоломъ, далъ ся есми ему на „службу . . . а быти ми съ нимъ за-одинъ на всякого . . . А будеть ли „которая налога В. К. Василью Васильевичь, внуку его, изъ которые „стороны, а взвелить ми К. В. Витовтъ, и мнѣ пособляти ему (Василію); „а судъ и исправы держати ми съ В. К. съ Василіемъ по старинѣ. А бу„деть ли В. К. Витовту съ В. К. съ Василіемъ Вас., со внукомъ своимъ, „какое нелюбіе, или съ дядями его, или съ братьею его, и мнѣ пособляти „В. К. Витовту, своему Осподарю. А В. К. Витовту въ отчину мою не

„вступаться, вынемши Тулу, Берестей, Дороженъ . . . А суды и испра-„ва'давати ему мнѣ чисто . . . Съѣхався судіамъ В. К. Витовта съ мои-„ми, судити имъ, цѣловавъ крестъ . . . а что сопрутся, ино положить „на Осподаря, на В. К. на Витовта, кого обвинитъ," и проч.

(262) *Длугош.* Hist. Polon. 557, Стриков. кн. XV, *гл.* 13, и *Никон. Лѣт.* г. 1430.

(263) Длугош. Hist., Polon. 559.

(264) См. *Никон. Лѣт.* г. 1440, Стриков. кн. XVII, гл. 5-8, и Кромера гл. XXII, стр. 337. Послѣдній пишетъ: Michael apud Moschos exulans veneno, opera Lituanorum procerum, ut creditum est vulgo, in poculum infuso, extinctus est; а Стриковскій говоритъ, что какой-то Игуменъ Московскій отправилъ Михаила ядомъ въ просфорѣ (около 1452 года). — Подлинная Свидригайлова договорная грамота находится въ Архивѣ Иностран. Коллегіи, но такъ ветха, что не льзя разобрать ни одной цѣлой строки; видно только, что говорится о свободной торговлѣ въ обѣихъ земляхъ, и проч. На примѣръ: „Язъ, Князь Великій Швитрикгайло, миръ . . . съ Новымго-„родомъ . . . а послѣ грамотъ мѣсяцъ не воеватися . . . . А на семъ язъ, „Кн. Вел. Швитрикгайло, крестъ цѣловалъ; тако же и посломъ Новгого-„родскимъ . . . Иванъ Ермолиничь . . . Харьяничь . . . . . Индикта IX," то есть, 1431 г. — Свидригайло въ 1432 заключилъ миръ и съ Псковитянами, отъ коихъ ѣздили къ нему Посадники Іоакимъ, Алексѣй Ефремовичь и Бояре. Съ обѣихъ сторонъ утвердили старую границу, какъ было при Витовтѣ (см. *Псков. Лѣт.*). — Въ *Новог. Лѣт.*: „той же зимѣ (1436) по-„слаша Новгородци Посадьника Григоріа Кириловичь къ Литов. Кн. Жи-„димонту, и Жидимонтъ цѣлова крестъ къ Новугороду по старинѣ."

(265) См. *Никон. Лѣт.* г. 1426 и 1429. Первое нападеніе было *осенью*: вѣроятно, еще въ 1425 г. Татары, стоявъ въ Галичѣ мѣсяцъ, взяли Кострому 6 Генв. Съ дядями Великаго Князя ходилъ къ Нижнему Бояринъ Иванъ Дмитріевичь. — О походѣ въ Болгарію см. *Никон. Лѣт.* г. 1430.

(266) Сія грамота находится въ Архивѣ подъ No 22 и 23 (см. *Собр. Госуд. Грам.* 86). Въ началѣ: „На семъ, *брате молодшій*, Князь Юрьи „Дмитреевичь, цѣлуй ко мнѣ крестъ," и проч. Она подписана Митрополитомъ; въ ней означенъ годъ, Индиктъ и день (Марта 11). Въ лѣтописи: „Тое жь зимы (1431) Кн. Юрьи разверже миръ."

(267) Но въ такомъ единственно случаѣ, когда бы Василій не оставилъ сыновей; и притомъ въ завѣщаніи нѣтъ имени Юрьева, а сказано только: „кто будетъ подъ тѣмъ (Василіемъ), ино тому сыну моему Княжь „Васильевъ удѣлъ."

(268) „Князь Юрьи Дмитр. на Рожество Богородицы бысть на Литур-„гіи у Пречистые на Сторожехъ, и пойде ко Ордѣ же; и взятъ ихъ къ „себѣ въ улусъ Дорогаминъ Московской Минъ-Булатъ . . . но добръ бя-„ше до Юрья Князь великій Ординскій Ширинъ-Тегиня . . . Нѣкто же „Татаринъ, Усеинъ именемъ, Постелникъ Царевъ, братаничь Тегинѣ, ска-„за ему думу Цареву . . . . . . Пріиде Князь Великій В. В. на *Москву* „на Петровъ день, а съ нимъ Царевъ посолъ, Уланъ Царевичь: тотъ его „садилъ на Великое Княженіе у Пречистые у золотыхъ дверей" (въ Успен-

скомъ Соборѣ) „а К. Юрьи пойде въ Звенигородъ, а оттолѣ въ Дмит„ровъ." Только въ одномъ *Архангельск. Лѣт.* сказано, что Мурза Ханскій посадилъ Василія на престолъ будто бы въ *Владимірѣ*.

(269) Великій Князь не былъ доволенъ тѣмъ, что Ханъ отдалъ Юрію Дмитровъ.

(270) „И Микула поясъ далъ въ приданые жъ Ивану Дмитріевичю, а „Иванъ Дмитр. далъ его за своею дочерью Князю Андрею Володимерови„чю; по смерти же Андреевой, по Ординскомъ приходѣ, Иванъ Дмитріе„вичь Княжну, Андрееву дщерь, а свою внуку, обручалъ за Князя Василья „Юрьевича, и тотъ поясъ далъ ему." Въ *Архангельск. Лѣт.*: „на той свад„бѣ Великаго Князя Захарья Ивановичь Кошкинъ имался за поясъ у Кня„зя Василья Юрьевича у Косова, а ркучи: тотъ поясъ пропалъ у меня, „коли крали казну мою." Лучше вѣрить Московскому Лѣтописцу. — Юріевичи, уѣхавъ изъ Москвы, ограбили Ярославль и взяли *казны всѣхъ Князей*.

(271) „Посла противу ему (Великій Князь Юрію) „Ѳеодора Андрее„вича Лужа и Ѳеодора Товаркова." — О Москов. воинахъ: „піяни бяху, „а и съ собою медъ везяху, чтобъ пити еще."

(272) Въ *набережныхъ* сѣняхъ.

(273) Въ *Собраніи Госуд. Грамотъ*, I, 99. Тамъ сказано: „Цѣлуй крестъ „ко мнѣ и къ моему сыну, К. Дмитрею меньшому, и съ нашимъ братомъ „молодшимъ, К. Костянтиномъ Дмитр., и съ моими братаничи Княземъ „Иваномъ и К. Михайломъ Андреевичемъ" (Можайскими, сыновьями умершаго Андрея Дмитріевича) „и со К. Васильемъ Ярославичемъ . . . А дер„жати ми тобя, Великого Князя, въ старейшинствѣ . . . а дѣтей ми сво„ихъ большихъ, Князя Василья, да Князя Дмитрея, не приимати и до сво„его живота, ни моему сыну меньшому; а тобѣ ихъ также не пріима„ти . . . Что отчина брата нашего, Княжа Петрова Дмитреевича, Дмит„ровъ со всѣми волостьми, того ми, всего подъ тобою, подъ Вел. Кня„земъ, блюсти . . а что есмь взялъ Царевъ ярлыкъ на Дмитровъ, и тотъ „ми ярлыкъ тобѣ дати . . . . Что ми ся еси нынѣча отступилъ Суро„жыка, да Лучинского, да Шепковы, и Шачебала, и Ликурги, и Костром„скихъ волостей . . . . и Бѣжыцкого Верха . . . А въ Литву ти у мене „помочи не имати, а къ тобѣ ми не ѣздити . . . . а которыя суды су„дилъ язъ Князь Юрьи Дмитреевичь, сидя на Москвѣ, а тѣхъ ти судовъ „моихъ не посужати . . . А что поимана твоя казна и твоее матери, „или Бояръ, и мнѣ то отдати . . . А что будутъ поклажей моихъ Бо„яр.. Семеновы Ѳедоровича, или иныхъ, и тобѣ то отдати . . . А что „Князь Василей Ярославичь ималъ или люди его грабили, а на то судъ и „исправа. А что еси платилъ въ Ордѣ за мою отчину за Звенигородъ и „за Галичь два выхода и съ распанами, а о томъ ми съ тобою розчести„ся . . . . А что есмь занялъ у гостей и у суконниковъ шесть сотъ руб„левъ, да заплатилъ есмь въ твой долгъ въ Ординской Резепъ-Хозѣ, да А„бипу въ кабалы и на кабаляхъ есмь то серебро пописалъ, и тобѣ съ „мене тотъ долгъ сняти, а съ тѣми гостьми вѣдатися тобѣ."

Въ лѣтописи: „Князь Великій В. В. посла Воеводу, Князя Юрья Патрикеевича, а съ нимъ Дворъ свой, многіе люди, на Кострому на Юрьевичевъ, а съ ними бяше Вятчане и Галичане; и спаша на бой, на рѣчкѣ на „Куси, и рать Вел. Князя побиша, а Воеводу, Юрья Патрикеевича, поимали, и пріидоша опять на Кострому; а какъ Волга спала, и они отступили къ Турдеевымъ врагомъ . . . К. В. слышавъ измѣну дяди, что на „бою у дѣтей его были Воеводы его со многими людьми, и пойде на него ратію; онъ же (Юрій) бѣжа къ Бѣлуозеру, и Князь Великій Галичь „взя и сожже" (въ *Архангельск. Лѣт.* сказано, что онъ не взялъ крѣпости, гдѣ засѣли Косой и Шемяка.) . . . „и возвратися къ Москвѣ. А Князь „Юрьи приде въ Галичь, и посла по дѣти своя, и собра силу многу, и „Вятчанъ приведе . . . Князь же Великой пойде противу, а съ нимъ Князь „Иванъ Можайской . . . и срѣтошася у Николы Св. на горѣ въ Суббопу „Лазареву . . . . . а Князь Иванъ Можайской бѣже ко Тфери: тамо бо „и мати его бѣжала ко дочери своей; и К. В. посла къ нему Андрея Ѳедоровича Голтяева . . . . . А Князь Юрьи присла къ нему Якова Жестикова, зовя его къ собѣ; Иванъ же пойде со Тфери къ Юрью, и срѣте „его у Троицы, и пойде съ нимъ къ Москвѣ." (Въ *Новогород. Лѣт.*: „На „Св. недѣли, Апр. въ 1, пріѣха въ Новгородъ Князь Вел., Василій, и выѣха весь Великій Новгородъ ратью на поле на Зарѣчскую сторону къ „Жилотугу, а Князь Великій былъ на Городищи, и не бысть имъ ничего же; и К. В. въ Новѣгородѣ пребывъ 3 недѣли и 4 дни, отъѣха на „Тферь Апр. въ 26.") „Пріиде же Юрьи подъ Москву на Страстной недѣли въ Среду, и стоя подъ городомъ недѣлю . . . и взя Москву, и Княгинь Великихъ посла въ Звенигородъ." Во *Псков. Лѣт.* сказано такъ о началѣ войны между Юріемъ и Великимъ Княземъ: „К. В. пойде ратью „на Князя Юрья, а черезъ мирную руку и правду, церкви пожже въ „Галичѣ и монастыри, и много народу посѣче, а К. Юрья ту не бысть; „и приде въ Переславъ, и учини пакость велику."

(274) „Преставися (въ 1432 г.) дядя В. К. Василія, Князь Андрей Можайскій, въ своей отчинѣ мѣсяца Іюня, и привезоша его на Москву и „положиша во Архангелѣ." Въ 1433 г. К. Иванъ и братъ его, К. Михайло Андреевичи, заключили союзъ съ Василіемъ, жившимъ тогда въ Коломнѣ: см. ихъ договоръ въ *Собраніи Государствен. Грамотъ*, I, 92.

(275) См. *Собр. Госуд. Грамотъ* стр. 90. Въ обѣихъ грамотахъ Юрій называется *Великимъ Княземъ*. Въ Рязанской сказано: „тобѣ, Вел. Князю „Юрью Дмитр., отчины моей Княженья Рязанского, Переславля и Пронска по рѣку Оку блюсти подо мною . . . а въ *Тулу* и въ Берестій тобѣ и твоимъ дѣтемъ не вступатись . . . А со Княземъ еси съ Пронскимъ и съ его братьею любовь взялъ; а что ся промежъ насъ учинитъ, „ино межъ насъ управитъ тобѣ, Вел. Князю . . . А съ Торускимъ Княземъ взяти ми любовь, зане тѣ Князи съ тобою одинъ человѣкъ. А Новосильскіе Князи добьютъ челомъ тобѣ, и мнѣ съ ними взяти любовь . . . „А что будетъ покупилъ въ Мещерскихъ мѣстѣхъ дѣдъ мой и отецъ мой „и язъ или мои Бояре, и въ та мѣста мнѣ не вступатись: знати намъ „свое серебро, а земля къ Мещерѣ, какъ было при В. К. Иванѣ Яросла-

„вичѣ и при Князи Александрѣ Уковичѣ . . . а *Князи Мещерскіе* не имуть „тобѣ, Вел. Князю, править, и мнѣ ихъ не примать . . . А что будеть „въ моей вотчинѣ Егедѣева полону, коли былъ Егедѣй у Москвы, тѣхъ „ми отпустити, а съ купленыхъ окупъ взяти; также и Царевичь Мах-„мутъ-Хозя какъ былъ у тобе въ Галичѣ рапью . . . А что еси посы-„лалъ свою рать съ твоимъ братычемъ, со Княземъ съ Васильемъ, и вое-„*вали и грабили*, ино тому всему погребъ", и проч. Въ *Родословной Книгѣ* (II, 239) сказано о *Мещерскихъ Князьяхъ* такъ: „въ лѣто 6706 (1198) „Князь Ширинской Бахметъ, Усеиновъ сынъ, пришелъ изъ Большіе Орды „въ Мещеру, и Мещеру воевалъ, и засѣлъ ее, и родился у него сынъ Бе-„клемишъ, и крестился Беклемишъ, и названъ Михаиломъ. и въ Андреевѣ „городкѣ поставилъ храмъ Преображенія, и съ собою крестилъ многихъ „людей. У Князь Михайла сынъ Князь Өедоръ, у Өедора Юрьи, и Князь „Юрьи былъ на Дону, пришелъ изъ Мещеры къ В. К. Димитрію Иванови-„чу съ своимъ полкомъ. У Юрьи сынъ Князь *Александрѣ*:" сей-то Александръ есть *Уковичъ*, продавшій Мещеру Димитрію Донскому (см. выше, (стр. 106); но Князь Ширинской Бахметъ вышелъ изъ Орды безъ сомнѣнія гораздо послѣ 1198 года, когда еще и Большой Орды не было.

(276) *Собр. Госуд. Граматъ*, 105. Юрій отказываетъ Косому Звенигородъ, разныя села, и между прочимъ Тамашенскіе луга на Перервѣ; Шемякѣ Рузу, а Красному Галичь съ соляными варницами (кромѣ церковныхъ), Вышегородъ, и между прочими деревнями Подмосковное сельцо *Сущевское* съ *Ходынскимъ* лугомъ: Московскіе же доходы, Дмитровъ, Вятку, дворъ, загородный садъ и садикъ всѣмъ тремъ вмѣстѣ. Далѣе: „Благословляю сына своего, Василья, икона пречистая Богородица, око-„вана золотомъ, Смоленская; а благословляю сына своего, Дмитрея, ико-„на Спасъ окована, что мя ею благословила Княгиня Марья Данилова; а „благословляю сына своего, Дмитрея меньшаго, икона Пречистая золо-„томъ окована, что мя благословила мати моя Княгиня Великая. А что „изъ золота, даю сыну своему Василью поясъ золотъ съ каменьемъ на „чепехъ безъ ремени; а Дмитрею, сыну своему, даю поясъ золотъ на „червьчати ремени; а Дмитрею, сыну своему меньшему, даю поясъ зо-„лотъ съ каменьемъ безъ ремени, чѣмъ мя благословилъ отецъ мой. А „что моего осталося золота, или женчугу, или матери его золота, или „женчугу, а тѣмъ благословляю сына своего, Дмитрея меньшего. А Богъ „дастъ, будетъ Митрополитъ на Русь, и язъ ему велѣлъ дати блюдо свое „большее двоколечное . . . А писалъ есьми грамоту сю передъ Бояры."

Въ Архангельскомъ Соборѣ на гробѣ Юріевомъ изображены годъ и число его смерти: „л. 6940, Авг. 19;" но въ томъ и въ другомъ ошибка По всѣмъ лѣтописямъ онъ скончался въ 6942 году, а по *Арханг. Лѣт.* 6 Іюня. Сія надпись безъ сомнѣнія не есть древняя.

(277) См. о Константинѣ выше, примѣч. 122, а грамоту въ *Собр. Госуд. Граматъ*, 107. Начало: „Божіею милостію и Пречистыя Его Богоматере и *по нашей любви*," и проч. Далѣе: „што еси взялъ у Семена у „Аминева пасынка въ Троснѣ въ своемъ имяни, и то село твое" (въ Звенигородской области) . . . „А што, брате, еще въ цѣлованьи будучи

„со мною, не додалъ ми еси въ выходы серебра и въ Ординскіе протор„ры, и што есмь посылалъ киличеевъ своихъ ко Царемъ, къ Кичимъ-Ах„метю и къ Сиди-Ахметю, а то ты мнѣ, брате, отдати по розочту . . .
„а што въ наше розмирье (было), а тому всему *дертъ*" (забвеніе).

(278) Въ Синод. *Пков. Лѣт.*: „Князь Василій Юрьевичь, побравъ зла„то и сребро, казну отца своего, и градскій запасъ весь и *пусичи* (пу„шки) и подоймя съ собою Князя Романа *Переяславскаго*" (вѣроятно, бывшаго Намѣстникомъ въ *Переславлѣ*) „побѣже къ Новугороду . . . и егда „прибѣже въ Новгородъ, а Князь Романъ побѣже отъ него; онъ же, пои„мавъ его, повелѣ отсѣщи руку и ногу, и умре; а самъ Кн. Василій Юрь„евичь, на Городищѣ поживъ 8 недѣль, поѣха на Заволочье." — Въ *Никон. Лѣт.* и въ другихъ: „Косой, шедъ на Кострому, нача собирати воя . . . „и пріѣха въ Новгородъ . . . и пойде и пограби по Мстѣ рѣцѣ и по Бѣ„жецкомъ Верху и по Заволочью . . . и пойде съ Костромы со многими „силами къ Москвѣ, а Князь Великій противу . . . и срѣтошась въ Яро„славской отчинѣ у Козмы и Даміяна на Которосли, Генв. въ 6 (1435), и „поможе Богъ Вел. Князю, а Косой убѣже въ Кашинъ . . . и пойде изго„номь къ Вологдѣ на Вел. Князя заставу . . . и тамо Воеводу поималъ, „Ѳеодора Михайловича Челядну, Андрея Ѳедоровича Голтяева, Володиме„ра Андреевича Зворыкина, Михайла Чепчика и иныхъ; и пойде къ Ко„стромѣ, и посла по Вятчанъ, и пріидоша къ нему . . . а Князь Великій „пойде на него, и ста на мысѣ у Св. Ипатія межи Волги и Костромы, „и не лзѣ бѣ битися имъ, межи бо ихъ рѣка Кострома, и взяша миръ. . . „а весна была вельми студена." (Между рукописями Императорской Библіотеки находится списокъ мирнаго договора, заключеннаго тогда между Великимъ Княземъ и Косымъ.) Далѣе: „Косой же пришедъ въ Ди„митровъ, и пребысть въ немъ 1 мѣсяцъ . . . и пойде опять на Кострому, „а къ Вел. Князю розметныя послалъ, а жилъ на Костромѣ до пути зим„няго, а на пути пойде къ Галичю, а изъ Галича къ Устюгу, и на Кичь„менгу на верхъ Югу рѣки приде въ Николинъ день, а на Устюгъ подъ „городъ Гледенъ Генв. въ 1 (1436), а ждалъ Вятчанъ и стоялъ 9 недѣль, „и на всякъ день приступалъ, а города не взялъ; а на городѣ былъ Вое„вода Вел. Князя, Князь Глѣбъ Ивановичь Оболенскій; а волости выпу„стошилъ, а послѣ Гледенъ взялъ на цѣлованье, а Князя Глѣба взялъ ду„шею на правѣ, да его убилъ, и положенъ бысть въ Соборн. церкви на „Устюзѣ; а *Десятинничка* Владычня, Іева Булатова, повѣсилъ, и много „Устюжанъ казнилъ, вѣшалъ, сѣкалъ."

(279) „А приставъ у него Иванъ Старковъ, а Намѣстникъ на Коломнѣ „онъ же . . . Тое же весны, въ 4 недѣлю поста Великого, пойде Кн. В. „Ю. Косой похваляся на Великого Князя . . . а К. В. стрѣтилъ его на „Скоротинѣ въ Ростов. области."

(280) Объ немъ сказано въ *Пков. Лѣт.*: „Пріѣха во Псковъ изъ Риги „(въ 1436 г.) отъ Местера Князь Иванъ Баба, а въ своемъ безвременьи, и „пребывъ въ Псковѣ до полузимы, поѣха на Москву."

(281) „Угони Косого Борисъ Тоболинъ, и нача кликати: *осъ Князь Ва„силей Юрьевичь*! и пригна къ нему Князь Иванъ Баба." Далѣе въ *Архан*.

Лѣт. стр. 122: „А когда К. Василій Юрьевичь перевезлся Волгу, и пойде конною силою на Нерехту, а Вятчанъ отпустилъ 400 въ судѣхъ къ „Ярославлю, а Князь Великій чаялъ судовые силы много со Княземъ Васильемъ, и онъ велѣлъ Князю Александру Ѳедоровичю Брюхатому Ярославскому съ Ярославцы и съ Углечаны въ судѣхъ быти подъ Ярославлемъ, а силы съ нимъ 7,000, а Вятчяня, не дошедъ до Ярославля за 15 „верстъ на устъ рѣчки Тунашмы, суды оставя въ рѣчкѣ, а сами пѣши „поскочили за Княземъ Васильемъ, да не поспѣли на бой, стрѣтили бѣгълыхъ съ бою, а сказываютъ, что Князя Василья на бою поимали. И „Вятчяня побѣгли взадъ подлѣ Которосль рѣку внизъ, а ужъ нощь, и „прибѣгли близъ Ярославля на свѣтлой зарѣ, ажъ Чернецъ единъ ѣдетъ „по Которослѣ вверхъ, и начаша спрашивати его: гдѣ Князь Александръ „стоитъ? Чернецъ же чаявъ Князь Александровы люди, и рече имъ: близъ „на устъ Которосли шатромъ стоитъ на Волзѣ со всею силою, а иные „въ Которосли, а Княгини со Княземъ спитъ въ шатрѣ. А того утра „была мгла велика: Вятчяняжъ здумавше и кинувся скоро, Князя Але„ксандра и со Княгинею поимавше, и вметалися во Княжіе же суды, и „отъ берегу отпехнулися на Волгу, а всѣхъ Вятчанъ 40; ратъ же Князь „Александрова вся спала, и вскакали, начаша хватати доспѣхи; Вятчяня „же пловучи внизъ по Волзѣ со Княземъ и со Княгинею, и стоячи надъ „Княземъ и надъ Княгинею съ копьи и съ топоры, и рѣша: одинъ на насъ „стрѣлу стрѣлитъ, мы Князя и Княгиню погубимъ; Князь же нача кли„кати Ярославцемъ и Угличаномъ, чтобы не стрѣляли. Вятчаняжъ пере„гребшися за Волгу, и сташа, и нача Князь за себя и за Княгиню су„литъ окупъ 400 рублевъ. Вятчаня же велѣша послати по казну въ го„родъ Ярославль, и Казначей Княжей казну привезлъ: Вятчяня же взем„ше казну, а Князя Александра и со Княгинею не отпустили; а побѣгли „къ Вяткѣ мимо Казань въ судѣхъ, а Князя и съ Княгинею свели къ Вят„кѣ неволею. Приде же вѣстъ Великому Князю на Москву, что Вятчя„ня Князя Александра и со Княгинею поимали, и на Вятку свели, и „Князь Великій велѣлъ Князю Василью Косому очи выняти Маія въ 21 „день."

(282) *Собр. Госуд. Грамотъ,* 118: „А Москва намъ, господине, съ тобою держати по душевной грамотѣ дѣда нашего . . . А что ввелъ зять „твой, Князь Александръ Ивановичь, отцю моему четыре села, въ долгу „въ пяти сотъ рублехъ, и тобѣ то, господине, мнѣ и моему брату опра„вити по докончанью; а запрится твой сестричь, и тобѣ В. Князю взя„ти у него судъ." Сія грамота писана въ Москвѣ, Іюня 13, съ означеніемъ Индикта XIV. — Косой умеръ въ 1448 году.

(283) „Устюжане (въ 1425) г.) воеваша Заволочскую землю . . . Того „же лѣта Новогородци ходиша ратью къ Устюгу." Далѣе: „Посадники „Новогород. Иванъ Васильевичь, да Григорій Кириловичь, да Тысяцкій „Ѳедоръ Елисеевичь, Есипъ Васильевичь, Онанья Семеновичь, Остафей „Есиповичь, а съ Рушаны Ѳедоръ Остафьевичь, Михайло Буйносовъ и „Порховичи, идоша (въ 1435 г.) треми путьми, и казниша *Ржевичь,* и се„ла пожгоша по Ржевѣ по Плесковскый рубежь и на Вардовѣ." Здѣсь

говорится не о Московскомъ и Тверскомъ Ржевѣ, но объ нынѣшнемъ Псковскомъ Новоржевѣ, который назывался прежде *Ржевою Пустою.* Далѣе: „Той же зимы В. К. Василей цѣловаше крестъ къ Вел. Новугра-„ду, что отступитися ему Новогород. отчины и слати своихъ Бояръ „на розводъ земли на Петровъ день; а Новогородскимъ Бояромъ отсту-„питись Княжчинъ, гдѣ ни есть. Послаша Новогородци (въ 1436 г.) на „отводъ земли на Бѣжитьскій Врѣхъ Посадника Григорія Кириловича и „Ивана Максимовичь, а Житьихъ Кузму Тарасина, Ивана Максимова, а „иныхъ на Ламскій Волокъ и на Вологду.' — Далѣе: „пріѣха (въ 1437 г.) „съ Москвы въ Новгородъ отъ Князя Вел. К. Юрьи Патрикеевичь чер-„ного бору просшаты, и Новогородци даша." Грамота, тогда писанная, находится въ Пушкинскомъ собраніи Двинскихъ грамотъ: вотъ она:

„Отъ Посадника В. Новагорода Степенного Офонаса Остафьевича, и „отъ всѣхъ Старыхъ Посадниковъ, и отъ Тысяцкого Степенного Миха-„ила Ондрѣевича, и отъ всѣхъ Старыхъ Тысяцкихъ, и отъ Бояръ, и отъ „Житьихъ людей, и отъ Купцовъ, и отъ черныхъ людей, и отъ всего В. „Новагорода на Вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ: Се дахомъ черный боръ на сей „годъ Великому Князю Василью Васильевичу всея Руси. А послалъ К. В. „на черный боръ Семена Яковлича въ *Торжокъ*: а брати Князь Великого „черноборцемъ на Новоторжскихъ волостехъ на всѣхъ, куды пошло по „старинѣ: съ сохи по гривнѣ по новой; а писцу Княжу мордка съ сохи; „а съ соху два коня, а третья припряжъ; да тшанъ кожевничской за со-„ху; неводъ за соху; лавка за соху; плугъ за двѣ сохи; кузнецъ за соху; „четыре пѣшци за соху; лодья за двѣ сохи; црѣнъ за двѣ сохи. А кто „сидитъ на исполовь, и на томъ взяти за полсохи. А гдѣ будетъ Нов-„городецъ заѣхалъ лодьею, или лавкою торгуетъ, или староста, на томъ „не взяти. А кто будетъ одерноватый, емлетъ мѣсячину, на томъ же „взяти. А кто поверга свой дворъ, а вбѣжитъ въ Боярскій дворъ; или „кто иметъ соху таити, а изобличатъ, на томъ взяти вины въ двое за „соху. А кормъ съ десяти сохъ Князя Великого черноборцемъ взяти „тритцать хлѣбцовъ, баранъ, а любо полотъ мяса, трое куровъ, сито „засыпы, два сыра, бѣкарь соли; а коневого корму пять коробей овса въ „старую коробью; три возы сѣна съ десяти сохъ, какъ пошло; по двѣ „подводы отъ стану до стану; а брати имъ, куды и прежде сего черно-„борци брали по старинѣ."

(284) Въ *Никон. Лѣт.*: „Того жь лѣта (1435) Евфимій, Владыка Новог., „заложи у себя во дворѣ церковь Ивана Златоуст. на воротѣхъ; то-„го жь лѣта и совершена бысть . . . и егда мастеры отступиша вси „отъ церкви, и церковь вся и до основанія падеся великимъ разрушені-„емъ; *и се знаменье показася, яко хощетъ власть Новогородскихъ По-„садниковъ и Тысяцкихъ и всѣхъ Бояръ и всея земли Новогородскія раз-„рушитися.*"

(285) Послы Новогородскіе, Архіепископъ и Бояре, встрѣтили Василія въ Деревской области, у городка Демоня. Въ *Новог. Лѣт.*: „Въ то же „время Воеводы Новгородскіи съ Заволочаны по вотчинѣ Князя Великого „воеваша." Въ *Псков. Лѣт.*: „Вел. Князь присла посла, веля Псковичамъ

„развергнуши миръ съ Новгородци, а самъ стоялъ въ Торжку, и Псковичи отослаша мирную грамоту Новугороду, и идоша къ Порхову, и „стояша 3 дни, и повоеваша Новогородецъ область отъ Литовскаго рубежа и до Нѣмецкого въ длину на 300 верстъ, а поперегъ на 50 верстъ; „а Князь Вел. стоялъ подъ Демономъ.

(286) Сіе извѣстіе находится не во всѣхъ лѣтописяхъ: оно внесено въ *Степен. Книгу* (II, 99) съ такимъ прибавленіемъ: „Инокъ свитъ отъ „Вельможска роду, живый въ монастыри Клопскомъ, внезапу нача звонити въ колокола, и многи снидошася; онъ же яко уродствуя бише, и „всѣмъ людемъ, и самому Архіепископу вопія и глаголаше . . . . . Гордыню вашу упразднитъ (Іоаннъ), и ваше самовластіе разрушитъ, и самовольные ваши обычаи измѣнитъ, и за ваше непокорство многу бѣду „и посѣченіе и плѣнъ надъ вами сотворитъ, и богатство и села ваши „восприиметъ." — По тогдашнему обыкновенію давали младенцу имя Святаго, коему празднуютъ въ день его рожденія, а при крещеніи другое.

(287) См. Лызлова и *Казанск. Исторію*, стр. 77. Но въ договорѣ, заключенномъ между Великимъ Княземъ и Шемякою въ 1436 году, говорится о дани Ханской: „а Орда, господине, управливати и знати тобѣ, „а у мене ти имати *выходъ* по старымъ дефтеремъ." — Въ лѣтописи: „Приходиша (въ 1437 г.) Татарове на Рязань, и украйные села поимаша, „и возвратишася во свояси . . . Татарове (въ 1439 г.) воеваша Рязань, и „много зла учиниша, и отъидоша." — Махметъ, какъ мы описали, утвердилъ Василія на Великомъ Княженіи. Братъ его именуется въ грамотѣ 1434 года (см. выше, примѣч. 277) Кичимъ-Ахметъ, а въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ Кичи-Махметъ.

(288) „Убіенъ же бысть въ городѣ Князь Петръ Кузминской, да Семенъ Волынецъ: гнашася бо тѣ за Татары до половины града, а прочіи „вои отъ града возвратишася." — О бѣгствѣ Россіянъ: „Бысть же сіе „Дек. въ 5; убіени же быша на томъ бою Андрей Константиновичь Шонуровъ, К. Өедоръ Торусскій, К. Андрей Стародубскій, Лобанъ, Микита Туриковъ, Семенъ Горсткинъ, Кузма Порховской, Иванъ Кузминской, „Андрей Хоробровъ, Дмитрей Кака, и иныхъ множество."

Въ *Арханг Лѣт.* разсказаны обстоятельства иначе: „Воеводы Вел. „Князя изошли Татаръ подъ городомъ безвѣстно, и Царь пошивъ города сѣлъ въ острозѣ, а учалъ бити челомъ . . . . а Григорей Протасьевъ, „Воевода Мченскій, учалъ Царю наровити, а Воеводамъ Вел. Князя" — ибо Григорій былъ Литовскимъ, а не Московскимъ подданнымъ — „говорити такъ: К. В. прислалъ ко мнѣ, битися со Царемъ не велѣлъ, а велѣлъ миритися и полки распустити; и Воеводы учали слабѣти, и на „ту ночь Григорей Протасьевъ послалъ своего человѣка ко Царю въ „острогъ, а ркучи тако: чтобы еси утре на рать Великаго Князя пришелъ; и того утра мгла бысть велика, и Царь пришелъ, а *сторожи* „Рускія не видали, а учали Русь сѣчи, а Григорей Протасьевъ напередъ „всѣхъ побѣжалъ, кличючи: побѣжи! побѣжи! и побѣгоша."

(289) См. выше, примѣч. 176, *Казанск. Лѣт.* въ *Казанск. Исторіи* Рычкова стр. 81, и Лызлова *Скиө. Ист.* I, 86. Казанскій Лѣтописецъ разска-

зываетъ, что Улу-Махметъ сдѣлалъ себѣ ледяной городокъ и передъ битвою молился въ пустой церкви Христіанской; что какой-то чудесный свѣтъ вывелъ его изъ укрѣпленія и далъ ему смѣлость ударить на Россіянъ; что у Шемяки было 20,000 Москвитянъ, 10,000 Тверскихъ и 10,000 Рязанскихъ воиновъ, и проч. — По другому сказанію, первымъ Царемъ въ Казани былъ сынъ Улу-Махмета, Мамутякъ (см. ниже, примѣч. 329). Далѣе въ лѣтописи: „Того же лѣта (1439) Махметъ приходилъ къ „Москвѣ Іюля въ 3, въ Пятокъ . . . и стоявъ 10 дней, пойде прочь, и „идучи назадъ досталь Коломны пожеглъ, а людей плѣнилъ, а иныхъ изсѣклъ . . . . Тоя же осени (1439) Царь Ахметъ (Кичимъ-Ахметъ) Болшія Орды убилъ Болшаго своего Князя Ординскаго, Мансупа, и много „Татаръ избіено бысть въ Ордѣ; не точію же тамо, но и въ иныхъ Ордахъ мятежъ бысть и межиусобныя брани.“

(290) *Собр. Госуд. Грам.* 130. Въ сей грамотѣ сказано: „также и нынѣча што будете взяли на Москвѣ *нынѣшнимъ приходомъ* у меня, и „у моее матери, и вамъ то отдати.“ Кажется, что Юрьевичи имѣли передъ симъ войну съ Великимъ Княземъ; но въ лѣтописяхъ нѣтъ о томъ ни слова. Далѣе упоминается о *поручникѣ* К. Дм. Ряполовскаго, о К. Ив. Засѣкѣ, о должникѣ Васил. Вепревѣ. На оборотѣ: „А подписалъ Ѳедько „Дьякъ . . . въ лѣто 6948 (1440) Іюня въ 24.“

(291) „Сент. въ 22 преставися К. Дм. Юрьевичь Красной . . . преже бо „глухота ему бысть и болячка въ немъ движеся . . . и Священникъ со „причастіемъ въ сѣнехъ ожидая. Отецъ же его духовный, Осія именемъ, „Священноинокъ, заткну ему бумажкою ноздри: Князь же вставъ срѣте „причастіе въ дверехъ . . . и возлеже . . . и покуша отъ ухъ мясныя и „рыбныя, и вина чашу испи, и рече своимъ: выступите вонъ; дадите ми „упокой; заснути ми ся хощетъ. Они же возрадовашася, иныи же кровь ту „за-тошь, и поидоша ясти къ Деонисію Ѳомину; и какъ бысть уже вечеръ, и се единъ притече къ Осіи (ту бѣ и Діяконъ Княжь Деменшей) „и рече: Князь отходитъ . . . и пришедъ канонъ на исходъ души и молитву промолвиша, и отдаде духъ. Осія же загнеше ему очи и покры „его. . . . Единъ Діяконъ не испилъ тогда, но легъ противу Князя на „другой лавицѣ, зряще нань . . . и яко же бысть въ полунощи, Князь же „скину одѣяло и рече великимъ гласомъ: *Петрѣ же позна, яко Господь* „*есть* . . . Потомъ же нача пѣти демественомъ: *Господа пойте* . . . таже „аллилуія, стихъ Богородичной . . . . а поюще очи смеживъ, а тѣло на „немъ яко же у живаго. Предъ Утренею же нача тишати, и по Утрени отецъ его духовный приспѣ съ причастіемъ запаснымъ, а Князь таки „не зглядывалъ. Осія же двинулъ по устомъ лжицею, и Князь возглянулъ . . . и рече: *радуйся утроба Божествен. воплощенія* — и причастися, „и въ Понедѣльникъ той и во Вторникъ глаголаше отъ Писаній и поятие стихи; и людей знаяше, и глаголаше къ нимъ, но не по ряду . . . а „кто что къ нему ни промолвитъ, того не слышаше. Въ Среду же преста говорити, а люди знаяше; въ Четвертокъ же, въ Обѣдню, егда начаша чести Евангеліе, отдаде духъ Сент. въ 22 . . . И Бояре послаша „по Князя Шемяку на Угличь, а его нарядивъ, яко же достоите надъ

„мертвыми, несоша въ церковь Св. Левонтія, а церковь та безъ пѣнія „стояше . . . Въ осьмый же день приде Шемяка, и тогда отпѣвше надгробная, и положиша его въ колоду, и осмоливше съ полстьми, повезоша на Москву на носилѣхъ . . . и дважды срониша его; привезоша же „на Москву Окт. въ 14 . . . По отпѣтіи же расѣкоша о немъ колоду, „мняще толико кости обрѣсти," и проч. — Въ *Арханг. Лѣт.* сказано, что Шемяка будто бы содержался тогда подъ стражею въ Коломнѣ, и по смерти брата освобожденный, былъ отпущенъ въ Угличь.

(292) *Степен. Кн.* II, 40: „Апрѣля въ 20, въ Пятокъ Св. Пасхи, по „утренней службѣ Митрополиту пришедшу въ ложницу свою и немощи „ради возлегшу на одрѣ, и почивающу, и внезапу зритъ, съ полуношныя „страны вниде яко человѣкъ зѣло свѣтелъ, власы имѣя яко златы, и вѣ- „нецъ на главѣ, и одежда его бяше преудобрена паче смысла человѣче- „скаго, и посохъ златъ имѣяше въ рукѣ, и ста предъ Святителемъ, и не „глагола ничто же. Фотій же рече: *что еси ты, удививый мене? пи- „сано бо есть, не входяй дверми тать есть.* Тогда глагола ему: *есмь „Божій Ангелъ . . . Се даетъ ти Христосъ Богъ седмицу . . .* Живъ же „Фотій по явленіи лѣто едино и мѣсяца три и дній 20." Тутъ же и грамота Фотіева, въ коей между прочимъ сказано: „Вѣдомо всѣмъ, что „како есми пришелъ на Митрополію, не нашелъ есми ничто же въ дому „церковнѣмъ Митрополитстѣмъ: все запустѣло . . . . Вѣдомо же всѣмъ, „что како отъ пожара грамоты вси погорѣли церковныя," и проч. Онъ скончался 8 Іюля, и былъ погребенъ въ Успенск. Соборѣ на правой сторонѣ, гдѣ находился гробъ Кипріана Митрополита. Мы имѣемъ разныя сочиненія Фотіевы, въ коихъ видны умъ, знанія богословскія и краснорѣчіе: 1) *Посланія во Псковъ о Стригольникахъ*, которые въ его время снова явились (см. выше, примѣч. 124); 2) *Слово къ Іереямъ и Монахамъ*; 3) *Слово къ Епископамъ*; 4) *Посланія къ народу, Правительству и Духовенству Псковскому*, въ коихъ Митрополитъ жалуется, что Іереи въ крещеніи употребляютъ муро *Латинское*, а не *святое*, и передъ судіями гражданскими даютъ присягу въ полномъ Священническомъ одѣяніи, и проч.; 5) *Посланіе въ Новгородъ къ Архіепископу Іоанну* и къ мірскимъ чиновникамъ о соблюденіи Христіанскихъ добродѣтелей, и проч. (см. въ Синод. библіотекѣ книгу подъ No 164).

Въ *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна г. 1434: „той весны поѣха на поставленіе „Евфимій къ Митрополиту Герасиму въ Смоленскъ Апр. въ 11." См. выше примѣч. 243. Въ *Псков. Лѣт.* г. 1434: „тоя осени Герасимъ Владыка пріѣ- „ха изъ Царяграда въ Смоленьско отъ Патріарха поставленъ Митропо- „литомъ на Рускую землю, а на Москву того ради не поѣха, Князи Ве- „ликія заратишась межу собою."

Степен. Кн. II, 69-71: „Іона бысть родомъ отъ мѣстъ града Галича „близъ предѣлъ Казанскія земли, растояніе имѣя отъ Соли Галическія яко „шесть верстъ на рѣцѣ на Святицѣ, родися отъ отца благочестива, имя- „немъ Ѳеодора, зовомаго Одноуша, идѣже нынѣ погостъ по его имени „Одноушево именуемо, его же той Одноушъ далъ въ Домъ Соборной цер- „кви Пречистыя, иже на Москвѣ . . . . И двунадесятимъ лѣтомъ испол-

„пившимся отъ рожества его, во Мнишеский образъ облечеся . . . и пріиде во обитель на Симоново, иже на Москвѣ, и тамо подвизашеся . . . „съ блаженнымъ Варѳоломеемъ, и съ Иваномъ Златымъ, и Игнатіемъ иконникомъ, не дадуще никакому безчинію бывати въ монастыри, ни самому „Архимариту не попущаху . . . аще и многу скорбь и опечаленіе пріимаху . . . Блаженнаго Варѳоломея по многихъ лѣтѣхъ преставленія его „показа Богъ стояща въ церкви на мѣстѣ, идѣже въ животѣ еще обычай имѣя молитися, якоже о сихъ свидѣтельствуетъ въ духовномъ завѣщаніи преподобнаго Іосифа Волоцкаго . . . Пріиде нѣкогда Фотій „Митрополитъ во обитель на Симоново въ некольницу, иже есть хлѣбня, и видѣ сего блаженнаго Іону успувша отъ великаго воздержанія и „десную свою руку на главѣ своей держаще согбену, яко благословляще „ею. Святитель же, пророчествуя о немъ глаголаше," и проч. Въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ* (Синод. библіот. No 164, л. 104) есть такъ называемое *лопуреніе Митрополиту Московскому* — вѣроятно, избранному тогда Іонѣ — *на Кіевскую Митрополію отъ Короля* Казиміра. Въ сей грамотѣ сказано: „Какъ бывало за отца нашего, Короля Володислава, и В. К. Витовта, мы Казиміръ, Божіею милостію и проч. гадавше „и добрѣ смотривше съ нашимъ братомъ, съ В. Княземъ, и съ нашими „Князьми и Паны, и съ нашею Радою, полюбили есмо собѣ отцемъ Ми„трополитомъ" . . . Имени нѣтъ. Далѣе: „и дали есмя ему столецъ Ми„трополичь Кіевскій и всея Руси, какъ бывало по уставленію . . . Про„то же Князи наши, Епископи и Бояре, и Архимандриты, и Игумени и „Попове, и весь Посполитый народъ имѣете его и чините . . . Притомъ „во избраньи были старшіи паны, К. Швитригайло, братъ Кн. Алексан„дро Володимеровичъ, Князь Матей Бяскунъ Виленскій, Воевода Вилен„скій Панъ Кгаштольтъ, Воевода Троцкій Панъ Монивидъ. Воев. Новогородскій, Маршалокъ Земьскій, Панъ Петрашъ Монтиктирдовичъ, Панъ „Судивой Намѣстникъ Ковеньскій; Панъ Виленскій, Намѣстникъ Смоленскій, Панъ Семенъ Кгедикгольдовичъ, Панъ Ондрей Немировичъ, Панъ „Ондрей Исаковичъ, Намѣстн. Полоцкій, Панъ Юрша Староста Браславскій, Панъ Михайло Канцлерь, и иныхъ многихъ нашихъ Князей и Па„новъ. А дана въ Вильнѣ."

(293) См. Флёри Hist. Eccl. XV, 593, г. 1463, и *Степен. Кн.* II, 71.

(294) См. Райнальд. Annal. Eccl. г. 1437-1440 — Грева Сильвестра Стуропула Hist. Concilii Florentini, переведенную на Латинскій языкъ Робертомъ Крейтономъ (Creyghton) — Льва Аллація (Allacii) Exercitationes in Creyghtoni Apparatum, versionem et notas ad Historiam Con. Flor. script'am a Sguropulo — Мозгейма Kirchengeschichte, V, 50 — Флёри Hist. Eccl. XV — *Никон. Лѣт.*, *Степен. Кн.* II и двѣ рукописи Синодальн. библіотеки No 364 и Архив. No 10, гдѣ сказано въ заглавіи: *Повѣсть Симеона Суздальскаго о осьмомъ Соборѣ.*

(295) *Степен. Кн.* II, 72. Въ *Псков. Лѣт.* г. 1435: „Того же лѣта Князь „Литовскый Свитригайло поима Митрополита Герасима въ городѣ Смоленьскѣ и окова твердо желѣзы, и сподоби въ Видбескъ и державъ на „крѣпости 4 мѣсяци, сожже огнемъ Іуля 26, за толику вину, что пере-

„яшь на него дръжалъ къ Князю Владимиру, и выня у него грамоты „перевѣтныя."— Исидоръ пріѣхалъ въ Москву во Вшорникъ Святой Недѣли (въ 1437 г.).

(296) Сіе описаніе находится въ Синодальн. библ. No 329 и напечатано въ *Древ. Рос. Вивліов.* VI, 27. *Совѣтуемъ любопытнымъ прочитать его.*— Въ *Псков. Лѣт.*: „Пріѣха во Псковъ Сидоръ Митрополитъ Дек. въ 6 „(г. 1437) и въ Св. Троицѣ Литургію сверши, и пребысть 7 недѣль, и „отня судъ и печать, и воды, и землю, и вси пошлины Владычни, и на „тѣхъ оброцѣхъ посади Намѣстника своего, Геласія Архимандрита, а „самъ поѣха на осьмый Соборъ." Письмо Великаго Магистра Нѣмецкаго къ Исидору сообщено мнѣ изъ Кенигсбергскаго Архива подъ No 736. Оно такъ начинается: Allnerwirdigster Vater und Grossnechtiger, besunder lieber Herr! Вотъ содержаніе: „Свѣдавъ отъ вашего посланнаго и Маршала Ли„вонскаго, что вы ревностно желая способствовать единомыслію въ Хри„стіянствѣ, спѣшите на Соборъ Италіяскій, но доселѣ не могли безо„пасно проѣхать чрезъ Самогитію, писалъ я о томъ къ Вел. Герцогу Ли„товскому Сигизмунду, который и доставилъ мнѣ пропускъ и другую, „по-Руски писанную бумагу, вмѣстѣ съ Нѣмецкимъ письмомъ: что все „къ вамъ посылаю. Увидите, что Герцогъ не ручается за Самогитію. И „такъ посовѣтуйтесь съ Маршаломъ и съ иными Орденскими чиновника„ми, а въ особенности съ Архіепископомъ Рижскимъ, какъ вамъ лучше „ѣхать, берегомъ ли (obir den stran) или другимъ путемъ. Архидіаконъ „Вашего Высокопреосвященства (euwir Herlichkeit), отправленный вами „напередъ въ Италію, получилъ отъ насъ оберегательную грамоту на „путь." и проч.

(297) Соборъ Базельскій склонялъ и Грековъ на свою сторону, отводя ихъ отъ Папы.

(298) Наши Лѣтописцы говорятъ, что Греки, а не Папистъі сидѣли на правой сторонѣ.

(299) Сгуропул. Hist. Conc. Florent. гл. VII.

(300) Сгуропул. Hist. Conc. Flor. и рукопись Синод. библ. No 364, гдѣ такъ предложена рѣчь Іоаннова: „Мы оставихомъ отечество наше и пріи„дохомъ съ великимъ трудомъ, ищуще единенія церкви, и да престанутъ „соблазны . . . и вси вы потрудишася ради надежды наслѣдниковъ сво„ихъ; азъ же единъ за едину надежду всѣмъ тружлаюся и злостражду, „яко да пріиму отъ Бога прощеніе: зане ниже дѣти имѣю, ниже иныя „чести хощу, токмо сего ради и ради рода Греческаго творю, яко да „возвратимся въ отечество наше съ честію съединени," и проч. Это, кажется, переводъ съ Греческаго. У Сгуропула все подробнѣе.

(301) См. *Древн. Рос. Вивліов.* VI, 43.

(302) См. ихъ имена въ Синодальн. рукописи No 364, стр. 1473-1476.— Повѣсть Симеона Суздальскаго о Флорент. Соборѣ (см. выше, примѣч. 294) заключается такъ: „Посла Папа Епископа своего Христофора къ „Епископу Суздалскому, дабы и овъ подписалъ; ему же не хотящу сего „сотворити, Митрополитъ Исидоръ ять его и заключи въ темницу и „сидѣлъ недѣлю, и той подписалъ нуждею. Видѣвшу же мнѣ такую пре-

„лесть, и Митрополиту многажды глаголахъ вопреки: онъ же мене укоряше, и наединѣ многажды томляше мя; мнѣ же укрѣпльшуся и не послушалъ его ни въ чемъ, но идохъ ко Св. Марку Митрополиту Ефесскому (еще убо ему тогда за стражи сѣдящу) и поклонихся ему, и вся „сказа, яже о мнѣ; онъ же благослови мя, и оттолѣ никакова зла непріяхъ. Потомъ же Папа даде Царю честь велію и дары многія, не прихода ради, но подписанія ради, и пойде Царь отъ града того Августа въ „26 день, и пріѣха въ Венецыю: Венеція же градъ стоитъ среди моря; и „пребысть Царь въ Венеціи 53 дни, и оттолѣ пойде моремъ, и на томъ „пути постиже его смерный часъ, и погребенъ на земли, его же и земля трижды изрину изъ себе. Исидоръ же Московскій Митрополитъ похвалися Папѣ, сице рече, яко вси Князи и люди въ моей рукѣ суть и „Епископи; ни единъ противу мене не можетъ глаголати; а Князь Великій младъ есть, и той въ моей воли; а нынѣ вси Князи боятся мене. И „того ради Папа даде ему область Православныхъ Патріарховъ въ первыхъ не поминати, ни православныхъ Царей въ началѣ не поминати; а „на томъ Исидоръ Папѣ приклякнулъ. Папа же даде ему много злата, и „пойде Исидоръ отъ Папы Септемвріа въ 14 день, и пріѣха въ Венецыю. „и пребысть ходя по божницамъ, и приклякая якъ и Фрязи; и намъ „тако же повелѣваше. Пойде изъ Венецыи посолъ Оома; азъ же видѣвъ „такую великую ересь, и пойде съ посломъ Декемвріа въ 9 день и пріиде „въ Великій Новъградъ, и все лѣто пребысть у Владыки Евфимія."

(303) Императоръ прибылъ въ Константинополь 1 Февр. 1440.

(304) Скандербегъ помогалъ Фердинанду Аррагонскому противъ Графа д'Анжу. Исторія сего Албанскаго Героя издана Iезуитомъ дю-Понсе (Poncet) въ 1709 году.

(305) Исидоръ получилъ Кардинальское достоинство 18 Дек. 1439 г. — Грамота Евгенія (въ Райнальд. Annal. Eccl.) къ Исидору: Venerabili fratri Isidoro Kiew ac totius Russiæ Metropolitæ in Lituaniæ, Livoniæ et Russiæ provinciis, ac in civitatibus, dioecesibus, terris et locis Lechiæ, quæ tibi jure Metropolitico subesse noscuntur, Apostolicæ sedis Legato salutem, и проч.

(306) По *Никон. Лѣт.* Исидоръ пріѣхалъ въ Будинъ Марта 5 въ 1441 году; но это ошибка (см. ниже). — Въ *Каталогѣ Рос. Епископовъ* сказано несправедливо, что Кіевское Духовенство выгнало Исидора: оно не отреклось повиноваться и преемнику его, Григорію. Въ *Новогород. Лѣт.*: „Исидоръ нача зватися Легатосомъ отъ ребра Апостольского Сѣдалища „и нача поминати Папу и иныя вещи, ихъ же николи же слышахомъ отъ „крещенія Руской земли, и повелѣ въ Латьскыхъ божницахъ Рускымъ „Попомъ служити, а въ Рускыхъ церквахъ Капланомъ. Литва же и Русь „о томъ не вняша."

Никон. Лѣт. г. 1441, стр. 155: „*Посланіе Евгенія Папы Римскаго къ „Великому Князю о Исидорѣ Митрополитѣ.* Евгеній Епископъ, рабъ рабомъ Божіимъ, превысокому Князю Василію Васильевичу Московскому и „всея Русіи Великому Царю спасеніе и Апостольское благословеніе. Благодаримъ Вседержителя Господа Бога, яко же нынѣ по многихъ трудѣхъ, „Духа Святаго благодати помощію, Восточная Церкви съ нами едина

„есть, еже ко спасенію идетъ душъ многихъ людей, и къ твоей славѣ и
„хвалѣ пишется; и къ сему единачеству и согласію многое поможеніе и
„поспѣшеніе честнѣйшаго брата нашего, Исидора Митрополита твоего
„Кіевского и всея Русіи и отъ Апостольского престола посла, иже за
„свое благое крѣпчайше потрудился о соединеніи. И того ради потребно
„есть помогати ему каждому во всѣхъ дѣлѣхъ, а наипаче въ сихъ дѣлѣхъ,
„еже пристояніе имѣетъ ко достоинству и чину церковному, врученну
„ему; а иное превысочайшее въ Господа Іисуса Христа со многимъ жела-
„ніемъ просимъ сего Митрополита Исидора о оправданіи, и о добрѣ цер-
„ковнѣмъ прежереченнѣмъ, да пріимеши его Бога ради и насъ для занеже
„то съ желаніемъ и со многимъ раченіемъ къ тебѣ о немъ призываемъ во
„всѣхъ вещехъ, еже имаши видѣти отъ него о церковнѣй пошлинѣ при-
„стояніе, да будеши помощникъ ему усердно всею своею мышцею, еже
„да будетъ хвала и слава отъ людей, а отъ насъ благословеніе, а отъ
„Бога вѣчное дарованіе да имаши. А дано въ Флоренціи Священства наше-
„го въ 9 лѣто."

(307) Св. Ходык. Dissert. — Въ *Псков. Лѣт.:* „Тоя же осени на Покровъ
„Св. Богородицы (въ 1440 году) пріѣха въ *Литву* Митрополитъ Исидоръ
„отъ Римьскаго Папы, и присла въ Псковъ своя грамоты и благослове-
„ніе и своего Намѣстника, Архимандрита Геласія, сведе, и потомъ при-
„сла Архимандрита Григорія, Генв. въ 18 . . . Тоя же весны пріѣха изъ
„Литвы на Москву Исидоръ на Вербной недѣли . . . Убѣжа съ Москвы
„на Тферь Митроп. Исидоръ, и Князь Тферскый Борисъ, пріимъ его, за
„приставы посади, и потомъ отпусти въ Великій постъ на Средокрест-
„ной недѣли, и поѣха въ Литву къ Князю Казимиру въ Новый Городецъ."
Въ *Никон. Лѣт.:* „Исидоръ нощію. исшедъ тайно, бѣгу ятся и со учени-
„ки своими, съ Чернцемъ Григоріемъ и Аѳанасіемъ, и побѣжа съ Москвы
„во Тфери, а изъ Тфери къ *Литвѣ*, да и въ Риму."

Ст. Райнальд. Annal. Eccl. г. 1458. Исидоръ назывался *Митрополитомъ
Россійскимъ и Епископомъ Сабинскимъ.*

(308) *Архивск. Лѣт.* № 8 г. 6951, л. 97: „Того же лѣта К. В. посла
„во Царьгородъ Полуехта Мора, что былъ посломъ во Царѣградѣ со
„Іоною Епископомъ Рязанскимъ, и съ нимъ посла писаніе сицево: Держав-
„нѣйшій, боговѣнчанный, высочайшій Царю Греческій! братъ святаго ти
„Царства, Великій Князь Московской и всея Руси, достойное." и проч.
О путешествіи Іоны въ Константинополь сказано: „Посылахомъ же и
„посла нашего съ нимъ *Боярина Василья* съ прошеніемъ святому вашему
„Царству, къ Святѣйшему Патріарху и къ божественному священному
„Собору съ грамотами." — Объ Исидорѣ: „Колико возбраняхомъ его, да
„не пойдетъ" (на Соборъ въ Италію)! . Онъ же нача извѣты сице, ея тво-
„рити, глаголя, яко не мощно ми есть, яко да не пойду; имамъ отъ Свя-
„тѣйшаго Патріарха вмѣсто благословенія клятву восприяти, яко и ру-
„кописаніе дахъ на собя." — Далѣе: „Мы же по святымъ правиламъ со-
„бравше во отечествіи нашемъ, въ Русстѣй землѣ, боголюбивыя Еписко-
„пы . . . избравше человѣка добра, мужа духовна, вѣрою православна, да

„поставяпъ намъ Мипрополита на Русь: понеже прежь сего за нужу „поставленіе въ Руси Мипрополипомъ бываю.“

(309) Въ *Степен. Кн.* II, 77: „Св. же Іона пріиде съ Углеча на Москву“ (въ 1446 году) „ему же Шемяка жипи повелѣ на Мипрополичи „дворѣ, понеже *прежде наречен быспь и благословенъ на Русскую Мипрополію.*“ Въ *Архивск. Лѣт.* No 8, л. 102: „по сихъ же не малу времени минувшу, Исидоръ лѣпецъ впорое въ Римъ прииде и обоага Папу: бѣ бо другій Папа въ Римъ поставленъ послѣ Евгенія; сему Исидоръ „ложными словесы повѣда, яко не хощу назадъ ипи на Русьскую Мипрополію, да молю пвое Папежство, да послеши къ нимъ въ мое мѣсто „Мипрополита — ученика своего нарекъ Григорья, и рекъ, яко достойна суща и мудра велми языку Русьскому. Онъ же послуша моленіе его, „поспави Григорья Мипрополипомъ на Русь, и грамопы свои къ Королю и ко всѣмъ Пановъ и ко Княземъ подаваше ему, яко да пріимупъ „его.“ Въ *Степен. Кн.*, II, 78: „Злаго Исидора злѣйшій ученикъ Григорій „пріиде опъ Рима въ Липву, поспавленіе имѣя опъ Цареградскаго Папріарха, опспупника православныя Вѣры, Григорія же, единоименна себѣ.“ Папріархъ Консшанпинопольскій, Григорій IV Мамма, ревностный защипникъ Флоренпійскаго Собора, въ 1452 году уѣхалъ изъ Греціи въ Римъ, гдѣ, какъ вѣроятно, онъ и посвяпилъ Мипрополипа Григорія (см. ниже, примѣч. 311 и 347. — Въ *Каталогѣ* упоминается еще о *Лжемипрополипѣ* Спиридонѣ, названномъ *Сатаною* и будпо бы посвященномъ въ Турецкой области согласно съ волею Амурата II. около 1443 года.

(310) Райнальд. Annal. Eccl. г. 1443, No 22: Universis ecclesiis, earumque Episcopis seu Wladicis (Владыкамъ), Praelatis, Clero et caeteris personis ecclesiasticis eiusdem ritus Graeci et Ruthenorum haec omnia jura, libertates, modos, consuetudines et immunitates diversas duximus in perpetuum concedendos et praesentibus concedimus, и проч.

(311) *Архив. Лѣт.* No 8, л. 105: „Андрей (Казимиръ) Король Польскій „съ прошаніемъ посла къ своему брапу, къ Вел. Кн. Василью, дабы къ „себѣ принялъ Григорья на Руск. Мипрополью: зане бо Іона Мипрополипъ преспавился уже“ (см. ниже, примѣч. 347).

Липовскія Епархіи именованы въ Буллѣ Пія II, писанной въ 1458 году. Весьма невсный переводъ ея внесенъ въ *Архивск. Лѣт.* No 8, л. 102. подъ заглавіемъ: „Посланіе къ Королю Польскому Андрею въ лѣпо 6950“ (нѣпъ, въ 6966: см. ниже) „опъ Римскаго Папы Піуса о Мипрополипѣ, Исидоровѣ ученикѣ, Григоріи Липовскомъ, поспавленномъ въ Римѣ.“ Въ ней сказано: „Хвалебный у Бога брапъ нашъ, Исидоръ, Біскупъ Сабинскій, „Архіепископство Кіевское и всея Руси, Церкви пой подданное, копорое опеканіе держа, въ руцѣ доброе памяпи Калиспа Папы, Намѣспника (предмѣспника) нашего, двоенадесяпного дне Календъ Августовыхъ, „*четвертаго лѣта,* доброволнѣ пуспилъ .... и попомъ пого же дня милого сына Григорья Олекпа Кіевскаго, погда Опапа (Аббапа) монаспыря С. „Дмипрея Коспянпинопольскаго, закона свяпаго Божія Капляна ... Архіепископомъ успановилъ и Пасшыремъ, яко въ нашихъ грамопахъ выписано „есть,“ и проч. Слѣдспвенно уже при Каллиспѣ III Григорій сдѣлался Ми-

трополитомъ Кіевскимъ, въ *четвертый* годъ его Первосвященства или въ 1458? Въ *Каталогѣ Епископовъ* несправедливо сказано, что Григорій посвященъ Евгеніемъ IV въ 1442 г.; а Ходыкевичь вмѣсто Евгенія и Пія именуетъ Николая V, говоря, что сей Митрополитъ управлялъ Кіевскою Церковію отъ 1452 до 1468 года. — Далѣе въ Буллѣ именованы Литовскія Епархіи, и внизу подписано: „Дано въ Римѣ у Св. Петра, Папежства на„шего *лѣта перваго:*" слѣдственно въ 1458 году.

Мы имѣемъ *Рукописаніе Даніила, Епископа Владимірскаго* (Волынскаго) и Берестійскаго, въ коемъ онъ признаетъ Исидора еретикомъ Латинскимъ, а Митрополита Іону единственнымъ законнымъ Первосвятителемъ Церкви Россійской, говоря: „Нынѣ азъ смиренный прежнее испо„вѣданіе свое и Исидорово мнѣ поставленье отметаю и имя Папино и „осьмаго Събора сбраніе, и проклинаю, и повинуюся во всемъ Господину „своему Митрополиту Кіевскому Іонѣ и всея Русіи . . . Къ симъ же „исповѣдую, яже имать пошлины Митрополичій престолъ, во всемъ при„дѣлѣ моемъ соблюдати непреложно, и не сотворити ничто же по нужи, „ни отъ Царя (Греческаго), ни отъ Короля и Литов. В. Князя, аще и „смертію претятъ ми . . . ни единаго же отъ нашея Вѣры не пускати „къ Арияномъ свадьбы творити и кумьства и братства, и къ Латы„номъ . . . Аще ли же буду оный Латинскый Сборъ похваляти, или „Папу или того Исидора, чуждь буду Святительства . . . . Подписалъ „своею рукою въ лѣто 6960 (1452), Индикт. 15, м. Окт. въ 28." Сія рукопись находится въ библіотекѣ Новогород. Соф. Собора.

(312) Въ *Новог. Лѣт.*: „Хощеши, Княже, и ты къ нимъ поѣди; а не „хощеши, ино какъ тобѣ любо . . . . . Въ Новѣгородѣ (Мая 11, г. 1442) „пожаръ бысть великъ на Подольи, и церквей камен. огорѣ 12, и Конець „весь погорѣ до Св. Георгія, и Христіянъ множество сгорѣ, и преста „на Лубяницѣ . . . Того же мѣсяца погорѣ заполье Мильтипы улицы. . . „которыи люди носилися отъ перваго пожару съ животы своими, и тѣ „вси погорѣша . . . . Похвативше люди листа напъ ясно, а глаголюще имъ: „втайнѣ не ходите, людемъ не являетесь, зажигаете градъ."

(313) Въ Синод. *Новог. Лѣт.* No 349, л. 150: „въ Новѣгородѣ хлѣбъ до„рогъ бысть, во всю десять лѣтъ по двѣ коробіи на полтину, овогда же „больше, а иногда менши, часто же негдѣ и купити; и бысть туга," и проч. Далѣе, г. 1444: „Пріѣха Кн. Иванъ Володимеровичь изъ Литов. „земли отпущеньемъ В. К. Казимира въ Новгородъ на пригороды, на ко„ихъ былъ Князь Лугвень и сынъ его Юрьи; а Князь Юрьи Семеновичь „поѣха къ Нѣмцомъ, и Нѣмци пути ему не даша, и онъ отъѣха на „Москву."

(314) Сіе было въ 1444 году. Далѣе въ Синод. *Новог. Лѣт.*: „того же „лѣта (1445) пріѣха съ Москвы К. Юрьи Семеновичь, и Новогородци да„ша ему кръмленіе, по волости хлѣбъ, а пригородовъ не даша; а Князь „Иванъ отъѣха въ Литву." — Въ *Псков. Лѣт.* г. 1443: „Пріѣха во Псковъ „отъ Князя Великого Намѣстникомъ Князь Александръ Васильевичь Чер„торизскый въ Недѣлю Сыропустную . . . и Авг. въ 25 пріѣхаша послы „отъ Великого Князя и поручиша ему Княженіе, и цѣлова крестъ къ

„Князю Великому и Пскову." Такъ было до 1448 года, когда Псковитяне безъ согласія Василія приняли къ себѣ Князя Суздальскаго (см. ниже, примѣч. 386. г. 1448).

(315) См. Гадебуш. Livl. Jahrbüch. г. 1442. Въ *Псков. Лѣт.* г. 1443: „Псковичи послаша Посадника Өедора Патрикіевичь и Прокопю судію „въ Ригу ко Князю Местеру и взяша миръ на 10 лѣтъ Сенп. въ 8. . . . „Тоя же осени Князь Александръ Васильевичь съ Псковичи ѣздивше подъ „Новый городокъ Нѣмецкый и потроша жито на своей земли и поимав„ше 7 Чюхновъ повѣсиша. Того же лѣта (1444) Князь Свейскый Выбор„скый съ многими Свейцы пріѣхавше на Норову и потяша на нашей „сторонѣ Посадника Максима Ларивоновичь и съ нимъ 30 человѣкъ безъ „трехъ, а иныхъ посѣкоша, а на миру, и быша въ полову го.... Въ лѣто „6953 (1445) Псковичи послаша Прокопію въ Выборъ къ Князю Карлу, „и взяша Максима и дружину его на окупь, а иніи тамо изомроша, а да„ша окупа 120 рублей, а всей протторе 150 рублей."

(316) Въ Синод. *Новог. Лѣт.*: „Тоя же осени (г. 1444) Нѣмци у Ямы „городка посадъ пожгоша и берегъ повоеваша, а въ Новгородъ прислаша „глаголюще: не мы, а воюетъ васъ Григорій Князь изъ заморья Клевскый „про своего проводника и толка Ругодивца; а все то Нѣмци лгаша . . . „Той же зимѣ Новгородци, шедше за Нарову съ Княземъ Иваномъ Воло„димеровичемъ, пожгоша около Ругодива и до Пудожни, а подлѣ Нарову „и до Чюдского озера. Того же лѣта Местерь съ всѣми своими вои при„шедши подъ Яму, бивше городъ пушками, а изъ города противу такожъ, „и нарочитую ихъ великую пушку заморскую намѣрише изъ города „разбиша и пушечника убиша; и онъ часа того нападе страхъ на нихъ, а „они стояша 5 дній, и въ то время по Водской земли и по Ижорѣ и по Невѣ „много поплѣниша, а городъ соблюде Св. Архангелъ Михаилъ . . . и отыдо„ша; а въ то время въ городѣ былъ Князь Василій Юрьевичь Суздаль„скыхъ Князей, а Новгородци послаша къ нему сельниковъ Лужьскыхъ „и Вольчьскыхъ, а Ижорьскыхъ Бояръ напередъ; а Новгородци съ ними „не пойдоша того ради, понеже тогда бяше моръ на кони; а Псковичи „въ то время прислаша въ Новгородъ свои послы о миру, и узрѣша, оже „въ Новѣгородѣ много коній падуть, а Новгородци не идоша за Нарову, „и отъѣхаша безъ миру . . . Той же зимѣ (г. 1445) послаша Новгородци „на съѣздъ съ Нѣмци, съ Княземъ Местеромъ, Князя Юрья Семеновичь и „Бояръ и купцовъ. Местеръ же захотѣ Острова, и безъ миру поѣхаша „прочь."

Изъ Кенигсбергскаго Архива получилъ я болѣе двадцати бумагъ, относящихся къ сей войнѣ и писанныхъ старымъ Нѣмецкимъ языкомъ: 1) No 737, Письмо великаго Магистра Прусскаго къ Князю Юрію Лугвеніевичу о Клевскомъ Принцѣ. 2 No 743, Наставленіе того же В. Магистра Коммандору Б*, отправляемому къ Герцогу Литовскому Казимиру въ 1444 году, съ порученіемъ отвести его отъ союза съ Новогородцами. 3) No 796, Записка въ 1444 году поданная Вел. Магистру Нѣм. Ордена Секретаремъ Ливонскаго Магистра, Павломъ, о причинахъ войны между Новымгородомъ и Ливоніею, съ прозьбою, чтобы онъ на сеймѣ въ Крист-

немелѣ отвратилъ Вел. Герцога Литовскаго отъ союза съ Россіянами. Тутъ сказано, что Ливонскій Орденъ, заключивъ вѣчный миръ съ Новогородцами, никогда не имѣлъ отъ нихъ управы въ своихъ жалобахъ; что назначенный съѣздъ въ Нарвѣ остался безполезнымъ; что они, давъ проводниковъ Герцогу Клевскому, не защитили его въ обидахъ; что Вел. Магистеръ не могъ удовлетворить ихъ требованію и выдать имъ людей, которые именемъ сего Герцога грабили Новогородскую землю; что Россіяне сами начали войну, и проч. 4) No 756, Записка Литовскаго посла, врученная Вел. Магистру Прусскому, и отвѣтъ Магистра о ссорѣ Ливонцевъ съ Новымгородомъ въ 1444 году, гдѣ сказано: der Meister von Lyffland hette czu dem H. Grosfursten gesandt und hette en (ihm) lassen sagen, das der von Cleue den Neugartern den Schaden, der em gescheen were, gethan hatte: nu hette der Grosfurste dirfaren (erfahren), das der Meister von Lyffland den Schaden gethan hette darnach, als die Neugarter dem H. Grosfurst en gehuldet hatten. 5) No 759, Наставленіе Вел. Магистра Прусскаго послу его, отправляемому въ 1445 году на свадьбу Короля Датскаго и Шведскаго Христофора, чтобы склонить его къ содѣйствію противъ Новогородцевъ. 6) No 760, Записка Литовскаго посла, врученная Вел. М. Прусскому о войнѣ Ливонскаго Ордена съ Новымгородомъ въ 1445 г., гдѣ сказано: der Meister von Lyffland hatte zcu uns gesand den Kompthur von Aschrade und lies uns sagen, her (er) hette nicht geheret, sunder der Herczog von Cleue hette es getan, und lies uns auch bitten, das wir zcu den Grossneugartern senten. Wir santen unsirn Schreiber Pusir zcu en (ihnen), alzo santen der Grossneugarter iren Boten mit demselben: der behielt den Neugarter Boten bey sich . . . furthe in ut die Grenitz und nam im was her hatte und lies in nackt weg lawffen, und czoug selbst hernach und heerete und brante . . . Dorumb wellen wir nich damit zcu thun haben Item der Röm. König und Kurfursten haben uns geschrieben, das ir uhir uns geclaget habt, das die Grossneugarter in Lyffland Frawen, Jungfrawen und Kinder beschemet hatten: seghen wir uns doch mit enander zcu Kirsmemel, do saget ir uns nichts von: warumb? Далѣе увѣряетъ Казиміръ, что онъ не помогалъ Новогородцамъ ни совѣтомъ, ни дѣломъ, прибавляя: Das wir en (innen) eynen Houbtman gegeben haben, was kunde der mit seynem Hoff gesinde thun? Es ist gewess (gewesen) noch bey Herczog Wytawt, unsers Vettern gezeiten, das en eyn Grosfurst eynen Houbtman gegeben hat; doch bgerten sie furder keyner Hulffe, т. е. сами Новогородцы не требовали помощи. Далѣе Казиміръ говоритъ, что Магистеръ Ливонскій, узнавъ о намѣреніи ихъ поддаться Литовскому Государю и живъ дотолѣ въ мирѣ съ ними, началъ воевать, и помирился со Псковитянами, Казиміровыми врагами. — 7) No 761, Запросы Вел. Магистра Нѣмецкаго къ Ливонскому о правѣ Новогородцевъ на половину рѣки Наровы въ 1445 году: ap (ob) sie em (ihm) den halben Strom der Narwen und dem Holm (островъ) lassen welden (wollten)? — 8) No 763, Письмо Вел. М. Нѣм. къ городу Любеку о непосыланіи хлѣба къ Новогородцамъ въ 1446 году. — 9) No 772, Письмо о томъ же къ Королю Датскому и Шведскому въ 1446 году, гдѣ сказано, чтобы въ особенности изъ Швеціи не посылать къ нимъ хлѣба, и что они много зла сдѣлали, дѣлаютъ и намѣрены дѣлать Ордену. — 10) No 784, Письмо

Вел. М. Нѣм. къ *Ливонскому*, чтобы онъ пропустилъ къ нему посольство *Герцога* Новогородскаго, Юрія *Лутвеніевича*, въ 1447 году. 11) No 785, Письмо Вел. М. Нѣм. къ *Ливонскому* въ 1447 году, въ коемъ онъ увѣдомляетъ его, что Князь Новогородскій Юрій *Лутвеніевичь* ѣдетъ на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ въ Вильснакъ (zcum heiligen Blute) и требуетъ свободнаго пропуска черезъ Ливонію и Пруссію. Тутъ сказано, что хотя Юрій и получилъ отъ Казимира свою отчину въ Литвѣ, однакожь не хочетъ отказаться отъ Новагорода. — 12) No 787, Письмо Вел. М. Нѣм. къ *Ливонскому* въ 1447 году о знатномъ витязѣ ѣдущемъ изъ Моравіи въ Новгородъ съ 600 всадниками: der habe wol 600 Pferde gehabt, und habe gesprochen, her welde zcu Herzog Ulotken in die Masau reyten, und als sie nun uff im Wege wären, vernam disser, das sie zcu Herczog Jorgen (къ Юрію въ Новгородъ) reyten welden; und als her eyn solchs vernam, slug her sich von en und wolde furder nicht mit em reyten. — 13) No 791, Письмо Вел. М. Нѣм. къ *Ливонскому* въ 1447 году, съ увѣдомленіемъ, что онъ посылаетъ къ нему Фогта Роггаузенскаго, Вольфганга Зауэра, витязя искуснаго, съ нѣкоторымъ числомъ воиновъ.— 14) No 792, Письмо Вел. М. Нѣм. къ *Ливонскому* въ 1447 году о посланіи къ нему войска изъ Данцига моремъ въ Нарву, а другаго изъ Мемеля сухимъ путемъ; онъ приказываетъ заготовить все нужное для ихъ продовольствія. — 15) No 793, Письмо Вел. М. Нѣм. къ *Ливонскому* въ 1447 году о посланіи къ нему Рыцаря Генриха, eynen Buchsenschutczen. — 16) No 794, Письмо Вел. М. Нѣм. къ *Ливонскому* въ 1447 году о томъ, что противные вѣтры не дозволяютъ отправить къ нему помощи въ Ревель, но что люди уже на судахъ, и что съ ними ѣдетъ и Рыцарь Генрихъ. „Бояре Литовскіе въ „Краковѣ“ (прибавляетъ онъ) „говорятъ, что вамъ не будетъ удачи въ „войнѣ съ Новогородцами, которые ожидаютъ сильной помощи. Нынѣ „пишутъ ко мнѣ, что Волохи и Татары намѣрены итти къ нимъ. Слышали мы также, что Новогородцы предлагали уступить вамъ половину рѣки Наровы съ островомъ, но что вы не захотѣли мира, и тѣмъ „возбудили противъ себя и Псковитянъ.“ 17) No 798, Вел. М. Нѣм. пишетъ въ 1446 г. къ *Ливонскому*, чтобы онъ задержалъ Прусскія суда, которыя везли хлѣбъ и медъ въ Россію, и чтобы сообщилъ ему имена сихъ купцевъ, дабы они были наказаны. — 18) No 804, Письмо Вел. М. Нѣм. въ 1447 году къ Прокуратору Двора Римскаго о томъ, чтобы онъ склонилъ Папу уступить Ордену церковные сборы въ Пруссіи и въ Ливоніи для войны съ Русскими отступниками, и чтобы Св. Отецъ вмѣстѣ съ Кардиналами молился о побѣдѣ. Тутъ сказано: Die abgesunderten, ungeloubigen Rewsen v. gr. N., die auch in Meynung seyn, sich mit andern Ungeloubigen, als Musskauwirn, Plesskauwirn und villeicht mit den Tatern zcu vereynen . . . Wir auch unserm Herr Rom. Kon. und Kurfursten und Fursten in Deutschen Landen zcu wissen haben getan, и проч. — 19) No 807, Вел. М. Нѣм. въ 1447 году увѣдомляетъ *Ливонскаго*, что онъ соглашается пропустить Князя Юрія *Лутвеніевича* черезъ Орденскія владѣнія, но безъ многочисленной свиты.— 20) No 817, Вел. М. Нѣм. посылаетъ къ *Ливонскому* въ 1446 году проектъ дружественнаго союза съ Королемъ Дан-

скимъ и Шведскимъ, но совѣтуетъ ему лучше не заключать его, напоминая худыя слѣдствія бывшаго союза съ Литовскимъ Княземъ, Свидригайломъ. Вотъ условія сего трактата: Wir Meister zeu Liefland addir unsern Gebiettiger Anwalden und Leute sollen mit ganzeer Macht disse der mehrgedachten Rewssen von grosse Newgarten Gebiete Newsloss und Capporg, die an unsers Ordens Grenitczen stossen und ruren, kriglichen oberzeihen . . und in gleicher Weysse unsir H. Koning Cristoffer addir seyn Anwolde und Lewte sullen auch zeu derselben zceit mit fuller irer Macht dise der berurten Rewsen Gebiete Jauteborg (Орѣховъ), Landskron und Walchaw, die an des obengedachten unsirs H. Koning Reyche Grenitzeen stossen, kriglichen oberczihen. — 21) No 820, Установленіе Вел. М. Нѣмецкаго *для всей* Пруссіи о молебствіи и ходахъ церковныхъ, гдѣ сказано: Unsers Ordens Priesterbruder seyn bestellet . . . disser nachgeschrebener dreyer Messen eine, als von unser lieben Frauwen adir von allen lieben Heiligen, adir contra paganos . . . und in denselben die collecten contra paganos ingelegt werde, и проч. Тутъ же говорится о силахъ Воложскихъ и Татарскихъ, идущихъ въ помощь Новугороду.

Всѣ любопытныя бумаги, полученныя мною изъ Кенигсбергскаго Архива, намѣренъ я отдать въ нашъ Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

(317) Арнта Liefländ. Chr. стр. 135.

(318) Въ *Псков. Лѣт.* г. 1447: „Князь Александръ Васильевичь (Черно-„рижскій) поѣха изо Пскова въ Новгородъ Намѣстникомъ въ Петрово го-„вѣніе. Новогородцы (въ 1448) съ Кн. Александромъ Черторискымъ ходи-„ша на Нѣмецъ противу Князя Местера Ризского и Короля Прусьскаго „и Короля Свейскаго, и бишась съ Нѣмци черезъ Норову, и побиша Нѣ-„мець много, овыхъ на мори въ *бусахъ* побиша и исполиша, а иныхъ подъ „Ямою, а инѣхъ руками яша 84 и Князи 4.“ — Въ Синод. *Новогор. Лѣт.* г. 1444: „Корѣла ходиша на Мурманы и избиша ихъ много, и пріидоша „здравіи . . . Пріидоша (въ 1445 г.) Свея-Мурмани безвѣстно за Волокъ „на Двину ратью, Непоксу воевавъ, и пожгоша, и людей изсѣкоша, а „иныхъ въ полонъ поведоша . . . и Двиняне пойдоша вборзѣ на нихъ, и „овыхъ изсѣкоша, а иныхъ прислаша въ Новгородъ 40 человѣкъ, а Воево-„ды ихъ, Иворя и Петра, убиша, а иніи вметавшесь въ корабль, бѣгоша „въ море.“

(319) Въ Синод. *Новогород. Лѣт.* г. 1445: „Той же зимѣ Князь Тфер-„скый Борисъ взя Новгородскыхъ волостій 50, повоева и пограби Бѣ-„жичьскый Верхъ, и около Тръжку и Торжокъ . . . . Того жь лѣта „Воеводы Новгородскіи пойдоша ратью на Югру, и поимавше Югрьскыхъ „людей много, и жонъ и дѣтей, и расплошишась . . . Югреци же удари-„ша на острогъ на Васильевъ, и много добрыхъ людей и Дѣтей Бояры-„скыхъ изсѣкоша 80, а Василій съ сыномъ убѣжа, а иніи разбѣгошась по „лѣсу; а другый Воевода Михайло Яковль былъ въ иной рѣцѣ, и егда прі-„ѣха къ Васильеву острогу, и видѣ острогъ разоренъ, а люди побиты, и „нача искати своихъ по рѣцѣ, и скопишась къ нему Василій съ сыномъ и „иніи, и пріѣхаша въ свою землю.“ Въ *Псков. Лѣт.* г. 1447: „Псковичи „послаша въ Новгородъ Посадника Зиновія Михайловичь и Стефана Юрье-

„вичъ и Ондрона Тимоѳеевичъ, и взяша миръ по старинѣ." О прежнихъ ссорахъ и мирѣ Псковитянъ съ Новымгородомъ см. ниже, примѣч. 386, г. 1427, 1430, 1431, 1432, 1434 . . „Посланиа Псковичи (въ 1448 г.) на „Норову рѣку возлѣ Новгородцовъ взяти миръ съ Нѣмци, Посадника Ѳео„дора Патрикіевичь, Стефана Юрьевичь, Аѳанасія Юрьевичь, и Левонтія „Макарьиничь, Тимоѳея Власьевичь, Парфея Володиничь, Алексѣя Марки„вея, Игнатья Пешкова и иныхъ Бояръ, и докончаша миръ Посадники „Новгородскіи и Псковскіи съ Княземъ Местеромъ *Ипри Вчики* Ризскымъ „и съ Юрьевци на 25 лѣтъ. Они поганы возвратиша со студомъ все ста„рины Псковскія, и докончаша на Успеніе; а отъ Новогородцевъ Князь „Александръ Васильевичъ, Посадники Самсонъ Ивановичъ, Дмитрей Василье„вичь Глуховъ. Иванъ Лукиничь Щока, Осифъ Андреевичь Горшковъ, „Богданъ Осиповичь и иныхъ много."

(320) „Князь Юрьи Семеновичь Лутвеневъ выѣха изъ Новагорода въ „Литву, и В. К. Казимиръ даде ему отчину его всю, Мстиславль, Кри„чевъ и иныхъ градовъ не мало; онъ же возгордевся засяде Смоленескъ . . . „и бяше ему не полезно и людемъ на мятежъ . . . и избѣже на Москву." См. также Стриков. *Хрон. Литов.* кн. XVII, гл. 7. Далѣе: „Приходиша „къ Колузѣ Литва, Панъ Судивой, Панъ Родивиль Осесовичь, Андрюшка „Мостиловичь, Нбубъ Раловичь, Андрей Исаковичь, Николай Немировичь, „Захарья Ивановичь Кошкинъ . . . И собрася Можаичевъ 100 человѣкъ, „а Воевода у нихъ Князь Андрей Васильевичь Лугвица Суздальскихъ Кня„зей — и сто же человѣкъ изъ Вереи, а Воевода у нихъ Судокъ — и Ва„силья Ярославичи люди 60 человѣкъ, а Воевода у нихъ Жиневъ . . . и „срѣтошась, и убиша ту К. Андрея Лугвицу, да Корачарова, да иныхъ „4 человѣка; а Яропка, да Семена Ржевскаго поимали, Кн. Ивана Андрее„вича Можайскаго Воеводъ; а Кн. Михайла Андреевича Верейскаго пои„мали Воеводъ Судока, да Филипа Щокина, да Конійскаго, да 5 человѣкъ „молодыхъ; а Литвы убили 200 человѣкъ." Стриковскій (кн. XVII, гл. 8) разсказываетъ, что самъ Великій Князь Василій въ 1442 году съ помощію Царя Казанскаго ходилъ къ Вязмѣ; что Казимиръ остался въ Смоленскѣ, поручивъ войско Вельможѣ Станиславу Кишкѣ; что Станиславъ, опустошивъ владѣнія Московскія, уже возвращался въ Литву, когда 15,000 Россіянъ окружили его; что онъ, вмѣстѣ съ Паномъ Зеновичемъ и двумя Родивилами, хитростію побѣдилъ ихъ, и проч.

(321) „Посла (Великій Князь) К. Василья Оболенского и Андрея Ѳедо„ровича Голтяева, да Дворъ свой, да Мордву *на ртахъ* (лыжахъ) . . . а „*Козаки* Рязанскіе тако же на ртахъ . . . и рать съ ослопы и съ топо„ры . . . . Князя Мутъ-Мурзу яли, да Князя Азберда, Мансыревана „сына . . . а Великого Князя полку убили Илью Ивановича Лыкова." — Сіе было въ 1444 году. Послѣ, въ Септ., Татары нападали на Рязанскія области и на Мордву.

(322) Въ Нижегородскомъ Лѣтописцѣ подъ годомъ 1422: „Въ Нижнемъ „Новѣгородѣ подъ *старымъ городкомъ* вверхъ по Окѣ рѣкѣ была слобо„да на берегу Оки, и гора ополэла и съ лѣсомъ сверху на слободу. и „засыпало 150 дворовъ; а тотъ городъ поставленъ былъ, какъ Великіе

„Князи Суздальскіе ходили на взысканіе, гдѣ поставити городъ и распро-„страпити Княженіе Суздальское на Низовской землѣ за Волгою и за „Окою, гдѣ были лѣса великіе и жили поганая Мордва, которыхъ они „отогнали, и земли ихъ населили Русью." — Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что Улу-Махметъ пришелъ въ Нижній будто бы прямо изъ Бѣлева; но лучше вѣрить Казанскому Лѣтописцу. Далѣе: „А Татарове въ „то же время, коли Царь подъ Муромъ ходилъ, Лухъ воевали . . . И В. К. „слыша то, пойде противу, и взя Крещеніе въ Володимірѣ . . . . и воз-„вратися отъ Мурома къ Суздалю, а изъ Володимеря пріиде на Москву „въ Пятокъ Великій вечера . . . . Князь же Великій, заговѣвъ Петрово „говѣйно, пойде съ Москвы ратью . . . и въ Юрьевъ прибѣгоша къ нему „Воеводы Новогородскіе, Князь Ѳедоръ Долголдовъ, да Юшка Драница . . . „Князь же Великій взя Петровъ день въ Юрьевѣ, и пойде къ Суздалю; „тогда пришли К. Иванъ Можайскій, да братъ его, К. Михайло Берей-„скій, да К. Василей Ярославичь . . . и сташа на рѣцѣ на Каменкѣ Іюля „въ 6, во Вторникъ."

(323) „Ту бо нощь въ Юрьевѣ ночевалъ."

(324) „Татаръ было полчетверты тысящи." — Въ *Степен. Кн.*: „Сто „Татариновъ паде отъ руки Великаго Князя; на самомъ же многи быша „раны; у правыя руки его три персты отсѣкоша: только кожею удер-„жашася. Лѣвую жь руку насквозь прострѣлиша, и на главѣ его баше „13 ранъ; плеща же и груди отъ стрѣльнаго ударенія и отъ сабельнаго, „и *брусны* его бяху сини, яко и сукно."

(325) „Царевичи сташа въ монастырѣ Ефимьевѣ, и ту снемше съ Ве-„ликого Князя кресты его, *тѣлники,* и послаша на Москву съ Татари-„номъ Ачисаномъ." *Тѣльниками* назывались кресты носимые на *тѣлѣ*.

(326) Въ одной лѣтописи сказано, что сгорѣло 2700 человѣкъ, а въ другой 1500. Церковь Воздвиженія развалилась отъ пожара.

(327) Въ Синод. *Новог. Лѣт.*: „Приславъ Князь Тферскый Борисъ сво-„ихъ Воеводъ на Торжокъ, останокъ людій разгна и пограби, а иныя по-„губи, а иныя на окупъ прода, а животовъ и товара Московскаго 4 по-„возковъ свезли во Тферь, а иніи съ товаромъ потопиша въ рѣцѣ; а въ „Бѣжичскомъ Верху и по Заборовью осми волостей повоева въ два году."

(328) „Стояху въ Суздали 3 дни и перешедъ Клязму, сташа противъ „Володимеря."

(329) Въ *Архив. Лѣт.* No 8, л. 114: „Тое же осени Царь (Царевичь) „Мамутякъ, Улу-Махметевъ сынъ, взялъ городъ Казань, и вотчича Ка-„занскаго, Князя Либея, убилъ, а самъ сѣлъ въ Казани царствовати." Въ *Никон. Лѣт.* VII, 233: „Мамутякъ, пришедъ изъ Курмыша, Казань взялъ, „а Казанскаго Князя, Азыя, убилъ, а самъ на Казани воцарился."

Въ *Никон.* и въ другихъ лѣтописяхъ: „Царь Улу-Махметъ и сынъ его, „Мамутякъ, утвердиша Великого Князя крестнымъ цѣлованіемъ, что „дати ему съ себя окупъ, *сколько можетъ.*" Въ *Синод. Новогород. Лѣт.*: „Царь Махметъ взя на немъ окупа 200,000 рублевъ, а иное Богъ вѣсть, „и они въ себѣ." Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: „Князь Великій окупъ посу-„лилъ на собе отъ злата и сребра, и отъ портища всякого, и отъ ко-

„ней, и отъ доспѣховъ 29,500, а съ нимъ пріидоша 500 Татаръ.“ Въ другихъ: „съ нимъ послали“ (Махметъ и сынъ его) „Князя Сеит-Асана и „Утеша, и Кураиша, и Долхозю, и Айдара и иныхъ многихъ. Князь же „Великій, отшедъ отъ Курмыша два дни, отпустилъ къ Москвѣ съ *се„унгомъ* Андрея Плещеева“ (*сеунгъ* есть слово Татарское и значитъ *вѣсть*: то есть, Плещеевъ былъ посланъ съ вѣстію о Василіевомъ освобожденіи. Сіе слово употребляется въ Розрядныхъ Книгахъ.) . . . А „Ѳедоръ Дьякъ съ Бигичемъ въ туже пору пойдоша изъ Мурома суд„номъ, а кони отпустиша берегомъ. Андрею же пришедшу пропшвъ Ива„нова села Киселева, межъ Новагорода и Мурома, и срѣпе ту Плишку „Образцова съ кони съ Бигичевыми и съ Ѳедоровыми, и сказавъ имъ, „что Князь Великій отпущенъ; они же вернувшеся оттолѣ, переняша „Ѳедора подъ Дудинымъ монастыремъ, а онъ ловетъ съ Бигичемъ Окою . . . „и К. Василей Ивановичь Оболенской изымалъ Бигича и оковалъ, а Князь „Дмитрій, слышавъ то, бѣжа къ Угличю; а Князь Великій пойде къ Му„рому и къ Володимерю, и на Дмитріевъ день пріиде въ Переславль,“ и проч. — Въ *Степен. Кн.*: „Шемяка увѣща Бигича, еже убіену быти Ве„ликому Князю . . . Намѣстницы же Муромстіи повелѣніемъ Великого „Князя послаша къ Бигичю меду; онъ же напився и усну; а сіи пришед„ше емше его, и оковаша и въ Муромъ приведоша.“

(330) „Мнози же неспящи, слышавше то, во скорби бѣша . . . нау„тріе жь со многими слезами неслышащимъ сія исповѣдаху.“

(331) Великій Князь сказалъ въ Троицкой Лаврѣ (см. ниже), что Шемяка и Можайскій жили съ нимъ тогда въ мирѣ. См. ихъ договоры въ *Собраніи Государств. Грамотъ* I, 107 и 133. Шемякина несправедливо отнесена къ 1434 году.

(332) Въ Синод. Новог. Лѣт.: „Сѣдумавше три Князи, К. Дмитрій, К. „Иванъ Мужайскый и К. В. Тферскый Борисъ.“ Въ Императорской Библіотекѣ есть *списокъ* договора, заключеннаго К. Борисомъ съ Василіемъ Темнымъ около 1437 года: ибо въ сей грамотѣ (и только въ ней одной изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ) названъ Митрополитъ *Исидоръ*. Выписываемъ любопытнѣйшее: „Божіею милостію и пречист. Его Богоматери, и по „благословенію отца нашего, Исидора Митрополита . . . на семъ на „всемъ, брате, К. В. Василій В., цѣлуй ко мнѣ крестъ къ своему брату „и В. К. Борису Александр. . . . и къ моей братьѣ молодшей, К. Ѳедору „Ѳедоровичь, и ко К. Ивану Юрьевичь и ко К. Андрею Ивановичь . . . „Имутъ вамъ Татарове давать Домъ Св. Спаса, Тферь и Кашинъ, и вамъ „ся не имать за нашу отчину . . . А быти намъ на Татары и на Ляхи, „и на Литву и на Нѣмци заодинъ . . . А что ся есте воевали съ Ца„ремъ, а положитъ Царь на васъ вину въ томъ, и мнѣ вамъ не дати ни„чего въ то . . . А къ Жигимонту намъ цѣлованіе сложити безъ пере„вода . . . а будетъ вамъ, брате, взяти любовь съ Жигимонтомъ или „кто иный Осподарь сядетъ на Литовской земли, и вамъ безъ мене любви „не взяти . . . А къ Ордѣ ти (Борису) путь чистъ ко Царю . . . А что „судилъ Кипріянъ Митрополитъ судей нашихъ обчихъ . . . или что су„дили судьи наши обчіи и грамоты подавали, что будетъ взято, то вя-

„шо; а что не взяте, то есмя *погрепули* (оставили); а грамоты шѣтъ су-„довъ подрапи . . . А полонъ ти нашъ Тферскый и Кашинскій отпустить „безъ окупа; а кто купилъ полоняника, и онъ возметъ цѣну по цѣлова-„нію . . . А съ Новымъ ти (Борису) городомъ жити по старинѣ," и проч.

(333) „Ничто же иного чая, но токмо накрѣпити братію Великія Ла-„вры." Далѣе см. *Ростов. Лѣт.*

(334) „Сіи смущаютъ насъ; а азъ съ своею братіею во *крестномъ цѣ-„лованіи* . . . и повелѣ его съ монастыря сбити, и назадъ поворотити его; „и яко бывшу тому, ята того ратнія (непріятельскіе) „сторожи и би-„ша . . . Посла (Великій Князь) сторожы къ Радонежу. Сани съ рогози-„нами, а иніи съ полстьми, а на нихъ по два человѣка въ доспѣсѣхъ, а „третій идетъ подлѣ какъ бы за возомъ. . . . . Убѣжати не камо бише; „снѣгъ былъ въ 9 пядей . . . . . Пономарь Никифоръ Инокъ отпиче цер-„ковь . . . и ушедъ схоронися. . . . Убійцы яко свирѣпіи волцы возгони-„ша на монастырь на конехъ, преже всѣхъ Никита Константиновичь, и „на лѣствицу на кони къ преднимъ дверямъ церковнымъ, и ту снедшу „ему съ коня, и зарazися о камень . . . и прочіи подняша его; онъ же „едва воздохнувъ и бысть яко піянъ, а лице яко у мертвеца. . . . И „взятъ (Василій) икону Явленія Св Богородицы со двѣмя Апостолома..... „Въ Понедѣльникъ на ночь, Февр. въ 14, привезоша Вел. Князя . . . а „самъ Шемяка стоялъ на дворѣ Поповкинѣ." Въ Синод. *Новог. Лѣт.*: „и „ослѣпиша его про сію вину: почто еси Татаръ привелъ на Русьскую „землю и городы подавалъ еси имъ и волости въ кормленіе; а Татаръ и „языкъ ихъ паче мѣры любишь, а Христіанъ безъ милости томишь, а „злато и сребро Татарамъ даешь? и за тый гнѣвъ, что ослѣпилъ Ва-„силья Юрьевича."

(335) Ряполовскіе происходили отъ Стародубскихъ Князей.

(336) „И многихъ подговоривъ съ собою, и пограби уѣзды Коломен-„скія." — К. Василій Ярославичь Боровскій, въ 1433 году заключивъ до-говоръ съ Великимъ Княземъ, какъ съ *отцемъ* своимъ и съ Государемъ Московскимъ, (см. *Собраніе Государствен. Грамотъ*, I, 90), оставался ему вѣрнымъ во всѣхъ перемѣнахъ судьбы его.

(337) *Собр. Госуд. Грам.* 135: „Божьею милостью, и проч. держати ти „насъ собѣ, мене К. Василья Юрьевича, собѣ сыномъ, а брата моего мо-„лодшего К. Ѳедора Юрьевича братаничемъ, а сыну ти, Господине, сво-„ему, Князю *Ивану Дмитреевичю*, *держати меня братомъ ровнымъ*, а ме-„не ти, Господине, К. Ѳедора Юрьевича, держати сыну своему, К. Ива-„ну, братомъ молодшимъ; а намъ тебя, своего господина, держати мнѣ „К. Василью Юрьевичу господиномъ и *отцемъ*, а *сына твоего*, К. Ивана „Дмитреевича, братомъ ровнымъ; а мнѣ, К. Ѳедору Юрьевичу, держати „ми тебя собѣ господиномъ и *дядею*, а сына ми твоего, К. Ивана Дмитр., „братомъ старѣйшимъ. . . . . А которыми ся дѣлы братъ *твой*, К. „Иванъ (Можайскій), имется въ нашу отчину вступати, и тобѣ насъ „отъ него боронити. А что К. Иванъ, держа за собою Суздаль, далъ „Св. Троицѣ село наше, а другое Бояриму Петру, а у Княгини у Марьи „купилъ собѣ Князь Иванъ село, ино тѣ села намъ по старинѣ . . . А

„что К. Великій отъимал у насъ безъ пошлины села, да подавалъ Св. „Рожеству въ монастырь въ Володимерь, и тѣ намъ по старинѣ, а де- „сятое монастырю по старинѣ. А вашему, господине, Великому Княженью „съ нашею прадѣдиною и дѣдиною и отчиною судъ по старинѣ . . . како „же дастъ ти Богъ велитъ достати своее отчины, Великого Княженья." Къ сей грамотѣ приложена восковая печать. На оборотѣ написано: *Великого Князя Дмитрея Юрьевича съ братьею, со Княземъ Васильемъ, да со Княземъ Өедоромъ, Юрьевичи.* Послѣднія слова заставляютъ думать, что сія грамота была писана еще прежде, нежели Шемяка овладѣлъ всѣмъ Московскимъ Княженіемъ. — О К. Василіи Юрьевичѣ Суздальскомъ см. выше, примѣч. 316.

(338) Въ Хронографѣ: „отъ сего убо времени въ Велицѣй Русіи на „всякого судью и восхитника во укоризнахъ прозвася *Шемякинъ судъ.*"

(339) „Іона пойде къ Мурому въ судѣхъ . . . и шедъ въ Соборную церковь Рожества Богоматери," и проч.

(340) „Бѣ же въ той мысли съ ними" (Ряполовскими) „К. Иванъ Вас. „Стрига, да Ив. Ощера съ братомъ Бобромъ, да Юшка Драница, да Се- „менъ Филимоновъ съ дѣтьми, да Русалко, да Руно и иные; учиниша се- „бѣ срокъ всѣмъ быти подъ Угличемъ на Петровъ день о полудни; и Се- „менъ Филим. на тотъ срокъ пришелъ, а про Ряполовскихъ учинилась „вѣсть Князю Дмитрею, и не смѣша пойти подъ Угличь, но поидоша „за Волгу къ Бѣлуозеру, и К. Дмитрей посла за ними съ Углича рать „съ Василіемъ съ Вепревымъ, да Өедора Михайловича съ полки, а сойти- „ся имъ на устъ Шексны у Всѣхъ Святыхъ, и Өедоръ не успѣ къ Васи- „лію, а Ряполовскіе воротившеся на Василія, побиша его на устъ Моло- „ги; а Өедоръ перевезеся Волгу на устѣ Шекснѣ: они же и на того во- „ротишася. Өедоръ же побѣже опять за Волгу. Ряполовскіе пойдоша по „Новгородской землѣ къ Литвѣ . . . а Семенъ Филимоновъ со всѣми сво- „ими отъ Углича пойде къ Москвѣ, яко ничто же про тѣхъ вѣдая; одинъ „Руно отвернулся отъ него за Ряполовскими."

(341) См. *Архангел. Лѣт.* г. 6955.

(342) „Учиниша себѣ срокъ всѣмъ снятися на Пацынѣ . . . К. Василей „Ярославичь во Мстиславлѣ, а съ нимъ Ряполовскіе 3, да К. Иванъ Стри- „га, да Ощера; а во Брянскѣ К. Семенъ Оболенской, да Басеновъ . . . и „приде къ нимъ вѣсть, что Князь Великій выпущенъ, а пригонилъ Данило „Башмакъ, а во Брянескъ Кіянинъ, Полтинкою зовутъ, а лежалъ тотъ „на Москвѣ отъ Княгини Настасіи Олельковы на вѣстехъ про Великого „же Князя." Олелько, сынъ Владиміра Ольгердовича Литовскаго и зять „Василія Темнаго, господствовалъ въ Кіевѣ (см. ниже, примѣч. 386, г. 1451). Далѣе: „Изъ Брянска погонилъ (Полтинка) къ Кіеву . . . Князь же Василей Ярославичь со всѣми Бояры, и съ женами, и съ дѣтьми, пойдоша... „и пригонилъ къ нимъ (въ Пацынъ) Дмитрей Андреевъ сынъ, что уже „Князь Великій пошелъ съ Вологды къ Бѣлуозеру и ко Тфери. . . . „Пришедшимъ же имъ въ Елну, и ту срѣтошася съ ними Татарове, и „начаша меть себя стрѣлами. По семъ же Татарове начаша Руси кли- „кати: вы кто есте? Они же отвѣщаша: Москвичи . . . . А вы кто

„есте? Мы изъ Черкасъ," и проч. См. также *Степен. Кн.* II. 19. Въ *Архангел. Лѣт.:* „Царевича два *Кайсымова,* Трегубъ да Ягупъ."

(343) „А въ ту пору ѣхала во градъ къ заутренѣ Княгиня Ульяна, „Княжа Васильева Володимеровича . . . Намѣстникъ же Княжь Дмитріевъ, Өедоръ Галичской, у заутрени убѣжа; а Княжа Иванова Намѣстника, Василья Шигу, бѣжаща изъ города на конѣ изымалъ истопничишко „Великіе Княгини, Ростопчею звали, и приведе его къ Воеводамъ, и сіи „оковаша его."

(344) „И оттолѣ пойде съ матерью къ Переславлю, а Сабуровъ (Мих. „Өедор.) съ прочими добивъ челомъ Вел. Князю, не возвратишася къ Шемякѣ." — Кутузовъ назывался Василій Өед.

(345) См. въ *Собр. Госуд. Грам.*, стр. 149, договорную грамоту Шемяки и Можайскаго съ Кн. Михаиломъ Верейскимъ и Василіемъ Ярослав. Боровскимъ, гдѣ сказано: „намъ бити челомъ своему господину, Великому „Князю . . . А К. В. Борисъ Олександровичь съ нашимъ братомъ съ „старѣйшимъ, съ Великимъ Княземъ, одинъ человѣкъ . . . А что язъ К. „Дмитрей Юр. и К. Иванъ Ондр. цѣловали есмя Князя Великого кресты „и Страсти Спасовы, да казну и матери его, и его Великіе Княгини, и „Марьину Голтяевы, и намъ то все отдати . . . . А по сей грамотѣ „взяли есмя перемирье со К. Михайломъ Ондр., и со Княземъ Васильемъ „Ярослав. Петрова говѣнья въ Недѣлю . . . . А подписалъ Өедоръ Дьякъ."

Договорныхъ грамотъ съ К. Іоанномъ Андр. четыре (см. *Собр. Г. Г.* 138-154). Въ третьей: „А исполнится твоимъ дѣтемъ, (Великаго Князя) по двѣнатцати лѣтъ, и твоимъ дѣтемъ цѣловати крестъ самимъ ко мнѣ, къ твоему „брату молодшему, ко К. Ивану Ондр. . . . . А о семъ о всемъ поставили есма на собя свидѣтеля Вседержителя Господа Бога, и пречистую „Его Богоматерь, и Великихъ Чудотворцевъ, Святителя Николу, и Св. „Петра Митрополита, и Св. Леонтія Епископа Ростовскаго, и преподобныхъ Старцевъ Сергія и Кирилла, и молитву святыхъ родитель нашихъ отець, дѣдъ, и прадѣдъ нашихъ Великихъ Князей; а къ тому „ввели есма по собѣ на обѣ стороны брата своего Великого Князя Бориса Олександровича Тферского, и свою сестру, а его Великую Княгиню Настасью, и свою братью молодшую, К. Михайла Ондр. и К. Василья Ярославича. И будутъ по цѣлованью съ правымъ на виноватаго. „А писана грамота въ лѣто 6956 (1448); а подписалъ Дьякъ Княжь Ивановъ Ондреевича Кулударъ." Въ четвертой грамотѣ: „а что мя еси, господине Князь Великій, пожаловалъ, далъ ми еси Бѣжицкій Верхъ въ „отчину . . . да половину Заозерья Кубенскихъ Князей, да Лисину вотчину . . . А жити ми, господине, съ тобою въ Москвѣ по душевной „грамотѣ дѣда нашего, Великого Князя Дмитрея Ивановича; а вотчина „ти наша подо мною держати по душевной грамотѣ отца нашего, Князя Ондрея Дмитреевича . . . . . А Орда, господине, тобѣ знати и исправливати самому; а мнѣ Орды не знати; а выходъ ти у мене имати съ „моее вотчины по старымъ дефтеремъ . . . а съ Полуозерья давати ми „тобѣ какъ преже сего давали Заозерьскіе Князи Ярославскимъ во Царевъ выходъ. А писана грамота на Коломнѣ въ лѣто 6956 (1448) мѣсяца

„Сентеврія; а подписалъ Княжь Ивановъ Ондреевича Дьякъ Щербина.“ Къ сей грамотѣ приложены двѣ восковыя печати: на оборотѣ грамоты написано: „Княжа Ивана Можайского съ Бѣжицкимъ Верьхомъ;“ а ниже: „Княжи Ивановы Можайского и Княжи Михайловы.“

О примиреніи Великаго Князя съ Можайскимъ сказано въ *Арханг. Лѣт.* г. 6957: „Тое же весны Князь Великій былъ на Рудинѣ горѣ въ Ярослав„лѣ и пріиде Шемяка, да Князь Иванъ Можайскій со многими людьми, и „мало не бысть кровопролитія; и не захотѣлъ Князь Иванъ Можайскій „съ Шемякою, и увернулся у него, и доби челомъ Вел. Князю за свою ви„ну, и пожаловалъ далъ ему Бѣжицкій Верхъ.“ — О Шемякѣ: „Князь Ве„ликій пойде къ Галичю . . . и ста на Костромѣ, и начаша межъ себя „посылати послы. Князь же Дмитрей, убояся, начатъ мира просити, и „грамоты на себя проклятые далъ“ (см. ниже) . . . „Князь же Великій „возвратися съ Костромы въ Великій Четверкъ, а Великъ день взялъ въ „Ростовѣ, а назавтрее празднова Благовѣщеніе въ Ростовѣ же . . . и „того дни къ Москвѣ пойде и пріиде въ Недѣлю Ѳомину; а сынъ его, „Князь Иванъ, былъ въ Володимерѣ.“

(346) См. *Архиг. Лѣт.* No 8, л. 127 на обор. и *Степен.* Кн. II, 79. — Въ книгѣ названной *Посланіемъ Россійскихъ Митрополитовъ* (Синод. библіот. No 164) есть письмо Василія Темнаго къ Греческому Царю о поставленіи Іоны; въ немъ сказано: „поставили есмы Іону Митрополи„томъ, но за великую нужду сіе сотворихомъ, а не кичепіемъ, ни дерзо„стію . . . Церковь наша Святыя Софіи Цареградскія благословенія тре„буетъ и ищетъ во всемъ по древнему благочестію . . . развѣе нынѣш„нихъ новоявльшихся разгласій, и молимъ святое ти Царство, да будетъ „къ тому нашему Митрополиту добрыя воли . . . Хотѣхомъ же убо „писати и къ Святѣйшему Патріарху, требующе о всемъ благословенія; „но не вѣмы, аще уже есть въ царствующемъ градѣ святѣйшій Патрі„архъ . . . по древнему благочестію,“ и проч.

(347) См. выше, примѣч. 311. Въ сей Буллѣ сказано: „отщепенца и про„тивника, злочестиваго сына, Іону.“ Папа совѣтуетъ Королю схватить и заключить нашего Митрополита въ темницу, буде онъ пріѣхалъ бы въ Литву. Письмо Іоны о Григоріи къ Литовскимъ Князьямъ, Панамъ, Боярамъ и Воеводамъ находится въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ* (Синод. библіот. No 164, л. 42). Тамъ же (л. 90) есть грамота его къ Мисаилу, Епископу Смоленскому, гдѣ сказано: „Вѣдомо тобѣ, моему сыну, „что есмь посылалъ отъ Кіева великія обители св. Троицы Сергіева мо„настыря Настоятеля духовнаго, Игумена Васіяна, о Св. Дусѣ дочери на„шего смиренія Княгинѣ Княжѣ Александровѣ Володимеровича Настасьѣ „и къ ихъ дѣтемъ . . . чтобы отъ благочестія своего не умалено было, „ни прикладено, и что отъ того волка и единомысленника Исидорова, „что же нынѣ именуетъ себе Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси . . . „пришолъ съ Папежскими листы, да и съ первоначальнаго отступника „Патріаршими Григорьевыми грамотами и съ Исидоровыми, и пишется въ „нихъ Сидоръ Легатосомъ и Кардиналомъ, а мене пишутъ отступни„комъ . . . И нынѣ отъ Короля къ Вел. Князю о томъ Григорьѣ Якубъ

„Писарь да Ивашенець пріѣздили посольствомъ, чтобы его Князь Ве-„ликій принялъ и держалъ собѣ отцемъ Митрополитомъ; и господинъ и сынъ „мой К. В. и сынъ его, К. В. Иванъ Васильевичь, не хотя его не токмо „видѣти, но и слышети . . . и того ради тобѣ пишу," и проч. — Упомянемъ здѣсь о грамотѣ Іоны къ Царю Казанскому, писанной съ его слугою, который ѣздилъ въ Казань по торговымъ дѣламъ. Митрополитъ говоритъ: „Слышa, что Вышняго Бога силою держишь свое Государьство, „и купцемъ щкоты и убытковъ нѣтъ никоторыхъ ни отъ кого, и на „то надѣяся, послали есмо своего слугу съ своею рухлядью . . . и прошу жаловати," и проч. См. *Посланіе Рос. Митрополитовъ л.* 118.

(348) См. *Собр. Г. Г.* 171.— Въ Синод. *Новг. Лѣт.* г. 6954: „и присла „(Шемяка) поклонъ въ Новгородъ: Новгородци же послаша къ нему по-„слы, Посадн. Θедора Яковличь, Посадн. Василья Стефановичь, и Князь „Дмитрій цѣловалъ крестъ на всѣхъ старинахъ; а Князь Тферьскый Бо-„рисъ на опасѣ державъ 4 мѣсяца Новгородскыхъ пословъ, и отпусти „ихъ; то же поѣхали къ Князю Дмитрію" — Въ Румянц. собраніи Двинскихъ грамотъ No I: „По благословенію Преосв. Архіепископа Великаго „Новагорода и Пскова, Владыки Евфимія, отъ Посадн. Новгород. Ивана „Лукинича, отъ Тысецкого Василія Пантелеевича, и отъ всего В. Но-„вагорода. Се пріѣхали послове къ В. К. Василію Васильевичу всея Руси, „и къ Великому Князю Ивану Васильевичу всея Руси, отъ В. Новагоро-„да, Посадникъ Григорей Даниловичь, Посад. Θедоръ Яковличь, Посад. Ва-„силей Степановичь, Тысяцкой Яковъ Ивановичь, Тысяцкій Новго-„родскій Василей Пантелеевичь; а отъ Житьихъ Офонасъ Микуличь, „Иванъ Юріевичь, Яковъ Ивановичь, Еремей Кузмичь, Василей Захарь-„ничь, и докончали миръ по крестнымъ грамотамъ . . . какъ цѣловалъ „Князь Великій Ондрей, и Князь Великій Иванъ, и Князь Великій Семенъ, „и прадѣдъ твой Князь Великій Иванъ, и дѣдъ твой Князь Великій Дмитрій, и отецъ твой Князь Великій Василей. Новгородъ держати вамъ „въ старинѣ по пошлинѣ безъ обиды; а намъ, мужемъ Новгородцемъ, кня-„женіе ваше держати честно и грозно безъ обиды; а пошлинъ вашихъ „Князей Великихъ не таити." Слѣдуютъ обыкновенныя условія, извѣстныя читателю по древнѣйшимъ грамотамъ Новогородскимъ.

(349) См. въ *Собр. Г. Г.*, стр. 185, договоръ К. Суздальскаго, *Ивана Василевича, съ В. К. Васильемъ Васильевичемъ*. Тамъ сказано: „по благо-„словенью отца нашего *Іоны, Митрополита всея Руси*, на семъ на всемъ, „Господине Осподарь Князь Великій Василей Васильевичь, и съ своимъ „сыномъ, съ В. К. Иваномъ Васильевичемъ, и со Князем *Ондреемъ* Ва-„сильевичемъ, и со Князем *Семеномъ* Васильевичемъ, цѣлуй крестъ", и проч. Далѣе: „Моя братья Князь Александръ и *Князь Василей*," и проч.

Договоръ съ Рязанскимъ Княземъ въ *Собр. Г. Г.* 142: „На семъ, брате „*молодшій*, Князь Великій Иванъ Θедоровичь, цѣлуй ко мнѣ крестъ: имѣ-„ти ти К. Ивана Ондр. собѣ братомъ, а брата К. Михайла Ондр. бра-„томъ молодшимъ . . . и К. Василья Ярославича . . . А всхочетъ съ то-„бою К. В. Литовской любви, и тобѣ съ нимъ взять любовь со мною ду-„умѣ; а писати ти съ нимъ въ докончальную грамоту, что есь со мною

„одинъ человѣкъ; а будетъ ему любовь со мною, ино и съ тобою; а не „будетъ ему любви со мною, ино и тобѣ съ нимъ любви нѣтъ . . . А „пойдетъ на тобя, и мнѣ пойти самому тобя боронить . . . А что Ре„занское на Резанской сторонѣ за Окою, что *доселѣ тягло къ Москвѣ*, „Почепъ, Лопастна, уѣздъ Мстиславль, Жадено городище, Дубжа, Демль, „Броднича съ мѣсты, какъ ся отступили Торускіе Князи Ѳедору Свя„тославичу, и та мѣста къ Резани; а въ *Тулу* и въ Берестій не всту„патися мнѣ, Вел. Князю Василью Васильевичу . . . А со Княземъ Прон„скимъ и съ его братьею любовь взялъ еси ты; а что ся промежъ васъ „учинитъ, ино промежъ васъ управити мнѣ . . . А Новосильскіи Князи „добьютъ мнѣ челомъ, и тобѣ съ ними взять любовь . . . А Князи *Ме„щерскіе* не учнутъ мнѣ правити, и тобѣ ихъ не пріимати, а добывати „ти ихъ мнѣ безъ хитрости по тому цѣлованью . . . А намъ, Княземъ „Великимъ, въ судъ въ вопчей (общій) не вступатися; а судьямъ нашимъ „сѣсти судити, цѣловавъ крестъ . . . *Третій* межи насъ кто ищетъ, „тотъ вопчевуетъ три Князя Христіянскіе; а на комъ ищутъ, тотъ „собѣ беретъ изъ трехъ одиного; а судьи наши вопчеи о чемъ ся со„прутъ, ино имъ третій по томужъ . . . А пошлинъ съ бѣглеца съ семьи „два алтына, а съ одинца алтынъ . . . а мыта съ воза въ городѣхъ всѣхъ „пошлинъ деньга, а съ пѣшехода мыта нѣтъ; а тамги и всѣхъ пошлинъ „отъ рубля алтынъ, а съ лодьи со доски по алтыну, а съ струга съ на„бои два алтына, а безъ *набоя* деньга; а со Князей Великихъ людей по„шлинъ нѣтъ. А писана на Москвѣ въ лѣто [illegible] (1447) мѣсяца Іюля въ „11 день."

Тамъ же, стр. 171, въ договорѣ съ Тверскимъ [illegible]: „А [illegible] „насъ сваживати Татарове, а учнутъ вамъ (Вел. Княземъ Московскимъ) „давати домъ Святаго Спаса, а нашу отчину Тферь и Кашинъ, и вамъ ся, „брате, не имати за домъ Св. Спаса, и за нашу отчину . . . Тобѣ, В. К. „Василью, подо мною, и твоимъ дѣтемъ подъ моимъ сыномъ подъ Княземъ „подъ Михайломъ, ни меньшимъ твоимъ дѣтемъ подъ моими дѣтьми, кого „ми Богъ дастъ, ни подъ моею братьею молодшею, подъ К. Дмитреемъ „Юрьевичемъ, и подъ К. Иваномъ Юрьевичемъ, ни вашимъ внучатомъ. . . . „а быти намъ на Татаръ и на Ляхи, и на Литву, и на Нѣмцы за-одинъ. „Которой ти иный братъ сгрубитъ, и мнѣ къ собѣ ихъ не пріимати. „Такожъ, которой мой братъ молодшей и на меньшие братьи изгрубитъ „мнѣ, тѣхъ вамъ къ собѣ не пріимати . . . А рубежъ Тфери и Кашину, „какъ было при моемъ прадурѣ, при В. К. Михайлѣ Ярославичѣ . . . А „съ Новымъ ми городомъ жити по старинѣ . . . А которые земли и во„ды отошли отъ Тфери и Кашина при твоемъ отцѣ и при тобѣ, а тѣмъ „землямъ и водамъ судъ и исправа на обѣ стороны. А новыхъ вычитовъ „не замышляти, а на старыхъ мытѣхъ имати пошлины съ воза деньга, а „*костокъ*" (дорожной пошлины) „съ человѣка деньга же; а поѣдетъ на вер„сѣ (верхомъ) съ торговлею, ино деньга же; а кто ся промытитъ, ино „съ воза промыты 6 алтынъ; а заповѣди 6 алтынъ, колько бы возовъ ни „было; а промыта то, кто объѣдетъ мытъ; а проѣдетъ мытъ, а мыт„ника у забору не будетъ, ино промыты нѣтъ; а истижетъ его мыт-

„никъ, ино возметъ свой мытъ, а промыты и заповѣди нѣтъ; а съ лодьи „пошлина съ доски по два алтына; а больше того пошлины нѣтъ; а съ „струга алтынъ, а тамги и осминичего отъ рубля алтынъ, а тамга и ос- „миничее взяти, аже иметъ торговати; а поѣдетъ мимо, инъ знаетъ свои „мыты да костки, а болѣ того пошлинъ нѣтъ; а поѣдетъ безъ торговли, „ино съ того мыта нѣтъ и пошлинъ."....

Въ договорѣ съ Василіемъ Ярослав. (тамъ же, 168, 177): „А что есмь „былъ, брате, пожаловалъ тобе своею отчиною городомъ Дмитровомъ съ „волостьми, и ты, брате, Дмитрова и съ волостьми отступился еси „мнѣ Великому Князю . . . А чего, брате, достанешь отъ моихъ недру- „говъ, *или отъинуда* отколѣ казны моее, и моее матери, и моее Великіе „Княгини казны: и то ти, брате, мнѣ отдати. А Князей ти моихъ слу- „жебныхъ съ вотчинами не пріимати . . . А въ городѣ на Москвѣ посла- „ти намъ своихъ Намѣстниковъ, и они очистятъ нашихъ холоповъ и „селчанъ. А кого выму собѣ огородниковъ и мастеровъ, и мнѣ Великому „Князю и моимъ дѣтемъ два жеребья; а тобѣ, брате, того треть."

Въ договорѣ съ Михаиломъ Верейскимъ: „да что мя еси, Господине „Князь Великій, пожаловалъ своего брата молодшего, далъ ми еси *Выше- „городъ* съ волостьми въ вотчину и въ удѣлъ, какъ было за тобою; да „къ тому ми еси придалъ Плѣскъ, опрочь Плѣсенскаго села, что еси по- „жаловалъ Семена Ондреевича Плота; а судъ, господине, мой того села и „данъ по землѣ и по водѣ . . , да пожаловалъ мя еси, далъ еси Выше- „городу моему и тѣмъ волостемъ льготу на пять лѣтъ, выхода не дати, „а моей еси, господине, отчинѣ всей пожаловалъ отдалъ ми еси половину „выхода на три года . . . . . А дана грамота на Москвѣ въ лѣто 6958 „(1450) Іюля въ первый день."

Въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ* (Синод. библіот. No 164, л. 153) есть грамота Іоны къ Королю Казимиру *о братствѣ и о любви съ Великимъ Княземъ.* Въ ней сказано: „Что, господине и сыну, присылалъ „къ своему брату, къ Вел. Князю, своего посла *Гармана* съ рѣчьми и съ „листы о вашихъ дѣлѣхъ о земскихъ, а ко мнѣ еси приказалъ же съ нимъ, „чтобы попеченье имѣлъ о вашемъ братствѣ . . . и азъ по твоему при- „казу, Великого Короля, Вел. Князю рѣчи твои говорилъ съ благосло- „веніемъ и съ мольбою, и Князь Вел., братъ вашъ, вельми хочетъ брат- „ства и любви и прочнаго доброжитья . . . и о всемъ къ тобѣ на своемъ „листу написалъ и рѣчми къ тобѣ съ своимъ Діакомъ Степаномъ прика- „залъ . . . И благодарю и благословляю, чтобы еси къ своему брату, а „къ нашему сыну любовь свою имѣлъ по тому крестному цѣлованію . . . „а о великомъ вашемъ жалованіи и о вашемъ поминкѣ (дарѣ) благодарю . . . „О чемъ ти, господине, опрочь сего нашего листу иметъ мой Діакъ, Ва- „силей Карло, говорити рѣчми, и ты бы тому вѣрилъ," и проч.

(350) См. *Посланіе Рос. Митрополитовъ* въ Синод. библіот. No 164. л. 70. Сія грамота Епископовъ къ Димитрію содержитъ въ себѣ 28 страницъ. Выписываемъ главныя мѣста: „Господину Князю *Димитрію бого- „молци*, господине, брата твоего старѣйшаго, Вел. Князя, и вашего бла- „городія общіи, Ефремъ Владыка Ростовскій, Аврамій Вл. Суждальскій,

„Іова Вл. Рязанскій, Варламъ Вл. Коломенскій, Питиримъ Вл. Пермьскій, „и мы ваши нищіи и молебницы Геронтій Архим. Симановскій, Мартиніянъ Игуменъ Сергіева монастыря, и съ прочими Архимандриты и Игумены (и проч.) челомъ бьемъ и благословляемъ . . . Вѣси, како отецъ „твой тщаніе имѣлъ на начальство Вел. Княженія, яко же и древній „нашъ праотецъ Адамъ ко обоженію, и въ Орду ходилъ и коликіе труды подъялъ . . . а Княженія Великого не достиглъ, что ему Богомъ не „дано, ни земскою пошлиною . . . Потомъ паки не уймяся, собравъ къ „собѣ злыхъ человѣкъ, да Вел. Князя згонилъ: и колико паки на Вел. Княженьи пожи? Не самъ же ли того часа съ великимъ челобитьемъ Вел. „Князя на великое государство призвалъ, а самъ въ пяти человѣцѣхъ „съѣхалъ? Потомъ и въ другіе припедъ сѣлъ на вел. Государствѣ безъ „пошлины же, паче рещи яко разбойнически: и колико пакъ и самъ пожилъ? Егда были ему при кончинѣ о своей души попеченіе помѣшти, и „по желанію его древнему самоначальства Богъ ему здѣ попусти хотѣнію „его исполнитися, токмо яко человѣкомъ на видѣніе, а ему отъ всѣхъ „на осуженіе . . . . . Въспомянемъ же и тобѣ вмалѣ и тебе самого. Егда „приходилъ къ Москвѣ безбож. Ц. Махметъ, а воя по земли распустилъ, „и Князь Вел. колькое пословъ по тебе посылалъ, такоже и грамотъ? и „ты не пошелъ: и въ томъ коликое крови Христіянскіе пролилося, и „коликое множество въ полонъ пошло, и коликое церквей Божіихъ разрушилося, и черноризицъ осквернено и дѣвицъ растлѣно! Потомъ же „безбож. Царевичь Мамотякъ приходилъ," и проч. Далѣе: „И тобе Діаволъ „на него (Василія) вооружилъ желаніемъ самоначальства, разбойнически „коцетанствомъ изгонити его на кресномъ цѣлованьи, и сотворилъ „еси надъ нимъ не меньши Каина и окаяннаго Святополка . . . Чимъ еси „себе самаго пользовалъ, и колико еси государьствовалъ, и въ которой „тишинѣ пожилъ еси? не все ли въ суетѣ и въ пресканьи отъ мѣста „до мѣста, во дни отъ помышленія томимъ, а въ нощи отъ мечтаній сновидѣнія? Ища и желая большего, и меншее свое изгубилъ еси . . . А „братъ твой старѣйшій, В. К., опять на своемъ Государьствѣ: понеже „кому дано что отъ Бога, и того не можетъ у него отняти никто . . . . „Впалъ еси былъ самъ въ руки, яко же древній онъ гордый Фараонъ въ „глубину моря, и аще не бы милосердіе свое показалъ на тобѣ К. В., „то пришелъ еси былъ самъ къ своей погибели и со всѣми своими . . , „вселила бы ся въ адъ душа твоя . . . Ты къ нему цѣловалъ крестъ. . . „быти съ Вел. Княземъ вездѣ заодинъ . . . а съ кѣмъ будешь въ цѣлованьи, а къ тому ти цѣлованье сложити . . . а добра ти Вел. Князю „хотѣти во всемъ вездѣ . . . и подъ нимъ Вел. Княженье блюсти . . . и „подъ его дѣтми . . . а давати ти выходъ по старымъ дефтеремъ. А что „еси поималъ честные кресты и св. иконы и Страсти Спасовы, да и „казну Вел. Князя и его Вел. Княгини казны и поклажи, и тобѣ то все „отдавати Вел. Князю, и полонъ весь. а старой и нынѣшней безъ окупа „и питцевъ отпущати; а сѣдя на Москвѣ, кого людей Вел. Князя велѣлъ будешь давати на порупѣ или кабалы на кого или серебро переведено, и тобѣ съ тѣхъ поруки свести и переводное серебро, или что

„еси поималъ въ казну Вел. Князя, грамоты докончальные и ярлыки и „дефтери, и тѣ отдати; а Боярину и Дѣтемъ Боярскимъ и слугамъ межи васъ вольнымъ воля; а кто служитъ Вел. Князю, а живетъ въ твоей отчинѣ, и тобѣ тѣхъ блюсти какъ и своихъ; а казны отдати отъ „того дни мѣсяць . . . Или, господине, понужи смѣемъ рещи, ослѣпила „тя будетъ душевная слѣпота возлюбленіемъ временныя и преходящія „чести Княженья и начальства, еже слышатися зовому Княземъ Великимъ, „а не отъ Бога дарованно, или златолюбствомъ объятъ еси, или женовнимателенъ и женопокоренъ, якоже Ироду подобствуя, явился еси, и „крестное цѣлованіе ни вочтоже вмѣнивъ . . . а святые Петрахили наши „скверниши неподобными своими богомерзкими рѣчми; а надѣемся, что и „самъ знаешь, что суть тѣ св. Петрахили вообраᴖеніе муки І. Христа . . . токмо самъ душу свою губишь. Мы же о прежесотворенныхъ „тобою твоихъ дѣлѣхъ не много глаголемъ, еже ни во Христіянѣхъ когда прежъ сего ни есть сицево слышано, но о нынѣшнемъ толико твоемъ преступленіи . . . . Ты въ цѣлованьи съ В. Новымгородомъ . . . да „еще посылалъ еси и посла, а зовучи собе Княземъ Великимъ, да просилъ „еси у нихъ собѣ помочи, а вводя то слово, что Татарове изневолили „нашу отчину Москву . . . . . Таже еси посылалъ ко Князю Ивану „Андреевичю Михайла Сатина, а все одиначяся съ нимъ на Вел. Князя, „чтобы К. Иванъ и къ Вел. Князю то слово съ своимъ посломъ приказалъ: *только пожалуешь К. Дмитрія Юрьевичъ, ино то еси мене пожаловалъ*. И Князь Ивановъ Андреевичь посолъ Елезаръ Васильевъ и вывѣстилъ то твое слово Вел. Князю отъ К. Ивана . . . Къ Вятчаномъ „посылаешь, а въ Вятку ти ся по доконченью не въступати. Посылалъ „еси въ Казань ко Царевичю Мамотяку на Вел. Князя лихо . . . и посолъ его къ тобѣ пришелъ: у собе его и нынѣ держишь; а за твоею „посылкою къ Мамотяку Вел. Князя Киличея (посла) Мамотякъ поималъ „да сковалъ . . . А Вел. Князь посылалъ къ тобѣ Боярина, а опять Дѣтей Боярскихъ, чтобы еси отпустилъ къ нему того посла Мамотякова; и ты къ нему какъ посла не отпустилъ, такъ и видѣтися еси не „далъ его Боярину и Дѣтемъ Боярскимъ съ тѣмъ посломъ. Да отъ Царя „Седи-Ахмета пришли къ Вел. Князю послы, и онъ къ тобѣ посылалъ „просити, что ся тобѣ имаетъ дати съ своей отчины въ тѣ Татарскіе „протори: и ты не далъ ничего, а не зовучи Седи-Ахмета Царемъ; а того нѣкакъ позабылъ еси, не на томъ ли юрту отецъ твой былъ у Царя съ Вел. Княземъ вмѣстѣ, и на пошлинѣ стояли? . . . . Ино уже послѣ того срока болѣ шести мѣсяць книжныхъ, и ты нѣчто малое казны Вел. Князя и его матери и его Вел. Княгини отдалъ, а большее, все „лутшее, еще у тобе; а Марьина Ѳедоровы жены Ѳедоровича, того не „отдаси ничего: также ярлыки и грамоты и дефтери . . . . . Которые „Бояре и Дѣти Боярскіе отъ тобе били челомъ Вел. Князю служити, „и ты еси черезъ крестное цѣлованье тѣхъ пограбилъ, села ихъ и домы у „нихъ поотъималъ и животы всѣ и животину. Также, господине, ваша „старѣна, что жити вамъ въ Москвѣ по духовной грамотѣ дѣда вашего, „В. К. Дмитрея Ивановича: и ты шлешь къ своему Тіуну къ Ватазину

„свои грамоты, а велишь ему отсылати отъ Вел. Князя людей къ собѣ, „а все подъ В. К. доставая Вел. Княженья; и та твои грамоты выиманы „у Ватазина на пути, какъ уже его былъ Князь Вел. отпустилъ къ „тобѣ . . . . . А себе въ томъ во всемъ исправи . . . И о всемъ тобѣ „управлятися срокъ по Крещеньи 2 недѣли.“ Слѣдують примѣры высокоумія, взятые изъ Св. Писанія и Армянской Исторіи (о Царѣ Тиридатѣ, обращенномъ въ вѣру за гоненіе Св. Григорія Великаго). Далѣе: „И имѣли быхомъ еще и много тобѣ писати отъ Божественнаго Писанія; но самъ, господине, какъ ти данъ Богомъ разумъ, по тому разумѣешь Бож. Писаніе . . . И аще не обратишися къ Богу и къ Вел. „Князю чистымъ покаяніемъ, чюжъ будешь отъ Бога и отъ Церкви „Божіей и отъ православ. Вѣры, и части не имати съ Вѣрными, и не „будетъ на тобѣ милости Божіей и силы животворящ. креста, который еси къ своему брату старѣйшему, къ В. Князю цѣловалъ, и проклятъ да будешь отъ Св. Апостолъ и отъ Св. Отецъ, и въ конечную „погибель да пойдеши . . . . А писана на Москвѣ м. Декемврія въ 29 день, „въ лѣто 6956, Индикта II.“

(351) Въ *Арханг. Лѣт.* о второмъ нашествіи Седи-Ахметовыхъ Татаръ г. 6963: „Приходили Татарове отъ *Синіе* Орды Ахметовы.“ Сія Орда называлась послѣ Улусами Ногайскими, Большими и Малыми. Въ *Больш. Чертежѣ* стр. 229: „Отъ верху рѣки Бузувлука на полях и до *Синяго* „(Аральскаго) моря кочевье все Большихъ Нагаевъ.“ Тамъ же, стр. 93: „Отъ рѣки Кубы, отъ горъ къ Черному морю и къ Азовскому, и до „верху рѣки Маначи, кочевье Малыхъ Нагаевъ, Казыева Улуса.“

(352) „Ходилъ Вел. Князь къ Галичю, и бысть ему вѣсть, что Шемяка пошелъ къ Вологдѣ, и Князь Великій пойде на Иледамъ, да Обнору. „Бывшу же ему у Николы на Обнорѣ, и пріиде вѣсть, что опять воротился къ Галичю, и К. В. воротился Обнорою назадъ, за Костромою „вверхъ, и пріиде на Желѣзной борокъ къ Ивану Святому . . . а большей Воевода Князь Василей Ивановичь Оболенской . . . и Царевичевъ „отпустилъ съ нимъ . . . . . И молебная совершивъ въ церкви Св. Іоанна „Предтечи“ (послѣ сраженія). — Въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ* (Синод. библіот. No 164) есть письмо Митрополита Іоны къ Литовскимъ Князьямъ и Панамъ о вѣроломствѣ Шемяки. „Вѣдаете (говоритъ онъ) „коликое лиха и запустѣнія земли нашей починилося . . . и Князь Дмитрей въ познаніе пришедъ, да своему брату старѣйшему, Вел. Князю, „добилъ челомъ и животворящій крестъ цѣловалъ и не одинова, да то „все измѣнялъ . . . И сего ради пишу вамъ, чтобы есте пощадѣли себе „вси Христіане, не токмо тѣлеснѣ, но паче душевнѣ, и посылали бы „есте и били челомъ своему Господарю, Вел. Князю, о жалованьи, какъ „ему Богъ положитъ на сердце; а не иметe бити челомъ, а за тѣмъ „кровь Христіанская прольется, и та вся на васъ отъ Бога взыщется . . . и чюжи будете нашего смиренія благословенія . . . тогды ни „Христіанинъ кто будетъ именуяся въ вашей земли, ни Священникъ священствуя, но вси Божьи церкви въ вашей земли затворятся отъ нашего смиренія,“ и проч.

(353) Въ *Архангел. Лѣт.*: „Шемяка утече къ Новугороду, а тут" (подъ Галичемъ) „убиша Григорья Семеновича Горешкина . . . и пришелъ „на Устюгъ въ насадѣхъ, и Устюжане противъ его *щита не держали*" (не сопротивлялись . . . „и казнилъ Емельяна Лузскова, да Минию Жу-„гулева, да Давида Долгошеина, да Евфимья Ежевину: metалъ ихъ въ Су-„хону . . . Ежевиня же, на днѣ сѣдя, изрѣшись и выплове вниз живъ и „утече на Вятку. Того жь лѣта Шемяка пойде на Вологду, и воевавъ, „приде на Устюгъ, и жилъ на Устюзѣ два годы неполны."

(354) Въ *Казан. Лѣт.*: „и тамо" (Улу-Махметъ въ Казани) „умре, съ „сыномъ своимъ меньшимъ Юсупомъ оба ножемъ зарѣзаны отъ большаго „сына его, Мамутека; царствова въ Казани шесть лѣтъ." Вѣроятно, что братья Мамутековы, Касимъ и Ягупъ, боясь подобной же участи, ушли тогда въ Черкасскую землю (см. выше, примѣч. 342) — Въ *Арханг. Лѣт.*: „На самъ Великъ день приходили Татарове Казанскіе ранью на „Устюгъ, стояли 3 дни, и въ Великъ день приступили, несучи на голо-„вахъ насадъ; бити ихъ не лзѣ, и зажгли городъ, и выгорѣло 2 городни у „нижнихъ воротъ . . . Татаръ отъ города отбили, а они взяли миръ на „томъ, что въ погоню за ними не ходити, а съ города и съ церквей взя-„ли окупъ конейщину за 1000 всякою рухлядью . . приходили мимо Га-„личь на Кичменгу, а пошли вверхъ по Югу, а по Ветлузѣ на плотѣхъ . . . „а все Царевъ Дворъ, а въ Казань вошло 40 человѣкъ." Въ *Архив. Лѣт.*: „Въ лѣто 6956 (1448) въ Филипово говѣйно Казан. Царь Мамутекъ пос-„ла всѣхъ Князей своихъ со многою силою воевати Муромъ и Володи-„меръ . . . Князь же Вел. посла противу ихъ сына своего, Ивана." Болѣе ни слова. Далѣе: „Скорые Татарове Седи-Ахматовы (въ 1449 г.) догонили „до Похры, и Княгиню Василія Оболенского взяли Марью, и невѣстку „ея Степаниду, жену Григорья Козлова-Морозова . . . Царевичь же Ка-„симъ иде противу ихъ изъ Звенигорода, а они разсунушася по земли, и „съ коими встрѣтился, тѣхъ билъ и полонъ отъималъ; они же бѣжаша „назадъ . . . Того же лѣта (1450) бывшу Вел. Князю на Коломнѣ, и прі-„иде вѣсть, что идутъ Татарове изъ поля, Малбердей и Уланъ . . . и „посла Царевича съ Татары, да съ нимъ Воеводу, Константина Александр. „Беззубцева съ Коломничи, и угониша ихъ на Битюцѣ рѣкѣ въ полѣ . . . „Тогда убиша Роводана Зиновьева."

(355) „Бывшу же Великому Князю близъ Брашевы . . . и воротился „къ Москвѣ; а людей всѣхъ отпустилъ съ Княземъ Иваномъ Звенигород-„скимъ; онъ же убояся, вернуся инымъ путемъ, а не за Княземъ Вели-„кимъ. Князь же Великій веемъ Петровъ день на Москвѣ и градъ оса-„дивъ, посади въ немъ матерь, да сына . . . прежде же всѣхъ Митропо-„лита и Архіепископа Ростовскаго Ефрема . . . да самъ изъиде, и ноче-„вавъ въ Озерецкомъ, а оттуду пойде къ Волзѣ; а Татары пришедъ у „брега чаючи рати, и не бысть ничтоже. Они же чающе потаившуюся „рать или брегъ дающу имъ, и послаша сторожи . . . и пріидоша къ Мос-„квѣ въ часъ дни," и проч. — Въ *Арханг. Лѣт.*: „Князь Великій выѣде „изъ города противъ Татаръ . . . и Татарове съ нимъ разгрѣшилися" (ра-

зошлись) . . . „и посады" (Москвы) „зажгоша, и понесе вѣтръ огнь на го-„родъ. Святый же Митроп. Іона нача пѣти молебенъ, и вѣтръ утиши."

(356) „К. В. взятъ на Москвѣ Рожество Христово, съ Васильева же „дни пойде противу Шемякѣ, а Крещеніе бысть ему у Троицы въ Сер-„гіевѣ; и оттуду пойде къ Ярославлю . . . отпустилъ сына на Кокшен-„гу, а съ Костромы отпустилъ съ сыномъ своимъ сиитаписа Царевича „Ягупа, Мамутякова сына (брата), на Князя же Дмитрея; а преже то-„го послалъ Князя Василія Ярославича, да съ нимъ Бояръ, Князя Семена „Ивановича Оболенскаго . . . и Дворъ свой къ Устюгу; а Князь Дми-„трій, подъ Устюгомъ стоя, пожегъ посадъ и побѣже. К. В. Иванъ и „Царевичь, шедъ на Кокшенгу, градки ихъ поимаша . . . и ходиша до „устъ Ваги. и до Осинова поля." Въ *Арханг. Лѣт.:* „Князь Дмитрей по-„бѣже къ Двинѣ, а на Устюзѣ оставилъ Намѣстника, Ивана Киселева. . . „и заставы Двинянъ рѣку Двину *политии* пониже городка Орлеца. К. В. „Иванъ послалъ за нимъ Воеводъ Югомъ мимо Устюгъ, и подъ городомъ „не стояли, за Шемякою пошли; а К. В. Иванъ съ Ондреевыхъ селицъ и „съ Галицаны пошелъ на Городишную, да на Сухону, да въ Саленгу на „Кокшенгу воюючи; а городъ Кокшенской взялъ, а Кокшаровъ сѣклъ мно-„жество, а съ Кокшенги на Вологду . . . а Князь Дмитрей побѣжа къ „Новугороду; а Воеводы, то слышавъ на устъ Ваги, и воротилися по „Вагѣ вверхъ на Кокшенгу жь."

(357) „Пріиде вѣсть (Іюля 23) къ Великому Князю изъ Новагорода на „Вечерни у Бориса Глѣба на Москвѣ на рвѣ, что Шемяка умре." Въ *Ар-ханг. Лѣт.:* „даша ему лютаго зелія." Онъ умеръ Іюля 18 (см. Синод. *Псков. Лѣт.*).

(358) Въ Синод. *Псков. Лѣт.:* „Пріѣха во Псковъ Князь Иванъ Дми-„тріевичь Шемячичь изъ Новагорода Апрѣля 9 (въ 1454 г.) и выидоша „противу его Игумени и Попове со кресты ко Св. Дмитрею на Пскову, „и Псковичи пріяша его честно, и даша ему 20 рублевъ, и поѣха въ Лит-„ву Маія 1." — Вина К. Іоанна Можайскаго изъяснена въ грамотѣ Ми-трополита Іоны къ Смоленскому Епископу *Мисаилу* (см. *Посланіе Рос. Митрополитовъ*, въ Синод. библіот. No 164, *л.* 151): „Учалъ (Князь „Иванъ) Великому Князю не послушенъ быти . . . Приходила рать Се-„ди-Ахметова . . . и отъ насъ было посылаемо о томъ, чтобы отъ не-„го помочь была, и онъ ни самъ не поѣхалъ къ нему, ни къ его дѣтемъ, „ни къ его людемъ, ни помочи не послалъ . . . . Также па Галичь рать „Татарская приходила, и сынъ нашъ, Вел. Князь, и мы посылали къ нему „Коломенькаго Владыку Геронтія, чтобы пошелъ на оборонь Христі-„янству, Воеводъ ли бы послалъ; и онъ ни самъ пошелъ, ни людей не „послалъ . . . . Благословляю тобе, своего сына, чтобы еси того побе-„регъ, чтобы какъ отъ того Князя Ивана въ вотчинѣ Вел. Князя па-„кости не было . . . Князь Великій вельми хочетъ съ Королемъ брат-„ства и любви и прочнаго добраго житья; да того дѣла за нимъ не по-„шелъ, ни своихъ людей не послалъ . . . а въ обиду ему себе не мощно „подавати. А сыну нашему Пану Михайлу Канцлерю говори, чтобы „также о томъ поберегль, какъ самъ вѣдаешь."

(359) См. ниже, примѣч. 386, г. 1448, и грамоту въ примѣч. 361. Далѣе въ лѣтописи: „Генв. 19, въ Понедѣльникъ (1456), К. В. пойде на Новго-„родъ . . . на Волокъ же пріиде къ нему Посадникъ Василей Степановъ.“

(360) Въ *Псков. Лѣт.*: „Русу взя (Вел. Князь) Февр. 2 . . . . Москви-„чи убиша Посадника Іосифа Носова . . . а Князь Василей (Суздальскій) „самъ-третей убѣжа.“

(361) Сей договоръ нашелъ я въ Пушкинскомъ собраніи Двинскихъ грамотъ: „А се за то ялися послове отъ Великаго Новагорода къ Великому „Князю Василію Василіевичу всея Руси и къ его сыну къ Великому Кня-„зю Ивану Василіевичу всея Руси по Новгородскому слову и по Новго-„родской грамотѣ, на чемъ послали къ Великимъ Княземъ Посадника Гри-„горіа Даниловича, Посадника Ѳедора Яковлича, Посадника Василіа „Степановича, Тысяцкого Якова Ивановича, и Тысяцкого Василія Пан-„телѣевича; а отъ Житьихъ людей Офонаса Микулинича, Ивана Юріе-„вича, Якова Ивановича, Еремѣя Кузминича, Василія Захарьинича. Повелѣ-„хомъ судъ дати на Городищѣ, отъ Великихъ Князей Бояринъ судьею, „отъ Новагорода Бояринъ. Судити имъ Князей Великихъ человѣка съ Нов-„городцемъ; а судити имъ какъ право по крестному цѣлованію. Аже ся „сопрутъ о которомъ дѣлѣ, а не могутъ управити, и коли будетъ „Князь Великій въ Новѣгородѣ, или Князя Великого сынъ, или Князей „Великихъ братъ, и тому дѣлу тогды учинитъ Князь на Городищѣ „съ Посадникомъ конецъ. А что закладъ въ рядныхъ грамотахъ, а то „велѣхомъ имати Княземъ Великимъ съ Владыкою на виноватомъ отъ се-„го докончанія. А крюкъ Князю Великому по старинѣ на третей годъ, „а отъ волостей даръ имати по старинѣ; а печати быти Князей Вели-„кихъ. А Виры имати Княземъ Великомъ по старинѣ, а Новгородцемъ не „таити; а пошлинъ Князя Великаго Новгородцемъ не таити по крест-„ному цѣлованію. А что земли Ростовскіе и Бѣлозерскіе, что покупили „наши Новгородцы, а тыхъ земель Княземъ Великимъ стступилися, и „грамоты подавали; а полонъ съ обѣ половины безъ окупа. А кто бу-„детъ продавалъ полонъ въ Княженьи въ Великомъ, а тому серебру по-„гребъ съ обѣ сторонѣ. А кто будетъ продалъ полоняника своему, то-„му ся увѣдати самому, а полоняникъ пойдетъ прочь. А съ Новоторж-„цевъ Князи Великіи цѣлованіе сложили; а что сребро и хлѣбъ Княземъ „Великимъ не добранъ въ Торжку, или на Губахъ, а то Княземъ Вели-„кимъ не надобѣ. А кто будетъ данъ на поруцѣ въ серебрѣ, или въ хлѣ-„бѣ, съ тыхъ порука долоъ; а что собрано, а то Княземъ Великимъ, а „Новугороду въ томъ дѣлѣ на Новоторжцовъ нелюбіа не держати, ни „мщатись никоторою хитростью. А что война была Князей Великихъ „надъ Новгородскою волостію, или Новгородская война была надъ Вели-„кихъ Князей волостьми, тому всему погребъ. А послѣ сего крестного „цѣлованіа аже доспѣется война съ обѣ половины, а не вѣдая сего докон-„чанія, иманое назадъ отдати съ обѣ половины; а учинятся мертвые, а „почнутъ клепати мертвыми, или грабежомъ съ обѣ половины, то судъ „тому на Городищѣ передъ тыми судьями. А что были войны и грабе-„жи изъ Великого Княженія и изъ Новгородской вотчины до складной

„грамоты Великого Князя съ обѣ половины, тому судъ на Городищѣ, а „суда имъ у Князя у Великого Намѣстниковъ въ Новѣгородѣ не отъимати" (здѣсь, думаю, пропускъ) „развѣ ратной вѣсти, или городъ коли „имутъ дѣлати безъ хитрости. А *Вѣчнымъ* грамотамъ не быти. А въ „Водцскую землю слати Княземъ Великимъ ежегодъ по старинѣ. А коли „приведется взяти Княземъ Великимъ черный боръ, и намъ дати черной „боръ по старинѣ. А погоръ по волостемъ по Новгородскимъ позывати „позовникомъ Князей Великихъ, да Новогородскимъ, а въ городъ позывати Князей Великихъ Подвойскій, да Новогородской Подвойскій. Такъ же „что наши братія Новогородцы покупили земли Ростовскіе и Бѣлозерскіе, или даромъ поимали, и намъ тыхъ земль обыскавъ отступитися „вамъ, Великимъ Княземъ, по крестному цѣлованію. А кто которой земли запритца, тому судъ и исправа по крестному цѣлованію. А прідутъ къ намъ, къ Великимъ Княземъ отъ В. Новагорода послы Новогородскіе о какихъ обидныхъ дѣлахъ исправы просити, а наѣдутъ насъ „обѣихъ Великихъ Князей въ Руской землѣ: ино имъ посольство правити „обѣма Великимъ Княземъ, и исправы просити у обѣихъ; а имъ исправа „дати В. Новугороду по крестному цѣлованію, и отвѣтъ дати В. Новугороду. А наѣдутъ одного В. К. въ Руской землѣ, ино одному посольство правити, а ему исправа дати В. Новугороду по тому жъ крестному цѣлованію, и отвѣтъ дати В. Новугороду. А В. Новугороду К. „Ивана Андреевича Можайскаго и его дѣтей, и К. Ивана Дмитріевича „Шемякина и его дѣтей, и его матери Княгини Софьи и ее дѣтей и „зятьи Новугороду не прімати. А послѣ сего докончанія изъ Московской земли, изъ Великого Княженія, кто пріѣдетъ лиходѣй Великихъ „Князей въ В. Новгородъ, и Новугороду ихъ не прімати; или кто лиходѣй Великихъ Князей побѣжитъ изъ Руской земли, изъ Московского „Княженія, въ Литву или въ Нѣмцы, а изъ Литвы или изъ Нѣмецъ прибѣжитъ къ В. Новугороду, и Новугороду тыхъ лиходѣевъ не прімати. „А коихъ людей привели къ цѣлованію за Великихъ Князей, кои живутъ „на Новогородской землѣ въ Торжку, или за Волокомъ, или индѣ гдѣ ни „есть; а съ тыхъ людей Князи Великіи цѣлованіе сложити; а земли и воды къ В. Новугороду по старинѣ, и по старымъ по крестнымъ грамотамъ; а на тыхъ людей Новугороду про то нелюбія не держати по „крестному цѣлованію. А что нятцевъ, или полону у Великихъ Князей, „или у В. Новагорода нятцевъ и полону и старого полону Великихъ „Князей и его братьи молодшой изо всего его Великого Княженія: ино „тыи нятцы и той полонъ отпустиша безъ окупа на обѣ половинѣ „и старой и новой. А на томъ на всемъ, Князи Великіе, цѣлуйте крестъ „ко всему В. Новугороду безо всякого извѣта; также Посадники и Тысяцкіе, и весь Великій Новгородъ цѣлуйте крестъ къ Великому Князю „Василію Василіевичу всея Руси, и къ Великому Князю Ивану Васильевичу всея Руси, по любви въ правду безо всякой хитрости." — —
Тутъ же находится и другая слѣдующая грамота о платежѣ денегъ: „Се заплатиша отъ В. Новагорода Подвойскіе Степанъ Ильинъ, Степанъ Григорьевъ, и Вѣчный Дьякъ Яковъ, Ивану Володимеровичу тыся-

„чю рублевъ. да сто рублевъ послѣднего платежа, что добили челомъ „Бояре Новогородскіе Великому Князю въ Яжелбицахъ: Посадникъ Григорей Даниловичь, Посадникъ Θедоръ Яковличь, Посадникъ Василей Степановичь, Тысяцкой Яковъ Ивановичь, Тысяцкой Василей Пашпелеевичь, „а отъ Житьихъ Офонасъ Микулиничь, Иванъ Юріевичь, Яковъ Ивановичь, полу-девятою тысячею рублевъ, и грамоту дали Великому Князю „въ той полу-девятѣ тысячѣ рублехъ, и въ залозѣхъ отъ Демонского „докончанія, за своими печатьми, и честный крестъ цѣловали. Ино та „полдевяты тысячи рублевъ Великому Князю дошла чисто вся, а за„логи отъ Демонского докончанья осталися за Новымгородомъ; и мы ту „грамоту у Ивана взяли, а въ залозѣхъ есмя Великого Князя, что ся за „нами остало отъ Демонскаго докончанья, дали на собя сю грамоту, что „справити намъ вѣсь залоги по крестному цѣлованью, по тому какъ цѣ„ловали въ Яжелбицахъ Посадникъ Григорей Даниловичь, Посадникъ Θе„доръ Яковличь. Посадникъ Василей Степановичь, Тысяцкіе Яковъ Ивановичь, Василей Пантелеевичь, а отъ Житьихъ Офонасъ Микулиничь, „Иванъ Юрьевичь, Яковъ Ивановичь къ Великому Князю; а какъ залоги „дойдутъ вѣсь Великого Князя ино ся грамота подрати; а запечатали „есьмя сю грамоту печатію Посадничею Степенного Ивана Лукинича и „Тысяцкого Степенного печатію Михайловою Андреевича."

Въ *Псков. Лѣт.*: „Прислаша Новгородци въ Псковъ гонца своего съ „челобитьемъ . . . и Псковичи не помянуша древняя злобы ихъ, по пра„вице свое крестное цѣлованіе, отрядиша Воеводами Посадника Леонтія „Макарьиничь и Максима, и послаша съ силами Февр. 15. А стоялъ К. „В. въ волостехъ Новгородскихъ полчетвертѣ недѣли. Псковичи пребы„ша въ Новѣгородѣ полторѣ недѣли." Въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что Новогородцы заплатили 10,000 рублей.

(362) „Тое же весны преставися Князь Великій И. Θ. Рязанскій въ Черн„цахъ, и нареченъ бысть Іона; а за мало прежде его Княгиня его преставись."

(363) *Собр. Г. Г.* 195. Сія грамота подписана Митрополитомъ Іоною. — Въ *Архангел. Лѣт.* сказано, что Великій Князь взялъ своего шурина подъ стражу *съ супругою и съ дѣтьми.*

(364) Въ Пушкинскомъ собраніи Двинскихъ грамотъ: *„Списокъ съ докон„чальные грамоты со Князьмъ съ Ивановы Можайского, что посылали въ „Литвѣ со Княземъ съ Иваномъ съ Ярославичевымъ сыномъ, а привезлъ „весь списокъ Володя Давыдовъ лѣта 70* (то есть г. 6970). Милостію „Божіею и пречистыя Его Богоматери, на семъ на всемъ, господине бра„те старѣйшій К. Иванъ Андреевичь, цѣлуй ко мнѣ крестъ къ своему „брату молодшему, Князю Ивану Василіевичу: что, господине, К. В. Вас. „Васильевичь отнялъ у тебя твою отчину и дѣдину на крестномъ цѣло„ваньѣ, и выгонилъ тобе; также, господине, К. В. Вас. Васильевичь ялъ „моего отца на крестномъ цѣлованьи безвинно, а мене выгонилъ изъ моее „отчины и дѣдины, и тобѣ, господине, пойти доставати своее отчины „и дѣдины, также моего отца доставати К. Василья Ярославича, и наше „отчины и дѣдины; а мнѣ, господине, пойти съ тобою за-одинъ достава„ти своего отца и твоей отчины и дѣдины, и своей отчины и дѣдины,

„А имешъ, господине, Князь Великій тобя К. Ивана Андреевича звати на „твою отчину, а имешъ ти давати твою отчину, или придавати, а мо-„его отца не пожалуетъ не выпуститъ, а отчины отцу моему не от-„дастъ по старинѣ, какъ было за моимъ отцемъ; или, господине, учнетъ „жаловати отца моего какъ мнѣ нелюбо, и тобѣ, господине, съ Великимъ „Княземъ безъ моей воли не канчивати, ни помиритися, а стояти ти, „господине, со мною за-одинъ доставати отца моего. И по грѣхомъ, го-„сподине, К. В. отца моего убіетъ, или уморитъ въ нятьѣ, или какъ Богъ „позоветъ отца моего къ собѣ въ нятствѣ: и тобѣ, К. Иванъ Андрее-„вичь, съ Великимъ Княземъ не кончати, ни помиритися безъ моей воли . . . „Также, господине, К. В. отца моего пожалуетъ изъ нятства выпуститъ, „а отчину отцу моему отдастъ, а тебя, господине, К. В. не почнетъ „жаловати по твоей любви, а отчины, господине, тобѣ К. В. не отдастъ, „и мнѣ къ Великому Князю нейти безъ твоей воли, ни кончати, а отъ „тобя ми не отставати безъ твоей воли. Также, господине, по грѣхомъ „К. В. не смилуется, тобя не почнетъ звати, а отчины тобѣ не от-„дастъ по твоей любви, а отца моего не пуститъ и отчины ему не от-„дастъ, и дастъ Богъ однова не по нашимъ грѣхомъ Князя Великого по-„біемъ, или изгонимъ; а дастъ Богъ, господине, достанешь Великого Кня-„женія и отца моего достанешь: и тобѣ, господине, примати отца мое-„го въ любовь и въ докончанье по его любви, какъ любъ будетъ конецъ „отцу моему; а въ его ти отчину не вступатись, что было за нимъ го-„родовъ и волостей въ вотчину его и въ дѣдину . . . . А меня ти, госпо-„дине, пожаловати въ докончанье поимати, и въ браты молодшіе, и от-„чину ти мнѣ дати опричь отца моего отчины: Дмитровъ съ волостьми, „какъ былъ далъ К. В. моему отцу; да Суздаль съ волостьми. А кто ти „меня изобговариваетъ чѣмъ, и тобѣ меня не изымати по тому крестно-„му цѣлованью, а обослати мене Князь Ивана Васильевича своими Бояры, „а вопроситъ ти мене по тому же крестному цѣлованью, и мнѣ тобѣ „сказати въ правду, и тобѣ, господине, мнѣ вѣра яти. А однова, господи-„не, К. В. почнетъ водить съ собою отца моего, и тобѣ отца моего отчина „дати мнѣ; а мнѣ ти, господине, таки дати, опричь отца моего отчины, „Дмитровъ въ вотчину, какъ за отцемъ за моимъ былъ со всѣмъ, да Суз-„даль со всѣмъ; а о моемъ ти, господине, отцѣ печаловатись по тому „крестному цѣлованью, доколѣ дастъ Богъ достанешь моего отца. А ка-„кими, господине, дѣлы К. В. убіетъ отца моего, или Богъ позоветъ къ „собѣ отца моего, умретъ своею смертью въ нятьи у В. К., и тобѣ въ „вотчину отца моего не вступатись, а мнѣ ти отчину отца моего от-„дати; а также ти не вступатись въ то, что ти было мнѣ придати „при моемъ отцѣ: Дмитровъ съ волостьми, Суздаль съ волостьми. А при-„нять ти мене собѣ въ отца моего мѣсто въ браты въ докончанье, какъ „былъ отецъ мой съ Великимъ Княземъ въ любви и въ докончаньи и въ „крестномъ цѣлованьи. А въ третъ ти, господине, въ Московскую и въ „пошлины не вступатись: какъ было за моимъ отцемъ, такъ ти держа-„ти за мною. А имешъ, господине, ходить доставати своее отчины, и „отца моего, а что, господине, ходячи достанемъ городовъ и волостей,

„или казни Великого Князя, или Боярскихъ козень, или Князцевъ *служныхъ*: и тобѣ, господине, во всемъ въ томъ дати мнѣ прешь. А также „по грѣхомъ по нашимъ дѣла своего доброго не здѣлаешь, а учнешь, господине, собѣ въ которой землѣ мѣста искати: и тобѣ меня не оспдити, а дѣлати со мною за-одинъ, и мѣста намъ собѣ искати за-одинъ по „тому крестному цѣлованью. А учинишь срокъ, на которой день намъ „выйти, а на тотъ срокъ не пойдешь, а имешь жити здѣсь: и мнѣ тобѣ „крестное цѣлованіе сложити. А на семъ, господине, на всемъ К. Иванъ „Андреевичь цѣлуй ко мнѣ крестъ къ своему брату молодшему Князю „Ивану Васильевичу въ правду безъ хитрости."

Въ лѣтописяхъ: „А тое же весны" (въ 1448 году) „по Велицѣ дни „бысть у Великого Князя Посолъ Литовскій, Панъ Семенъ Едиголдовъ."

(365) „Тое же зимы (г. 1462) многіе Дѣти Боярскіе Князя Васильевы „Ярославича здумавши себѣ и цѣловаша крестъ меже себя, какъ бы имъ „пришедъ изгономъ къ Угличу и выняти Князя своего, и бѣжати съ нимъ. „Увѣденъ же бысть совѣтъ ихъ Великому Князю и повелѣ всѣхъ имати „и казнити, бити кнутьемъ, сѣчи руки и носы рѣзати, а инымъ главы „отсѣкати; тою казнію казниша главною Володю Давыдова, Парфена Бренка, Луку Подеиваева и иныхъ."

(366) Василій Темный по завѣщанію своему (см. ниже) отдалъ Суздаль и Нижній Новгородъ одному изъ сыновей своихъ: слѣдственно тамъ уже не было Князей особенныхъ.

(367) „На Троицынъ день" (еще въ 1438 году) „Вятчяне приходили на „Устюгъ, и городъ Гледенъ сожгли пустъ, а люди всѣ розбрелися на лѣсъ . . . „Посылалъ (въ 1458 г.) Князь Великій ратъ свою на Вятку со Княземъ „*Семечомъ*" (а по другимъ лѣтописямъ съ *Иваномъ*) „Ряполовскимъ: онъ „же, ничто же успѣвъ, возвратися, и стоялъ подъ городомъ подъ Хлыновымъ долго, а городъ не взялъ: зане же Григорей Перхушковъ у Вятчанъ посулыималъ, а имъ наровилъ" (см. *Арханг. Лѣт.*) „Князь Великій „(г. 1459) посылалъ ратъ на Вятку, Князя Ивана Юрьевича, да Ивана „Ивановича, да Князя Дмитрея Ряполовскаго со многою силою, да Устюжанъ; они же взяша Котельничь да Орловъ," и проч. Увидимъ послѣ, что Вятчане до временъ Іоанна Василіевича оставались народною Державою.

(368) Борисъ умръ въ Февралѣ мѣсяцѣ. Между Новогородскими грамотами есть одна договорная съ симъ Княземъ о рубежѣ и судахъ (*Собр. Г. Г.* 23).

(369) Въ *Псков. Лѣт.*: „Того же лѣта (1456) пріѣха изъ Новагорода во „Псковъ Кн. Александръ Черторизскый, а по Псковскому челобитью Іуля „18" (вѣроятно, безъ дозволенія Великокняжескаго) . . . „Князь Черторизьскый и Посадники и Псковичи ѣхавше (въ 1459 г.) на землю и воду „Св. Троицы, на Озолицю и на Жолочко, и церковь поставиша Св. Михаила, и сѣно покосиша, и ловцемъ своимъ повелѣша рыбы ловити по „старинѣ, и Чюхновъ на Рожкинѣ повѣшали . . . Въ Вел. постъ (г. 1460) „Нѣмци изгонивше на Озолици церковь и 9 человѣкъ сожгли. Князь „Черторизьскый съ Псковичи ѣхавше въ насадахъ и въ лодьяхъ на Озолицю, „и въ Нѣмецкой земли много Чюди пожгоша. Нѣмци ѣхавше въ шнекахъ въ „Норову, и насаду Псковскую у ловцовъ съ пушками и со всѣмъ запасомъ

„ратнымъ отняли, и 42 двора выжгли, а людей Богъ ублюде. Пріѣха (въ „1461 г.) посолъ отъ Новагорода во Псковъ, Посадникъ Каринъ съ дружиною, по чолобитью Нѣмецкому, и по ихъ сроку, и поѣхаша Князь и Бояри Псковскіи на Озолицю и на Жалачко, и досмотрѣли того обидного „мѣста, а поганіи Нѣмци не стаща на срокъ. Тоя же зимы въ Рожественое говѣніе Кн. Александръ со Псковичами воеваша Нѣмецкую землю „на 70 верстъ, и 3 нощи въ землѣ ихъ бывше, приведоша много полоненыхъ и скота, и божницу велику выжгли, и кресты съ божницы и 4 „колокола сняли и Попа Нѣм. поимали . . . Того же лѣта Генв. 20 (1461) „пріѣха К. В. въ Новгородъ съ своими сынами, съ Юрьемъ и Андреемъ, и „Псковичи посланна къ нему Посадника Юрья Тимоѳеевичь и Максима „Ларивоновичь и съ ними Бояръ изо всѣхъ Концовъ, и даша имъ на дарове „Великому Князю 50 рублевъ, и биша челомъ Великому Князю о жалованіи и о печалованіи своея отчины, мужей Псковичь, доброволныхъ людій, что есме пріобижени отъ поганыхъ Нѣмець, и водою и землею и головами, и церкви Божіи пожжени отъ поганыхъ Нѣмецъ на миру и на „крестномъ цѣлованіи; и потомъ биша челомъ Великому Князю о Князи „Александри Васильевичь, чтобы ему быти Намѣстникомъ, а во Псковѣ „Княземъ; и Князь Великій отвѣщалъ: я васъ, свою отчину, хочу жаловати, и боронити отъ поганыхъ, якожь отци наши и дѣди наши; а что „ми повѣстуете о Князи о Александри Черторизскомъ, и о томъ васъ, „свою отчину, жалую, аже только поцѣлуетъ крестъ животворящій „Князь Олександръ ко мнѣ къ Великому Князю и къ моимъ дѣтемъ къ Великимъ Княземъ, что ему зла на насъ не мыслити: ино буди вамъ Князь, „а отъ мене Намѣстникъ. И услышавъ Князь Олександръ отвѣтъ Князя „Великого, и не восхотѣлъ цѣловати къ нему и къ его дѣтемъ, и поѣхалъ „изо Пскова вонъ; а Псковичи много ему били челомъ, чтобы онъ жилъ; „и поѣхалъ въ Литву, Мѣсяца Фев. . . и К. В. услышавъ, что Князя Александра во Псковѣ нѣтъ, и послалъ сына своего, Князя Юрья, съ „Бояры во Псковъ, и Посадники Псковскіи и Бояры срѣтоша его за рубежомъ на Дубровнѣ съ великою честью, и пріѣхалъ во Псковъ въ Недѣлю Сыропустную Фев. 24, а Игумены, и Священники, и Діаконы срѣтоша его со кресты противъ старого Вознесенія, и вниде Князь Великый „Юрьи Васильевичь въ домъ Св. Троици, и все Священьство пѣвши ему „много лѣтъ и посадиша его на столѣ отца его Великого Князя, и знаменась его честнымъ крестомъ, а Посадникы Псковскыи пріяша его честно, и биша челомъ, чтобы еси, господине, пожаловалъ, далъ бы еси намъ „отъ Князя Великого и отъ себе Намѣстника во Псковъ Князя Ивана „Васильевичь Стригу, и Князь Юрій пожаловалъ свою отчину по повелѣнію отца своего Князя Великого и брата своего Князя Великого Ивана Васильевича, далъ имъ Князя Ивана Васильевича Стригу Княземъ во „Псковъ, и пріаша его Посадники и весь Псковъ съ великою честью Марта 23; и даша ему всю Княжую пошлину, и цѣловалъ крестъ честный „ко Пскову; а К. В. Василей Васильевичь былъ въ Великомъ Новѣгородѣ „6 недѣль безъ дни, и поѣхалъ на Москву Марта въ 1; и потомъ того же „времени пріѣхаша послове Нѣмецкіи во Псковъ отъ Князя Местера Ри-

„ского бити челомъ Великому Князю Юрью Васильевичу за Юрьевцовъ „о перемиріи, и К. В. Юрьй пріялъ ихъ челобитье и далъ имъ срокъ о „перемиріи до Рожества Христова, а съѣзду быти на Успеніе; а на томъ „Нѣмецкіи послове руку даша и крестъ поцѣловаша; а былъ К. В. Юрьи „Васильевичь во Псковѣ 3 недѣли и 2 дни, а Посадники и весь Псковъ „чтиша его и даша ему 100 рублевъ, и поѣхалъ изо Пскова Марта 18, и „проводиша его честно изо Пскова, и за рубежъ. Въ лѣто 6969 пріѣхаша „послы Нѣмецкіи, судья великій, отъ Арцибискупа Ризского и отъ Пискупа Юрьевскаго и отъ всей Нѣмецкой земли, въ В. Новгородъ ко Владыки Іонѣ и къ Посадникомъ, и ко всему Новугороду, бити челомъ послу Великого Князя, и Новгородцомъ, такоже и Псковскому послу Посаднику Зеновею Михайловичь о перемирьи, чтобы К. В. далъ перемирья „со Псковичи на 5 лѣтъ Нѣмцомъ, и Князя Великого посолъ и Новгородцы испросившись со Псковичи и даша имъ перемирья на 5 лѣтъ, и цѣловаша на томъ Нѣмцы крестъ; а въ тую 5 лѣтъ ловити на обидномъ „мѣстѣ Псковичамъ къ своему берегу, а Нѣмцомъ къ своему берегу; и „пріѣхаша изъ Новагорода во Псковъ судья Нѣмецкый а такоже цѣловаша крестъ во Псковѣ, а отъ Пскова Зеновій Михайловичь, и судьи и „Соцкій и списаша грамоты и запечаташа. Того же лѣта послаша Псковичи послы своя съ Новгородцкымъ посломъ, Якова Кротова и иныхъ „Бояръ, въ Юрьевъ къ Пискупу Юрьевскому, и ко всѣмъ Юрьевцомъ, и „къ Арцибискупу Ризскому, руки имати, и Пискупъ даше руку Новгородскому послу и Псковскому, а Ратманы поцѣловаша крестъ по своей Вѣрѣ, что тая 5 лѣтъ держати крѣпко, и отдаваша Нѣмци Псковскіа иконы, что на Жолчи сожгли церковь храмъ Св. Архистратига Михаила, и товаръ Псковскій отдаша, и всему исправу учиниша. Того же „лѣта поѣха изо Пскова К. Иванъ Стрига на Москву, а Псковичи послаша со К. Иваномъ Васильевичемъ къ Великому Князю Посадника Максима Ларивоновичь и иныхъ Бояръ, чтобы К. В. печаловался своею отчиною мужей Псковичь, доброволныхъ людей, и послаша дару Князю Великому 50 рублевъ. Того же лѣта пріѣхаша послы Нѣмецкыи отъ Арцибискупа Ризского, и отъ Пискупа Юрьевскаго и отъ всей Нѣмецкой „земли по своятство (собственность), и такоже поимаша Нѣмци своятство своя, и полоняниковъ своихъ и все своя поимаша, и всему исправу „учиниша. Того же лѣта пріѣхаша послы Псковскіи отъ Князя Великого, Посадникъ Максимъ и Бояри вси здорови, а К. В. свою отчину жалуетъ, урекается стояти и боронити, за домъ Св. Троици и за мужей „Псковичь. Того же лѣта прислалъ К. В. Намѣстника своего въ Псковъ „на Княженіе Князя Владимера Ондреевича, а не по Псковскому прошенію, и Псковичи пріяша его съ честью, и посадиша его на Княженіи."

(370) Въ 1455 году: „тогда убитъ Князь Семенъ Бабичь, а не на суйнѣ" (не въ схваткѣ) „но притчею нѣкоею. Того же лѣта (1459) Татарове Седи-Ахматовы похвалився на Русь пошли . . . . и побѣгоша; и тоя ради „похвалы Іона Митроп. поставилъ церковь камену Похвалу Богородицы, „придѣлалъ къ олтарю Соборныя Пречистыя, возлѣ южныхъ дверей . . . , „Того же лѣта (1460) Царь Ахмутъ Большія Орды приходилъ подъ Пе-

„ресШавль Ряз. и стоялъ 6 день въ посшъ Успенія." Въ *Арханг. Лѣт.*: „Царь Ахметъ Кичимъ Ахметовичъ . . . Казанъ Уланъ Рязанцамъ норовилъ . . . и пойде прочь Царь, на Казана Уланъ-Чурзу нелюбье держа." — Миръ съ Казан. Царемъ заключенъ въ 1461 году.

(371) Во многихъ лѣтописяхъ: „не даша ему воли." Василій началъ лечиться въ Пятницу на первой недѣлѣ Великаго поста, а скончался Марта 17, въ Субботу, въ третьемъ часу ночи, и погребенъ въ Воскресенье.

„Іюня въ 15 преставися В. К. Софія, и положена того же дни въ монастыри въ Вознесеніи, идѣ же и свекры (свекровь) ея, Вел. Княгиня „Евдокія." Духовная сей Княгини напечатана въ *Собр.* Г. Г. 191. Приводимъ нѣкоторыя мѣста: „Господинъ мой, сынъ мой В. К. Вас. Васильевичь . . . . даю ему отъ святости ящикъ съ мощьми, а въ немъ крестъ . . . „А сноху свою Вел. Княгиню Марію благословляю, даю ей святую икону окованну, на мусіи Святый . . . А внука своего, В. К. Ивана, благословляю, даю ему святую икону пречистую Богородицю съ пеленою . . . „А внука своего Князя Юрья благословляю, даю ему святую икону пречистую Богородицю, большую икону стѣнную съ пеленою и съ убрусцы . . . а то Олексино (село) дала есмь Княг. Ефросиньѣ . . . . А внука своего Князя Ондрея благословляю, даю ему икону Св. Безсребреникъ „Космы и Дамьяна . . . А внука своего Князя Бориса благословляю, даю ему икону Св. Великомученика Ѳедора Стратилата, выбиту на серебрѣ . . . которые святости, опрично того, кого есмь чѣмъ благословила, честные кресты и святые иконы, или мощи Святыхъ . . . . въ „большомъ дубовомъ и въ меньшемъ ларчику, и въ ящику въ большемъ, и „въ коробки: и язъ всѣмъ тѣмъ благословила внука жь своего Князя Бориса. А что ся останетъ у мене моее казны или какіе рухляди моее „клѣтные, какіе ни буди, и язъ то все даю внуку же своему Князю „Юрью; да даю ему дворъ свой Московской внутри города Орининской „Семеновы жены Васильевича, и съ тѣми своими дворци съ подольными, „что стоятъ подъ моимъ дворомъ на томъ же Орининскомъ мѣстѣ; да и „то мое мѣсто тутожъ на подолѣ ему же, гдѣ собѣ поставилъ хоромы „Степанъ Обобуровъ; да что ми далъ сынъ мой К. В. мѣсто дворовое „Фоминьское Ивановича, и язъ на томъ на Фоминьскомъ мѣстѣ поставила житничный дворъ, да тогожъ Фоминьского мѣста промѣнила есмь „была Ивану Старкову на его куплю на Степановьскій дворъ Дмитріевича и его дѣтей, Григорьевъ и Ѳедоровъ, на подолѣ, и тотъ есмь была Степановьскій дворъ взяла собѣ, а Ивану есмь была против у того „дала того Фоминьского мѣста, гдѣ собѣ Иванъ хоромы поставилъ: и „то свое мѣсто подольнее, свою куплю, вѣдаетъ Иванъ, а въ то ся мѣсто въ Фоминьское не вступаетъ, знаетъ свои хоромы; а язъ то все „Фоминьское мѣсто и съ житничнымъ своимъ дворомъ дала внуку же „своему Князю Юрью; а за городомъ дала есмь ему Елизаровьскій дворъ „и со всѣмъ, что къ нему потягло, да Ивановьское мѣсто Конюшего; а „на Великомъ посадѣ Моравьевскій дворъ и съ садомъ, то все ему жь . . . . „Да даю тѣ свои села къ тѣмъ Божьимъ церьквамъ со всѣмъ съ своимъ, да „съ половиною издѣльного серебра, что на людехъ, а половину издѣльно

„го серебра велѣла есмь Христіаномъ серебреникомъ отдавати, опрично „и страдниковъ; страдники пойдутъ на слободу . . . А о всемъ положи„ла есмь на своемъ Господинѣ, на своемъ сыну на В. Князѣ о томъ сере„брѣ: кто будетъ отъ тѣхъ издѣльниковъ охудѣлъ, а и половины того „изъ долгу серебра заплатити не зможетъ, и сынъ мой В. К. тому „велитъ отдати за мою душу все издѣльное серебро; а который будетъ „издѣльный серебреникъ изможенъ въ животѣ, и на томъ сынъ мой В. К. „велитъ все взяти . . . . . А что будетъ въ моихъ селѣхъ хлѣба стояче„го на полѣ, ржи и яри, опрично сѣменъ ярныхъ, и сынъ мой В. К. тотъ „хлѣбъ стоячій весь велитъ попродати, да серебро роздастъ по моей ду„шѣ. А у сее моее духовныи грамоты были Священници, Спасьскій Ар„химандритъ Трифонъ, Симоновьскій Архимандритъ Геронтій, отецъ мой „духовный Архимандритъ Ѳеодосій; а писалъ Митрополичь Дьякъ Яр„лыкъ." — Къ сей грамотѣ, въ которой по краямъ многихъ словъ недостаетъ, привѣшены двѣ восковыя печати, изъ коихъ одна Митрополичья, а другая Великія Княгини.

За 16 лѣтъ до кончины Софіиной преставилась вдовствующая супруга Князя Владиміра Андреевича, оплакавъ смерть всѣхъ сыновей своихъ. Она говоритъ въ завѣщаніи (см. *Собр. Г. Г.* 189): „Се язъ раба Божья инока „Евпраксѣя пишу сію грамоту духовную своимъ цѣлымъ умомъ, во сво„емъ смыслѣ, при своемъ животѣ: бью челомъ своему Господину Велико„му Князю и своей Госпожѣ Вел. Княгинѣ Софьѣ, и приказываю свои „снохи по грамотѣ своего Господина Княжѣ Володимеровѣ Ондреевича, „чтобы Господинъ мой К. В. пожаловалъ печаловался моими снохами, что„бы были не обидны. А благословляю своего Господина Вел. Князя по „своемъ животѣ селомъ Коломенскимъ съ деревнями; а внука своего бла„гословляю К. Василья Ярославича селы . . . А сноху свою Княгиню Се„менову Василису благословляю по Грамотѣ Князя своего, Володимеровѣ „Ондреевича, что былъ тѣмъ благословилъ по своемъ животѣ сына Кня„зя Семена . . . А сноху свою Княгиню Васильеву Ульяну благословляю „селы . . . А внуку свою благословляю Княгиню Марью Иванову се„ломъ . . . да въ городѣ мѣстомъ подъ дворомъ подъ старымъ на Подолѣ, „гдѣ были Владычни хоромы, до ее живота, а по животѣ внуку моему „Князю Василью . . . А благословляю свои снохи и своего внука К. Ва„силья Ярославича монастыремъ Рожествомъ Св. Богородицы; а дала есь„ми тому монастырю, гдѣ ми самой лечи село съ деревнями . . . А что „мой долгъ, что есьми займовала, а платила за своего внука отчину за „Князя за Василья 300 рублевъ безъ 20, а за Лужу 500 рублевъ, и Ос„подинъ мой К. В. вотчину мою Лужу взялъ, а далъ внуку моему, а „долгъ мой ялся заплатити, и внукъ мой Князь Василей свой долгъ „300 рублевъ заплатилъ безъ 20, а Лужевского заплатилъ сто руб„левъ, а за нимъ ся остало четыре ста рублевъ; и Осподинъ мой „К. В. Вас. Васильевичь пожаловалъ бы взялъ то серебро на моемъ „внукѣ на Князѣ на Васильѣ, да далъ бы то серебро снохамъ моимъ, „и снохи мои должникомъ заплатятъ, а съ моее души сведутъ, что„бы на меня должники мои не плакали, ни мои снохи. А приказываю

„внуку своему К. Василью Ярославичу, чтобы есть правилъ по душѣ „дѣда своего, а моего Господина, Княжѣ Володимеровѣ Ондреевича, и по „мнѣ и моихъ дѣтехъ; а снохамъ своимъ приказываю свою душу поминати „и по своемъ Князѣ, и по моей, и по моихъ дѣтехъ, правити по силѣ. „А у грамоты сидѣлъ отецъ мой Архимандритъ Ѳеофанъ духовный."

(372) *Собр. Г. Г.* 202: „А сына своего старѣйшего Ивана благословляю „своею отчиною Великимъ Княженьемъ, и даю ему третъ въ Москвѣ и съ „путьми съ моими жеребьи . . . *Володимеромъ* . . . *Переяславлемъ* . . . „*Кострома* . . . *Галичъ* съ путьми и съ солью . . . *Устюгъ* . . . землю *Вятьскую, Суздаль* . . . *Новгородъ Нижній* . . . *Муромъ* . . . *Воровескъ* . . . „и *Суходолъ* . . . да *Калугу* и съ *Олексинымъ* . . . А сына своего Юрья благословляю третью въ Москвѣ Княжею Володимеровскою, съ сыномъ своимъ съ Ондреемъ по половинамъ, а держать по годамъ; да Юрью же сыну придаю годъ въ Москвѣ Княжъ Костянтиновской Дмитреевича . . . „*Дмитровъ* . . . *Можаескъ* и съ Медынью . . . да *Серпуховъ*, да *Хотунь* . . . А сына своего Ондрея благословляю, даю ему *Углече* и съ „*Устюжною,* и съ *Рожаловымъ,* и съ *Велетовымъ*, и съ *Кистмою,* и со „всѣми тѣми, какъ было за Княземъ за Дмитреемъ за Шемякою . . . „*Бѣжицкій Верьхъ* . . . а у Москвы село *Сущевское*, и съ дворы съ городскими, а чѣмъ его благословила баба его, Вышелѣсомъ, ино то его и „есть. А сына своего Бориса благословляю въ Москвѣ годомъ Княжимъ „Ивановымъ Можайского, да въ городѣ на посадѣ дворы около Св. Егорья „каменные церкви, Марьинскіе Ѳедоровы; да даю ему *Ржеву* . . . *Волокъ* . . . *Рузу* . . . да лугъ на рѣцѣ Москвѣ *подъ Крутицею* . . . да что „ему дала Марья и дворъ свой внутри города на Москвѣ, ино то его и „есть. А сына своего Ондрея меньшого благословляю въ Москвѣ годомъ „Княжимъ Петровымъ Дмитреевича; да у Москвы село Танинское, да „Ясеневское . . . даю ему *Вологду* и съ *Кубеною* и съ *Заозерьемъ* . . . А „Княгинѣ своей даю *Ростовъ* . . . до ее живота; а Князья Ростовскіе „что вѣдали при мнѣ, ино по тому держать и при моей Княгинѣ, а Княгини моя у нихъ въ то не вступается. А возметъ Богъ мою Княгиню, „и Княгиня моя дастъ Ростовъ моему сыну Юрью, а онъ держитъ по „тому же, какъ держала его мати . . . А что ее купля городокъ Романовъ, Княжо Михайлово Дѣева, и Княжыхъ Львовыхъ дѣтей, и Княже „Давыдово Засѣкина и усть Шоксны, что собѣ купила у Князя у Семена и у Князя у Василья у Шохонскихъ: ино то ее и есть . . . Да „даю своей Княгинѣ Нерехту *съ варницами,* Напрудское (село) у города, и съ дворы съ городскими, да мельницу Ходынскую съ лугомъ съ „Ходынскимъ. . . . А что ее купля, въ томъ вольна моя Княгини: опослѣ своего живота которому своему сыну всхочетъ дати, ино тому „дастъ. А что моя тамга Московская, и язъ даю своему сыну Ивану „третъ тамги, и со всѣми пошлинами; а другую третъ Княжу Володимерову сыну моему Юрью, да Ондрею большому по-половинамъ; а третью „третъ сыну своему Борису, да Ондрею меньшому по-половинамъ; а изъ „тѣхъ изо всѣхъ трехъ третей далъ есмь своей Княгинѣ половину тамги и всѣхъ пошлинъ до ее живота; а по ее животѣ, ино отдастъ имъ

„ихъ жеребьи по сей духовной грамотѣ, какъ имъ написано. Да даю своей Княгинѣ изъ Новагорода изъ Нижняго половину пошлинъ своихъ „всѣхъ, какъ было за моею матерью за Великою Княгинею . . . А какъ „почнутъ дѣти мои жити по своимъ удѣломъ, и моя Княгини, и мой сынъ „Иванъ, и мой сынъ Юрьи, и мои дѣти пошлютъ писцевъ, да удѣлы свои „писцы ихъ опишутъ по крестному цѣлованью, да по тому письму и „обложатъ по сохамъ и по людемъ, да по тому окладу моя Княгини и „мои дѣти и въ выходъ учнутъ давати сыну моему Ивану съ своихъ „удѣловъ. А перемѣнитъ Богъ Орду, и моя Княгини и мои дѣти возмутъ „дань собѣ съ своихъ удѣловъ . . . А гдѣ есмь ни подавалъ своей Княгинѣ „волости, и тѣ волости и села *данью и судомъ* потянутъ къ моей Княгинѣ; а Волостелей своихъ и Посельскихъ, и Тiуновъ, и Ключниковъ, и „*Доводчиковъ*, судитъ моя Княгиня . . . *А кому буду давалъ своимъ „Княземъ и Бояромъ и Дѣтемъ Боярскимъ свои села въ жалованье*, или „хотя и въ куплю, ино тѣ мои села моимъ дѣтемъ; во чьемъ удѣлѣ будетъ, ино тому то и есть. А по грѣхомъ у которого у моего сына „вотчины [illegible]ойчутся, и Княгини моя уйметъ у своихъ сыновъ изъ ихъ „удѣловъ, да тому вотчину исполнитъ; а дѣти мои изъ ее воли не вымутся. А сына своего Ивана благословляю крестъ Петровъ Чудотворцовъ, да крестъ золотъ Парамшинской, да шапка, да бармы, да сердоличная коробка, да поясъ золотъ большой съ каменьемъ; а сына своего „Юрья благословляю икона Филофеевская, да крестъ золотъ, что мя „благословила моя мати Великая Княгини, да поясъ золотъ на червчатѣ „ремени. А сына своего Ондрея большого крестъ золотъ Княжь Дмитреевской меньшего съ чепочкою; а сына своего Бориса благословляю крестъ „золотъ, что мя благословила моя мати, коли есмь шолъ къ своей отчинѣ къ В. Новугороду; а сына своего Ондрея меньшого благословляю „икона золота на изумрудѣ. А приказываю свою Княгиню и своего сына „Ивана и Юрьи, и свои меньшіе дѣти, брату своему Королю Польскому „и Великому Князю Литовскому Казимиру, по докончальной нашей грамотѣ, на Бозѣ и на семъ на моемъ братѣ . . . а дѣти свои приказалъ „есмь своей Княгинѣ . . . а который сынъ мой не иметъ слушати своее „матери, на томъ не буди моего благословенья. А вы, дѣти мои, чтите „и слушайте своего брата старѣйшего Ивана въ мое мѣсто своего отца; а сынъ мой Иванъ держитъ своего брата Юрья, и свою братью „меньшую, въ братствѣ безъ обиды. А кто моихъ Бояръ иметъ служити „моей Княгинѣ, а живутъ въ удѣлѣхъ дѣтей моихъ, и тѣхъ Бояръ дѣти „мои блюдутъ съ одиного. А кто будетъ моихъ Казначеевъ, или кто „моихъ Дьяковъ прибытокъ мой отъ мене вѣдали, или Посельскихъ, или „Тiуновъ, или кто женился у тѣхъ, ино тѣ всѣ не надобны моей Княгинѣ и моимъ дѣтемъ; а кто сію мою грамоту преступитъ, ино по Евангельскому словеси: кто преслушается отца и матери, и заповѣди ихъ „не хранитъ, смертью да умретъ. А у духовные сидѣлъ отецъ мой духовный Архимандритъ Спасьскій Трифонъ, да Симоновскій Архимандритъ „Афонасій; да мои Бояре Князь Иванъ Юрьевичь, да Иванъ Ивановичь, да „Василей Ивановичь, да Өедоръ Васильевичь. А грамоту сію писалъ Дьякъ

„мой *Василей Бѣда*." — На подлинной подписано такъ: „смиренный Өео-„досій *Архіепископъ всея Русіи*." — Къ сей грамотѣ привѣшены двѣ печати, изъ коихъ одна Великаго Князя, а другая Митрополичья.

Василій написалъ и другое завѣщаніе (спр. 207), также подписанное Митрополитомъ Өеодосіемъ; оно служитъ единственно прибавленіемъ къ первому.

Въ лѣтописи объ Іонѣ: „Марта въ 31, во вторый часъ дни, во Втор-„никъ Страстныя недѣли (въ 1461 году) преставился Іона Митрополитъ „и положенъ бысть въ церкви Успенія за лѣвымъ крылосомъ противъ „Митрополитовъ Кипріяна и Фотія: Князю жь Великому сущу тогда „въ Володимерѣ; заратилъ бо ся съ Царемъ Казанскимъ" (см. выше) . . . „Тоже весны поставленъ на Митрополію Архіепискупъ Ростовскій „Өеодосій Владыками Рускими, нашея земли Московскія, Суздалскимъ Фи-„липомъ, Разанскимъ Евфросимомъ, Коломенскимъ Геронтіемъ, Сарьскимъ „Васіяномъ; а Новогородцкой Архіепискупъ Іона и Тферскій Владыка при-„слаша послы съ грамотами своими, глаголюще тако: кого восхощетъ „Господь Богъ и Пречистая Мати Его и великіи Чудотворцы, и Госпо-„динъ нашъ Князь Великій, и братія наша Епискупи Рустіи и иже съ ни-„ми освященный Соборъ, то и нашъ Митрополитъ; и подписащася вси „за единъ." — О чудесахъ Св. Іоны Митрополита см. въ *Степен. Кн.* II.

(373) Герберштеинъ въ Rer. Moscov.: Post Wolodimerum Monomach usque ad hunc Basilium Russia carebat Monarchis.

(374) Ослѣплены Василій Косой и самъ Великій Князь; отравлены Шемяка и Князь Литовскій Михаилъ, плѣнники Витовтовъ (см. выше). Вспомнимъ также, что Косой, братъ Шемякинъ, отсѣкъ руку и ногу Князю Переславскому Роману. — Чернь злодѣйствовала въ Новѣгородѣ въ 1442 году; плѣнниковъ терзали въ Опочкѣ, въ 1426 году, какъ мы описали. Въ лѣтописи: „Тое жь весны (въ 1444 году) Князь Иванъ Андрее-„вичь Можайскій поималъ Андрея Дмитреевича и жену его и сжегъ на „Мироносицы въ Можайскѣ . . . . Тогда жь" (въ 1442 году) „Колударо-„ва и Режскаго кнутомъ били;" также и Дворянъ Василія Ярославича Боровскаго въ 1462 году.

(375) „Въ городѣ въ Троцѣхъ езеро Жидовское 3 дни стояло кроваво" (въ 1430 году) . . . „Въ Смоленцѣ явился волкъ голъ, безъ шерсти, и мно-„го людей ѣлъ" (въ 1430 году). Въ Синод. *Новогород. Лѣт.* л. 152: „Тоя „же зимы, Генв. въ 3, бысть облакъ тученосенъ съ дождемъ, и паде съ „облакы пшеница и рожь и жито, на поли и на лѣсѣ, отъ града 5 верстъ „вдалѣ, отъ Волховца и Мьстѣ рѣкѣ на 15 връстъ; людье збравше, елико „кто изобрѣте, и принесоша въ градъ; людье же стекошась видѣти сіе „преславное чюдо, откуду и како бысть."

(376) Въ Синод. *Новогород. Лѣт.* No 349, л. 152: „Того же лѣта (1446) „начаша Новгородци денги хулити сребреныя, и вси люди, другъ на дру-„га смотря; и бысть межю ими голка и мятежъ и нелюбье; и Посадникъ „и Тысяцкой и весь Новгородъ уставиша 5 человѣкъ денежниковъ, и на-„чаша въ старыхъ денгахъ новіи ковати, въ ту же мѣру, на четыре поч-„кѣ таковы же, а отъ дѣла отъ гривнѣ по полуденгѣ, и бысть Христіа-

„помъ убытокъ великъ, и по волостемъ: да и сіе незабвенно будетъ въ „послѣднихъ родѣхъ . . . Того же лѣта охулиша Новогородци старыи рубли, и бысть денежникомъ прибытокъ, а рубли передѣлаша на денги, а „у денежниковъ посулы поимаша." Въ Синод. *Новогор. Лѣт.* No 347 г. 1447: „Выведе Сѣкира Посадникъ ливца и вѣсца серебряного Ѳедора Жеребца, „и напоивъ его нача сочити, на кого еси лилъ рубли? Онъ же оговори „18 человѣкъ, и по его рѣчамъ иныхъ съ мосту сметаша, иныхъ домы разграбиша, и изъ церквей вывозиша животы ихъ; а преже того по церквамъ не искивали. И еще того же Ѳеодора начаша безправдивіи Бояре „наущати говорити на многыхъ людей, прощаще ему смертію. Онъ же „протрезвився рече: на всихъ есмь лилъ и вѣсилъ съ своею братьею ливци. Тогда бѣ весь градъ въ сѣтованіи, а *голодники* и ябедники радовахуся; только бы на кого выговорилъ. И того самого смерти преда (Посадникъ), а животъ его въ церкви раздѣли и разграби. И бысть въ градѣ мятежъ великъ; и отшолѣ и самъ Сѣкира разболѣся и умре."

(377) См. *Арханг. Лѣт.* г. 6963.

(378) См. *Лѣт. Соловецк. монастыря.* Зосима пришелъ въ Соловки въ 1438 году съ Аввою Германомъ. Іона былъ Архіепископомъ Новогород. отъ 1458 до 1471 года. Первымъ Игуменомъ Соловецкимъ именуется Павелъ, вторымъ Ѳеодосій, третьимъ Іона, четвертымъ Зосима (съ 1452 года).

(379) Memor. popul. III, 531. О Торкахъ Россійскихъ мы часто упоминали въ Исторіи отъ X до XIII вѣка.

(380) См. Исторію Палеологовъ, описанную Дукою, Франзову Hist. Byzant., напечатанную въ Венеціи въ 1733 году, и Кантемирову Оттоманской Имперіи.

(381) *Никон. Лѣт.* г. 1453, стр. 266: „Вельможи Константиновы набогатѣли отъ нечистаго своего собранія, отъ слезъ и отъ крови Христіанскія." Стр. 268: „какъ конь подъ Царемъ безъ узды, такъ Царство безъ „грозы." — Стр. 273: „Цвѣтно было видѣти Вельможъ его (Константиновыхъ) полки, да противъ недруга крѣпкаго бою не держалися." Стр. 272: „У него же у Турскаго Царя противъ недруга сланится игрою „играти." Стр. 277: „Иного Христіанского Царства вольнаго" (кромѣ Русскаго) „и Закону Греческаго нѣтъ." Стр. 261: „Но убо да разумѣеши, „аще вся преждереченная Меѳодіемъ Патрьскимъ и Львомъ Премудрымъ „и знаменія о градѣ семъ совершися, то и послѣдняя не прейдутъ, но такожe совершитися имутъ; пишетъ бо: *Руский* же родъ съ преждесозданными всего Измаилта побѣдятъ и Седмохолмаго пріимутъ, и въ немъ воцарятся." Но Меѳодій въ своемъ сказаніи *о послѣднихъ вѣкахъ и народахъ* не говоритъ о Русскихъ: развѣ Левъ Премудрый въ какомъ нибудь сочиненіи, намъ неизвѣстномъ, упомянулъ о семъ пророчествѣ?

(382) Райнальд. Annal. Eccl. T. XVIII, г. 1453, No 5. Сіе громозвучное посланіе начинается такъ: Audite haec, audite omnes gentes; auribus percipite qui habitatis orbem . . . . universi quoque Reges et Principes Christocolae ac universus Domini populus cum religiosis cunctis audite. Описавъ взятіе Константинополя, Исидоръ прибавляетъ: Eorum actus et opera propriis oculis vidi, et una cum aliquibus Constant. viris, plura perpessus sum mala et pericula,

licet de manibus eorum me eripuerit Deus, ut Jonam de ventre ceti. Въ заключеніи: Licet enim in multitudine confidat (т. е. Магометъ) et feritate suorum, plures tamen sunt, qui nobiscum sunt, immo Dominus ipse omnium militiarum, pro cujus fide et religione pugnatis, ita quod centum ex vobis persequi et superare valeant mille ex illis, et mille ex vobis decem millia, и проч. — О погребеніи Исидора см. Флери Hist. Eccl. XV, 593. По кончинѣ Исидора былъ названъ Латинскимъ Патріархомъ Царяграда Кардиналъ Виссаріонъ.

(383) См. Лызлова *Скив. Ист.* I, 66, гдѣ разсказывается сказка о стрѣлахъ, которая гораздо древнѣе Эдигеевыхъ временъ.

(384) См. Нарушев. *Таврикію*, стр. 119 и 128 — Дегина кн. XVIII, 375 — Абульгази Hist. des Tat. 467 — Лызлова II, 2. Такъ называемый *Михаилъ Литовецъ* (Michal. Litv. de moribus Tartarorum) жившій въ XVI вѣкѣ, именно пишетъ: Aczkirei apud Troki natus, et hinc a divo Withowdo ad Imperium illud missus.

(385) По извѣстію Михаила Литовца (см. Нарушев. *Таврикію*, стр. 128).

(386) Нарушевичъ. Папа въ 1465 году присылалъ Антіохійскаго Патріарха Лудовика уговаривать Ази-Гирея, чтобы онъ объявилъ войну Туркамъ; а сей Ханъ отвѣтствовалъ ему, что онъ готовъ во всемъ слушаться Короля Польскаго (см. Кромера de Reb. Polon. стр. 382) — Кромеръ (стр. 339) пишетъ, что Седи-Ахметъ, около 1452 года прибѣжавъ въ Литву съ девятью сыновьями и съ Вельможами, хотѣлъ уйти оттуда въ Кіевъ, но взятый подъ стражу, умеръ въ Ковнѣ.

Разные случаи сего княженія:

Въ 1425 году „въ Новѣгородѣ погорѣ Торговая Сторона и Людинъ Ко„нецъ; преставись нареченный Владыка (Новогородскій) Ѳеодосій, Игу„менъ Троицы, его же были избрали по жребію и паки не восхотѣша . . . „Съ Ильина дни до Крещенія бысть моръ во Псковѣ и по всей волости „желѣзою; а К. Ѳедоръ Патрикіевичь, того мору убоявся, поѣха со всею „челядью на Москву Авг. въ 22, а былъ во Псковѣ годъ и 2 мѣс.; и та„мо смерти не избѣже: умре на Москвѣ. За Старымъ Коложемъ, на Ка„меннѣ озерѣ (въ Псков. области) у Васля у двора, отъ иконы Св. Бо„гоматери, изъ праваго ока, идяще кровь Сент. въ 16 день, проявляя на„хожденіе Витовта. Сент. въ 23 колоколы повѣшаху Псковичи на пер„сѣхъ ко Св. Троицѣ на новой колокольницѣ, на новой стѣнѣ."

Въ 1426 году „Сент. въ 5 день около солнца 6 явися круговъ, а кругъ „за кругъ связался, и различны бѣаху цвѣтами, овъ черменъ, овъ зеленъ, „а иный жолтъ. Преста моръ въ Новѣгородѣ. За Волокомъ бысть гладъ: „купиша кадь ворши (ржи) по 40 бѣлъ. Веснoю бысть пожаръ на Псковѣ „на Запсковьи мѣсяца Мая: погорѣло 40 дворовъ; а потомъ на посадѣ за „рвомъ, въ Трупеховѣ улицѣ Іюня въ 5 —"

Въ 1427 г. „умножи Богъ всякого обилья хлѣба во Псковѣ, по 7 зоб„ницъ ржи на полтину, а говядъ 3 яловичи на полтину. Апрѣля 9 пре„ставися Посадникъ Псковскый Микула Павловичь. Съвръшена церк. кам. „Спасъ Владыкою Евфиміемъ (въ Новѣгородѣ), и устроена бысть дивно „иконами и книгами, и свинцомъ покры. Іюня въ 9 преставись Св. Игу„менъ Кирилъ Бѣлоозерскій и положенъ въ своемъ монастыри. Нѣмцы уби-

„ша 6 Опочанъ борщниковъ на нашей земли, и посѣкше и пожгоша въ „инѣхъ мѣстѣхъ, а все на миру. Псковичи, ѣхавше въ 2 насадѣхъ, пожгоша „сѣно у Нѣмцевъ, и Чюди 7 человѣкъ повѣсиша у Выбодска. Псковичи „послаша къ В. Князю Посадника Өеодора Шибалкиничь, и испросиша со-„бѣ Князя Александра Өедоровичь Ростовского; онъ же присла прежъ се-„бе сына своего, Дмитрія. Дмитрій же пребысть во Псковѣ и до полу-„зимѣ, и не дождавъ отца отъѣха на Москву.“ Въ 1428 году „престави-„ся Посадникъ Псковскый Өеодоръ Шибалкиничь Генв. въ 10 день. Февр. „въ 29 Котелно городъ выгорѣлъ весь, а загорѣлося отъ церкви Св. Ни-„колы. Преставись Игуменъ Никонъ, чудный старецъ. Псковичи подтвер-„диша миръ съ Местеромъ и съ Юрьевци, а безъ Новагорода.“

Въ 1429 году „преставись (въ Новѣгородѣ) Владыка Евфимій Ноября „въ 1, а былъ Владыкою 5 лѣтъ и 5 недѣль, а Чернцемъ на сѣнехъ годъ „и 2 недѣли. Того жъ мѣсяца въ 13 възведенъ бысть по жребію Священ-„ноиновъ Евфимій съ Лисичей горки на сѣни. Падеся (въ Новѣгородѣ) цер-„ковь Св. Отець на Княжи дворѣ. Псковичи послаша Микифора Совкина, „Карпа Зобанова и Аөанасья Терентьевичь къ Князю Вел. . . . и испро-„сиша собѣ К. Александра Өедоровичь и пріѣха въ Псковъ съ сыномъ Дмит-„ріемъ Февр. въ 20, уже въ третіе; а тогда бяше ржи на полтыну 9 „зобниць. Князь Псковскый Александръ и Посадникъ Селивестръ заложи-„ша новый городъ на новомъ мѣстѣ на рѣкѣ надъ Ругодивомъ, и начаша „дѣлати на Воздвиженіе и до зимы здѣлаша. Псковичи на торгѣ и на Че-„рехѣ намостиша мостъ новой. Сент. въ 15 бысть буря во Псковѣ по „3 дни.

Въ 1430 году „поставиша (въ Новѣгородѣ) церковь кам. Св. Отець „вмѣсто падшей. Новогородци приставили къ Порхову другую стѣну. „Пригонъ былъ Христіаномъ къ Новугороду городъ ставити, а покруча-„ли (наряжали) отъ четырехъ пятаго. Той же осени вода бысть мала, „и земля и лѣсы гораху, и дымъ многъ, и съ того дыму мряху рыбы и „птицы, а рыбы дымомъ воняша и по два года. Тогда Псковичемъ съ Но-„вогородци не бяше миру, ни рати. К. Александръ Өедоровичь и Юрьи „Посадникъ Тимоөеевичь и вси Посадники Псковскые заложили городъ „новый, Выборъ тако нарицаемый, въ Котеленскомъ обрубѣ, а заложиша „стѣну на Воздвиженье.“

Въ 1431 году „на весну Князь Псковскый Александръ Ростовскый и „Посадникъ Якимъ Павловичь и Өеодосій Өеофиловичь и Стефанъ наяша „300 человѣкъ, и заложиша городъ на берегѣ, на рѣкѣ на Гдовѣ на пятой „недѣли по Великѣ дни, а на Гдовскыхъ земцахъ, у кого тамо отчина, взяша „300 рублей въ камену стѣну; а одиного лѣта доспѣша съ приступа; а по „инымъ сторонамъ и деревяну стѣну окончаша Ноября въ 1. Іюля въ 24, „въ 5 часъ нощи, бысть знаменіе въ лунѣ въ полнощи. Послаша Псскови-„чи въ Новгородъ Ивана Посадника Сидоровичь и Селивестра Посадникъ „и Бояръ, и биша чоломъ Владыцѣ Евфимію и всему Новугороду о миру; „они же миру не даша, а рати не учиниша. Того жъ лѣта знаменіе на „небеси, три столпы огненны, и засуха была, земля и болота горѣли, и

„мгла 6 недѣль; солнца люди не видали, рыбы съ дыму мерли; а что скотъ
„и птица, все дымомъ слышали.“

Въ 1432 году „бысть знаменіе въ лунѣ, Генв. 5, въ 7 часъ нощи, и Генв.
„въ 17. Здѣлаша Псковичи прясло стѣны отъ Великіе рѣки у Сысоевыхъ
„воротъ; а того же лѣта ѣхаша на съѣздъ на Полочьскый рубежъ, и не
„учиниша ничто же. Мая въ 3 бысть (во Псковѣ) туча грозна . . . а на
„Снетной горѣ въ монастыри пояху старця вечерню, и церковь исполн-
„нися пламени, а Черньци падоша отъ страха, а иконы позлащенныя вси
„потемнѣша. Послаша Псковичи къ Новугороду 3 Посадника, Юрья и
„Селиверстра и Якима, о миру, и Новгородци миру не даша, а рати не
„учиниша. Владыка (Новогородскій) Евфимій постави церковь древяну
„Св. Апостолъ конець Чюдинцевѣ улици. Той осени пріѣха въ Новгородъ
„К. Юрьи Семеновичь съ своею Княгинею изъ Литовской земли; той же
„осени погорѣ околотокъ весь и Владычнь дворъ (и на Св. Софіи кровля
„погорѣ, а болшій верхъ позлащеный ублюде Богъ); заложиша церк. кам.
„Св. Юріа на Борковѣ улицѣ. Княземъ Литовскымъ бысть (Дек. 8) брань
„веліа между собою, Князю Жидимонту съ Княземъ Свитригайломъ, о
„Великомъ Княженіи . . . и одолѣ Жидимонтъ, а Свитригайло побѣже къ
„Полоцку.“ — Въ 1433 году „Генв. 6 бысть знаменіе въ лунѣ, въ 7 часъ
„нощи, а мѣс. Іуня въ 14 отъ грому много людей и коней поби (въ Пско-
„вѣ) и за рѣкою противу Снетной горѣ дворъ сожже, а другій противъ
„Старого Вознесенія. Іюля въ 17 бысть знаменіе въ солнцѣ, а 29 въ лунѣ;
„тогда Нѣмецкый городъ Колывань выгорѣ весь отъ молніа. Іюля въ 3,
„въ Пятокъ, отъ молніа загорѣся два костра, единъ кутнѣй въ Крому,
„а другой на персехъ отъ Великой рѣки, а въ церкви у Св. Троицы По-
„па ожже въ обѣдню . . . а за рѣкою въ монастыри Св. Іоанна наполнися
„церковь пламени, и на иконахъ потемнѣло злато, и Попове со кресты
„по граду ходяще . . . Петровскія сусѣди (во Псковѣ) разбиша костеръ
„старый у Св. Петра и Павла, и въ томъ камени създаша церковь Св.
„Бориса и Глѣба, и начаша разбивати всю стѣну старую къ Великой
„рѣкѣ. Бысть побоище межю Кн. Жидимунтомъ и Свитригайломъ . . .
„и не учиниша ничто же. Въ веснѣ загорѣся (въ Новѣгородѣ) на Яневѣ
„улици, и погорѣ Загородскый Конець и Людинъ до Лукины улицы; свер-
„шиша Борковци церк. кам. Св. Георгія; нареченный Владыка Евфимій по-
„стави въ дворѣ у себе полату камену, а дверей у нее 30, а Мастеры
„дѣлали Нѣмецкіи изъ заморья съ Новогородскыми мастеры.“

Въ 1434 году „Псковичи послаша къ Новугороду Ивана Посадника Си-
„доровичь, и Якима Посадника Павловичь, и Бояръ, и много бивше чо-
„ломъ, а миру не взяша. Тоя же зимы К. Александръ поѣха изъ Пскова
„съ всею челядью своею на Москву Февр. 28, а былъ въ Псковѣ прияж-
„ды, всего 12 годовъ, а въ тотъ же день пріѣха изъ Литвы во Псковъ
„зять его, Князь Володимеръ Данильевичь, а былъ въ Литвѣ 10 лѣтъ, и
„Псковичи пріяша его честно. Того жь лѣта бысть хлѣбъ дорогъ вель-
„ми въ Нѣмецкой земли, а во Псковѣ ржи на полтину 13 зобници“ (въ
другомъ спискѣ: *по девяти денегъ зобница ржи*). „Свершиша церк. кам.
„Спасъ Милостивый на торгу (во Псковѣ) Іюля въ 23. Псковичи посла-

„ша къ Новугороду Селивестра Посадника и Онофрака Ходыновичь и „Боаръ, и взяша миръ; а отъ Новагорода цѣловалъ крестъ Самсонъ По„садникъ Ивановичь, а Тысяцкой Өедоръ Елисеевичь, Іюля въ 29, а Псковичи цѣловаша крестъ предъ послы Новгородскими. Той же веснѣ под„писана полата во Владычни дворъ (въ Новѣгородѣ). Пріѣха въ Новго„родъ Владыка Евфимій, поставленъ Митрополитомъ Герасимомъ Смолень„скымъ Маія въ 26. Поставиша церк. кам, въ Околотнѣ Іоанна Златоуст. „на старой основѣ Посадникъ Григорій Кирилловичь и Есифъ Андріяно„вичь (въ Новѣгородѣ), Горошковъ внукъ."

Въ 1435 году „пріѣха во Псковъ Архіепископъ Новог. Евфимій Генв. въ „13, а не въ свое лѣто реченое, и хотѣ своего Новгородца Намѣстника „и Печатника посадити, а не якоже перв̂іи Владыки уставиша, и Псковичя не даша ему тоя воля; онъ разгнѣвався поѣха изо Пскова, и К. „Володимеръ и Посадникъ Селивестръ и Өедосъ возвратиша его изъ Не„вадичей и даша ему судъ и на Попѣхъ подъѣздъ, и Посадники ему пове„лѣша сбоpовати въ Св. Троици; онъ же не хотѣ сборовати до Митро„полита, и разгнѣвався и поѣха изо Пскова Генв. въ 30." (Въ другомъ спискѣ: „и училъ Намѣстникъ его судити не по Псковской пошлинѣ, „училъ посужати рукописанья и рядницы, и учали Діаконовъ сажати въ „гридницу; а Псковичи за оброкъ не стояли, но по Діаволю наученью „сталъ бой Псковичамъ съ Софеяны, и Владыка разгнѣвался.") Того же „лѣта въ Петрово говѣніе морозъ побилъ рожь (въ Псковской области). „Князь Свитригайло, собравъ Смольняны и Видьбляны, и Кіяны, и Поло„чаны, и Князя Местера Ризьского съ силами и заморцовъ, пойде на Жи„димонта, а онъ съ Литвою и съ Ляхи, и съступишась въ Житойтьской „земли Септ. въ 1, и одолѣ Жидимонтъ, и Местера Рижского убиша; а „Свитригайло прибѣже въ Полотьско съ 30 мужь. Наяли Псковичи най„митовъ [illegible] на Псковѣ рѣкѣ, а запасъ дѣлаки наймитовъ, а „[illegible] (сено?) [illegible] Псковская, а даваху имъ найма 70 ру„блевъ, а наймитовъ было [illegible]"

Въ 1436 году: „тоя же зимы пріѣха во Псковъ К. Борисъ Васильевичь, „и Псковичи пріяша его, чаяхуть его пріѣхавша отъ В. Князя Намѣст„никомъ, и послаша къ В. Князю Князя Ларіонова и Тимоѳея Попкина, и „съ ними К. Володимера . . . и дасть имъ отъ себе Намѣстникомъ К. „Володимера Даниловичь, а К. Бориса выпроводиша изо Пскова, а онъ „пролгался. Тоя же зимы Новгородци воеваша Луки Великіи и Ржову „(Новоржевъ), и они не хотѣша дани давати." Новог. Лѣт. въ 1435 году сказываетъ о томъ слѣдующее: „Посадники Новгородскіи, Иванъ Васильевичь да Григорей Кириловичь, да Тысяцкій Өедоръ Елисеевичь, Есипъ „Васильевичь, Онанья Семеновичь, Остафей Есиповичь, а съ Рушаны Өе„доръ Остафьевичь, Михайло Буйносовъ и Порховичи идоша треми путь„ми и казниша Ржевичь, и села пожгоша по Ржевѣ по Плесковскый ру„бежъ и на Бардовѣ." Новоржевъ и Великія Луки оставались спорнымъ владѣніемъ между Литвою и Новымгородомъ. Далѣе: „Тоя весны Псковичи „пріяша гостей Нѣмецкихъ товаръ, а самыхъ Нѣмець въ погребъ всадиша, „24 Нѣмчина: зане же они на крестномъ цѣлованіи Псковичей мьнаша,

„а иныхъ избитія. За двѣ недѣли по Великѣ дни пріѣха во Псковъ изъ „Литвы К. Иванъ Андреевичь, внукъ Олгердовъ, а въ своемъ безвременіи, „и Псковичи даша ему 100 зобницъ ржи, да 100 овса, да 10 рублевъ на „кормлю" (въ другомъ спискѣ: „хлѣбомъ и воложею, и медомъ и починкомъ „почиташа) и пребысть въ Псковѣ до Рожества. Владыка Новогород. Ев-„фимій заложилъ паки и свершили церк. Іоанна Златоуст. на воротѣхъ, а „надъ полатою у себе часы звонячіи устрои, и заложи церк. кам. Св. „Николы на Вежищахъ. Той же осени мразъ обиліе погуби въ жатву въ „всей Новгород. области, и много изыдоша въ Нѣмци. Вода бысть велика, „и ледомъ вержею выломи у Великого мосту 7 городенъ, и Жилотужь-„скый мостъ вынесе."

Въ 1437 году „въ веснѣ подписанъ бысть Иванъ Златоустъ въ Владыч-„нѣ дворѣ на воротѣхъ. Той же весны вода подмывала у дѣтинца города, „и оползе валъ отъ стѣны, и падеся стѣна каменна и колокольница отъ „Волхова. Владыка Евфимій благослови крестомъ на Вѣчѣ въ ризахъ По-„садниковъ и Тысяцкихъ и весь Вел. Новгородъ въ Недѣлю, и поѣха на „Москву къ Митрополиту Исидору Іуля въ 7. Паде церковь Николы „на Вежищахъ, и Владыка Евфимій заложи церк. кам. Св. Петра Митро-„полита Руського на воротѣхъ у себе на дворѣ, а старую порушавъ. Того жь лѣта (въ Новѣгородѣ) мостъ Вел. свершиша. Сент. 15 преста-„вися Евпраксія Княгини, и погребе ея Исидоръ Митрополитъ" (см. вы-ше, примѣч. 371). „Окт. 9 пріиде въ Новгородъ съ Москвы Митропо-„литъ Исидоръ. Тое же осени родися Великому Князю сынъ Князь Юрьи „Большой."

Въ 1438 году „въ веснѣ пріѣха въ Новгородъ К. Юрьи Семеновичь Мар-„та въ 3, и посадиша его на пригородѣхъ. Св. Николу на Вежищахъ на ста-„рой основѣ. Подписана бысть во Псковѣ церк. кам. Св. Аѳанасія въ „Довмонтовѣ стѣнѣ, а Св. Спасъ у Старого костра. Тое жь весны въ „Субботу Вербную погорѣ городъ Коломна; загорѣся въ вечерню, а о за-„ходѣ солнца преста."

Въ 1439 году „постави Архіеп. Новогород. Евфимій *ключницу* хлѣбную „камену, омаза известью Св. Софію всю, и постави колоколницу кам. на „старомъ мѣстѣ на городѣ, идѣ же падеся. Того же лѣта *обрѣтено бысть* „*тѣло Архіепископа Іоанна, при коемъ были Суздальцы подъ Новымго-*„*родомъ*" (во время Андрея Боголюбскаго). Архіепископъ Евфимій „*по-*„*злати гробъ Князя Владимира, внука Великого Володимера, и подписа* „*и покровъ положи, и память ему устави творити на всякое лѣто.* „*Окт. въ 4.* Пріѣха въ Псковъ К. Александръ Ивановичь, правнукъ Ол-„гердовъ, съ Твери, и Псковичи посадиша его на Княженіи" (вѣроятно съ дозволенія Великокняжескаго) „а К. Володимера Даниловичь выгнаша. „Городъ Устюгъ заложили около Св. Покрова и монастыря."

Въ 1440 году „погорѣ Полонскъ весь. Постави Владыка Новог. Евфи-„мій церк. кам. Св. Настасія и комнату кам. меншую. Въ Вороначи бысть „знаменіе Авг. въ 7 день, отъ иконы Св. Николы изъ суха дерева истече „кровь изъ лѣваго уха, и Священники привезоша икону въ Псковъ, а Ге-„ласій Архимандритъ и Священники срѣтоша со кресты. Городъ Опочка

„выгорѣ весь Сент. 5, а загорѣся отъ церкви Св. Спаса, и тоя осени по-„ставиша новый, а ѣздилъ туда Посадникъ Псковскый Тимоѳей.“

Въ 1441 году „преставися Князь Юрьи Васильевичь болшой, сынъ Вел. „Князя, а другій Юрьи Васильевичь родился Генв. въ 22. Двиняне прихо-„дили ратью подъ Устюгъ, и стояли единъ день, и прочь пошли. Тое же „осени пожаръ бысть на Москвѣ.“

Въ 1442 году „зима люта бысть зѣло, и много скотомъ и человѣкомъ „зла сотворися. Тое же весны громы велики и вихри, и бысть страхъ „на человѣцѣхъ. Бысть жито дорого. Владыка Новогород. Евфимій по-„стави церк. Преображеніе въ Русѣ на старой основѣ, а пособници бы-„ша Новгородци и Рушани. Тоя же зимы въ Псковѣ бысть моръ великъ „зѣло, и аще кому явится железа, вскорѣ умираше; а почало мерети 5 „Дек., и втраху все лѣто; а почало изъ заулка и съ Пустынекъ отъ кам. „церкви; и К. Александръ Ивановичъ и Посадники 3, Юрьи Тимоѳеевичь, „и Архимандритъ Григорій и Попове 3 Збора подумавше съ Псковичи, „поставиша церковь въ единъ день на Романихѣ Похвалу Св. Богородицы, „въ Петрово говѣніе въ Среду на память Дороѳея; и въ тотъ день и „Литургію свершиша; поставиша и другую церк. Св. Спасъ въ Микитъ-„евѣ монастыри; и того же лѣта К. Александръ преставися въ Черничь-„ствѣ; а преста моръ на Дмитровъ день, а по селомъ мерли и до Кре-„щенія.“

Въ 1443 году „постави Новог. Владыка Евфимій духовницю камену и „сторожницю; поставиша церк. кам. Св. Николу на Кречевѣ, близъ Русѣ. „Поставлены (во Псковѣ) двѣ церкви на Завеличіи, Успеніе, и священа „Окт. 26, а другая Богоявленіе на Запсковьи въ Бродѣхъ, священа Ноя-„бря 1.“

Въ 1445 году „постави Новог. Владыка Евфимій теплую церк. кам. Св. „Евфимія въ сѣнехъ. Сотворися знаменіе въ Суздалѣ въ Соборной церкви „Богоматери при Епископѣ Авраміи: начаша напрасно Святительскыя „гробы внутри горѣти и падати, а назавтріе, въ праздникъ Преполовле-„нія, падеся и сама церковь Сборная.“

Въ 1446 году „родися Великому Князю на Угличѣ сынъ Андрей Авг. „въ 13“ (по другимъ спискамъ 14). „Въ Новѣгородѣ хлѣбъ бяше дорогъ, „коробья ржи по полтинѣ; постави Владыка Евфимій церк. кам. Св. Вар-„лаама на Хутинѣ, а наверху колоколницу, и заложи монастырь Св. Ге-„оргія въ Городкѣ, и стѣну камену понови и подписа, идѣ же отпало, и „покры ю чешуею; а все то сдѣлано въ 4 мѣс. Поставиша (во Пско-„вѣ) церк. кам. на погребѣ въ Снетогорскомъ дворѣ Іоанна Богослова. „Поставиша Княжанци (въ Новѣгородѣ) церк. кам. Св. Мироносицъ на „старой основѣ; а въ Русѣ церк. Св. Димитрія кам.— Авг. въ 7 день Вла-„дыка Новог. Евфимій благослови своихъ дѣтей Посадниковъ и весь Нов-„городъ, и поѣха за Волокъ благословити Новогородскую отчину и сво-„ихъ дѣтей.„

Въ 1447 году „Генв. 23 пріѣха Владыка Евфимій изъ Заволочья въ Нов-„городъ; того же мѣс. въ 30 свяща церковь Соборомъ теплую Св. Ев-„фимія.“

Въ 1448 году „моръ бысть силенъ на люди и на кони на Москвѣ. Генв. „14 пріѣхалъ во Псковъ изъ Новагорода К. Суздальскый, Василей Васильевичь *Гребенка*, и посадиша его на Княженіи во Св. Троици, и даша ему „всю пошлину Княжью, и цѣлова крестъ ко Псковичемъ по всей Псковской пошлинѣ. Пріѣха во Псковъ Владыка Евфимій Дек. 27, а при Князи Васильи Васильевичи Гребенки, при Посад. Степенномъ Өедорѣ Патрикѣевичь, и срѣтоша его противъ дальняго Пантелеймона, и на 3 день „учини Соборъ въ дому Св. Троицѣ, и Сенедикть чтоша, злыя прокляша, „которіи хотятъ дому Св. Троицы и Св. Софіи зла, а благовѣрн. Княземъ, тамъ лежащимъ, пѣша вѣчную память и инѣмъ добрымъ людемъ, „иже кровь свою проліяша за домъ Божій, а живымъ въ дому Св. Троицы и Св. Софіи пѣша много лѣтъ."

Въ 1449 году „погорѣ весь Псковъ Окт. 22, а загорѣлося отъ Хытри „кожевника, отъ Бурковѣ лавицы, отъ Кушнего костра, и горѣло полторѣ ночи да день, а дѣтинца ублюде Богъ. Родися Іуля мѣс. сынъ Великому Князю Борисъ."

Въ 1450 году „постави Владыка Евфимій (въ Новѣгородѣ) часозвонь. „Володимеръ Григорьевичь Ховринъ Казначей поставилъ церк. кам. на „Москвѣ на своемъ дворѣ Воздвиженіе на мѣстѣ первыя каменныя же, что „роспалася въ пожаръ по Суздальщинѣ. Митрополитъ Іона заложилъ на „своемъ дворѣ полату камену, въ ней же церковь Ризъ Положеніе. Авг. въ „5 бысть туча велика на Москвѣ и громъ прорази церковь Соборн. Архангл. Михаила. Авг. въ 13 буря сломи крестъ съ тоя же церкви."

Въ 1451 году „поставлена стѣна новая (во Псковѣ) на Крому въ охабни" (въ другомъ спискѣ: *у персей отъ Великыхъ воротъ*) „и учиниша въ „ней 5 потребовъ отъ Псковы межи воротъ. Былъ Князь Семенъ Алешковичь (Олельковичь Кіевскій) у своей бабы, Вел. Княгини Софіи, и у „Вел. Князя Василія, *дяди* своего:" ибо Олелько былъ женатъ на сестрѣ Васильевой и дочери Софіиной. О семъ бракѣ упоминается въ письмѣ Ливонскаго Магистра къ Вел. Магистру Прусскому 1417 года: Des Koniges Tochter von Moskaw, Herzog Witoutis Tochtir-Tochtir, sol czu Manne nemen Knese Olleneke, Wolledimers Son, eyn Russischen Herzogen, und dye Hochzeit solde syn des negesten Sontages vor Bartholomei (см. между моими Кенигсбергскими бумагами No 570).

Въ 1452 году „Іюня въ 4 женилъ Князь Великій сына своего, Вел. Князя Ивана, у Вел. Князя Бориса Тферскаго дщерію его Маріею. Родися „Великому Князю сынъ Андрей Авг. въ 1."

Въ 1453 году „Пріѣха Новог. Владыка Евфимій во Псковъ Генв. въ 5, „и соборова на 3 день во Св. Троицы; а въ тую зиму не бысть снѣга „на земли: гола бысть зима. Биша челомъ Попове невкупніи Князю Василью и Посадн. Степенному Юрью Тимоѳеевичь, и всему *Господину* „*Пскову*, чтобы быть четвертому Собору во Псковѣ . . . и благослови „Владыка Поповъ невкупныхъ четвертый Соборъ држати вседенную „службу у Св. Спаса Всемилостиваго на торгу, и у Св. Дмитріа у Домантовы стѣны. Тогда Владыка Евф. взя Ремду Ремедскую въ свою „Владычкину . . . и проводиша Владыку до Торошины, до Св. Ильи. То

„То жъ лѣта мразъ много жита побилъ. Здѣлаша Псковичи прясло стѣ„ны у Лужскихъ воротъ. Апрѣля 9 выгорѣ Москва Кремль весь. Дек. 14 „бысть пожаръ во градѣ Псковѣ; загорѣлось отъ Болобина Конца, отъ „Прокопьева двора Владычни Намѣстника, и погорѣло 4 части града, и „силосью Св. Троицы преметаше отъ Плотскихъ воротъ къ Св. Спасу „по старую стѣну къ костру, а отъ старого костра ко Врановѣ улици, „да къ Глухому костру; а горѣло нощь да день."

Въ 1454 году „поставиша (въ Новѣгородѣ) церк. кам. на старой осно„вѣ Св. Михаила на Михайловѣ улици. Пріѣха во Псковъ Митрополитъ „Цареградскый Игнатей на 6 недѣли въ Суб. по Велицѣ дни, и поѣхалъ „изо Пскова одаренъ въ Вел. Новгородъ Іюля 1. Марта въ 29 преставися „Архіепископъ Ростовскій Ефремъ. Того же лѣта поставленъ бысть „Ростову Архіеп. Митрополитомъ Іоною Ѳеодосій Бывальцевъ, бывый „Архимандритъ у Арханг. Михаила у Чюда. Авг. въ 31 бысть громъ „страшенъ на Москвѣ и прорази церк. кам. Рожество Богоматери, иже „имать придѣлану къ ней церк. Лазарь Св. Того же лѣта дождь бысть „умноженъ и ржей не сѣяли."

Въ 1455 году „Князь Вас. Васильевичь Гребенка выѣха изо Пскова въ „Новгородъ Іюля въ 15, и Псковичи били челомъ, чтобы осѣлся, и не „послуша, и проводиша его честно до Череского мосту. Того же лѣта „много дождя бысть, а хлѣба Богъ умнози. Бысть знаменіе отъ иконы „Богоматери въ селѣ во Враковицахъ, изъ праваго ока слезы шли, и про„водиля ю во Псковъ Авг. въ 24. Псковичи послаша Стефана Посадника „Аристовичь, а съ нимъ Бояръ, бити челомъ Князю Александру Черно„ризскому въ Русу о Княженіи. Постави Владыка Евфимій колоколницю „каменну (въ Новѣгородѣ). Св. Илью въ Славнѣ на старой основѣ."

Въ 1456 году „Генв. пріидо изъ Смоленска на Москву Владыка Миса„илъ со многими мѣстичи" (гражданами) „бити челомъ Великому Князю, „чтобы пожаловалъ отпустилъ икону Богоматери, ея же плѣномъ взялъ „Юрга. Князь же Великій, помысливъ съ Митрополитомъ и съ Бояры, „сотворяетъ празднество на отпущеніе и призываетъ Іону Митроп. и „весь Священ. Соборъ въ церковь Благовѣщенія на свой дворъ: понеже бо „тамо стояше икона на поклонѣ, на деснѣй странѣ отъ дверей Цар„скихъ — и совершиша молебная и Литургію; и приходитъ К. В. ко „образу, и Митрополитъ, и Вел. Княгиня Марія, и сынове ихъ, Иванъ и „Юрьи, Андрей и Борисъ, и Андрей менщій принесенъ на рукахъ, и зна„менашася вси. Князь же Великій многи слезы изліявъ, и Митрополитъ, „и взимаютъ икону изъ кіота и вручаютъ Епископу Смол. Мисаилу, „еще же и ины иконы многи менши, златомъ и каменіемъ и жемчюгомъ „украшены того же плѣна, и не проситу Епископу, изъ нихъ же Митр. „Іона едину вземъ Богоматерь съ младенцемъ, рече: о Епископе, брате и „сыну! сей образъ, на воспоминаніе сего дни, остави Господину Велико„му Князю и Княгини и чадомъ его . . . и Епископа призвавъ, и обою, въ „рукахъ вземше, и знаменаютъ ею Вел. Князя и Княгиню и чадъ ихъ, и „выдаютъ въ руцѣ Великому Князю . . . и облобыза сію икону со сле„зами . . . и поидоша, несуще Богоматерь и ту икону, яже оставлена

„Великому Князю на благословеніе . . . и Князи и Бояре; бѣ бо тогда ж „множество воинства на Москвѣ. Проводи же В. К. Богоматерь Смоленскую, и съ чады своими, до Благовѣщенія на Дорогомиловѣ, два поприща „за градъ, и возвратися за тою иконою, юже оставиша у него, и молебная совершаху, и пришедъ въ церковь Благовѣщенія, поставити ея повелѣ, идѣ же стояла икона, ея же отпустилъ, и повелѣ ину въ тоя „мѣсто писати, снемъ мѣру съ нея и образъ назнаменова; а предъ тою, „иже оставлена, повелѣ на всякъ день молебенъ пѣти. Бысть же сіе „Генв. въ 18, въ Недѣлю. Въ Вел. Новѣгородѣ знаменіе бысть отъ грома „мѣс. Іуня и отъ молніи страшныя: много людей поби и коней. Пріѣхалъ „Кн. Александръ Васильевичь Черторизскый изъ Новагорода во Псковъ „Іуля 18, и посадиша его на Княженіе. Бысть осень вся мокра, и рѣкы „воды наполнишась акы веснѣ. Мостъ намостиша Псковичи великъ чрезъ „рѣку Пскову, а даша мастеромъ 80 рублевъ."

Въ 1457 году „пріѣхалъ во Псковъ Новог. Владыка Евфимій Генв. 4, и „въ той день и Литургію сверши у Св. Троицы, и Сенедикитъ чтоша, и „подъѣздъ (пошлину) вземъ, и выѣха изо Пскова Генв. 27. Погорѣ градъ „Муромъ, Кремль весь, Септ. въ 29. Окт. въ 20 въ 9 часъ нощи загорѣся „на Москвѣ внутри города близъ Володимеровы церкви Ховрина и погорѣ до третіе части града. Погорѣ все Запсковіе отъ Богоявленія и до „монастыря Воскресенія и Св. Козмы и Даміана згорѣ; а загорѣлося отъ „Якова отъ Желѣзова съ Мощеной улицы, Окт. 3, въ полнощь; тогда и „Крому было притужно."

Въ 1458 году „Февр. 15, въ Среду на Ѳеодоровѣ недѣли, егда начаша „часы пѣти, родися Великому Князю Ивану Васильевичу сынъ Иванъ. „Поставиша (въ Новѣгородѣ) церк. кам. Богородицу въ торгу на старой „основѣ, а старую церковь порушивъ, и свяща Владыка. Марта 10 преставися Новог. Владыка Евфимій. Создана на Москвѣ церк. кам. Введеніе на Симоновскомъ подворьѣ у Никольскихъ воротъ. Прибавиша Псковичи зобницы. Отъ грому згорѣ Св. Воскресеніе на Полоници (во Псковѣ), а иконы и книгы выносили; тогда же и кам. церк. поставиша на „томъ мѣстѣ. Псковичи наддѣлаша на старую стѣну новую вязыше на „Крому отъ захабня до Кутнего костра, а даша мастеромъ 150 рублевъ."

Въ 1459 году „мѣс. Февраля поставленъ бысть на Архіепископію Новугороду Великому Священноинокъ Іона Митрополитомъ Іоною."

Въ 1460 году „Генв. 22, о свадьбахъ, бысть пожаръ во Псковѣ; загорѣлося на Усохѣ отъ Ѳеодоса отъ Гоболя отъ мясника, и перелеташе „отъ торгу отъ Св. Спаса возлѣ Торговскый и Боловинскый Конець до „Св. Георгія и до Куклинѣ лавици и до стѣнѣ по конецъ Враговкѣ улици, а выгорѣло 3 конца, Опоцкей, Городецкей, Острой, и лавици и „Княжей дворъ по самъ торгъ. Того же лѣта въ Вельи въ монастыри „Св. Спаса внутрь церкви отъ грому попалѣло и пономаря зашибло. Іюня „въ 13, въ 6 часъ дни, съ западныя страны бысть туча страшна на Москвѣ . . . и Богъ услыша моленіе рабъ своихъ, и туча пребѣже чрезъ „градъ, и бысть тишина . . . назаутріе по вечерни, уже въ 15 часу „взыде паки туча съ полуденныя страны . . . земля и храмы яко пла-

„мень видяхуся опь молнiи, и буря многи церкви кам. поколеба, храмы „же ободра и верхи смета, а градные забрала разнесе, и по селомъ мно-„гiе церкви изъ основанiя взимая, далече опнесе, а лѣсы и раменье и ду-„бы изъ коренья исторже . . . но человѣки нигдѣ не вредило. Iюня въ „18, въ Пяшокъ, во 2 часъ дни нача гибнуши солнце, и бысть яко пяпи „дней мѣсяць; а въ пяпый часъ бысть полно; а шого же мѣсяца въ нощи „и мѣсяць гибль. Поставлена на Москвѣ церк. кам. Богоявленiя Игуме-„номъ Троицкимъ Сергiева монастыря."

Въ 1461 году, зимою „у Св. Спаса на Хутынѣ (въ Новѣгородѣ) у гро-„ба Варлаамьева исцѣлѣ Опрокъ Княжь Григорей, а яко мершвъ лежаше. „Мѣсяца Дек. погибе мѣсяць нощiю. Князь Великiй *поставилъ* на Москвѣ „*церковь камену, Рожество Iоанна Предтечи, у вратъ Боровицкихъ; а „преже бѣ древяная: глаголютъ же, яко та первая церковь на Москвѣ: „на томъ-де мѣстѣ боръ былъ, и та церковь въ томъ лѣсу срублена; „таже-де тогда и Соборная церковь была при Петрѣ Митрополитѣ, „и дворъ Митрополичь тутъ же былъ, гдѣ нынѣ дворъ Княже Ивановъ „Юрьевича.*"

Въ 1462 году „поставиша во Псковѣ церк. кам. Успенiе на Мелешовѣ „и новый городокъ на обидномъ мѣстѣ, надъ Великимъ озеромъ, и нарeко-„ша его Кобылою при Посадникѣ Максимѣ Ларивоновичь, и церковь въ „немъ Св. Архистратигъ Михаилъ, а дѣлаша Псковскiя мастеры 60 че-„ловѣкъ, и взяша 90 рублевъ. На Москвѣ Генв. въ монастыри Св. Арханг. „Михаила, честн. его Чюдеси, у гроба Св. Алексiя Митроп., прощенъ „бысть Чернецъ того монастыря Наумъ, иже оть младенства имы усох-„шу ногу и на древяницы хожаше, служа въ поварни и въ пеколницы; и „пришедъ въ нощи ко образу Святаго, иже написанъ у гроба его, и нача „молиши . . . и простре нога его, и скинувъ древяницу, и отъиде здравъ. „Тоя же зимы преставись Епископъ Рязанскiй Евфросимъ Звенецъ, и по-„ставленъ бысть въ его мѣсто Давидъ, иже преже былъ Казначей Iоны „Митрополита, (Февр. въ 1."

(387) Iоаннъ Калита прославился уменьшенiемъ разбоевъ и воровства въ Московскомъ Великомъ Княженiи (см. сей *Исторiи* T. IV, примѣч. 319).

(388) См. сей *Исторiи* T. II, въ *поученiи* или въ Духовной Владимiра Мономаха — также въ описанiи временъ Донскаго, г. 1375 — выше, примѣч. 244, въ судной Двинской грамотѣ, и 365. Добродушный Александръ Невскiй и Темный рѣзали носы преступникамъ, Василiй Димитрiевичь отсѣкалъ руки и ноги, Юрiй Смоленскiй изрубилъ на части Княгиню Вяземскую, Опочане сдирали кожу съ Литовскихъ плѣнниковъ, и проч. и проч.

(389) См. на примѣръ рѣчь Изяслава II, T. II, въ описанiи 1152 года, и рѣчь Донскаго передъ битвою съ Мамаемъ.

(390) Вѣчевый колоколъ еще былъ въ Владимiрѣ и при Iоаннѣ Калитѣ (см. сей *Исторiи* T. IV примѣч. 302, выше, примѣч. 91, и въ описанiи временъ Донскаго, годъ 1375).

(391) Владиміръ Святый въ 993 году сдѣлалъ одного храбраго юношу и отца его Великими Мужами или Боярами. Въ *Русской Правдѣ* Бояринъ называется *Мужъ Княжь*. Владиміръ Мстиславичь сказалъ, что онъ переименуетъ своихъ Отроковъ въ Бояре (см. Т. II, въ описаніи 1167 года). — О городскихъ Боярахъ см. въ описаніи войска собраннаго Димитріемъ противъ Мамая въ 1380 году. Убійца Св. Бориса и Глѣба, Святополкъ, пріѣхавъ въ Вышегородъ, призналъ къ себѣ тамошнихъ Бояръ или *Боярцевъ* (см. Т. II, примѣч. 3): симъ уменшительнымъ именемъ названы они въ отношеніи къ Княжескимъ Боярамъ.

(392) См. договоры Княжескіе въ *Собр. Госуд. Грам.* и сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 324.

(393) См. Т. IV, примѣч. 38.

(394) См. Т. IV, въ описаніи 1318 года. Баскаки гнали Михаила Тверскаго, но уже доброхотствовали Василію Темному (см. выше, въ описаніи 1431 года).

(395) См. Т. IV, примѣч. 327, и выше, примѣч. 364.

(396) См. Т. IV, примѣч. 245.

(397) См. Т. IV, въ описаніи 1352 года. — Митрополитъ Платонъ нашелъ въ архивѣ Чудова монастыря собственноручную записку Св. Алексія Митрополита слѣдующаго содержанія: „Черкизово *сельцо* куплено на „мое *серебрецо*." — См. выше, примѣч. 254, подъ годами 1391 и 1400; и Т. IV, примѣч. 328.

(398) Такъ Димитрій Іоанновичь изгналъ Кипріана, а Василій Темный Исидора. Мы видѣли, что Митрополитъ въ угодность Іоанну Калитѣ наложилъ клятву на Псковитянъ, и проч.

(399) См. *Степен. Кн.* II. 84, гдѣ сказано, что Митрополитъ вмѣстѣ съ Новогородскимъ Архіепископомъ Іоною, склонивъ Василія на милость къ Новогородцамъ, предсказали ему, что Великіе Князья уже не будутъ ходить въ Орду для поклоненія Царямъ.

(400) Вотъ слова Рубруквиса по Французскому переводу: Les femmes Russiennes ornent leurs têtes, ainsi que les nôtres, et bordent leurs robes depuis le bas jusques aux genoux de bandes de vair et d'hermines; les hommes portent des manteaux comme les Allemends.

(401) На примѣръ, конь назывался у насъ *лошадью* гораздо прежде завоеваній Батыевыхъ (см. Т. II, примѣч. 198). Мономахъ въ своемъ Поученіи именуетъ хозяина *гриномъ*; въ лѣтописяхъ XII вѣка находимъ *сайгатъ* и другія слова восточныя. Татарскія слова *Кимитей, Дорогаминъ* и проч. исчезли; но остались *тамга, ямъ, карій, деньга*, и проч.

(402) См. выше, примѣч. 244. Въ *Древн. Рос. Вивліое.* I, 402: „тѣ суды „судятъ наши Намѣстники; а которыи слуги потягли къ Дворьскому, а „черныи люди къ Сотскому," и проч. Тамъ же, стр. 189: „А намъ Кня„земъ Великимъ въ судъ въ обчей не вступатись:" слѣдственно Князья обязывались исполнять приговоры общаго Боярскаго суда.

Между рукописями Императорской Библіотеки есть слѣдующая судебная грамота XV вѣка, *или запись, что тянетъ душегубствомъ къ Москвѣ:* „А на Москвѣ на посадѣ лучится душегубство за рѣкою за Мос-

„кою, ино къ тому и Даниловское; а будетъ за Яузою, ино къ тому и „Авдроньевъ монастырь и Городище; а лучится на Великой улици у Ни-„колы у Мокрово, ино къ тому отъ Острого Конца и до Варьской (Вар-„варской) улици; а лучится за Варьскою, ино къ тому и Устрѣтенская „улица и по Неглиму; а лучится за Неглимною, ино къ тому и Доро-„гомилово, все Занеглименье и Семчинское . . . . Иныи искати передъ „Большего Намѣстника Московьского; а судья за нимъ идетъ, своего при-„бытка смотритъ. А поимаютъ съ поличнымъ, ино судьи за нимъ нѣтъ; „ино судитъ и казнитъ Большей Намѣстникъ. А посулятъ Большему На-„мѣстнику, а двема Третникомъ то же." (Большимъ назывался Великаго Князя Намѣстникъ, а двумя Третниками Намѣстники его братьевъ, которые вмѣстѣ съ ними вѣдали Москву) . . . . „А Тивуну Вел. Князя у „поля *вяжщого* (за связаніе) третъ, и пересуда третъ же, да что посу-„лятъ; а у душегубства третъ же, да что посулятъ. А половщины „Намѣстникомъ 4 рубли а Тивуну Вел. Князя вяжщого третъ, и пере-„суда третъ. А у Намѣстниковъ Третниковъ пересуда идетъ съ рубля „по десяти денегъ; а меньше рубля пересуда нѣтъ. А кто учнетъ бес-„честья искать, то со всякого пересудъ . . . . . Поимаютъ опроче того „въ *леномъ*" (отъ слова *леня*) „дѣлѣ въ какомъ ни есть, срокъ ему дать, „судью за собою поставить: занe въ докончаньи писано по крестному „цѣлованью въ Московскіе суды не вступатись ни которому Князю. По „старинѣ бывало, что вси дворы и дворцовыи Великіе Кнегини и Удѣль-„ныхъ Князей всихъ суживалъ Намѣстникъ Большей, а судьи за ними не „бывало; а учинила то Кнегини Великая Софья" (мать Темнаго) „что „судья за ними ставится . . . . А что деревни въ Московскомъ въ Ста-„новомъ (вѣдомствѣ) Удѣльныхъ Князей, и Волостели ихъ судятъ, а до-„ложатъ своего Князя, аже будетъ на Москвѣ; а не будетъ, и имъ доло-„житъ Велик. Князя или Большаго Намѣстника; а по инымъ городомъ не „водитъ къ докладу. А поимаютъ Тферитина съ поличнымъ на Москвѣ, „а отсылки и судьи за нимъ нѣтъ, а судятъ и казнятъ его на Москвѣ; „а поимаютъ въ леномъ дѣлѣ, ино его дать на поруцѣ, а искать на немъ „во Тфери."

(403) См. *Посланіе Рос. Митрополитовъ* въ Синод. Библіот. No 164. л. 438. Фотій пишетъ: „Который человѣкъ позовется на *поле*, да придетъ „къ которому Попу причаститися, ино ему Св. причастія нѣтъ, ни цѣ-„лованія крестнаго; а который Попъ дастъ ему Св. причастіе, тотъ По-„повства лишенъ. А кто утепетъ лѣзши на поле, погубитъ душю, по „Великого Василья слову и душегубецъ именуется, въ церковь не входитъ, „ни доры не пріемлетъ, ни Богородицына хлѣба, причащенія же Св. не „пріемлетъ 18 лѣтъ; а убитого не хоронити; а который Попъ того по-„хоронитъ, тотъ Поповства лишенъ."

(404) Сію грамоту нашелъ я въ Синодальной лѣтописи подъ No 348 на первомъ листѣ. Вотъ она: „Судитъ Владычню Намѣстнику, аже Попъ, „или Дьяконъ, или противу Черница, или Чернецъ; а будетъ оба непро-„стыи люди, церковныи, ино не судити Князю, ни Посаднику, ни судьямъ „не судитъ: занеже тотъ судъ Владычня Намѣстника. А будетъ одинъ

„человѣкъ простый истецъ мірянинъ, а не церковный человѣкъ съ церков-„нымъ, то судить Князю и Посаднику съ Владычнимъ Намѣстникомъ „вътчи, также и судьямъ. Которой человѣкъ имется за конь, или за „корову, или за иную скотину, чтобы и за собаку, и тотъ млъвитъ, то „у мене свое рощеное: ино правда дати, какъ что ся рощеное. Кто предъ „господою ударитъ на судѣ своего истьца, ино его въ рубли выдати то-„му человѣку, а Князю продажа: боранъ присужати 6 денегъ, а за овцу „10 денегъ Государю, а судьи 3 деньги и старая правда; за гусакъ и за „гусыню присужати по двѣ деньги Государю, а судьи 3 деньги; за ути-„цу и за селезеня, и за курицу и за кочетъ, присужати по двѣ деньги . . „Кто съ кимъ напьяни помѣнится чимъ, или что купитъ а потомъ прос-„пятся, и одному истьцу нелюбо будетъ, ино имъ размѣнитися, а въ „томъ цѣлованіа нѣтъ, не присужать. Княжимъ людемъ корчмы по дво-„рамъ не държати, ни во Псковѣ, ни на пригородѣ. ни въ ведре, ни въ ко-„рецъ, ни бочкою меду не продавати. Кто зажоги на комъ учнетъ со-„чить, ино на вольную роту възвать вольно. Кто у кого бороду вырветъ, „а послухъ опослушествуетъ, ино ему крестъ цѣловати, и битися на „полѣ; а послухъ изможетъ, ино за бороду присужати два рубля и за „бой, а послуху быти одному. Кто корову купитъ за слюблено, а по „торговли телятъ не сочитъ, а толко корова кровію помачиватся иметъ: „ино тая корова назадъ воротити, чтобы и денги заплачены были. Жон-„ки съ жонкою присужати поле, а наймиту отъ жонки не быти ни съ „одну сторону. Кто учнетъ на комъ сочитъ бою 5 человѣкъ или 10, или „сколько ни будетъ, на 5 боевъ или на-одномъ, да упяжутъ: ино имъ при-„сужати всимъ, за вси боеви, единъ рубль, и Княжая продажа одна."

Судная грамота Новогородская находится въ Пушкинскомъ собраніи Двинскихъ грамотъ и писана въ 1471 году. Сообщаемъ оную здѣсь:

„Господы Великихъ Князей, В. К. Ивана Васильевича всея Руси, и сы-„на его, В. К. Ивана Ивановича всея Руси, и по благословенью наречен-„наго на Архіепископство В. Новагорода и Пскова Священноинока Ѳео-„фила, се покончаша Посадники Новгородскіе, и Тысяцкіе Новгородскіе, „и Бояре, и Житьи люди, и купци, и черные люди вся пять Концовъ, „весь Государь Великій Новгородъ на Вѣчѣ на Ярославлѣ Дворѣ, наречен-„ному на Архіепископство В. Новагорода и Пскова Священному Иноку „Ѳеофилу судити судъ свой, судъ Святительскій по Святыхъ Отецъ пра-„вилу, по Номоканону; а судить ему всѣхъ ровно, какъ Боярина, такъ и „Житьего, такъ и молодчего человѣка. А Посаднику судити судъ свой „съ Намѣстники Великого Князя по старинѣ; а безъ Намѣстниковъ По-„саднику суда не кончати. А Намѣстникомъ Великого Князя и Тіуномъ „пересудъ свой вѣдати по старинѣ. А Тысецкому судить свой судъ, а „судитъ имъ право по крестному цѣлованью. А сажати въ суду по два „человѣка. А кто кого въ суду посадитъ, ино тотъ съ тѣмъ и вѣдает-„ся. А Посадника и Тысецкого и Владычня Намѣстника и ихъ судей съ „суда не збивати. А истцю на истца наводки не наводить, ни на По-„садника, ни на Тысецкого, ни на Владычня Намѣстника, ни на иныхъ су-„дей, ни на докладщиковъ. А кто наведетъ наводку на Посадника, или на

„Тысецкого, или на Владычня Намѣстника, или на иныхъ судей, или на „докладщиковъ, или истецъ на истца у суда, или у доклада, или у поля, „ино взять Великимъ Княземъ и В. Новугороду на виноватомъ: на Бояринѣ 50 рублевъ, а на Житьемъ двадцать рублевъ, а на молодшемъ 10 „руб. за наводку; а истцу убытки подойметъ. А кому будетъ о землѣ „дѣло, о селѣ, или о дву, или больши, или менши: ино ему до суда на землю не наѣжжать, ни людей своихъ не насылать, а о землѣ позвати къ „суду. А утяжетъ въ землѣ, ино взяти ему грамота у судьи въ землѣ и „въ убыткѣ на истцѣ; а отъ земли судьѣ кунъ не взять. А отъ суднаго „рубля взять Владыкѣ, и его Намѣстнику, и Ключнику отъ печати гривна; а отъ безсуднаго рубля отъ грамоты взять Владыкѣ и его Намѣстнику и Ключнику три денги. А Посаднику и Тысецкому, и ихъ судьямъ, и инымъ судьямъ имати отъ суднаго рубля по семи денегъ, а отъ „безъсуднаго рубля по три денги. А орудье судить Посаднику и Тысецкому, и Владычню Посаднику, и ихъ судьямъ, и инымъ судьямъ мѣсяцъ; „а далѣ того имъ орудья не волочить. А кто на комъ поищетъ наѣзда, „или грабежа въ земномъ дѣлѣ: ино судити напередъ наѣздъ и грабежъ; а „о земли послѣ судъ. А кого утяжутъ въ наѣздѣ и въ грабежѣ, ино взять „Великимъ Княземъ и В. Новугороду на виноватомъ: на Бояринѣ 50 рублевъ, а на Житьемъ 20 рублевъ, а на молодчемъ 10 рублевъ; а истцю „убытки подойметъ. А о землѣ судъ, а не будетъ суда въ Новѣгородѣ; „а о наѣздѣ и грабежѣ судъ. А кой истецъ похочетъ искать наѣзда, или „грабежа и земли вдругъ: ино другому истцю ему отвѣчать. А утяжетъ „въ землѣ, и въ наѣздѣ и въ грабежи, и судьѣ дать на него грамота въ „землѣ и въ наѣздѣ и въ грабежи. А кто кого утяжетъ въ землѣ и судную грамоту возметъ, ино ему ѣхать на свою землю по судной грамотѣ, да и володѣть ему тою землею; а въ томъ пени нѣтъ. А въ которомъ дѣлѣ позоветъ истецъ истца, а поищетъ своего дѣла, а будетъ тому истцю до своего истца дѣло: ино ему позвать своего истца, а поискать ему одиного жъ дѣла; а иныхъ позвовъ на него не класти въ иномъ „дѣлѣ, ни Новгородцовъ не научивати безъ хитрости по крестному цѣлованью, доколѣ тѣ суды кончаютъ. А кто на комъ какова дѣла поищетъ, а креста не цѣловавъ на сей грамотѣ: ино крестъ поцѣловавъ одинова, да искать; а кому будетъ отвѣчивать, а креста не цѣловавъ на сей „грамотѣ, ино ему крестъ поцѣловавъ да отвѣчать; а не поцѣловавъ „креста, тымъ его и обинить. А отъ коего истца отвѣтчикъ станетъ „на судъ, а истецъ тотъ будетъ креста не цѣловинъ на сей грамотѣ: ино „тому истцю крестъ цѣловать одинова, а отвѣтчику въ его мѣсто отвѣчивать; а не поцѣлуетъ креста, ино тѣмъ его и обинить. А кому будетъ какое дѣло до Старѣйщей жены, или до Житьей кой вдовы, а у „коей есть сынъ, ино сыну ее цѣловать крестъ на сей грамотѣ за собя „и за матерь одинова; а не поцѣлуетъ сынъ креста за матерь, ино цѣловать крестъ матери одинова у собя въ дому передъ истцомъ и передъ „приставы Новгородскими, а цѣловать Боярину и Житьему, и купцю, „какъ за свою землю, такъ и за женнину. А позовутъ Боярина и Житьего и купца въ его землѣ, или въ женнинѣ: ино ему отвѣчать, или от-

„вѣтчика послать въ свое мѣсто и въ женнино, по тому крестному цѣ-
„лованью; а отвѣтчику съ послухомъ на учанѣ крестъ цѣловать. А при
„которыхъ докладчикѣхъ судъ роскажетъ, ино тѣмъ докладчикомъ тотъ
„судъ кончать; а судьямъ какъ роскащики укажутъ, *ино коему ни-есть*
„судьѣ велѣти своему Дьяку тое дѣло записать; а роскащикомъ къ тѣмъ
„спискомъ свои печати приложить. А послуху на послуха не быть. А Иско-
„витину не послуховать, ни одерноватому холопу. А холопъ на холопа по-
„слухъ. А кто съ кѣмъ пошлется на послуха, ино взять закладъ шестнику
„на сто верстъ по старинѣ, а Подвойскимъ и Софьяномъ, и Биричемъ, и
„извѣтникомъ на сто верстъ четыре гривны. А кой истецъ скажетъ
„послуха далѣ ста верстъ, а похочетъ и другой истецъ слаться на того
„послуха: ино слаться на него; а не вохочетъ другой истецъ слаться да-
„лѣ ста верстъ, ино поставить ему своего послуха у суда: а срокъ ему
„взять на послуха на сто верстъ по три недѣли; а закладъ дать вино-
„ватому истцю на сто верстъ шестнику. А кто съ кѣмъ ростяжется
„о землѣ, а почнетъ просить сроку на управы, или на шабары: ино ему
„дать одинъ срокъ на сто верстъ три недѣли; а далѣ и ближе, а по по
„числу; а ему сказать шабра своего на имя, за кѣмъ управы лежать по
„крестному цѣлованью; да и по руцѣ ему ударити съ истцомъ своимъ; а
„Посаднику приложить къ срочной грамотѣ своя печать, а иному сроку
„не быть; а отъ сроку взять гривна. Также и инымъ судьямъ давать
„срокъ потомужъ. А кой истецъ не возметъ срочной за печатью, ино
„тѣмъ его и обинить тому судьѣ, передъ коимъ судъ былъ; а сроку не
„ждать, а о иныхъ дѣлѣхъ срокъ по старинѣ. А въ Тіунѣ одринѣ быти
„по приставу съ стороны, людемъ добрымъ, да судити имъ въ правду,
„крестъ поцѣловавъ на сей на крестной грамотѣ. А докладу быти во
„Владычнѣ комнатѣ, а у докладу быть изъ Конца по Боярину да по
„Житьему, коимъ людямъ въ судѣ сидѣти, да и приставомъ; а иному ни-
„комуже у доклада не быть. А докладчикомъ садиться на недѣлю по
„трижды: въ Понедѣльникъ, въ Среду и Пятокъ. А кой докладчикъ не
„сядетъ на тотъ день, ино взять на Бояринѣ два рубли, а на Житьемъ
„рубль. А докладчикомъ отъ доклада посула не взять, а у доклада не
„дружить никоею хитростію по крестному цѣлованью. А кому сѣсти
„на докладѣ, ино ему крестъ цѣловать на сей на крестной грамотѣ од-
„нова. А Посаднику и Тысяцкому, и Владычню Намѣстнику, и ихъ *судь-
„ямъ*, и инымъ судьямъ всимъ крестъ цѣловать, да судить имъ въ прав-
„*ду*. А земное орудье судити два мѣсяца; а больши дву мѣсяцъ не воло-
„чити. А какъ межникъ пріѣдетъ съ межи, ино той судъ кончати
„въ другіе два мѣсяца потомужъ Посаднику, а далѣ не волочить. А кой
„Посадникъ межника давъ, а поѣдетъ прочь изъ города не кончавъ то-
„го суда, ино Великимъ Княземъ и В. Новугороду на томъ Посадникѣ
„50 рублевъ, а истцю убытки подойметъ; или Тысетской поѣдетъ прочь
„изъ города не кончавъ суда, или Владычень Намѣстникъ, ино взять Ве-
„ликимъ Княземъ и В. Новугороду 50 рублевъ; а истцю убытки подой-
„метъ. А не кончаетъ судья земного орудья въ два мѣсяца, ино истцю
„взять на него приставы у В. Новагорода, ино ему тотъ судъ кончати

„передъ тыми приставы; а не укажутъ судъ и докладчики въ тую два „мѣсяца, ино ити судьѣ съ истцомъ къ В. Новугороду, да взяти пристава на докладчиковъ: а докладчикомъ указати судъ, и тое дѣло передъ „тыми приставы; а судьѣ кончати истцю тое дѣло передъ тѣмижъ при„ставы. А буде ли истци у коего судьи возмутъ срокъ и срочные за „печатьми, а той судья перемѣнится, а кто будетъ судья на его мѣсто, „ино тымъ истцомъ стать передъ тыми судьями, да и срочные свои по„ложити на той срокъ: а тому судьѣ судити той судъ, да и кончати. „А одинъ истецъ станетъ на тотъ срокъ передъ судьею, да и срочную „свою грамоту положитъ, а другой не станетъ, ино тому судьѣ дати на „него грамота; да и срочная грамота къ той же ему грамотѣ припеча„тать, а отсылки ему не отсылати. А во чье будетъ мѣсто отвѣт„чикъ срокъ взялъ, а до того сроку сведется отвѣтчику смерть: ино „на той срокъ стать самому истцю, или иного отвѣтчика поставить „въ свое мѣсто; а не станетъ самъ, или иного отвѣтчика не поставитъ, „ино тымъ его и обинить. А кто кого утяжетъ въ татьбѣ съ полич„нымъ, или въ разбоѣ, или въ грабежи, или въ поголовщинѣ, или въ хо„лопствѣ, или о полевой грамотѣ: ино взять судьямъ отъ судной гра„моты 4 гривны, а отъ безсудной 2 гривны. А кто на кого возметъ „грамоту судную, а будетъ ему дѣло до судьи, или до истца: ино ему „переговариваться съ ними мѣсяцъ; а не почнетъ переговариваться въ „тотъ мѣсяцъ, ино взять на него приставы съ Вѣча, да имать его въ „городѣ и въ селѣ съ тыми приставы; а почнетъ хорониться отъ при„ставовъ, ино его казнить всимъ Великимъ Новымгородомъ. А кого опо„слушествуетъ послухъ, ино съ нимъ увѣдается въ двѣ недѣли; а въ тѣ „двѣ недѣли не дастся послухъ позвати, ино позвати истца; а послухъ „истьцъ хорониться, ино то послушство не въ послушство; а другого „истца тымъ и оправить. А кто не почнетъ позывать въ тѣ двѣ недѣ„ли послуха, или истца, ино дать на него грамота судная по тому по„слушству. А кому будетъ дѣло до Владычня человѣка, или до Бояр„ского, или до Житейского, или до купецкого, или до монастырского, „или до Кончанского, или до улицкого, въ волости о татьбѣ, и о роз„боѣ, и о грабежи, и о пожозѣ, и о головщинѣ, и о холопствѣ, а кто „будетъ крестъ цѣловалъ на сей грамотѣ, ино ему речи правое слово, „а рука дать по крестному цѣлованью, что той человѣкъ тать и раз„бойникъ, или грабежщикъ, или пожегщикъ, или душегубецъ, или холопъ. „Ино въ коей волости будетъ отъ Владыки волостель, или посельникъ, „ино имъ поставить того человѣка у суда; а Боярину и Житьему, и „купцу, и монастырскому закащику, и посельнику, и Кончанскому, и „улицкому также своихъ людей ставить у суда, а срокъ взять на сто „верстъ три недѣли, а ближе и далѣ по числу, а до суда надъ нимъ силы „не дѣять; а кто силу доспѣетъ, ино тымъ его и обинить. А кого утя„жутъ, а далъ ся въ грамоту, ино ему у того осподаря въ волости не „жить; а иметъ жить у того осподаря въ волости, а доличать, ино той „государь тѣ убытки подоймет. А пойдетъ жить въ иную во чью во„лость, ино тому государю выдать его тому истцю; а въ иную ему

„волости не отсылати по крестному цѣлованью, ни его людемъ; а о „иныхъ дѣлѣхъ, ино знать истцу истца: и коли не скажетъ кто того че„ловѣка у собя по крестному цѣлованью, да и руку дасть, что тамъ „ему не быти; а уличатъ, что у него въ волости, ино той государь „ему истцу убытки подойметь. А къ коему государю въ иную волость „прибѣжитъ, и ему государю поставить его у суда по крестному цѣ„лованью: а кто не поставитъ, ино взять на томъ закладъ по Новгород„ской грамотѣ. А кто на кого взговоритъ на Владычня человѣка, или на „Боярского, или на Житьего, или на купецкого, или на монастырского, „или на Кончанскаго, или на улицкого, а будетъ самъ креста не цѣловалъ „на сей грамотѣ, и онъ самъ увѣдается съ своимъ истцомъ по своей „исправѣ опрочь осподаря. А кто обѣчается къ суду къ коему дни ино „опослѣ обѣта отсылка къ нему не слать; а не сядетъ судья того дни, „ино коли судья сядетъ, и тогда къ нему отсылка; а не видитъ отсыл„ки, и почнетъ хоронится, ино слать къ нему отсылка въ дворъ трижды, да и Биричемъ кликать; а не станетъ къ суду, ино дать на него „грамота обѣтная: а обѣту больше трехъ денегъ не быти. А имутъ „позовника въ селѣ, а почнутъ надъ ними силу дѣять, ино дать въ по„зовниково мѣсто грамота безсудная, племяннику его или другу. А кто „кого позоветъ въ селѣ позовкою, или Дворяниномъ, ино дать срокъ на „сто верстъ двѣ недѣли, а далѣ и ближе, а то по числу. Отъ Конца „или отъ улицы, и отъ Ста, и отъ Ряду итти истцамъ двѣма человѣкъ; „а инымъ на пособіе не ити къ суду, ни къ росказу. А будетъ наводка „отъ Конца, или отъ улицы, или отъ Ста, или отъ Ряду: ино Великимъ „Княземъ и Вел. Новугороду на тыхъ дву человѣкѣхъ по Новогородской „грамотѣ". . . .

(405) См. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 328.

(406) Король Французскій, Карлъ VII, первый въ Европѣ учредилъ всегдашнее, нераспускное войско въ 1445 году: оно состояло изъ 9000 всадниковъ и 16,000 пѣшихъ.

(407) См. выше, примѣч. 47 и 115, также въ описаніи Митяева путешествія въ Грецію. О Городскихъ Боярахъ см. выше, въ примѣч. 391.

(408) На примѣръ, Василій Темный въ 1433 году вооружилъ Московскихъ купцевъ для битвы съ дядею.

(409) См. выше, примѣч. 81, описаніе Куликовской битвы, похода Димитріева противъ Ольгерда въ 1372 году и Василія Темнаго противъ Шемяки въ 1450.

(410) Димитрій Волынскій или Волынецъ находился въ засадѣ съ Владиміромъ *Храбрымъ* и рѣшилъ судьбу Куликовской битвы. Василій Оболенскій разбилъ Шемяку подъ Галичемъ въ 1450 году. Басенокъ отличился въ разныхъ случаяхъ.

(411) См. Окольскаго Orb. Polon. III, 318. Они ходили тогда подъ начальствомъ Предислава Ланцкоронскаго къ Турецкому Бѣлугороду или Акерману въ числѣ 1200 человѣкъ.

(412) См. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 218 и 347.

(413) Т. I, примѣч. 388.

(414) См. *Лѣтопись Малорос.*, Piasecii Chronicon, Hist. Belli Cosacco-Polonici, *authore Samuele Grondsky*, и *Миллер*. Ursprung der Kosaken, въ Samml. Russ. Gesch. T. IV.

(415) Болтинъ пишетъ, что Ханскіе Баскаки имѣли при себѣ воиновъ, называемыхъ *Козаками*, и что городы наши, подражая имъ, завели своихъ *Козаковъ*: въ лѣтописяхъ нѣтъ того.

(416) Сіе слово въ Турецкомъ языкѣ есть новое и произошло отъ разбоевъ Козацкихъ. — Нѣкоторые иностранные Писатели производятъ названіе Козакъ отъ *косы. козы, козячки, Козаровъ. Кипчака*, и проч. У насъ есть рукописное сочиненіе *о Козакахъ Запорожскихъ*, гдѣ сказано, что они уже существовали въ 948 году; что какой-то Семенъ вышелъ изъ Польши къ устью Буга, основалъ свое жилище на одной косѣ, донынѣ именуемой *Семеновымъ рогомъ*, и приманилъ туда болѣе ста человѣкъ; что они, сшивъ себѣ одежду изъ *козьихъ* шкуръ, назвались *Козарами*, служили Греческому Императору противъ Турковъ, въ награду за мужество получили отъ него имя *Козаковъ* и перешли жить на берегъ Днѣпра, къ Очакову, снискавъ особенную милость Государей Польскихъ. Сія басня изобрѣтена однимъ изъ ученыхъ Запорожцевъ. — Донынѣ *Козаками* именуютъ у насъ *вольныхъ* работниковъ или наемниковъ.

(417) См. Т. II, примѣч. 419, и выше, примѣч. 32. Италіанскій купецъ, І. Барбаро, отъ 1436 до 1452 года жилъ въ Азовѣ и проѣзжалъ чрезъ Россію: путешествіе его, Viaggio di Messer Iosafa Barbaro alla Tana, напечатано въ собраніи историческихъ твореній, изданныхъ Рамузіемъ. Въ двухъ послѣднихъ главахъ онъ пишетъ о Россіи, но сказываетъ мало любопытнаго: всѣ мѣста отъ Москвы до границы Литовской казались ему печальною степью, гдѣ видны были развалины селеній и нѣсколько хижинъ.

(418) См. въ Т. II *Поученіе или Духовную Мономаха*, гдѣ онъ разсказываетъ дѣтямъ о своей ловлѣ. См. также въ концѣ описанія временъ Донскаго Путешествіе Митрополита Пимена въ Царьградъ. Ханы посылали къ намъ ловить лебедей (*см. Т. IV, примѣч. 167*). Въ *Уложеніи* Царя Алексія Михайловича еще говорится о бобровыхъ ловахъ близъ Москвы.

(419) Въ Бержерон. Voyages, стр. 162: Les Ruthéniens occupent une très grande province, qui s'étend presque jusqu'au pole arctique. Ils sont Chrétiens, selon les rites des Grecs; ils sont blancs et beaux, tant les hommes que les femmes; ils ont les cheveux plats. Ils paient tribut au Roi des Tartares, auxquels ils sont voisins du coté de l'Orient. Il y a aussi chez eux une grande quantité de pelleteries precieuses, et ils ont beaucoup de mines d'argent; mais le pays est très froid: parcequ'il s'étend du coté de la mer glaciale. Il y a cependant quelques îles dans cette mer, ou l'on trouve des Griffons, des hérodiens, et des faucons en abondance, et que l'on transporte en differentes parties du monde. См. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 88, Сарторія Gesch. des Hanseat. Bundes, Ч. I, стр. 189-198, и Ч. II, стр. 428-474.

(420) Т. IV, примѣч. 223, и выше, примѣч. 260. Новогородцы въ 1316 году обязывались заплатить Михаилу Тверскому, по сказанію Лѣтописца, 50,000 гривенъ или 25,000 фунтовъ серебра; но въ грамотѣ означено

только 12,000 гривень. Въ договорахъ и въ завѣщаніяхъ Княжескихъ часто опредѣляется соразмѣрность между общею и частною Ханскою данію, платимою Великимъ Княженіемъ; на примѣръ, Князь Юрій Димитріевичь пишетъ въ завѣщаніи: „Звенигороду (платить) въ *семитысячной* выходъ *пять сотъ рублевъ и одиннадцать рублевъ, а* Галичю *пять сотъ рублевъ и полтритцать рублевъ*: изъ чего Штриттеръ заключилъ, что Великіе Князья платили Ханамъ ежегодно 7000 рублей; но вѣроятнѣе, что сіе количество серебра было только *частію* ежегодной дани, опредѣленною для срочнаго взноса въ Ханскую казну; можетъ быть, взносили серебро по-третямъ; можетъ быть также, что дань расчисляли по городамъ, и что одна Москва платила 7000 рублей. — О деревняхъ см. выше, примѣч. 103. Если на деревню полагать кругомъ четыре земледѣльца, то въ семъ году 7000 рублей собиралось съ пятидесяти-шести тысячь земледѣльцевъ (надобно вспомнить, что тогдашній рубль содержалъ въ себѣ пять нынѣшнихъ серебряныхъ).

(421) Слово *деньги* въ смыслѣ пѣнязей употребляется у насъ съ XV вѣка. На примѣръ, въ Новогородской грамотѣ 1471 года (которую сообщимъ въ слѣдующемъ томѣ) сказано: „а дати намъ то серебро Великимъ „Княземъ *деньгами* въ отчетъ, а серебромъ въ отвѣсъ.“ См. выше, примѣч. 244.

(422) Въ *Древн. Рос. Вивліов.* I, 363: „а гостемъ торговати доброволь„но, безъ *зацѣпокъ* и безъ пакости.“ Прежде обыкновенно писали: „безъ „*рубежа* и безъ пакости.“ — При Димитріи Донскомъ уже существовали Галицкія соляныя варницы (см. выше, примѣч. 122). Двиняне вмѣсто денежныхъ пошлинъ давали соль (см. выше, примѣч. 244). Жители Торжка платили Василію Темному съ кожевенныхъ чановъ (см. выше, примѣч. 283). — О Псковскихъ варницахъ см. выше, примѣч. 137, г. 1364, и примѣч. 222.

(423) См. Т. IV, примѣч. 373. Въ *Словарѣ Академическомъ* несправедливо *хартія* названа *бумагою*. Греки называли Египетскій *папиръ* Χάρτον, а Римляне charta; но древній *папиръ* не бумага; у насъ же подъ именемъ *хартіи* всегда разумѣлся пергаменъ (Χάρτον Περγάμης): отъ того названіе *харатейный*, или на *пергаменѣ писанный*. Мы имѣемъ еще нѣсколько харатейныхъ рукописей пятаго-надесять вѣка, но весьма мало. См. выше, примѣч. 136 и 376, также къ описаніи 1451 года.

(424) Послѣ *Спаса на бору* въ Кремлѣ, древнѣйшія церкви сего времени находятся въ Тройцкой Лаврѣ, въ Симоновѣ монастырѣ, и проч. — Въ описаніи Московскаго пожара въ 1445 году упоминается только о каменныхъ церквахъ и стѣнахъ. О палатахъ Архіепископа и Митрополита см. выше, примѣч. 386, г. 1433, 1434, 1436 и 1449. Далѣе см. духовныя завѣщанія Великихъ Князей въ *Собр. Госуд. Грам.*

(425) Ученымъ извѣстенъ любопытный каталогъ сей Библіотеки, сочиненный Г. Матеемъ.

(426) См. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 346, гдѣ приведенъ стихъ Гомеровъ о *лести*. Въ похвалѣ Донскому Сочинитель говоритъ: „мнози бо Фи-

„лософа быша въ міру, но двѣма главѣ быша Философомъ, *Платонъ* и „*Пиѳагоръ*."

(427) См. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 272. Житіе Александра Великаго вписано въ Синодальную Псковскую лѣтопись No 349, подъ слѣдующимъ оглавленіемъ: *Повѣсть о храбрости Александра, Царя Макидонскаго, къ воинствомъ устремляющимися полезно есть слышати. Створивый есть Аріанъ, ученикъ Елинтита Философа. Господи благослови, отче!* Древность слога въ семъ переводѣ указываетъ на XIV или на XIII вѣкъ.

(428) См. выше, примѣч. 65, 76, 79. Первое мѣсто такъ въ подлинникѣ. „Рече же Князь Владиміръ: Господине Княже! Воеводы у насъ вельми крѣп„цы, а Рускія удальцы свѣдомы, имѣютъ подъ собою борзыя кони, а доспѣ„хи вельми тверды, злаченныя колонтари" (латы) „и булатныя *банданы* „и кончаны (кончары, мечи) Фряжскія и *курды* Ляцкія и сулицы Нѣмец„кія, а щиты черленыя, и копья злаченыя, сабли булатныя; а дорога „имъ вельми свѣдома, а береги имъ по Оцѣ изготовлены; хотятъ главы „своя сложити," и проч. Далѣе о плачѣ Евдокіи: „Великая Княгиня и съ „своею *снохою*" (которой не было) „и со инѣми Воеводскими женами взы„де на златоверхій свой теремъ въ набережной и сяде подъ южными окны „и рече: убо конечное зрѣніе зрю на тя, Великаго Князя . . . слези бо „отъ очію ея ліяхуся аки быстрина рѣчная, и воздохнувъ печально, при„ложивши руцѣ къ персемъ, и рече: Господи Боже великій! призри на „мя смиренную: сподоби мя еще видѣти славнаго въ человѣцѣхъ, В. К. Ди„митрія Ивановича; даждь ему помощь на противныя отъ крѣпкія руки „твоея, да побѣдитъ. Не сотвори, Господи, якоже прежде на Калкѣ рѣ„цѣ было Христіаномъ отъ злаго Батыя" (на Калкѣ не было Батыя) . . . „не „даждь погибнути оставшему Христіанству . . . Отъ тоя бо рати Рус„кая земля унылa . . . Азъ же имѣю два отрасли, но еще малы суть: егда „повѣетъ ихъ вѣтръ съ Юга или съ Запада, не могутъ терпѣти, и ни на „чтоже опираяся; или зной поразитъ ихъ, тако же имъ погибнути," и проч.

(429) „Инѣмъ бо человѣкомъ въ начадцѣхъ похваленіе бываетъ, инѣмъ „бо во средовѣчіе, другимъ же въ старость: сій же убо весь съ похва„лою добродѣтели вся лѣта живота своего сврьши . . . Богомъ дарован„ную пріимъ власть, и съ Богомъ веліе царство сътвори . . . и вскипѣ зе„мля Руская въ дне Княженія его . . . Бываетъ же (Димитрій) другомъ стѣ„на и твердь, противнымъ же мечь и огнь . . . Князи Руськыя въ области „своей крѣпляше, но тихъ въ нарядѣ и Вельможамъ увѣтливъ бываше . . . „Высокый умъ, смиреный смыслъ . . . Красенъ бѣ взоромъ и чистъ душею . . . „вмалѣ глаголаше, а много разумѣваше; предсѣданіемъ словесъ учитель „препираше, и Философъ уста смотрѣніемъ заграждаше . . . . Яко отецъ „міру, око слѣпымъ, нога хромымъ, труба спящимъ . . . Егда же успе вѣч„нымъ сномъ великій Царь Димитрій Рускыя земли, аэръ възмутися, „земля трясашеся и человѣци смятошася . . . день той день скорби и ту„ги, день тмы и мрака, день захлипанія и кричанія; но токмо слышахъ на„родъ глаголющь; *о горе намъ, братье! Князь Княземъ успе; звѣзда сіяю„ща всему міру къ западу грядеть!* . . . . Обѣма" (Димитрію и супругѣ его) „едина душа бѣ, двѣ тѣлѣ носяще, и единое обѣма добродѣтельное

„житье, яко злапопрьсенный голубь и сладкоглаголивая ласповица съ умилє„ніемъ смотряху своего спасенія въ чистѣй совѣсти.“ Здѣсь соединилъ я мѣста разсѣянныя въ подлинникѣ. Слѣдуетъ плачь Евдокіи: „Видѣвъ его Княгини (Княгиня) мертва на постели лежаща, всплакася горкымъ гласомъ, „огненныя слезы отъ очію испущающе, въ перси своя рукама біющи, яко „труба ратъ повѣдающи, яко ластовица рано шепчюща и арганы сладко„вѣщающи, и глаголюще: Зайде свѣтъ отъ очію моею! Гдѣ отходиши, „скровище живота моего? Почто не промолвиши ко мнѣ, утроба моя, „къ женѣ своей? Цвѣте прекрасный! что рано увядаеши? Винограде мно„гоплодный! уже не подастъ плода сердцу моему и сладости души мо„ей! Чему, господине мой милый, не возриши на мя? Чему не обратиши„ся ко мнѣ на постели своей? Уже ли мя еси забылъ, мене и дѣти свои? „Чему имъ отвѣта не даси? Кому ли мене приказываеши?... Царю мой „милый! како пріиму тя? како тя обойму? или како ти послужю? Гдѣ, „господине, честь и слава твоя? Господинъ всей земли Руской былъ еси: „нынѣ мертвъ лежиши, никимъ же владѣеши! Многы страны примирилъ „еси: нынѣ же смертью побѣженъ еси! Измѣнися слава твоя и зракъ ли„ца твоего превратися въ истлѣніе. Животе мой! како нажилуюся те„бе?.. За многоцѣнныя багряница худыя сія и бѣдныя ризы пріемлеши; „не моего наряда одѣяніе на себе возлѣваеши, и за Царскый вѣнецъ ху„дымъ симъ платомъ главу покрываеши; за палату красную гробъ сій прі„емлеши!... Аще Богъ услышитъ молитву твою, помолися о мнѣ, Княгини твоей: вкупѣ жихъ съ тобою, да вкупѣ нынѣ и умру! Уность не „отъиде отъ насъ, а старость не постиже насъ... Не много, господине, „нарадовахся съ тобою: за веселіе печаль и слезы пріидоша ми, за утѣ„ху и радость сѣтованіе и скорбь яви ми ся. Почто родихся? и родив„ся преже тебе како не умрохъ, дабыхъ не видѣла смерти твоея и сво„ея погибели? Не слышишь ли бѣдныхъ моихъ словесъ? не смилять ли ся „мое горкая слезы? Крѣпко еси, господине мой драгій, уснулъ; не могу, „разбудити тебе. Съ которыя войны еси пришелъ? истомился еси вел„ми. Звѣри земніи на ложе свои идуть, а птица небесна ко гнѣздомъ сво„имъ летятъ: ты же, господине, отъ своего дому не красно отходиши. „Кому уподоблюся? како ся нареку? Вдова ли ся нареку? не знаю азъ „сего. Жена ли ся нареку? остала есмь Царя. Старыя вдовы потѣшай„те мене, а младыя вдовы поплачите со мною! вдовья бо бѣда горчае „всѣхъ... Великій мой Боже, Царь Царемъ! заступникъ ми буди! Пречи„стая Богородице! не остави мене въ время печали моея!“

(430) Новогородцы *протскали* свою вольность.

(431) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 261, и главу *о состояніи древней Россіи*, гдѣ мы говоримъ о Словесности.

(432) Въ сіе время уже начинали писать *полкъ*, а не *плъкъ* — *перстъ*, а не *прьстъ* — *сверши*, а не *свършши*, и проч.

КОНЕЦЪ ПРИМѢЧАНІЙ V ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ
V ТОМА.

Стран.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ ІОАННОВИЧЬ ДОНСКІЙ.

Гнѣвъ Ханскій. Стѣсненіе Князей Удѣльныхъ. Договоръ. Усмиреніе Князя Нижегородскаго. Язва. Великій пожаръ. Каменный Кремль. Частныя побѣды надъ Моголами. Разбои Новогородской вольницы. Междоусобія Тверскихъ Князей. Запустѣніе Херсона. Нашествіе Литвы. Война съ Орденомъ. Сила Мамая. Вторичное нашествіе Ольгерда. Благоразуміе Михаила Тверскаго. Любовь народная къ Димитрію. Знаменія. Возвращеніе Вел. Князя изъ Орды. Война съ Олегомъ. Новое впаденіе Литвы. Междоусобіе. Третіе нашествіе Ольгерда. Избіеніе Татаръ въ Нижнемъ. Послѣдній Тысячкій въ Москвѣ. Война съ Тверскимъ Княземъ. Первая смертная казнь въ Москвѣ Походъ въ Болгарію. Начало Казани. Нашествіе Моголовъ. Пословица. Побѣда надъ Моголами. Успѣхи въ войнѣ съ Литвою. Дѣла церковныя. Нашествіе Мамаево. Измѣна Олегова. Славная битва Куликовская. Тамерланъ. Нашествіе Тохтамыша. Мужественный Князь Остей. Приступъ къ столицѣ. Вѣроломство Тохтамыша. Взятіе и разрушеніе Москвы. Скорбь Димитрія. Изгнаніе Олега. Возстановленіе Москвы. Изгнаніе Митрополита. Ненависть Князя Тверскаго къ Димитрію. Сынъ Димитріевъ въ Ордѣ. Тяжкая дань. Миръ съ Олегомъ. Ссора и миръ съ Новымгородомъ. Крещеніе Литвы. Жестокость Князя Смоленскаго. Бѣгство сына Димитріева изъ Орды. Смерть Князя Нижегородскаго. Вражда между В. Княземъ и Владиміромъ. Ихъ примиреніе. Новый порядокъ наслѣдства. Кончина Вел. Князя. Свойства Димитріевы. Строеніе городовъ и монастырей. Дѣла церковныя. Ересь Стригольниковъ. Крещеніе Перми.

Стран.

Сношенія съ Греціею. Путешествіе Пимена. Италіянцы въ нашей службѣ. Деньги вмѣсто кунъ. Огнестрѣльное искусство въ Россіи. Кометы. Зима до 20 Апрѣля 5

Г. 1363 — 1389.

ГЛАВА II.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ДИМИТРІЕВИЧЪ.

Великое Княженіе сдѣлалось наслѣдіемъ Владѣтелей Московскихъ. Характеръ Аристократіи. Договоръ. Политика Василіева. Бракъ. Великій Князь въ Ордѣ. Разореніе Вятки. Нижній Новгородъ и Суздаль присоединены къ Москвѣ. Дѣла съ Новымгородомъ. Нашествіе Тамерлана. Славная икона Владимірская. Бѣдствіе Азова. Дѣла Литовскія. Взятіе Смоленска. Свиданіе Вел. Князя съ Витовтомъ. Россія Литовская. Дѣла Новогородскія. Происшествія въ Ордѣ. Замыслы Витовта. Наши завоеванія въ Болгаріи. Война Витовтова съ Моголами. Эдигей. Кончина Князя Тверскаго. Временная независимость Велик. Княженія. Удача и неблагоразуміе Князя Смоленскаго. Политика Витовта. Неудовольствія Новогородцевъ. Злодѣйство Князя Смоленскаго. Разрывъ съ Литвою. Свидригайло. Войны съ Ливоніею. Нашествіе Эдигея. Письмо Эдигеево. Кончина Владиміра Храбраго. Происшествія въ Ордѣ. Дѣла Новогородскія. Язва. Голодъ. Мысль о преставленіи свѣта. Кончина и характеръ Василія. Завѣщаніе. Договоръ съ Рязанскимъ Княземъ. Дары посланные въ Грецію. Дочь Василіева за Императоромъ. Дѣла церковныя. Судная грамота. Разныя извѣстія. Добродѣтель супруги Донскаго . . . . 120.

Г. 1389 — 1425.

ГЛАВА III.

В. К. ВАСИЛІЙ ВАСИЛІЕВИЧЪ ТЕМНЫЙ.

Чудо. Междоусобіе. Язва. Нашествіе Литвы. Съѣздъ въ Литвѣ. Характеръ Витовта. Происшествія Литовскія. Набѣги Татаръ. Судъ въ Ордѣ. Междоусобія. Злодѣйство. Распря съ Новымгородомъ. Рожденіе Іоанна Великаго. Дань Ординская. Изгнанный Ханъ въ Бѣлевѣ. Царство Казанское. Смерть Димитрія Краснаго. Соборъ Флорентійскій. Новая вражда. Дѣла Новогородскія. Войны. Храбрость Мустафы. Нашествіе Царя Казанскаго. Плѣнъ Великаго Князя. Ужасъ и бѣдствіе Москвы. Разбой Князя Тверскаго. Освобожденіе Василія. Землетрясеніе. Злодѣйство Шемякино. Ослѣпленіе Вел. Князя. Безрасудность Шемяки. Пословица. Вѣроломство. Смиреніе Василія. Обрученіе юнаго Іоанна. Изгнаніе Шемяки. Клятва. Благоразумное правленіе Василіево. Булла Папы. Іоаннъ Соправитель. Договоры. Достопамятное посланіе. Послѣдняя изъ знаменитыхъ битвъ Княжескаго междоусобія. Нашествіе Татаръ. Смерть Шемяки. Успѣхи Единовластія. Усмиреніе Новагорода. Рязанскій Князь воспитывается въ Москвѣ. Неблагодарность Василіева. Покореніе Вятки. Дѣла Псковскія. Набѣги Татаръ. Кончина и свойства Василіевы. Жестокость тогдашнихъ нравовъ. Суевѣріе. Перемѣна монеты въ Новѣгородѣ. Дѣла церковныя. Взятіе Константинополя Турками. Начало Крымской Орды. . 234.

Г. 1425 — 1462.

ГЛАВА IV.

СОСТОЯНІЕ РОССІИ ОТЪ НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ ДО ІОАННА III.

Сравненіе Россіи съ другими Державами. Слѣдствіе нашего ига. Введеніе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній. Благое дѣйствіе Вѣры. Измѣненіе граж-

Стран.
данскаго порядка. Начало Самодержавія. Медленные успѣхи Единодержавія. Постепенная знаменитость Москвы. Зло имѣетъ и добрыя слѣдствія. Выгоды Духовенства: характеръ нашего. Мы не приняли обычаевъ Татарскихъ. Правосудіе. Искусство ратное. Происхожденіе Козаковъ. Купечество. Изобрѣтенія. Художества. Словесность. Пословицы. Пѣсни. Языкъ . . . . 355.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

V ТОМА.

Напеч.	*Чит.*	*Стран.*	*Стр.*
пятидѣсяти	пятидесяти	65	3
ьъ	въ	78	2
въ томъ;	въ томъ,	85	31
дарамн	дарами	90	2
въ оной,	въ оной),	107	4
и что	,и что	108	14
;Россіянамъ;	Россіянамъ;	110	3
восємь	восемь	128	27
Дамасну	Дамаску	137	21
,но	; но	151	1
Липовскикъ	Липовскимъ	153	10
Ворсклы	Ворсклы,	213	7
междоусобія	междоусобія.	234	23
вѣтренности	вѣтрености	244	29
не дать	не дашъ	314	23
Городскихъ	городскихъ	331	10
Государеву	Княжескую	337	8
что	(что	386	16
но	по	411	32
отца,	отца	416	44
считалось три сохи	считалась треть сохи	432	28
Воложской	Волошской	437	14
устрой	устрои	443	27

Напеч.	*Чит.*	*Стран.*	*Стр.*
Священичества . .	Священства . . .	443	36
иноку	инока ?	444	35
олтарь	олтарь, ...	450	21
Голицинской . . .	Голицынской . . .	453	30
Витовтою . . .	Витовтовою . . .	462	45
побиши	побиша	510	15
преставвся . . .	преставися	517	1
Демоня	Демона	525	44
за	да	551	28
и списаша . . .	исписаша	560	19
Жимоитьской . .	Жомоитьской . . .	570	25

NБ. На стр. 500, строк. 14, слово *уденье* употреблено кажется, въ смыслѣ ранняго *утра*.